Ссылка на материал: https://ficbook.net/readfic/8747230

Небо Лондона

Направленность: Слэш
Автор: natatka (https://ficbook.net/authors/348378)
Беты (редакторы): Ailurus fulgen (https://ficbook.net/authors/205006)
Фэндом: Mo Dao Zu Shi
Пэйринг и персонажи: Лань Хуань/Цзян Чэн, Лань Чжань/Вэй Ин
Рейтинг: NC-17
Размер: 599 страниц
Кол-во частей: 125
Статус: завершён
Метки: Отклонения от канона, Нездоровые отношения, Секс в публичных местах, Dirty talk, Рейтинг за секс, Отношения втайне, Сложные отношения, Викторианская эпоха, Великобритания, Как ориджинал, Секс на природе, Боязнь привязанности, Псевдоисторический сеттинг, BDSM, OOC, Нецензурная лексика, ОМП, ОЖП, Кинки / Фетиши, Романтика, Психология, AU, Эксперимент, UST, Повторение судьбы

Описание:
Чейз Цзян… Имя резкое, хлесткое, как щелчок бича – под стать владельцу. Эта небрежность, с которой полицейский откидывал челку со лба. Черные с лиловыми искорками глаза, чуть раскосые, как у какого-то пра. Представители семьи Лань всегда были образцом благоразумия и сдержанности, славились безупречным поведением. Если б кто-то догадывался, чего стоит Хавьеру быть сдержанным и благоразумным в присутствии детектива и осаживать себя каждый раз, когда Чейз отпускает очередное крепкое словцо.

Публикация на других ресурсах:
Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:
Анна Цзян – Цзян Янь Ли
Вэйд Инн – Вэй Ин
Женевьева Винс – Вэнь Жо Хань
Йен Мэйсон – Мэн Яо
Мэттью Нэттли – Не Мин Цзюе
Николас Уэйн – Вэнь Нин
Санфорд Нэттли – Не Хуай Сан
Стюарт Чаттер – Цзинь Цзы Сюань
Сэмюэль Сайкс – Сяо Синчэнь
Хавьер Лань – Лань Хуань
Хьюго Джеральд Лань – Лань Ци Жэнь
Чейз Цзян – Цзян Чэн
Честер Лань – Лань Чжань
Юфимия Цзян – Юй Цзы Юань
Ян Сюрэй – Сюэ Ян

Оглавление

Оглавление 2
Часть 1 6
Примечание к части 7
Часть 2 8
Примечание к части 9
Часть 3 10
Часть 4 12
Часть 5 15
Часть 6 18
Часть 7 21
Часть 8 24
Часть 9 26
Часть 10 28
Примечание к части 29
Часть 11 30
Часть 12 32
Часть 13 34
Часть 14 36
Часть 15 38
Часть 16 41
Часть 17 43
Часть 18 45
Часть 19 47
Часть 20 49
Часть 21 51
Часть 22 53
Часть 23 55
Часть 24 57
Часть 25 60
Часть 26 62
Часть 27 64
Часть 28 67
Часть 29 69
Часть 30 71
Часть 31 73
Часть 32 75
Часть 33 78
Часть 34 80
Примечание к части 81
Часть 35 82
Часть 36 84

Часть 37 87
Часть 38 90
Примечание к части 92
Часть 39 93
Часть 40 95
Примечание к части 97
Часть 41 98
Часть 42 100
Часть 43 102
Примечание к части 103
Часть 44 105
Часть 45 107
Часть 46 110
Примечание к части 112
Часть 47 113
Часть 48 115
Примечание к части 117
Часть 49 118
Часть 50 120
Часть 51 123
Часть 52 125
Часть 53 128
Часть 54 130
Часть 55 133
Часть 56 136
Примечание к части 137
Часть 57 139
Примечание к части 140
Часть 58 142
Часть 59 144
Часть 60 147
Часть 61 150
Часть 62 153
Часть 63 156
Часть 64 159
Часть 65 162
Часть 66 164
Примечание к части 165
Часть 67 166
Часть 68 168
Часть 69 171
Часть 70 173
Часть 71 175

Часть 72 178
Часть 73 180
Часть 74 182
Часть 75 185
Часть 76 188
Часть 77 190
Часть 78 193
Часть 79 196
Часть 80 199
Примечание к части 201
Часть 81 202
Часть 82 205
Часть 83 207
Часть 84 209
Часть 85 212
Часть 86 215
Часть 87 218
Часть 88 221
Часть 89 224
Часть 90 226
Часть 91 229
Часть 92 231
Примечание к части 233
Часть 93 234
Примечание к части 236
Часть 94 237
Часть 95 240
Часть 96 242
Часть 97 245
Часть 98 248
Примечание к части 249
Часть 99 250
Часть 100 253
Часть 101 255
Часть 102 258
Часть 103 261
Примечание к части 262
Часть 104 263
Часть 105 265
Часть 106 267
Примечание к части 268
Часть 107 269
Примечание к части 271

Часть 108 272
Часть 109 275
Часть 110 277
Часть 111 279
Часть 112 282
Часть 113 285
Часть 114 288
Часть 115 291
Часть 116 294
Часть 117 297
Часть 118 299
Часть 119 302
Примечание к части 304
Часть 120 305
Эпилог 308
Примечание к части 311
Экстра 2 С приходом тепла 312
Примечание к части 314
Экстра 1 Чатэм 315
Примечание к части 316
Часть 2 317
Примечание к части 318
Часть 3 319
Примечание к части 320

Часть 1

В подвале, растянувшемся сразу под несколькими зданиями, включая самого отталкивающего вида ночлежку, уже чувствовалось соседство Темзы, хотя запах сырости в затхлом воздухе перебивала гремучая смесь пота и женских духов. Именно представительницы прекрасного пола заставили художника задержаться.

Двое мужчин на ринге лупят друг друга кулаками за деньги. Казалось бы, чем такое жестокое действо может привлечь женщин? Но факт оставался фактом. Больше всех была заворожена леди, эгретку которой украшал павлиний глазок. Желающие сделать ставки и посмотреть бои стали собираться задолго до их начала. Зрелище уже было в разгаре, но толпа продолжала расти. Такие интересные лица и типажи!

Они превосходили все ожидания, которые мистер Инн возлагал на Лондон и его обитателей. Сам город не очаровал художника. Он встретил Вэйда лужами по колено и дождем, нет, настоящим ливнем, от которого, впрочем, воздух не делался чище. Пытаясь согреться в коконе из двух шерстяных одеял и сложенного вдвое пледа специально для ног, художник заключил, что это место – только остановка на пути.

Однако погода, как и настроение, исправилась. Город окутала неповторимая серебристая дымка, которая так и просилась на холст, а потом ещё на один. Небо из свинцового листа, придавившего все живое к земле, превратилось в невесомо-синий купол над городом. А после душа запросила новых впечатлений… и вот уже приходится основательно поработать локтями, чтобы пробиться поближе к рингу и посмотреть на кровавую и не слишком легальную забаву, о которой он узнал накануне от пары сомнительного вида джентльменов, любезно угостивших его выпивкой.

Художника притиснули к деревянному заграждению, трещавшему от напора зрителей. Он сдавленно охнул, когда неровные доски впились куда-то под ребра, но отодвинуться так и не смог – со всех сторон на него напирали возбужденные мужчины. Буквально! Только что он явственно мог даже через брюки ощутить чью-то горячую твердую плоть.

Вэйд потянул за ремень сумку, оказавшуюся сзади, и достал оттуда блокнот, чтобы запечатлеть увиденное… двое сошлись в поединке, играют мышцы, льется пот, на обнаженных выше пояса телах наливаются синяки. Лишние штрихи, возникающие на листах, когда его в очередной раз толкали, не вызывали досады – так он увлекся. Художник ловил эмоции, искаженные яростью человеческие физиономии, какую-то животную радость при виде крови, хлынувшей из разбитого носа и забрызгавшей первый ряд. Ему удачно удалось запечатлеть момент плевка – одному из амбалов посчастливилось в этот раз не лишиться еще парочки зубов.

Сделав достаточно набросков и мимоходом пару-тройку ставок наугад, мистер Инн обратил взгляд к толпе напротив. С той стороны небольшого круглого ринга она была не такой плотной – его-то зажало в самой гуще. Всюду царили возбуждение, азарт, радость или разочарование, такие сильные и насыщенные чувства, и вдруг среди всего этого художник наткнулся на совершенно иную картину. Встретить здесь настолько незаинтересованного человека было удивительно.

Мужчина в безупречном светлом костюме досадливо поморщился, без малейшего интереса наблюдая за происходящим на ринге. На лице джентльмена, несомненно, из высших слоев общества, читались мысли, которые Вэйд торопливо переносил на бумагу. Его взгляд говорил: «И зачем я только позволил себя сюда привести?» В том, что незнакомец здесь не по своей воле, Вэйд ни секунды не сомневался. Он лихорадочно делал набросок за наброском. Профиль, фас, изящно приподнятая бровь и еще один немой вопрос: «Что привлекательного все они находят в том, что два человека калечат друг друга?»

Джентльмен с тоской огляделся по сторонам, ища кого-то, потом обернулся к двери. И художник, и его невольный натурщик понимали, что уйти сейчас не получится – толпа не даст пробиться к лестнице. «Да и вряд ли поблизости можно найти кэб, – мысленно добавил от себя Вэйд. – Такой франт не станет пачкать туфли на улицах в нищенском районе».

Его внезапно сильно пихнули, вырывая из размышлений - так, что он чуть не выронил блокнот. Художник перевел взгляд на ринг, но ничего интересного не происходило. С чего вокруг началась непонятная суматоха? Суета постепенно переходила в настоящую панику. Зрители, даже те, кому улыбнулось счастье занять места в первых рядах, начали разбегаться.

«Облава!» – азартно подумал мистер Инн, заслышав полицейские свистки. Художник убрал блокнот во внутренний карман пиджака и схватился за доски, не давая колышущейся людской массе подхватить себя. Попадать в руки полиции совсем не хотелось, как, впрочем, и быть растоптанным.

Знакомый светлый костюм мелькнул у перил. Мужчине, которому художник уделил столько внимания, удалось проскользнуть к двери. Вэйд не видел, как он миновал ступени. Проворный! Сейчас протиснется в чересчур узкий для такой лавины людей проход и пропадет из виду. Жаль, не получится последовать за ним.
***
Хавьер чудом выбрался в пахнущую речной водой темноту, разбавленную неверным светом газовых фонарей. После душного помещения ему сразу стало холодно. Сейчас он как никогда понимал нелюбовь брата к скоплениям народа. Находиться рядом с людьми, вместе с которыми пришлось тесниться в дверях, было просто невыносимо, Хавьер чувствовал себя грязным, запачканным. При первой же возможности он поспешил отделиться от толпы, однако идея свернуть в узкий неосвещенный переулок сразу же перестала казаться ему такой уж хорошей. Сзади раздался грохот, будто кто-то с силой захлопнул тяжелую железную дверь, через которую мистер Лань и выбрался на свободу.

Морщась от запаха нечистот, он несколько раз шагнул почти наугад и замер при негромком рычании, послышавшемся из темноты. Не грозного, только предупреждающего. Так по-собачьи звучало: «Не нарывайся, если не хочешь неприятностей». Только зайти на территорию своры бродячих собак ему сейчас и не хватало.

Мистер Лань начал отступать спиной вперед туда, откуда пришел и откуда уже слышались быстрые шаги. Хавьер замешкался, впрочем, даже если бы он успел поднять руки над головой, едва ли с ним стали бы церемониться. Резкий окрик, умелая подножка, и вот он, Хавьер Лань, – тот самый Хавьер Лань, что недавно унаследовал знаменитую фабрику Лань, – лежит на грязной брусчатке в каком-то вонючем переулке, а полицейский выкручивает ему руки, защелкивая наручники. Боже всемогущий, о чем завтра напишут на первой полосе…

– Ко мне, – прозвучала резкая команда.

Собака смолкла и просто наблюдала за людьми из темноты. Лёгкое цоканье когтей оповестило о ее приближении. Скосив глаза, насколько было возможно, Хавьер увидел довольно крупного терьера, тот подошёл, повиливая коротким хвостом, обнюхал лежащего, немного подумал и лизнул в ухо.

– Ангел, брось! – прикрикнул полицейский, с таким отвращением, будто пёс подобрал с земли дохлого голубя.

«Кто так называет полицейскую собаку?» – успел подумать Лань, прежде чем его грубо вздернули на ноги. Наручники больно врезались в запястья. Его с силой толкнули, не дав даже полностью выпрямить спину.

– Послушайте, офицер… – он не был уверен, что задержавший его констебль – именно офицер, но в сложившихся обстоятельствах вежливость могла помочь. Тот, однако, считал иначе.

– Заткнись! – новый окрик и резко встряхивание за ворот, как терьер встряхивает пойманную крысу, ломая грызуну позвонки. – Шагай!

Тычок в спину задал направление. Пришлось подчиниться. Спотыкаясь о неровную мостовую и морщась от боли в запястьях и вывернутых плечах, он кое-как выбрался к полицейским кэбам. Ангел вышел на свет первым, подобных собак Хавьер раньше не видел. Похоже, это те самые эрдельтерьеры, недавно введенные на службу в Скотланд-Ярде. Пёс явно чувствовал себя спокойно и на своем месте.

Задержавший фабриканта человек, в отличие от большинства полисменов, был одет в практичный темный костюм и кожаное кепи. Лань отметил его высокий рост – мужчина посмотрел ему прямо в глаза, в упор. Радужные оболочки у него были черными, как зрачки, только с еле заметными лиловыми искорками, или это лишь игра света и воображения. Хавьер невольно прикипел взглядом к его лицу. Он ожидал увидеть типичного англичанина лет тридцати, наверное, насколько можно было судить по голосу и светлым волосам, но лейтенант оказался совсем другим. Резкие черты лица, высокие скулы и совершенно необыкновенные глаза, чей цвет отвлекал внимание от несколько нетипичного разреза. Хавьер понял, что неприлично долго удерживал зрительный контакт только, когда полисмен резко обернулся к своим.

– Есть?! – резко спросил мужчина, видимо, он был одним из тех, кто руководил облавой.

– Нет, сэр, – незамедлительно ответил ему кто-то, будто только и ждал этого вопроса. – Ушел.

– Блядь! – полицейский с досадой сдёрнул с головы кепи и яростно откинул челку со лба.

В течении всей следующей минуты – без всякого преувеличения! – присутствующие наслаждались витиеватой тирадой, в которой не было ни единого приличного слова. Наконец, мужчина то ли выдохся, то ли вспомнил наконец о существовании Хавьера.

– Что с задержанными? – рыкнул он, обвиняюще глядя на людей в форме, как будто искал повод опять вызвериться.

– Лейтенант? – решился подать голос молодой констебль, немедленно навлекая на себя гнев оного.

– Я спросил: что обычно делают с этими мудаками? Шевелитесь, задницы! Отвезти в участок, допросить и чтобы до утра разобрались! – он раздражённо мотнул головой, откидывая светлую челку, снова свесившуюся на лоб и явно мешавшую.

Фабрикант спохватился, что слишком долго разглядывал лейтенанта, только когда недобрые черные глаза принялись сверлить в ответ. Взгляд был пронзительным и колючим, цепким. Он оценивал Хавьера, его одежду и внешность, немногочисленные украшения и, казалось, проникал в самые мысли.

– Не нравлюсь? – процедил он. – Ты мне тоже! Увести!

Хавьеру предстояла долгая поездка в забитой тюремной карете, затем утомительный допрос и бесконечная ночь в камере, хорошо хоть одиночной. Об этом позаботился пожилой добродушный сержант, который к тому же напоил Хавьера чаем, а потом – правда, уже утром – позволил позвонить домой.

– За Вами приедут? – участливо спросил полисмен по фамилии Смит. – Вот и хорошо, показываться в таком виде на улице Вам явно не стоит.

Лань был склонен с ним согласиться. Выглядел он ужасно потрепанным и грязным. И под глазами наверняка залегли тени. Словом, жалкое зрелище. Газетчики не упустят шанса поглумиться и окунут фабриканта в грязь поглубже, чем это сделал давешний лейтенант.

– А его издалека слышно, – отметил Хавьер цветистые выражения, несколько приглушенные, но не менее впечатляющие.

Мужчина с терьером снова был не в духе – похоже, тоже не спал всю ночь. И как он только голос не сорвал до сих пор? А за такие выражения его обязательно припомнят на том свете… Так, по крайней мере, всегда говорил дядя.

– Нет, Вы не подумайте, лейтенант Цзян – отличный парень, резкий только, – вступился за него Смит. – Он любит до безумия свою собаку, а такой человек не может быть плохим, да?

Лань машинально кивнул. Что-то знакомое было в фамилии Цзян… Вот только он, хоть убей, не мог вспомнить, где ее слышал. Может быть, в газетах упоминали успехи лейтенанта в поимке опасных преступников? Хавьер за завтраком проглядывал эти сводки мельком, чтобы не портить аппетит.

До самого приезда брата он на что-то надеялся. Сам при том не знал, на что именно. Мистер Цзян так ему и не показался. Ни извинений, ничего. Смит открыл камеру и проводил Хавьера в приемную. Отметив покрасневшие глаза Честера, он со стыдом отвел взгляд. Из них двоих он был старшим, пусть и на каких-то двадцать минут, а значит, более ответственным, но сегодня он заставил брата переживать за него, да еще нарочно медлил, лишь продлевая его ожидание.

– Слава богу, – вырвалось у Честера.

Это была самая паршивая ночь, только не в жизни Хавьера, как он сам наивно полагал, а в жизни его близнеца. Если бы только он поставил себя на его место, все тяготы и невзгоды, грязная одежда, царапины от наручников и ломота в теле, – все это показалось бы сущей ерундой по сравнению с мучениями, которые пережил из-за него Честер, наверняка уже успевший мысленно похоронить его.

– Поедем скорее, – попросил младший, явно чувствуя себя неуютно в казенном безликом помещении. Хавьер ещё раз бросил взгляд в направлении раздражённого голоса детектива и кивнул.

Примечание к части

Кто узнал, тот молодец)

Часть 2

У Солта, как всегда, пахло табаком. Даже если посетителей оказывалось немного, владелец бара исправно дымил как паровоз. Вэйд разок нарисовал его украдкой со струями дыма, вырывающимися из ноздрей, и сурово сдвинутыми кустистыми бровями, торчащими во все стороны точно ершик для мытья бутылок. Получилось очень забавно, но он не решился показать свое творение Солту. Неизвестно, как бы тот отреагировал, несмотря на то, что в принципе неплохо относился к художнику, и крайне отрицательно – к тому, что кто-то делал что-то за его спиной.

Вэйд обвел зал взглядом, ища к кому бы присоединиться. Пить в одиночестве художник категорически не любил. К тому же в таком случае ему неизбежно приходилось платить за алкоголь, которого, чтобы основательно захмелеть, требовалось довольно много. Довольно улыбнулся, узнав сидящих за стойкой парней.

– Скотти! – Вэйд поцокал, как собаке.

Спина мужчины за стойкой напряглась, на затылке нарисовалась еще одна живописная складка, однако реакции так и не последовало. Тогда мистер Инн оседлал высокий стул аккурат между двумя своими знакомцами, и тут же схватил со стойки одну из кружек, как раз выставленную барменом. Судя по недовольной физиономии, портер заказывал себе мордатый.

– Какая все-таки удача! – он обаятельно улыбнулся, несмотря на то, что ему явно были не рады.

Впрочем, по лицу Хэнка – скучному и словно бы стертому, было не понять, что он испытывает. Мимика этого человека была бедной до отвращения, отчего он походил на дохлую рыбину, потому-то художник и сел так, чтобы любоваться перекошенной, но более живой, рожей Скотта.

– Что-то я не видел вас в том заведении, – подметил Вэйд, вытирая пену с губ, оба собеседника прекрасно поняли, о чем речь. – Хотя там такая сутолока началась…

– Сраные легавые, – выругался Скотт, грохнув кулаком по столу. – Нагрянули, как только я поймал удачу за хвост. Да если б не они, я бы выплатил Циклопу всю сумму и свалил из этого вонючего городишки!

– Или опять проигрался, – лаконично заметил Хэнк, настроенный вполне миролюбиво. – А так хоть часть долга покрыл.

– Чё сказал? – мордатый угрожающе потянулся к другу через предусмотрительно склонившегося Вэйда.

– Циклоп? – переспросил художник, заинтересовавшись. – Так я смогу получить, что мне там причитается?

Скотт бросил попытки треснуть соседа лбом о стойку, а Хэнк, кажется, несколько оживился. Впрочем, может на него подействовало пиво, светлое, как моча, явно разбавленное. На непритязательный вкус и такое сойдет, он, по крайней мере, пил и не морщился. Да и рассказывал вполне охотно и складно. Циклоп был влиятельным человеком в теневом Лондоне, хотя конечно о таких личностях не пишут в газетах. Нелегальные бои, ставки, ростовщичество… вымогательство…

– Кстати, а почему вы зовете его Циклопом? – художник снова развернулся к Скотту.

– Все его так зовут, – буркнул тот и, переглянувшись с Хэнком за спиной художника, заказал им еще по кружечке. Неизбежно поймав вопросительный взгляд, он постучал по виску, намекая, что кому-то нужно включить голову. – Да потому что ребята сопливого Джо глаз ему выдавили, вот почему!

– А через полгода уже он выбил из Джо и тех ребят все сопли, да и подмял под себя, – добавил Хэнк и присосался к пиву, без видимого удовольствия, впрочем. – Рожа у него и так… я тебе скажу, а повязку он не носит, чтобы все видели, что его молодчики с людьми делают.

Художник не испытывал особого стеснения в средствах, но питал некоторую слабость к живописным шрамам, да и покупатели любили пощекотать себе нервы чем-то безобразным. Иногда ему заказывали откровенно жутковатые картины, похожие на воплощение ночных кошмаров. Больше всего запомнились черепа среди изобилия для дома терпимости, а еще бабочки на теле девушки, непременно красивой и обязательно мертвой, Вэйду пришлось проштудировать несколько энциклопедий и побывать на бойне, чтобы удовлетворить взыскательного клиента. Теперь изображение девицы, работавшей в первом заведении, висело на стене в частном клубе прямо над полками с бутылками, а в доме мистера Инна появилось пять бабочек, пришпиленных рядком под стеклом: Кайла, Кейт, Келли, Кира и Клер.

Недавно они снова пригодились – едва Вэйд обжился в Лондоне, а деятельный Нэттли уже нашел очередного заказчика – пришлось только слегка поменять окрас крыльев. Знакомый адвоката хотел, чтобы на картине было яркое весеннее небо, как будто наблюдаешь за безмятежно плывущими облаками из густой травы на лугу. Лично они не говорили, но Вэйд отчего-то проникся к тому человеку приязнью, когда Санфорд передал его просьбу о двух танцующих друг с другом бабочках. Именно танцующих, Инн уточнил. Картина задумывалась как подарок на свадьбу и, похоже, заказчик по правде трепетно относился к невесте.

– Солт, старина, я поднимусь к тебе, – попросил Вэйд, получив струю крепкого дыма прямо в лицо и невольно кашлянув. – Знаю-знаю, чудо техники под строжайшим секретом, но для меня же ты сделаешь исключение, правда?

– С тебя причитается, Инн, – Солт для всех был просто Солтом и никогда не использовал в речи слово «мистер».

– Уважу, – он вскочил, пока мордатый не опомнился и не попытался взыскать деньги за выпивку. – Уж не сомневайся! Уважу…

Он дал обещание с такой легкостью, как будто знал, чем порадовать хозяина, и нырнул за стойку. Там Вэйд вслед за Солтом прошел в узкую, всегда закрытую, дверь в углу и поднялся по крутой лестнице. Наверху мужчина долго гремел ключами и пыхтел. Табаком пахло просто нестерпимо! Пришлось задержать дыхание.

О новеньком телефоне Солта Вэйд узнал из совершенно случайно подслушанного разговора. Такое даже в Лондоне не каждый мог себе позволить, но уж у Нэттли он появился одним из первых. Он-то и показал, как им пользоваться, и Вэйд предвкушал, как лихо сейчас продемонстрирует свои навыки.

С темной лестницы они попали во вполне себе обжитую квартирку на втором этаже, прямо над баром… все стены которой были буквально забиты картинами, картинками и картиночками самых разных жанров: от натюрмортов до портрета прелестной пронзительно рыжей и отчаянно кудрявой девчушки лет пяти. Выходит, у него и правда было именно то, что нужно, чтобы пробиться через суровую скорлупу, защищающую тянущуюся к прекрасному душу старины Солта от жестокой реальности.

– А кто эта юная леди? – с любопытством спросил Вэйд, на время забыв о своих планах. Раз он собирался в бандитский притон, будет лучше, если хоть кто-то будет знать, откуда его вызволять.

– Сейчас Юдифь совсем взрослая стала, – проговорил Солт, только подогрев тем самым интерес художника к ее персоне. И как заботливый дедушка, прикрикнул на Вэйда: – Хватит пялиться на мою внучку, развратник. Звони, кому хотел, и проваливай!

Санфорд был еще в конторе и с радостью сообщил, что обставил доставку картины так, будто ее доставили поездом. Нэттли уверял, что скоро Инн получит самые восторженные отзывы от заказчика и невесты. Правда радости в его голосе заметно поубавилось, когда Вэйд заговорил о Циклопе.

– Ставки? Я тебя умоляю, Вэйд, – сказал он испуганно. – Не связывайся с этим человеком. Ты ведь только что получил гонорар за картину. Если туго с деньгами...

– Мне просто любопытно, Санни, – заверил тот. – Схожу, посмотрю на трущобы и на этого типа, если повезет.

– Что, прямо сейчас? На ночь глядя? – справедливо возмутился адвокат. – Не пори горячку, тебя там пырнут ножом, а мне что? Вылавливать потом из Темзы?

– Уговорил, – в этот раз художник внял голосу рассудка в лице старого приятеля. – Отправлюсь туда завтра днем. Нет, послезавтра, Хэнк говорил что-то о церковных праздниках. Вроде Циклоп чтит их как одержимый. А что с картиной, как все прошло?
***
Картину доставили в самый последний момент, вечером накануне свадьбы. Ей пришлось преодолеть долгий путь поездом, однако упаковка была добротной: жесткий ящик и несколько слоев бумаги предохраняли холст от повреждений. Честер взволнованно вскочил на ноги, когда ее принесли. Пришлось усадить брата назад в кресло. Днем семейный врач осмотрел обоих близнецов и настоятельно рекомендовал обоим покой и сон.

Однако Хавьер уже подумывал, не побеспокоить ли Сен-Клера снова. Честеру и правда пришлось намного хуже, чем близнецу, всего-то проведшему ночь в участке. Он все еще был ужасно бледен, однако при виде рисунка краски ненадолго вернулись к его лицу. Художник с большим вниманием отнесся ко всем его пожеланиям. Пышные словно взбитые сливки облака изобиловали причудливыми формами, небесная синь оказалась невероятно яркой, краска изнутри словно светилась, а бабочки готовы были шевельнуть изящными крыльями и разлететься по комнате.

– Анна будет очарована, – сказал Честер, не отрывая глаз от картины. – Она часто рассказывала, что отец возил их за город. У мистера Цзян был тогда летний домик на берегу одного из притоков Темзы.

– Как ты сказал? – переспросил Хавьер, у которого сердце застучало чаще. – Цзян?

Он очень постарался сохранить невозмутимый вид, но получалось плохо. Вот почему фамилия лейтенанта показалась ему знакомой! Честер всегда называл подругу по имени, добавляя то «милая», то «моя дорогая». Порой Хавьер думал, что брат в нее влюблен, но разуверился в этом, когда Честер с воодушевлением рассказал, что ей сделал предложение другой. Брат питал к своей милой Анне самую нежную дружескую привязанность и только, а потому действительно разделял с ней счастье, ведь подруга выходила за любимого и любящего человека и с нетерпением ждала назначенного дня свадьбы.

– Анна рассказывала, что ее семья носит эту фамилию несколько сотен лет, – ответил Честер, переложив подушечку из-под спины под голову. – Их предки прибыли откуда-то с востока. То ли из Японии, то ли из Китая.

– Честер, тебе снова дурно? – Хавьер отметил, что тому трудно сидеть. – Вот упрямец, тебе нужно было послушаться Сен-Клера и оставаться в постели. Давай, я помогу тебе дойти до твоей комнаты и раздеться.

– Я в порядке, – врать Честер никогда не умел. Тем более своему близнецу. – К тому же завтра мне нужно быть на торжестве.

– Об этом не может быть и речи! – отрезал Хавьер таким тоном, каким обычно распоряжался на фабрике. При необходимости он мог быть крайне настойчив. – Завтра ты будешь лежать в постели, а если понадобится, то и послезавтра тоже.

– Но как же... – начал протестовать Честер.

Действительно – как? Разумеется, Анна не станет держать обиду на друга, которого знает столько лет. Для старшего из близнецов решение лежало на поверхности и было так очевидно, что он невольно удивился, что нужно объяснять. Тем более брату, который все понимал без слов.

– Я пойду вместо тебя, – воодушевленно заявил Хавьер. – Сам поздравлю Анну, все объясню и передам ей твой подарок и самые сердечные пожелания.

В глазах брата мелькнуло сомнение. Будет ли такой визит приличным, ведь Хавьер не был знаком с его подругой и представлен ее семье, да и в приглашении значилось имя другого близнеца. Впрочем, это как раз не было проблемой. На фабрике их постоянно путали, хотя прошло уже довольно много времени. Служащие между собой шутили, что вскладчину закажут для близнецов парные золотые булавки с инициалами.

– Обещаю, я сразу же уйду, – заверил Хавьер, зная, что Честер не любит оставаться в одиночестве, когда болеет. – И первым делом проведаю тебя. Фабрика подождет.

Он постарался как можно удобнее устроить брата, задернул шторы и погасил лампу. Потом, еще не привыкнув к темноте, медленным шагом вернулся к кровати и сел на краешек. Погладил Честера по волосам, как делал отец, когда они были мальчишками.

Примечание к части

https://www.pinterest.ru/pin/278589926921224441/

Часть 3

Именно так Хавьер и собирался поступить. Он только проверит кое-что, представится милой Анне и сразу же откланяется, потому что в непосредственной близости от новобрачных не будет интересующего его человека. Фамилия Цзян, конечно, очень редкая, но скорее всего, он выдает желаемое за действительное и лейтенант не имеет отношения к этой семье.

Все шло именно так, как он и ожидал. Немолодой дворецкий, хорошо знавший Честера в лицо, поприветствовал его, не заподозрив подмены, которую с первого взгляда раскусила Анна. Девушка не испугалась и даже приветливо улыбнулась незваному гостю, которого знала заочно по рассказам друга.

Невеста оказалась очень приятной девушкой, не красавица, но что-то неуловимо притягивало взгляд и располагало к ней людей независимо от возраста и пола. Хавьер извинился за то, что брат не смог лично поздравить ее в такой день, и был глубоко тронут тем, как Анна постаралась поддержать его и уверить, что сон – лучшее лекарство, особенно если так сказал доктор.

– Останьтесь ненадолго, мистер Лань, Вы ведь только что пришли, – сказала она, когда Хавьер собрался откланяться, не обнаружив предмет своих поисков. Наверняка брата она звала по имени, тоже добавляя что-нибудь ласковое. – Мне так приятно, наконец, с Вами познакомиться!

И хотя Анна не имела возможности уделить ему столько времени, сколько хотела бы, – ее внимания требовали и другие гости – Хавьер не мог отказать ей в такой малости. К тому же, оставшись еще ненадолго, он мог извлечь выгоду для себя и фабрики. Шутка ли: на торжество в честь свадьбы Анны Цзян – дочери текстильных королей Британии – пришла половина из значимых промышленников Лондона. Хавьер не преминул кое-кому о себе напомнить, завязал пару интересных знакомств… и все оглядывался по сторонам, несмотря ни на какие доводы рассудка. Наконец! Нет, просто показалось. Он был почти уверен, что узнал высокую фигуру и этот целенаправленный шаг…

Лань не собирался шпионить, только убедиться, что обознался. Все остальное вышло само собой. Молодой человек угрюмо смотрел в окно, бесцельно вертя в руках бокал виски. Подтянутый, в темном костюме, кажется, том самом, в котором был во время облавы. Светлые волосы небрежно приглажены. Точно он, ошибки быть не могло, хотя лица Хавьер не видел.

Он уже намеревался отойти подальше, когда внимание обоих мужчин привлек радостный возглас. Анна подобрала пышную юбку и торопилась к лейтенанту. Тот обернулся, а дальше происходящее настолько поразило Хавьера, что он решил досмотреть до конца. Невероятно, но факт, – лейтенант Цзян умел улыбаться! Улыбка удивительно преобразила хмурое лицо, сделав его на редкость красивым.

– Чейз! – девушка прильнула к мужчине, а тот обнял ее очень бережно, как оживший цветок. – Ты все-таки пришел!

«Чейз, – мысленно повторил Хавьер, ему нравилось звучание. – Чейз Цзян» Определенно, имя шло детективу. Резкое, хлесткое, как щелчок бича, – под стать владельцу.

– Не мог же я пропустить свадьбу собственной сестры, – голос прозвучал удивительно мягко. Правда, уже при следующих словах в нем прорезались недовольные нотки. – Но твой муж мне все равно не нравится!

Теперь Хавьер лучше понимал, как чувствуют себя люди по их с Честером вине, когда думают, что есть только один мистер Лань и недоумевают, почему тот вдруг так сильно изменился. Но где же были его манеры, когда надо было уйти и не мешать трогательной семейной сцене? Фабрикант спохватился, лишь когда в него вперился черный взгляд детектива, способный прожечь в человеке пару сквозных дырок.

– А этот тип что здесь делает? – спросил Чейз жестче, готовясь заслонить собой сестру.

Однако та безбоязненно направилась прямиком к Хавьеру и представила мужчин друг другу, с гордостью добавив, что Чейз служит в Скотланд-Ярде. Видно было, что она просто обожает брата, а тот до сих пор опекает повзрослевшую сестренку. Цзян уставился на него со смесью удивления и неприязни, явно не понимая, почему был приглашен один брат, а явился другой, но руку все же подал.

– Мы встречались, – лейтенант неожиданно стиснул его ладонь до боли.

Отдернуть руку не позволили нормы приличия, Хавьер ответил таким же крепким пожатием, продолжая улыбаться и смотреть, смотреть на детектива не отрываясь. Сердце в груди часто бухало. Да что это с ним? Это продолжалось слишком долго, еще немного и выглядело бы уже странно, а лейтенант все не сводил с него угольных глаз. Настоящая бездна – ещё чуть, и можно пропасть.

– Анна, ты не могла бы найти родителей? – обратился к сестре Цзян, с неохотой разжав ладонь. Он даже не удосужился придумать повод для того, чтобы отослать девушку прочь, но та послушалась беспрекословно, почувствовав серьезный настрой брата.

Детектив шагнул ближе, и Хавьеру стало не хватать воздуха, глаза словно совсем без зрачка затягивали, как в омут. Лань с трудом разобрал подчеркнуто вежливое предложение посмотреть на сад с балкона. Не дожидаясь ответа, Чейз с силой стиснул его локоть и почти потащил к распахнутым стеклянным дверям. Детектив загипнотизировал его, иного объяснения быть просто не могло. Это все его глаза. Бездонные, нездешние. Ни у кого в семье Цзян таких не было. Или все дело в том, как он смотрел?

В черных как ночь радужках плясали лиловые искры, либо это ему почудилось? Прижатый к стене на балконе, Хавьер мог думать только об одном – чужое тело, горячее и сильное, так близко к нему. Боль в крепко стиснутом запястье, на котором еще чувствовался след стального браслета, нисколько не отрезвляла. Сердце частило, не давая вдохнуть полной грудью.

– Я не хочу знать, на кой ляд ты, подонок, проник сюда и любезничаешь со мной и моей семьей. Меня абсолютно не интересует, что такой уголовник, как ты, тут забыл, но учти: в этом доме тебе не рады. Так что советую съебаться побыстрее, пока я… – лейтенант сделал паузу и быстро глянул по сторонам, будто совершал в наполненном гостями здании преступление и хотел обойтись без нежелательных свидетелей. – Пристрелю как последнюю суку, ты меня понял?!

Встряхнув напоследок ошарашенного мужчину, полицейский брезгливо оттолкнулся от него и быстрым шагом вернулся в гостиную. Лань снова прижался лопатками к стене, успокаивая сердцебиение. Кажется, он забыл, как дышать. В ушах все ещё звучали угрозы, высказанные низким голосом, от которого что-то внутри подрагивало, отзываясь. Он не отказался бы выслушать все это еще раз, и в такой форме, что любой босяк бы позавидовал словарному запасу мистера Цзян. И желательно там, где нет посторонних, в любой момент могущих помешать…
«Так, пора прекращать! – просипел он вслух, но едва слышно, пытаясь прервать навязчивые мысли. – Не время и не место!»

Он выдохнул и опустил глаза, с ужасом убеждаясь, что возбужден как мальчишка, а ведь ему давно не семнадцать лет! И ладно бы от вида какой-нибудь сногсшибательно красивой женщины. Нет, от того, что его сейчас покрыли отборными ругательствами и пообещали убить. Немыслимо!

Спустя какое-то время, если никто не решит выйти на свежий воздух и не заметит его состояния, прохлада вернет ему способность мыслить здраво и он уйдет. В гостиную он вернулся с твердым намерением взять кэб и отправиться прямиком домой, к брату. Честер снова будет волноваться, что он задерживается… но Хавьер не мог, не хотел просто так уйти, не выяснив как можно больше о детективе. Хотя бы из чужих разговоров, жаль только, из них трудно было вытянуть достаточно информации, чтобы удовлетворить болезненное любопытство. То, что семья Цзян родом с востока, он знал и так. Что Чейз красавчик, было явным преуменьшением, а что угрюмый – неоспоримым фактом. А с тем, что Анна не заслужила такой удачной партии, Лань был категорически не согласен, что и высказал, непочтительно вмешавшись в чужую беседу.
***
Чейз стиснул кулаки, снова заметив среди гостей мошенника, невесть как пробравшегося в дом его семьи. Почему мерзавец до сих пор тут?! Неужели он не был достаточно убедителен, когда обещал вышибить говнюку мозги? Или у этого типа не все дома и давно отбито чувство самосохранения?

Оглядевшись по сторонам, детектив ухмыльнулся. Тот, кто ему нужен, был как раз под рукой. Похоже, выискивал для конторы очередного клиента. Что ж, придется попытать счастья позже, а пока поработать осведомителем. За эти услуги ему тоже платят, хотя и не всегда.

– Санфорд! – позвал он и невысокий изящный мужчина осторожно повернулся на оклик.

– Чейз, – робкая улыбка при виде старого, еще со школьной скамьи, знакомого тронула его губы, но выражение глаз было опасливым. Санни хорошо был знаком со взрывным характером лейтенанта.

– Не трясись, не по твою душу, – Цзян снова отвлекся на высокого мужчину в светлом, с иголочки, костюме. Уходить он не торопился, более того, очередной маневр привел его к одному из столиков с закусками, чтоб ему подавиться…

Однако есть он не стал, а вступил в весьма оживленный спор с кем-то из гостей. О причинах такого вопиющего поведения было трудно судить, но он явно нарывался сам. Как можно явиться в чужой дом без приглашения, да к тому же приставать к тем, кто имеет полное право здесь находиться?

– Что сделал тебе мистер Лань, что ты глаз с него не сводишь? – осмелился спросить адвокат, проследив за его взглядом. Задумчиво пощипав подбородок, Санни добавил: – И вряд ли потому, что он тебе приглянулся…

– Так ты знаешь, кто это, – он кивнул в сторону подозрительного типа.

– Конечно, – с готовностью закивал Нэттли и, многозначительно подняв указательный палец, выдал: – Это – Хавьер Лань.

– И что это должно значить?! Ты говоришь так, словно он второй сын божий, – вспылил детектив, напугав не только друга, но и пару случайных очевидцев этого разговора. – Кто он такой, Санни?

– Всего лишь один из владельцев фабрики Лань, – пролепетал адвокат и жалобно посмотрел на друга. – Я не знаю, не знаю, что между вами случилось, я ничего не знаю! И вообще, когда ты так на меня смотришь, я вспоминаю сестру Элизабет.

Чейз хмыкнул. Монахиня была страшным сном всех учеников. Санфорду от нее ужасно доставалось. Сестра Элизабет прочила ему самое мрачное и незавидное будущее, а маленького Чейза то и дело драла за уши по поводу и без.

Часть 4

Мистер Лань не ожидал встретить близнеца в дверях. Судя по всему, он прибыл как раз вовремя, Честер был решительно настроен отправиться на поиски, что было совершенно на него не похоже. Еще пара минут, и они могли разминуться.

– Брат, ты зря обо мне волновался, – поспешил заверить Хавьер и слегка обнял близнеца. – Помнишь, что Сен-Клер говорил про покой и отдых?

– Мне лучше, когда ты рядом, – Честер посмотрел на старшего виновато и немного обиженно, тревога притаилась в глубине глаз оттенка виски.

Обычно никто не обращал внимания на эту незначительную деталь, и напрасно. У старшего из братьев глаза тоже были светлыми, но холодными, как горный хрусталь. Хавьер хорошо знал, что его взгляд может показаться колющим морозом, если не смягчить это впечатление улыбкой – настоящей или той, что по настоянию дяди пришлось отточить перед зеркалом.

– Ты выглядишь намного лучше, чем утром, – похвалил он Честера. – Не хочешь немного погулять на свежем воздухе? А я расскажу, кого встретил на празднике, кроме половины Лондона, разумеется. Уж не знаю, понравилось бы тебе такое собрание!

– Так ты задержался у Анны? – уточнил брат с видимым облегчением.

– Боялся, что братец твоей подруги снова утащит меня в участок? – Хавьер рассмеялся, живо представив себе эту картину. А ведь он был на волосок от того, чтобы снова оказаться в наручниках.

Кожа на запястьях ощутимо зазудела, напоминая о недавнем не слишком приятном опыте. Честер ничего не ответил, уже вполне спокойно шагая рядом по одной из дорожек их небольшого сада. Старший решил для первого раза воздержаться от прогулок по парку, хотя до него было рукой подать, а младший не возражал.

Мысли Хавьера возвратились к лейтенанту и его семье. Еще когда он ехал в кэбе, на ум пришла мысль посмотреть подшивки старых газет, обращая больше внимания на статьи, которые его обычно не слишком интересовали. Вдруг в них мелькало знакомое имя? Однако начать следовало не с этого. Ведь Честер был хорошо знаком с семьей, по крайней мере, с Анной и ее родителями, осталось только придумать, как перевести разговор с праздника и невесты в нужное русло. А еще… совершенно случайно среди его друзей был человек, который в силу профессии знает все и обо всех.

– Санфорд так помог с картиной, – сказал он задумчиво. – Почему бы нам не пригласить его на обед?

Близнец кивнул, соглашаясь. Они как раз дошли до уютной беседки, обвитой хмелем с южной стороны так густо, словно на крышу накинули мохнатый зеленый плед. Честер расположился на недавно подновленной и перекрашенной скамейке, Хавьер сел к нему поближе и случайно выдал свое нетерпение:

– Лучше даже на завтрак, – ляпнул он, не подумав.

– У тебя дело к мистеру Нэттли? – предположил Честер, отчего-то снова насторожившись. – Как к адвокату?

Старший посмотрел удивленно. Конечно, у него возникли кое-какие неприятности из-за тех злосчастных боев, однако никаких обвинений предъявлено не было, так что перед законом он был чист и в услугах Санфорда не нуждался.

– Откуда такие мысли, брат? – теперь Хавьер был уверен, что Честера что-то гложет.

– Я подумал… – пауза вышла довольно долгой. – Вдруг какие-то проблемы на фабрике?..

– Нет, все в порядке, – Хавьер пожал плечами.

Повисло молчание, и довольно тягостное, – близнецы на то и близнецы, чтобы понимать друг друга без слов. И каждый знал, когда другой что-то недоговаривает. Пытаясь скрыть неловкость, Честер поправил рукав домашней куртки, хотя та сидела безупречно. Хавьер снова взял разговор в свои руки и принялся рассказывать, какой очаровательной была невеста. Прелестная прическа, утонченное платье, счастливая улыбка, то и дело трогающая губы.

– Я боюсь, что мог доставить Анне беспокойство, устроив спор с гостями, – повинился он. – Кажется, я снова нарушил дядины правила…

Он лукаво улыбнулся, надеясь отвлечь Честера воспоминаниями об их детстве, когда отец был полностью поглощен делами фабрики, а дядя прививал племянникам подобающие, на его взгляд, манеры. Представители семьи Лань всегда были образцом благоразумия и сдержанности, и славились безупречным поведением. Все, кроме Хавьера, который вечно приносил семье беспокойство. Дядя наивно полагал, что к тридцати годам племянник, наконец, остепенился. Признаться, Хавьер и сам так думал… до недавнего времени.

Последнюю пару лет он вел размеренный образ жизни, тот, который так восхвалял дядюшка Хьюго, и был даже вполне этим доволен. Пока не осознал, что все это время и не жил, по сути. Так, просто существовал. Теперь же он словно вдохнул свежего воздуха и мир заиграл новыми красками.

– Кстати, – как бы между прочим заметил мужчина. – Вчера ты не сказал мне, что брат Анны служит в Скотланд-Ярде.

– Так вы все-таки встретились? – было забавно наблюдать смесь эмоций, отразившуюся на лице Честера. Смущение, удивление, радость: все сразу.

– Разве он мог не прийти на свадьбу сестры? – повторил слова детектива Хавьер и вдруг очень ярко вспомнил, как тот стоял у окна, вертя в руках стакан виски, явно чувствуя себя совершенно лишним. – У него плохие отношения с семьей?

– У мадам Цзян довольно сложный характер, – подтвердил младший. – И у ее сына тоже.

Хавьеру было приятно иметь с детективом что-то общее, пусть гордиться было и нечем. Однако известие о том, что Чейз в ссоре с матерью, его опечалило. Возможно, потому, что миссис Лань обоих своих сыновей любила в равной степени, без каких-либо условий, и даже несмотря на очевидные недостатки старшего.

– Пригласи мистера Нэттли, но сразу после завтрака я уеду, – предупредил Честер, не желая углубляться в затронутую тему. –

Хочу навестить Анну до того, как она отправится в путешествие со своим мужем. Надеюсь, они наконец договорились, куда поедут: во Францию – у мадам родственники в Париже, Марселе и Лионе, – или к его близким в Италию.

Это обстоятельство позабавило Хавьера, он живо представил, как девушка настаивает, что ей непременно нужна языковая практика, к тому же Париж – очень романтичный город. А уж как порадовало его понимание, что брат оставит их с Санфордом наедине для приватного разговора об одном детективе…

– Значит, Анна знает французский, – заинтересовался Хавьер, подразумевая обоих детей мадам Цзян.

Мужчина задумался, как «Пристрелю как последнюю суку!» будет звучать на другом языке. К сожалению, дядюшка Хьюго решил, что племяннику будет полезнее овладеть неблагозвучным немецким. Со временем он подучил и бранные словечки, но пользовался ими пару раз от силы, и то вынужденно.

Проведя ещё немного времени в саду, братья вернулись в дом. Хавьер написал Санфорду Нэттли записку – в выходной день звонить в контору было бесполезно – все равно адвоката там не застанешь. Поэтому он позвал Картрайда – сына кухарки, достаточно смышленого и самостоятельного, чтобы доверить ему роль посыльного.

Мальчик задержался, но возвратился с запиской, которая все объясняла. «Дорогой друг, – писал адвокат. – Я ни за что не упущу возможность повидаться с тобой, особенно если миссис Стэнли порадует нас молочным пудингом». На этих словах Хавьер невольно пробежал языком по губам, определенно, пудинг был его любимым лакомством, а миссис Стэнли каждый раз изобретала что-нибудь новенькое, чтобы удивить гостей и порадовать хозяев. Он принял к сведению пожелание адвоката.

«Я подумал, что ты не будешь против, если я воспользуюсь твоим телефоном и услугами твоего посыльного. Я сообщил одному человеку, как со мной связаться и надеюсь, утром он скажет, что не попал ни в какие неприятности. Тогда я буду за него спокоен».

Адресат так же не преминул прибегнуть к услугам посыльного и послал его – одиннадцатилетнего мальчонку! – подумать только, в кабак "У Солта". За небольшое вознаграждение Картрайд доставил хозяину папку, в которую, по его же словам, была уложена уморительная карикатура и больше ничего. Хавьер не удивлялся кругу знакомых Санни – адвокат обречён вращаться в самых различных кругах, но на всякий случай объяснил сыну кухарки, что он слишком мал посещать такие заведения.

Лань перечитал абзац ещё раз, внимательнее, отметил, что почерк в этом месте слегка плясал, выдавая волнение Санфорда. Похоже, речь шла о друге. Да, точно о друге. Если бы дело касалось кого-то из клиентов, адвокат отказался бы от встречи и провел утро в конторе. Стоило расспросить об этом карикатуристе, не впутал бы он Санни в какую-нибудь историю. Обычно благоразумный адвокат держался подальше от шумихи, но ради близкого мог пойти… бог знает на что.

Когда утром они обменивались рукопожатиями, от Санфорда пахло кофе и дымом, а ведь обычно он не курил, считая, что эта привычка распугивает клиентов. Хавьер тоже толком не спал ночью, мучаясь нетерпением. Благодаря Нэттли он, хоть на шажок, но окажется ближе к детективу.

За завтраком адвокат выпил ещё две чашки кофе, чутко прислушиваясь, не зазвонит ли телефон. И чем больше проходило времени, тем тревожнее ему становилось. Оба фабриканта уже ловили себя на том, что тоже начинают волноваться о незнакомце и душевном здоровье адвоката, который наотрез отказался от чая с ромашкой и потянулся к кофейнику, который Честер нарочно отставил подальше, прежде чем встать из-за стола.

– Я надеюсь, Ваш знакомый объявится, мистер Нэттли, – вежливо сказал он и на всякий случай поделился своими планами с Хавьером: – Брат, меня пригласили на постановку в Риджентс-парк.

– Постановку? Я не знаю, но говорят, там театр прямо под открытым небом, – переспросил адвокат. – Сейчас такая хорошая погода для прогулок, я даже немного завидую!

Хавьер пожелал ему хорошо провести время с подругой и её супругом – что-то подсказывало, что он тоже будет. На месте такого счастливчика любой был бы неразлучен с женой, особенно когда та намечает встречу с другом… мужчиной.

– Скажи, Санфорд, что ты знаешь о человеке по имени Чейз Цзян? – прямо спросил Лань, стоило двери закрыться. Он не допускал мысли, что друг может не знать ответа ни на один его вопрос. – Я имею в виду брата подруги Честера.

– К которой он сейчас отправился? – уточнил Нэттли, только чтобы дать себе немного времени на размышления.

– Цзян – редкая фамилия, – подтолкнул его Лань, побарабанив пальцами по столу.

– Я не знаю, зачем ты им интересуешься, Хавьер, но не думаю, что это хорошая идея, – Санфорд вернул чашечку на блюдце, так и не отпив.

– У нас возникли небольшие разногласия, переросшие в довольно неприятный конфликт, – пояснил фабрикант не слишком охотно. – Я хотел бы его уладить, но с тех пор, как Чейз арестовал меня, он считает… как бы помягче выразиться…

– Арестовал, – эхом повторил Санфорд. – И это ты называешь небольшими разногласиями?

– Скорее даже недопониманием, – постарался донести свою мысль Хавьер. – Но мистер Цзян не тот человек, которого я могу встретить в привычном окружении, чтобы объяснить: все это – не более чем досадное недоразумение.

– Если лейтенант узнает, что о нем наводят справки, он оторвёт голову сначала мне, потом вам с братом, – предупредил адвокат, выдавая, что знает больше, чем говорит, упорно продолжая делать вид, будто ему ничего не известно.

– Интересно, от кого он это узнает? – Хавьер испытующе посмотрел на Нэттли, поспешившего спрятать лицо за чашкой с кофе, хотя напиток давно должен был политься у него из ушей.

– Чейз вчера расспрашивал о тебе, – сдался адвокат, и по его лицу сразу стало ясно: вызвать к своей персоне интерес подобного толка – это совсем не хорошо. – И на твоём месте я бы не стал искать новой встречи.

Лань вздохнул, потому что именно он, а не Санфорд Нэттли, был на своем месте, и добрый дружеский совет представлялся ему не очень-то выполнимым. Однако посвящать в это посторонних Хавьер не собирался. Даже адвоката, которому с лёгким сердцем доверял дела фабрики. Ни к чему ему знать об этой стороне натуры клиента и друга. И так слишком уж заинтересовался, вон как глаза заблестели. Не ровен час начнет копать совсем не в том направлении, в котором надо Хавьеру.

– Я всё-таки рискну, – сказал он твердо, не оставляя Нэттли выбора, кроме как начать наконец делиться информацией. – Где мне

его найти? Кроме участка.

Часть 5

Хавьер и Санфорд уехали на одном кэбе: первому срочно нужно было наведаться в библиотеку, второму – к другу домой: вдруг тот просто забыл известить адвоката, что с ним все в порядке? Ужасно невоспитанно с его стороны – Санни просто извел себя! Лань даже предложил составить ему компанию, хотя и понимал, что в этом нет никакой необходимости. К счастью, тот отказался.

Да и тратить на это время на самом деле не очень-то хотелось. В погожие воскресные дни оно летит особенно быстро, а Хавьеру непременно хотелось поскорее проверить полученные от Нэттли сведения. Если повезет, уже сегодня вечером он увидит лейтенанта Цзян на пробежке. По словам Санфорда, он не менял маршрут уже три года, но и тут должно повезти. Дело в том, что все зависит от его графика. В рабочие дни он бегает рано утром, когда на это есть время, в выходные – в сумерках, потому что днём отсыпается.

– Мне повезет, – сообщил Хавьер ничего не понимающему архивариусу и одарил его одной из выверенных улыбок.

Завоевав таким образом расположение к своей персоне, мужчина быстро выяснил, в каком из довольно многочисленных изданий криминальным сводкам уделено больше внимания, и принялся изучать их с интересом, какого не проявлял никогда прежде. Особенно интересной ему показалась история сопливого Джо, которого логичнее было бы прозвать неуловимым. Он раз за разом мастерски уходил от полиции. Тон статей постепенно менялся: если сначала в нем превалировало возмущение, причем как деятельностью Джо, так и неудачами полицейских, то под конец всей этой истории писали уже с иронией, даже едко, называя констеблей беспомощными детьми и чуть ли не требуя отставки высших чинов и даже мэра.

Хавьер почувствовал какую-то неудовлетворенность, когда Джо и его банда пропали из газет. Видимо, сопли окончательно его доконали, а вот ушел он на покой или его арестовали – было непонятно.

- Все равно что читать книгу и вдруг обнаружить, что дальше страницы вырваны, - проворчал Хавьер, решив сделать перерыв.

Трудно было это признавать, но чтиво действительно оказалось интересным, даже по-своему захватывающим. Лань решил, что найдет недостающую информацию в других изданиях, если продолжит штудировать газеты и расширит период. Завтра же выкроит время, чтобы опять наведаться в библиотеку. Как раз о нем-то Лань и чуть не забыл, а оно меж тем не стояло на месте. Солнце заходит в восьмом часу, не упустить бы момент!
***
День памяти евангелиста Иоанна Марка, который, помнится, принял мученическую смерть где-то в Александрии, в церкви, которую сам основал, Вэйд праздником никак не считал. Слишком много церковных праздников он посетил в свое время. Всю субботу он провел дома за работой. Сначала нашел набросок, на котором изобразил Солта. Немного проработал лицо и дым, нарисовал ещё две-три версии бровей – одна другой лучше, а потом решил сделать то же самое в цвете. Получилось великолепно! Раскрасневшееся лицо с раздутыми ноздрями, округлившимися щеками, потоки дыма, красиво завивающегося по краям листа. Портрет дополнили глаза навыкате и вылезшие на лоб брови, похожие на двух мартовских котов, готовых сцепиться друг с другом насмерть за один только благосклонный взгляд домашней кошечки. Спины выгнуты, хвосты торчком, вся шерсть вздыблена.

Раз уж он обещал уважить старину Солта, это стоило сделать, прежде чем лезть на рожон. Больше никаких невыполненных обязательств у него ни перед кем не было, так что спал Вэйд просто восхитительно.

– Изумительное воскресное утро, – заметил художник, погладив Саймона против шерсти, чтобы убедиться в сходстве кота с бровями Солта, и тут же поправил кошачью прическу. – Накормлю тебя от пуза, убьют ещё ненароком… Ты ведь не против, если завещаю тебя Санни? Ты его вроде любишь, да, Саймон?

Кот повел ушами при звуке знакомого имени, но так и не удостоил хозяина ответом, пристально взглянул рыжими глазами и принялся вылизывать заднюю лапу, демонстрируя свое отношение к происходящему.

Художник проснулся довольно поздно, а потому, накормив кота, сам тратить время на завтрак не стал, да и голода пока не чувствовал. К тому же Санфорд советовал идти в логово Циклопа, пока светло, и сам Вэйд не горел желанием шляться по трущобам в темноте. А ведь предстояло ещё найти кэбмена посговорчивее.

К тому моменту, когда он, наконец, прибыл по полученному от Скотта адресу, Вэйд уже и сам разочаровался в этой затее. Перегорел. Даже интересно, Циклопу и правда по нраву вести дела здесь? На мистера Инна место произвело самое худшее впечатление, даже по меркам трущоб. Бедный район, ветхие дома перемежаются откровенными хибарами, чуть ли не шалашами, грязь и отбросы прямо под ногами, и в довершение едкий всепроникающий запах мочи. Художник словно провалился в кроличью нору и незаметно для себя оказался где-то очень далеко от Лондона, да ещё весь перепачканный в земле, фигурально выражаясь.

Переговорить с хозяином художнику не удалось, но он все-таки мельком увидел человека, по прозвищу Циклоп. Выглядел тот действительно отталкивающе, таким только детей пугать: «Немедленно в постель, Сэмми, не то придет Циклоп и слопает тебя на ужин!» Его наружность не вызвала ни малейшего желания нарисовать его портрет.

Вэйд отдал листки, полученные на боях, кому-то из прихвостней Циклопа – не исключено, что тот помнил старого сопливого босса – и поспешил уйти, даже не пересчитывая деньги. Выигрыш был скромным – гораздо меньше, чем можно было рассчитывать, впрочем, особого стеснения в средствах художник не испытывал.

Выбравшись из трущоб на свет Божий, Вэйд первым же делом нашел чистильщика, который не только привел его туфли в порядок, но и оказался кудесником. За четвертак он обсыпал пиджак и брюки художника каким-то порошком и энергично прошелся по ним щеткой. После этих нехитрых манипуляций от вещей перестало пахнуть чем-либо вообще.

– Секрет фирмы, мистер! – он озорно подмигнул Вэйду. – Доброго вам дня!

Распрощавшись со шлейфом трущоб, художник повеселел. Теперь можно было не возвращаться домой, чтобы сменить одежду на свежую, а устроить себе поздний завтрак. И, коль скоро его занесло в северо-западную часть Лондона, заглянуть в Риджентс-парк – не зря же захватил с собой этюдник! Старый, добротный, который при случае можно использовать в качестве своеобразного оружия. Едва ли дубовые дощечки разлетятся от первой же головы, да и как щит сгодится.

Впрочем, теперь опасность миновала, и этюдник ощутимо оттягивал плечо, именно поэтому художник не стал углубляться в парк. Куда интереснее было выбрать место буквально наугад, а потом постараться найти в нем что-то оригинальное и цепляющее для своего наброска. Это здорово стимулировало воображение. В этот раз ему не повезло – пейзаж попался довольно-таки заурядным, но было бы слишком просто дойти до озера. Сколько художников ежегодно изображают на бумаге и холстах утиный остров и милые мостики?

– Чего-то тут не хватает, – сказал Вэйд, ни к кому не обращаясь.

Следующая мысль ему понравилась. Почему бы не привнести в пейзаж что-то, чего и в помине нет? Он выбрал одно из деревьев, чей силуэт больше приглянулся, и принялся превращать его в цветущую вишню, роняющую лепестки на зелёный ковер. Его стараниями красавицу со всех сторон обступили хмурые дубы. Точно старшие братья – невесту. А вот этот стройный ясень ни дать ни взять жених.

Художника отвлек от работы шорох. Кто-то подошел довольно близко, чтобы поглядеть на неоконченную работу, вот только не были они похожи на ценителей живописи. Четверо мужчин обходили его полукругом. В том числе его недавние знакомцы.

– Скотти! – Вэйд не удержался и снова указал тому на схожесть имени с кличкой чьего-нибудь питомца. – Хэнк! Какими судьбами?

Он кожей чувствовал опасность, совсем как в юности, перед неминуемой дракой, каких случилось немало. Но не мог отказать себе в удовольствии немного поерничать. Если бы он держал язык за зубами, может, и выкрутился бы.

– Гони сюда деньги, бумагомаратель хренов! – рявкнул Хэнк, прежде чем его приятель решил оскорбиться.
***
Все это слышали люди, идущие по дорожке, проходящей невдалеке за густым кустарником. Увы, никто не собирался ничего предпринимать, притворяясь глухими и слепыми.

– Идите, – попросил Честер своих спутников. – Позовите полисменов.

– Ты ведь не пойдешь туда один? – Анна в испуге прильнула к мужу.

– Ничего не бойся, – как можно увереннее сказал Честер. – Я просто скажу им уйти, и они сразу послушаются, вот увидишь.

– Тогда зачем полиция? – она с тревогой смотрела, как Честер сходит с дорожки и направляется прямиком к просвету в зарослях.

– На всякий случай, – супруг поспешил увести девушку подальше от опасного места, за что фабрикант был ему очень признателен.

С самого начала Честер уловил в чужом разговоре какие-то угрожающие ноты и счёл необходимым проверить, возможно, кому-то потребуется помощь. Сейчас же словесная перепалка переросла в очевидную драку. Мистера Лань очень возмутила представшая перед ним картина. Трое громил жестоко избивали молодого мужчину в сером клетчатом костюме. Еще один человек валялся на земле без чувств с какой-то спицей… нет, кистью, торчащей из шеи.

– Подержите выблядка, – скомандовал бритоголовый, достав откуда-то нож. – Хочу сделать ему прическу.

Мужчина застонал, когда его вздернули на колени. Одна нога была повернута под неестественным углом, на нее снова с каким-то мерзостным удовольствием наступили тяжелым ботинком. Эта несправедливость и чужая боль пробудили болезненные воспоминания.

В отличие от нападавших, художник сразу заметил новое лицо и как-то почувствовал, что Честер не останется в стороне. Он ухмыльнулся, нагло глянув бритоголовому прямо в глаза. «Отвлекает, – понял Лань. – Старается сохранить эффект неожиданности».

– Что лыбишься, хочешь, чтоб я тебе и улыбку поправил? – лезвие свистнуло перед самым носом зажмурившегося художника, но не причинило вреда. Похоже, лысому доставляло удовольствие запугивать жертву.

– Не каждый день встречаю цирюльника… – прохрипел мужчина, морщась от боли в ноге, – который желает подстричь меня бесплатно…

– Господа, – воскликнул Честер, когда человек вновь замахнулся своим оружием. Лишь бы не дать навредить ещё больше. – Вам не кажется, что это нечестно?

– О, смотрите, защитничек нарисовался, – протянул без всякого выражения один из подельников, выпуская длинные волосы художника.

И в этот самый момент, воспользовавшись тем, что его мучители отвлеклись, тот собрался с силами и рванулся, сбивая собственным весом бандита с ножом. Завязалась борьба. Он придавил британского к земле и принялся остервенело выкручивать ему руку с ножом, не давая ткнуть лезвием в грудь или незащищенное горло.

Дальше Честер не смотрел. Двое громил уже опомнились, так что пришлось срочно вспомнить, что успел вложить в него учитель. Не столько в голову, сколько в мышечную память. И не важно, что последние несколько лет он отрабатывал удары на неживом предмете, которому не может быть больно, который не может уклониться или ударить в ответ.

Эти двое тоже не могли. Тот, что сохранял бесстрастное выражение лица, был слишком медлительным, а второй, судя по амбре, изрядно выпил для храбрости и это при раскладе четверо на одного! Сперва подсечь пьяного, который и так нетвердо стоит на ногах, а пока тот поднимается, заняться вторым. Обманный маневр, ударить с другой стороны. Пнуть пьяницу и добавить человеку, так и не переменившемуся в лице. До него как будто ещё не дошла боль от первого удара.

Мистер Лань и подумать не мог, что будет так легко оказаться сбоку от противника. Тот словно сам помогал ему, подставлялся, чтобы Честеру было удобнее ударить ребром ладони по шее под затылком.

Рука, шарившая во внутреннем кармане, выскользнула из-под пиджака… а ведь у него мог оказаться револьвер! Пьяница взревел раненым быком. Честер резко с разворотом шагнул в сторону от обмякающего тела и как раз вовремя, чтобы пропустить человека мимо себя и снова свалить на землю.

Еще несколько мгновений потребовалось, чтобы уложить его отдыхать. Честер развернулся, чтобы прийти на помощь художнику, но тот справился сам и как раз неловко сполз с, как видно, главаря бандитов. Тот дышал, но затрудненно – с расквашенным-то носом. На сером в клетку пиджаке размазались темно-красные пятна, но, похоже, кровь была не его.

– Мой этюдник, – были первые слова спасенного. – Они испортили пейзаж? Посмотрите, уцелело хоть что-то?

Честер покачал головой: его только что чуть не убили, а он беспокоится о красках и кистях, одна из которых… Тот из четверки, который выбыл первым, захрипел и выдрал импровизированное оружие художника, слегка откинув от себя. Потянулся к горлу и затих.

– Скоро здесь будут констебли, – сказал Честер.

– А если эти очухаются раньше? – возразил тот немного испуганно, как будто имел проблемы с законом. – Мы не можем тут оставаться. Если Вам не сложно, помогите мне добраться до больницы, только сначала соберём мои инструменты.

Фабрикант кивнул и действительно собрал вещи художника. В том числе перемазанную кровью кисть. Было не понять, выживет ли раненый ею человек или прямо сейчас истекает кровью у них на глазах. У дяди не было правила на такой случай, а о чем думал его племянник? Что спасенному им художнику будет утомительно и неудобно прыгать на одной ноге, что это значительно замедлит передвижение и может ещё больше повредить кости, что тот смотрит как-то странно.

– Вы не думали что это – Ваше призвание, мистер? – спросил он и тут же отчего-то осекся, переводя тему: – А как я их, видели? Жаль, этюдник не был сложен. Когда мне было тринадцать, я этим этюдником...

Часть 6

На самом деле у Вэйда до сих пор прыгало в груди, а руки слегка дрожали. К тому же он не мог пошевелить ногой, чтобы ту не прострелило острой болью. Только что он подрался. Заколол человека кистью, а еще бросился на бандита, обещавшего его изувечить. В тот момент не побоялся ножа в его руке, а сейчас…

– И головой в нос… – голос отчего-то упал. – Самому больно стало…

Нос, судя по форме, и так не раз поломанный, было не жалко. Они боролись, в какой-то момент Вэйд завладел оружием нападавшего, а тот со злостью впечатал кулак ему в печень. По-настоящему больно стало только теперь, а в тот момент, сгоряча, художник лишь охнул, да нанес обидчику удар в висок, нож ещё был в руке, и его твердая рукоятка пропечатала монограмму на коже бритого. Он наконец вырубился и до сих пор не подавал признаков жизни.

Таким образом, Вэйд пропустил почти все захватывающее зрелище, застав лишь самый конец и немедленно пожалев о разгромленном этюднике. Пришедший ему на помощь господин в белом легко, играючи расправился с Хэнком и его нетрезвым приятелем.

Да он даже не запыхался! Теперь понятно, почему этот человек так пренебрежительно смотрел на драчунов на ринге и сборище зрителей. Пожалуй, он уложил бы любого участника боев… Или не он? В душу закралось какое-то смутное сомнение. Жаль, блокнот с набросками остался дома, но ведь Вэйд рисовал это лицо, совершенно точно рисовал, какая уж тут может быть ошибка?

Его немного отпустило, когда спаситель вручил ему этюдник, тяжёлый и надежный. Потом наклонился и очень осторожно завел одну руку под колени художника, стараясь не потревожить перелом. Вэйд инстинктивно обхватил благодетеля за плечо и уже в следующий миг оказался над землей. «Даже в лице не изменился», – восхитился Инн, отнюдь не считавший себя и этюдник пушинками.

– Очень болит? – спросил незнакомец.

– Ерунда, – соврал Вэйд. К тому же его несли так бережно, что грех было жаловаться. – В больнице мигом починят…

– Я обо всем позабочусь, – твердо произнес мужчина, выбрав просвет в кустарнике, сквозь который можно было легко пройти вдвоем.

«О, нет-нет-нет! Откуда ты взялся такой весь идеальный?! – мысленно простонал художник, почувствовав, как кровь прихлынула к щекам. Ещё немного, и Вэйд просто в него влюбится. Надо сказать, с художником это случалось сплошь и рядом. Чувство могло вспыхнуть, например, к натурщице, случайному попутчику, а то и вовсе к совершенно незнакомому человеку на улице, и после бесследно пройти, как простуда.

Нет, Вэйд не испытывал вожделения, несмотря даже на продолжительный перерыв в личной жизни. Кроме того, неуместная эрекция оскорбила бы его спасителя. Это было что-то другое, спокойное, обволакивающее ощущение, согревающее сердце в груди. Он прильнул ещё ближе, уворачиваясь от веток и невзначай слегка обнимая мужчину. Если что, наплетет, будто бы в голове помутилось от боли, и сразу же будет прощен за такие вольности.

Вскоре они покинули Риджентс-парк, к счастью, не встретив по пути констеблей. Кэбмен помог устроить пострадавшего на сиденье, быстро кивнул, когда прозвучал адрес, и пообещал везти ровнее. Вэйду название улицы ничего не говорило, но он справедливо предположил, что там находится ближайшая городская клиника.

– А тут уютнее, чем в больнице, – он оглядел комнату. – Даже не похоже, что это приемная.

Скорее уж чья-то уютная гостиная, а если пройти дальше, обнаружится не кабинет, а спальня, ванная или небольшая, но уютная кухня, из которой доносился дразнящий аромат. Их встретил мужчина средних лет и попросил подождать ещё буквально одну минуту. Он был среднего роста, но, когда пожимал руку Честеру, показался по сравнению с ним нескладным коротышкой.

– Это ваш семейный врач, мистер Лань? – спросил Вэйд. Они представились друг другу в кэбе, но Вэйда не оставляло ощущение, что собеседник ждал от него чего-то, возможно, узнавания? Вдруг фамилия Лань была на слуху даже в таком огромном городе как Лондон? – Наверно, ваша жена и дети в восторге от него.

– Я не женат, – коротко ответил тот, сверля глазами дверь, за которой скрылся Сен-Клер.

Вэйд смутился. Он явно сейчас ляпнул лишнее. Этот человек так старался помочь ему, так беспокоился о нем, а Инн… чуть не начал выспрашивать, как такой интересный мужчина до сих пор отбивается от неравнодушных девушек и их настойчивых матушек. Врач и правда возвратился очень быстро, окутанный шлейфом дразнящего мясного аромата. Похоже, проведывал, как там поживает томящийся в печи ягненок. Сен-Клер провел посетителей в кабинет, чтобы осмотреть ногу Вэйда.

– Думаю, ничего серьезного, – сообщил мужчина, оглядев разливающийся под кожей синяк. – Потерпите-ка, друг мой.

– Ай! – художник дёрнулся, когда врач принялся ощупывать его ногу. – Беру свои слова обратно!

– Ну-ну, мне ведь нужно убедиться, что нет смещения, – мягко урезонил его Сен-Клер. – Честер, помогите мне, пожалуйста. Придержите своего друга. Я дал Вам самое лучшее болеутоляющее, мистер Инн, уверяю, скоро оно начнет действовать.

Лань немедленно послушался и несколько неловко взялся за плечи художника. Вэйд сам приподнялся, найдя опору. Честер уже смелее обхватил его поперек тела – мягко, но в то же время так крепко, что даже дышать стало труднее. Прижал руки и не давал двигаться. Инн вдохнул запах мужчины, от Честера пахло лесом и совсем немного свежим потом.

– Мистер Инн? – чувствовалось, что он обрёл уверенность и вполне понимал, что от него требуется, но все ещё опасался переборщить.

Что Вэйд мог ответить? Что это одно сплошное удовольствие – чувствовать упругое подтянутое тело так близко через тонкую ткань рубашки? Запачканный кровью пиджак художник оставил в кэбе, все равно пятна будет не свести до конца. Что он уже готов позволить человеку, которого знает от силы час, делать с ним все, что душе угодно? Даже боль не то правда немного унялась, не то отошла на второй план, лишь изредка напоминая о себе, когда врач слегка поворачивал ногу.

– Я умер и попал в рай, – рассудил Вэйд, прикрывая глаза, и пусть это спишут на воздействие препарата.
***

Полицейский заканчивал второй круг, когда позади него раздался цокот копыт и хруст гравия. Это само по себе было странно, обычно в это время уже никто не выезжает. Цзян свистнул Ангелу, шнырявшему где-то в кустах, чтобы не напугать лошадь, но опоздал.

Тонконогий черный жеребец заплясал под седоком. Высокий мужчина дал ему сделать изящный оборот на месте, да и только. Выглядело до отвращения непринужденно! Даже сам вороной повернул голову, чтобы тоже посмотреть на человека, что держался в седле, как влитой. С тем же успехом конь, стоящий на пьедестале напротив входа в Гайд Парк, мог попробовать сбросить герцога Веллингтона.

"Все-таки придется извиняться", – понял Цзян, отмахнувшись от липнущей ко лбу челки, и через силу натянул на лицо максимально вежливое выражение, на которое был способен. Ангел ткнулся мокрым холодным носом в ладонь, и не получив угощения, направился к лошади, попытать счастья с ее хозяином. Все мысли о том, чтобы извиниться, моментально вымело из головы, стоило увидеть, кто именно склонился, держась затянутой в светлую перчатку рукой за луку седла, чтобы потрепать пса между ушами.

– Ангел! – возмутился Цзян, никогда не замечавший за своим псом склонности ластиться к чужим. – К ноге!

– Лейтенант Цзян? – приветствие прозвучало в меру удивлённо и до того мягко, что тот снова усомнился в нормальности этого Хавьера Ланя. И чем он только смог произвести столь благоприятное впечатление на Анну? – Не ожидал встретить Вас здесь.

– Аналогично, – резко ответил Чейз, на что Лань никак не отреагировал, внешне, по крайней мере. Он так и продолжал гладить пса, который встал на задние лапы, оставляя пыльные следы на безупречно вычищенном сапоге. – Ни разу Вас тут не видел.

Прозвучало как: «Век бы тебя не видал», но Чейзу было плевать, что подумает собеседник. Хавьер же одарил детектива искренней обезоруживающей улыбкой, как будто говорил с дорогим другом, пребывающем в дурном расположении духа. За это полицейскому захотелось пристрелить его на месте. Увы, сейчас револьвера при нем не было, да и пользоваться им, без веских на то причин, Цзян не имел права.

– Я сегодня припозднился, – объяснил мистер Лань, спешившись и беспечно позволяя собаке ещё больше наследить на его костюме. Ангел попытался вылизать ему лицо, обслюнявил перчатку и сунул любопытный нос в рукав. – Обычно выезжаю около четырех пополудни.

– Ангел, это уже ни в какие ворота не лезет! – зарычал Чейз, хватая пса за ошейник.

– Оригинальная кличка для служебной собаки, – похвалил Лань, рассеянно похлопав вороного по шее. – У Вас неплохое чувство юмора.

Цзян закатил глаза. Похоже, этот тип не отвяжется. Знает он таких, с виду мягкие и вежливые, а на деле хватка как у бульдога. Как бы то ни было, беседу он посчитал оконченной и развернулся уходить. Бегать уже не хотелось. Черт бы побрал этого хозяина жизни! Что он сам родом из точно такой же семьи, Чейз предпочел не вспоминать.

Едва он сделал несколько шагов, как хруст за спиной возобновился, детектив резко обернулся, краем глаза успев уловить несвойственное для этого человека выражение… Хотя откуда ему, черт возьми знать, что обычно для мерзавца, которого он и видел-то всего третий раз в жизни?

Лошадь вальяжно – другого слова он не смог подобрать при всем желании – шла следом, а ее хозяин снова улыбался. Странный блеск в глазах ему просто почудился, на самом деле они лучились теплом. Тут Чейз одернул себя: какое ему дело до того, какого оттенка у этого человека глаза?

За несколько секунд Лань успел снова сесть верхом. Стоило остановиться, и он подъехал вплотную. Всадник слегка потянул поводья, нарочно останавливая животное буквально в шаге от человека, так, что тому пришлось бы задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо.

– Что-то не так? – спросил Лань, видимо, выражение лица Чейза было настолько откровенно злым, что он не смог это проигнорировать.

– Вот именно! – лейтенант отшагнул в сторону. – Что-то мне подсказывает, что ты тут неспроста нарисовался. Ты, мать твою, забыл, что я тебе сказал? На идиота вроде не похож.

– Лейтенант, я уверен, нам необходимо поговорить, – своей вежливостью и неожиданным напором этот Лань раздражал ещё больше. В этот раз в его тоне ощущалась почти неуловимая угроза. – Согласитесь, глупая получилась ситуация, а лично я не люблю такие. Как Вы смотрите на то, чтобы разрешить этот конфликт… скажем, сегодня за ужином?

– А почему бы не сделать вид, что мы не знакомы? – зарычал детектив, окончательно выходя из себя. – Давай так, ты сейчас свалишь отсюда, а я продолжу пробежку и ебись оно все хоть ежом ушастым. Все? Конфликт исчерпан?

Он с удовольствием отметил, что лицо прохвоста изменилось – слегка сжал зубы. Отлично, он нашел слабое место, этот лощеный хлыщ не выносит ругани! Ещё немного и Чейз от него избавится.
***
Хавьер стиснул зубы, подавив тяжёлый выдох. Выданное Чейзом – мысленно он называл детектива по имени – матерное выражение окатило жаром, а следом по спине пробежали мурашки. До безумия хотелось поцеловать губы, с которых только что сорвались эти грязные слова, вдохнуть запах пота, слизнуть соленые капельки с шеи, пробуя на вкус, зарыться пальцами в светлые волосы на затылке. Цзян бы наверняка сопротивлялся, осыпая его все новыми проклятиями.

Чистое безумие – фантазировать о таком! Пришлось остаться в седле, чтобы избежать лишнего соблазна. Если полицейский снова схватит его, как тогда на свадьбе… Непослушное сердце, никак не желавшее успокаиваться с тех пор, как он увидел Чейза, забилось в груди особенно часто. Если бы детектив догадывался, чего Хавьеру стоит быть сдержанным в его присутствии…

– Конечно, продолжайте, – разрешил Лань, прекрасно понимая, что снисходительный тон доведет собеседника до белого каления.

Сведения Нэттли, как всегда, оказались предельно точными, но уж слишком короткой получилась встреча. Направляя коня следом за нерасположенным к разговору полисменом, он не успел продумать, как будет вести себя, но одно знал точно: он, Хавьер Лань, хозяин знаменитой фабрики Лань, готов сказать или сделать что угодно, лишь бы эти дьявольские глаза снова полыхнули огнем. Потому что именно в такие моменты он чувствовал себя по-настоящему живым.

Хавьер уже предвкушал гневную отповедь, которую получит от лейтенанта, но их прервал надрывный женский визг. Конь нервно переступил с ноги на ногу, но Хавьер придержал его. Цзян снова отдал команду Ангелу – сейчас пес был единственным его

оружием.

– Убили! – заголосила женщина во всю мощь легких, которой позавидовали бы оперные певицы.

– Увижу тебя с твоим сраным конем, топчущими место преступления – засажу, – прозвучало крайне двусмысленно.

– Еще увидимся, детектив, – фабрикант все-таки оставил последнее слово за собой.

Часть 7

– Хавьер, да вы с Честером видно сговорились, – хихикнула Анна. – Стоит одному похвалить парижскую сирень, другой тут же начинает восхищаться итальянской осенью и климатом.

Девушка сидела подле мужа на просторном диване в гостиной братьев Лань. Она рассеянно провела кончиками пальцев по обивке. Яркая фактурная ткань для него и кресел, занятых близнецами, была привезена из Индии и очень ей нравилась. И эти круглые вышитые подушечки привносили в сдержанный интерьер какое-то неуловимое чувство предвкушения праздника.

– Думаю, твои друзья просто хотят, чтобы мы сами приняли решение, – улыбнулся ей супруг, нежно заключив ладошку Анны в свою.

Было приятно посмотреть на эти маленькие трогательные знаки внимания, ничуть не выходящие за рамки приличий, но показывающие, что пару соединяют не только узы брака, но и искренние чувства. С момента свадьбы два любящих сердца были практически неразлучны.

– Честно говоря, я удивлена Вашим приглашением, Хавьер, – лучшая подруга Честера оказалась очень проницательной. Ее брат тоже сразу чувствовал подвох, в этом они были похожи. – Вы же не просто так это сделали?

– Я сожалею, что не поступил так раньше, – фабрикант, не желавший поднимать интересующий его вопрос при новоиспечённом супруге Анны, отшутился. – Признаюсь, слушая, как брат перечисляет Ваши добродетели, я думал: «Такой женщины просто не существует в природе!»

– Осторожнее, мистер Лань, не то я подумаю, что вы оба положили глаз на мою супругу, – предупреждение так же прозвучало в шутливом тоне. Все присутствующие понимали: любые поползновения заведомо обречены на неудачу.

Мистер Лань машинально улыбнулся. Он сосредоточенно думал о том, как бы отвлечь его… лучше всего вместе с Честером. Брату для его же спокойствия знать ничего не стоило – он и так в последнее время был сам не свой.

– Анна писала, что Вас еще задолго до свадьбы начали вводить в семейный бизнес, – произнес Честер. Может быть, Хавьер плохо скрывался, и младший уже догадался о его желании поговорить с Анной наедине?

Если подумать, семья Цзян попала в крайне неудобное и невыгодное положение. Наследник, который должен был взять в свои руки бразды правления, вместо этого работал в Скотланд-Ярде. Выходит, они всерьез готовятся передать текстильную империю человеку, носящему другую фамилию.

– Наши семьи – давние партнеры, – прозвучало уклончиво, хотя для этого и не было причин. Анна поджала губки и взяла фарфоровую чашечку, отпив чая. – А с каких пор фабрика Лань интересуется тканями?

– С тех пор, как небольшое семейное предприятие несколько вышло из-под контроля, – Честер остался невозмутим.

На самом деле, сказано было очень мягко. Дело в том, что зимой у родителей на ферме родилось просто-таки рекордное количество ягнят редкой полутонкорунной породы, а это значило только одно – уже осенью семья Лань будет в буквальном смысле утопать в шерсти, которую не перепрясть и Трем Пряхам из сказки. Похоже, брат решил воспользоваться моментом и договориться о поставках первоклассного сырья.

– Родители Честера и Хавьера держат овец, – Анна вернула чашку на блюдце и обратилась к мужу. – Помнишь мою любимую шаль? Я связала ее из пряжи, которую спряла их матушка. На настоящей прялке!

– Скоро ферма превратится в одно большое овечье хозяйство, – продолжал Честер, не то похвалив деловую хватку дяди, не то дивясь неугомонной натуре отца, который еще недавно заявлял, что отправился на покой. – Не желаете взглянуть?

– Ты забыл про кроликов, – со смешком заметил Хавьер. – Неужели до сих пор не пообещал привезти в подарок самого пушистенького?

Брат только вздохнул. На самом деле кроликов он обожал. Один даже жил у них в доме, пока не повзрослел и не приобрел весьма характерный запах. На ферме зверьки чувствовали себя просто замечательно! Толстенькие, чистенькие, они спокойно давались в руки.

– У меня как раз есть образцы после весенней стрижки, – вспомнил Честер, спеша увильнуть от неудобного разговора, пока старший еще чего не рассказал. – Не желаете ли взглянуть?

Будто бы это мешало Хавьеру рассказать пару забавных историй, чтобы повеселить гостью. Например, о том, как на ферме появились семеро козочек – белых как молоко и удивительно кротких.

– А Ваш брат тоже любит животных? – спросил Хавьер.

– Только собак, – ответила та. – Когда мы были детьми, у нас был целый выводок: Принцесса, Милашка и беленькая – Жасмин. У него и сейчас есть собака, и привычке давать странные имена он не изменил.

– Ангел, – машинально кивнул Хавьер, а ведь Анна только-только улыбнулась и заметно расслабилась, перестав ожидать от него сюрпризов.

– Откуда Вы знаете? – с удивлением переспросила девушка.

– Анна, Вы были правы, я действительно пригласил вас с мужем не просто так, – он старался быть предельно честным.

Если опустить тот факт, что ее брат просто свёл его с ума и занял все мысли, все остальное было чистой правдой. Меньше всего Хавьер хотел играть с чувствами этой замечательной женщины, приязнь которой сумел завоевать, но другого выхода не было. Поэтому он рассказал обо всем. Как попал на злосчастные бои, и какое удручающее это было зрелище. Как был задержан детективом Цзян, и каким милым псом оказался Ангел. Как пил чай вместе с одним из полицейских, дожидаясь Честера, который по его вине чуть с ума не сошел от беспокойства, и как дважды пытался объясниться с Чейзом.

– Если бы это касалось только меня и лейтенанта, – сокрушенно проговорил Хавьер. – Однако боюсь, из-за моей ошибки пострадает доброе имя моего брата. Одно наше родство может бросить тень и на Вас, потому что Вы – его подруга.

– Не корите себя, Хавьер, – она так растрогалась, что забыла об официальном: «мистер Лань». – Приходите к нам на чай в субботу. Я попробую сделать так, чтобы и Чейз был, но… Вы в любом случае приходите. Я сама испеку к чаю пирог, как во Франции.

– Сами? – удивился мужчина. – Тогда уверен он будет во стократ лучше, чем во Франции.

Анна порозовела от полученной авансом похвалы. К неудовольствию Хавьера, образцов у брата было немного, так что и их с Анной приватный разговор получился довольно коротким.
***
– Все в порядке? – обеспокоенно спросила подруга, конечно же, заметившая изменение его настроения. Честеру никогда не удавалось провести Анну или старшего брата. – Вы не договорились со Стюартом?

Честер взял эти образцы уже довольно давно. Овец постригли, едва установилась теплая погода, после шерсть прошла необходимую обработку и, надо сказать, превзошла ожидания фермеров. Даже человеку далёкому от производства пряжи и тканей достаточно было просто взглянуть и потрогать помещающееся в ладони белое облачко, чтобы убедиться в высочайшем качестве сырья. Разве они могли не договориться?

Нет, дело тут было в самом Честере. Он сам себя не понимал. Стоило собеседнику упомянуть совершенно другого Вэйда и он вспомнил о художнике. Как он там? До чего же мистеру Лань не хотелось выпускать свою ношу из рук… Прошло уже столько времени, а Честер так и не смог выкинуть его из головы.

– Нет, все в порядке, – слабая улыбка не убедила девушку, да и не любил Честер улыбаться. – Помнишь, три дня назад в парке?

– Конечно, помню, я так испугалась за тебя! – воскликнула девушка. – На кого-то напали, а ты пошел его спасать. В одиночку! И полисмен слушать ничего не желал.

– Все обошлось, – уверил ее Честер, уже сожалея, что заговорил об этом в присутствии брата, взгляд которого ощутимо похолодел. – Только мистер Инн повредил ногу. Я отвёз его к врачу, а после – домой. О нем есть кому позаботиться…

Последнее прозвучало так, будто он пытался убедить в этом себя самого. Он и так сделал для незнакомца больше, чем было необходимо. Обратился к Сен-Клеру вместо того, чтобы отвезти пострадавшего в больницу. Однако Честер отчего-то не мог просто передать Вэйда Инна врачам и заняться своими делами.

Район ему сразу не понравился. Многоквартирные дома, вроде бы чистые, но довольно унылые улицы. А уж когда кэб остановился у дома, больше похожего на башню, в душе Честера поднялся настоящий протест. Осмотрев ступени, ведущие к входной двери, Лань не смог сдержать возмущения и воскликнул: «Вам ведь придется взбираться по этим кручам!» Художник на это лишь беззаботно махнул рукой – по его мнению, ступени были сущим пустяком. Боль прошла, и он даже находил в себе силы радоваться пережитому приключению.

Честер уже столько раз пожалел, что предоставил заботу о пострадавшем его экономке, которая по словам мистера Инна, как раз в тот день взяла выходной, чтобы съездить к родным. Нужно было проявить настойчивость. Может, даже применить силу, в таком беспомощном состоянии он мог просто увезти художника, так почему же не сделал. Может, потому что ему хотелось, чтобы художник попросил об этом сам? Если бы он попросил…

– Ты такой отзывчивый, Честер, – узнав правду, Анна наконец перестала думать о плохом. – Если ты до сих пор беспокоишься об этом человеке, может, тебе стоит послать к нему Картрайда? Пусть отнесет мистеру Инну немного печенья, наверняка миссис Стэнли приготовила с избытком.

Мужчина посмотрел на подругу с благодарностью. Это и правда совсем не выглядело навязчивостью с его стороны. К печенью будет приложена записка, в которой он поинтересуется самочувствием художника и уверит, что тот может рассчитывать на его помощь. На какое-то время Честер даже уверился, что это и есть самый лучший выход в сложившейся ситуации, но… лишь до ухода Анны и Стюарта. Беспокойство вгрызлось в сердце с новой силой и после длительной борьбы все-таки взяло верх над здравым смыслом. Честер сам взял свёрток с печеньем и впервые в своей жизни отправился к кому-то в гости без приглашения.

Район, в котором жил художник, выглядел все таким же неприветливым, редкие прохожие – какими-то серыми. К тому же начинал накрапывать дождь. Мистер Лань попросил кэбмена подождать и поднялся по довольно крутой лестнице к знакомой двери. Честер все ещё сомневался, правильно ли он поступает, придя сюда. Они же едва знакомы. Он сделал в конце концов достаточно, пора забыть об этом. Но что-то словно подталкивало его стучать снова и снова, несмотря на то, что на стук долго никто не отзывался: ни сам хозяин, ни его экономка.

Лань уже подумал, что его не хотят видеть, и готов был уйти, когда изнутри послышались шаги. Художник предстал перед ним в непотребном виде – его домашний халат пестрел всевозможными пятнами. Заострившиеся черты лица, живописные круги под глазами и давно не мытые волосы говорили о том, что Честер не зря переживал.

– Мистер Лань, – мужчина расплылся в улыбке, пожимая ему руку и не слишком-то смущаясь своего плачевного состояния.

– Я думал, здесь есть кому о Вас позаботиться, – негромко проронил Честер, до крайности огорченный увиденным.

– Моя экономка… она приболела, – ответил Инн, но не сразу, как будто сперва пришлось что-то припомнить или подсчитать в уме. Это наводило на мысль, что никакой экономки на самом деле нет. – Не стойте под дождем, я и без того доставил Вам много неудобств.

Отходя в сторону, чтобы пропустить визитера, он опирался на явно самодельный костыль и все еще пытался улыбаться. Получалось бледно. Честер решительно взял мужчину под руку, чтобы довести до места, где тот сможет сесть. Художнику принадлежала несуразная многоярусная квартирка, кажущаяся маленькой из-за беспорядка. Все кругом было завалено тюбиками красок, набросками, кистями и карандашами… Посреди стола, предположительно обеденного, развалился толстый серый кот, не соизволивший хотя бы для приличия приоткрыть один глаз, чтобы взглянуть на гостя.

– Вы не можете тут оставаться, – решительно заявил Честер, поражая самого себя такой настойчивостью.

– Да все в порядке! – художник попробовал убрать хотя бы кота, у которого вообще-то было свое местечко с мягкой подушечкой прямо у входной двери. – Мисс Андерс завтра придет и все уладит.

– У Вас есть чемодан? – непреклонно спросил Честер, осторожно положив печенье на нагретую котом столешницу.

Художник удивлённо кивнул. Что он мог подумать о мистере Лане? Они виделись второй раз в жизни, а он уже собирается забрать беспомощного незнакомца к себе в дом и проявляет просто непозволительное упорство. Что скажет брат?

– Не могу же я оставить Саймона, – заглянув в свёрток, Вэйд первым делом попробовал угостить печеньем кота и только потом захрустел сам.

– Не проблема, – лаконично ответил Честер, методично собирая вещи, которые могли понадобиться Вэйду в первую очередь. За всем остальным можно будет послать потом. И заодно нанять людей, которые бы тут прибрались. – Где Ваше пальто? Я отнесу вещи и Саймона в коляску и вернусь. А Вы пока оденьтесь.

– Мистер Лань, Вы же не собираетесь?.. – художник явно не ждал такого напора и оторопело скомкал поданную вещь вместо того, чтобы накинуть на плечи. Потом вдруг воскликнул: – Мой этюдник!

Но Лань и без напоминаний уже взял знакомый предмет, который остался стоять там же, где его оставили несколько дней назад. Кэбмен помог погрузить чемоданы, пока Честер уговаривал кота отцепиться от плеча и немного посидеть взаперти. Вэйд напрасно отказывался от пищи в пользу кота – что-что, а излишняя худоба Саймону не грозила. Кот был, может и не жирным, но упитанным, плотно сбитым, с густым, пружинящим под рукой мехом.

– Это всего на пару минут. Саймон, да? Славный котик... – Лань глянул, не слушают ли их разговор и понизил голос: – Хорошо, оставлю тебе свое пальто. Только потом обязательно верни, оно тебе велико!

Когда он все-таки отцепил от себя кота и на всякий случай слегка запеленал его, художник уже выбрался за дверь и возился с ключом. Запирать замок, балансируя на одной ноге, было явно не слишком удобно. Честер поддержал его.

– Вы же не думаете снова поднимать тяжести? – с опаской спросил Вэйд.

– Лестница слишком крутая, Вы сами знаете, что не спуститесь, – резонно заметил Честер, стараясь не измениться в лице. Все же мистер Инн не был котом, чтобы фабрикант с упоением таскал его на руках.

– А если Вы меня уроните? – Вэйд попытался пошутить.

– Не уроню, – твердо ответил Честер. – Держитесь.

Часть 8

– Поверить не могу, что Вы это сделали, – сказал Вэйд, когда они тронулись.

Было непонятно, говорит ли он о том, что Честер затащил его в коляску почти что против воли, или же о том, что он отдал коту свое пальто. Немного подумав, фабрикант сделал выбор в пользу второго.

– Как бы Вам не пришлось заказать этому моднику курточку, совсем как в той сказке, – сказал он.

Немного привыкнув к новой обстановке, Саймон выбрался из свертка светлой шерстяной ткани и улегся поперек коленей похитителя, стекая то в одну, то в другую сторону в такт хода коляски.

– В сказке были сапоги, – художник улыбнулся, наблюдая, как терпеливо мистер Лань поправляет когтистые лапы, устраивая кота поудобнее. – А к его глазам подойдет что-нибудь яркое, скажем, сливовый или мятный.

Честер ощутил легкое смущение. У него складывалось стойкое впечатление, что художник говорит уже не о своем коте. Дождь только прошёл, и небо быстро прояснялось. Мистер Инн прилип к окну, любуясь городом, как графитными пейзажами в галерее. Несмотря на довольно поздний час, на улице слегка посветлело – луна тоже решила взглянуть на Лондон, отражаясь в лужах. Молчание, нарушаемое стуком копыт и мощным кошачьим урчанием, нисколько не тяготило. Вдруг художник встрепенулся и постучал, привлекая внимание кучера.

– Остановите коляску, – оправдываясь, Вэйд объяснил спутнику: – Мне нужно нарисовать это!

– Сам знаю, – заворчал в ответ мужчина, подъезжая к изящному кованому забору, отмечающему границы сада.

Дом, принадлежащий близнецам, хоть и находился не так уж далеко от рабочих кварталов, золотился в свете газовых фонарей, а днем, по выражению Анны, сиял белизной, словно меренги, которые вот-вот отправятся в печь.

– Мы приехали, – Честер очень надеялся, что художник сможет удержаться и не потребует этюдник.

– Вы живете здесь? В этой небесной обители?! – восхитился Вэйд, глядя попеременно то на дом, то на фабриканта. – Наверно, мне следовало спросить раньше, мистер Лань, но уж теперь-то я убедился, Вы – настоящий ангел, а не как некоторые.

Честер хмыкнул, не вдаваясь в то, какие размолвки у мистера Инна с церковью. Захочет – расскажет сам. Потом посмотрел на окно кабинета Хавьера, где по-прежнему горел свет. Брат ждал его, чтобы во всех подробностях расспросить о той драке в Риджентс-парке, но сначала нужно было позаботиться о гостях и попросить миссис Стэнли приготовить сытный ужин для мистера Инна и его кота.
***
На лоб легла прохладная ладонь. Вэйд замер, как кролик перед змеёй. Это было так неожиданно и даже более странно, чем все остальное странное, произошедшее за сегодняшний вечер, вместе взятое.

– Что Вы делаете? – осторожно уточнил он, не решаясь пошевелиться.

– Проверяю, нет ли жара, – прозвучало ровно, как если бы Лань сказал: «Луна белая» или «кот пушистый».

Жар не замедлил появиться, растекся по щекам и охватил уши. Когда Честер убрал ладонь, Вэйд едва не потянулся за ускользнувшей прохладой. Ох, не надо было подходить к двери, но он так надеялся, что придет Санни и накормит их с Саймоном. Кот, кстати, решил дополнить пальто Честера прекрасным меховым воротником, коль скоро оно возвратилось на плечи владельца.

– Этим домом много лет владеет моя семья, – новый знакомый, придерживая кота, спрыгнул на землю и протянул руку, чтобы помочь мистеру Инну сойти. – Сейчас я живу здесь с братом и племянником.

«Как леди», – нервно хихикнул про себя художник и, несмотря на поддержку, оступился на подножке. Свалился бы, но его надёжно подхватили и прижали к себе, окутывая дурманным запахом туалетной воды. Что-то дымно-древесное с легкой мятностью. Честеру он был готов простить легкий оттенок ладана, обычно вызывавший раздражение.

Он ведь переболел… Нет, забота этого человека была ему приятна. Все эти дни, пока Вэйд вынужденно затворничал, Честер думал о нем, беспокоился, даже пришел навестить. Он был поразительным: справедливым, неожиданно сильным, а его настойчивость… Если так посмотреть, Лань просто похитил их с Саймоном, а Вэйд ему это позволил и даже не спросил, куда его везут.

Надо было отодвинуться. Сразу. И даже не пытаться выделить, как пахнет кожа Честера, тот неповторимый аромат, присущий только ему. Со стороны это должно было выглядеть странно и предосудительно. Но художнику отчаянно хотелось растянуть это маленькое удовольствие, он просто не мог заставить себя разжать руки, да и отпускать его, похоже, не собирались.

– Пойдёмте в дом, – голос Честера заметно изменился, зазвучал словно бы с неохотой, а Саймон умудрился хлестнуть хозяина хвостом по лицу, испортив такой момент.

Он невольно наморщил нос, в котором немедленно зачесалось от кошачьей шерсти – кое-кого нужно было вычесывать по два раза на дню. Лань снова повел Вэйда аккуратно и на удивление ловко. Было бы намного удобнее закинуть руку ему на плечо, но мешал кот, свесивший все четыре лапы и жмурящийся от удовольствия. Инн даже позавидовал: Саймону не были ведомы нормы приличия или какие-то другие сомнения.

Несмотря на то, что соблазн прогуляться по саду был очень велик, мужчины прошли прямиком в дом. Там их встретила миловидная горничная, не подавшая виду, что хозяин привел гостя, никого о том не предупредив.

– Добро пожаловать! – пропела девушка, приветливо улыбнулась мужчинам.

Стоит отметить, она была прехорошенькая, но как минимум до завтра сердце Вэйда было занято другим человеком. А там, глядишь, можно будет и под луной прогуляться. Пользуясь возможностью, художник рассматривал не только горничную, но и все вокруг, с любопытством заглядывал в открытые двери, мимо которых проходил. Насколько он заметил, свой дворец хозяева обставили с отменным вкусом, но без излишнего шика. Много пространства и воздуха, но не в ущерб уюту. Здесь действительно жили, а не создавали видимость своего благосостояния для стороннего человека.

– Пожалуй, я не откажусь задержаться тут подольше, – художник улыбнулся своему благодетелю, едва в большой гостевой спальне зажегся свет. – Она ведь для двоих!

– Так и вас двое, разве нет? – Честер невозмутимо спустил кота на пол.

Служанка тихонько прыснула. На самом деле мистер Лань предложил гостю эту спальню вовсе не ради Саймона, а потому что в ней имелась отдельная ванная комната, хотя дверь в углу легко было не заметить. Кот, как и все представители своего усатого рода, тут же выбрал для себя лучшее место – прямо посередине просторной кровати.

– Мэдисон приготовит ванну, а после займется всем остальным, – сообщил Честер. – А я пока распоряжусь насчёт ужина и пришлю сюда Картрайда.

«Какой предусмотрительный», – отметил Вэйд, с любопытством оглядывая комнату. Темная мебель, светлые деревянные панели на стенах. Ему сразу приглянулся их теплый янтарный оттенок, почти такой же, как глаза Честера. Нет, он определенно влюбился…

– Теплая ванна и горячий ужин, – когда служанка ненадолго скрылась, похвастался Саймону художник, впрочем, тот и ухом не повел. – Удивительно, как всего за пару дней можно отвыкнуть от таких приятных вещей…
***
Хавьер вышел из кабинета, спустился на первый этаж в просторный холл и сам открыл дверь нежданному визитеру. Братья Лань редко назначали встречи в такое позднее время, небо за окном было темным и в нем висела луна, какая-то блеклая, будто намалеванная краской. Честер уже давно дома, и без особой нужды никто бы не пришел. Однако он слышал стук дверного молотка, разнесшийся по всему дому.

Стук повторился громко и резко. Стучали с силой, представляя безобидную колотушку настоящим тараном. Один, два, три, – сосчитал Хавьер мерные мощные удары, потом послышалось затихающее постукивание. Дверь перестали мучить.

Он отпер замок и посмотрел на визитера. В упор. Чейз прищурился, в черных глазах блеснули лиловые искры, предвещая взрыв. Сердце застучало в груди часто-часто, уголки губ неосознанно приподнялись, и уже разум слепил подобающую улыбку. Не слишком радушную, но тем не менее приветливую, а не обязательную для того, чтобы считаться хорошим хозяином.

– Мистер Цзян, – было приятно произнести это вслух.

Он протянул руку для пожатия, которое вышло столь же крепким, как на свадьбе Анны. Некоторое время они мерились силами, как вдруг детектив рывком высвободил ладонь из руки Ланя. «Сейчас ударит», – успела промелькнуть мысль. Хавьер редко ошибался, но такого поворота не ожидал.

Его схватили за волосы, с силой дёрнули, заставляя откинуть голову. Шею обожгло резкой болью. Совсем как собака кусается! Фабрикант довольно улыбнулся, позволяя Чейзу всё…
***
Честер нарочно поднимался по ступеням очень-очень медленно. Кабинет брата располагался в точности как его собственный, только в другом крыле. При желании в этом доме можно было жить, месяцами не видя друг друга, однако в отличие от своих предков братьям такое уединение было ни к чему…

Исключая те случаи, когда Хавьер проводил время в обществе кого-то, знакомого исключительно близко. Если бы Честер так не смущался, многое могло бы сложиться совсем иначе. Однако сама мысль о том, чтобы быть в курсе происходящего за закрытыми дверями, до сих пор казалась ему дикой. Какими бы благородными ни были мотивы.

Фабрикант прошел по коридору и обречённо остановился у двери, так он не чувствовал себя с детства, когда приходилось оправдываться перед дядей за какую-нибудь оплошность. Что бы он сказал, если бы узнал, как племянник привел в дом художника и его кота?

Тихонько постучав, он не дождался ответа. Неужто Хавьер уже в курсе и сердится? Не может быть… Тогда Честер толкнул дверь и почти с умилением взглянул на спящего за столом старшего брата. Он склонился, положив голову на сложенные руки и дышал ровно и размеренно. Похоже, устал за день, раз ни свет, ни звуки его не побеспокоили.

– Хавьер, – позвал он негромко. – Брат…

Тот, похоже, узнал его и даже улыбнулся во сне, мягко и искренне. В этот момент он выглядел так безмятежно, совсем как несколько лет назад, что Честеру стало жалко его будить, чтобы уговорить дойти до спальни и переодеться. Пусть поспит еще немного, а как станет неудобно, сам проснется и уляжется более основательно. Стоило передать слугам, чтобы не будили, если понадобится, он легко, хоть и без особого удовольствия подменит брата на фабрике, никто и не заметит.

Хавьер вздохнул, не переставая чему-то улыбаться. Видимо, сон был очень приятным. Честер тихо прошел по комнате, взял плед, потом аккуратно, стараясь не потревожить, набросил Хавьеру на плечи и задержался рядом со спящим. Ощущение было уютным, как в детстве, когда они делили одну комнату.

Честер обязательно защитит его. Сделает все, что в его силах, чтобы
этот наглый беспардонный человек – *это чудовище!* – больше не побеспокоил Хавьера. Вот только что он мог? Купить здоровых сторожевых псов, которые будут разгуливать по саду и отваживать подозрительных чужаков, вполне способных вот так запросто заявиться сюда с недобрыми намерениями?

Данное самому себе торжественное обещание не помогало унять тревогу. Что, если он опоздал? Вдруг мерзавец снова пытается наложить свои грязные лапы на Хавьера? Брат скрытничал в последнее время. Если бы он только мог ни на шаг не отходить от близнеца…

Честер всерьез думал об убийстве. О надёжном и быстром средстве, способном покончить с угрозой раз и навсегда всего одним нажатием на спусковой крючок. Тварь как никто заслуживала самой настоящей казни, однако Честер сомневался, что смог бы действительно сделать это, попади ему в руки, скажем, револьвер или охотничье ружье.

– Спокойной ночи, – от всего сердца пожелал он и очень мягко положил руку на спину брата, почувствовал такое родное тепло и с лёгким сожалением убрал ладонь. – Ни о чем не переживай.

Часть 9

Укладываясь спать, Хавьер надеялся, что ему снова приснится лейтенант. Сон был таким реальным, как будто все это безумие произошло на самом деле. Даже шея болела, только не из-за меток, оставленных пригрезившимся ему детективом, а из-за неудобного положения.

Его мечте не суждено было сбыться. Во сне на него навалилась большая и очень тяжелая туча, которая громогласно, с причмокиванием, урчала ему прямо в ухо. Только под утро он смог разлепить веки и убедиться, что-то серое, да к тому же еще и мохнатое, действительно улеглось на его подушку. Стоило пошевелиться, и кот преданно заглянул в глаза, как бы говоря: «Смотри, благодаря мне ты не замерз». Почему-то от незваного хвостатого гостя пахло выпечкой. Может, от туч всегда так пахнет? Холеный, с упругой лоснящейся шерстью, кот степенно слез и принялся вылизываться, доводя прическу на всем теле до идеала, хотя та ничуть не помялась во время сна.

– Ты мне снишься, туча? – слегка хрипло спросил мужчина и, откинув одеяло, сел на постели.

К тому моменту, как фабрикант умылся и привел себя в порядок, кот исчез. А может, и не было никакого кота. К тому же, как бы он сумел просочиться с улицы сквозь едва-едва приоткрытое окно? Сплошные вопросы…

В коридоре Ланя ждала новая неожиданная встреча. Какой-то мужчина, опираясь на бабушкин костыль, разглядывал пейзаж, украшающий нишу. Раньше в ней был кухонный лифт, старый и такой шумный, что при ремонте его решили не восстанавливать. Хавьер видел этого человека впервые. Добротные брюки, распоротые по шву до колена, чтобы в штанину прошел гипс, под распахнутым жилетом простая сорочка. Рассыпанные по плечам темные волосы чистые, но видно, что давненько не встречались с расческой и ножницами. Выглядел человек гораздо более по-домашнему, чем сам Хавьер, который, на минуточку, был у себя дома.

– Вот теперь все встало на свои места! – обрадовался он, открыто улыбаясь и протягивая руку для рукопожатия. – Доброго утра, мистер Лань. Меня зовут Вэйд Инн, я гость мистера Честера.

Удивиться полагалось гостю, а в итоге изумлен был Хавьер. Пожалуй, это был первый человек, который сразу и безошибочно определил, что перед ним другой близнец. Путались даже родные.

– Я искал своего кота, – признался мистер Инн.

– Я не знаю, куда он подевался, – ответил Лань, убеждаясь, что мохнатая туча не была утренней грезой. – Кажется, я спал с ним…

– Как Вы могли, бесстыдник? – рассмеялся Вэйд, да так заразительно.

Хавьер улыбнулся в ответ. Эта открытость не шла ни в какое сравнение с угрюмостью лейтенанта Цзян, но сразу же располагала к несколько фривольному собеседнику. Кажется, Лань понимал, почему брат сделал такой выбор. Честеру было бы сложно в чем-то отказать такому приятному субъекту, однако стоило все же навести о нем справки, а лучше познакомить их с Санфордом, тогда уж он точно будет знать всю подноготную их нового знакомого. А заодно выяснит еще что-нибудь интересное о Чейзе, например, где тот живет.

Завтракали они втроем, потому что в адвокатской конторе никто не подошел к телефону. Хавьер готов был поклясться, что за все время услышал от брата от силы два слова: «доброе» и «утро». Зато Инн… Сперва он нахваливал еду. Вчерашняя утка, по его словам, просто таяла во рту, да и завтрак оказался пальчики оближешь.

– Вы просто не представляете, как я обязан и признателен Честеру за его доброту! Ведь он спас меня дважды – мы с Саймоном умирали от голода совершенно одни в этом городе, – драматизм ситуации был явно преувеличен, по крайней мере, если судить по весу кота. – Я говорил, что перебрался в Лондон в начале весны и, кажется, еще не завел тут достаточно близких знакомств?

– Вы прибыли издалека? – вставил Лань, хотя собеседнику это вовсе не требовалось. Он старался выговориться разом за все три дня молчания.

– Решил сменить обстановку. Пожил немного тут, немного там, посмотрел мир, и знаете, сам не заметил, как прикипел к этому городу, несмотря на то, что не все люди здесь радушны, как Ваш брат, – он встрепенулся, порываясь встать, но только неловко дернулся и скривился от боли. – Мне надо вернуться! Из-за проклятого гипса я совсем забыл внести арендную плату! Эта ужасная женщина нагрянет с минуты на минуту и выбросит все мои рисунки и вещи! Она уже трижды обещала вышвырнуть меня вон, эта сумасшедшая старуха! Хотя, признаться, выглядит она просто… выше всяких похвал. Настоящая леди, только из чистейшей стали. Я даже написал ее портрет, но он тоже остался дома, увидит – мне точно несдобровать!

Честер ничего не сказал, только просяще посмотрел на старшего брата, предоставляя ему принять решение. Сам он непременно бы согласился помочь новому другу и выплатить задолженную сумму и еще за несколько месяцев вперед.

– Уотсон, – негромко позвал Хавьер. – У нас большой дом, поэтому Честер решил сдать гостевые комнаты на первом этаже господину Инну. Прошу, займитесь его вещами, это срочно, все нужно упаковать и перевезти сегодня до обеда. И ещё, я выпишу чек, Вам нужно оставить его или передать арендодателю.

– Как скажете, мистер Лань, – последовал лаконичный ответ этого невозмутимого человека.

Мистер Стэнли служил в этом доме, сколько Хавьер себя помнил, и привык отвечать взыскательным требованиям Хьюго Джеральда Ланя. Даже когда во время ремонта случился пожар, этот человек сохранил невозмутимое лицо и потушил огонь водой из напольной вазы, предварительно вытащив из нее охапку нежных гортензий и аккуратно уложив цветы на стол.

Собственное решение показалось Хавьеру чуть ли не гениальным. Даже если мистер Инн замешан в чем-то противозаконном, им не смогут предъявить обвинения в укрывательстве преступника. К тому же Вэйду и самому, вероятно, не хотелось обременять их и пользоваться добротой Честера вплоть до полного выздоровления. Уладив это дело, фабрикант решил перейти к допросу, который планировал провести еще вчера. С той только разницей, что из словоохотливого гостя не придется вытягивать эту историю под пытками.

– Как Вы с Честером познакомились? – спросил Хавьер, улучив момент, когда собеседник отправил в рот сразу половину булочки, щедро намазанной маслом. И улыбнулся, когда тот начал активнее жевать, явно торопясь получить возможность снова заговорить.

– Это очень интересная история! – серые глаза на живом лице азартно засверкали, делая его совсем молодым. – Это случилось в

Риджентс-парке в прошлое воскресенье. Только я разложил свой этюдник, как ко мне прицепились какие-то обормоты. Требовали, чтобы я выворачивал карманы, не то хуже будет. Я, конечно, вежливо отказался и заверил, что в них нет ничего достойного их внимания, но те люди оказались такими настойчивыми, что мне пришлось обороняться. Где мой этюдник? Надо было давно бросить ту кисточку в огонь от греха подальше, а то Вы подумаете, будто я ею кого-то заколол! Хотя эта кисть очень подходит для мелких деталей, у меня было несколько таких, но она – без преувеличения лучшая. Может быть, попробовать просто заменить ручку?

Хавьер подозрительно глянул на мужчину, но тот выглядел совершенно бесхитростно… К тому же только дурак станет говорить такие вещи, если действительно совершил нечто подобное. Идиотом гость отнюдь не был… Иногда у него был очень проницательный взгляд.

– Я уж решил, плохи мои дела, – намазывая маслом вторую половинку булочки, продолжал художник. – И вдруг, точно ангел из небесного воинства, на поляну, где мы дрались, снизошел Ваш брат. Я никогда не видел, чтобы кто-то так бился! Подумал еще: «Да какие это бандиты? Так, дети малые!»
***
Уотсон вернулся очень быстро, этого времени хватило бы дворецкому только для того, чтобы доехать до места и тут же вернуться назад. Они успели покончить с завтраком, немного поговорить об искусстве и составить договор, который полностью устраивал Хавьера и Вэйда. Минуту назад, ставя на бумагах свою подпись, Честер чувствовал себя счастливым и успокоенным, но при появлении дворецкого несколько напрягся.

– Мадам Цзян уже наняла рабочих, мистер Лань, – сообщил он, не став уточнять, что те должны были без всякой жалости отправить вещи художника на свалку. – Я передал чек, как Вы и просили, и сообщил, куда следует доставить вещи мистера Инна.

– Мадам Цзян? – переспросил Честер. – Юфимия?

– Да, мистер Лань, домовладелица, – подтвердил тот сдержанно.

– Вы знакомы с этой фурией? – воскликнул мистер Инн. Честер заметил, как быстро художник закрыл рот, поймав его осуждающий взгляд, и как быстро перескочил на другую тему. – Скоро здесь будут все мои краски! Поверить не могу, уже руки чешутся. У вас потрясающий дом, при луне – особенно, я уже говорил мистеру Честеру и повторюсь. Если Вы не возражаете, я бы и интерьеры нарисовал. Диван в гостиной настоящее произведение искусства, и этот камин! А какие бы вышли портреты!

Несмотря на то, что хотя бы кому-то из близнецов давно пора было находиться на фабрике, обоим пришлось задержаться дома еще ненадолго. К воротам особняка подъехал кэб и оттуда в жуткой спешке выскочил не кто иной, как Санфорд Нэттли. Он чуть ли не бегом преодолел расстояние до парадной двери и замолотил по ней кулаком, игнорируя колотушку.

– Где он? – в праведном гневе возопил адвокат, едва Мэдисон ему открыла. – Где этот гнусный бумагомаратель? Богом клянусь, я из тебя всю душу вытрясу, Вэйд!

По всей видимости, напуганная женщина указала, в какой стороне следует искать. Честер направился к двери, намереваясь в случае необходимости утихомирить гостя. Тот никогда так себя не вел, даже в тот единственный раз, когда на Рождество напился чересчур крепким эгг-ногом.

– Ты не можешь меня бить, Санни, я раненый! – пытался увещевать адвоката Вэйд, обращаясь к нему, как к старому знакомому.

– Куда, скажи на милость, ты пропал? – напустился на него Санфорд, начав немного остывать. – Ты не позвонил, а я – думай, под каким кустом тебя закопали! На квартире тебя нет, я уже был в полиции, на меня всех собак спустили, а сегодня я вдруг узнаю, что твои вещи куда-то перевозят!

– Мистер Нэттли, выпейте чаю, – прервал его гневную тираду Честер, которому было неприятно выслушивать этот разговор на повышенных тонах.

Неприятно вдвойне, потому что это касалось его… теперь уже арендатора. За завтраком Вэйд выставлял его своим героем-спасителем и ангелом-хранителем в одном лице. Не поэтому ли пришлось заступиться за художника?

– Санни, не надо на меня так смотреть!

– Да ты! – адвокат потерял дар речи. Откашлялся. Голос стал жалобным: – Ты пропал, твой кот пропал, а они сидят в своем участке. Я их всех засужу, да так, что без последних штанов останутся.

– И что же наши бравые полисмены будут делать без штанов на улицах Лондона? – невинно спросил Вэйд. – Ты только представь это зрелище!

– Кое-кому, пожалуй, даже пойдет, – неожиданно поддержал это безобразие старший брат. Честер уставился на него, не узнавая эту довольную усмешку.

Санфорд почему-то обречённо вздохнул.

Часть 10

Честер постарался пораньше уладить все дела на фабрике и вернуться домой, чтобы проверить, как прошло переселение художника в гостевые комнаты. Уотсон все держал под контролем, или почти... В холле открылась небольшая персональная выставка из тех работ, что были обрамлены.

– Честер, доброго вечера! – раздался веселый голос художника с вершины лестницы, безошибочно определившего, который из близнецов вошел в дом.

Стало даже интересно, где потерялось обращение «мистер», но вместо того, чтобы это обдумать, Лань взбежал по лестнице, чтобы помочь художнику спуститься. Тот благодарно ухватился за его руку, перестав опираться на костыль. Прижался теплым плечом.

– Вы просто обязаны показать мне сад, Честер, – заявил мужчина, с явным удовольствием обозревая картины. – Тем более я уже обошел почти весь второй этаж вашего замечательного дома вместе с милой Мэдисон.

– Осторожнее, Вэйд, Вам надо быть осторожнее, – он решился тоже назвать его по имени, а не мистером Инном, и от этого короткого слова лицо художника озарила улыбка. – Уотсон будет очень недоволен, если Вы будете ухаживать за его дочерью.

– Мэдисон – его дочь? Подождите, но она же даже близко не похожа на миссис Стэнли, а с Картрайдом так вообще ничего общего! Подбородки, скулы, носы... – принялся перечислять тот, разгибая пальцы. Казалось, еще чуть-чуть, и он выронит костыль.

– Конечно, не похожи, они же не родные брат и сестра, – прервал его рассуждения Честер, поражаясь, как можно спускаться по лестнице со сломанной ногой и при этом смотреть куда угодно, но не на ступени. – У Картрайда осталась фамилия его отца – Бриджес.

– Так что насчет небольшой прогулки? – уточнил художник, заглядывая Честеру в глаза. – А то пойду и приглашу горничную. Что делать будете?

Честер и сам не знал, что он тогда предпримет, но предложение Вэйда совершенно не пришлось ему по душе. Они одолели спуск, но художник не спешил отпускать его, что-то высматривая в глазах.

– Честер, бог ты мой, – прозвучало как будто несколько двусмысленно. – Вы правда подумали, что я причиню беспокойство такой милой девушке? О, мое пальто, как любезно с Вашей стороны, а я о нем и забыл!

Раньше Честер подавал верхнюю одежду только дамам, но с Инном выходило так естественно, что он и сам не заметил, как это стало входить в привычку. Небо хмурилось и вроде как начинало накрапывать, если выйти так легкомысленно одетым, можно легко подхватить простуду.

– Вам не стоит подниматься на второй этаж, пока кости не срастутся, – напомнил он о наставлениях Сен-Клера, рекомендовавшего оставить ногу в покое и дать организму самому позаботиться обо всем остальном.

– Но оттуда такой вид на сад, – возразил художник, потянув его к дверям. – Ерунда, на мне все заживает, как на коте, вот увидите.

Может, это и правда было ерундой? Художник чувствовал себя хорошо и пребывал в благоприятном расположении духа. Оказавшись на улице, он сразу же рассмеялся, указывая куда-то вправо от крыльца.

– А вот и кот! Я-то думал, тебе ни за что не взобраться на такую верхотуру, Саймон! – крикнул он любимцу, всеми четырьмя лапами обхватившему внушительный ствол яблони примерно на высоте человеческого колена. – Горжусь тобой!

Похоже, о том, что кот может застрять на дереве, можно было не беспокоиться, а немного физических упражнений было ему даже на пользу. Успокоенный Честер выбрал свою любимую дорожку. Кот оторвался от яблони и решил составить им компанию, грузно подбежал и плюхнулся под ноги, переводя дух.

Со своим пушистым провожатым, горделиво вышагивающим задрав хвост трубой, они дошли до беседки. Кот тут же забежал в нее, под крышу, чтобы не мочить шубку, хотя дождем висящую в воздухе морось сложно было назвать. Где-то вдали сверкнуло, значит, дождь скоро усилится.

– Вот здесь! – объявил Вэйд, не удосужившись указать направление. – Идеальное место! Утром солнце будет как раз с этой стороны. А знаете, для чего идеальное? Конечно же, для портрета! Ненавижу вставать ни свет ни заря, но утреннее солнце как нельзя лучше красит людей, да и котов тоже. Я бы нарисовал Вас с этим меховым воротником, но боюсь, позировать с таким грузом будет не очень приятно. Да и когда я пытаюсь заставить его сидеть смирно...

– Не нужно заставлять, – тихо произнес Честер и, о чудо, собеседник умолк и прислушался. – Саймон ведь кот, а коты не любят, чтобы ими помыкали. Но если проявить немного терпения, он сам не захочет никуда убегать.

Художник отчего-то опустил взгляд на свои руки, будто только что осознал, что лестница давно кончилась, а он продолжает цепляться за фабриканта. Честер не возражал, да и поздно было отскакивать друг от друга.

Некоторое время оба молчали, пока мельчайшая мокрая взвесь в воздухе не стала более назойливой. Честер давно вот так не останавливался и не смотрел по сторонам. Знакомый с детства сад заиграл странными пепельно-серебристыми красками, но эта гамма не вызывала уныния. Такими же были глаза художника, которому все здесь было ново и интересно. Он постоянно что-нибудь хвалил: лужайку, деревья, собственного кота, который запрыгнул на скамейку, а оттуда на перила беседки. И как он только удерживался на такой жердочке и не падал?

– Вернемся в дом, – предложил Честер, хоть ему и нравилось слушать Вэйда. – Дождь усиливается.

– Не может быть и речи! – возразил тот, указывая костылем куда-то вверх. – Вы хоть представляете, как может выглядеть Ваш сад в грозу? Вы-то представляете... Я просто обязан посмотреть!

Честер с трудом поборол желание сгрести художника в охапку и унести в дом против его воли. Физически он легко мог это сделать, но Вэйд не был котом, чтобы так запросто таскать его.

– Мы можем укрыться от дождя на Вашей веранде, – предложил он, надеясь все-таки увести художника в дом прежде, чем дождь

возьмется за них всерьез.

– На веранде? – чуть ли не подскочил тот. – В вашем доме есть веранда?!

– Да, и Вы ее у нас снимаете, – напомнил Лань, поражаясь, как можно дружить с адвокатом и при этом ставить подпись на договоре, который не удосужился прочитать. – Оттуда точно такой же вид.

– Это просто подарок небес! – глаза мистера Инна так и засверкали. Как будто в них задержалось отражение далекой молнии. – Вы знаете, что любой уважающий себя художник мечтает о собственной застеклённой веранде? Идемте скорее, я хочу ее увидеть!

Художник настойчиво тянул спутника, хотя совершенно не знал, куда идти, лишь бы не стоять на месте. Рядом с пристройкой, которая появилась позже самого дома, уровень земли понижался и вместо того, чтобы сделать насыпь или устраивать террасы и клумбы, рабочие просто снабдили веранду невысокой деревянной лестницей с шестью ступенями, которая до этого дня казалась Честеру удобной. Возможно, дело было в том, что они давно не вызывали плотника, или в тоненькой водной пленке, успевшей покрыть доски. А может, Вэйд снова смотрел на небо, в окна, на Ланя, куда угодно, но только не под ноги.

Одного неловкого движения хватило мистеру Инну, чтобы потерять равновесие и инстинктивно схватился за плечо Честера. Лань видел, как зажмурился художник в ожидании удара о землю, успел среагировать, подхватить, однако уже его ноги поехали на скользкой от дождя древесине. Какая-то доля секунды и вниз полетели уже оба.

Художник ненадолго затаился, прижимаясь щекой к груди Честера, в которой часто колотилось сердце. Потом приподнялся, осторожно приоткрыл один глаз, затем второй. Серые. Грозовые. Честер лежал на земле под ним, бабушкин костыль валялся чуть поодаль, вездесущий кот смотрел на происходящее с третьей ступеньки.

– Я такой неловкий… – не то пожаловался, не то констатировал художник, не делая попыток вставать, только придвинулся еще ближе. – Честер, я…

– Вы не ушиблись, Вэйд? – Лань и сам почему-то не спешил его отпускать.

– Знаете, я сейчас очень хочу, – он будто не понял вопроса и все смотрел пристально и странно. – Хочу Вас рисовать.
***
Дождь хлынул. Потек за воротник, крупными каплями упал на привлекательное лицо фабриканта, а Вэйд все никак не мог оторваться от глаз Честера. Наконец он видел их совсем близко. Теплые, янтарно-карие, с тонкими темными лучиками, разбегающимися от зрачка.

– Разверзлись хляби небесные, – сказал он невпопад.

– Мгм, – подтвердил Лань, совершенно ошарашенный его поведением.

Инн и сам от себя шалел, и что на него нашло? Оказался в чужих объятьях и совсем голову потерял! И все-таки Честер его поймал. Помог приземлиться очень мягко, не повредив больную ногу еще больше. Запачкал из-за него одежду и теперь лежал на земле под дождем вместе с ним. Инн рассмеялся от чувства, как будто Кайла, Кейт, Келли, Кира и Клер как-то выбрались из-под стекла и теперь порхали у него в животе, трепеща невесомыми крылышками.

Саймон требовательно мяукнул. В кошачьем голосе слышалось: «Откройте мне дверь, а потом можете кататься по траве сколько хотите». Пришлось все-таки сползти с Честера, а через пару секунд Лань уже помогал ему подняться и опереться на костыль.

– После такого приключения мы заслужили сухую одежду, горячий чай и пледы, – сказал Вэйд. – Я угощаю!

Пока Честер ходил переодеваться, художник тоже привел себя в порядок, вернее, наскоро прошелся щеткой по штанам и пальто. Потом достал коробочку с пастелью, та нашлась на удивление сразу же среди других принадлежностей для рисования, педантично рассортированных занудой Уотсоном. Захватив блокнот для набросков, где уже были портреты другого близнеца, он попросил Мэдисон позаботиться о замерзших обитателях дома. Несмотря на то, какой напряженный у слуг выдался день, девушка с радостью исполнила его просьбу. Так что к приходу Честера на столе уже стоял чайничек и ровно столько печенья, чтобы они заморили червячка, но не испортили аппетит перед ужином.

– Вы выглядите так, будто у нас свидание! – воскликнул художник, приглашая Честера расположиться в одном из кресел. – Ну и как Вам быть гостем в собственном доме?

Утром близнецы одевались так, чтобы выглядеть на фабрике представительно… как будто с такими породистыми лицами кто-то мог бы спутать их с рабочим, напяль они оба даже самые грязные робы. Сейчас Честер оделся для Вэйда – и это было само по себе волнующе! А особенно приятно было увидеть на нем шелковый шейный платок изумительного мятного оттенка. Нет, это не могло быть простым совпадением!

– Странно, – осторожно заметил тот.

Дождь разошелся и хлестал по стеклам, гремело уже не переставая, и задержавшийся Хавьер, должно быть, вынужден был пережидать непогоду на фабрике, чтобы не промокнуть до нитки.

– Плед, – напомнил Вэйд, которому хотелось сделать образ Честера чуть более домашним. – Нет-нет, не так. Позвольте, я сам.

Было немного неудобно драпировать ткань, балансируя на одной ноге, но результат того стоил. Клетчатый плед спустил тяжелую кисть на грудь мужчины, мягко обнял со спины и живописно свесился с подлокотника его кресла.

– Вот так – просто идеально! – он лучезарно улыбнулся, подбадривая Честера, и сам угнездился напротив него, подложив подушку так, чтобы на нее можно было пристроить блокнот. – Вы впервые позируете? Такой напряженный вид! А я ведь еще даже не взял в руки пастель. Поверьте, это намного проще, чем управлять фабрикой. Представьте себе, для этого Вам достаточно просто сидеть тут и пить чай!

Примечание к части

https://www.pinterest.com.au/pin/815010863790562727/

Часть 11

– Чейз, прошу, не уходи, – снова попросила Анна, в этот раз схватив брата за рукав обеими руками. Пришлось остановиться. Он мог бы вырваться одним движением, но боялся причинить боль. – Ты ведь только что пришел.

– Я не сяду за стол с этим проходимцем! – отчеканил Чейз, хотя на языке у него вертелись другие эпитеты. – Анна! Ты не знаешь, чего он хочет!

– Я-то как раз знаю, потому что была у братьев Лань и сделала то, чего не удосужился ты… – от волнения она раскраснелась, и это было бы очень мило, если бы с таким пылом она не защищала какого-то скользкого типа.

– Ты поехала к этим людям?! Анна, тебе же не пять лет, нельзя быть такой беспечной! – для него сестра так и осталась девочкой, которую необходимо защищать. Чейз с трудом смирился с ее замужеством, а теперь ещё и дружба с этим подонком!

– Вот именно! – в кроткой и милой девушке иногда просыпался характер матери. Чейз чертовски не любил, когда она вот так шла в наступление. – Мы со Стюартом пили чай с моим близким другом и его братом. Я выслушала Хавьера, он в высшей степени приятный человек, и все, что он хочет…

Как будто услышав свое имя, в дверь заглянул ее муженек. А может, его привлекла брань детектива. Неженка! Бледнеет от любого крепкого словечка, совсем как этот Лань! Ух, какой у него был взгляд, когда Чейз пообещал его убить…

– Послушай себя, сестра, ты зовешь этого стервеца по имени! – Чейзу очень захотелось пристрелить этого урода… снова. Он втерся в его семью и, что хуже всего, тянул лапы к Анне.

– Все, чего он хочет, – это уладить конфликт, – будто не слыша брата, продолжила девушка и, явно намекая, что работа, а не этот проходимец, делает его чересчур подозрительным, добавила: – Чейз, тебе надо отдохнуть.

Он стиснул кулаки и скрипнул зубами от бессильной ярости. О каком отдыхе может идти речь, если прямо сейчас сюда направлялся этот самодовольный обормот, весь такой холеный в костюме с иголочки, на котором ни пятнышка? И никто, ни одна живая душа даже не догадывается, что за мутная нечисть скрывается за роскошным фасадом.

– А знаешь, раз у тебя разыгралась паранойя, оставайся на ужин, – попыталась сбить его с толку Анна. – Заодно проследишь, чтобы со мной ничего не случилось, и сам убедишься, что нельзя во всех людях видеть только потенциальных преступников.

– Ты не знаешь, где я его встретил, – кипя от злости, прошипел он.

Нет, Анна определенно не умела выбирать друзей. Он просто обязан открыть ей глаза на этого Хавьера Ланя, пока не поздно. Будь он хоть трижды наследник своей чертовой семейки, но Цзян задницей чувствовал: гад ползучий что-то затевает.

– Представь себе, знаю. Хавьер мне рассказал, – она наконец отпустила его и уперла руки в бока. – А еще он очень старался обелить тебя в моих глазах. Не представляю, чтобы мой брат «вежливо попросил поднять руки» или предложил задержанному чай. К сожалению!

Цзян раздражённо отбросил чёлку со лба. Аргументы кончились, да и сестра не хотела его слушать. А он не хотел оставаться в ее доме. Ни секунды. Выйдя на свежий воздух, он механически прошагал по улице до ее пересечения со следующей, бормоча под нос невнятные проклятья. Однако спохватился, что уйти не мог.

Лань ходит в гости и приглашает Анну на чай. Мерзость какая! Плевать, что привлекло фабриканта и чего он добивается, Чейз проследит, чтобы этого больше не повторилось. Несмотря на свидетелей и возможное отстранение от службы. Развернувшись, он деревянным шагом направился обратно, но опоздал. Он видел, как подъехал Лань и с каким радушием Анна со своим павлином встретила гостя, но просто физически не успевал подойти и оттащить фабриканта, когда тот посмел поцеловать руку его сестры. Как она не понимает, что этот человек играет в какую-то свою игру?

Цзян поежился, вечер для начала мая выдался холодным, а ему предстояло битый час торчать под окнами чужого дома на ветру и под накрапывающим меленьким дождем. И о чем с этим аристократическим выродком может разговаривать Анна? Да еще так долго!

Первую четверть часа он просто бесился. Покажись этот Лань на пороге, Чейз мигом размазал бы его об стену, как уже делал раньше. Нужно было приложить посильнее, чтоб и думать не смел на пушечный выстрел подходить к его близким! Вторую четверть – метался по улице из стороны в сторону, пытаясь хоть как-то согреться. Потом, уже потеряв счет времени, укрылся под деревом от настырного дождя, пока пальто совсем не вымокло. Стоять на месте, хоть и скрывшись от ветра, было еще противнее. И почему он не остался на ужин? Сидел бы сейчас в тепле, а сестра наверняка испекла что-нибудь вкусное… Они в последнее время так редко виделись, что она к каждой встрече готовилась как к празднику.

А Лань, чтоб его отымели во все дыры, как дешёвую шлюху, даже не заплатив, отнял это. Ел пирог, который предназначался Чейзу, вынужденному теперь стоять на улице, когда хозяин собаку из дома не выгонит! Полицейский закурил, кривясь от уже надоевшего до горькой слюны табака, но тут же бросил, потому что дверь открылась.

– Наконец-то! – буркнул он, хоть и не слишком громко – не ровен час услышат. Еще никому за последнюю пару месяцев Цзян не был так рад, как этому фабриканту, отправляющемуся восвояси.

Он подождал, пока коляска удалится на достаточное расстояние, чтобы незаметно последовать за ней, и догнал прохвоста, когда кэб уже отъезжал от ворот его дома с садом, идеальным до дрожи омерзения.
***
В четверг Хавьер сомневался в том, разумно ли оставлять мистера Инна в доме, тем более в компании Санфорда, все еще злившегося на забывчивого художника, но все обошлось. На ночь Лань закрыл окно и дверь, обошел комнату, заглянул под кровать, а под утро обнаружил кота на своей подушке. В пятницу уверился, что в таком соседстве, в сущности, нет ничего дурного. Правда, Уотсон был несколько недоволен тем, что Вэйд нарисовал портрет миссис Стэнли, но лишь потому, что он не спросил у нее разрешения, прежде чем начать. В субботу Хавьер окончательно убедился в способности Саймона проходить сквозь замочную скважину и, к величайшей радости, понял, что Вэйд послужит благовидным предлогом оставить Честера дома и одному поехать к Чаттерам.

Он, конечно, надеялся, что Анне все-таки удастся уговорить детектива, но и без лейтенанта Цзян вечер прошел замечательно. Они много занимательного рассказали друг другу о своих братьях. Новой подруге было очень интересно узнать, как Честер принес кота… и хозяина прихватил, чтобы Саймону скучно не было. А фабрикант с удовольствием послушал о корзинке со

щенками, которую где-то раздобыл маленький Чейз.

Вернувшись домой, Хавьер немного замешкался в просторном холле, снимая верхнюю одежду. Громкий удар дверным молотком прямо за спиной заставил его вздрогнуть, живо напомнив сон. Гостей они не ждали, может, что-то срочное? Фабрика? Догадки чередой пронеслись в голове, пока он открывал позднему визитеру, и Лань понял, что бредит или видит сон наяву. Так люди, подвергшиеся влиянию луны, ходят и делают странные вещи, не помня себя.

Небо и луна были точь-в-точь как в недавнем сновидении, а вот Цзян выглядел не в пример злее, в его черных глазах разверзлась голодная бездна, от чего сердце Хавьера изготовилось выскочить из груди.

– Лейтенант, – он слегка растянул слоги, уже зная, как нужно улыбаться в такой ситуации.

В ответ длинные пальцы смяли ворот рубашки и с такой силой тряхнули, будто детектив хотел добыть с него яблочки. Лань на мгновенье прикрыл глаза – держаться с каждым разом становилось все труднее. Потребовалось нешуточное усилие воли - подавить жгучее желание точно так же схватить гостя за лацканы пальто и притянуть вплотную, потому что этого бы ему точно не хватило, чтобы утолить потребность в близости… обладании.

– Какого хера тебе понадобилось от моей сестры?! – с ненавистью выплюнул Чейз, и глаза его полыхнули уже знакомыми недобрыми искрами. – Сдохнуть хочешь?! Так я могу помочь!

Помочь лейтенант, конечно, мог, но совсем не так, как предлагал. Хавьер накрыл сжатые пальцы, поразившись тому, насколько они ледяные. Как будто Чейз несколько часов пробыл на улице. На секунду задержал ладонь, согревая, провел к запястью. Такая мимолетная ласка, и так катастрофически мало. С неохотой оторвал руку детектива от собственного воротника. Не то от неожиданности, не то почувствовав долгожданное тепло, тот не спешил вырываться.

Цзян перевел свои невозможные глаза на удерживающую его руку, потом обратно. По всему телу разбежалась волна жара от яростного взгляда. Так, что Ланю пришлось приложить некоторые усилия, чтобы совладать с голосом.

– Вы ошибаетесь, Чейз, – он с удовольствием почувствовал, как тот дёрнулся из хватки, и с ещё большим – не отпустил. – Я никоим образом не собираюсь вредить Вашей семье. Я ведь уже говорил, что всего лишь хочу решить наш конфликт.

– Зарубите себе на носу: этот «наш конфликт», как Вы изволили выразиться, – процедил тот сквозь зубы, тем не менее переняв уважительный тон. – Он никоим образом не касается Анны! И я с радостью забуду его, если больше никогда Вас не увижу. И – предупреждаю последний раз! – рядом со своей семьёй в первую очередь.

Лейтенант вырвал согревшееся запястье из пальцев фабриканта и отступил на шаг. Полоснул Хавьера еще одним острым взглядом, развернулся и пошел к ожидающему у ворот кэбу.

Хавьер не сводил глаз со спины Чейза, пока тот не напрягся, почувствовав, что на него смотрят. Может, действительно оставить эту затею? Но как же хочется, чтобы он обернулся! Лань бессознательно сжал и разжал кулак, все ещё ощущая биение чужого пульса на кончиках пальцев.

Хавьер еле заметно улыбнулся. Цзян только что сам дал ему повод для новой встречи, пусть это и было немного подло. Нет, он ни за что не оставит этого мужчину в покое, разве только на пару дней – все же Хавьер хотел довести лейтенанта до нужной кондиции, а не до нервного срыва.

– Брат? – прервал его размышления Честер. – Кто это был?

– Так, никто, – ответил Хавьер, наконец закрывая дверь. – Чей-то ревнивый брат ошибся адресом. Не думаю, что твой гость может быть замешан в такой истории.

Часть 12

Несмотря на то, что вечер субботы выдался на редкость холодным, воскресенье порадовало жителей Лондона ясной солнечной погодой, а не очередным ливнем. Хавьер больше половины ночи провел в раздумьях о мистере Цзян, не простудится ли тот и не сорвутся ли его планы, а к завтраку его разбудил… нет, не Уотсон, как это частенько бывало, а щекотный кошачий хвост, легонько метущий по лицу. Саймон, разумеется, сделал вид, что понятия не имел, чем занималась эта своевольная часть его тела последние несколько минут.

Его хозяин также чувствовал себя как дома и благосклонно принимал заботу миссис Стэнли, которая вспомнила старый дедовский рецепт и приправила его омлет растертой в муку яичной скорлупой, чтобы кости быстрее срастались. Младший брат наблюдал за тем, как художник рассыпается в благодарностях, на редкость прохладным взглядом и даже не пожелал близнецу доброго утра в ответ на его приветствие.

Кот протопотал под столом и обтерся о ноги Честера, получив свою порцию несколько рассеянных поглаживаний. Потом с некоторым трудом втиснулся за спину Вэйду, который с удовольствием почесал его между ушами, взлохматив серую шерстку.

– Я думал, у кошек не принято здороваться, – заметил художник восхищенно. – Это Вы его научили, Честер? Я видел, как Вы вчера говорили с Саймоном о птичках, и у него была такая физиономия, будто он все понимал. Вы просто заклинатель кошек!

Похоже, Честер не ожидал, что о его приватных беседах с чужим котом станет кому-то известно, но Хавьер ясно видел, что похвала была ему приятна. Прямо сейчас у него на глазах происходило кое-что очень интересное. С его стороны было просто ужасным поступком вмешиваться или торопить события, и тем более пользоваться чужой увлеченностью… Это было удивительно, странно, до ужаса непривычно, и в той же мере забавно, но в том, что младший брат заинтересован в художнике, Хавьер был более чем уверен. А то, как явно ему симпатизировал мистер Инн, заметил бы и слепой.

– Признаюсь, выглянув в окно, я подумал, что буду завтракать в одиночестве, – сказал Хавьер, уже окончательно для себя решивший ковать железо, пока горячо. – А брат будет охранять Вас от разбойников, которые водятся в Риджентс-парке.

Придется прибегнуть к нечестным методам, если это позволит заняться своим делом, не заставляя близнеца волноваться. Он и так постоянно переживал, то и дело просил не задерживаться, звал ехать домой вместе. Видно, боялся повторения истории с теми злосчастными боями, после которой Хавьер вынужден был скрывать свой интерес. Если Честер узнает, что он собирается наведаться в полицейский участок – ни за что не пустит туда одного.

– На тот парк я пока насмотрелся, – возразил художник, но уже чувствовалось, что он ухватится за поданную фабрикантом идею. Это немедленно произошло. – Я пока не слишком хорошо знаю Лондон… Честер, Вы согласитесь показать мне что-нибудь из своих любимых мест? Может быть, с видом на Темзу, она сейчас, должно быть, вся светится и переливается!

– Если хотите, Вэйд, – тихо ответил брат, смущенно отводя глаза, чтобы художник, наклонившийся к нему, перестал в них заглядывать.

Хавьер сделал вид, будто совершенно ничего не замечает, и раскрыл газету сразу на разделе, повествующем о преступлениях, совершенных или раскрытых в Лондоне. Нужно было только немного подождать и претворить свои планы в жизнь. Вот бы скорее увидеть глаза лейтенанта Цзян! Он будет метать молнии, когда узнает, с какой целью Хавьер к нему явился…

Ещё хорошо было бы встретить сержанта Смита и поблагодарить за чай. Когда этот добродушный парень спросит о цели визита, Хавьер небрежно бросит, что вообще-то намерен написать заявление, но хочет, чтобы его непременно принял лейтенант Цзян. Возможно, потребуется подождать какое-то время в его кабинете… В том, что у Чейза есть кабинет, он не сомневался. Приватность не помешает.

– Брат, почему бы тебе не отправиться с нами? – прервал его мечтания голос Честера.

Сердце ухнуло куда-то в живот, где полагалось оказаться несколько позабытому завтраку. Неужели младший что-то заподозрил? Но как? Он же был осторожен и старался выглядеть невозмутимо. Перестарался? Где он допустил ошибку? Срочно нужно было что-нибудь придумать, и идея пришла сама собой.

– Я бы с радостью присоединился к вам, мне и самому не сидится дома, – сказал он, ласково улыбаясь. – Но я собираюсь снова проехаться верхом по тому маршруту, который подсказал мне Санфорд. В прошлый раз мне очень понравилось!

Выделяя слово «очень» интонацией, он нисколько не кривил душой. Та верховая прогулка была чудо как хороша от начала и встречи с лейтенантом и почти до самого конца. Хорошо, что он не говорил Честеру о трупе… Вот как раз сегодня об этом мистере Рамзи написали в газете – найден зарезанным ножом для чистки овощей.

– Через пару недель сможем выехать все втроем, – не стал унывать мистер Инн, хотя едва ли кости могли срастись так быстро. Когда еще Сен-Клер разрешит ему нагружать ногу? – Обожаю быструю езду! Всадник приподнимается в седле, ветер треплет его одежду и волосы, подхватывает хвост лошади, они устремляются к цели, двигаясь синхронно в едином ритме, который задает бег животного…

Стоило ли говорить, что в его представлении всадником был Честер. Говоря все это, художник ни на секунду не отвел от него глаза. Оба брата невольно улыбнулись тому, насколько восприятие мира художником отличается от их собственного. И только Саймон не попался на уловку Хавьера и смотрел своими рыжими глазищами как будто осуждающе, но пока отчего-то не сдал его брату с потрохами. Кажется, сегодня ночью кто-то будет отлучен от своей пушистой грелки.
***
– Цзян, к тебе посетитель, – в кабинет заглянул секретарь, единственный человек во всем участке, с которым Чейзу ни разу не удалось крупно поссориться. Детектив порой выводил из себя даже терпеливого Смита. – Хочет сделать какое-то заявление.

Он махнул рукой, разрешая впустить визитера, но даже глаз не поднял от отчета, когда послышались его шаги. Человека, которого закололи недалеко от места, куда они с Ангелом до недавнего времени выбирались на пробежку, ненавидели, кажется, все, кто знал или даже только догадывался о его существовании.

– Чем могу помочь? – спросил мужчина, когда Ангел встал со своего места под столом и подошел понюхать посетителя.

– Офицер, рад видеть Вас, – мягкое приветствие, от которого детектива передернуло и он едва не сломал карандаш, вдавив его в бумагу и оставив жирный след. – И тебя, Ангел.

Чейз встал из-за стола, подождал, пока секретарь притворит дверь, и в один шаг оказался рядом с человеком, который трепал его

собаку за ухом. С силой, безнадежно сминая, сгреб в кулак шейный платок цвета кобальта, который омерзительно подчеркивал льдистый оттенок глаз фабриканта.

– Тебе, блядь, жить надоело?! – дёрнул вверх, заставляя отпустить Ангела и выпрямиться. – Ты…

Он растерял обычное красноречие, задыхаясь от смеси ярости и удивления. Каков наглец! И как у этого Ланя хватило духу сюда явиться? После всего! Тот снова, уже знакомым жестом, накрыл его руку своей, отрывая побелевшие от напряжения пальцы от безупречной светлой одежды без единого пятнышка. Опять царапнула мысль, что фабрикант сильнее, чем кажется, это неприятно удивляло. С виду не хрупкий, про человека его роста такого, пожалуй, не скажешь, но худой и даже по-своему изящный. Жилистый, нашлось-таки подходящее слово, прежде чем Чейз спохватился, чем, собственно, занимается вместо того, чтобы обложить подлеца отборной бранью. Момент был упущен, кипящая всепоглощающая ярость схлынула, и он пока не мог разжечь ее снова.

– Лейтенант, Вам никто не говорил, что вежливостью можно добиться гораздо лучшего взаимопонимания? – тон мистера Ланя по-прежнему был обманчиво мягок.

Чейз скрипнул зубами. Он ещё и поучать будет! Это походило на какой-то театр абсурда. Полная несуразица от начала и до конца! Цзян сделал глубокий вдох и постарался говорить спокойно и раздельно:

– Что Вам нужно от моей семьи? – помнится, этот вопрос он уже задавал. А получил ли на него сколько-нибудь внятный ответ?

– Почему Вы решили, что мне что-то нужно от Вашей семьи? – вежливо уточнил Хавьер.

Чейз на самом деле не знал. Лань незваный явился на свадьбу Анны, был у Чаттеров и приглашал их к себе, но ничего больше не сделал. Он и правда неплохо разыгрывал из себя друга, но детектив чуял: что-то здесь нечисто.

– А сейчас я и вовсе пришел к Вам как к представителю правопорядка по делу, непосредственно связанному с Вашей профессией, – продолжал фабрикант вполне рассудительно. – Так могу я присесть?

Крыть было нечем. Чейз не мог просто взять и выставить его вон, как бы сильно ему этого ни хотелось. Сбагрить Смиту – тоже не получится, мерзавец ведь уже на весь участок заявил, что хочет беседовать именно с ним. Пришлось смириться со своей участью и вернуться на рабочее место, скомкать и выбросить испорченный лист бумаги.

Нужно представить на месте Ланя кого-нибудь другого. Да хоть бы этого клятого Рамзи, нажившего себе полгорода врагов… Хотя, мертвый, он едва ли пришел бы жаловаться. Чейзу необходимо было абстрагироваться, или он за себя не ручался.

– Итак, какого рода заявление Вы хотели сделать? – он сложил руки на столе и с прищуром взглянул на опустившегося в кресло для посетителей настойчивого визитера.

Воображение напрочь отказывалось видеть в нем покойного или кого-то еще. Это был Хавьер, мать его, Лань, проклятый фабрикант, в своем дорогом костюме, которого так и хотелось хорошенько извалять в грязи, как при первой их встрече. Еще и Ангел улегся у его ног, а не у ног хозяина.

– О превышении полномочий одним из служителей правопорядка, – спокойно сообщил Лань. – Дайте-ка подумать: преследование, угрозы, нанесение побоев…

– Одним из полисменов? – с подозрением переспросил Чейз, уставившись в стол, потому что смотреть на этого человека было выше его сил. – Его имя?

– Лейтенант Чейз Цзян, – с готовностью отчеканил Хавьер.

– Да Вы, блядь, издеваетесь?!! – детектив при упоминании своего имени сломал-таки карандаш, жалея об одном: что это не шея мерзкого прохвоста. – Может, Вы богаты и владеете своей сраной фабрикой, но это не значит, что я не могу упечь тебя в кутузку на пару месяцев. Например, за преследование. И посажу, не сомневайся, в лучшую камеру. К матёрым. Они оценят такой симпатичный подарок! И если ещё раз попадешься мне на глаза, от тебя не останется гребаных воспоминаний. Вам все понятно, сэр?

– Так Вы находите меня симпатичным, детектив? – почти ласково переспросил Хавьер, извратив его слова до неузнаваемости. – Тогда не понимаю, к чему все это? Камеры, наручники, упомянутые Вами джентльмены. Нашу проблему может решить чашечка чая.

– Смит, налей ему чаю и выпроводи вон! – крикнул Чейз, догадываясь, что сержант дежурит за дверью. Он контактировал с Ланем слишком долго, подвергся его чарам и теперь благоволил ему.

– Нет уж, налейте сами, – посмел ставить условия проходимец, снова потянув лапы к его собаке. – И выпейте вместе со мной.

– Смит, мистер Лань передумал! – Чейз был уже не в состоянии выносить это представление. – Он желает посетить общую камеру.

– С этим придется повременить, мистер Цзян, – без тени сожаления сказал сержант, заглянув в кабинет и явно чувствуя себя спасителем безвинного фабриканта от зубастого лейтенанта. – Только что поступила жалоба на крики в доме покойного мистера Рамзи.

Часть 13

Возвращаясь домой, Хавьер злился. Все время ему что-то мешало. Он уже сам был готов прикончить этого Рамзи во второй раз, даже маленьким изогнутым ножичком, положившим конец его жизни. Из-за происшествия в его доме придется зайти к лейтенанту позже, вечером. Лань твердо решил, что своего добьется.

Лицо его на протяжении почти всего пути до дома было чернее тучи, однако показываться дома в таком настроении он не собирался. Пришлось помассировать переносицу и придать лицу благожелательное выражение. Заставить себя улыбнуться, вспоминая, как это делается. После всех этих манипуляций он выглядел как обычно. Даже бдительный Саймон не поймет, что с ним что-то не так, зато наверняка унюхает, что лошадью от Хавьера даже не пахнет. Хорошо, что животные не умеют говорить!

Попасться на лжи он не опасался – наверняка вернулся первым. Если подумать, не так-то долго он отсутствовал, а хотелось бы побыть с Чейзом подольше. Надо будет спросить у брата, как он провел время с Вэйдом, когда они вернутся. Хавьер захватил недочитанную газету в кабинет – не для того, чтобы просмотреть статьи, а чтобы вернуться к информации о злосчастном мистере Рамзи. Там было напечатано фото. Мелкое и нечеткое, но если воспользоваться лупой, высокая фигура среди полицейских, может оказаться первым снимком лейтенанта Цзян, которым он сможет завладеть.

Но вместо того, чтобы вооружиться ножницами, он вытащил нужный лист и спрятал его в ящике стола среди бумаг. К этому он может вернуться немного позже. Солнце заливало кабинет ярким жизнерадостным светом, который ни за что не упустит художник, а это значило, что еще час-другой его точно не будет.

Если он жил в доме Юфимии Цзян и даже рисовал ее портрет, значит, они встречались как минимум несколько раз. Есть ли хоть один крошечный шанс, что рядом с мадам присутствовал ее сын? Несмотря на их напряженные отношения. Вдруг художник и его рисовал? Хавьер был бы счастлив, найдя даже маленький клочок бумаги со знакомым профилем!

– Сейчас или никогда, – вслух сказал он, собираясь в собственном доме совершить кражу со взломом.

Сначала он проверил, чем заняты другие обитатели дома. Кот спал в гостиной, вытянувшись на солнышке животиком кверху, Мэдисон начала протирать пыль в библиотеке, миссис Стэнли ушла за продуктами. Уотсон и Картрайд решили вынести матрасы, подушки и одеяла погреться на солнце. Никто не заметил, как он без приглашения проскользнул в гостевые комнаты.

Спасибо Уотсону – работы художника были тщательно рассортированы по сюжетам. Хавьера сейчас интересовали люди, а не тридцать три эскиза, посвященных спящему в необычных позах Саймону. Он был ограничен во времени, так что сразу принялся перебирать рисунки и вскоре понял, что работы мистера Инна вызывают смешанные чувства. Вернее, не так. Их не хотелось просто просматривать. Хотелось вглядеться, прочитать характер каждого из персонажей, встретиться взглядом и попытаться увидеть то, что видел художник. Даже в незаконченных портретах и набросках было что-то притягательное или отталкивающее, но ни в коем случае не оставляющее равнодушным.

Среди всех этих людей не было ни одного заурядного обыкновенного лица. Сначала это поразило Хавьера, но потом он все-таки понял, в чем дело. Его осенило при взгляде на совершенно типичную с виду англичанку. Ее лицо было искажено счастливой гримаской, даже ресницы повлажнели. И кто ее так обрадовал? Подружки? Возлюбленный? Это выражение, пойманное Вэйдом, совершенно преобразило внешность запечатленной на картине девушки.

Он смотрел на мужчин и женщин, нескладных подростков и детишек, на старух и стариков, но не видел того, кого тщился найти. Он бы сразу узнал Чейза, будь он даже изображен со спины, но увы… чудес не бывает.

С сожалением вернув рисунки на место, он уже собрался уходить, когда заметил блокнот на столе. Бумага по краям слегка топорщилась. Конечно, это могла быть обычная записная книга, подмокшая от того, что была во внутреннем кармане, когда художник попал под дождь – в Лондоне этим никого не удивишь – но отчего-то Хавьер был уверен – вода попала на страницы с кисти и аккуратный блокнот в твердом переплете распух от рисунков.

Лань не удержался и открыл его там, где была проложена ляссе, и встретился с теплым золотистым взглядом брата. Принять мужчину на портрете за старшего из близнецов было бы просто невозможно, даже если забыть о различии в цвете их глаз. Именно Честер сидел на веранде, набросив плед и грея руки о чашечку чая. Художник поймал столько мелких деталей, даже слегка порозовевшее от смущения ухо не укрылось от него под волосами.

Портрет вызвал улыбку. Удивительно, что на нем не оказалось еще и Саймона, который мог бы выглядывать из-под пледа или млеть поперек коленей Честера. После закладки рисунки продолжались. Со следующего листа сосредоточенно смотрела миссис Стэнли, женщина поджимала губы, чтобы не разронять булавки, которыми подкалывала шторы. Тот самый рисунок, из-за которого ворчал Уотсон.

Лань принялся листать с начала. Городские пейзажи, мост, памятник герцогу Веллингтону… а потом, как видение прошлого, деревянное заграждение, в тесном круге которого дерутся двое мужчин. Так Вэйд был там? Лань торопливо перевернул несколько страниц и замер, увидев себя со стороны. Эффект был сногсшибательный… Он выронил блокнот. Звук от его падения показался настолько громким, казалось, сейчас на него сбежится весь дом. Сердце застучало как сумасшедшее.

– Что я творю? – пробормотал Хавьер, спеша покинуть гостевую комнату.

Он прекрасно знал ответ на этот вопрос. Только что он с упоением рылся среди чужих личных вещей, а хозяин мог вот-вот вернуться…Прошлое навсегда останется с ним, что бы он ни делал. Не сказать, что он страдал от стремления получить сильные впечатления, если не вспоминать, *кому* он этим обязан…

Он вышел через дверь на веранде и, как выяснилось, правильно сделал. Прогулка по саду помогла немного сбросить напряжение, хотя он предпочел бы прибегнуть к иному способу разрядки. Раньше Лань мог найти его в очень специфичных закрытых клубах, но сейчас терпел. Он сам не понимал почему, ведь у него по-прежнему ни перед кем не было обязательств. И все же он знал, что вечером поедет в место, весьма далекое от плотских утех. А если в полицейском участке ему будет сопутствовать удача, они с детективом поужинают где-нибудь вместе.

Может, не такой плохой идеей было поехать куда-нибудь верхом? Лучше всего в поля. Взять жеребца порезвее и понаровистее, чтобы оба вернулись мокрые. Однако у него была намечена встреча на вечер, и к ней следовало подойти со всей ответственностью.

– Брат, – Честер, устроившийся с котом в гостиной, отложил книгу на подлокотник кресла.

– Уже вернулись? Ты выглядишь счастливым, – подметил Хавьер, чтобы не пришлось придумывать рассказ о прогулке верхом. –

Мне стоит позвать мистера Инна, чтобы он нарисовал вас двоих.

Коту было не привыкать позировать своему хозяину, а вот Честер, похоже, не на шутку испугался и даже хотел уже подняться на ноги, чтобы удержать старшего от поспешных действий. Но тот не собирался в ближайшее время даже приближаться к гостевым комнатам.
***
Вэйд жил в доме близнецов четвертый день и сегодня впервые услышал, как они говорят на повышенных тонах. Нет, братья не ругались и не кричали друг на друга, это было непредставимо. Однако именно сейчас что-то заставило Честера показать свою настойчивую сторону. Вэйд при всем желании не смог противиться его внезапному напору, но Хавьер-то прожил с близнецом всю свою жизнь. Буквально.

– Кто назначил тебе встречу, брат? – младший сжимал его плечо, наверняка чувствительно, однако старший не реагировал. – Почему так поздно? Поговорить о делах лучше завтра на фабрике.

– Скорее всего, ты его не знаешь, – ответил тот. – Это просто деловой ужин, и он не касается фабрики.

– Хавьер! – воскликнул младший из братьев, когда старший стряхнул его руку. Он выглядел не на шутку встревоженным, даже испуганным.

– Тебе вредно так нервничать, Честер, – Хавьер, похоже, понял, что перегнул палку, и смягчился. Заключил его ладонь в свои и, наверное, улыбнулся, чего Вэйд не мог видеть от двери. – Что скажет Сен-Клер?

– Я просто хочу, чтобы ты знал – мне не все равно, – он прикусил нижнюю губу, как видно, прочитав что-то во взгляде близнеца, но тут же спохватился. – Мне намного легче, когда я знаю, куда ты уезжаешь.

– Это просто ужин, в Вебстер Поинт, как обычно, – Хавьер назвал незнакомое Вэйду место, но создавалось впечатление, что он сам давно потерял счет, сколько раз обедал и ужинал в этом заведении. – Так что пожелай мне удачи, и увидимся вечером. Я буду не поздно.

Мистеру Инну пришлось проявить чудеса сноровки, чтобы пропрыгать подальше от двери и не выдать себя шумом. Впрочем, предосторожности были излишни. Хавьер был погружен в свои мысли, так что просто налетел бы на художника, если бы тот остался в дверях.

Вэйд проводил его взглядом, а потом вновь заглянул в гостиную, на сей раз не таясь. Фабрикант обернулся на звук и постарался выглядеть не слишком расстроенным при госте. Однако все читалось в потухших глазах, цвет которых так завораживал художника.

– Честер, простите, я кое-что слышал сейчас, – сознался Инн и доковылял до Ланя. – Знаете, мне кажется, Ваш брат достаточно разумный человек и не сделает ничего, что может повредить Вашей семье.

– Конечно, – он потер глаза и переносицу. – Конечно же, не сделает. Просто… я боюсь за него.

Это «боюсь» говорило о многом. Это был не тот страх, что продиктован чрезмерной опекой или разыгравшимся воображением. Нет, так боятся чего-то вещественного, реального, как нож в руке нападающего громилы. Честер тяжело опустился в кресло, не выдержав гнета переживаний.

– Ему угрожали? – проницательно спросил художник, осторожно положив ладонь на спину Ланя. Он не выносил, когда другим плохо, особенно Честеру, который столько для него сделал, причем совершенно бескорыстно. – Тогда надо обратиться в полицию. А еще лучше сразу к Санни, уж этот парень творит чудеса!

– Все не так просто. Я лишь мельком видел *этого... человека*, – он явно сделал над собой чудовищное усилие, чтобы закончить фразу. – Но этого хватило. В тот же день я нашел предлог, чтобы отправить Майкла помогать на ферме.

Что должен был сделать семье Лань тот мужчина, если само его имя стало для Честера табу? Вэйду и самому, как это ни парадоксально, начало казаться, что негодяй сию минуту постучится в двери, скажем, если будет трижды назван вслух.

– И Вы ничего не сказали брату? – Инн примостился на подлокотнике его кресла, свесив больную ногу. Его бессознательно тянуло ближе, если бы не приличия, уже обнял бы за плечи. – И держали это в себе? Бедный Честер…

– Я не могу предсказать, какая будет реакция, – Лань вздрогнул, ощутив легкое поглаживание. Потом благодарно глянул на художника. – Но когда брата долго нет, я боюсь, как бы не случилось беды. Когда Хавьер уходит на встречу, мне страшно, что… с *ним*.

– Давайте я завтра наведу справки в Вебстер Поинт? – спросил художник, желая сделать хоть что-то для Честера. – Или просто стукну Хавьера вот этим костылем?

Часть 14

К вечеру в полицейском участке почти никого не осталось. Хавьер прошел уже знакомым путем к кабинету Чейза – он не помнил, с каких пор мысленно стал называть его просто по имени, – тот, как и следовало ожидать, был ещё на месте. Взъерошенный больше обычного и впервые – в форме. У Хавьера перехватило дыхание от этого зрелища. Нет, конечно, обычный темный костюм изумительно подчеркивал его фигуру, но однобортный мундир с восьмью пуговицами и простым стоячим воротником придавал образу строгости и... героизма. Если накинуть его расстёгнутым на голое тело, картина получилась бы бесподобная!

Услышав шаги, мужчина поднял голову и, похоже, даже не удивился. Хотелось бы Хавьеру озвучить свою фантазию, чтобы посмотреть, как он переменится в лице, однако здравомыслие взяло верх и Лань молча опустился в кресло для посетителей, пользуясь тем, что его не гонят прочь. Две пары глаз внимательно проследили за его движением, но Ангел в этот раз остался подле хозяина.

– Завидное упорство, – пробормотал лейтенант, на удивление, без особого раздражения.

Похоже, день у него выдался утомительный. С другой стороны, было даже хорошо, что он устал. Как знать, удержался бы Хавьер, начни тот диалог в привычной манере, будучи одетым подобным образом? Он и так задыхался от восторга, а при мысли о том, что они в участке почти одни... и именно это "почти" не давало покоя. Если запереть дверь... Хавьер одернул себя – пришел он не за этим.

– Объясните мне одну вещь... чего Вы до меня доебались? – прозвучало как-то вяло, без огонька. – Что Вам нужно? Чтобы я извинился? Хорошо, я был неправ, приношу свои искренние извинения. Теперь все? Вы наконец отвяжетесь?

– Я прошу простить меня, мой утренний визит был не совсем уместен, – проговорил Хавьер, у которого уставший вид мужчины вызывал желание позаботиться. – В качестве извинения позвольте угостить Вас ужином, лейтенант.

Цзян отбросил светлую челку со лба и поднял взгляд на гостя. Вид у детектива был явно нездоровый, но антрацитовые глаза метнули молнии. Кажется, не стоило напоминать о недавнем разговоре, Чейз начал медленно закипать.

– Какой, к чертям, ужин?! – зашипел мужчина. – Проваливай нахер, пока я тебя собаке не скормил! На ужин!

Ангел понял, что говорят о нем, и, завиляв хвостом от удовольствия, положил голову на колени хозяина. Судя по выражению морды, для полного счастья ему не хватало только, чтобы Чейз почесал его между ушами или потрепал за загривок.

– Не похоже, что он намерен мной закусить, – продемонстрировал свою наблюдательность Хавьер. Чейз поник, словно из него выпустили воздух, Ангел тихонько заскулил. – Ваш пёс лучший показатель того, что я не враг, не находите? А Вам и в самом деле необходимо как следует поужинать. Иначе свалитесь. Кто тогда будет заботиться об Ангеле?

– Твою мать! – Цзян со стоном выдохнул, так что Хавьер невольно вцепился в подлокотники, и тяжело поднялся из-за стола. – Поехали!

Больше до самого Вебстер Поинт он не проронил ни слова. Всю дорогу в кэбе лейтенант угрюмо глядел в окно, позволяя Хавьеру любоваться чеканным профилем в неверном свете газовых фонарей. Чейз выглядел по-прежнему устало, у губ залегла складка, делавшая его старше, но удовлетворение от того, что удалось добиться первого успеха, перекрывало беспокойство.

Они прошли в дальний кабинет, предназначенный для приватных бесед. Лань посчитал везением то, что он оказался не занят, – из всех отдельных комнат в Вебстере эта ему нравилась больше других. Мужчины расположились за столом, но детектив словно бы не заметил положенного перед ним меню. Вопросительно взглянув на него, Лань сам выбрал вино, а к нему сыр и холодную оленину.

– Чейз, – обратился к детективу Хавьер. – Вы же позволите называть Вас Чейзом?

– Да называйте как хотите, – лейтенант отмахнулся.

– Знаете, в последние три года я устал от скуки и рутины, – признался он, хотя и не был обязан как-то себя оправдывать перед детективом. – Я и на тех боях оказался потому, что ошибочно полагал, будто это поможет немного развеяться.

Едва ли собеседник мог понять, не зная всего, а Лань предпочел бы о многом умолчать. По крайней мере, пока. Этот разговор вышел бы слишком долгим для ужина и чересчур личным. Если Чейз вообще бы стал слушать исповедь фабриканта.

– Я понял, что это абсолютно не то зрелище, которое способно мне понравиться, но уходить было уже поздно, – сожаление в голосе было неподдельным. – Все это, с позволения сказать, мероприятие было не лучше поездки в битком набитой тюремной карете. Хотя, конечно, оказаться в вашем участке в качестве посетителя было гораздо более занимательно.

Он ненадолго умолк. Им подали вино. Обслуживание здесь было на высоте. На столе появились бокалы с исключительно тонкими ножками. Напиток заиграл в стекле, отбрасывая яркие блики на безупречно чистую кремовую скатерть. Лань пригубил немного, убеждаясь, что вино идеально, и кивнул официанту.

– Вы находите работу в полиции занимательной? – прицепился к его словам Цзян, как только посторонний ушел.

– Интересной, – поправил его Хавьер. – А Вы, Чейз?

Тот неопределенно пожал плечами, видимо, именно сегодня ни интересной, ни тем более занимательной, он свою службу не находил. Чейз молчал, но взгляд слегка смягчился. Кажется, Хавьер был на верном пути. Искренность – в разумных пределах – вот способ преодолеть барьер недоверия.

– Почему Вы решили отказаться от семейного дела? – Лань понимал, что затрагивает острую тему, но не ожидал, насколько резкая реакция последует на его слова.

– Почему Вас это интересует? – лейтенант скривил губы, Хавьер видел, как напряглось его тело, как сжалась рука на рукояти столового ножа. Будто он готовился к бою. – Если не хватает духа перечить семье, это Ваши проблемы, и не лезьте не в свое дело. Кто Вы такой, в конце концов, чтобы осуждать мой выбор?

– Я – тоже наследник, – ответил Лань ровно, выдержав испепеляющий взгляд детектива. – Возможно, Вы правы, и я тоже хотел, но

не решился выбрать свой путь. Тем не менее, мне нравится работать вместе с братом, управление фабрикой приносит удовлетворение. Как, я полагаю, Вам – служба в полиции.

Значит, вот оно что – осуждение по-настоящему задевает Чейза, уязвляет его. И оттого он предпочитает нападать первым. Цзян долго смотрел на Хавьера, ожидая выпада в свой адрес, выискивая повод, чтобы пойти в наступление. Потом неохотно кивнул и позволил себе немного расслабиться.

– Почему Вы явились на свадьбу моей сестры без приглашения? – похоже, это действительно мучило детектива, в аналогичной ситуации Хавьер тоже допрашивал бы незнакомца, проявляющего нездоровый интерес к его близнецу.

– Честер заболел и попросил меня передать подарок и поздравления его лучшей подруге. Я с радостью согласился, потому что сам давно хотел с ней познакомиться, – объяснил Лань, уж это Чейз имел право знать и потому в этом не было никакого секрета. То же самое Цзян мог уже слышать от Анны. – Ваша сестра – чудесная женщина, Честер не зря столь высокого мнения о ней. И я очень рад, что у Анны есть такой заботливый брат.

Детектив снова скривился. Хавьер и сам понимал, что только что назвал заботой то же, что недавно определил как превышение полномочий, преследование, угрозы и нанесение побоев. Они провели в ресторане ещё примерно полчаса и все это время фабрикант словно пробирался по топкому болоту наугад, пытаясь нащупать скользкое неверное дно. Одно неосторожное движение и…

Чейз не стремился активно участвовать в беседе, но и не выказывал прежней враждебности. Пусть коротко и неохотно, но он все же отвечал на вопросы и иногда задавал свои. В какой-то момент детектив ненадолго отлучился и вернувшись сообщил, что должен идти. Вот так просто, должен идти и на этом все. Встреча оставила чувство неоконченности и вопрос: неужели общество Хавьера ему настолько неприятно?
***
Санфорд Нэттли давно доел десерт и пил вторую чашку чая, хотя изначально не собирался его заказывать. Адвокат понемногу убеждал себя в том, что совершенно напрасно изменил планы. Мало ли в Лондоне светловолосых полицейских высокого роста? В мягком полумраке общего зала легко обознаться. И с чего он вдруг решил, что это именно Чейз Цзян, которого никто никогда не видел в форме? Что вообще мог его приятель забыть в Вебстер Поинт, да еще в такой компании?

Тем не менее, Санни решил допить чай и еще немного подождать, чтобы окончательно удостовериться – дела обстоят именно так, как ему показалось. Лейтенант Цзян пришел в ресторан в сопровождении старшего из братьев Лань. И все время, пока они шли через зал, у Хавьера был такой взгляд, будто Чейз в наглухо застегнутом мундире – это фирменное блюдо, которое здесь подавали. В другом случае сравнение с печеным картофелем показалось бы Нэттли забавным, но при виде странной пары попросту вылетело из головы.

Покидая ресторан, полицейский казался чем-то озабоченным и по сторонам не смотрел. В какой-то момент он слегка покачнулся, будто перебрал, но справился с собой. Санфорд не решился ему показываться – нрав у того был суровый… Раз уж и правда не догадывается о соглядатае, пусть лучше так оно и будет. Адвокат подлил себе чаю и принялся ждать, что будет дальше.

Лань ушел пять минут спустя и выглядел как обычно. То есть никаких плотоядных взглядов или хищной улыбки и других зверских замашек. Да и были ли они, в самом деле? Санфорд никогда не видел его таким. При нем старший Лань всегда был спокойным и собранным. Любой человек, знакомый с ним поверхностно, назвал бы фабриканта амбициозным и рассудительным… и ошибся бы.

Нэттли знал, на какие безрассудные поступки способен порой этот человек, и очень надеялся, что он теперь успокоится, коль скоро Чейз принял его приглашение на ужин. Однако в памяти был свеж тот разговор и недавний намек на то, что Хавьер не прочь был бы взглянуть на лейтенанта Цзян без брюк. Сам Санни предпочитал о таких вещах не думать и уж точно не представлять.

- И как, скажите на милость, я должен поступить? – пробормотал он, обращаясь не то к чашке, не то к молочнику.

Любопытство толкало напроситься в гости к однокашнику, однако Санфорд знал – тот почует подвох и устроит ему форменный допрос. А допрашивать лейтенант умел… Нет уж, лучше себя такому не подвергать… Тогда, может, заглянуть к Вэйду? Старый приятель не откажется угостить его кофе, особенно после того, что выкинул неделю назад, и близнецы, конечно же, к ним присоединятся.

Часть 15

Впервые за последние три года Честер задумался о том, чтобы нанять личного помощника. На самом деле он легко справлялся со всеми задачами и сам, но именно сегодня звезды сошлись. Вместо обеда он занимался делами фермы, а после выяснил, что брат тоже не ел, а отправился на какую-то встречу. Снова с тем же человеком, что был с ним в Вебстер Поинт?

– И что ты скажешь мэтру Вебстеру и мистеру Поинту, Вэйд? – пробормотал он, постукивая ручкой по верхнему документу в стопке.

Нужно было сосредоточиться, но от того, как смело прозвучало это «ты» в пустом кабинете, он совершенно растерял рабочий настрой. Когда он успел так сблизиться с художником, что уже имел с ним общий секрет от родного брата? И как теперь заставить себя еще раз все внимательно перечитать, определить, где нужно ставить только свою подпись, а где расписаться еще и за Хавьера.

– Ты что-то говорил, брат? – спросил близнец, войдя в кабинет.

– Просто мысли вслух, – ответил Честер, молясь о том, чтобы дверь достаточно заглушила его голос. – Ты наконец вернулся! Как прошла встреча?

– Удачно, – уклончиво ответил старший, ничем не выдавая того, чем занимался столько времени. – А что случилось, пока меня не было? Откуда на тебя свалилось столько писанины? Давай сюда половину.

– Думаю, это всё на сегодня, – ответил Честер, но от помощи отказываться не стал.

Братья часто работали за одним столом, не слишком беспокоясь о том, как это выглядит со стороны. Хавьер подсел поближе, и получив свои полстопки бумаг, тут же погрузился в них. Честер попробовал последовать его примеру, но мысли его возвращались к мистеру Инну. Наверняка он уже дома, ждёт его, чтобы поделиться новостями. Нужно было попросить его позвонить…

– Пока тебя не было на фабрике, – проговорил он, на сей раз вертя ручку в пальцах, – я переговорил со Стюартом Чаттером.

Ручки подарил близнецам отец. Одинаковые, с изящно переплетенными монограммами и золотыми перьями. Немного тяжёлые, но если привыкнуть – самые лучшие.

– Как у них с Анной дела? – тут же отреагировал Хавьер, явно не желая, чтобы Честер вернулся к теме его отлучки.

– Речь шла об овцах, – Честер смутился. Он бы не стал тратить рабочее время для обсуждения личных вещей, хотя конечно, из вежливости задал собеседнику примерно тот же вопрос. – Я пригласил Чаттеров на ужин.

– Прекрасно, – одобрил Хавьер и от души провел черту в том месте, где нашел ошибку. Рукав его белоснежной рубашки заметно посерел.

Честер сразу это отметил, потому что очень внимательно смотрел на брата. Изучил костяшки пальцев и темный пиджак, однако не было похоже, что тот во что-то влип. Да и держался он расслабленно, как ни в чем не бывало. Когда Хавьер отложил документ в сторону, его губы тронула довольная улыбка. Стоило ли из-за этого волноваться?

– Я нанес визит в цех, – продолжал брат, поставив особенно размашистую роспись. – Ты же знаешь, лучше делать это, когда сам даже не думал об этом.

Эту черту Хавьер перенял у отца. Тот мог в любой момент оставить свои дела, чтобы посмотреть, как трудятся рабочие и справиться, как идут дела на производстве. Он справедливо вознаграждал тяжёлый труд, но и требовал честно отрабатывать деньги. Со временем это стало чем-то самим собой разумеющимся и появление одного из владельцев перестало отвлекать людей от работы.

– Хорошо, что меня там не задержали, – добавил он мягко и слегка наклонился к брату, чуть коснувшись его руки локтем. – Не хотелось ехать домой без тебя.

Честер благодарно положил ладонь поверх его запястья, немного мешая писать. Старший брат вчера все-таки прислушался к его словам и старался давать поменьше поводов для волнения. На душе стало тепло и спокойно… ровно до того момента, пока он не оказался дома.

Встревожило уже то, что Вэйд позвал в гости Санфорда. По утверждению самого мистера Нэттли, на прошлой неделе художник задолжал ему небольшое озеро кофе, однако, если предложение исходило от Инна, тот мог полагать, что им потребуются услуги адвоката и позаботиться об этом заранее.

Мэдисон выставила на столик еще чашечек и принесла кофейник побольше и свежее, еще горячее печенье, чтобы братья могли присоединиться к гостям. Вэйд, обжигаясь, слопал парочку, а потом очень натурально притворился, будто слышит кошачье мяуканье и потребовал, чтобы заклинатель кошек пошел проведать Саймона вместе с ним. По словам художника, в старой квартире кот иногда застревал в самых неожиданных местах, даже между ножками одного из стульев, и мог вернуться к этой пагубной привычке, освоившись на новом месте.

– Эти голубки – такие милые и забавные люди! – сказал он, разбудив кота, который спал на своей персональной подушечке.

– Простите, как Вы сказали? – изумился Честер.

– Голубки, – повторил тот. – Вебстер и Поинт. Они просто растаяли, когда я нарисовал их держащимися за руки, примерно вот так…

Тут художник взял его ладони в свои и, приблизившись, снова заглянул в лицо. Чему он улыбался, было не вполне понятно. Инн не спешил отпускать его, склонил голову, а потом спросил: «А Вы не знали?» Честер понятия не имел. Это было так странно. Как вообще можно было до такого додуматься. Двое мужчин… вместе. Впрочем, никто из партнеров никогда не выражал недовольства по поводу деловых встреч в их ресторане. Значит, все в порядке?

– Они были так милы, что угостили меня завтраком. Мэтр Вебстер готовит просто фантастические блинчики. Я посоветовал добавить их в меню, – мужчина пробежал кончиком языка по губам, вспоминая вкус угощения. – А еще они очень лестно отзывались о вас с братом – пришлось дать им взглянуть на Ваш портрет, чтобы убедить, что мы знакомы. По их мнению – и я с

ними согласен! – вы сочетаете в себе все возможные и невозможные добродетели, не говоря о том, какие оба красавцы.

– Вам удалось узнать что-нибудь о спутнике Хавьера? – Честер смутился того, сколько хвалебных слов услышал за минуту.

– Увы, только то, что он из Скотланд-Ярда, – Вэйд опустил голову, понимая, что принес не самые обнадеживающие вести, и тут же принялся тараторить: – Честер, Вы побледнели, Вам лучше присесть. Для чего Хавьеру встречаться с полицейским? Может, он узнал про… *того человека*? И решил принять меры, что в таких случаях делают? Наверняка, пока мы с Вами ведем тут беседу, он уже советуется с Санни. А Санни – лучший в своем деле, как Вы считаете?

Вэйд сыпал вопросами, не давая уйти в переживания. В памяти живо всплыл вечер субботы. Брат выпроваживал кого-то… неужели этому мерзавцу хватило наглости сюда явиться? Честер понятия не имел, о чем мог разговаривать Хавьер с полицейским, в голове всплывали догадки одна хуже другой. Что, если он получал письма с угрозами?

– Нужно спросить Уотсона, не было ли чего-то необычного в почте, – пробормотал Честер и погладил Саймона, который тоже пришел его утешать. – Я уверен, *этот человек* не оставит мою семью в покое.

– Все ведь может быть не так страшно. Возможно, мы тут сгущаем краски? – с надеждой сказал Вэйд, положив руку на плечо Ланю. Такое простое прикосновение немного успокоило его. – Постарайтесь сейчас не думать об этом, Честер. Знаете, в детстве мне снились кошмары… И потом, проснувшись, я рад был подумать: «Хорошо, что такого не бывает на самом деле», но понимаете… бывает, и еще как. И чем больше я думал об этом, тем больше боялся. Сейчас мы ничего не можем сделать, поэтому…

– Я почти не помню своих детских снов, – Честер сам не понимал, что заставило его задуматься об этом, но Вэйд был прав – это отвлекало. – Разве что один… Из-под черной как деготь воды показался панцирь, и поверьте, это была совсем не маленькая черепашка вроде тех, которых можно кормить сардинами с руки.

Глаза художника при этих его словах заинтересованно заблестели. Это вызывало желание продолжать рассказ, может быть, даже пригласить художника как-нибудь посмотреть на этих забавных созданий, спешащих к человеку за угощением и стремглав улепетывающих обратно в водоем.

– Она была размером, наверное, с дом – так мне показалось – и, вытянув шею, с легкостью схватила меня за ногу, чтобы утянуть под воду. А когда я проснулся, оказалось, что это Хавьер пытается стащить меня с кровати, – он мягко спустил кота с рук и убрал шерсть с одежды. – Не смейтесь, Вэйд, нам было по десять лет, и брат все время выдумывал какие-то проказы и игры.
***
«Интересно, Честер понимает, что его художник просто выдумал повод немного побыть наедине?» – подумал Хавьер, с улыбкой проводив их взглядом. Никакого кошачьего мяуканья не было и в помине. Потом как ни в чем не бывало посмотрел на тактично покашлявшего адвоката.

– Как прошла ваша встреча с Чейзом? – спросил Санфорд, разломив печеньице и примериваясь, не окунуть ли его в чашку. На секунду он заставил Хавьера подумать, что речь идёт об их вчерашнем ужине. – Удалось застать его во время пробежки?

– Да, в конце концов нам удалось нормально поговорить, – подтвердил Лань, не собираясь вдаваться в подробности. – Скажи, Санфорд, а откуда ты знаешь детектива Цзян?

– Мы учились вместе, – явно не ожидая подвоха, ответил Нэттли.

– Неужели? И тогда подружились? – искренне заинтересовался Хавьер. – Почему бы тебе не рассказать о школьных годах? Мы с Честером получили образование дома, и я часто слышу, что многое упустили.

Судя по выражению лица Нэттли, тот вполне понимал, что фабриканта интересует не школьная жизнь, а его бывший одноклассник. Не стоило и пытаться обвести вокруг пальца человека, который даже многоопытных лжецов видит насквозь. Однако понимал он и то, что отбиваться бессмысленно.

Увы, как следует наложить руки на этот кладезь информации у него не вышло. Уотсон сообщил о чете Чаттеров, а Мэдисон суетилась, накрывая на стол. Хавьер стиснул кулаки, но быстро разжал их, подавив чувство досады. Сегодня он выяснил нечто такое, от чего еще больше хотел узнать Чейза поближе. Три года назад лейтенант Цзян, сам того не зная, спас Хавьеру жизнь. Фотография офицера, ведущего расследование, была в статье об аресте Йена Мэйсона, по недосмотру или же специально расположенная рядом с изображением преступника.

Сердечно поприветствовав гостей, он представил Чаттеров и Нэттли друг другу. Адвокат знал обоих заочно и рад был наконец встретиться. Пришлось также извиниться за Честера и пообещать, что он присоединится к ним с минуты на минуту.

– Анна, Вы кажетесь мне ужасно грустной сегодня, – сказал фабрикант, с тревогой отметив словно заплаканный вид девушки. – Улыбнитесь, у Вас же медовый месяц.

– На самом деле мы решили последовать Вашему совету и отложить его, – ответил Чаттер и добавил, надеясь отвлечь супругу от гнетущих ее мыслей: – Что может быть лучше Англии поздней весной и итальянской осени?

Хавьер услышал знакомое цоканье когтей по паркету. Узнавать шаги знакомых это еще куда ни шло, а вот собачьи… В сердце закралось очень дурное предчувствие. Пёс подошёл и, ткнувшись мокрым носом в руку, заскулил, напрашиваясь на ласку. Так же он накануне вел себя с хозяином.

– Простите, я взяла Ангела с собой, – Анна беспомощно обняла себя руками, как будто замёрзла. – Вчера Чейз оставил его у нас, он всегда так делает, когда болеет. И никого не хочет видеть.

– Это свойственно мужчинам, – попытался успокоить жену Стюарт.

– Но сегодня утром Марта сказала, что в районе Чаринг-кросса случилась настоящая резня! – воскликнула она и сжала руку Стюарта, который ни на шаг не отходил от жены. – Я с ума схожу от беспокойства, вдруг Чейз тоже был там и его снова ранили?

Хавьеру захотелось хорошенько стукнуться головой об стену, чтобы она снова начала работать. Ведь Ангел пытался показать ему, что с хозяином что-то не так. Да и сам он это чувствовал, но не придал значения. Списывал все тревожные звоночки на простую усталость. Как можно было быть таким беспечным? А этот упрямец… вдруг что-то серьезное, а он просто молчал и теперь совершенно один. Что, если ему до того плохо, что он не может даже позвать на помощь? Да и не в его характере эту помощь принимать…

– Тебе нехорошо, Хавьер? – спросил Санфорд, видно, ему не удалось удержать лицо.

– Не выношу, когда люди причиняют вред другим, – выговорил он, запоздало понимая, что очень зря возбудил любопытство у адвоката, да еще собирается разжечь его еще сильнее. – И не только физически.

Часть 16

Саймон шел впереди, иногда проверяя, следуют ли за ним Вэйд и Честер, однако у дверей гостиной вдруг прижал ушки и заскользил пузцом по паркету, что было совсем на него не похоже. Обычно он любил покрасоваться в присутствии гостей и чем больше зрителей, тем лучше. Все произошло очень быстро. Кот и пес встретились нос к носу около кресла. Вэйд инстинктивно спрятался за Честера, который застыл каменным изваянием, кажется, даже дыхание затаил. Похоже, его ангел-хранитель тоже не знал, что предпринять для спасения Саймона.

Перед глазами живо встала душераздирающая картина, как крупный терьер треплет несчастного кота. Как во все стороны летят клочки серого меха, а кровь его любимца заливает зубастую морду… Зверь принюхался и смачно лизнул Саймона в нос.

Выдохнули все присутствующие. Кот же сел на хвост и, как будто не его только что попробовали на вкус, принялся умываться. На заигрывания нового приятеля он особого внимания не обращал, даже когда тот припал к полу в каком-то дюйме от него, задрав кверху зад, ходящий ходуном от интенсивного виляния хвостом. Стюарт посмотрел на жену не то чтобы осуждающе, но не слишком одобрительно, это уж точно.

– Ангел хорошо ладит с другими животными, Чейз говорит, он тоже служит в Скотланд-Ярде, а это не белок по двору гонять, – попыталась оправдать пса Анна. – Брат сам его учил.

– Очень приятно познакомиться с такой воспитанной собакой, но мне кажется, он пугает Саймона, не лучше ли… – напряженно начал художник, даже не заметив, когда успел схватиться за руку Честера. Но когда Ангел увязался за котом, решившим наведаться на кухню, тут же пошел на попятную. – Не лучше ли дать им заняться своими звериными делами где-нибудь в другом месте?

Наконец страсти улеглись и ему выпала возможность представиться и познакомиться с Чаттерами. Инн несколько неохотно отпустил руку Честера – и почему ему позволяют такие вольности? От этого Вэйд, кажется, только сильнее влюблялся в своего заступника. Художник выступил вперед, стараясь скрыть напряженность за шутливым тоном. Рассказал кое-что о себе и совсем немного о персональной выставке в холле. Хоть он и любил поболтать, но хвастаться было не в его привычках. Только расположившись вместе со всеми за обеденным столом, он заметил отсутствие одного из близнецов и, найдя это обстоятельство странным, обратился к спасителю.

– А где же Ваш брат, Честер? – он так резко сменил тему, что сам не успел уследить за ходом мысли. – Разве Вы не оставили его с Санни?

– Мгм, – только и сказал тот.

Лань так забавно растерялся, когда Вэйд задал этот вопрос именно ему. Инн и сам понимал, что Честер не мог знать больше, чем он сам. Они ведь все это время провели вместе.

– Хавьер так внезапно ушел, – ответила за лучшего друга Анна, так же сбитая с толку поведением старшего из близнецов. – Кажется, он сильно расстроен…

Художнику сразу стало не до смеха и не до обеда – только Саймон может спокойно лопать в такой нервной обстановке. А что теперь делать его хозяину? Только ему удалось немного успокоить Честера, и тут это. Куда так внезапно мог сорваться его брат на ночь глядя, и где его искать теперь? На фабрике?

– О чем вы говорили? – принялся допытываться Инн, хотя его вполне могли посчитать навязчивым. – Не мог же мистер Лань просто так взять и уйти безо всякой причины?

– Осмелюсь предположить, что он волнуется за Чейза, – ответил за всех Санфорд. – Я как раз рассказывал про школьные годы… Знаете, не верил, что такие разные люди, особенно учитывая обстоятельства их знакомства, могут поладить между собой. До тех пор, пока не увидел их в Вебстер Поинт.

Инн переглянулся с Честером. Кажется, теперь они знали, с кем был Хавьер. Вот только с какой целью могли встречаться фабрикант и полицейский, все равно было непонятно. Особенно учитывая то обстоятельство, что Вэйд видел Хавьера рядом с подпольным бойцовским рингом прямо перед полицейской облавой.

– Санни, почему это ты на меня так смотришь? – насторожился художник, заметив, как изменился взгляд адвоката. – Подождите… только не говорите, что он прямо у меня за спиной… И давно?

– Собаки чувствуют, когда их боятся, – заметила Анна.

– Я не боюсь, – промямлил тот, не решаясь пошевелиться. – Как Вы могли подумать?

– Анна, пожалуйста… – привычно вступился за художника Честер. О, как приятно было, когда тот вставал на его сторону! Еще лучше было бы, гуляй Ангел в саду.

Девушка окликнула пса, но тот и не подумал отойти от стула Инна. Напротив, подошел поближе, понюхал гипс и после положил голову на колени художника. И это собака, натасканная задерживать опасных преступников? Жесткая бородка делала его похожим на добродушного старичка. Кажется, Инн впервые за долгое время видел собаку так близко.

– Похоже, Ангел хочет, чтобы Вы его погладили, мистер Инн, – сказала Анна, вставая из-за стола.

Любимец ее брата не стал дожидаться, когда его возьмут за ошейник и выведут погулять. Поставив передние лапы на колени застывшего в испуге художника, он лизнул побелевшего мужчину в нос, как недавно Саймона.
***
Чейз полусидел в постели и тихо себя ненавидел. А больше, собственно, и некого – в квартире он был совершенно один, Ангела пришлось оставить на попечение сестры и ее муженька. Ведь только он сам – и полное отсутствие мозгов – был виноват в том, что приходится теперь валяться в таком состоянии.

В дом Рамзи Чейз прибыл, все еще кипя от ярости, после разговора с чертовым Ланем. Ну чем Ангелу глянулся этот тип? И ведь у собаки не спросишь… Чейза он взбесил. Кто еще кого преследует? Он заново прокручивал неприятный разговор в памяти вместо того, чтобы сконцентрироваться на том, что происходило вокруг. Даже когда увидел распростертое на полу в луже крови женское тело…

Надо было задержаться рядом с пострадавшей, прощупать пульс, пропустить ребят вперед, раздать распоряжения. Вдова Рамзи выжила только благодаря тому, что для чистки овощей не требуется длинное лезвие.

Вместо того, чтобы оценить ситуацию и действовать как учили, детектив хотел одного. Просто пойти и надавать по шее паскуде, которая размахивала тут ножом. Молодец, отличился. Самым идиотским образом подставился под этот самый нож, и только после этого сломал нападавшему запястье и хорошенько приложил мордой об пол.

Может, доктор Джеймсон, осмотревший их обоих только спустя четверть часа после задержания, зря согласился, что рана несерьезная, – Чейз вообще думал, что не обязательно накладывать повязку, раз кровь сама остановилась. Однако винить доктора он не мог, только себя и свою самонадеянность. Даже если бы его попытались отправить домой отдыхать, что бы от этого изменилось? Ведь Чейзу нужно было во что бы то ни стало доказать кому-то, что ему все нипочем. Знать бы еще, кому и зачем…

Именно поэтому он вернулся в участок и сел заполнять какие-то бумаги, которыми мог заняться хоть в конце месяца. Именно поэтому снова наткнулся на Ланя и какого-то дьявола согласился на его абсурдное предложение.

– Ужин… – прорычал он в пустоту квартиры, вспоминая, как недавно утверждал, что не сядет за стол с этим проходимцем.

Надо было держаться и не дать гаду ползучему забраться ему в голову. Хоть кто-то должен сохранять трезвый рассудок! А трезвый ли? Что, если уже поздно? Вдруг этот Хавьер Лань и до него успел добраться? Прохвост почти убедил своей честностью – а эта черта всегда была у семьи Цзян в почете – даже Чейза… кто б ему так на допросах отвечал! Не мешкая, спокойно и складно.

И все же что-то не давало детективу покоя, Лань что-то недоговаривал… все лгут и выкручиваются! Чейз чувствовал это, но никак не мог нащупать. Не мог сформулировать вопрос, чтобы вывести проходимца на чистую воду. Такого не бывало с ним еще ни разу с тех пор, как он занял эту должность. Наверняка всему виной была воспалившаяся рана, она отвлекала, не давала сконцентрироваться. А может, это подкрадывается старость, и он понемногу теряет нюх…

Цзян попробовал задремать – слишком уж паршиво ему было, чтобы сейчас ломать голову над загадкой Хавьера Ланя. Однако и не думать об этом он не мог. А с закрытыми глазами было проще вспоминать, какое выражение лица было у фабриканта, когда он отвечал на те или иные вопросы, каким при этом делался взгляд его светло-серых глаз. Он, похоже, по-настоящему огорчился, когда Чейз собрался уходить, хотя расстраиваться впору было именно детективу, обнаружившему, что рана снова открылась.

Лейтенант с каким-то садистским удовольствием принялся за следующий виток самобичевания. Сила в честности прежде всего перед самим собой, так всегда твердил отец. Нужно было из последних сил добраться до дома и свалиться в постель, чтобы понять, что пора наконец остановиться. А еще лучше было бы рухнуть где-нибудь на дорожке перед крыльцом павлина, вот тогда-то унижение уж точно было бы полным.

Его терзания прервал стук в дверь. Настойчивый, пожалуй, даже требовательный. Прохвост, собирающий арендную плату вместо хозяина, стучал иначе – довольно нагло, но в то же время как будто с опаской. Особенно в дверь полицейского, который в дурном расположении духа мог и с лестницы спустить. Да и не время было для сбора дани… Чейз никого не ждал, а потому рассудил, что посетитель ошибся дверью и без подсказок сообразит, куда ему надо пойти. Квартир тут хватало.

Однако стук повторился, и не менее уверенно, чем в первый раз. Так стучат, когда знают – хозяин дома и дверь обязательно откроет, рано или поздно. Игнорировать раздражитель не было никаких сил. Проклиная назойливость и скудоумие непрошенного гостя, лейтенант нехотя поплелся в прихожую. Стоило подняться на ноги, и опять накатила слабость… В боку дергало, сейчас бы лежать, но нет, принесло кого-то!

Цзян открыл дверь с твердым намерением выплеснуть на визитера весь запас ругательств, но уже в следующий миг потерял дар речи. Вот уж кого можно было ожидать в последнюю очередь. Пришлось задавить на корню желание протереть глаза в надежде, что гость окажется плодом разыгравшегося воображения.

– Чейз, – голос у Хавьера был странный, словно тот запыхался, и старался скрыть сбитое дыхание. И каким-то сомневающимся, так что хозяину квартиры даже захотелось глянуть в зеркало - действительно ли это он?

«А глаза у него все-таки серо-голубые, как небо перед рассветом, – рассеянно отметил Чейз. – Или дождем, хотя какое это имеет значение?»

Выглядел гость несколько непривычно. Вроде все на месте: костюм с иголочки, безукоризненно начищенные ботинки, искренняя располагающая улыбка, но вот выражение этих самых глаз, которые Чейз зачем-то рассматривал…

– Вы позволите? – вкрадчиво уточнил фабрикант.

Чейз от неожиданности посторонился. Лань прошел в квартиру, огляделся, повернулся к лейтенанту. Цепким взглядом окинул с головы до ног, как будто ожидал, что у него будет недоставать конечностей или еще чего важного.

Часть 17

Только в кэбе Хавьер сообразил, что понятия не имеет, где живет Чейз и как его искать, однако потребность увидеть его и убедиться, что все в порядке, пересилила здравый смысл. Он приказал отвезти его в полицию, надеясь встретить там давешнего сержанта, и всю дорогу не находил себе места. Смита в участке не оказалось, пришлось подкупить секретаря, несмотря на то, что за такое можно было и правда угодить за решетку. От него Хавьер получил подтверждение, что Цзян был ранен во время стычки с преступником и сегодня на службу не вышел. Это было тревожно. Теперь фабрикант просто обязан был лично удостовериться, что все именно так, как описывает секретарь, и жизни Чейза ничто не угрожает.

Ланю показалось, что он добирался по нужному адресу целую вечность. Стуча в дверь снова и снова, он примерился, получится ли аккуратно отжать ее, чтобы проникнуть в квартиру детектива. А что, если действительно никого нет? Чейз вычислит его и с огромным удовольствием арестует. А там вскроется и история со взяткой…

Он даже не знал, хочет этого или опасается. Но выбирать не пришлось – после бесконечного ожидания за дверью послышались шаги, и она распахнулась, чуть не столкнув фабриканта с узкой площадки, в проеме показался Цзян. Выглядел он заспанным, помятым, раздраженным, но, по крайней мере, не болезненным – Лань подсознательно ожидал чего-то гораздо худшего. А еще полицейский казался по-настоящему удивлённым, чем Лань не преминул воспользоваться, чтобы попасть в его жилище.

– Что тебе нужно? – отреагировал на бесцеремонное вторжение полицейский.

– Ты ранен? – Хавьер пренебрег условностями и вежливостью, слишком уж рад был, что опасения не подтвердились.

– То есть Вы хотите сказать, что приперлись сюда, чтобы, мать вашу, справиться о моем самочувствии? – переспросил Чейз, ни на миг не поверив в чистоту его намерений, а потом пошел в атаку, надвигаясь на Хавьера и заставляя отступать вглубь квартиры. – Ты хоть знаешь, что нормальные люди сначала предупреждают о визите, а не вламываются на чужую частную территорию, как… как… – детектив явно не мог подобрать слова в обширном лексиконе. – Откуда ты вообще здесь взялся? Не по запаху же, блядь, нашел?

Можно было солгать, что проследил за ним накануне, но детектив чувствовал такие вещи. Поэтому, вместо того, чтобы оправдываться, Лань сам шагнул к Чейзу, оказываясь вплотную. Он сам не знал, что на него нашло в тот момент, когда он схватил собеседника за плечо и повторил с нажимом.

– Я спросил, – раздельно произнес он, – ты ранен?

Это был совсем не тот Хавьер, которого он изображал перед зеркалом, чтобы научиться располагать к себе людей. И уж точно не тот, которым был в остальное время. Эта его сторона последние три года пряталась где-то в тени, как в небезызвестном книжном сюжете, и выжидала, когда представится случай вырваться на волю.

– Какого хрена?! – Чейз тоже заметил эту перемену и попытался его оттолкнуть, но резкие движения сейчас заставляли его морщиться от боли. – Ты белены объелся?!

– Почему ты не сказал мне? – не давая времени опомниться, Хавьер запустил свободную руку под домашнюю рубаху, напомнившую ему давешний китель, – белую, просторную, с высоким воротом.

– С какой стати я должен был Вам что-то говорить? – разъярился полицейский, когда Лань уже нащупал повязку и осторожно провел кончиками пальцев по бинтам.

Подчёркнутое «Вы» неприятно резануло слух, на что Хавьер отреагировал, сильнее прижав ладонь, вполне отдавая себе отчет, что делает больно и от кого этому научился… Цзян дёрнулся, взвыл от боли, отступив на несколько шагов.

– Да какого хрена! Ты, сука, сдурел! Пусти! – он пытался избавиться от захвата.

Потом пнул фабриканта, но слабо, – боль в боку не давала перенести вес на одну сторону и приложить силу. Детектив болезненно морщился от собственных попыток освободиться.

– Лань, Вы рехнулись? Да отпустите Вы меня, черт бы Вас побрал! – Чейз продолжал перескакивать с «ты» на «Вы» и обратно. – Блядь! Убери руки нахер, пока я…

Этот призыв, по мнению фабриканта, прозвучал весьма двусмысленно. Уберет, чуть позже, причем именно туда, куда просят. Сколько он еще сможет слушать цветистые выражения и в то же время держать себя в руках?
***
Вырваться из цепких рук на первый взгляд изящного фабриканта оказалось ему сейчас не под силу. Цзян слегка запаниковал, невольно пожалев, что отдал Ангела сестре, чтобы о нем позаботились, пока сам он не в состоянии. Под напором Хавьера он был вынужден отступать до тех пор, пока не упёрся в стену.

– Мистер Лань, отпустите меня, – сказал он, надеясь, что вежливое обращение образумит явно поехавшего умом фабриканта. – Или Вы решили отыграться и сломать мне плечо?

Не помогло. Мужчина несколько ослабил хватку, но стоило попробовать вырваться, и пальцы немедленно впились в него снова с силой железных тисков. А вот бок, на удивление, болеть перестал. Чейз не брался как-то объяснять этот феномен, принял как данность. Просто от прикосновений к ране по телу разбегалось приятное тепло.

– Х-хавьер? – Цзян запнулся под обжигающим взглядом светлых глаз, сделавшихся неожиданно холодными. Лань больше не улыбался. – Что за?..

Тот ещё секунду смотрел пристально и странно, потом слегка склонил голову. Чейз ошарашенно распахнул глаза и замычал в накрывшие его рот губы. Это уже просто неслыханно! Рука Ланя скользнула с плеча по здоровому боку и обхватила спину, притягивая ближе, не позволяя отстраниться. Впрочем, полицейский больше не предпринимал попыток.

Он просто не знал, как реагировать, когда почувствовал упругое изучающее скольжение чужого языка. Зато Лань, похоже, прекрасно понимал, что делает. Не встречая сопротивления, он разомкнул неплотно сжатые губы Чейза, неотрывно глядя в глаза. Чертов ублюдок, как можно сохранять такую уверенность в подобной ситуации?

Хавьер усилил натиск, преодолевая следующий рубеж. В голове сделалось пусто. Нужно было хорошенько впечатать кулак наглецу под дых, но он почему-то медлил, позволяя запустить пальцы в волосы на затылке, слегка перебирая и ероша их, и

целовать так, что перехватывало дыхание… Чейз сдался, уступил напору неожиданного гостя, позволяя чужому языку проникнуть, пробежаться по нёбу и встретиться с его собственным.

Фабрикант не торопился его отпускать, даже разорвав поцелуй. Цзян упёрся ладонью ему в грудь, не отталкивая, просто удерживая на минимальном расстоянии. До побелевших костяшек впился пальцами в одежду, задыхаясь – от шока, конечно, а вовсе не от настойчивого и умелого поцелуя. Где только проклятый суккуб научился этому? Никто никогда не целовал его так, чтобы ноги подкашивались. Даже в юности, когда Чейз только познавал любовные премудрости.

– Зачем… – он кашлянул, прочищая горло, но голос все равно звучал хрипло: – Что случилось?..

Он даже не знал, как спросить… Его никогда не интересовали мужчины… На самом деле, Чейз даже не задумывался о чем-то подобном и уж точно помыслить не мог, что привлекает фабриканта… в таком смысле. Более непохожего на Чейза человека сложно было вообразить. Он абсолютно не знал, как себя вести. Губы и щеки горели, и еще это непонятное щекотное ощущение, возникшее не то от прикосновений чужих пальцев, не то…

– Ты случился, – ответил Хавьер так же абсурдно, как прозвучал вопрос. Детектив отвел глаза, хотя обычно люди не выдерживали его взгляда. – С первой нашей встречи…
***
Оставалось подивиться недогадливости детектива, ставшего таким покорным в его руках. Но Лань просто наслаждался моментом и любовался румянцем, вползшим на высокие скулы Чейза, совершенно сбитого с толку и растерянного. Знал бы он раньше, как будет выглядеть Цзян, если его поцеловать, то давно бы уже сделал это. А выглядел полицейский совсем не так, как обычно, когда именно он заставлял людей робеть и теряться в его присутствии.

Хавьеру совсем не хотелось отпускать детектива, к тому же он понимал: если допустить такую возможность, полицейский тут же опомнится и выставит его вон. Оставалось только дальше удивлять его – и себя, если уж на то пошло. Хавьер пошарил ладонью по груди детектива, непослушными пальцами попробовал расстегнуть его рубашку.

– Зачем столько пуговиц? – проворчал он и, не давая ответить, снова поцеловал такие притягательные губы, уже слегка припухшие от его прикосновений.

Детектив не сопротивлялся, как раньше, а сразу позволил проникнуть в жаркий рот, исследуя и вылизывая. Невольно дернулся, когда Лань, потеряв терпение, рванул ткань, но уйти ему не дали. По полу застучали мелкие оловянные кругляши.

Полицейский промычал что-то и, кажется, окончательно капитулировал. Он начал, наконец, отвечать на настойчивые поцелуи и это было настолько сладко, что Лань со стоном прижал лейтенанта к стене так крепко, что тот зашипел от боли в потревоженном боку. Фабрикант, извиняясь, накрыл повязку ладонью, ласковыми касаниями пробежался по оголенной груди, гладкая кожа под пальцами налилась жаром. Сдерживаться было все труднее.

Окончательно он потерял самообладание, когда полицейский застонал и схватил его за плечо, как будто терял почву под ногами. Другой рукой он все еще стискивал его одежду и теперь рывком сдернул шейный платок. Чейз бессознательно прогнулся в спине так, что между ней и стеной легко прошла рука Хавьера. Фабрикант повел пальцами вниз по позвоночнику до пояса домашних штанов, а потом снова вверх, пока не рискуя заходить слишком далеко. Он так долго этого ждал, уже почти не веря, что вообще когда-нибудь добьется детектива, так что теперь не торопился, растягивая удовольствие, смакуя каждое прикосновение, запоминая, как Чейз отзывается на его ласки.

Фабриканту казалось, что он очутился в одной из своих фантазий: Цзян сам прижимается теснее, сам раздевает его. Он не желал уступать, но движения – неловкие, рваные – выдавали его с головой. Не потому ли Чейз хрипло выдыхал бессвязные ругательства, заставляя Хавьера задыхаться? Однако непрекращающиеся поцелуи, прикосновения чужих рук, прохлада, пробравшаяся в распахнутый ворот – все было слишком реально.

– В этом доме есть кровать? – спросил Хавьер, когда в очередной раз кончился воздух, и пришлось оторваться от неожиданно жадных губ детектива. Неужели это его собственный голос?

– Блядь, – только и сказал Чейз. – Вы серьезно?

Чувствовалось, что он снова занервничал, и разозлился только, чтобы скрыть очевидное. Лань спокойно, даже холодно встретил обжигающий темный взгляд. Чуть склонился – Цзян был на дюйм ниже – заглядывая в бездну. Сколько еще Чейз сможет раздувать в себе злость? И когда ее окончательно затмит желание?

– Ты думаешь, это игра? – спросил Хавьер, накрывая ладонью пах детектива, чтобы убедиться, что тот понимает. С таким прямолинейным человеком необходимо быть честным до конца, поэтому Лань продолжал: – Я хочу тебя, и мне все равно как, но я тебя получу.

Часть 18

Только сердце мистера Инна перестало выпрыгивать из груди, как пёс снова появился в поле его зрения – на сей раз за окном. Впереди Ангела деловито топал Саймон. Сначала художник подумал, что пёс его преследует, но, в отличие от жирненького кота, тот мог и пробежаться перед едой.

– Я прошу прощения, что прерываю ваш разговор, – обратился Вэйд к Честеру и Стюарту, которые после всех треволнений все-таки вернулись к овцам. – Обратите внимание, сейчас в саду что-то будет.

Саймон уже выбрал подходящее для демонстрации дерево, а он бы не хотел, чтобы Честер пропустил такое забавное зрелище. Кот потоптался на месте и повилял задницей, примериваясь, распластался в коротком, но зрелищном прыжке и вцепился в кору яблони всеми четырьмя лапами. Обернулся и гордо посмотрел на Ангела, явно ожидая одобрения. К восторгу зрителей пёс не растерялся, а подошёл и ткнул его мордой под зад, побуждая лезть выше.

– Им бы с этим трюком в цирке выступать, – расхохотался Вэйд, который ожидал чего-то подобного и все равно не смог сохранить серьезность. – Похоже, этот пёс и правда дрессированный!

– Знаете, я выросла в доме, где было полно собак и их прелестных щенков – и намучилась же Мелинда с шерстью! – несмотря на беспокойство за брата, Анна улыбнулась. – Мне трудно представить, как можно опасаться таких милых и добродушных созданий.

– И вовсе я не… – попытался возразить Вэйд, но не было смысла отрицать очевидного. Спорить с девушкой он тоже не стал, это бы лишь испортило настроение им обоим. – Признаться, я и сам не помню, с чего все началось, такое чувство, что так было всегда. Но ради столь очаровательной особы я, возможно, соглашусь немного пересмотреть свои взгляды.

Художник хитро посмотрел на Честера, уже предчувствуя, что тот разобьёт ему сердце своим безразличием. Тот и правда совсем не изменился в лице, вот только глаза кое-что сказали художнику. Ради этого стоило получить предупреждение от бдительного супруга Анны. Честеру было не все равно, и от этого на душе у Вэйда распустились маргаритки и запели птички, и даже присутствие пса с библейским именем и отнюдь не ангельским характером, больше не могло испортить этот день.

– А в этом что-то есть, – Вэйд мечтательно вздохнул и решил еще немного подразнить обоих мужчин. – Может, как-нибудь еще приведете это милое чудовище? Чтобы я мог к нему привыкнуть.

– Такой воспитанный пёс и правда мог бы Вам позировать, – неожиданно поддержал его затею Честер. Вот же мстительный тип! – Так Вы сможете быстрее избавиться от неприязни к собакам.

– Но только вместе с кем-нибудь, кто будет держать поводок, – принялся выкручиваться художник, которому не улыбалось оставаться с псом наедине. – Анна, Вы…

– Лучше я, – ожидаемо вызвался Честер, даже не дослушав фразу, которая должна была звучать совсем не так, как он мог подумать. – Ангел легко поднял Саймона, хрупкой девушке удержать его точно не под силу.

Вэйд согласно закивал. Не нужно было даже пытаться выставить Ангела чудовищем, жаждущим крови художника. Тем более чудовище у него уже было – с грубым панцирем, похожим на груду валунов, косматых от проросшего в сырости мха и лишайника. Не удивительно, что Честер испугался, когда увидел вздыбленную на длинной морщинистой шее голову с хищным клювом над металлически непрозрачной водой. Первоклассный ночной кошмар, отвечающий самому взыскательному вкусу, в меру нереальный, чтобы пробудить затаенный страх перед хищником, таящимся в неизвестности. Картина должна пугать не тем, что перед глазами, а тем, что сокрыто в глубине озера.

– Даже не думал, что Вам так понравилось позировать! – обрадовался художник, как раз выискивающий возможность повторить приятный опыт уже не с пастелью, а с красками. – Я уже вижу, как это будет. Особенно если расположиться в Вашем кабинете. Не обижайтесь, я заглянул туда мельком, когда Мэдисон мыла полы.

– Так Вы рисовали портрет Честера, – заинтересовалась Анна, не обратив внимания на беспомощный взгляд друга. – Я бы хотела взглянуть! Если можно.

– Можно, конечно! – дал разрешение вместо художника Санфорд. – Дайте Вэйду волю, и он с удовольствием покажет Вам все свои работы. И нарисует Вас. Неважно, согласны Вы или нет.

– Сейчас нарисую тебя, Санни, – пригрозил Вэйд, с трудом пытаясь подняться на ноги, хотя на самом деле уже здорово приспособился к временному неудобству и почти не замечал его. – В образе гейши.

Как он и ожидал, Честер немедленно вскочил, чтобы помочь подняться и опереться на костыль. Художнику ужасно нравилась такая забота с его стороны. Настолько, что он уже решил, что внесёт арендную плату сразу на полгода вперёд и это как минимум.

«Что же Вы со мной делаете, Честер? – возопил он мысленно. – Так я ни за что Вас не разлюблю. И что тогда Вы станете со мной делать? И, главное, что тогда делать мне? Разве что…» Он мечтательно улыбнулся фабриканту, задержавшись в его руках чуть дольше, чем это требовалось, чтобы поймать равновесие.

– Что ж, не будем мешать вам обсуждать дела, – решил художник, приглашая Анну и Санфорда в свою часть дома.

Бдительный супруг относительно легко смирился с короткой разлукой – он мог отпустить жену с адвокатом, который работал, кажется, со всеми крупными промышленниками Лондона, и ее отцом в том числе. К тому же Инн собирался расположиться на веранде, где их будет видно и Картрайду, играющему с псом в саду. Обычно мальчишки хорошо ладят с собаками, что же не так было с Вэйдом в детстве? Память отказывалась давать ответ, да он и не жаждал его получить. Просто смирился: собаки это не его. То ли дело коты…

Он задумчиво проводил помчавшегося за палочкой пса взглядом и зажёг побольше света, чтобы больше его не видеть. Взяв блокнот со стола, за которым рисовал Честера, он собрался уже открыть страницу, заложенную ляссе, но передумал и нашел для начала последний рисунок. Саймон больше сорока минут понемногу стекал с края стола, протянув к хозяину лапку с растопыренными пальчиками и розовым пятнышком на темной подушечке. Тот проявил чудеса выдержки, чтобы запечатлеть это и ни разу не потыкать кота пальцем.

Растаял даже Санфорд, видевший Саймона во всех позах. Художник аккуратно вытащил листок – хотя изначально не собирался этого делать – и преподнес его Анне. Та обрадовалась так, словно получила от художника собственный портрет… причем маслом и с размашистой подписью в уголке. Если бы она знала…

Мужчина жестом фокусника перевернул разом несколько листов – блокнот и без закладки уже раскрывался на нужном месте. Анна ахнула, сразу узнав младшего из близнецов-фабрикантов. Осторожно коснулась бумаги кончиками пальцев, перевела взгляд на Вэйда.

– Вы, наверное, все время думали о котике, когда рисовали Честера, – щеки ее тронул премиленький румянец, однако Вэйд отчего-то не спешил очаровываться чужой женой.

Вэйд ощутил легкую панику. Нет, Анна не догадалась о его чувствах к ее лучшему другу, но почувствовала что-то такое в портрете. Нужно быть осторожнее, чтобы не вызвать подозрений. И не показывать работу Санфорду.

– Кстати, – он захлопнул блокнот прямо у адвоката перед носом, давая понять, что не станет удовлетворять его любопытство, пока тот что-то недоговаривал. – Санни, ты не удивился, что Хавьер общается с твоим другом Чейзом. Это связано с его работой в полиции?

– Боже упаси! – воскликнул тот, вызвав у художника привычное раздражение.

Должно быть, тоже подумал о «том человеке». Он скорее всего в курсе. Нет, наверняка в курсе, и имя его тоже знает. Нужно будет спросить при удобном случае. Мучить такими расспросами Честера Вэйду не хотелось. Даже короткого разговора хватило, чтобы понять, какую глубокую рану недавно разбередили в душе Честера… найти бы того, кто это сделал…

– Хавьер так старался помириться, – похвалила упорство старшего из близнецов Анна, восхищенно рассматривая картину, которую чуть не испортили Скотт с приятелями. – Не удивительно, что, в конце концов, они с братом все-таки нашли общий язык.

Адвокат попытался замаскировать смешок покашливанием. Что бы это значило? Вэйд слегка прищурился, наблюдая за ним. Будь они только вдвоем, как-нибудь бы уже вытянул, что Нэттли имеет в виду, а сейчас тот вывернулся, весьма подленько припомнив одно опасное полотно, которое хранил у себя Инн. Изображение Юфимии Цзян могло ненароком прожечь дырку в обивке или неосторожном наблюдателе. Так, по крайней мере, казалось самому художнику.

Он видел эту неподражаемую женщину в гневе, но рука не поднялась исказить правильные черты или красивые губы, подчеркнутые сочной помадой. Поэтому мадам на портрете была спокойна, как горная вершина Скофел-Пайк, где художнику довелось побывать около года назад… Хотя нет, скорее как гладь черного подземного водоема из сна Честера. Так могла смотреть на свою жертву кровожадная упырица из мрачных сказаний, сохранившихся с тех времен, когда человечество еще испытывало суеверный ужас перед ночной тьмой. Похоже, у него все-таки будет вдохновение для работы!

– Матушка Вам позировала? – девушка растерялась, вглядываясь в знакомые черты. – Она такая красивая, как несколько лет назад, когда Чейз вернулся со службы в армии и еще не сообщил о своем решении работать в Скотланд-Ярде.

– Я рисовал по памяти, – ответил художник. – Из окна падал такой фантастический свет, что я едва улавливал, что она говорила о нарушении сроков внесения арендной платы… Поразительная женщина. Уверен, мадам будет рада такому подарку… не от меня, разумеется, а от Вас, Анна.

– Как я могу Вас отблагодарить? – спросила девушка.

– Деньги я не приму, – отрезал художник, сразу поняв, к чему та клонит. – Но Вы могли бы помочь мне в одном деле. Мне хочется отблагодарить Честера за все, что он для меня сделал. И я подумал, – при этих словах художник переглянулся с Санфордом, отчего-то ужасно заинтересовавшимся сказанным. – Кто, как не его близкая подруга, должен знать, что нравится Честеру?

– Он обожает музыку, – не моргнув глазом, ответила девушка. – Мы столько раз ходили в оперу, Вы просто не представляете! Думаю, на Вашем месте я выбрала бы "Сон в летнюю ночь".

Должно быть, мысль о феях заставила Анну задержать взгляд на бабочках под стеклом. Вэйд представил дам друг другу. Кайла, Кейт, Келли, Кира и Клер были тронуты таким вниманием к своим скромным молчаливым персонам.

– Так странно, я как будто видела таких бабочек раньше, – заметила девушка, рассматривая его подружек.

Мистер Инн мысленно стукнул себя по лбу. «Извините, девочки, но вам будет лучше переехать в ящик, пока не поздно». Если Анна – это ведь для нее Вэйд недавно рисовал картину – узнала бабочек, то и Честер мог что-то заподозрить.

– Они водятся в Британии, – сказал он так, будто увидеть такую на лужайке было чем-то само собой разумеющимся… конечно, никто не захотел бы видеть таких бабочек у себя в саду. – Один мой заказчик очень хотел получить достоверное изображение этих созданий, пришлось подыскать образцы с самым длинным латинским названием.

Он задумчиво посмотрел на приятеля, как будто ему и правда понадобилась консультация адвоката. Тот даже приосанился. А Вэйд просто не хотел надолго оставлять Честера, пока его брат не то навещает больного, не то просто шляется непонятно где с ведомой ему одному целью.

– Как думаешь, Санни, наши друзья уже обо всем договорились? Не пора ли нам пойти и поздравить их с заключением взаимовыгодной сделки?

Часть 19

Бормоча проклятья прямо в тонкие – Чейз бы даже назвал их изысканными – губы, он, как не трудно было в это поверить, стаскивал с фабриканта одежду. На Хавьере было слишком много всего. Сюртук, под ним застегнутый жилет и сорочка и все это надо снять очень аккуратно и бросить куда-нибудь, не измяв. Он просто не мог представить себе этого мужчину в неотутюженной рубашке или со складками на брюках.

– Да черт бы тебя побрал! – пробормотал Цзян то ли неподдающимся пуговицам, то ли неспешности Ланя, который снова поцеловал его.

Это какое-то безумие! Каждое прикосновение шарящих по телу жадных рук обдавало жаром. Испытывал ли что-то подобное Хавьер? Полицейский заметил странный звёздчатый шрам, словно от ожога, выделяющийся на светлой коже, чуть ниже горла. С ходу не получалось представить, что могло его оставить. Разве что… раскаленный металл? Тавро? Но на дворе девятнадцатый век…

Лань выдохнул стон и невольно подался вперёд, прижимаясь к нему, стоило притронуться к отметине. Хавьер на секунду прикрыл глаза, то ли наслаждаясь щекочущими прикосновениями, то ли пряча взгляд. Перехватил руку, побуждая опустить ее ниже, до тех пор, пока Цзян не ощутил под пальцами его возбуждение. Он никогда не был излишне стыдлив, но сейчас с трудом удержался, чтобы не испортить все, отдернув руку. Это было странно – вот так касаться другого мужчины, не говоря о том, что они собирались сделать...

Лань прижал его ладонь крепче, начиная и направляя движение; этому учиться было не нужно, достаточно было просто показать, как больше нравится. От поцелуев Хавьера кружилась голова и перехватывало дыхание. Он отстранился только на пару мгновений, чтобы подтолкнуть его на кровать и избавить от спущенных штанов, оставив распахнутую рубаху.

Сел Цзян отнюдь не от легкого толчка – если бы Лань хотел свалить его на кровать, у него бы определенно хватило сил это сделать. Фабрикант – кто бы мог подумать – имел прекрасное телосложение, сравниться с которым могла бы не всякая скульптура. Хотелось прикоснуться к светлой коже, чтобы убедиться, что все это живое и настоящее. И Хавьер дал ему такую возможность, когда оседлал его бедра, потянулся и выудил из-за подушки то, что, как Чейз думал, было надежно там спрятано.

– Вы уверены? – ляпнул Цзян, хотя Лань до сих пор не дал ни единого повода в этом усомниться. Ощущение, что произойдет нечто непоправимое, не спешило отпускать.

– Блядь, ты просто сводишь меня с ума, – Чейзу показалось, что он бредит. Образцовый, безупречно-вежливый Лань действительно выругался? – Я хочу, чтобы ты взял меня. Прямо сейчас. Взял и отымел так, чтобы я мог думать только об одном…

Последовала весьма многозначительная пауза. Губы Ланя снова тронула улыбка, хотя скорее выражение лица можно было назвать голодным, хищным. Фабрикант настойчиво надавил на плечи приподнявшегося было на локте Чейза, побуждая откинуться на постель и не тревожить рану. Склонился следом, вновь начиная терзать жадным поцелуем. Его рука снова коснулась бинтов, и под этими прикосновениями боль унялась так же быстро, как и вспыхнула.

– И о чем же? – Чейз сам не знал, почему так хотелось это услышать; в том, что Хавьер будет предельно честен, сомневаться не приходилось.

– О том, как ты натягиваешь меня на свой большой, крепкий член, – последовал ответ, от которого полицейского вдруг бросило в жар. – Снова. И снова. И снова.

Лань двигал бедрами в такт словам, и Чейз запоздало понял, что тот беззастенчиво – и когда только успел? – трахает себя пальцами, представляя, как насаживается на член… на его член. Это невероятно возбуждало и смущало в той же мере. Было ощущение ирреальности происходящего. Разве может такой человек, как Хавьер Лань, творить подобные вещи и выглядеть при этом так… обольстительно? Разве может сам Чейз желать, чтобы он продолжал?

Его почти любовник прикрыл глаза и нетерпеливо вздохнул, вытирая скользкие пальцы о его член, лаская и… направляя в себя. Пришлось с силой сжать его бедра, чтобы немного притормозить фабриканта, совершенно потерявшего голову от желания. Ему казалось, что это непременно должно быть больно, просто обязано быть. И сейчас Хавьер добровольно подвергал себя этому. Без малейшего сомнения, словно… словно ему это нравится. Лишь на мгновенье зажмурился и запрокинул голову, впуская Чейза.

Несколько секунд Цзян был не в состоянии воспринимать ничего, кроме жара плоти, туго охватившей головку. Невероятно горячо, ни на что не похоже... Даже немного больно от того, как тесно оказалось внутри. Он непроизвольно двинул бедрами, желая продвинуться глубже, чтобы избавиться от дискомфорта.

– Черт, прости, – с трудом выдохнул детектив, понимая, что запросто мог навредить любовнику, вздрогнувшему всем телом при грубом вторжении.

– Заткнись и не мешай, – напряженно ответил Лань, пытаясь оторвать от себя его руки. – Ты слышал, что от тебя требуется.

– Как пожелаете, мистер Лань, – Чейз даже немного растерялся, так что нелепое в этой ситуации обращение сорвалось с языка само собой. Ему было непонятно, кто из них кого трахает? – Раз Вы просите, выебу Вас так, что неделю сесть не сможете. Получится управлять фабрикой стоя?

– Твою мать, Чейз, – с чувством сказал тот, сжимая собственный член. – Ты только болтаешь!

Чейз надавил на бедра Хавьера, больше не заботясь, что тому будет больно. Надавил с силой, так, что тот был вынужден опуститься, и резко вошёл до конца. Фабрикант подавился воздухом, вцепляясь в его руки, ощутимо царапая даже через рукава. Полицейский замер, заполняя обжигающе горячее нутро, присваивая себе. С женщинами всегда было иначе – проскочила непрошеная мысль. Мужчине легко завоевать женщину оттого, что та создана принимать, и ей свойственно отдавать себя в чужую власть. А сейчас… Он не чувствовал уверенности под этим взглядом.

– Так достаточно глубоко? – уточнил он, стиснув зубы, чтобы перетерпеть пробирающее до позвонков удовольствие, и не закончить все прямо сейчас.

Ответом ему послужил стон, и это было самым правильным, это ставило все на свои места. Победа была за Чейзом. Каким бы уверенным и наглым ни казался фабрикант, именно Чейз брал его, а не наоборот. И черта с два Цзян даст ему об этом забыть или хотя бы заподозрить, что скрывается за его цинизмом и грубостью.

Что бы ни творилось в голове у Хавьера, он пришел к нему сам и сам же преподнес свое тело Чейзу, это лишь разожгло аппетит полицейского. Несколько минут назад он не помышлял ни о чем подобном, а теперь возжелал фабриканта всего целиком. Это было какое-то помешательство, но он готов был сожрать мужчину живьем.

Он поймал немного затуманенный взгляд Хавьера и охнул, когда тот сомкнул пальцы на его горле. Так, чтобы затруднить дыхание, но недостаточно сильно, чтобы и правда придушить. Словно тот прочитал его мысли о превосходстве и решил оспорить.

– Лань, – Цзян схватил его за запястье, с трудом отводя руку, отталкивая, заставляя особенно сладко отклониться назад. – Надеть бы на Вас наручники, и застегнуть за спиной…

– Так? – подыграл тот, сцепив руки и слегка выгнувшись от этого.

В таком положении он не имел достаточной опоры и все же приподнялся так, что член почти выскользнул наружу. Немного качнул бедрами. Перед глазами замельтешили прозрачные искорки.

– Какие фантазии, детектив, – не расцепляя рук, он наклонился вперёд и медленно насадил себя на болезненно напряженную плоть. – Хочешь знать, какие у меня? Каждый раз, когда ты смотришь на меня так, Чейз, я не просто хочу поставить тебя на колени… Я хочу завалить тебя мордой в пол, вывернуть руку, прижать коленом, чтобы ты вздохнуть не мог.

– Вы… – Чейз задохнулся от возникших в воображении картинок. – Что Вы несёте?!

Собственный севший голос заставил лейтенанта прокашляться. Это было неправильно. Ведь это он сам при первой встрече обращался так с Ланем и, разумеется, никакого удовольствия от этого не испытывал. Просто работа. Неужели тот хочет отплатить ему той же монетой? И почему описанная картина заставила его ещё больше возбудиться? Что с ним творит этот невозможный человек?

– Впрочем, с этим можно и подождать, – как ни в чем не бывало заявил Лань, выпрямившись. – До тех пор, пока ты не поправишься.

– Я смотрю, Вы все распланировали… – с трудом прохрипел в ответ Чейз.

– Ты мой, Чейз, – Хавьер снова сдавил его шею и резко ускорил темп, впуская на всю длину, а потом почти соскальзывая с пронзающей его плоти. – И не рассчитывай, что я позволю тебе пойти на попятную.

Цзян судорожно вцепился в его запястье, но тот и не подумал ослабить хватку. В голове билась только одна мысль – так они оба ни за что не продержатся долго. Хавьер содрогнулся в оргазме, сжимая его в себе, доводя до грани, и только тогда медленно разжал пальцы. За наслаждением пришла слабость, Лань словно выпил из него все силы, а душу вывернул наизнанку.

Почему рука сама потянулась погладить пребывающие в полном беспорядке волосы фабриканта, уткнувшегося лицом ему в шею, и горячую влажную спину? Хавьер сыто улыбнулся – Цзян почувствовал движение его губ. Такой он гораздо больше нравился детективу – спокойный и расслабленный, томный после испытанного удовольствия, понемногу восстанавливающий дыхание. Где-то на краю сознания царапнуло сожаление – наверняка на запястьях Ланя снова останутся синяки, на сей раз от его пальцев.

Цзян ощутил странную неровность. Еще один шрам? Длинный, от плеча наискось. Попробовал провести еще раз, оценивая, но Лань выпрямился так, что уже немного вялый член снова проник в его тело до самого основания. Цзян поперхнулся вопросом.

На вопросительный взгляд тот лишь качнул головой и прижал пальцы к губам. Ощущение было странным, лейтенант облизнулся, задев солоноватую, чуть шершавую подушечку кончиком языка.

– Закури, Чейз, – разрешил фабрикант осипшим голосом, а взглянул остро, почти опасно, ясно давая понять, что не хочет этого разговора. – Я же вижу, что тебе нужно.

– Вам просто нравится запах казенного табака, – невпопад ответил полицейский.

– Твой запах, – он легко вытолкнул член и поднялся с кровати. Не стесняясь собственной наготы, отыскал на столе сигареты и прикурил одну. Чейз нервно сглотнул, это было до невозможности сексуально. – Я почти чувствую, как им пахнет в допросной.

Детектив сел на постели, принимая сигарету, которой только что касались чужие губы. Хавьер мимолетно погладил его руку. Контраст такой заботы и грубого выражения желаний смущал и выводил из равновесия, но у Чейза не получилось бы сейчас разозлиться.

Часть 20

Детектив глубоко затянулся и с удовольствием выдохнул дым. В какой-то момент он прикрыл глаза и это было ошибкой. Чейз слегка вздрогнул, почувствовав прикосновение к бинтам на раненом боку, но так как больно не было, не стал отталкивать настойчивые руки.

– Повязка сбилась, я взгляну, что можно сделать, – сообщил Хавьер.

Чейз задохнулся от такой наглости. Нет, фабрикант не попросил разрешения, не предлагал помощь, а просто уведомил о своих намерениях, даже не рассматривая иного варианта развития событий.

– Можно подумать, Вы разбираетесь в… – заворчал полицейский, которому тут же захотелось выставить любовника за дверь, а следом выкинуть его одежду.

Цзян снова затянулся, на сей раз довольно нервно. Любовник. Хавьер, мать его, Лань теперь его чертов любовник. Да у них обоих крыша поехала… Нужно было крепко об этом подумать… а еще лучше напиться, чтобы не думать. Эта мысль просто не укладывалась в голове, а Лань… просто все решил.

– Не думаю, что это будет сложнее, чем менять повязку упрямому барану, – Хавьер улыбнулся так, будто и не думал его оскорблять.

Звучало обидно, даже если воспринимать слова буквально. Чейз стерпел лишь по одной причине – когда Хавьер колдовал над его боком, рана совсем переставала болеть. Так странно было осознавать, что он нашел ответ на мучивший его вопрос, что все-таки нужно было от него фабриканту все это время.

– Выглядит весьма неплохо, – сообщил Хавьер, наклонившись так близко, что кожи коснулось дыхание, такое же теплое, как его руки.

Чейз тоже взглянул, ни на что особо не надеясь, и был удивлен. Воспаление прошло. Края раны были слегка покрасневшими, да и только. Конечно, нельзя было сказать, что она полностью затянулась – хотя Чейз бы не удивился умению Хавьера врачевать путем наложения рук – тем не менее, кровь больше не сочилась и кожа не горела. Стоило поблагодарить доктора Джеймсона за лекарство.

С тем, на что Цзян потратил уйму времени и нервов, Лань справился за какую-то пару минут и, надо сказать, вышло даже вполне удобно. Нужно было заставить фабриканта одеться, но язык не поворачивался и слов не находилось. Как Хавьер посмотрит на него, если ляпнуть: «Именем закона, натяните штаны!»

– Ты ел сегодня? – взгляд серых глаз стал прохладным и цепким, не давая солгать.

Цзян качнул головой и тут же вышел из состояния гипноза. В его силах было промолчать о том, что сам же опрометчиво велел приходящей экономке убираться и не беспокоить его.

– Так и знал, – нахмурился Хавьер и, слава богу, принялся одеваться. Натянул брюки и рубашку; не заботясь о внешнем облике, засучил рукава.

От мысли о том, что недавно он своими руками раздел гостя, а потом отымел его, Чейзу снова сделалось не по себе. К тому же тот же человек в том же самом костюме, не стал прежним фабрикантом. В нем появилось что-то… неуловимо развратное... и эта ленца в каждом движении… Походка стала другой, это он увидел, когда Лань по-хозяйски прошел на кухню.

– Что, блядь, ты там забыл, – простонал Чейз, но так, чтобы его ненароком не услышали.

Отлучка Ланя была ему просто необходима. Это дало ему время привести в порядок себя и отчасти мысли. Однако вскоре фабрикант вернулся и тут же наверстал упущенное, снова выбив полицейского из колеи.

– Я поджарил овощи и сделал омлет, – он как-то странно посмотрел на Чейза. – Поужинаем вместе?
***
Хавьер опёрся о стол и перевел дыхание. Руки до сих пор подрагивали, никак не верилось, что это реально. Вернуться бы назад, чтобы еще раз удостовериться, снова попробовать на вкус зацелованные губы, прикоснуться… Никогда не отпускать. Тут бы пригодились наручники, упомянутые детективом…
Он стряхнул лишние мысли, но голос Чейза все еще звучал в голове. Он хочет, чтобы Лань повторил все то же самое, но со сцепленными за спиной руками, натягивая короткую цепочку между крепкими железными браслетами, не имея возможности прикоснуться к себе… Даже голова закружилась.

Но не стоит пороть горячку, неизвестно, какая будет реакция. Лань оглядел кухню, оценивая обстановку. Тут чувствовалась женская рука, все на своем месте, хотя запасов и не слишком много. Похоже, детектив с его работой часто перекусывал где попало… Увлекшись, Лань действительно перестал думать о наручниках. К тому же они были далеко не единственным способом привязать к себе…

Он давно не готовил и почти забыл, что ему это нравится. Особенно, если для того, кого действительно хочешь видеть рядом. Сердце снова забилось не в такт от мысли, что своим поступком он мог все испортить. Так легко отдался! Что Чейз может о нем подумать после этого? Желание сблизиться с ним стало лишь острее после того, как Хавьер ощутил ответную страсть.

– Что сделано, то сделано, – сказал он себе, быстро накрывая на стол. Сейчас он соберет себя в кучу, пойдет и пригласит детектива.

Даже если он испортил и первое, и второе впечатление, он будет продолжать. Цзян нужен ему, и не только физически. Хавьер научился не врать себе, и сейчас, после случившегося, чувствовал, что просто заполучить детектива в качестве любовника на один или даже на несколько раз ему мало. Вот только имеет ли он право требовать от Чейза взваливать на себя все то, к чему он, по сути, не имеет никакого отношения?

Цзян отреагировал на его возвращение в спальню относительно спокойно. Больше всего Лань боялся, что тот просто выставит его вон, или затеет потасовку, после которой Чейзу станет только хуже. Тот недоверчиво, но все-таки последовал за ним, скорее, чтобы проверить, чем Хавьер занимался столько времени на чужой кухне.

– Вы сами это приготовили? – спросил детектив, хотя никого другого в доме не было.

Лань кивнул и указал на заранее отодвинутый стул. Мало ли как Чейз отреагирует, если начать вести себя подобным образом. Принимать заботу он явно не умел. Было забавно наблюдать, как детектив сперва с опаской нюхает и пробует свою порцию, а потом быстро уничтожает содержимое тарелки. Лань еле заметно улыбнулся.

– Это очень неплохо, – признал Чейз, изучая его. Взгляд почти ощутимо скользил по коже, щекотал, задерживаясь то тут, то там.

– Мама научила нас с братом, – немного смущенно, не желая хвастаться, скорее чтобы показать сходство миссис Лань и Анны, которая тоже умела и любила готовить.

– Чай? – Хавьер вопросительно приподнял бровь, в свою очередь выискивая что-то в черных глазах и не отрывая взгляда, когда бездна глянула в ответ.

– Кофе, – отрывисто ответил лейтенант, вставая. – Я сам. Готовить я, может, и не умею, но кофе сварить в состоянии.

Он последовательно хлопнул несколькими шкафчиками, поставил джезву на огонь и от него же прикурил новую сигарету. На быстро разогревающееся дно небольшого медного сосуда полетела щедрая порция молотых зерен, специи в какой-то невероятной, ведомой одному Чейзу, пропорции и сахар – кажется, Хавьер узнал об одной маленькой слабости любовника. Комнату наполнили причудливо смешивающиеся ароматы.

Пользуясь тем, что внимание детектива направлено на напиток, зашипевший, забурчавший в турке, Хавьер любовался уверенными движениями, сосредоточенно сжатыми губами и небольшой морщинкой над переносицей. Чтобы выдохнуть дым, Чейз поворачивал голову – видимо, тот мог повлиять на ритуал. Это было… мило. Хотя назвать полицейского милым мог разве что самоубийца.

Это напомнило детство, когда они с родителями собирались за столом. Мама точно также хлопотала у плиты, пытаясь сосредоточиться на готовящемся блюде и со смехом отмахиваясь от шуток отца. Вода на огне понемногу нагревалась. Запахи становились ярче, дразнили. Раньше Лань и помыслить не мог, что кому-то придет в голову добавить в знакомый напиток перец, а теперь ему не терпелось попробовать результат, однако Цзян не спешил. Он собирался извлечь из кофе все, на что тот только способен. Под внимательным взглядом Чейза густая кофейная пробка двигалась в горлышке джезвы, поднимаясь и опускаясь, как живая. Хавьер затаил дыхание, когда Цзян, не пролив ни капли, разлил напиток по чашкам, и забрал одну из его рук, намеренно коснувшись. Тот не разразился бранью, а позволил мимолетно дотронуться до запястья, совсем чуть-чуть погладить. Лань уже делал так, но в тот раз Чейз был холодным, как снеговик, а сейчас его кожа была теплой.

Однотонный фарфор уже нагрелся, но еще не обжигал. Хавьер задержал чашку в пальцах, чтобы прочувствовать – все-таки не сон. Во сне не бывает ни тепло, ни горячо, и не исполняются самые дерзкие желания… разве только в детстве.

– Это прекрасно, – искренне произнес он, попробовав напиток. И крепкий, и сладкий, и с кислинкой, щекочущий язык легкой остротой.

Цзян отвел взгляд и невнятно пробурчал что-то вроде бы благодарное. Потом одернул себя и зыркнул сердито, как будто решая, в чем обвинить Ланя в первую очередь. Список мог получиться длинный. Выбрать он не смог, поэтому просто опустил взгляд на собственную чашку, изучая узор на молоке.

– Я бы хотел как-нибудь еще выпить твоего кофе, – признался фабрикант, ни на что в общем-то не надеясь. Если это когда-нибудь и случится, придется приложить титанические усилия.

– Он отравлен, – буркнул Чейз наверняка только, чтобы посмотреть, поведется ли собеседник на такую откровенную ложь.

Хавьер сделал еще глоток и прикрыл глаза, прислушиваясь к собственным ощущениям. По телу разливалось тепло, а еще отголоски приятной усталости. Давно он не чувствовал себя так хорошо после близости с кем-то. Да и с кем… наутро уже не помнишь ни голоса, ни черт лица, все смазывается, как будто случилось во сне.

– Ты тоже его пьешь, Чейз, – логично отметил Лань, спокойно встретив обжигающий взгляд. – Если мы оба к утру не умрем, сделаешь еще?

– А Вам не пора домой? – ожидаемо огрызнулся тот.

– Ты же не думаешь, что я оставлю тебя одного с такой раной? – он поставил чашку на стол и сжал руку мужчины. – Глупо страдать в одиночестве, Чейз. Ты несёшь ответственность… За Ангела, например, и за свою сестру, за сердца тех, кому ты дорог.

Он проницательно посмотрел на Чейза, крепче сжав сильную кисть, чтобы не дать вырваться. Что это? Румянец? Простые слова заставили лейтенанта Цзян впасть в краску? Нет, не слова… Он, кажется, понял, в чем дело.

– Если после того, что между нами было, тебя это все еще смущает, – он поднялся и подошёл к детективу, осторожно кладя руку ему на плечо. – Тогда я вполне могу лечь на диване.

Часть 21

Гости ушли. Честер стоял в полумраке у окна кабинета и ждал. Вот-вот у ворот остановится лошадь, брат рассчитается с кэбменом и уже через минуту будет дома. И тогда все страхи и тревоги останутся позади. Однако минуты тянулись вечностью, а Хавьер все не возвращался. Ему очень хотелось запереть старшего дома или отправить к дяде за город. Если бы это могло помочь.

Наконец, кто-то появился. Лань напрягся, вглядываясь в фигуру человека, который прошел к дому и, озираясь, скрылся из виду, явно в поисках черного хода, которым пользовались слуги. Честер никогда не видел этого человека. Долговязый тип в тонком пальто с закатанными почти до локтя рукавами и несуразной шапочке, наверняка бы ему запомнился. Сердце было не на месте, почти как в тот день, когда брат из-за своей неосмотрительности угодил за решетку. Снова вернулись мысли о больнице, но почему посыльный?

Прошло около минуты, и в дверь постучал Уотсон – его Лань узнал по стуку. Пришлось придать лицу невозмутимое выражение и пригласить дворецкого войти. Мужчина тоже сдерживался, чтобы не выдать, что поднимался по лестнице очень торопливо.

– Мистер Лань, посыльный только что принес для Вас записку. Полагаю, она от Вашего брата, – в его голосе слышалось что-то, отдаленно напоминающее осуждение. Видимо, состояние Честера выдала бледность или дрожь пальцев.

– Спасибо, Уотсон, – ответил тот и пробежал текст глазами. – Завтра Хавьеру потребуется свежая сорочка. Картрайд поедет на фабрику вместе со мной.

– Я прослежу, чтобы он не забыл щетки для одежды и ботинок, – понятливо кивнул дворецкий.

– И еще, – сказал Честер, хотя у него не было никаких сил сейчас говорить с кем-то, кто хорошо изучил его за годы жизни под одной крышей. – Вы ведь сортируете почту?

– Как обычно, мистер Лань, – ответил мужчина слегка удивленно. – Я случайно положил Вам конверт мистера Хавьера?

– Нет-нет, все в порядке, – Честер и сам понимал, что вопрос прозвучит слишком расплывчато, но и ждать, что проходимцу хватит наглости подписаться собственным именем, было глупо. – Я просто хотел узнать, не замечали ли Вы чего-то необычного в последнее время?

– Да, возможно, – согласился дворецкий после довольно долгих раздумий. Слишком долгих, как показалось Ланю. – Теперь от Анны Цзян приходит по два конверта вместо одного, белые для Вас и желтые, подписанные «Хавьеру», что весьма удобно. Так же Ваш брат известил меня, что теперь предпочитает другую газету. Пожалуй, это все.

– Можете идти, Уотсон, – разрешил Честер, не зная, разочарован он услышанным или же обрадован. Дядя любил повторять, что нулевой результат – это тоже результат.

Мужчина из вежливости пожелал ему спокойной ночи – хотя ни о каком спокойствии не могло быть и речи. Сегодня Честер ни за что не уснет, даже пробовать не станет. Едва дворецкий переступил порог, послышалось его учтивое: «Мистер Инн». Честеру показалось, что художник подставил костыль, чтобы не дать двери закрыться и войти в кабинет, не спрашивая разрешения.

– Я видел посыльного, – объяснился он, тоже пристраиваясь у окна. – Новости о Хавьере?

– Мгм, – подтвердил Лань.

Вэйд тоже взглянул на записку. Там было все что угодно – вплоть до адреса, который в любом случае назвал бы посыльный – кроме объяснения, почему Хавьер бросил гостей одних и так поспешно ушел.

– «Обещаю, в этот раз тебе не придется заезжать за мной в Скотланд-Ярд», – процитировал Вэйд. – Как это мило с его стороны! Он пишет, что остался у друга и что не стоит волноваться, а что делаете Вы, Честер? Волнуетесь тут в одиночестве, места себе не находите. Я тут уже неделю и ни разу не видел, чтобы Вы засиживались в кабинете допоздна, особенно среди недели.

– А Вы… следили? – Честер растерялся.

Художник выглядел искренним, как всегда, если начинал вот так болтать, сбивая собеседника с толку. И когда только рука Вэйда оказалась у него на плече? Стряхнуть ее совершенно не хотелось, поэтому Лань сделал вид, что по-прежнему не замечает этого жеста. Тепло чужой кожи быстро пробралось сквозь одежду и стало неожиданно зябко, до мурашек, мимолетно пробежавших по спине.

– Как-то само вышло, – беззаботно отозвался Вэйд, не сводя с собеседника внимательного взгляда серых глаз. Честеру нравился этот контраст. – Я-то люблю поваляться в кровати допоздна или вздремнуть после обеда, тут все зависит от солнца. К тому же в лунном свете порой получаются интересные пейзажи.

Он совершенно точно хотел сказать - портреты - но удержался. Честер и так не представлял, каких сюрпризов ждать от художника, но ничего не поделаешь. Пусть под влиянием момента, но согласился-то он сам. Что-то подсказывало, что Ангел справится с ролью натурщика намного лучше, особенно если художнику придет в голову нарисовать их в беседке при луне.

Ерунда какая! Он даже слегка качнул головой, желая отмести появившуюся в голове картинку. Зная Вэйда, это будет какая-нибудь забавная сценка. Анна знает все команды и вполне может приказать Ангелу лаять на дерево и тянуть поводок. Пожалуй, лучше не говорить впечатлительному художнику, что пес беспрекословно умрет за нее и перегрызет человеку глотку, если понадобится.

– Скажите, Честер, а что Вы делаете, когда не спится? – спросил тот, снова резко меняя тему.

– Это так заметно? – Лань напрягся, но ощутил это лишь потому, что ладонь Инна сместилась и теперь покоилась на его груди.

– Очень, – кивнул художник, не думая убирать руку, хотя это уже выходило за рамки всяческих приличий. – Я вот запихиваю Саймона к себе под одеяло, а он и не против. Хотите, я его Вам подложу?

– Это очень мило с Вашей стороны, но я не уверен, что пушистая грелка мне поможет… – он поколебался, стоит ли вообще говорить о подобных вещах, но лунный свет, льющийся в окно, располагал к откровениям, а Вэйд не производил ощущение человека, который потом станет распускать сплетни. – Такое редко случается, брат обычно дома и может немного посидеть со мной… как в детстве…

Лань стушевался, как будто сказал что-то постыдное. Многие люди оставались верны детским привычкам, подчас действительно сумасбродным, но, как правило, безобидным в отличие от тех, что люди приобретали во взрослом возрасте. Недавно в клубе судачили о том, что Николас Уэйн и после свадьбы продолжал спать со светом. Бедняге так досталось от злых языков, но когда Честер уже думал прервать партию в шахматы, чтобы встать на защиту едва знакомого молодого мужчины, когда насмешники все-таки нашли более достойную тему для обсуждения.

– Тогда сегодня с Вами побуду я, – заявил Вэйд, обезоруживающе улыбаясь и заглядывая в глаза. – Нет ничего проще! Посидеть немного у Вашей постели, а потом тихонько уйти? Уж с этим я справлюсь, будьте уверены!

Теплая рука соскользнула вниз, чтобы немедленно сжать его ладонь. И снова этот мороз по коже, который было никак не списать на сквозняки. Холодок шел изнутри, как будто замерзла душа, но сейчас корочка льда подтаяла. Еще одна несуществующая холодная капля сбежала по позвоночнику, когда Вэйд потянул его в сторону двери.

– Идемте-идемте, я уже не могу смотреть, как Вы мучаете себя, Честер! – они как обычно пошли под руку, так художнику было удобнее. – Обещаю, Вам приснятся замечательные сны! Что-нибудь о горах, водопадах и облаках, плывущих так низко, что до них можно дотронуться рукой. Вот бы показать Вам все это наяву! Каньоны, пересеченные сетями дорог, отвесные скалы, заслоняющие небеса, обширные пастбища, весной похожие на цветастые пледы, священные рощи со старинными каменными алтарями и реки, обнимающие своими извивами целые… замки.

На этих словах умолк, задержав взгляд на картине. Умышленно или нет, но он описал именно то, что было изображено маслом на холсте. Бурные, как после продолжительного ливня, воды подступили к самым стенам монументального сооружения, точно грибочками утыканного разной величины башенками, алела черепица, и лес кругом пестрел осенними красками.

Честер приобрел эту картину несколько лет назад и до сих пор любил смотреть на нее, как на пейзаж за окном. Край, изображенный на картине, казался ему сказочным, небывалым. И в то же время чувствовалось, что художнику довелось побывать там и увидеть все своими глазами! Кажется, мистер Инн испытал схожие ощущения, но вопреки его ожиданиям, ничего не сказал вслух.

– Ее написал друг мистера Нэттли, – первым нарушил тишину Честер. – Иногда мне хочется написать этому человеку письмо. Только боюсь, он сочтет мою просьбу глупой и пустой… Но я правда хотел бы поехать туда.

– Тогда Вам потребуется теплый свитер, как думаете, Анна согласится связать такой? – улыбнулся Вэйд, переставив стул вплотную к кровати. – Ну же, смелее, Честер, мы ведь оба – мужчины.

Серые глаза азартно блеснули или это была только игра света? Честер хмыкнул, ему и правда было нечего стесняться, тем более перед художником, который наверняка рисовал обнаженную натуру, хоть и не показывал ничего такого. Настрой был хороший, да только уши все равно предательски потеплели… особенно когда улыбка художника сделалась шире.

– Я на самом деле не люблю библейские сюжеты, но с таким материалом… – протянул он мечтательно.

Честер поспешил прикрыться, а потом и вовсе спрятался от взгляда художника под одеялом. Тот был не в обиде, немного неловко подоткнул одеяло и снова положил руку на плечо, согревая и рассказывая, как пахнет осенью на берегу горной реки и как внезапно налетевший ветер пробирается под одежду. Как звучат голоса птиц, радующихся выглянувшему солнцу, даже если оно почти не приносит тепла. Как шуршит под ногами ковер из листьев и какая ледяная вода в ключах, которые бьют прямо со дна реки, взрывая фонтанчиками песчинки. Это и правда было похоже на чудесную грезу наяву.

– Напишите ему, Честер, – расслышал он сквозь сон неожиданно тихий голос. – Уж Вам-то он не откажет ни в чем…

Часть 22

Хавьер проснулся, почувствовав горячую плоть, упирающуюся в бедро, и мягко развернулся спиной, чтобы потереться и разбудить Чейза. И заодно, чтобы тот не видел его довольную улыбку. Было до сих пор забавно от того, как они укладывались вчера. Пришлось побороться за право спать рядом, а не «на своей половине», как выразился Цзян. Благо, кровать не была рассчитана на двоих, и "лечь на своей половине" было почти невозможно.

Именно Лань показал смущённому детективу, как им обоим будет удобнее всего. Кажется, Чейз никогда не спал с другим человеком, даже с женщиной, если говорить только о совместном отдыхе. Хавьеру было приятно стать у него первым и в этом смысле… а потом, он надеялся, еще во многих других.

– Доброе утро, – он озорно прищурился, почувствовав, что мужчина сзади отчаянно пытается сориентироваться в обстановке. – Я бы не отказался от кофе.

– Молоко кончилось, – тут же уколол его Цзян, но одна часть его тела все еще была Ланю рада.

– Ничего, – фабрикант слегка поерзал, чтобы сделать Чейзу приятно. – Я знаю, где можно добыть немного сливок…

– Сука, Лань, Вы… – он запнулся, когда Хавьер потянулся назад и сжал горячую плоть в ладони. – Вы просто…

Лань подождал, скажет ли Чейз что-то еще, однако тот умолк. Посчитав это хорошим знаком, фабрикант принялся ласкать член любовника – очень медленно, проверяя, как понравятся такие ласки, и какие движения вызовут более явный отклик. Сменив тактику, он вращательными движениями поиграл с головкой. Бедра явственно качнулись, побуждая к решительным действиям, но Лань по-прежнему не торопился.

– Скажи, если я ошибаюсь, Чейз, но тебе ведь это нравится, – произнес он совершенно серьезным тоном, не вяжущимся с тем, что делали его пальцы. – Так же, как мне. Даже больше, потому что именно ты устроился «на моей стороне кровати», – эти слова он выделил интонацией. – И разбудил меня вот этой штукой.

– Лань, – мужчина шумно выдохнул. – Вам не надо на работу?

– И это отличное начало дня. Ты не согласен? – он двинул рукой и перевернулся, чтобы полюбоваться на плоды своих стараний. Член Чейза еще увеличился и стал крепче. Так и тянуло попробовать на вкус. – Может быть, мне прекратить?

Лейтенант промолчал, но заметно напрягся, когда Лань убрал руку, чтобы попробовать уложить любовника на спину. Цзян не ведал, какой соблазн представлял собой: такой горячий, растрепанный со сна… уютный. Как кот. Хавьер достаточно времени провел с Саймоном, так что мог утверждать – у этих двоих не так мало общего. Непростой характер и нежелание подчиняться, например.

Добившись своего, мужчина в качестве вознаграждения оставил лёгкий поцелуй на ключице полицейского, одной рукой опираясь на его плечо, а другой поглаживая по бедру, двинулся вниз, не прикасаясь губами, лишь дыханием. Мимолетно отметил, что надо будет поправить повязку, несколько сбившуюся во время сна. Цзян потянул за волосы, пытаясь то ли поторопить, то ли все-таки остановить в дюйме от желанной цели.

– Что бы Вы там ни подумали, но это уж слишком! – воскликнул он, не слишком, впрочем, убедительно. – Это значит лишь…

– Так же, как смех говорит только о радости? – Хавьер слегка подул на вздрогнувший от этого орган. – Или слезы – о горе? Очень жаль…

Лань погладил член подушечкой указательного пальца, забавляясь тем, как он от этого приподнимается. И как поджимаются яички, даже если к ним прикоснуться совсем легонько. Как напрягается живот, если лизнуть чистую кожу.

– … что тебе встречались любовницы, придерживающиеся традиционных взглядов, – продолжил он с того места, где оборвал фразу.

– Что Вы за стервец, Лань? – Чейз протяжно застонал, когда он все-таки сделал то, что собирался с самого начала.

Хавьер промычал что-то в ответ, но едва ли Чейз разобрал. Отпихивать его от себя детектив не стал. Фабрикант же хотел показать, что в подобных ласках нет ничего постыдного, предосудительного или…

– Это… грязно… – все-таки воспротивился лейтенант.

– Даже если я проглочу все до капли? – Лань облизнулся, ненадолго отстранившись.

– Особенно если Вы!.. – он запнулся, потому что Хавьер снова взял, на этот раз гораздо глубже. Настолько, насколько вообще мог сейчас.

«И вовсе не грязно», – хотел возразить он, но дядя бы не одобрил то, что он говорит с набитым ртом. Вкус ему нравился – ощутимый, но не противный, быстро растворившийся, смешавшись с его слюной. Почти забытый за три года. Хавьер по-прежнему не торопился, во-первых, хотелось получше распробовать, а во-вторых, излишняя спешка могла испортить удовольствие им обоим.

Чейз задышал чаще и громче, похоже, начиная понимать, что многое упустил. Хавьеру захотелось узнать его подруг – не похоже, что лейтенант посещал бордели. Заботился о моральном облике? С его-то манерой выражаться… Впрочем, женщин нередко привлекают мужчины, ведущие себя как Чейз – подчас агрессивно и несдержанно. И куда все это подевалось сейчас, когда они наедине?

– Лань, ебать Вас через колено, чего Вы телитесь… – зашипел Чейз, вызвав сдавленный смешок и вместе с тем волну возбуждения.

Хавьер не собирался этого делать – хотел просто доставить наслаждение, а потом… Потом рука сама потянулась к напряженному члену. Пожалуй, он мог пойти на небольшие уступки, но тогда все бы закончилось слишком быстро, и он просто не успел бы нагнать мужчину. Поэтому медленно и размеренно и только так, заставляя Чейза напрягаться всякий раз, когда получалось забрать плоть в рот больше, чем наполовину.

Голова закружилась. Становилось труднее контролировать дыхание и держать ритм – тут нужна постоянная практика; к тому же

хотелось подгадать именно так, чтобы кончить в тот самый момент, едва ощутив вкус семени, слизывая проступающую на головке терпковатую жидкость. А ведь раньше он старался, чтобы любовник кончил как можно глубже в горло, чтобы не чувствовать вкуса спермы, потому что ему не нравилось… Или он только думал, что не нравится, а сейчас уже не был так в этом уверен.

Чейз застонал, явно сдерживаясь, не в полный голос, – опасался, что их могут услышать. От одной мысли о том, что они могли бы устроиться валетом, начинало сводить живот. Это был самый приятный способ заглушить нежелательные звуки. Как будет выглядеть лейтенант Цзян с его членом во рту?

Что дернуло Хавьера вспомнить мундир, в котором Чейз был за ужином? Воображение нарисовало до одури жаркую картинку – детектив перед ним на коленях, все восемь пуговиц до сих пор застегнуты, светлая челка падает на глаза, и он машинально встряхивает головой, убирая ее. А уже в следующий момент Лань запускает руку в его волосы и толкается в притягательные губы. Черные глаза удивленно расширяются, детектив на время позабудет все ругательства, да и произнести их, когда на язык давит член, едва ли сумеет.

Само собой, Хавьер не будет насиловать его, пытаясь прорваться сразу до упора, как бы ни хотелось. Он будет двигать бедрами медленно и плавно, наблюдая, как влажные от слюны губы охватывают головку, как член скользит назад и снова вперед, а главное, как Цзян подчиняется и подавляет желание укусить.

Хавьер содрогнулся и еще сбавил темп – не время. Теплая ладонь легла на затылок, слегка поглаживая по волосам, в точности как вчера, когда напряжение спало, и они оба приходили в себя после ошеломительного секса. Ланю казалось, что сердце вот-вот выскочит наружу, а Цзян просто умиротворенно гладил его по спине, показывая таким образом благодарность, которую не мог выразить словами.

«Ещё немного», – он вобрал любовника как мог глубже, с удовольствием чувствуя содрогание, и понемногу выпустил, сжав губами головку, чтобы прочувствовать вкус. Чейз неосознанно переместил руку на его плечо, слегка сдавил, как будто искал, за что ухватиться, и тихо на выдохе произнес какое-то слово. Хавьер был не в том состоянии, чтобы определить язык, но звучало просто невероятно соблазнительно. Тембр голоса, прикосновения, вкус смешались с накатившим удовольствием.

Он расслабился, положив голову на живот полицейского и по-прежнему не выпуская изо рта его член. Проглотил, почувствовав, как Цзян пошевелился; сейчас давление должно было ощущаться особенно сильно, как и быстрые касания языка. Мужчина постарался оторвать его от себя, стоило обвести головку по кругу, пришлось угомониться ненадолго.

«Ta mère», – мысленно повторил Хавьер, запоминая, и оторвал кусочек размотавшегося бинта, чтобы тщательно вытереть пальцы. Так и тянуло снова пристроить голову на теплый живот, а еще лучше поцеловать Чейза, но едва ли тот теперь так просто это позволит.

– Даже лучше, чем кофе, – протянул Лань, лениво поправляя повязки Чейза, хотя больше поглаживая кожу рядом.

Чейз накрыл его руку своей, когда Лань зафиксировал конец бинта под предыдущими витками. Встречаться с детективом взглядом было страшновато. Хотелось хотя бы еще одну минуту поласкаться и ни о чем не думать.

– Приходите к чужому человеку домой, и делаете… такие вещи. Да Вы же просто сумасшедший, Лань, – заключил лейтенант, но в этот раз как-то беззлобно. – Вы хуже моей экономки, ей хотя бы можно пригрозить увольнением…

Лань снова одарил любовника мягкой улыбкой. Он совершал безумные поступки только потому, что это был именно Чейз. Будь на месте детектива кто-то другой, разве стал бы Хавьер так отчаянно искать встречи? Стал бы рисковать свободой и репутацией?

– Сколько времени? Вам, черт подери, наверняка пора на Вашу фабрику, – полицейский весьма неохотно сел в кровати.

– Если ты правда хочешь, чтобы я ушел, – Лань многозначительно улыбнулся, прочитав ответ по глазам. Теперь Чейз сколько угодно мог утверждать, что выпроводить нежданного любовника за дверь – предел его мечтаний.

Хавьер не спеша привел себя в порядок, расчесал и заплел волосы в короткую косу, оделся, придирчиво осмотрел собственное отражение в мутноватом зеркале. Стряхнул невидимую пылинку с плеча и обернулся к Чейзу, чтобы узнать его мнение.

– Выметайтесь, не хватало, чтобы Вас здесь увидели! – буркнул тот, убрав челку пятерней, впрочем, она снова полезла в лицо.

– И что подумает обо мне твоя экономка, если увидит здесь? – рассмеялся Лань, справедливо считая себя неотразимым.

– И правда, что… – пробормотал тот, накрываясь одеялом с твердым намерением проваляться в постели весь день. – Дверь можете оставить не запертой. Какой утырок рискнет вломиться к полицейскому?

Часть 23

Все произошедшее вчера вечером наутро показалось Честеру причудливым сном, однако стул, придвинутый вплотную к кровати, говорил о том, что это и правда было. Брат действительно сорвался повидать кого-то из друзей, забыв о всяких приличиях, а на ночь мистер Инн, кажется, рассказывал ему сказку. Интересно, выдумал он все это или побывал в таких же живописных местах, как на картине?

Честер взглянул на полотно на стене и улыбнулся. Однажды он отыщет этот замок. Может быть, даже следующим летом. К чему торопиться, ведь так приятно иметь мечту, особенно такую красивую, как поездка в сказочный край, где еще можно встретить следы волшебных существ. Может, стоит послушать Вэйда – если, конечно, его совет попросту не приснился Честеру – и все-таки написать художнику.

Одеваясь, Честер думал, как теперь посмотрит в глаза своему гостю. Тот ведь видел его спящим! С другой стороны, Вэйд был прав: наверное, для художника и правда нет ничего особенного в виде спящего или даже обнаженного мужчины... или женщины. У него совсем другой взгляд на эти вещи и все же... это не избавляло от чувства неловкости… как и то, что рука сама потянулась к шейному платку холодного зеленовато-голубого оттенка. Это ведь под влиянием Инна он впервые примерил подарок, который получил, кажется, на восемнадцатый день рождения. Человек тот исчез из его жизни, а платок остался.

– Мятный или сливовый, – повторил он слова Вэйда, которые почему-то запомнил.

Пару раз в голову закрадывалась мысль купить платок или шарф яркого насыщенного цвета – просто, чтобы посмотреть, как будет выглядеть, надев такой, – а после сразу же подарить Хавьеру, умеющему носить подобные вещи.

Честер с облегчением подумал, что уже скоро – сразу после завтрака – поедет на фабрику и увидит брата. Убедится, что с ним действительно все хорошо и, наконец, сможет вздохнуть спокойно. Однако сперва предстояло выдержать еще одно испытание – встречу с мистером Инном, ведь они каждый день завтракали за одним столом.

Художник выглядел ужасно сонным, как если бы его вытащили из постели, но совершенно не помятым. Создавалось впечатление, что он всю ночь работал над картиной или не спал еще по какой-то причине. На какое-то мгновенье Честер подумал, что по его вине.

– Доброе утро, – Вэйд протяжно зевнул, даже не скрываясь. – Хорошо спали?

– Все, как Вы обещали, – немного смущенно ответил Честер. – А Вы, Вэйд?

– Как раз ждал Вас, чтобы потом вздремнуть после еды, – рассмеялся тот и попробовал оттереть пятно зеленой краски, не замечая, что на ребре ладони красуется еще и мазок черного цвета.

Честеру раньше не приходило в голову, что без всякой на то причины можно не спать всю ночь и потом лечь спать, когда все встают и начинают новый день. Однако он не стал расспрашивать художника, что тот так увлеченно рисовал, позабыв о времени. Насколько он успел узнать Вэйда, тот вываливал на собеседника разом все новости, какими хотел поделиться.

И невольно возник интерес: о чем художник может молчать и почему? Ведь у каждого человека есть тайны. Эта мысль вернула его к брату: вот уж у кого секретов было хоть отбавляй. Где он пропадал накануне днем и кто его таинственный друг, у которого Хавьер провел ночь? Все эти вопросы заставляли Честера чувствовать себя плохим братом и… тревожиться. Все повторялось: эта скрытность и недомолвки, странное поведение, отлучки в любое время дня и ночи.

Неужели снова? Он очень надеялся, что это не так. Думать, что близнец опять связался с человеком, который едва не сломал его, не было оснований. Все, что они узнали: Хавьер встречался в Вебстер Поинт с полицейским, который недавно задержал его – какой кошмар! – на подпольных кулачных боях... А кто затащил его старшего брата в такое место? Что он вообще мог там делать? Несколько лет назад Честеру приходилось забирать близнеца из самых разных мест, но ни разу – из подобного. И уж тем более, из тюрьмы.

– Если Вам снились хорошие сны, тогда почему глаза такие грустные? – Вэйд слегка склонил голову набок.

– Разве? Я просто задумался... – Честер постарался приободриться и придумать какую-нибудь ложь. – О письме.

– О том, которое хотели написать автору пейзажа? – уточнил Вэйд… и как спросить, что еще он вчера говорил по этому поводу? – Думаю, Санни не откажется передать его.

Художник снова зевнул, прикрыв нижнюю часть лица сложенными ладонями. Может, ночью речь шла об адвокате? А он себе что-то надумал и ищет подвох там, где его нет. Честер в который раз от души пожелал, чтобы мерзавец горел в Аду за все, что сделал с их семьёй. Одно его существование превращало младшего Ланя в настоящего параноика и угрожало душевному и физическому здоровью старшего. Снова!

Он так ушел в себя, что не сразу услышал встревоженный голос Инна, снова и снова повторяющий его имя. Встрепенулся только, почувствовав теплое прикосновение. Мужчина балансировал на одной ноге, опираясь бедром о край стола, и бережно держал его ладонь в своих.

– Я бы предложил Вам сегодня остаться дома и последовать моему примеру, но понимаю, что тогда Вы будете переживать за брата еще больше, чем если прямо сейчас поедете на фабрику, – сказал Вэйд, не спеша отпускать его. – Вы так побледнели, мне даже страшно стало.

– Я должен поехать, – Честер заглянул в темно-серые, несколько потускневшие после бессонной ночи глаза.

– Пообещайте, что вернетесь пораньше, – попросил художник с искренним участием. – Или если почувствуете себя дурно. Надеюсь, к Вашему возвращению у меня будут какие-нибудь новости.

***

Чейз с трудом дождался, когда Лань наконец уйдет. Когда дверь захлопнулась, стало тихо. Слишком тихо. Может быть, потому что миссис Флаинг-Джейкоб еще не пришла и не хлопочет на кухне? Чейз лежал, смотрел в потолок и ждал, когда в его квартире все станет как прежде.

– Черта с два, – выругался он, понимая, что этого не будет.

Ничего не будет как раньше. Он сам не будет таким, как вчера, потому что Лань бесцеремонно вторгся в его жизнь, его постель,

его голову и черт знает, куда еще. «Ты мой, Чейз» - вот же стервец!

– Сукин ты сын, – с чувством рявкнул он вдогонку Ланю, но тот, разумеется, этого уже не слышал.

Обиднее всего было за то, что Ангел явно с самого начала благоволил этому… типу. Млел в его руках, сам ластился и требовал к себе внимания. Не стоило вспоминать, кто еще млел в руках Хавьера вчерашней ночью и этим утром… и что этому предшествовало… И как бы он ни сопротивлялся, как бы ни клялся себе, что больше никогда не потеряет голову, он понимал: если он снова подпустит Ланя близко, справиться с собой не получится у них обоих.

Оставалось надеяться только на то, что Лань, добившись своего, оставит его в покое. Чейз отлично знал такой тип мужчин: наговорят и сделают что угодно, чтобы получить желаемое и тут же потерять к этому интерес. Он с досадой уткнулся носом в подушку и тут же подскочил. От ткани пахло чужой туалетной водой. И сексом. И сам он, скорее всего, хранил на себе чужой запах. Детектив разразился бессильными ругательствами.

– Простите, это Вы мне, мистер Цзян? – сварливо спросила экономка, он не слышал, как она вошла. – Я совершенно точно помню, что запирала дверь, когда уходила вчера.

– Нет, – рыкнул Чейз. – Это по работе.

– С Вашего позволения я приготовлю овощное рагу, пока Вы снова не велели мне проваливать к чертовой матери, – ему не нужно было видеть женщину, чтобы представить, как она поджала губы при упоминании Скотланд-Ярда. – Все равно у Вас больше ничего нет!

Цзян покривился. Это она сделала специально, зная, что он ненавидит эту овощную размазню. У Ланя овощи получились вкусно. Слегка хрустящие, с золотисто-коричневой корочкой…

– Мистер Цзян, куда Вы дели бекон? – послышалось с кухни.

– Отнесите белье в прачечную, – приказал он вместо ответа, нехотя вставая и кое-как сдирая наволочки и простыню. – И сходите на рынок за нормальной едой. Я хочу цыпленка. Пожалуйста, – невольно вспомнились слова Хавьера, что вежливостью можно добиться гораздо большего.

Вот только вчера он не был вежлив. Черт бы его побрал! Внутри все зудело, словно от заживающей царапины, которую нельзя почесать. Именно поэтому он потребовал себе на растерзание куриную тушку, которую можно сломать, разорвать, разгрызть зубами. Хотелось на чем-нибудь выместить злость на Ланя и, если на то пошло, на себя тоже. Вчерашние мысли о необходимости не геройствовать он выбросил подальше. Очень хотелось на задержание кого-нибудь поопаснее. Даже жаль, что они уже успели арестовать того выродка, из весьма приличной, между прочим, семьи.

Миссис Флаинг-Джейкоб заглянула в комнату, чтобы застелить постель и забрать вещи. Он едва успел набросить халат. Женщина оглядела его с головы до босых ног, потом слегка улыбнулась, отчего мимические морщинки у ее губ стали еще отчетливее.

– Я рада, что Вы лучше себя чувствуете, мистер Цзян, – сказала она. – Я поставила вариться овощной бульон. Он будет готов как раз к моему возвращению.

– Миссис Флаинг, я же просил, никаких овощей!

– Я все процежу через сито, – пообещала она беспечно.

Спорить с ней было все равно, что биться лбом о стену. Экономка и мать троих сыновей была уверена, что знает, что лучше для раненого. Все, чтоб их, знают, как будет лучше для него! Все, начиная с родителей и кончая, прости Господи, Ланем.

Часть 24

Честер уходил из дома ужасно взволнованным, кажется, даже Картрайд это заметил. И на фабрике в рабочей обстановке Лань не мог заставить себя заняться делами до тех пор, пока не приехал брат – он опоздал чуть больше чем на четверть часа, но это время показалось целой вечностью. Первым же делом, не стесняясь мальчишки, который тихонько сидел у окна, Хавьер заключил близнеца в объятья, стараясь лаской загладить вину за ночную эскападу. Он пребывал в прекрасном расположении духа, даже немного слишком. Честер поспешил запереть дверь на ключ, потому что брат весьма легкомысленно принялся раздеваться.

– Ты так неожиданно ушел, – Честер тактично отвернулся.

Было до сих пор невыносимо смотреть на отметины на коже брата. Следы поблекли, но все еще были хорошо различимы, хотя прошло уже несколько лет. И они не исчезнут уже никогда. Хавьер потянулся и зевнул, как сытый кот, прежде чем накинуть чистую сорочку, которую подал ему расторопный Картрайд.

– Прости, вспомнил об одном деле, – он принялся не спеша застегивать пуговицы. – Надеюсь, гости не держат обиды?

– Нет, – ответил Честер и покачал головой. – Нет, конечно, но все же… неужели это не могло подождать до утра?

Брат неопределенно пожал плечами и аккуратно вдел запонку в петельки, проделал это снова на втором рукаве. Чувствовалось, что он не хочет говорить. Честер вздохнул, он не слишком-то надеялся, что Хавьер прольет свет на то, чем занимался вечером. Впрочем, так ли это важно? Он цел и невредим, а таким счастливым Честер не видел его очень давно. Значит, все в порядке?

– Я пообещал другу не говорить об этом, – сказал Хавьер наконец, очень мягко. – Ничего незаконного, я ведь писал, а ты снова волновался, хотя Сен-Клер запретил.

Хавьер подошел к нему. Босой – Картрайд как раз начищал до блеска его ботинки. Заглянул в глаза. Что он там видел? В сером хрустале различить что-либо не получалось, как ни старайся. Настоящая стена. Все равно, что гадать по настоящему хрустальному шару, вглядываясь в линии и прожилки.

– Честер, прошлое надо оставить в прошлом, – сказал Хавьер, положив ладонь ему на плечо. Чувство было совсем не таким, как от касаний художника, но надежным и уверенным.

– А ты оставил? – брат при этих словах замер.

– Да, – уверенно ответил он, подумав всего пару секунд. – Я оставил.

После этого на душе впервые за долгое время сделалось легко, как не было с тех пор, как в Лондоне появился враг. Честер даже решил, что дома сразу же скажет Вэйду о решении больше не вмешиваться в дела брата, даже если тот продолжит утаивать от него что-то. Пока эта тайна делает его таким счастливым, пусть остается тайной. Вот только у них с мистером Инном больше не будет их маленького заговора, который так их сблизил…

От этой мысли стало вдруг грустно, но Честер приободрился. Не хватало еще омрачать счастье брата своей кислой миной. Тот мог принять это на свой счет и тогда Честер бы лишился удовольствия видеть его таким. Довольным, деятельным, а иногда витающим где-то далеко в своих мыслях.

В конце дня, когда Хавьер, уже закончивший с делами, решил уехать с фабрики немного пораньше, Честер не стал ни о чем его расспрашивать. Он и сам вскоре поехал домой, где его ждал такой же светящийся от удовольствия художник.

– Я кое-что разузнал, Честер! – возбужденно затараторил Вэйд, привычно пристраиваясь сбоку, и потянул фабриканта к лестнице, чтобы тот помог подняться на второй этаж. – Я попросил Картрайда позвать кого-нибудь из приятелей посмышленее. Чумазый чертенок, в самый раз для такой работы…

Они поднялись до середины лестницы и остановились, чтобы Вэйд немного передохнул. Все же передвигаться ему было не слишком удобно. Честеру следовало написать ему записку и отправить вместе с Картрайдом. Или позвонить, чтобы ничего не предпринимал…

– Он съездил по тому адресу и расспросил экономку, кто там живёт, – гордо заявил Вэйд. – И знаете что?

Громкий стук прервал его. Гостя явно одолевало нетерпение, странно, что не пробил дыру дверным молотком. Честер оставил художника на площадке и сбежал по ступенькам вниз, чтобы открыть дверь. Стоило отпереть замок, и она резко распахнулась. Визитер вихрем ворвался в дом.

– Лань! – взревел он, хватая Честера за грудки и с силой встряхивая. – Какого хрена Вы мне прислали?!

– Вы что?! Да Вы с ума сошли! – Вэйд тщетно пытался спуститься, чтобы разнять их, но в спешке выронил костыль и вынужден был беспомощно стоять на одной ноге у перил.

– Простите, мы разве знакомы? – в недоумении спросил Честер, вглядываясь в лицо взбесившегося блондина.

Он уже думал скинуть с себя руки незваного гостя, но помедлил, уловив в нем что-то знакомое. Если не брать в расчёт яростно сверкающие черные глаза и гримасу злости, исказившую лицо незнакомца, можно было заметить общие черты с Анной и Юфимией Цзян. Честер узнал мужчину, которого никогда не видел. Но по-прежнему не понимал, что тот может здесь забыть, да еще в таком расположении духа.

– Ч-что?! – полицейский вытаращил глаза. – Да Вы же сами вчера…
***
Экономка торжественно, как фамильную реликвию внесла в комнату большую вазу с букетом свежих цветов - пышных и сочных, как будто их только что срезали и поспешили принести сюда, бережно завернув в бумагу.

– Миссис Флай, что это? – он с подозрением осмотрел невесть откуда взявшиеся пионы.

– А, это, – на сей раз, она пропустила бесцеремонное сокращение своей двойной фамилии мимо ушей и рассеянно погладила широкие лепестки нежного чайного цвета. – Пришел какой-то сорванец, сказал, что это для мисс Челси. Я пыталась ему объяснить, что Вы живете один, но он просто убежал.

– Сука-а, – протянул Цзян, стискивая кулаки. Умеет же этот Лань выбесить! Челси! Так его еще никогда в жизни не оскорбляли! Даже сравнение с бараном было куда терпимее.

– Вы же не собираетесь выбросить такую прелесть? – всплеснула руками женщина, похоже, искренне не понимая, что может быть не так с этим сраным букетом.

Поймав взгляд Чейза, экономка сочла за благо удалиться обратно на кухню. Порой наниматель ее просто пугал. А ему снова захотелось что-нибудь разбить, разорвать, разметать. Да за кого Лань его принимает?! Чейз саданул кулаком по столу, так что несчастная ваза подпрыгнула и чуть не опрокинулась.

Цветы как таковые ему нравились. И те, что растут в садах или на подоконниках, и полевые, и те же пионы до недавнего времени. Но теперь детектив их просто ненавидел. Кинуть бы этот веник в лицо! На секунду он даже задумался, не взять ли цветы с собой, но понял, что с ними будет выглядеть нелепо. Плюнув пока на пионы, детектив принялся спешно собираться, почти не обращая внимания на то, что надевает – грязную одежду миссис Флай уже собрала. Если бы она не затеяла в квартире генеральную уборку с вытиранием пыли и мытьем полов и окон, он сам бы разобрался с этим подозрительным посыльным и выпытал, кто его подослал. А теперь ищи мелкого пакостника по всему Лондону…

– Мистер Цзян! Цветы-то Вам чем не угодили? – возмущённо воскликнула экономка уже закрывающейся двери. – Ещё и воду разлил, вот же полоумный…

И вот, когда Цзян добрался до дома фабриканта и уже приготовился рассказать Хавьеру, как тот отымел его – а по-другому ночное действо было трудно назвать… Как вдруг в холле появился еще один Лань. Слова так и застряли в горле. Чейзу показалось, что у него бред. Он осторожно посмотрел на одного Ланя, потом перевел взгляд на другого. Не показалось, он бредит.

– Как же Вы вовремя! Помогите, прошу Вас, – обрадовался незнакомец, угрожавший, что накостыляет грубияну костылем, как только дотянется до оного. – Скорее, оттащите этого бешеного!

– Что тут происходит? – строго спросил Лань, и от звучания его голоса Цзян медленно разжал пальцы. – Не ожидал так скоро тебя увидеть, Чейз.

– Какого хрена, Лань?! – переключился на второго фабриканта Цзян с таким возмущением, словно не он только что устроил безобразную сцену. – Что было в ёбаном супе?

– Чейз, – прозвучало укоризненно, ведь Лань и правда не имел отношения к бульону, который сварила экономка.

Фабрикант не торопясь подошёл и положил руку на плечо, полицейскому она показалась невероятно тяжелой. Цзян напрягся, растеряв запал. Снова глянул на другого Ланя, тот слегка посторонился, но без опаски. Офицер почувствовал, что теряет хватку – такими темпами преступники перестанут его бояться.

– Вы не говорили, что здесь есть еще один… – Цзян запнулся. – Такой же мистер Лань.

– Вы ведь не знакомы? Честер, мой брат-близнец, – он представил и узника лестницы, но его имя Чейз пропустил мимо ушей. – И теперь, когда ты понял, что у тебя не может быть к нему претензий…

– Как мне вас различать прикажешь? Может, блядь, ленточку повязать? – напустился Цзян на любовника, который, впрочем, встретил это совершенно спокойно. – Или колокольчик повесить, как на сраного кота!

– Мало того, что Вы ворвались сюда и набросились на Честера, – возмущённо вскинулся хромой. – Так Вам ещё и коты не нравятся!

В его положении лучше было помалкивать. Цзян вполне мог сам подобрать костыль или попросту спустить задиру с лестницы. Впрочем, в чужом доме делать этого не следовало.

– Чейз, прошу тебя, просто скажи, что это недоразумение и пожмите руки, – попросил фабрикант.

– Это недоразумение, – послушно повторил лейтенант, прежде чем догадался прикусить язык.

Проклятый Лань его загипнотизировал. Пришлось, пусть и крайне неохотно, протянуть руку Честеру. Все-таки тот был близким другом Анны и стоило поддержать хотя бы видимость нормальных отношений.

– Хавьер, что происходит? – осторожно уточнил близнец… до чего же они были одинаковыми! Даже рукопожатие!

– Не о чем беспокоиться, брат, – ответил он, крепко взяв гостя за локоть, чтобы увести из холла. – Я все улажу. Прошу, лейтенант, продолжим наш разговор в моем кабинете.

Чейз не запомнил дорогу, он просто следовал за любовником и думал о том, что было бы, наговори он Честеру то, что хотел сказать, когда появился Хавьер. Такая ситуация не должна повториться, во что бы то ни стало. Любезно пропустив гостя вперёд, Хавьер закрыл дверь. Щелчок замка словно вывел детектива из состояния мрачной растерянности после встречи с другим близнецом.

– И как это следует понимать? – наконец совладав с собой, процедил Цзян.

Лань непонимающе приподнял бровь, а Чейз снова закипел. Он ещё и издевается! Стоит перед ним с таким видом, будто вопрошает: «Разве я не дал тебе только что спустить пар? Что с тобой не так?»

– Какая, на хуй, мисс Челси? – взорвался детектив, не выносивший этой высокомерной снисходительности. – Я, что, похож на мисс Челси?

– Сейчас ты ведешь себя соответственно, – подметил Лань, одной фразой доведя его до белого каления. Подошел к столу и налил воды из графина в стакан. – А, собственно, кто такая мисс Челси?

– Кто она такая? Это, блядь, Вас надо спросить, кто эта, сука, такая, что Вы шлете цветы на ее имя и мой адрес! – Чейза было уже не остановить.

Лань слушал его ругательства, не перебивая, и выражение глаз у него было при этом… странное. Наконец, он оторвал взгляд от Чейза, чтобы отпить немного воды и взвесить стакан в руке. Да неужели сукин сын смутился крепких выражений, которые и сам

умел употреблять, как выяснилось. Ну, точно! Слегка покраснел и прикидывал, не плеснуть ли немного на излишне разошедшегося любовника! Его счастье, что передумал.

– Чейз! – Хавьер крепко взял его за плечи и слегка тряхнул, добиваясь должного внимания. Голос тоже звучал как-то по-другому, но тяжело дышащий детектив не придал этому значения. – Успокойся и объясни толком, что случилось.

– Случилось, блядь, то, что ты прислал мне грёбаные цветы. Как… как какой-то девке! Мог бы ещё денег под подушкой оставить! И нехер делать такое лицо! Я из-под земли достану эту мисс и повешу на нее… я даже не знаю что!

– Жаль, что меня кто-то опередил, – медленно произнес Лань. – Тебе нравятся цветы?

При неуместном вопросе гнев снова проснулся, отключая сигнал тревоги от странных ноток в голосе Ланя. В какой-то момент от фабриканта повеяло чем-то очень опасным, однако когда он провел пальцами по груди Чейза и затем притронулся к раненому боку, прикосновения эти были скорее нежными. Если он и злился сейчас, то ясно давал понять, что это чувство направлено не на детектива.

– Я ничего и никому не посылал, если честно, мне бы и в голову это не пришло, – он снова погладил Чейза, хотя через одежду это ощущалось не так ярко, как сквозь тонкую ткань домашней рубашки или кожа к коже. – Так что это мне впору ревновать.

– Ревновать?! – лейтенант задохнулся и увернулся от ладони, потянувшейся к его лицу. – Да нахер ты мне сдался!

Лань прищурился, и не успел Чейз набрать воздуха для новой тирады, как его схватили за челку и ощутимо дернули, разворачивая спиной к стене, чтобы немедленно к ней же и припечатать. Светлые серые глаза нехорошо горели на внешне спокойном лице.

– Ты принял от кого-то цветы и явился ко мне с этой новостью? – от тона Хавьера ему стало немного не по себе. – Они у тебя?

– Конечно же, гребаные цветы у меня, – он не знал, зачем говорит так, явно раздражая фабриканта. – Миссис Флай даже сунула их в вазу!

Может, хотел узнать, что из этого выйдет? С каждым произнесенным словом Хавьер сильнее вжимал его в стену. Чего, собственно, он мог ожидать? Лань поцеловал его. Жадно, собственнически, так, что Чейзу почудилось, будто на горле затянули удавку. Тело еще помнило, как он подчинялся властному любовнику, и какое крышесносное удовольствие довелось испытать в его объятьях.

– Что ж, похоже, ты что-то недопонял, и мне придется повторить еще раз, – процедил фабрикант, прижимаясь бедрами. Цзян с удивлением обнаружил, что возбуждены они оба. – Ты мой, Чейз, и сейчас я хочу, чтобы ты это уяснил.

Часть 25

После всего, что наговорил Цзян, Лань почти потерял голову. На краю сознания ещё билась мысль, что лейтенант ранен, что он никогда не принимал мужчину, и уж точно нельзя было найти для этого худшего места, чем кресло или стол, пусть и довольно широкий. Лань не хотел, чтобы вышло так, но боялся, что в итоге просто не сможет сдержать себя. Гнев Чейза постепенно сошел на нет. На его лице еще читалась растерянность, но в глазах заплясали знакомые фабриканту искорки. Осознание нахлынуло, заставив сердце биться чаще: Цзян хочет его!

– Лань, – зашипел полицейский, когда Хавьер нетерпеливо дернул застёжку его брюк. – Вы вконец ошалели? Если кто-то зайдет, а Вы, блядь, лезете мне в штаны?!

Фабрикант с силой зажал ему рот ладонью, не давая шуметь, а главное, сквернословить. Каждый раз, слыша виртуозную брань, он мысленно переносился в одну из своих фантазий, представлял, как будет содрогаться любовник при каждом чересчур грубом и резком толчке. Как будет выгибаться под ним, пытаясь облегчить боль от слишком глубокого, почти насильственного, вторжения. Каким узким и зажатым он будет. Мысли мелькали, как мечущиеся по стене тени, отдельными образами, урывками.

Слишком много одежды, а в кабинете сделалось невыносимо душно. Ланя охватил жар, как при лихорадке, и вместе с тем ужас от того, что плывущие в уме картины будили в нем что-то темное, почти животное. Он еще больше возбуждался от мыслей о том, чтобы причинить боль, может быть, даже сделать то, что сломает детектива, как когда-то надломило его самого.

Только не так. Лань закрыл глаза, заставляя себя сосредоточиться на осязании. Губы, кривящиеся под ладонью, будто Цзян хочет что-то сказать или укусить. Горячая твердая плоть в другой руке. Член у члена. От неудобного положения начинало сводить запястье, однако делать с этим ничего не хотелось, по крайней мере, пока.

Хавьер слушал шумное дыхание полицейского, но гораздо больше удовольствия ему бы сейчас доставили задушенные стоны Чейза или мольбы о пощаде. Впрочем, гордый детектив никогда не опустился бы до этого. Чувство собственной власти опьяняло, как и то, что их могли, не застукать, конечно, – только услышать, но это почти одно и то же. Будет ли Чейз возмущаться, если прямо сейчас завалить его грудью на стол, станет ли сопротивляться, когда поймет, что Лань действительно хочет его трахнуть, используя в качестве смазки только слюну, возможно, его же собственную.

Хавьер запретил себе думать о том, как Цзян будет выглядеть под ним, задыхающийся, готовый его принять. И вместо того, чтобы оставить засос на шее, да еще на самом видном месте, невесомо поцеловал нежную кожу возле мочки. Ему нравилось мучить Чейза вот так – осторожными касаниями губ, плавными движениями бедер, неспешностью, которая на самом деле сводила с ума их обоих.

Лань целовал наощупь, наугад, не открывая глаза. Горячее ухо, шею, отросшие светлые волосы, пахнущие табаком, щеки, скулы, опущенные веки и морщинку между бровей. Не трогал пока только губы, разомкнувшиеся, чтобы пропустить язык, мимолетно скользнувший по ладони и снова исчезнувший во рту. Как же Хавьеру хотелось протолкнуть туда пальцы, играясь, прижать, потом скользнуть дальше, к горлу, нарочно заставляя давиться. Слишком заманчиво. У них еще будет время, чтобы не спеша освоить этот трюк. Вместе. Хавьер научит Чейза так, как ему нравится, как понравится им обоим.

Он убрал руку, чтобы погрузить пальцы в спутанные волосы и немедленно услышал ругательство, сорвавшееся с губ Чейза, к которым тут же припал, сцеловывая грязные слова.
***
Проводив старшего Ланя и его неуравновешенного друга взглядом, художник обернулся к младшему, который поспешил подобрать костыль и подняться на площадку. Все-таки зря он позволил этому Чейзу так себя вести. Надо было наподдать ему как следует, глядишь, манер бы прибавилось.

– Простите, Вэйд, я не должен был Вас здесь бросать, – повинился фабрикант, заключив его руку в свои.

Если художник и злился, то теперь моментально растаял, как Саймон, который начинал растекаться во все стороны, как только оказывался у Честера на коленях. Если подумать, вины Ланя во всем этом не было. Хозяину дома вовсе не пришлось бы самому открывать двери, если бы именно сегодня мистер Стэнли не полез на крышу вместе с рабочими, которые проверяли черепицу, чтобы починить крышу, пока опять не зарядил дождь – частый гость в Лондоне.

– Если кто и виноват, так этот нахал, – безапелляционно заявил художник, касаясь плечом плеча Ланя, чтобы урвать чуточку чужого тепла. – Надо было все-таки кинуть в него чем-нибудь. Не понимаю, что у Вашего брата может быть общего с таким грубияном!

Честер вопросительно уставился на него. Ах, да! Ведь самого-то главного он не сказал! Секунду поколебавшись, Вэйд все-таки выдал информацию, которую выудил для него тот мальчонка.

– Это к нему вчера ушел Хавьер, – объяснил он и неприязненно добавил: – А теперь этот полицейский у нас в гостях…

Стражи порядка и раньше интересовались его персоной, но лондонские оказались особенно навязчивыми. И в последнее время перед тем, как Вэйда угораздило сломать ногу в драке, он несколько раз имел с ними дело. Из газет художник узнал, что не убил того человека, но полицейские ищейки на то и носят такое название… у нового знакомого могут возникнуть кое-какие ненужные подозрения.

– Вы не обратили внимания, мистер Стэнли все еще работает на крыше? – спросил Инн немного невпопад. – Дворецкий среди плотников должен смотреться, как белая ворона. Такая бы картина вышла!

Честер отрицательно покачал головой. На самом же деле Вэйд догадывался, что рабочие уже закончили – солнце село, не с фонарями же им работать. В действительности художник просто хотел избежать новой встречи с мистером Цзян и оградить от него Честера и, кажется, у него даже имелся план, как это сделать. Пока же он изобразил, будто потерял равновесие на верхней ступеньке, чтобы угодить прямиком в объятья своего благодетеля, сцепил руки вокруг его талии и закрыл глаза, не скрывая блаженной улыбки. Слишком хорошо, чтобы быть правдой!

– Будьте осторожнее, прошу Вас, – Честер мягко отстранил его от себя, и Инн встретился взглядом с недоумевающей Мэдисон, которая с метелочкой для пыли вышла в коридор как раз в тот момент, когда они обнимались.

– Почему бы нам не пойти в Вашу спальню? – решил усугубить неловкость ситуации художник, коль скоро о них уже подумали невесть что. – У меня давно руки чешутся нарисовать Ваш портрет в интерьере. Мэдисон, душка, принесите мне принадлежности со стола на веранде.

– Вы снова будете меня рисовать? – в светлых, изумительного золотисто-карего оттенка, глазах появилась тревога.

– Ну, разумеется, это ведь портрет! – рассмеялся художник, которому вопрос показался детским. – Ну же Честер, соглашайтесь, неужели я страшнее мистера Цзян? У Вас замечательно выходит позировать, а если немного расслабитесь… решено! Я сделаю Вам массаж.

Более благоприятного предлога, чтобы продлить приятный физический контакт с объектом своей несуразной влюбленности Вэйд не видел. К тому же ему и правда хотелось немного раскрыть засмущавшегося Ланя. Честер был из тех людей, которые впадают в краску красиво и достаточно легко. Стоило Вэйду сказать двусмысленность при служанке и готово.

– Даже если рисовать мы не будем, Вам не повредит избавиться от лишнего напряжения, Честер, – обнадеживающе добавил он, увлекая фабриканта дальше по коридору.
***
«Что он творит?! – билось в голове. – Их же могут застать в любой момент!»

Чейз отчаянно пытался не поддаваться желанию, но Хавьер так уверенно и настойчиво ласкал их обоих, что возбуждение неизбежно брало свое. Ощущение горячей влажной плоти, плотно прижимающейся, трущейся о его собственный член, было ново. С этим человеком все чувствовалось иначе: если страсть, то практически животная, если нежность…

«Долбаный Лань! – он содрогнулся от особо резкого движения, но не смог произнести это вслух из-за руки, крепко зажимающей рот. – У Вас совсем нет стыда!»

Чейз решил, что под влиянием фабриканта у него самого поехала крыша. Лань изводил его напористыми ласками и в то же время – невыносимо нежными поцелуями, которые снова никак не вязались с недавней грубостью. И черт бы побрал Чейза, если ему не хотелось, чтобы Лань наконец поцеловал его по-настоящему, как уже делал раньше. Чтобы голова снова закружилась, едва его язык начнет хозяйничать у него во рту, заставляя отчаянно желать близости.

Но тот не спешил исполнить это желание, а сказать вслух Цзян никогда не решится, даже если бы рот не закрывала узкая, но удивительно сильная ладонь фабриканта. Вдруг тот убрал руку. Воспользовавшись неожиданной свободой, Чейз собрался было высказать все, что он думает о ситуации в целом и о Хавьере в частности.

– Опиздоумел, – успел выпалить полицейский, прежде чем Лань втянул его в поцелуй, от которого ноги вмиг стали ватными, благо он накрепко был притиснут чужим телом к стене.

Пальцы зарылись в волосы на затылке, слегка дергая, массируя кожу, и в то же время не давая отстраниться. Будто бы у Чейза было такое желание! Что этот демон-искуситель делает с ним? Он уже сам отвечал на ласки, отзывался движениями бедер, стонал в чужие губы. Они целовались целую вечность, время от времени отрываясь друг от друга, чтобы сделать вдох.

Наслаждение закручивалось вокруг них водоворотом, и уже ничего за его пределами не имело значения. Чейз не помнил, когда положил руку на поясницу Ланя, прижимая его к себе теснее, как протиснул другую между их телами, помогая им обоим наконец достигнуть пика.

Лань на мгновенье опередил его. Он не вскрикнул, даже не застонал, но рваный хриплый вздох любовника ударил по нервам, заставляя тоже потеряться в яркой экстатической вспышке. Удовольствие вытянуло разом все силы. Настолько, что Чейз на короткое время провалился в полуосознанную черноту, смутно чувствуя, что упал бы, но Хавьер прижал его еще плотнее, помогая удержаться.

В воздухе витал сладковато-острый запах секса, Чейза отлепили от стены, потом настойчивые руки повели его куда-то и усадили в массивное кожаное кресло. Неугомонный Лань пожертвовал чистым носовым платком, чтобы убрать самые заметные следы их бурного примирения.

– Если тебе нравятся цветы, я позабочусь, чтобы они у тебя были, – слова фабриканта доходили как сквозь вату. Лейтенант словно нырнул глубоко, как в детстве, и теперь с трудом выплывал из толщи воды. – Но никогда, слышишь, никогда не смей принимать их от кого попало.

Нужно было оставить все как есть. Покладисто кивнуть или что-то в этом же роде. Однако что-то дернуло Чейза повиноваться мимолетному желанию. Он сгреб любовника в охапку и усадил к себе на колени – ему бы тоже не мешало немного прийти в себя и отдышаться.

– Если кто-то зайдет, а ты тискаешь меня в моем же кресле? – не удержался от шпильки Лань, тем не менее, охотно обнимая его в ответ.

Чейз впервые слышал, чтобы фабрикант шутил. Впервые слышал его мягкий смех и это ему нравилось. Ему доставляло удовольствие чувствовать исходящее от другого мужчины тепло, не только физически… но и физически тоже, конечно. Хавьер сейчас стал таким же уютным как ночью, когда устроился рядом на чересчур узкой для двоих кровати детектива.

– Останешься на ужин? – спросил он уже совсем другим тоном. – Я велю приготовить для тебя комнату.

Часть 26

– Где Вы этому научились? – несмотря на неловкость ситуации, Честер чувствовал, как расслабляются мышцы под умелыми и удивительно сильными руками художника.

– Много путешествовал, – уклончиво ответил Инн. – Вообще я не очень в ладах с церковью, но как-то прожил целых полгода в одном тибетском монастыре. Это совсем другой мир, скажу я Вам! Нигде я не чувствовал себя так… вот так…

Это был редкий случай, когда Вэйд не нашел подходящих слов. Ладони мужчины спокойно улеглись на плечи, но вскоре опять принялись разминать мускулы. Он снова принялся болтать без умолку, хотя Честер не нуждался в том, чтобы его отвлекали. Было совсем не больно, разве что немного неприятно поначалу, но потом ощущение сменилось внутренним теплом.

– Не знаю, там я, может быть впервые, почувствовал себя на своем месте, но при этом, как бы лучше выразиться, не дома, – однако философские вопросы лишь ненадолго увлекли его. – На самом деле там такая тоска и скука по сравнению с Лондоном, но это даже и здорово, пока до смерти не надоест. Вы просто не представляете, сколько рисунков я оттуда привез! В основном на них горы, но что я только ни рисовал, даже Далай-Ламу. Если хотите посмотреть, тогда я выберу самые красивые.

Он, по обыкновению, перескакивал с одной темы на другую, найдя в лице фабриканта благодарного слушателя. Честер невольно позавидовал художнику, который был младше него, а объездил, кажется, весь мир и теперь щедро делился впечатлениями.

– Только представьте, Честер! Они держат вот таких кошек, – он показал руками, выходило, что кошки были раз в десять больше Саймона, и хихикнул. – Вас это удивляет потому, что Вы никогда не таскали тигра за хвост. А он потом пытался меня умыть своим наждачным языком… ну или начисто слизать с меня лицо, уж не знаю. Кстати, маленькие тигрята, такие плюшевые, почти как Саймон.

Ланю показалось, что сейчас его самого сравнят с котом. Вэйд принялся убирать ему волосы, чтобы было удобнее делать массаж. Вместо того, чтобы вновь переложить их на плечо, он стал заплетать их в какую-то замысловатую прическу. Причем свитое им гнездо держалось само по себе за счет хитро завернутых прядок.

– Я вдруг подумал о мебели в гостиной, – он пробежал пальцами по шее фабриканта, аккуратно, без сильных нажатий и слегка помял затылок. Неожиданно это оказалось весьма приятным. – Настоящие слоны в Индии это просто… нечто.

Лань не смог ответить, как не смог и остановить художника. Такие простые действия и правда здорово расслабляли. Он задержал дыхание и прикрыл глаза, пытаясь подавить легкую невольную дрожь, пробежавшую по телу.

– Вам больно? – прикосновения стали мягче и аккуратнее. – Если это неприятно, то в следующий раз мы можем попробовать кое-что другое.

– Ничуть, – почему-то голос прозвучал очень тихо, но тут же прорезался. – Подождите, Вэйд, в следующий раз?

Тот таинственно хмыкнул и вернулся к прерванному занятию. Кажется, на Тибете он научился колдовству, благодаря которому мог не только зачаровать другого человека, но и веревки из него вить. У него все получалось на редкость легко – в какой-то момент, уже закончив с массажем, он просто принялся придавать Честеру желаемую позу, а тот был не в силах сопротивляться, чувствуя себя тряпичной куклой.

– И теперь руку вот сюда, – проговорил он, любуясь плодами своих стараний. – Вот так идеально.

Художник не разжал пальцы, осторожно касаясь пальцами запястья, потом щекотно скользнул подушечками по ладони и еще на секунду задержал руку Ланя в своей, прежде чем отойти и устроиться напротив. Как ни странно, теперь Честер не испытывал больше нервозности из-за того, что тот работает над рисунком, то и дело бросая внимательные взгляды и чему-то улыбаясь. Он просто отдыхал, двигаться особо и не хотелось, а Вэйд продолжал рассказывать о том о сем. Например, чем запомнилась ему Индия.

– Вы говорите о своей поездке так, будто она была сто лет назад, – заметил Честер, заинтересованный тоном художника.

– Так оно и есть, – улыбка его стала озорной. – Я отметил там восемнадцатый день рождения. Кхара пера и халва были просто чудесными, но я до сих пор удивляюсь, как у меня ничего не слиплось. В жизни больше не ел столько сладостей зараз. А Вы, Честер, как отпраздновали совершеннолетие?

Лань снова вспомнил, как получил в подарок шейный платок и неловкое признание… И как впервые отверг чувства девушки. Потом качнул головой и ответил что-то нейтральное: в кругу семьи, все как всегда. Отец и дядя были тогда крепко связаны с фабрикой, так же как сейчас они с братом, Майкл как раз учился говорить и держать ложку, а еще лазил везде и всюду. Это было совсем неподходящее время для продолжительных деловых поездок и тем более путешествий.

– Знаете, это ведь было первое место, которое я посетил сразу, как сбежал из дома, – поделился Вэйд. – Боялся, что за мной полицейских с собаками отправят, поэтому сразу же выбрал местечко подальше.

– Вы преувеличиваете, – мягко сказал Лань, удивляясь, до чего все же они были разными. – Уверен, никто бы не стал натравливать на Вас служебных собак.

Обычно с Вэйдом было на редкость уютно, но вот сейчас чувствовалось, что эти мысли спустя столько времени все еще вызывали у него тревогу. Он даже слегка поежился, услышав выражение «травить собаками». Лань не знал, как сгладить это ощущение и уверить, что тот в безопасности. Теперь – точно. Просто мистер Инн привык быть беглецом и продолжал оглядываться даже сейчас, когда за ним уж точно не было погони.

За разговором и рисованием они совсем не уследили за временем. Их уединение нарушил Уотсон, который очень подозрительно осмотрел комнату и художника, но, кажется, не нашел к чему придраться. Видимо, от дочери он уже знал, чем они занимаются в спальне, и решил самолично убедиться, что это действительно портрет в интерьере, а не то, о чем можно было подумать.

– А что, уже пора ужинать? – Вэйд ревниво прикрыл от него неоконченную работу.

– Накрыть в столовой или на веранде? – спросил дворецкий. – Мистер Хавьер и мистер Цзян сказали, что не голодны.

***

Детектив стоял у окна в гостевой спальне и вглядывался в темный сад. Ему только что показалось, что там по кустам шныряет какая-то тень. Он пригляделся внимательнее, и вдруг остро и совсем рядом почувствовал чужое присутствие. Рефлексы

сработали моментально, он с силой двинул локтем назад, как учили, и тут же услышал сдавленный возглас.

– Черт, Чейз! – Лань с трудом вздохнул после наверняка болезненного удара под дых. – Ты слишком остро реагируешь.

– На кой было подкрадываться сзади? А если б я Вас укокошил! – он развернулся и яростно глянул на фабриканта. – Что Вы, блядь, тут забыли, Лань?

– Хм-м, что я забыл в собственном доме? Интересный вопрос, – он и правда задумался! Выглядело издевательски настолько, что чувство вины сменилось желанием врезать еще раз и побольнее. – А что ты видишь плохого в том, чтобы обнимать своего любовника? С любой стороны. Если ты каждый раз будешь бить меня при этом, мне придется заявить в полицию.

– Заявить?! – Чейз недовольно сощурился. – Это мы уже проходили…

– В этот раз я всего лишь хотел предложить тебе выпить, – примирительно сказал фабрикант и Чейз, к своему стыду, не почуял, что тут кроется какой-то подвох, потому что мысль о выпивке не покидала его дня два точно.

Уже через час Чейз сделал для себя три открытия, одно хуже другого. Первое, Лань не пьянеет, то есть совсем. Второе, он сам еще не вполне поправился и виски оказался весьма коварен. Третье, отказываться от ужина категорически не следовало. Все это вкупе привело к патовой ситуации.

– Лань, да что с Вами не так? – язык Чейза уже ощутимо заплетался. – А ну-ка, дайте сюда, что Вы там пьете…

– То же, что и ты, разумеется, – ответил фабрикант, которому Чейз самолично подливал виски минуту назад, но именно сейчас казалось, что в бокале плещется какой-то другой напиток.

Цзян выругался и со второй попытки завладел желаемым. Фабрикант выглядел безукоризненно. Светлая кожа без следа румянца, ясные серые глаза, аккуратно собранные волосы, которые ничуть не растрепались во время того, что произошло в кабинете. Он зло откинул собственную челку, расплескав немного виски.

– Вы водите меня за нос, грязный Вы ублюдок, – Чейз отпил солидный глоток из чужого стакана и невольно кашлянул. Поставил стакан и слизнул капли, попавшие на пальцы.

– Не ожидал, что ты не умеешь пить, Чейз, – Лань проследил за этим действием с таким пристальным вниманием, что Цзян поклялся больше никогда так не делать. – Это портит твой образ сурового полицейского.

– Заткнитесь нахрен! – он вскочил с места, но его ощутимо повело в сторону.

– Тебе лучше не делать резких движений в таком состоянии, – посоветовал Хавьер, помогая восстановить равновесие. Чейз немедленно попытался оттолкнуть настырного ухажера. – Но я, кажется, знаю очень надежный способ, он должен тебе помочь…

– Знаю я Вашу помощь, – чертов Лань опять двоился, а может, это был его чертов брат… – Я только что отчетливо слышал «трахаться».

– Да ты совсем пьян, – посочувствовал ему Лань, но Цзян уже знал это выражение лица. – Давай-ка помогу тебе раздеться и лечь в кровать.

Чейз хотел взбрыкнуть, воспротивиться, но его уже никто не слушал. Попав в цепкие руки фабриканта, Чейз почувствовал, что силы возражать и сопротивляться тают, и он плывет, или комната вокруг него покачивается?

– Проваливайте, – он отталкивал руки, расстегивающие пуговицы его рубашки и в который раз проверяющие бинты, с которыми все было в порядке. – Я не лягу, пока не проверю, кто там бродит. В саду… там кто-то был…

Проклятый Лань снова взялся за свое, отвлекая полицейского. Его руки скользнули за пояс брюк, огладили бедра, коснулись члена. Чейз уже оказался в кровати, а ему все еще казалось, что он может наблюдать за чужаком, прячущимся в тени яблонь. И с чего Хавьер решил, будто тот похож на кота? Разве коты бывают такого размера?

Часть 27

Чейз резко распахнул глаза. Он отключился, казалось, всего на минуту, но комнату уже заливал серый утренний свет. Несколько секунд он не понимал, где находится, пока рядом не послышался томный вздох. Хавьер, мать его, Лань! Осознание положения собственных дел заставило детектива мгновенно выскочить из постели.

– Куда же ты, Чейз? – протянул его любовник, наверняка настроенный на утренние ласки, как в прошлый раз. – А ночью ты был таким напористым и страстным…

– Что мы делали ночью? – ужаснулся Цзян, забывая о дурном самочувствии.

– Ты и правда все позабыл? – серые глаза лучились хрусталем. – Даже то, что вчера творил?

Чейз не имел ни малейшего понятия, о чем говорит Лань, но был почему-то уверен, что все в доме знают о них двоих. Лицо фабриканта вроде бы не изменилось, но плечи подозрительно дрогнули. Мужчина перекатился на бок и, уже не сдерживаясь, рассмеялся.

– Чейз, у тебя было такое лицо! – Он откинул одеяло, не стесняясь собственной наготы.

– Что мы делали, Лань? – голос от волнения сел. – Я, блядь, серьезно Вас спрашиваю!

Хавьер текуче поднялся и поцеловал вместо ответа. Тягуче, медленно, но будто бы без особого напора. Если бы Чейз хотел, он бы… Но отстранился. Этот невыносимый человек может целовать его сейчас? Чейз испытывал потребность в большом количестве зубного порошка даже более настоятельную, чем в полном графине холодной воды.

– Если Вы немедленно не заговорите, я найду способ развязать Вам язык, долбаный Вы извращенец, – зарычал Чейз, теряя терпение, и снова Лань потянулся к нему.

– Пытки, лейтенант? – промурлыкал тот, смущая еще больше. – Который сейчас час? Пойду немного поваляюсь на своей кровати, пока никто не заметил, что она застелена.

Он накинул рубашку и направился прямиком к двери, даже не прихватив остальные вещи. Бесстыжий! Цзян прикрикнул на него, но удерживать не стал, пусть катится куда хочет, у него есть еще неоконченные дела.

– Не все сразу, Чейз, – уже через плечо бросил Лань. Что бы это значило?

Чейз остервенело принялся одеваться. Сейчас приведет себя в порядок и будь он проклят, если останется на завтрак. Не прошло и пяти минут, как он вышел в холл, стены которого были увешаны картинами. Позволив себе только пару любопытных взглядов – полотна и правда были более чем достойными! – он вышел в сад и захлюпал по мокрой траве. Ночью прошел дождь, и даже если в саду и были чьи-то следы, земля раскисла и их невозможно было прочесть.

– Ваш зонт, мистер Цзян, – послышался невозмутимый голос.

Человек, видимо, дворецкий, последовал за ним на улицу и было совершенно очевидно, что выходки полицейского, топчущего аккуратно подстриженную траву, его ничуть не удивили.

– Завтрак будет подан в восемь утра, – добавил он и повернул голову в сторону ворот, расслышав цокот копыт сквозь шум крупных капель, барабанящих по куполу черной материи над его головой.

Вручив Чейзу точно такой же зонт, он направился встречать незваных гостей, когда ограду преодолел пес. Полицейский сразу же узнал Ангела и свистнул – пусть лучше шалопай потопчется мокрыми лапами по его одежде, чем по платью Анны или костюму дворецкого, укрывшего девушку под своим зонтом.

Отчаянно виляя задом, собака запрыгала вокруг и действительно понаставила отпечатков лап повсюду: на бедрах, животе и даже пояснице. Дай ему волю, Ангел бы еще всего его обслюнявил…

– Чейз, слава богу! – воскликнула Анна, торопливо шагая по дорожке.

Она так же порывисто, как только что Ангел, бросилась к брату, крепко обнимая его. Детектив невольно поморщился – ранение все ещё напоминало о себе – но, тем не менее, ответно обнял сестру за плечи.

– Прости, – повинился он, догадываясь, что могла наговорить миссис Флай. – Со мной все в порядке.

– Я чуть с ума не сошла! – Анна стукнула его в грудь. – А ты…

– Идем скорее в дом, что скажет твой павлин, если я позволю тебе простыть? – заворчал в ответ Чейз. – Кстати, куда он смотрел, отпуская тебя в такой ливень?

– Мне не нужно спрашивать разрешения мужа, – возразила Анна, но по ее лицу было ясно: Стюарт ни о чем не подозревает.

– Тебе нужно обсушить волосы, – настоял Цзян. – Ангел, лапы! Не пес, а свинья…

Он действительно научил пса вытирать их перед входом в дом. Анна не раз видела эту картину, поэтому Цзян понаблюдал за дворецким, который, впрочем, снова не переменился в лице.

«Да его и хуй не возьмёт!» – мысленно восхитился Чейз.

– Не ругай его, – попросила сестра. – Ангел так скучал по тебе, что ничего не ел.

На минуту даже сделалось совестно. Мистер Стэнли проводил его с Ангелом в гостиную, в то время как мисс Стэнли – его дочь – увела Анну в одну из пустующих гостевых комнат, где та могла поправить макияж и оставить сушиться шаль. Миссис Стэнли принесла чай, чтобы Чейз мог согреться, но он не замерз, да и толком не успел промокнуть.

О том, чтобы отправиться восвояси, речи теперь не шло. Он сел в одно из кресел и потрепал Ангела, немедленно положившего голову ему на колени, поправил подушку с вышитым слоном под спиной и обнаружил под ней книгу, то же издание уже попадало

ему в руки пару лет назад. Стало интересно, который из братьев любил читать о путешествиях? Средиземноморье, Греция, Португалия… Цзян решил освежить в памяти некоторые фрагменты и несколько увлекся поэмой и своеобразным слогом автора…

– Держите сами, она ведь тяжелая, – второй Лань, как выяснилось, тоже имел склонность подкрадываться.

На сей раз Цзян сразу узнал его по вежливому обращению и на всякий случай приметил, как тот одет. Мужчина аккуратно приподнял книгу над псом, и Ангел немедленно лизнул его пальцы. Не собака, а шалава какая-то… Возможно, Чейз бы не высказался вслух по этому поводу, если бы в комнате не раздался грохот – опять этот инвалид уронил свою палку!

– Что ты себе позволяешь, кобелина? – Цзян в сердцах захлопнул книгу.

– Это Вы мне, детектив? – озадаченно переспросил хромой, застыв в дверях и явно раздумывая, стоит ли теперь вообще переступать порог.

– Какого хрена лысого… – Чейз и так начал впадать в бешенство из-за брошенных невпопад слов, а тут еще и этот! Сейчас Цзян разглядел задиру и, к своему раздражению, узнал его.

– Чейз, – между лопатками легла теплая ладонь, но по спине отчего-то пробежали мурашки.

– …ты здесь забыл, охальник, – детектив невольно поежился, с трудом вспоминая, на чем остановился.

Инстинкт самосохранения подсказал на сей раз придержать рвущиеся с языка нецензурные выражения. Стоило вспомнить, как на них реагирует человек, стоящий рядом с его креслом, и что он может сделать. Не то время, не то место.

– Мистер Инн снимает у нас жилье, – ответил за него Хавьер и вкрадчиво уточнил: – Тебя что-то смущает, Чейз?

– Отнюдь! – по привычке огрызнулся Цзян, проигнорировав внутренний сигнал тревоги, и с запинкой выдал: – Мой пес. Ангел правда – кобель. Я учил его не ласциться к посторонним.

Цзян неловко кашлянул. Обычно спокойный, улыбчивый мужчина сейчас напоминал волка на охоте, отслеживая каждое движение Чейза голодным взглядом, заставляя чувствовать себя беззащитным и искать возможности безопасного отхода. Заметив его нервозность, Хавьер сделал почти незаметный шаг, став еще ближе.

– Знаете, я никогда не одобрял сквернословие, но детективу даже идёт… – Лань наконец стал самим собой. Улыбнулся брату и пригласил съемщика присоединиться к ним за завтраком.

От острого насмешливого взгляда Вэйда на душе стало ещё гаже. Цзян поднялся, даже открыл было рот, чтобы выразить свое негодование, но осекся, почувствовав чужую руку уже на пояснице. Все мысли разом перемешались, оставив на миг лишь одну – что, черт его дери, было прошлой ночью?

Цзян обратил внимание на этого паршивца, когда тот снял одну из квартир, которыми владела матушка. По ее словам, художник был беден, как церковная мышь, и чуть ли не молил, чтобы ему позволили не платить залог сразу. Одному богу известно, почему она согласилась, но потом мистер Инн удивил ее. Юфимия Цзян получила не только залог и плату за первый месяц, но еще и за следующий, а Инн сетовал, что захватил так мало, – квартира ему понравилась и стоило оплатить сразу на год вперед.

Вскоре весь Скотланд-Ярд был уверен, что Инн, который со своего появления в Лондоне не работал ни дня, либо рисует фальшивые купюры, либо замешан в преступлениях иного рода. Когда мерзавец не кутил в каких-нибудь притонах, его видели якшающимся с членами одной местной банды, а потом осведомители доложили, что он вел себя у Циклопа, как дома. Была бы воля Чейза – давно бы упрятал за решетку, вот только повода для этого никак не находилось. Он так и сказал матери – найти любой предлог и выставить негодяя прочь, пока тот не превратил бардак в бордель. Юфимия Цзян прислушалась к его совету… и что теперь? Почему, из всех домов в Лондоне, Инн выбрал именно Ланей? Чейз воспринял это как плевок в душу и был уверен: хромоногий гаденыш нарочно все это обстряпал, чтобы насолить полиции.

Пробило восемь, неловкое начало завтрака несколько сгладила присоединившаяся к ним Анна с ореолом божественных кудряшек, выбивающихся из-под кокетливой шляпки. Слава богу, сестра не застала безобразную сцену!

Детектив и так сидел как на иголках, так еще Хавьер, севший рядом, периодически незаметно оглаживал его бедро, каждый ебаный раз заставляя дергаться, опасаясь, что кто-то может увидеть. Впрочем, собравшимся было не до того. Вэйд премило общался с Анной, а Честер только изредка выдавал многозначительное «Мгм», в остальном же напоминая мраморную статую.

– И все-таки, что ты здесь делаешь, Чейз? – обратилась к нему Анна в самый неподходящий момент.

Рука Хавьера была опасно близка к его паху и соображать становилось крайне трудно. Он знал, что у сестры может возникнуть такой вопрос, но не удосужился придумать внятный ответ, пока было время.

– Слежу за одним подозрительным типом, – ляпнул он, имея в виду одного бумагомарателя, паразитирующего на чужом гостеприимстве.

Ладонь, только-только накрывшая член, немедленно исчезла, и лишь тогда до него дошло, что реплика прозвучала крайне неоднозначно. Цзян мысленно себе поаплодировал – только что он ухитрился ещё больше настроить против себя Честера, обозвав его брата и собственного любовника проходимцем. Анна посмотрела с укором, сделавшись похожей на мать, взгляд же второго близнеца стал просто ледяным, но ненадолго.

– Я вот что подумал, – Вэйд, болтавший за троих, как будто бы не заметил повисшего за столом молчания, и доверительно наклонился к Честеру. – Теперь мистер Цзян заберет пса и мне не удастся написать ваш совместный портрет. Какая жалость, правда? А я ведь только-только уверился, что это было не такой уж плохой затеей… Этот Ангел даже довольно милый, особенно пока лопает что-то на кухне.

Несмотря на попытки Вэйда разрядить обстановку, разговор после неосторожной фразы лейтенанта не ладился. Чейзу было очень неуютно, но не потому, что он поступил по-свински. Потребовалось время, чтобы понять, – это из-за того, что Хавьер больше не делал попыток дотронуться.

– Я вижу, Вы и правда расстроены, мистер Инн, – оказалось, мерзавец Лань выбирал для любовника наказание. – Уверен, детектив сможет найти время, чтобы тоже попробовать себя как натурщика.

Чейз почувствовал, что краснеет, и это наверняка заметно. Прозвучало так, будто речь шла о натуре обнаженной. От Ланя можно было ожидать чего угодно, в том числе и этого. Но впутывать третьих лиц в их интимные отношения!

– Не думаю, что это – хорошая идея, – высказался Честер. Ну, по крайней мере, не сказал прямо, что желает больше никогда не видеть полицейского в своем доме.

– Уверен, в Скотланд-Ярде и без этого дел невпроворот, – немедленно поддержал его художник.

– А я уверен, что детектив с удовольствием выкроит немного времени, а я прослежу за его поведением, – когда говорят таким тоном, отказывать не принято и просто опасно… – Думаю, Вам будет интересно написать портрет офицера в парадном мундире и со служебной собакой.

Чейз едва не взвыл: что угодно, но только не мундир! Да это ж форменное издевательство в прямом смысле слова!

Часть 28

Дом опустел. Семья Стэнли занялась делами – особняк требовал постоянного внимания. Анна забрала своего вздорного брата и его пса, казавшегося сущим ангелом по сравнению с ним. А говорят, собаки похожи на своих хозяев!

Фабрикантов ждала работа, а Вэйда недописанная черепаха. Кажется, он сделал ошибку, когда стал работать именно с этим образом. Мысль, что он изображает сон Честера, как сам его представляет, здорово отвлекала, заставляла вдаваться в подчас ненужные детали и даже рыться в библиотеке. Благо дворецкий позаботился о том, чтобы книги были расставлены по полочкам в соответствии с их тематикой. Зоологии был посвящен целый стеллаж, но в основном, как нетрудно догадаться, это были серьезные пособия по содержанию домашнего скота.

Впрочем, на третьей полке он нашел, что искал. Черепаха на его картине была больше чем наполовину скрыта под водой, но он не мог продолжать работу, пока не удостоверился, что правильно помнит, как должны выглядеть ее ноги. Заодно, для вдохновения, он рассмотрел изображения змей. Картина должна вызывать безотчетный страх, а змей в отличие от собак, боятся очень многие.

– Ну, привет, – сказал он обитательнице водоема, взирающей на него с холста, и немедленно подумал о свечах. Оплывшие огарки толщиной в руку смотрелись бы весьма впечатляюще на полу и стенах пещеры.

Он понимал, откуда возникла такая ассоциация. Накануне за ужином ему ужасно не хватало зажженных свечей. Тогда это было бы совсем как настоящее свидание! Они ели только вдвоем, беседовали об искусстве и Лондоне, предавались воспоминаниям, и стороннему наблюдателю могло показаться, что художник знает своего благодетеля никак не меньше, чем всю свою жизнь.

На самом деле Вэйду было очень интересно все, что связано с Честером. Он с большим воодушевлением слушал и запоминал, и открывал для себя этого удивительного человека, а скрывать свои несуразные чувства становилось все сложнее. Того гляди кто-то заподозрит, что они далеко выходят за рамки благодарности и дружеской симпатии, и как тогда быть?

Его наверняка выгонят из особняка, как когда-то его родители. При этой мысли он сразу скис, даже высказывание детектива Цзян за завтраком не так его расстроило, как возможность скорой разлуки. Вот же мерзкий тип! И ведь по всему выходило, что Вэйд сам же этим дурацким букетом создал ситуацию, которая теперь так его возмущала. Определенно, детектив был неприятным человеком. И Ангел тут абсолютно ни при чем.

– И кого это он обозвал подозрительным типом? – спросил Инн у черепахи, которой как раз прорисовывал глаз. – Меня или Хавьера? Или Честера? Его-то за что? Я ведь правда не знаю человека лучше, чем он… В любом случае это было ужасно бестактно.

Вэйду показалось, что в выражении клюва мелькнуло что-то похожее на согласие. Он отошел и виденье растворилось – клюв как клюв, старый, слегка потрескавшийся. Таким сложновато выражать эмоции. Сперва он хотел придать черепашьей физиономии злое выражение, но потом передумал: эта слопает тебя, не моргнув глазом, от чего и правда становится жутковато.

Мужчина наконец поймал нужный настрой и вскоре погрузился в работу с головой, не замечая, как пролетает время. Только когда спина дала о себе знать, он понял, что пора бы протереть кисти, смыть с себя пятна масла, где получится, и немного размяться в саду с котом. Саймон как раз блаженствовал на прикроватной тумбе, предварительно смахнув оттуда все
что можно.

Вместо того, чтобы отругать любимца, Инн размурчал кота, почесывая ему подбородок. Тот высунул кончик розового языка и приоткрыл щелочки глаз. Выражение мордочки сразу сделалось ужасно потешным.

– Саймон, пойдем играть, – предложил художник и, не удержавшись, чуточку растрепал мягкую шерстку на животике.

Кот потянулся, так что пришлось придержать его, пока филейная часть не перевесила, перевернулся и сел с таким видом, будто делает одолжение. Он всегда снисходил до увеселений с хозяином, зная, что в противном случае тот непременно заскучает. Приходилось бросать все свои кошачьи дела и прыгать за травинкой, стараясь ухватить ее лапами, или приносить подушечку с пришитыми к ней перышками, как птичку.

Для начала они прогулялись среди яблонь и Саймон попробовал взять недостижимую доселе высоту. По чуточку наклонному стволу получалось немного лучше. Вэйд смог почесать его за ухом, даже не нагибаясь. За это кот благосклонно выслушал его рассуждения об архитектуре и композиции – Вэйд не отказался от идеи нарисовать место, которое и правда стало казаться ему настоящим домом, но все никак не мог к этому подступиться. Казалось – перенеси приятное впечатление на бумагу – там оно и останется.

Усевшись на коварных ступенях веранды, художник достал из кармана любимую игрушку Саймона. Мэдисон заново набила ее, заштопала ее, покрепче пришила оставшиеся перышки и прицепила маленький бубенчик, от которого кот был в полном восторге. Он переступил лапками и тихонько мяукнул, показывая нетерпение.

– Смотри, какой ты стал шустрый, – похвалил Инн, когда кот приволок ему игрушку. – Похоже, тебе идет на пользу свежий воздух в саду и упражнения на деревьях. Хочешь, чтобы я забросил ее подальше?

Раньше они не играли на улице. Оказалось, что его пухленький охотник может добежать до поворота дорожки и найти упавшую на землю вещицу. Победно придавив ее лапой, Саймон заиграл подушечку в траву, и только потом понес добычу хозяину.

– Мистер Инн, – окликнула горничная. Голос донесся весьма приглушенно, она только заглянула в снятую им часть дома, но все равно хорошо, что догадался припрятать черепаху от посторонних глаз. – Анна Чаттер прислала пирог, отрезать Вам кусочек? Он еще теплый.

– Это будет просто замечательно, Мэдисон! – отозвался он и, держась за перила, поднялся на ноги. – И прошу, заварите чай!

Саймон отерся о здоровую ногу. Инн осторожно наклонился и провел по гладкой спинке. Сегодня он кота не вычесывал, похоже, это сделал кто-то другой. Хорошо же устроился мохнатый подлиза!

– Ну и негодяй этот доберЦзян, да, Саймон? – спросил он в силу привычки делиться с котом своими мыслями. – Заставил сестру краснеть за него и извиняться. Ну куда это годится?! Будь такая милая девушка, как Анна, моей сестрой, я бы очень старался никогда ее не огорчать.

Он открыл дверь, пропуская кота в дом, но тот сел на пороге. Прогулка его все-таки утомила. Пришлось терпеливо подождать, пока Саймон созреет, и даже вежливо уточнить, присоединится ли кот к нему за чашечкой чая. Надо сказать, чай ему нравился. Только не слишком горячий, с молоком и ложечкой сахара.

– Давай взглянем на нашу черепаху еще раз. Что бы сказал Честер, если бы ее увидел? Может, не стоит больше ничего добавлять? – на сей раз кот милостиво поднялся, чтобы пересечь порог и уютненько расположиться в кресле на веранде. – Пожалуй, позвоню Санни, пусть поскорее заедет за ней и привезет мне гонорар!
***
Новенький блестящий телефонный аппарат затрезвонил на столе среди аккуратных стопок бумаг и папок, однако его хозяин никак не мог поднять трубку и ответить, потому что именно в этот момент в его кабинет ворвалась полиция с собаками.

– Признавайся! – Цзян с порога сделал зверское лицо, вполне отдавая себе отчет, что не был при исполнении, когда шёл сюда.

А это может вызвать вопросы и даже дойти до начальства, которое отправило Чейза отдыхать и выздоравливать, а вовсе не на проеб. Конечно, ему никто не поручал кошмарить лучшего адвоката Лондона, как и спать с Ланем. Выкинуть бы стервеца из головы раз и навсегда, да только, кажется, уже поздно.

– Я не знаю! – выпалил Санфорд, еще не выслушав вопрос. Детектив был один, но его внезапное появление произвело на адвоката неизгладимое впечатление. – Клянусь, я ничего не знаю!

– Санни, – мужчина слегка встряхнул адвоката, который нечаянно задел стакан, расплескав остатки воды по кожаному коврику. Подождал, пока раздражающий звон утихнет, а Санфорд бросит в лужицу промокашку. – Как ты различаешь этих долбаных близнецов?

– Чейз, ты не болен? – переспросил тот, потянувшись потрогать его лоб. Цзян зло тряхнул головой, уклоняясь и заодно отбрасывая челку. – Они же совершенно разные… то есть совсем!

Давненько адвокат не выглядел таким изумленным. Картину дополняли легкая помятость и перекошенный на одну сторону галстук. Приятно осознавать: сколько бы лет ни прошло, а его манера ведения допроса все так же безотказно действует на старого приятеля.

– Это ты заболел! Ты их видел вообще? Они как будто один драный во все щели Лань! – взорвался Чейз, даже Ангел возмущенно гавкнул. – Какого рожна ты, крючкотвор хренов, не сказал, что они на одно лицо?! Ты хоть знаешь, в какое положение меня поставил? – он осекся, вспомнив, с кем разговаривает. Малейшее неосторожное слово и под тебя начнут копать со всех сторон.

– Чейз, бога ради, сядь, давай поговорим как воспитанные люди, – взмолился Санфорд, боясь, что выражения посетителя, которому не было назначено, бросят тень на безупречную репутацию конторы. – Тебе стоит просто ближе с ними познакомиться…

Чейз содрогнулся от мысли, насколько близко он уже познакомился с одним из Ланей. О том, чтобы сблизиться еще и со вторым, и речи быть не могло. Начать с того, что Хавьер его за такие мысли просто порвет, а там и до братоубийства недалеко. К тому же Чейз сам не хотел когда-нибудь узнать, какие тараканы водятся в голове Честера, – ему и одного Ланя хватало за глаза.

– Санни, нужен другой способ, надежный, – сообщил полицейский, мотнув головой в знак того, что не будет пить чай, тем более с печеньем. – Нет, безотказный. И быстро! Помнишь, солнечный, что ты мне теперь должен?

– Чейз, ты же любишь сложные задачки, – чашка все равно оказалась перед ним на столе. Санфорд всегда старался его покормить, а в нижнем ящике его стола был маленький склад сырных крекеров, булочек, карамелек и… мышеловка. – Прости, чайник успел остыть. Хочешь, попрошу сделать новый? И не смотри так, разве тебе самому будет интересно получить ответ на блюдечке?

Пока что на блюдечке появились овсяные печеньица на один укус, к которым лейтенант остался равнодушен. Чай оказался теплым и слишком терпким. Впрочем, Цзян мог сейчас выпить что угодно, а явно пропустивший завтрак Санфорд в основном ел печенье.

– Что ты так разволновался? – спросил адвокат, захрустев ещё одним. Он, конечно, не знал о нелепой ссоре. – Я не припомню, чтобы близнецы хоть раз обижались на кого-то из-за такого пустяка.

Может быть, Санфорд просто не был в курсе личной жизни братьев Лань; а может, раньше никто не пытался, к примеру, зажать Честера в каком-нибудь углу и, скажем, облапать его за яйца, вместо Хавьера. И с каких пор Цзян начал думать, что может поступить так с Ланем? Какого мужчину в здравом уме интересуют чужие бубенцы?

– Бубенцы, – повторил он вслух и вскочил на ноги, уже привычно схватившись за бок. В этот раз обошлось. Завтра можно возвращаться на службу. – Ну конечно, долбаный колокольчик!

Санфорд посмотрел на него с нескрываемым испугом. Похоже, окончательно удостоверился, что Цзян бредит. Тот впрочем совершенно успокоился и похвалил угощение, которое даже не попробовал. Все стало на свои места. Жизнь сделалась понятнее и проще, как уже бывало множество раз после общения с Нэттли. Иногда он подсказывал весьма удачные ходы, но зачастую Чейзу было достаточно просто изложить ему суть проблемы, чтобы найти решение. Это работало, даже если Санни спал или не слушал, что детектив говорит.

– У тебя, наверное, дела, – сказал он, хотя доподлинно знал, что встречи с Санфордом дожидаются аж двое клиентов. – Еще зайду как-нибудь на неделе?

– На здоровье, – через силу отозвался адвокат, удивленно хлопая глазами, и наконец поправил галстук. – Уж не знаю, что у тебя с Ланями, Чейз…

Часть 29

Неделя вышла насыщенной, Вэйд получил записку от мэтра Вебстера и не мог дождаться воскресенья. Мужчина решил прислушаться к его совету и включил в меню свои чудесные блинчики, разнообразив начинки. И, конечно, пригласил автора идеи на завтрак. Художник решил, что время пролетит быстрее, если основательно себя занять, а потому перво-наперво закончил черепаху, чтобы вернуться к портрету, который написал в комнате Честера.

Теперь он видел его частью картины, на которой будет запечатлен интерьер, пейзаж за окном, и не один, а двое людей. Это был первый раз, когда художник собирался взяться за автопортрет, для чего превратил висящую в комнате картину в зеркало. Очень символично!

Чтобы осуществить задумку, он чуть ли не поселился в чужой спальне, разумеется, пока хозяина не было дома. Сперва мистер Стэнли был резко против и пытался выставить его, но потом смирился и даже помогал художнику с его сумасбродствами. Вэйд действительно не посягал на частную жизнь Честера. Не то чтобы он не был способен порыться в чужих вещах, просто рисование слишком поглощало его для таких мыслей.

Несколько раз Вэйд просил Уотсона и Картрайда переставить зеркало с одного конца комнаты на другой и обратно, внести и потом вынести кресло, а еще вернуть покрывало определенного цвета на кровать. В пятницу дворецкий помог ему особенно. Инн очень долго выбирал одежду и прихорашивался, чтобы соответствовать Честеру, но вот пороть лучшие брюки ой как не хотелось! А он, даже изрисовав два листа сплошными штанами, никак не мог поймать нужное положение складок и швов.

Работа спорилась и приносила огромное удовольствие. Всю субботу он провел в предвкушении, ну и немного у врача. Сен-Клер хвалил его и уверял, что еще пара недель, и он наконец снимет опостылевший гипс. Но Инна больше интересовало, какое у Честера будет лицо, когда – уже завтра! – он снимет обертку подарка и увидит картину в раме под стеклом? Давненько Вэйд не испытывал такого нетерпения.

Все складывалось в его пользу. Хавьер предупредил брата, что пропустит завтрак, так что приглашение Инна тоже не сидеть дома, а отправиться куда-нибудь только вдвоем прозвучало ничуть не навязчиво. Тем более речь шла о Вебстер Поинт! К его радости, старший брат поддержал эту идею и помог уговорить сомневающегося младшего. На сей раз Честер и Вэйд были даже немного рады внезапной отлучке Хавьера – тот явно загрустил, развеяться не помешает.

Вообще-то по воскресеньям, впрочем, как и в другие дни, Инн был не прочь поваляться в обнимку с котом до обеда, однако этот день был особенным. Ради свидания можно было встать ни свет ни заря, так рано, что удалось даже застать собирающегося уходить Хавьера. Мужчина выглядел свежим и собранным. Ужасные люди эти Лани! Вэйду он показался более радостным, что ли. В последние несколько дней фабрикант выглядел каким-то отстранённым и даже недовольным и улыбался Честеру гораздо реже обычного.

Была ли связь между переменами настроения Хавьера и тем, что лейтенант Цзян больше не появлялся на горизонте? Это было весьма смелое предположение. Подумать такое можно только спросонья, но логичность скороспелой теории позволила ей надежно закрепиться в голове. Что-то в этом было…

Мужчины пожелали друг другу доброго утра и удачи в делах соответственно и разошлись. Инн выпил наперсток кофе – буквально! Мистер Стэнли сам сварил этот напиток, способный поднять мертвого, специально для него, так что Вэйд был готов ехать в Поинт даже на минуточку раньше Честера.

По пути они снова сидели друг напротив друга, и Лань даже позволил ему вытянуть ноги под свое сиденье, чтобы было удобнее. Места было предостаточно, но он не удержался от того, чтобы слегка прикоснуться лишний раз. Касаться этого человека было вдвойне приятно потому, что с другими Честер предпочитал соблюдать дистанцию.

Вебстер Поинт встретил гостей восхитительным ароматом выпечки. Корица, ваниль, карамель, мускат, лимон; целая палитра запахов, дополненная насыщенным свежесваренным кофе. Первые гости уже завтракали, не изменяя привычке ходить в Поинт. Следуя за приветливыми хозяевами заведения в отдельный кабинет, Вэйд не мог решить, что из блюд стоит попробовать в первую очередь. Гостям здесь всегда старались угодить. Все было, как Вэйд и просил: любимое место Честера; свечи, в которых не было нужды ясным погожим утром, но они создавали настроение; подарок, который подали между чаем и десертом, в яркой обертке с пышным бантом.
***
Честер множество раз бывал в Вебстер Поинт. В этом заведении не только было удобно обсудить дела за ужином, здесь можно было приятно провести время за чашечкой чая или пообедать. Однако в свете последних новостей Лань сомневался, насколько уместно принимать приглашение Вэйда. Если бы брат не настоял…

Он пребывал в легкой растерянности, когда вошел в знакомый зал, но в действительности ничего не изменилось. Мужчины были добры и благожелательны к ним и милы друг с другом. Художник по обыкновению принялся болтать о том о сем, чувствуя себя совершенно непринужденно. Его вообще, кажется, ничто не могло смутить. Он уютно устроился за столом, больше глядя на Честера, чем в меню, и благосклонно соглашаясь с мэтром Вебстером, что двойная порция взбитых сливок будет весьма уместна.

– И не слипнется? – лукаво уточнил мужчина, ничуть не переживающий из-за того, что художник знает их с партнером секрет.

– От такой вкуснятины? Никогда! – убежденно заявил Вэйд, закрывая меню и откладывая в сторону. – И побольше чаю, мэтр, я не в силах сейчас смотреть на кофе.

Он принялся играть с подсвечником, переставляя его так и сяк, как будто хотел поймать нужное освещение или сделать зайчика. Неужели снова задумка для очередного наброска? Честеру льстило желание Вэйда рисовать его, но он не понимал, чем привлек художника.

– А Вы, мистер Лань? – мистер Поинт улыбнулся ему.

– Положусь на Ваш выбор, – решил тот, не имея предпочтений насчет завтрака.

– Попробуйте блинчики с грибами и сыром, – не задумываясь, предложил тот, прекрасно зная, что Честер практически никогда не заказывал сладкое. – Вкусные и сытные. А чай – с бергамотом, верно?

Он кивнул. Может быть, зря он вчера не хотел ехать? Вебстер и Поинт были приятными людьми и, если не думать о посторонних вещах, то все было в точности как раньше. Вэйд принялся нахваливать еще не поджаренные блинчики - сперва, чтобы сделать приятное мэтру, а потом и просто для того, чтобы возбудить аппетит. Честер перестал переживать из-за пустяков, ему было хорошо здесь, с Вэйдом.

– Помню, в детстве я мечтал, чтобы на завтрак каждый день были вот такие толстые оладьи с сиропом или джемом, – довольно улыбнулся художник. – А потом оказалось, что они тоже могут прискучить не хуже овсянки. На Тибете проповедуют умеренность. Кое в чем они правы, но все равно оладьи – это замечательная штука.

Честер не смог не согласиться. Мама до сих пор пекла что-нибудь вкусное, когда уже взрослые сыновья приезжали на ферму и, конечно, баловала Майкла. Завтракать в тесном семейном кругу всегда было здорово, а когда приходилось много времени проводить порознь – особенно. Жаль, по словам художника выходило, что он не в ладах со своими близкими…

– Я позвал Вас сюда, потому что хотел отблагодарить за все. За спасение, за Вашу доброту и за то, что дали мне крышу над головой, – заявил Вэйд, услышав, что им несут чай. – И мне кажется, одного завтрака недостаточно, чтобы выразить мою признательность. Поэтому я приготовил для Вас подарок.

Честер немного растерялся. Все, что он делал, было от чистого сердца. Он вовсе не ждал вознаграждения, однако поздно, да и неприлично было отнекиваться. На столе помимо всего прочего появился большой прямоугольный предмет, бережно обернутый бумагой и перевязанный лентой изумительного небесно-голубого оттенка.

– Откройте, – подбодрил его Вэйд, загадочно сверкая серыми глазами. – Ну же, смелее.

Он потянул за конец атласной ленты, легко освобождая картину от упаковки и замер, увидев свою комнату четко и детально, как наяву. Это был двойной портрет. Нет, тройной. Кроме Честера и Вэйда за работой, в спальне находился еще один гость, которого Лань не сразу заметил в складках пледа, свешивающегося с края кровати.

– Вэйд, я тронут, – сказал он, с чувством пожимая художнику руку. – Вы просто мастер!

Инн весь засветился, ему самому вручение подарка доставило несказанное удовольствие. Он заключил ладонь Честера в свои невероятно теплые, не удивительно, что в таких руках оживают краски, принялся осторожно перебирать пальцы. Это напоминало легкий массаж, очень необычно, вроде бы простые прикосновения к ладони и осторожные нажатия на определенные точки, но тепло уже разливалось по всему телу.

Отдаленно загрохотало, будто и не гром вовсе, а просто сердитое ворчание какого-то неотлаженного механизма. По стеклу забарабанили первые дождевые капли, но на это уже никто не обращал внимания.
***
Чейз не хотел прибегать к крайним мерам, но пришлось. После разговора с Санфордом Цзян отправился прямиком к одному недоброму знакомому и нагнал страха еще и на него. Ювелир в силу неразборчивости не раз и не два наживал себе проблемы, потому как не спрашивал, откуда берется золото и серебро, которое потом попадает к нему в тигель. Увидев знакомое лицо, он кинулся бежать, но в спешке зацепился за пружину в потайной двери, сквозь которую уже сбегал от полисменов.

Находясь в крайне затруднительном положении, он согласился выполнить заказ Чейза, быть понятливым и не задавать вопросов, которые могут быть чреваты неприятными последствиями в виде посещения рабочего места клиента. Ювелир и правда изо всех сил пытался не слишком заметно удивиться, опасаясь вызвать негодование, и постарался избавиться от самого странного в его жизни заказчика в кратчайшие сроки – всего за несколько дней.

Чейз валялся на кровати, так и сяк разглядывая в меру крупный перстень на своем пальце. Гладкий ободок расширялся, на нем проступали переплетающиеся линии, огибающие печатку, которую при желании можно было использовать для оттиска на сургуче. Он прищурился. Девятилистный цветок должен был в таком случае получиться четким, это его как раз не беспокоило.

В целом лейтенант Цзян был доволен – он точно знал, как раз и навсегда решить ребус с близнецами. Он просто пометит старшего Ланя, и пусть мерзавец думает об этом что хочет! Вот только с размером пришлось полагаться на удачу. Угадал ли он? Чейз в который раз переодел кольцо, повертел на пальце, пытаясь представить украшение на руке фабриканта. У того были узкие ладони и пальцы как у музыканта… Ему пойдет.

План был почти безупречен, кроме ещё одного: как он, в рот ебись, собирался окольцевать Хавьера? Ночью? Пока тот будет спать после очередного раунда их постельных игрищ? Расслабленный и ничего не подозревающий… Лань, которого хочется гладить, как чертову собаку, даже после всего, что тот вытворял с его членом.

– Лань, сучий ты потрох, как мне теперь всучить тебе это дерьмо? – взвыл Чейз, скатываясь с кровати. Больше всего он ненавидел приносить извинения.

– Мистер Цзян, с кем Вы опять поругались? – раздался из кухни голос миссис Флаинг-Джейкоб.

– Который час? – рявкнул тот. – Мне нужно встретиться с осведомителем и забрать из участка мундир!

– В свой выходной?! – возмутилась женщина. – А как же шницель?!

Чейз предпочел бы и вовсе не встречаться с этой особой лично, но тогда информация об интересующем его человеке могла попросту уплыть от него. В другой ситуации он может и плюнул бы, да что уж там, хотел плюнуть и поесть дома, но раздумья о Лане заставили передумать. Он бросил кольцо в ящик с одеждой и накинул пальто – погода портилась. Пять минут назад еще светило солнце, а сейчас откуда-то натянуло тонких серых облаков.

Несмотря ни на что, он пойдет на чертову встречу и даже расплатится по счету, потому что от этого может напрямую зависеть благополучие Хавьера и даже его безопасность. Это ж угораздило его связаться с таким субъектом! Лань не умел выбирать себе друзей, взять хоть самого Чейза. И какого хрена лысого он теперь должен беспокоиться за фабриканта?

Часть 30

Начинался дождь. Хавьер поднял воротник и улыбнулся серебристому небу. Сегодня погода не могла повлиять на его расположение духа. В воскресенье у Чейза, как он знал, выходной. Конечно, было бы приятнее отправиться к нему с самого утра, застать в кровати, может быть, напроситься на чашечку кофе. Но дела есть дела.

Ранняя встреча касалась фабрики. Судя по виду адвоката, тот не спал всю ночь, может, и ночь до этого, чтобы уложиться в сжатые сроки. Санфорд оправдал свою репутацию и подготовил оставшиеся бумаги – должно быть, в жуткой спешке – чтобы все можно было закончить, прежде чем отплывет корабль. Момент был выбран идеально, Хавьер не зря выжидал, когда владелец – теперь уже прежний – будет достаточно мотивирован и открыт для разумных предложений.

Хавьер уже предвкушал, какую они закатят пирушку в Брайт Хаус. Честер будет в восторге, когда узнает, что они все-таки провернули эту сделку! Он специально ничего не говорил близнецу, пока предприятие не будет у них в кармане. Конечно, на первых порах потребуются инвестиции, но оно того стоит!

Дождь быстро усиливался, грозя превратиться в сплошную стену за считанные минуты, и Лань невольно оглянулся по сторонам в поисках места, где можно укрыться и немного переждать. Совершенно случайно он заглянул в большое окно какого-то заведения. Столики преимущественно на двоих, чистые белые скатерти и знакомая высокая фигура, выпрямившаяся на стуле у самого окна.

Хавьер невольно замер на месте, позабыв про дождь. Он совершенно точно узнал Чейза. Полицейский сидел спиной и не мог его видеть, Ангел зевал у его ног, картина выглядела бы даже умиротворяюще, если бы не одно «но». Особа на стуле напротив оживленно о чем-то болтала. Она была, наверное, ровесницей Ланя, с короткими волосами, пышными формами, которые ничуть не скрадывало закрытое серое платье.

Цзян был с другой. Все внутренности скрутило, руки сами собой сжались в кулаки. Кажется, он был лучшего мнения о лейтенанте и считал, что тот не пользуется услугами проституток? Что ж, его уверенность пошатнулась. Сейчас любая женщина рядом с Чейзом показалась бы Хавьеру продажной, но конкретно эту он окрестил шлюхой за ее вульгарную улыбку, которая не вязалась со скромной одеждой.

Пусть они не давали друг другу обещаний, но это было больно. Лань даже не представлял, насколько. Он почувствовал подкатывающие к горлу – буквально – злость и разрушительную ревность. Хотелось утащить этого барана туда, где никто не помешает, и… показать ему, вбить, если понадобится, что он принадлежит Хавьеру!

Мужчину уже трясло. Не в силах дальше наблюдать эту сцену, он отвернулся. Как раз в этот момент рядом остановилась лошадь. Кэбмен заметил мокнущего под дождем джентльмена и решил предоставить ему укрытие, пока тот не подхватил простуду. Как в каком-то сне Лань сел к нему и велел ехать по адресу, который не так давно вызнал в участке. Съемная квартира, тонкие стены, экономка… не самая подходящая обстановка, но лучшее место для того, чтобы дождаться Чейза. И не натворить ничего из того, о чем он может пожалеть. Они оба, если уж на то пошло. Однако он не учел того, что женщина с двойной фамилией наотрез откажется пускать его за порог.

– Ничем не могу Вам помочь, мистер Лань, – сказала она почтительно, но непреклонно. – Раз у Вас такое срочное дело, езжайте в участок, может застанете его там.
***
– Эй, Цзян! Тебя там поклонник дожидается, зря мы ему не верили, что ты сегодня придешь, – посмеиваясь, окликнул Чейза секретарь. – Раскрой секрет, чем ты его взял?

– Ясно чем, – проворчал Смит.

Лейтенант сжал кулаки, уговаривая себя не реагировать на безобидные в сущности подколки скучающих сослуживцев. Не могли же они, в самом деле, знать, как Чейз провел время в компании Ланя. Ангел уткнулся носом в пол и вовсю вынюхивал что-то, повиливая хвостом.

– Ах, да, Чейз же у нас просто само обаяние! – насмешник осекся, стоило встретиться с ним глазами, и очень постарался сделать вид, будто это была похвала.

Выругавшись сквозь зубы, он поднялся к себе в кабинет. В участок он вошёл уже довольно раздраженный, день не задался, но это не значило, что он не может стать еще хуже. Уже перед дверью полицейский мысленно пообещал себе, что больше никогда в жизни не будет теряться в присутствии Хавьера, как бы странно, нагло и непредсказуемо он бы себя ни вел. Здесь, в участке, он – главный, и он прямо сейчас покажет, что с ним нужно считаться.

В том, что это был Лань, Чейз почему-то не сомневался. Кто, как не он? С тех пор, как его освободили из-под стражи, фабрикант наведывался сюда как к себе домой. И судя по замечанию секретаря, Смит был не единственным попавшим под обаяние Хавьера.

– Какого хрена Вы сюда приперлись? – зарычал Чейз, с порога переходя в наступление, чтобы не дать гостю перехватить инициативу.

– Разве я не могу тут появляться? – Лань иронично приподнял бровь, явно наслаждаясь своей правотой, и слегка потрепал подошедшего поздороваться Ангела за ухом.

И ведь прекрасно знал, что Чейза это выводит из себя! И Ангел тоже хорош – еще немного и станет выполнять команды фабриканта и подставлять ему живот. А еще тронувшая губы фабриканта улыбка растаяла, стоило ему перевести взгляд с пса на его хозяина. Каким-то хреном Чейза и это задело.

– Хотите, чтобы поползли слухи? – Цзян постарался взять себя в руки и перейти к такому же снисходительному спокойствию, которое демонстрировал Лань, но какое там, когда внутри все клокочет. – С чего Вы вообще взяли, что дождетесь меня сегодня?

– Я рискнул, и как видишь, мне повезло, – поучительно заявил Хавьер, но Чейз не был настроен внимать его наставлениям.

– Отлично, – сказал он, хотя не находил в этом ничего хорошего. – Теперь можете свалить отсюда.

– Не пытайся от меня отделаться, – предупредил фабрикант, вставая с кресла для посетителей. – Но если тебя смущают Смит и остальные, мы можем встретиться где-нибудь еще.

Прозвучало как-то угрожающе, впрочем, Чейз первым нарушил этикет, разоравшись вместо приветствия. Неуютно сделалось даже Ангелу, но пес мог залезть под стол, в отличие от хозяина. Лань раздумывал еще некоторое время.

– Как насчет квартала свиданий, – это было произнесено с таким непроницаемым лицом, что Чейз почти убедил себя, что ослышался. – Снимем двух девочек и выпроводим из комнаты. Или можем пригласить присоединиться.

– Вы охренели, что ли? – детектив раздражённо метнул взгляд на дверь, хотя навряд ли кто-то подслушивал. – Как у Вас только язык повернулся?

Фабрикант приблизился к нему и теперь пристально рассматривал с расстояния вытянутой руки. Что он выискивал? Ведь явно же не любовался. Какая муха укусила этого ненормального с их последней встречи? Прошло-то всего несколько дней. Чейз старался быть последовательным и решать проблемы, придерживаясь плана, хотя бы по порядку их значимости. Сначала он приобрел «колокольчик» для Хавьера и заодно взял необходимую паузу, потом взялся за художника… И вот теперь Лань в его кабинете…

– Я думал, тебе понравится эта мысль, – лицо осталось спокойным точно у статуи, но в голосе послышался упрек, а серые глаза стали еще более колкими, как льдинки.

– Вы о чем вообще?! – Чейз не выдержал и снова повысил голос. – Лань, Вы в своем уме? Приходите сюда и несете околесицу!

– Разве? – уточнил тот, как будто Цзян должен был понимать, о чем он толкует. – Мне кажется, ты не вполне честен.

– Долбаный сфинкс! – лейтенант раздражённо потер переносицу: – Вы и мертвого доконаете. Через полтора часа я буду дома. А теперь выметайтесь!

Хавьер действительно сделал шаг к двери, поравнявшись с ним. Ненадолго замер, словно принюхиваясь. Расстояние между ними, и так небольшое, исчезло совсем. Чейзу показалось, что он вот-вот почувствует руки фабриканта в волосах и его губы на своих губах. Успел даже внутренне подготовиться к тому, как жадно и неуместно будет целоваться прямо перед едва прикрытой дверью.

– Через полтора часа, – повторил Хавьер, демонстративно щёлкнул крышечкой часов и, наконец, вышел.

– И что, блядь, это было?! – выплюнул Цзян в закрывшуюся дверь.

Он провернул в замке ключ и рухнул в кресло, еще теплое, потому что в нем сидел Лань. Сердце билось как ненормальное. Что он сказал? «Дома через полтора часа»? Полтора часа понадобятся только, чтобы прийти в себя после этого разговора, и то будет мало.

А еще можно было и думать забыть про перстень. Такого Ланя он точно не окольцует без боя и наручников. Воображение услужливо нарисовало Хавьера на коленях, принимающего подарок с дулом револьвера у виска. Знал бы, что что-то надвигается, устроил бы слежку за домом фабрикантов. Много бы это не дало, но сейчас даже ничтожные крупицы информации могли бы пролить свет на поведение любовника. Достать бы фляжку из нижнего ящика стола и сделать хороший глоток, но с некоторых пор Чейз решил завязать с виски. Добром это для него не кончилось.

Вместо этого он почесал за ухом Ангела, незаметно перебравшегося из-под стола к нему. Потом хорошенько взъерошил жесткую шерсть у того на шее и загривке. Пес игриво прихватил его руку зубами и получил предостерегающий щелчок по носу, совсем легкий. Конечно, он был бесконечно предан хозяину, но не стоило слишком его раззадоривать.

– И чем тебе приглянулся этот Лань? – спросил он Ангела, а тот ответил умным взглядом карих глаз. Пришлось сдаться. – Ну да, ты, пожалуй, прав… Вот только что мне с ним делать?

Ангел привстал, пытаясь влезть к нему на колени. Как всегда ничего не вышло – терьер был для этого крупноват. Впрочем, устроился он вполне уютно и даже не пытался на радостях обслюнявить Чейзу все лицо.

– А что думаешь об этом колченогом рисовальщике? – он криво ухмыльнулся. – Лань сильно обидится, если ты чуточку порвешь поганцу брюки на заднице?

Часть 31

Чейз почуял неладное, едва переступив порог собственной квартиры. Что-то не так. Какая-то неправильная тишина. И еще кто-то задернул все шторы. Миссис Флай поступала с точностью наоборот, приговаривая, что в Лондоне и так мало света, чтобы позволить себе роскошь не пускать его в дом.

– К ноге, – тихо приказал он, и Ангел привычно прислонился к нему теплым боком, не выказывая, впрочем, беспокойства.

Мужчина оставил упакованный мундир, освобождая руки, и шагнул вперед, держа наготове револьвер. Послышался негромкий щелчок - знакомый до боли, уже слышанный им сегодня. Так щелкает вовсе не взводимый курок, а крышка долбаных серебряных часов на цепочке.

– Ты опоздал, – раздался холодный и какой-то отстраненный голос.

– Лань, да как Вы сюда пролезли?! – взъерепенился Чейз, опуская оружие. – Я чуть Вас не пристрелил!

– Ты опоздал, – равнодушно повторил тот из темноты.

Судя по голосу, терпение Хавьера было на исходе. За окнами бушевала гроза, а в квартире царил мрак. Фабрикант явно тут похозяйничал, лишив Чейза света. Знать бы еще, зачем?

– И что, выебете меня за это? – напряжение спало, и ему отчего-то стало даже весело. – Ангел, место.

– Можешь не сомневаться, – прозвучало неожиданно близко.

Полицейский сделал несколько шагов в темноту, запнулся о порог, чертыхнулся. Зато отсутствие света ничуть не мешало гостю, который придержал его за плечо. Кажется, он рано расслабился – хватка у Ланя была железная, о чем Чейз благополучно успел забыть. В собственном доме он уже во второй раз почувствовал себя в ловушке.

– Ты оставил наручники на работе, – с легким сожалением произнес Лань. – Ну, ничего, обойдёмся и так.

Детектив на несколько секунд утратил дар речи. Потом выругался, почти восхищенный таким предложением. Хотя ведь это он сам ляпнул, что хотел бы надеть их на любовника, так, чтобы руки были сцеплены за спиной, пока тот будет скакать на его члене… Реакция на брань последовала незамедлительно. Фабрикант грубовато дернул за отвороты промокшего пальто, заставляя сбросить тяжелую от влаги одежду на пол, оттеснил к торцу шкафа. Лань рванул его ремень, расстегивая пряжку, и одним движением вытянул из шлевок, звучно щелкнув им в воздухе, прежде чем небрежно откинуть на постель.

Чейз устал ждать, когда его наконец, поцелуют, и сделал это первым. Чужие губы отдавали бурбоном, но самую малость, как будто Хавьер пригубил немного напитка, пока ожидал в одиночестве в пустой квартире, куда неведомо как просочился. Детективу стало стыдно за пойло, которое имелось у него на кухне. Такой напиток можно скрепя сердце добавить в кофе или соус, да и только, но предлагать его гостю? Тем более такому, как Хавьер…

Лань о такой ерунде не думал и отвечал охотно… Нет, боже всемогущий, как он целовался! В какой-то момент Чейзу почудилось, что он сумел-таки перехватить инициативу и взять все в свои руки, однако фабрикант не собирался так просто покоряться. Он снова проявил настойчивость, запустил руку в ворот рубашки, быстро избавившись от нее. Прижался теснее, невозможно бережно касаясь бока. Подушечки пальцев ощупали продолговатый шрам, убеждаясь, что рана полностью зарубцевалась и больше не досаждает.

Шелковый платок со змеиным шорохом скользнул в руки, стоило дернуть. Восстанавливая справедливость, он заставил Ланя сбросить пиджак, а вот жилет тот снять не позволил. Отступил на шаг, хлестнул взглядом.

– На кровать, – последовал короткий приказ. Чейз с Ангелом так не разговаривал!

Детектив повиновался и лишь потом вспомнил, что больше не собирался идти у Ланя на поводу. Никогда. Однако сейчас его уверенность дала трещину. Лань вел себя странно. Даже немного пугающе. И снова это выражение. Если раньше оно было просто голодным, то сейчас откровенно хищным. Казалось, ещё немного и фабрикант оскалится. А уже в следующий миг тот просто свалил полицейского на матрас лицом вниз. После недолгой борьбы Хавьер оказался сверху, придавил всем весом, прижал, не давая вывернуться.

Сквозь пелену возбуждения до Чейза дошло наконец, что Лань спрашивал про наручники совсем не в том смысле, в каком он представил, но было уже поздно. Хавьер ловко завел его руку за голову, затянув кожаную петлю вокруг запястья. Не помня себя от возмущения, Чейз ударил затейника коленом. Какие-то секунды, чтобы перекинуть конец через спинку кровати и второе запястье ощутимо стянули, лишая возможности хоть как-то сопротивляться.

– Вы совсем зарвались! – рявкнул он.

– Ты слишком напряжен, – Лань удобно уселся сверху и поправил его челку. – Все время норовишь вырваться.

– Вы, – он проглотил ругательство, – меня связали!

– Конечно, – подтвердил мужчина так, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

– Лань, я не знаю, что Вы задумали, но, клянусь… – лейтенант не знал, что именно он пообещает обнаглевшему в край фабриканту.

Окончание фразы так и повисло в воздухе, когда тот издал негромкий звук, призывая к тишине и как будто успокаивая. Чейз закрыл рот, однако брыкаться не прекратил. Еще чего! Пусть сперва руки освободит, и тогда – может быть! – лейтенант закроет на эту выходку глаза.

– Я не сделаю ничего, что бы тебе не понравилось, – Лань склонился так, что тот почувствовал ветерок дыхания на коже. Прикоснулся губами к тому месту, где отчаянно колотилось сердце. – Для начала тебе не помешает выпить.

– Я не… – Чейз замолчал, ошарашенно глядя на поднесенную бутылку, которой еще мгновенье назад не было. Стиснул зубы, мотнул головой, пытаясь высвободить руки из кожаной петли.

Однако уже в следующий миг он и думать забыл о сопротивлении. Видеть Хавьера, отпивающего спиртное прямо из горлышка, было дико. Цзян не нуждался в наглядной демонстрации, подтверждающей, что напиток не отравлен! Лань между тем отхлебнул ещё немного, наклонился, прижимая запястья крепче, другой рукой обхватил затылок, заставляя приподнять голову. Лейтенант возмущённо замычал, захлебываясь огненной жидкостью и чужим языком, скользнувшим чуть ли не до самого горла. Так, по крайней мере, показалось, пока он не смог сглотнуть.

Лань удовлетворенно облизнулся, по-прежнему сидя на нем верхом. Это был определенно не тот бурбон, что Чейз держал в шкафчике. Яркий сладковатый вкус, который не сразу разберешь из-за крепости напитка, сменился мягким древесным послевкусием. По всему телу после промозглой погоды и луж по колено разлилась приятная теплота.

– Хорошо, – чуть заметно улыбнулся Лань, как будто почувствовал то же самое. Он легко погладил по щеке, провел по волосам гораздо бережнее, чем только что. – К этому надо привыкнуть, не сразу, но ты обязательно поймешь.

– Вы – долбаный паук, Лань, – зарычал Цзян, не понимая, почему тот не может выражаться яснее. – Опять загадки?!

– Ты сегодня будешь послушным? – проигнорировал его вопрос фабрикант и со стуком отставил бутылку на прикроватный столик. – Чтобы мне не пришлось искать кляп.

– Сука, – с чувством выругался Чейз – Даже не думайте!

Не успел он предостеречь Ланя, как тот снова поцеловал его. Напористо и долго. Во второй раз Чейз ругнулся только, чтобы заставить его возобновить поцелуй. И точно – добиться от Хавьера желаемого результата оказалось совсем легко. Значит, ему не показалось…

– Зажгите лампу, – он попросил, памятуя о совете, полученном от Ланя, и хоть это было преувеличением, добавил: – Я ни хрена не вижу.

– Тебе и не нужно, закрой глаза, – последовал ответ. Чейз упрямо не отводил взгляд от любовника, пытаясь разгадать, что он задумал. Лань коснулся его губ - на этот раз кончиками пальцев, а не губами, и повторил с мягким нажимом. – Закрой. Ты обещал слушаться.

Лейтенант скрипнул зубами, зная, что стоит замешкаться и эти нотки сменятся металлом. Похоже, особого выбора у него не было, впрочем, ничего страшного не произошло. Просто с закрытыми глазами все ощущалось немного иначе, ярче, что ли. Вес Ланя, вольготно расположившегося у него на бедрах, неудобство от жестких ременных петель, прикосновения. Он повернул ладони и сжал путы, чтобы не впивались в запястья, и убедился: если не рваться, в том, чтобы быть связанным, пусть даже собственным ремнем, нет ничего особенного.

– Ты все ещё напряжён, – отметил Лань и положил ладони на грудь Чейза, погладил. – Здесь нет никого, кроме нас. Просто предоставь все мне.

От дразнящего шёпота мужчина вздрогнул. Этот человек был невозможен. И откуда у него взялась такая непробиваемая уверенность, как будто он и правда способен держать все под контролем. Касания рук были плавными, умелыми и на первый взгляд лишенными сексуального подтекста. Он слегка нажимал, мял, трогал… исследовал. Ну да, его изучали, как какой-то любопытный образец, с той только разницей, что свет не горел. Расслабиться в такой обстановке не получалось, но и сказать, что ему не нравится, Чейз, пожалуй, не смог бы.

Благодаря этому детектив и правда начал ощущать ставшее уже привычным напряжение, Лань как будто указывал на мускулы, где оно скопилось, и его прикосновения каким-то образом помогали. Приносили облегчение, как раньше унимали боль.

– Все это нужно с тебя снять, – Лань покинул насиженное место. Стало немного зябко.

Теперь Чейз внимательно прислушивался к каждому его движению. Едва слышное дыхание раздавалось совсем рядом. Мужчина снова принялся за его одежду, решив оставить его полностью обнаженным, и все так же не спешил разоблачаться сам. Теплые сильные пальцы легко разделались с пуговицами и потянули штаны с бедер. Обманчиво-ласково скользнули по обнажавшейся коже вверх, чтобы убедиться – его прикосновения желанны.

Расслабиться… как он вообще мог расслабиться в тот момент, когда его ласкал этот невозможный мужчина? Отдаться. Позволить. Разрешить Хавьеру творить с его телом все, что только заблагорассудится. Лань требовал от него слишком много. Подчиниться для него значит потерять себя. Он еле удержался, чтобы не мотнуть головой, вытряхивая из нее неожиданные мысли.

«Если я скажу, – хотел бы произнести он, – Вы остановитесь?» Однако не проронил ни звука. Нужно идти до конца, иначе и смысла не было начинать все это и заходить так далеко. Что бы сказал Санни? Это будет достаточно близкое знакомство? И все-таки сомнения не отпускали. Он даже вообразить не мог, что будет, если он позволит. Только сейчас, в конце концов, это – всего лишь тело.

Иногда Чейзу начинало казаться, что близнецов намного больше, чем двое. В одном Хавьере жило сразу несколько Ланей, и с закрытыми глазами было не понять, который из них сейчас доставляет ему наслаждение. Но вряд ли фабрикант собирается навредить…

Часть 32

– Льет как из ведра! – восхитился художник, когда за окном выросла сплошная стена дождя. – Как же хорошо, что погода все эти дни мне благоволила! Знаете, я ведь сперва хотел работать при искусственном свете, но потом влюбился в утреннее солнце и решил немного поиграть с освещением, – похвастался Вэйд, пощекотав ладонь Честера. Тот поспешил освободить руку. – И Вы ведь не возражаете, что я вручил Вам книгу? У Вас замечательная коллекция!

Через нарисованное окно Инн впустил на картину тепло с улицы, что придало светлым деревянным панелям на стенах янтарный оттенок. Лампа помогла создать акцент на фигуре Честера, чтобы все внимание не досталось Саймону.

– Вы выбрали мой любимый сборник стихов, – заметил Лань, явно тронутый этим фактом. – Я узнал его по латунному уголку. Обложка уже такая ветхая, что пришлось ее чинить.

– По нему видно, что его часто перечитывали, – Вэйд попробовал чай. – Я утащил его на одну ночь и, кажется, теперь понимаю, почему Вам так нравится слушать о моих поездках. А раз так, почему бы Вам в следующий раз не составить мне компанию? Если, конечно, Вас не смущает, что я не имею понятия, когда и куда в следующий раз решу отправиться.

Комната Честера могла много рассказать о владельце внимательному наблюдателю и не только о том, что тот мечтал повидать дальние края. Пришлось кропотливо поработать с мелкими деталями, чтобы передать обстановку. Корешки книг, орнамент на графине для воды, наметить фигуры на фотографиях. Художник не забыл и про милые безделицы, может быть, не дорогие, но памятные. Миниатюрного кролика из белоснежного фарфора пришлось пересадить поближе и немного повернуть к свету кусок руды необычной формы, служивший подсвечником.

– А еще мне очень понравились Ваши снимки! Общее фото с родными на фоне Вашего дома такое трогательное! Ваша матушка вся сияет, а Вы с Хавьером похожи на отца с дядей… и кто только позирует с таким серьезным лицом?! – он всплеснул руками, пытаясь вообразить, каково работать с таким неподатливым натурщиком. – Сколько Вам было лет, когда сделали то фото? Двенадцать?

– Мгм, – подтвердил Честер. – Мама делает такие снимки каждый год в свой день рождения с тех пор, как познакомилась с будущим мужем, у нее уже целый альбом.

– Значит, в первый раз он предложил сделать общее фото? – догадался Вэйд и получил утвердительный кивок. – Наверняка он очень хотел получить фото прелестной девушки и, конечно, не остановился на достигнутом. А почему Вы выбрали именно этот снимок?

– У мамы немного другое фото, – фабрикант слегка смутился. – На нем дядю Хьюго благословила птица.

Вэйд прыснул. Как бы ни старался Честер обелить недостойный птичий поступок, он живо вспомнил чопорного мужчину с фотографии. Богатое воображение дорисовало негодование, даже праведный гнев, вызванный подарком свыше. И это запечатлели на фото, увековечив пятно на безупречной репутации дядюшки Ланя, да еще сделали достоянием общественности. Навряд ли альбом пылился без дела на дальней полке, такие вещи, как правило, оказываются в центре внимания, особенно когда семья собирается вместе.

– Ваша матушка не только прекрасна, но и остроумна, – искренне восхитился он. – Не сочтите меня навязчивым, но теперь мне еще больше хочется однажды познакомиться с Вашими родителями, Честер!

– Я мог бы пригласить Вас посетить нашу ферму, – подумав, решил Лань и его глаза блеснули, отражая вспышку за окном.

Вэйд украдкой подвинул свечу немного вправо, чтобы трепещущий огонек заиграл на золотисто-карих радужках. Впечатление было просто магическим! Честер веско добавил: «Но при одном условии».

Мистеру Инну стало ужасно любопытно, что же может попросить взамен фабрикант. Он перебрал в голове множество вариантов, начиная с очевидного: не рисовать без спросу все подряд. Может быть, повременить с визитом до тех пор, пока чудовище, разгуливающее по Лондону, не будет поймано и посажено под замок? Или же не рваться поскорее увидеть тот восхитительный снимок с птичьей неожиданностью?

– Поездка за город не считается, – в этот момент у Ланя было просто уморительно серьезное лицо, как будто они обсуждали вопросы жизни и смерти. – Она не идет в счет нашего уговора.

Художник не сразу понял, что имеет в виду Лань, а потом… Кажется еще больше очаровался им. Он снова испытывал неловкость и даже впал в краску, что делало его просто неотразимым. Оказалось, Честер волновался, что Вэйд решит пересмотреть планы на совместную поездку, даже не подозревая о том, что Инн, не задумываясь, согласился бы отправиться с ним в кругосветное путешествие и обогнуть земной шар не один, а несколько раз!

– Само собой, Честер, это будет только репетицией перед настоящим приключением, – он успокаивающе накрыл ладонь фабриканта своей, мысленно давая ему обещание, которое будет очень приятно выполнить. – А Саймон? Мы ведь возьмем его с собой? Он быстро обживается на новых местах и здорово ладит со всеми. Да что я Вам рассказываю, в самом деле?

Он решил, что предоставит Ланю задать им цель, но отчего-то даже не сомневался, что выбор его падет на замок с картины в спальне – слишком уж трепетно Честер относился к этому пейзажу. Вэйд был бы не прочь полюбоваться теми местами зимой – в морозной дымке, среди снега и льда. Саймон будет потешно прыгать в пушистые сугробы, приходить погреться у камина весь запорошенный и с белыми штанами и уморительно выкусывать подушечки.

Однако не успел он выговорить все это вслух, как Честер слегка повернул ладонь и сжал его руку в ответ. Это было совсем не похоже на привычное рукопожатие, закрепляющее сделку. Обычно художника было очень сложно вогнать в краску, а теперь он притих, сидя напротив своего благодетеля, и они просто держались за руки.
***
Завтрак немного затянулся из-за дождя. Они с Вэйдом выпили еще по чашке чая, делая вид, будто ничего не произошло, а потом вышли на вымытую улицу, сверкающую и переливающуюся на выглянувшем солнце. Лимонно-желтые блики играли на брусчатке в лужах, на крышах и стеклах, всюду, куда только могли дотянуться. Честер сам не понял, когда стал замечать такие вещи, просто ему хотелось однажды увидеть мир таким, каким видел его художник. Благодаря его картинам у Честера было много подсказок.

– Я обожаю Лондон! – воскликнул Вэйд, ненадолго закрыв глаза не то от яркого света, не то, прислушиваясь к монотонному шуму города и веселому журчанию воды.

В воздухе пахло чистотой и грозовой свежестью, но совсем не так сногсшибательно, как это бывает после грозы за городом – на ферме или в ее окрестностях, далеко от оживленных улиц, когда объезжаешь владения на лошади, чтобы проверить, все ли в порядке и нет ли где поваленных или поврежденных молниями деревьев.

– Посмотрите, Честер! Нет-нет, на небо! – забыв о всяких приличиях, Вэйд уже указывал куда-то вдоль улицы. – Ливень-то не кончился! Представляете, как их там поливает?

Улица стрелой уходила на запад, туда же, куда потянуло густые чернильные тучи. К удивлению Честера, можно было разглядеть столбы воды, изливающейся на головы горожан и ручьями устремляющейся по брусчатке в сторону реки. По улице, превратившейся в приток Темзы, промчался небольшой кораблик из подмокшей газеты и юркнул под копыта то и дело отряхивающейся серой в яблоках кобылы. Она встревоженно дернула ушами, когда из переулка выскочила троица ребятишек, поотставших от своего суденышка.

Бережно придерживая хромающего на каждом шагу Вэйда, Лань вспомнил, что мама тоже умела складывать такие. Когда близнецы были маленькими, несмотря на ворчание дяди Хьюго, требующего немедленно прекратить мокнуть под дождем и заниматься ерундой, она все равно подвязывала юбку и отправляла в плаванье иногда целую флотилию, на ходу придумывая, куда какой кораблик отправится и с какой миссией. Все это один к одному повторилось и с Майклом…

– Эй, ребятки! – позвал вдруг художник, махнув рукой как раз, когда мальчишки подбежали к ним. – Идите-ка сюда, дядюшка Вэйд научит вас складывать самые лучшие кораблики во всем королевстве! Честер, Вы ведь окажете нам честь и спустите судно на воду?

На него выжидающе уставилось четыре пары глаз, так что пришлось ответственно отнестись к этой миссии. Честер не знал, что в таких случаях следует сказать и просто кивнул: «Мгм». Кто-то из мальчишек уже подставил спину, чтобы Вэйду было удобно складывать бумагу, которую протянул ему другой. Это было удивительно! В считанные секунды художник нашел с сорванцами общий язык, потому что раньше был таким же, только от него уплывали не листочки из вчерашней отцовской газеты, а неудачные наброски и этюды.

Мужчина выглядел так, будто каждый день только и занимается тем, что складывает кораблики с одним парусом и парой хвостиков, задорно торчащих кверху, как крылышки. Честер даже немного растерялся, когда в считанные секунды все было готово, и Вэйд бережно передал ему в руки свое творение.

– Как вы назовете наш фрегат? – спросил он, не подозревая, что Честер может думать только о тепле его пальцев, мимолетно коснувшихся руки. – Ну что, ребятки, готовы бежать со всех ног? Он очень быстроходный, вот увидите!

– Санта-Анна, – предложил Честер, не вполне уверенный в своем выборе.

– В честь Анны Чаттер, просто замечательно! Скорее, отправим ее в дальние страны, пока поток не ослаб! – подхватил мистер Инн, которому явно нравилось ребячиться. – Хотите, сделаем это вместе?

Лань не мог себе представить, как они выглядят со стороны, стоя у края ручья, текущего вниз по улице. Вэйд со счастливой улыбкой поглядывал то на кораблик в его руках, то на самого Ланя, до невозможности довольный своей затеей. Честер подстраховал его и присел рядом, а потом… они действительно вместе бережно опустили суденышко на воду. Течение мигом подхватило его, Санта Анна подпрыгнула на меленьких волнах и стрелой полетела вниз по улице. Честер улыбнулся уголком губ, глядя, как газетный листок удаляется в ослепительном солнечном блеске. Рука легла на плечо. Художник выпрямился, но ладонь не убрал, даже когда поднялся и фабрикант.

– Как припустили! – Вэйд проводил маленьких приятелей взглядом и снова обратился к Ланю. – Похоже, они в полном восторге! А Вам, Честер, понравилась наша маленькая торжественная церемония?

– Спасибо Вам, Вэйд, – сказал тот вместо ответа. – Это было трогательно. Я сразу столько всего вспомнил…
***
Вторгаться в квартиру полицейского без его ведома было довольно опасной затеей, однако Хавьер понял, что поступает опрометчиво, когда дверь уже поддалась. Чейз не заморачивался безопасностью собственного жилища, потому что «Какой утырок рискнет вломиться к полицейскому?» Стоило ли предупредить его, что Лань не только относительно легко отжал дверь без каких-либо инструментов, но и вернул ее в прежнее состояние изнутри?

Конечно, можно было найти библиотеку поблизости и поинтересоваться военными действиями в Афганистане в последние годы, но он едва ли смог бы сосредоточиться. Кроме того, нужно было еще обдумать наказание, которое понесет Чейз, и много чего другого.

Цзян не возвращался домой непозволительно долго. Лань многое успел сделать, и успокоиться. Еще час назад он думал о том, чтобы задать детективу хорошую трепку. Что ему ещё остаётся, если Чейз не понимает, не хочет понимать, что принадлежит Хавьеру?

К своему удивлению, на момент, когда в замке, наконец, провернулся ключ, Лань даже начал оправдывать детектива. С чего он взял, что тот был с какой-то претенденткой в жены или с любовницей? Во время их разговора в участке Чейз держался так, будто действительно не понимал, чем заслужил обвинения.

И вот дверь спальни предусмотрительно закрыта, Ангел немного поскребся к ним, но быстро утешился угощением, которое оставил для него на кухне Хавьер. Такая предосторожность казалась не лишней, потому что Лань полагал: первый раз не будет безболезненным. Не приходилось сомневаться: в случае чего, пес кинется спасать хозяина.

Наконец Чейз оказался полностью во власти Хавьера, но выглядел по-прежнему скорее удивленно, нежели испуганно. Лейтенант Цзян никого и ничего не боялся, в отличие от Хавьера. И наверно, просто не верил, что любовник может обойтись с ним грубо. Как когда-то и сам Лань не подозревал, какую бурю пробудил и с чем может столкнуться.

Чтобы привести себя в чувство, он укусил внутреннюю сторону бедра – по-настоящему, почти прокусывая кожу. Хавьер готов был отвечать за свои поступки. И за свою неспособность сдержать порывы.

– Вы что, собака? – зашипел Чейз, только что чувствительно врезавший озверевшему любовнику коленом.

– Хуже, – парировал тот, проведя языком по болезненному месту укуса.

Чейз дёрнулся. Знал бы он, за какие желания и поступки Хавьер считал себя гораздо хуже собаки… Лань поднялся чуть выше, снова оставляя отметину, чтобы лейтенант выругался снова. А последствия будут завтра. Безумно хотелось наконец сделать

Чейза своим, окончательно, так, чтобы тот в конце концов почувствовал это... Вот только если Хавьер сейчас ошибётся, позволит себе неверный шаг, пойдет на поводу своего нетерпения, Цзян никогда его не примет.

– Лань, – слетело с губ мужчины вместо очередного крепкого словца. Но так даже было лучше.

– …уже слишком поздно, для нас обоих, – добавил Хавьер, даже пожалев на миг, что не озаботился кляпом – меньше искушения.

Теперь он ясно понимал, что будет делать, и откуда только взялось это чувство? Придется проявить максимум выдержки. К счастью, не ему одному – многое также будет зависеть от Чейза.

Часть 33

Стоило догадаться о намерениях Ланя, еще когда тот свалил его на кровать, на худой конец - когда начал вязать. Тогда был еще шанс вырваться и больше не участвовать в этом. Но вместо этого Чейз поддался желанию. Бурбон ударил в голову – они оба выпили еще… А может, это вина Хавьера, который целовал его, как в последний раз в жизни, кусал, оставлял болезненные следы, подолгу горящие на коже, в самых чувствительных местах, а после зализывал их.

Особое внимание он уделил следу от собственных зубов рядом с соском. Чейз дергался всякий раз, когда язык проходился по месту укуса, напрягался, даже когда его касалось лишь дыхание, однако Ланю этого было мало. Он обвел подушечкой пальца сосок, тут же затвердевший от прикосновения.

– Не смотри, – предупредил он, заметив реакцию Чейза. – Я сказал держать глаза закрытыми.

Лейтенант не произнес ни слова, потому что был просто не в состоянии это сделать. От того, что делал с ним Лань, он задыхался. Сначала Хавьер изучал его пальцами и губами, а потом пустил в ход зубы. Чейз напрягся, дернулся и охнул, пытаясь оттолкнуть любовника. Только тогда тот разжал зубы и сразу же прошелся языком, раздражая ноющую плоть еще больше.

Какого черта это место вдруг стало таким чувствительным? Ощущения были непонятными, Чейз упрямо кусал губы, сдерживая себя в надежде, что, не добившись реакции, Лань отступится. Однако пытка продолжалась, пока он не начал привыкать к тому, как причудливо боль может смешиваться с удовольствием.

Тогда Лань продолжил изучать его грудь и живот, спускаясь ниже… до тех пор, когда горячее дыхание коснулось болезненно напряженного члена, на который тоже покусился, сжав зубами примерно посередине… и это было только хорошо. Мысль подглядеть, как он выглядел в этот момент, пришла с запозданием.

– Это безумие, – простонал Чейз и выругался, когда Лань легко поцеловал головку, обхватывая ствол сразу за ней. Выдержка лопнула моментально.

Он думал, что знает, чего ожидать, однако ошибся. Хавьер ласкал его самозабвенно, забывая дышать. Так, что не оставалось сомнений: ему самому нравится то, что он делает. Цзян застонал, когда тот перестал помогать себе рукой и переместил ее ниже, ощутимо помяв яйца, перекатив в ладони, будто взвешивал. Что он творит! Каждое прикосновение пробирало до дрожи и вело прямиком к разрядке, которая маячила совсем рядом, но в недосягаемости.

Чейз едва не взвыл, когда понял, что делают пальцы любовника. Тот мастерски отвлекал его, и теперь Цзян с ужасом ощутил странное давление, только усилившее удовольствие. Все-таки Хавьер был просто охеренно хорош в постели. Настолько, что Чейзу, несмотря на всю дикость ситуации, хотелось попросить еще.

– Я Вас пристрелю, Лань, – зарычал он, проверяя на прочность собственный ремень. Поверх стиснутого кулака легла ладонь. Не ласково – властно.

Лейтенант прожег любовника взглядом, однако Лань не спешил отказываться от этой затеи, и Чейз отчасти понимал, почему. Еще недавно он смирился с неизбежным, он сам подчинился Ланю, что оказалось не так уж и страшно. Хавьер не стремился переделать его под себя, в отличие от тех женщин, с которыми когда-либо был полисмен. Они не сошли прямиком в Ад, более того, Цзян остался самим собой. Ему даже не было больно.

– Я говорил, к этому надо привыкнуть, – повторил Хавьер и чуть прижался к Чейзу, обозначая свои намерения.

Молить о пощаде не позволила гордость. Даже когда Чейз почувствовал, как Лань прикасается, ощупывает его изнутри, будто что-то ищет. Хавьер на время оставил его член без внимания, но желание не ослабевало. Чейз снова вздрогнул всем телом, что не укрылось от внимательного взгляда Ланя. Он так и будет смотреть? Словно опыт ставит!

Непрошенное, непривычное удовольствие свалилось на него как гром среди ясного неба. Гром, впрочем, тоже был – позабытая непогода напомнила о себе вспышкой за занавешенным окном и оглушительным раскатом – прямо над их головами. Чейза пробрал озноб. Он не мог объяснить то, как влияют на него действия Ланя, а тот просто не давал опомниться.

Чейз не мог пошевелиться, бессильно цепляясь за изголовье кровати, к которому были привязаны руки. Он не успевал даже вздохнуть. Мог бы, наверное, попробовать врезать любовнику пяткой, попытаться вырвать руки из ременных петель, нещадно содрав кожу, да только к чему все это?

Ему действительно нравилось испытывать на себе страсть Хавьера. Этот человек оказывал поистине гипнотическое влияние на окружающих, но черта с два он бы добился реакции от Чейза, если бы тот на самом деле по-настоящему не хотел его, как никого другого. Желание перебивало все, даже чувство опасности, заглушало голос рассудка, когда Хавьер снова переместился, следя, чтобы им обоим было удобно.

А потом… Чейз мотнул головой и с силой стиснул бока любовника коленями. Он бы многое отдал, чтобы сейчас было по-настоящему больно. Уж боль-то он смог бы стерпеть, не впервой. К чему он не был готов, так это к тому, что может быть настолько хорошо. Первым порывом было остановить Ланя, потому что это неправильно, это слишком для него, все это слишком. Он не просил влезать в его жизнь, в его голову… в него.

Лань заставлял его сомневаться в себе и своем решении не заводить больше отношений как таковых, и не важно, с кем. Если он, правда, ничего этого не хотел, то не хотел бы и того, что происходило сейчас. Хавьер остановился, не пошевелился, даже когда Чейз выругался, не находя подходящих слов, только в глазах мелькнул опасный огонек, а может, то была игра тусклого света. На секунду Чейзу почудилось, что тот хочет его убить, а не выебать, но только на секунду.

Фабрикант поймал его взгляд, и глаз не отводил. Он больше не злился? Чейз даже не удосужился узнать причину… От этого зрительного контакта бросило в жар, или от того, что Лань ни на секунду не прекращал ласкать его член. Движения ладони были размеренными и тягуче-неспешными, не будь Цзян привязан, ему бы не хватило на подобные игры терпения. С Ланем даже удовольствие ощущалось как-то не так.

Слишком много и в то же время недостаточно. Свободная рука Хавьера легла на бедро, огладила, призывая расслабиться, доверить все ему. Уступить, позволить нести ответственность за них обоих и будь что будет. Чейз прикрыл глаза в безмолвном согласии. Хавьер тут же отреагировал, плавно качнувшись вперёд, невозможно глубоко, и снова замер, шумно выдохнул. Кажется, эта невозможная близость не только у Чейза вызывала неконтролируемую дрожь.

– Лань, – позвал, собираясь спросить: неужели весь этот театр из-за того, что они не виделись неделю, однако рот пришлось

быстро закрыть, слишком это было похоже на стон.

– Ты мой, Чейз, – фабрикант говорил горячо, с придыханием, хотелось взглянуть на его лицо в этот момент, но тот – вот ведь абсурд! – требовал все время держать глаза закрытыми.

Сколько раз он уже это повторял? И вот добился своего. Не просто сделал Чейза своим, а заставил этим наслаждаться. Цзян до боли закусил губу, пока не почувствовал привкус крови, но это не помогло освободиться от противоестественного, выворачивающего наизнанку удовольствия, которое теперь накатывало с каждым движением любовника в нем.

– Открой глаза, – все так же с придыханием, но уже тверже приказал Хавьер.

– Что, блядь, Вы со мной сделали? – успел спросить Чейз, прежде чем Лань подался вперед, подхватив его под колено и складывая так, как нормальные люди не гнутся.

А потом неистово, до перехваченного дыхания и каши в голове, целуя, трахая языком, кусая, слизывая кровь, снова и снова. Двигаясь все быстрее, вминая детектива в постель. Чейз крепче ухватился за изголовье кровати, пытаясь противостоять напору. Если бы только были свободны руки!

Чейз не помнил себя, не заметил, в какой момент что-то треснуло и петля сорвалась с того места, за которое была зацеплена – все начисто смело удовольствием. Последним усилием он поднял невозможно тяжелые одеревеневшие руки, по-прежнему связанные вместе, и обнял Хавьера, пытаясь понять, на каком свете они оба находятся.

Дождь за окном уже закончился и в комнате, кажется, даже немного посветлело. Неудержимо клонило в сон, но не потому что любовник вытянул из него силы и все тело ломило, а потому что сам Хавьер был сейчас таким успокаивающе расслабленным, уютным. Совсем не таким, как когда поджидал его здесь, точно затаившийся в темноте хищник.

– Лань, – в который уже раз позвал Цзян и услышал невнятный ответный звук.

Он слегка пошевелился, перенес часть веса и позволил Чейзу опустить ноги. Тот поморщился, когда член Хавьера выскользнул из его тела – саднило, было мокро, но почти что не стыдно, а руки до самых плеч противно покалывало. Вес любовника и его выровнявшееся дыхание убаюкивали, только засыпать не хотелось – вдруг тогда Лань уйдет и не даст побыть с ним еще немного.

Когда сегодня в кабинете тот заговорил о борделе, Цзян был слишком потрясен, чтобы анализировать, а теперь, наконец, связал два и два и догадался, какая муха укусила Хавьера.

– В том ресторане, – тихо проговорил Цзян, касаясь чужих волос, заплетенных в косу, какую носили девочки в воскресной школе. – Это правда была шлюха.

В комнате моментально словно похолодало.

– Да не моя! – застонал Чейз, крепче обнимая любовника, вмиг растерявшего всю расслабленность и негу. – Вашего гребаного художника.

– Ничего не хочу знать, – отчеканил фабрикант, порываясь подняться. Они встретились глазами, и это снова был не тот Лань, что минуту назад. Чейз с сожалением понял, что снова испортил все своими руками.

Особа, с которой он имел несчастье вести беседу, оделась поскромнее и даже сошла за приличную, потому как он приказал ей помалкивать. Она оказалась глуповата и все ходила вокруг да около, стараясь запихнуть в себя побольше сладкого за чужой счет. Полицейский терпел, даже когда та строила глазки и норовила его потрогать.

Проще, конечно, было снять ее в борделе или зажать в каком-нибудь грязном углу в квартале красных фонарей, однако ему это претило. Да, он недавно переспал с первым встречным, но шлюхи… Ему было мерзко от одной мысли, скольких мужчин они обслуживали каждую ночь… или за всю жизнь.

– Ты ходил на обед с путаной, – Лань с силой потянул за чёлку, заставляя болезненно шипеть и укусил в шею. Какое-то время придется кутаться, даже в теплых помещениях, но Цзян это заслужил.

– Так по делу же! Вы совсем озверели, Лань? – возмутился лейтенант, когда за первым укусом последовал еще один, не менее болезненный. – Информатор!

– Проститутка, – беспощадно подчеркнул Хавьер.

– Да нахер! - он сунул связанные руки под нос фабриканту. – Развяжите меня!

Лань сжал запястье, вынуждая морщиться от саднящего жжения на содранной коже.

Часть 34

– С этим Вэйдом что-то нечисто, – Чейз сердито грохотал дверками, стараясь не вспоминать, что было между ними еще с четверть часа тому назад. – Он называется другими именами и делает странные вещи.

– Это тебе проститутка рассказала? – уколол Хавьер, удобно устроившийся за столом… нет, лучше не вспоминать, особенно то, что в итоге понравилось…

Фабрикант выглядел как всегда идеально. Он снова оделся, не став накидывать пиджак и небрежно закатав рукава. Чейз не скоро сможет позволить себе такую роскошь, даже с учетом того, что использовал остатки мази, чтобы обработать ссадины на запястьях – Чейза не покидало чувство, что руки все еще связаны. Цзян раздраженно откинул челку с лица – нужно было срочно сходить к цирюльнику, а то он уже с завистью смотрит на Ланя. Волосы у того были послушными, стоило мужчине распустить косу, как они тут же улеглись легкими волнами.

– Представьте себе, – прорычал Цзян и турка в его руках жалобно брякнула. – Этот извращенец, она сказала, он заплатил ей и только смотрел…

– Чейз, – Лань мягко остановил его и взял за руку. – Чейз, ты правда хочешь сейчас обсуждать, с кем и что делал мистер Инн?

– А почему нет? Вы знаете, с кем он путался? С Циклопом! – Чейз не стал признавать, что личная жизнь других его действительно не касается, и благоразумно оставил шлюху в покое. И без нее задница горела. – Или, по-Вашему, порядочные люди каждый день наведываются к этому обормоту на чай?

– К одноглазому мифическому великану? – переспросил Лань, как будто не читал газеты…

На секунду Чейз даже вообразил что-то в духе Джона Флаксмана. Непомерных размеров мужчина с обезображенной физиономией сидит на земле, протягивая руки к художнику, вручающему ему костыль. Что за бред? Видно, в голове еще не совсем прояснилось…

– Что Вы мелете, Лань? – он постучал пальцем по макушке любовника, который как раз склонился, еще больше распахнув незастегнутый ворот, чтобы полюбоваться на следы своих зубов. – Циклоп! Главарь сраной банды. И организатор тех увеселений, благодаря которым…

Лань почувствовал, что он хочет выругаться до того, как ругательство сорвалось с языка. Или поцеловал, чтобы избежать неловкости? Хрен его разберет, однако Чейз рад был не поднимать эту тему. Губы тоже немного саднило, но детективу доставило неимоверное удовольствие прижать фабриканта к шкафчику, отвоевывая инициативу. Тот охотно поддался, отклонился назад, мягко запустил пальцы в волосы… К кофе детектив вернулся лишь через несколько минут.

На сей раз он выбрал мускат и молотый имбирь, аромат которых раскрылся даже раньше кофейного зерна. Яркий, пряный, согревающий. В самый раз в такую сырость! К тому же поплывший по кухне аромат вызвал у Ланя улыбку, и злиться на него за безобразную сцену ревности и украденный Ангелом шницель совершенно расхотелось.
***
Хавьер поцеловал Чейза, потому что тот выглядел слишком соблазнительно, когда варил кофе. И еще потому, что ему нужно было время – подумать. Лань видел наброски Вэйда с боев. По словам Чейза выходило, что художник не только был там в качестве зрителя в первых рядах, но и знал того, кто заправляет ставками. Но вот связывали ли их деловые отношения?

Обычно Хавьер доверял словам Санфорда, тот был осторожен и не поддерживал сомнительные знакомства, по крайней мере, так явно. Он улыбнулся, представив, как тот уверяет: «Не знаю я, правда, не знаю никакого Вэйда Инна, боже упаси!» Однако оставался вопрос: мог ли он действительно не знать о том, что художник замешан в чем-то незаконном?

– Чейз, я понимаю, для тебя это подозрительно, – словно и не было такой своеобразной паузы в разговоре, заговорил Лань, наблюдая за священнодействием с туркой, – но поверь: я наводил справки, мистер Инн чист перед законом. И его отношения с моим братом никак не повлияют на тебя.

– Отношения! – он буквально взорвался, услышав это слово. – Да какие, нахер, между ними могут быть отношения!

Лань нахмурился. Если Цзян так отзывается о возможности связи между Честером и Вэйдом… значит, это также относится... Да, они никогда не смогут открыто признать свой роман, подобного рода отношения между мужчинами не принимает общество. И все равно Хавьера это задело. Чейз стыдится?

– Скотланд-Ярд держит этого человека под наблюдением уже несколько месяцев! – продолжал наступать тот. Даже Ангел пришел проверить, что так возмутило хозяина. – Только не говори мне, что твой брат трахается с ним!

– Во-первых, «трахаемся» мы с тобой, а не мой брат, – с нажимом поправил Хавьер, не понимая, как у Чейза язык повернулся употребить это слово в отношении близнеца. Если бы детектив лучше знал Честера, то и сам бы понял это. – А во-вторых, прекрати все сводить только к сексу.

– Лань, блядь, Вы можете хоть иногда меня послушать?! – продолжал рычать Чейз, кажется, даже кофе забулькал раньше времени. – Инн уже давно находится под подозрением у полиции! А Вы спокойно позволяете ему жить в Вашем доме!

– Чейз, ты заблуждаешься, – Лань старался говорить спокойно, больно уж Цзян разошелся.

– Нет, блядь, это Вы заблуждаетесь! – возмутился Чейз, сдернув турку с огня так резко, что едва не плеснул через край. – Я допрошу этого великого худедожника и выведу на чистую воду… Я даже взял для этого долбаный мундир! Вы еще увидите: Вэйд – проходимец и фальшивомонетчик. Откуда у него берутся деньги, если он не работал ни одного дня?

Лань на секунду задумался. Ведь и правда, тот на днях расплатился за аренду на полгода вперед, а картин в доме как будто не убывало. Хавьер заметил и еще одну странность, правда тогда он искал портрет Чейза среди рисунков мистера Инна и не придал этому особого значения. У этого человека были палитры и холсты, перемазанные тряпки, бутылки с различными жидкостями, всевозможные кисти, которыми явно постоянно пользовались, и действительно очень много масляных красок в тюбиках и баночках и… ни одной картины, нарисованной ими.

– Он художник, – тем не менее, сказал фабрикант с неизменной твердостью в голосе. – И у него есть заказы.

– Да какие на хуй заказы?! – лейтенант бросил разливать кофе в чашки и снова глянул в глаза, в упор.

– Тебе было мало того, что мы устроили? – Лань притянул любовника к себе, с удовольствием отмечая лиловые искорки в сердитом взгляде. – Чейз, да ты вошёл во вкус…

В этот раз детектив сам поцеловал его, просто чтобы заставить умолкнуть. Укусил за язык, вымещая злость и негодование, прихватил зубами нижнюю губу. Потянул за волосы, углубляя поцелуй. Знал бы он, что от этого у Хавьера кружилась голова и подкашивались ноги…

– Я рад, что ты ответственно отнесся к моей просьбе и приготовил мундир, но ты правда думаешь, что я позволю допрашивать кого-то в моем доме? – мягко спросил он, пока Чейз переводил дыхание, не отдаляясь ни на дюйм. Если положить руку на грудь, можно было услышать, как частит его сердце. – Я сам разберусь во всем, и даже не смей в это влезать.

– Лань, сука… – прошипел тот, а Хавьер поцеловал в ответ.

Цзян упёрся кулаком ему в плечо, пытаясь оттолкнуть. Фабрикант крепче ухватил его за шею и рубашку на груди, не давая вырваться. Тогда лейтенант снова прикусил его язык, но Лань лишь довольно фыркнул, продолжая исследовать чужой рот. Было бы великолепно, если бы детектив успел отпить немного кофе, впрочем, противоречивые чувства были не худшей приправой для таких ласк. Хавьер сам испугался своего порыва озвучить их вслух. Одно дело себе признаться, другое – Чейзу, особенно сейчас.

– Что Вы делаете со мной? – задыхаясь, спросил Чейз, это было даже немного обидно. Разве не то же, что Цзян с ним? Если он заблуждается, почему тогда полицейский позволяет ему так много?

– А на что это похоже? – пожалуй, для откровений было ещё слишком рано. Сначала нужно было разобраться с тем, как Чейз относится к происходящему между ними. И сделать так, чтобы он и подумать не смел, что в любой момент может все бросить и уйти.
***
Честер не мог припомнить, когда проводил время так беззаботно, как сегодня с Вэйдом. Этот невероятный человек с легкостью – пусть лишь на время – спихнул с его плеч груз ответственности: за фабрику и ферму, за брата и племянника и много еще за что. С ним было так легко и хорошо, что он позволил себе рассказать несколько больше, чем позволяли приличия, но Вэйд и не думал осуждать его за это.

Художник не торопился домой. Даже когда они вернулись к особняку, он заявил, что погода располагает к небольшой прогулке, а физическая активность разгонит кровь, что, несомненно, поможет ноге скорее зажить. Сен-Клер вполне мог сказать что-то подобное… впрочем, Вэйд легко мог это выдумать, чтобы заманить его в сад, где пахло весной и сырой землей.

Честер старался вести художника под руку с осторожностью, подстраиваясь под его шаг и огибая не просохшие лужи на дорожках. Тот благодарно улыбался и болтал о всяких пустяках, например, о том, что миссис Стэнли приготовит на ужин.

– Вдруг это будут шницели? – мечтательно говорил Вэйд, слегка проведя языком по губам, как будто уже чувствовал дразнящий аромат готового блюда. – Эта милая женщина – кладезь знаний! Она так старается накормить меня чем-нибудь полезным, чтобы я скорее избавился от этой неудобной штуки! Ее творожная запеканка с рыбой была просто великолепна, хотя я никогда не ел продукты в таком сочетании.

– Это было необычно, – сдержанно признал Честер, которому на самом деле понравилось. Он даже думал предложить кухарке на следующей неделе сделать пирог с такой начинкой.

– Так Вам не нравятся неожиданные сочетания вкусов? – уточнил художник, как будто огорченный услышанным. – Не любите экспериментировать? Вот я что только ни ел в путешествиях: и мясо с шоколадом, и острый фруктовый салат, и шарлотку с сыром, даже печенье с насекомыми!

Честер подумал, что ослышался. Или что насекомые может быть попали туда по ошибке, однако по словам Вэйда выходило, что их поймали и замешали в тесто намеренно. Просто невообразимо! Художник расхохотался.

– Честер, право слово, у Вас сейчас такое лицо, будто я предложил Вам попробовать кусочек! – должен ли Лань был почувствовать себя уязвленным словами художника? – Кстати, если не приглядываться, оно и правда было ничуть не хуже овсяного, только кисленькое и чуточку более хрустящее.

– Вам не стоило так рисковать собой, Вэйд! – возмутился Честер, не представляя, какое отчаянье могло толкнуть человека на подобные эксперименты над собой. – Такое в страшном сне не приснится!

Вэйд успокаивающе взял его ладонь в свои и легко погладил, прогоняя тревогу. Что бы ни было в прошлом, сейчас дела художника шли хорошо. Он поправлялся и, похоже, не нуждался в деньгах. Лань мог быть за него спокоен.

Примечание к части

https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/4/40/OdysseyPolyphemos.png/1280px-OdysseyPolyphemos.png
Одиссей и циклоп Полифем. Рис. Джона Флаксмана, 1810 г.

Часть 35

Всю дорогу до дома Хавьера мучили сомнения. На их с Чейзом счет и относительно художника. Может, детектив и склонен видеть худшее в людях, но что, если он прав, а они с Честером и даже Санфорд Нэттли заблуждаются насчет мистера Инна? Подумав, он обогнул дом и поднялся по ступеням, ведущим на веранду.

– Это больше похоже на паранойю, – пробормотал он, но все равно постучал, привлекая внимание художника.

– Мистер Лань, – тот принялся подниматься, отложив в сторону альбом, в котором делал зарисовки кулачных бойцов на ринге. – Дверь открыта, входите! И впустите Саймона, будьте добры!

Лань обернулся. Кот и правда трусил к дому и целенаправленно тащил что-то в зубах. На секунду Ланю показалось, что это – мышка, и дверь лучше закрыть. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что его охотничьим трофеем стала старая подушечка для булавок, похожая на маленькую тыковку. Фабрикант пропустил кота вперед и прикрыл дверь. Вся его решительность испарилась под действием улыбки мистера Инна, спрашивающего любимца, где он стащил новую игрушку.

– Как прошла Ваша встреча? – спросил художник, убедившись, что кот не поранится, забавляясь с подушечкой. – Вы встали в такую рань, не сомневаюсь, что все успели и жутко устали. И все равно сразу по возвращении зашли ко мне?

Он не казался напряженным, а скорее польщенным оказанным знаком внимания. Не подозревал, что его могут в чем-то подозревать или даже раскрыть? Хавьер снова засомневался. Он общался с самыми разными людьми – по работе и не только – и знал, как выглядят те, кому приходится хранить опасные секреты. Что там говорить, он порой видел этот взгляд, когда смотрел в зеркало… Вэйд же выглядел человеком, чья совесть кристально чиста.

– Вас что-то тревожит, мистер Лань? – спросил художник, тонко уловив его настроение, и пригласил сесть в кресло, подлокотник которого уже облюбовал кот.

– Дело в том… – Хавьер замялся, заглядывая в серые глаза квартиранта и пытаясь угадать, что у него в голове. Тот улыбнулся, потому что кот перетек с подлокотника на колени гостя и принялся устраиваться. – Мне кажется, что Вы не так просты, как хотите показаться. Например, я Вас видел на тех злосчастных боях...

– Так Вы сразу могли сказать! – засмеялся Вэйд, и у Хавьера сложилось впечатление, что тот только и ждал удачного случая, чтобы поделиться впечатлениями. – Обожаю подобные места – там такие лица! Хотите взглянуть? Я тогда и Вас нарисовал. Надеюсь, Вы воздержались от ставок? Человеку из приличной семьи лучше держаться подальше от таких проходимцев, если бы я знал, в какой дыре окажусь, не пошел бы ни на бои, ни к их организатору. Там и денег-то было еле-еле на месяц аренды.

Хавьер был просто сражен такой открытостью. Он-то думал, придется буквально выпытывать у художника, что тот делал в столь сомнительной компании, а тот за минуту выложил ему больше, чем он ожидал услышать, и при этом не выглядел так, будто плел все это на ходу. Тогда Хавьер назвал еще одно заведение, в котором мог бывать Вэйд.

– Так Вы и об этом знаете? А Ваш брат? – улыбка сошла с лица художника, но ненадолго, ровно до того момента, пока Хавьер не покачал головой.

Нет, он совершенно перестал понимать художника. Все что тот хотел, похоже, это не разочаровать Честера этой мутной историей с борделем. Ланю и самому это казалось какой-то нелепицей. Что могло привести такого обаятельного и симпатичного мужчину, как Вэйд, в подобное место? Уж явно не поиски сомнительного удовольствия…

– Откуда… – начал Вэйд, но сам же себя прервал: – Лейтенант, да? Что ж, Вы меня поймали, Хавьер, я действительно обманывал Вас с Честером.

Хавьер изумился той легкости, с которой это было произнесено. Вэйд тем временем встал и протянул ему руку в приветственном жесте, хотя они здоровались минуту назад.

– Позвольте представиться, мистер Лань, на сей раз по-настоящему, – очень официально заявил тот, прежде чем назваться.

Хавьеру показалось, что он ослышался. Честер столько раз упоминал это имя и восхищался талантом человека… который, как теперь оказалось, уже несколько недель жил с ними под одной крышей. В это сложно было поверить, хотя такое стечение обстоятельств многое бы объяснило: отсутствие картин, написанных маслом, уверенность Санфорда в надежности их арендатора и деньги. Известный художник, чьи картины продавались на аукционах порой за такие суммы, на которые можно было приобрести небольшую ферму за городом, разумеется, мог позволить себе и нечто большее.

– В остальном я был честен с вами обоими, – заверил художник, немного смущенный, что его личность раскрылась, но в то же время довольный произведенным на Хавьера эффектом. – Вы, должно быть, хотите теперь взглянуть на мои документы, чтобы убедиться, что я не выдумал и эту историю? Уверяю, у меня были причины для того, чтобы присвоить чужое имя…

– Я не могу винить Вас в этом, – кивнув, сказал Хавьер и постарался вернуть лицу обычное выражение.

Он и правда мог понять художника. Порой фабриканта посещало желание жить нормальной жизнью – насколько это вообще возможно в его конкретном случае – не опасаясь при этом попасть в утренние выпуски газет.

– Если Вас интересует судьба настоящего Вэйда, он был одинок и всю жизнь прожил в крошечной деревне в весьма живописном месте между двумя озерами, пока несколько лет назад не умер в своем домишке, подавившись чем-то за ужином. Санни обставил все так, чтобы за небольшое вознаграждение и оплату похоронных услуг незадачливого мистера Инна «забыли» упокоить на бумаге.

– Разумеется «совершенно случайно», – догадался Хавьер, вспомнив, как сам недавно отсчитывал купюры, чтобы заинтересовать секретаря в полицейском участке. Санфорд, должно быть, действовал тоньше, но не менее эффективно.

– Теперь, когда Вы знаете, что мой секрет не представляет для Вас с Честером опасности, могу я рассчитывать, что Вы сохраните мое инкогнито? – с надеждой спросил Вэйд, который располагал всеми нужными бумагами, чтобы так называться. За ним даже до сих пор числился тот самый брошенный дом в глуши. – И прошу Вас, прежде всего перед Вашим младшим братом.

Услышанное в первый момент возмутило Хавьера до глубины души. Да, он и сам многое утаивал от близнеца, но скрывать подобное казалось неправильным и более того несправедливым.

– Вам придется ему рассказать, – твердо сказал Хавьер, зная, что Честер может простить многое, но не недоверие. – Я не потерплю, чтобы Вы играли с чувствами Честера.

– Уверяю, именно поэтому я и молчал до сих пор, – с жаром заговорил мужчина. Саймон спрятал мордочку под рукой фабриканта и тот машинально почесал его за ушком. – Глядя на мои картины, многие увлекались образом художника в своей голове, даже не представляя, что я – живой человек, который может и не оправдать их ожидания. Видеть их разочарование и думать, что в подметки не годишься этому Зику, потому что его попросту выдумали, так безрадостно...

– Вы меня убедили, но не тяните с этим, мистер... – он замялся, не зная, как теперь обращаться к художнику. И как теперь встать, когда кот развалился на коленях, растопырив лапы и свесив хвост...

– Инн, – поспешно подсказал тот, забирая Саймона, и тем самым спасая Хавьера из кошачьего плена. – Я, признаться, не выношу собственное имя...

Ничуть не заспанный Саймон тут же обнял любимого хозяина за плечо. После этого разговора на душе у Хавьера стало спокойнее. Все же Чейз излишне сгущал краски... Чего Хавьеру сейчас не хватало, так это радостного предвкушения на лице младшего брата, когда он скажет, что приготовил для него приятный сюрприз и намерен хорошенько отметить это в Брайт Хаус.

Близнец нашелся в своем кабинете с любимым томиком стихов. Было приятно видеть, что в этот раз Честер совсем не переживал из-за его длительной отлучки из дома. Может быть, потому что он возвратился не позже, чем если бы был сегодня на фабрике? Оторвав взгляд от книги, Честер рассеянно улыбнулся ему, показывая, что по-настоящему рад видеть. С ним Хавьер всегда чувствовал себя дома, где бы ни находился.

– Сегодня был такой ливень, – заметил Честер, бережно закладывая белую шелковую ленточку между страницами. – Надеюсь, ты под него не попал?

– Нет, – он качнул головой. – У тебя хорошее настроение, брат. Как прошло твое свидание с Вэйдом?

– Замечательно, – не подумав, ответил Честер и уже в следующий миг вспыхнул. – Что ты такое говоришь, брат? Мы просто позавтракали вместе в Поинт, Вэйд подарил мне свою картину... это было так неожиданно! А еще мы вместе пускали кораблик, как в детстве.

На лице брата появилось такое мечтательное выражение, что Хавьеру невольно вспомнились слова Вэйда о тех, кто очаровывался талантом и деньгами известного художника. К худу или к добру, но похоже, мистеру Инну не стоило больше об этом беспокоиться. По крайней мере, не по отношению к его младшему брату.

Мужчина прислушался к себе. Был ли он против такого поворота? Пожалуй, нет, иначе давно уже постарался бы обставить все так, чтобы художник переехал в какое-то более подходящее место, где у него будет большая светлая мастерская и поменьше возможностей видеться с Честером. Новые подробности его отношения не изменили, к тому же нет никого лучше человека, с которым можно иногда вот так подурачиться.

Интересно, а как отреагировал бы Чейз на подобное занятие? Что-то подсказывало, что ворчал бы он больше для вида. Лань с легкостью мог представить любовника, бросающим Ангелу палку или играющим в перетягивание каната. Как бы он отнесся к предложению поехать на природу вместе? Свежий воздух определенно пошел бы ему на пользу. Если бы ещё он умел расслабляться и не подозревать окружающих во всех смертных грехах. Непременно, он увезёт лейтенанта за город, в ближайшие же выходные.

– Может быть, вы делали что-нибудь еще? – принялся подтрунивать над близнецом Хавьер.

– Ничего такого! – Честер как обычно принял это за чистую монету и подумал, будто попался, и старший брат все и так уже знает. – Если ты сейчас говорил о том, что мы держались за руки, то это совсем не то, о чем ты мог подумать!

– Ты краснеешь, брат, – с удовольствием отметил Хавьер, окончательно вогнав близнеца в краску. Пришлось очень постараться, чтобы не засмеяться от того, что Честер воспринимал подобную мелочь, как нечто очень смелое и даже почти интимное. – Надеюсь, не простыл? Потому что мы прямо сейчас отправляемся в Брайт Хаус, и никакие отговорки про вечер воскресенья не принимаются!

Честер изумленно уставился на него, мысленно перебирая возможные поводы для того, чтобы устроить праздник и очевидно не находя ни одного достойного. Пришлось успокоить его, заверив, что его ждет приятный сюрприз. Хавьер так долго готовился к этому! К тому же на это дело можно будет смело списать недомолвки и неожиданные отлучки за весь последний месяц.

– Хочешь, пригласим мистера Инна? – предложил он, чтобы точно добиться своего. – Рекомендации двоих членов клуба у него считай есть, да и с оплатой взносов проблем, надо думать, не возникнет. Похоже, его картины пользуются спросом... а вот и одна из них!

Честер еще не успел выбрать ей место, поэтому просто положил на столе. Хавьер подошел, чтобы полюбоваться. Картина была невероятно теплой! Лань невольно сравнивал с его работами, написанными масляными красками, которые были несколько более тяжелыми сами по себе, но так же имели свой неповторимый характер.

Художник передал не только то, какой уютной была спальня Честера, он поймал это изумительное медовое сияние, пребывающее в гармонии с глубоким янтарным оттенком глаз Честера, и добавил множество незаметных на первый взгляд деталей. Хавьер растаял, увидев младшего брата таким, каким видел его Вэйд.

Кажется, несмотря на все упреки и обвинения Чейза, Хавьер не ошибся в этом человеке, и брат сделал правильный выбор. Оставалось надеяться, художник не станет тянуть и вскоре последует совету. Стоило просто отойти в сторону и не мешать, но до чего же интересно было узнать продолжение этого романа!

Часть 36

Хавьер оказался прав во всем, начиная с того, что Вэйд загорелся желанием непременно присоединиться к клубу Брайт Хаус, это моментально стало для него делом принципа и возможные затраты его вовсе не заботили. Самим близнецам пришлось довольно долго ждать такой возможности, однако сегодня все вышло как по волшебству: накануне клуб покинул один из его членов, и место все еще было вакантно.

– Это Вы! – Мэттью был, похоже, по-настоящему удивлен, увидев близнецов в компании художника.

– Да-да, Ваш старый друг Вэйд Инн во плоти, – непринужденно рассмеялся художник.

Честер не стал удивляться, ведь Вэйд и Санфорд были друзьями, он вполне мог знать и старшего Нэттли. Грозный внешний вид этого человека часто приводил новичков в заблуждение. Этот великан больше походил на вышибалу даже в самом строгом костюме. А когда Мэтт вот так нависал над людьми, казалось, что он затевает что-то дурное.

– Пройдемте со мной, – пророкотал он, приглашая Вэйда. – Я вынужден буду выдать Вам эмблему, которую уже носил другой человек. Она в идеальном состоянии, сейчас посмотрим, куда я ее положил. А вы, господа, располагайтесь, мы вскоре к вам присоединимся!

Мужчины отсутствовали гораздо дольше, чем нужно, чтобы утрясти все оставшиеся формальности. Честер уже начал волноваться, а Хавьер выглядел так, будто теряет терпение. Он все еще не сказал, что они собираются отмечать, делая вид, что слишком занят обменом любезностями с присутствующими. Вечер воскресенья не смущал никого из завсегдатаев.

Мэтт не мог надолго бросить гостей, но по возвращении выглядел раздраженным, Вэйд же поправлял одежду. Теперь уж Честер взволновался не на шутку, но, похоже, зря. Художник просто прихорашивался и любовался, как смотрится новое украшение – небольшая круглая булавка с тремя небольшими бриллиантами на белом лаковом поле.

– Сюда действительно сложно попасть! – поделился художник, оглядываясь по сторонам. – Примерно так я себе все и представлял! Мистер Нэттли, Вам и правда нравится белый цвет и хрусталь!

– У Вас какие-то проблемы с этим? – опасно заулыбался гигант.

– Мэтт, – Хавьер успокаивающе улыбнулся ему, показывая, что не надо реагировать на слова художника, готового пуститься в рассуждения о материалах, использованных в отделке. – Лучше достань бутылочку чего-нибудь особенного и выпей с нами. Мы провернули сделку века!

Волшебные слова сразу заставили Нэттли подобреть, хорошие напитки он уважал, но никто не видел его пьяным. Честер пораженно посмотрел на близнеца, наконец, получив объяснение его внезапным отлучкам и секретам.

– Ты завершил ее? – воскликнул он. – Но, Хавьер, как?!

– Благодаря Санни, конечно, – не забыл об адвокате старший брат, до невозможности довольный собой. – Он, кстати, присоединится к нам с минуты на минуту.

– Эта мелюзга тоже будет? – пророкотал Мэтт, обернувшись. Вэйд почему-то смутился, но ненадолго. – Мне как раз надо ему уши накрутить…

Честер покосился на брата. Он никогда не понимал старшего Нэттли, ведь тот определенно любил своего брата. Тогда почему его слова так явно расходились с этим? В очередной раз он попытался вообразить Хавьера, ведущего себя по отношению к нему подобным образом. Непредставимо! Даже то, что в последнее время тот темнил и недоговаривал, легко объяснялось тем, что он занимался делами фабрики.

Честер бы совсем выбросил это из головы, если бы не некоторые нестыковки… Какую роль во всем этом играл детектив Чейз Цзян?.. На этой мысли старший брат обнял его, ничуть не стесняясь зрителей в отличие от Честера.

– Хавьер, еще немного и я не удержусь и обниму вас обоих, – заявил Вэйд, посмеиваясь.

– Вместе или по очереди? – серые глаза брата озорно блестели, когда он разжал руки, сцепленные за спиной Честера. – Давайте ограничимся рукопожатием.

– От души поздравляю Вас, мистер Лань, – прочувствованно сказал художник, крепко пожав руку старшего. – И Вас, Честер!

Младший из близнецов испытал смущение, когда тот надолго заключил его руку в свои, рассказывая, что ему уже не терпится услышать подробности этого дела. И ведь Хавьер почти не преувеличивал, называя это сделкой века. Честер пока сам не осознавал, что брату удалось провернуть, да еще за его спиной, в одиночку! И какие перед ними откроются горизонты.

Наконец они расположились за одним из просторных столов. Чувство прекрасного мистера Нэттли заставило столяра поломать голову: сперва светлая древесина была обработана железной щеткой, потом в нее втерли белый пигмент, счистили излишки, проявляя структуру, и покрыли сверху несколькими слоями лака. Получилось так изыскано, что посетители очень старались не ронять на столы пепел, все и так подозревали, что поддерживать белизну стен и портьер – титанический труд, но и платил за это хозяин заведения соответственно. Во всяком случае, состав официантов менялся только при выходе кого-то на пенсию.

Мраморные плиты пола и даже стыки между ними всегда были чистыми, хрусталь блестел и переливался, изображающий неведомого зверя витраж заставляли таинственно мерцать спрятанные в нишах лампы. Все было безупречно и впечатляло даже постоянных гостей, не говоря о художнике, который не знал, на что или на кого смотреть в первую очередь. Желание немедленно все это нарисовать буквально читалось в глазах Вэйда.

Хавьер не спешил приступать к рассказу, а принялся распоряжаться, чтобы подали легкие закуски и любимые профитроли Санфорда – блюдо с таким названием действительно присутствовало в меню. Брат беспечно не стал дожидаться Мэтта, чтобы выяснить, будет ли выбранный им напиток сочетаться со сладким. Да и важно ли это сейчас? Они ведь пришли праздновать.

Честер принялся рассказывать о человеке, чьи принципы не смогли переломить отец и дядя, когда еще не отошли от дел фабрики. Было почти невозможно поверить в то, что брату удалось осуществить их желание. Возможно, возраст все-таки взял свое, а может, сказалось обаяние Хавьера… или его упрямство. Близнец мог быть очень убедительным. Пусть и не всегда его методы нравились Честеру.

Посредине рассказа тот встал, приветствуя Санфорда, чьи профитроли уже нес один из официантов – Джозеф, седой молчаливый мужчина крайне худощавый и до сих пор подтянутый, то напоминала о себе служба и отчасти полученное ранение, буквально вынуждающее держать спину прямо и не поднимать левую руку слишком высоко.

Адвокат выглядел чуточку помятым, как будто его старший брат исполнил свою недавнюю угрозу. Он смущенно улыбнулся и подровнял галстук на шее. Переколол на место съехавший зажим.

– Мэтти, как всегда, любезен и просто источает братскую привязанность, – попробовал оправдаться Санфорд.

– Что?! – возмутился тот, не забывая, впрочем, что в его руках сейчас находится бутыль шампанского, требующая бережного к себе отношения. – Да ты, задохлик!..

Бокалы возникли на столе как будто по волшебству. Честер с сомнением посмотрел на брата, но тот ободряюще улыбнулся, как бы говоря: «Со мной ты можешь позволить себе выпить глоток шампанского и немного расслабиться». Пожалуй, волноваться и правда было не о чем, он в Брайт Хаусе в кругу друзей…
***
Всё-таки зря он избегал джентльменских клубов, считая их членов слишком чопорными. Брайт Хаус оказался прекрасным местом, намного лучше тех заведений, где ему доводилось проводить время ранее. Впрочем, он не жалел о том, что захаживал к Солту. Там было много колоритных личностей, к тому же, если бы не Хэнк и Скотт, возможно, он никогда бы не встретил такого замечательного человека, как Честер и, как знать, может и не влюбился бы по-настоящему.

Сегодня он был особенно красивым, это стоило головомойки, которую устроил ему Нэттли за его небольшой обман. Увы, шило в мешке не утаишь… Что-то будет, когда ему придется двигаться дальше… Если придется. Пока ничего не случилось, можно было выкинуть эту опасность из головы. Вэйд смотрел бы на Честера не отрываясь, если бы это позволяли приличия. Художнику нравилось, как меняется выражение его глаз: удивление, радость, задумчивость, когда он вспоминал события, связанные с фабрикой, и это мечтательное выражение. Вэйд бережно складывал их в шкатулку своей памяти, как кусочки янтаря разных оттенков, вынесенные на берег моря.

Мужчины подняли бокалы. Шампанское, пронизанное нитями пузырьков, удивительно сочеталось с цветом глаз его благодетеля, таких теплых, согревающих душу. Пара глотков игристого вина на время примирили братьев Нэттли и способствовали непринужденному разговору… в котором в какой-то момент перестал участвовать Честер.

Вэйд всего на миг отвернулся полюбоваться картиной, а когда снова посмотрел на Ланя, тот сидел все так же прямо, лишь чуть склонив голову и прикрыв глаза ладонью. Санфорд продолжал доказывать брату, что нужно повесить в зале нормальную картину вместо этой сияющей морды, а тот только посмеивался на это.

– Не удивляйтесь, мистер Инн, – негромко сказал Хавьер, лучше всех присутствующих знавший Честера. – Надеюсь, Вы не будете излишне злоупотреблять доверчивостью моего брата?

– Вы хотите сказать… – Вэйд не мог поверить словам старшего Ланя. Честер пьян? Но он же выглядит совсем обычно, как всегда, и внешность безупречна… Просто прикрыл глаза на минутку…

– Смотрите, что сейчас будет, – посоветовал Хавьер, таинственно улыбаясь. – И знаете, не удивляйтесь, если наутро он ничего не будет помнить.

Похоже, Хавьер решил не останавливаться на одном только разговоре по душам и поспособствовал тому, чтобы Вэйд скорее открыл Честеру правду. Того же требовал и старший Нэттли, буквально приказавший прекратить морочить приличным людям головы. Вэйд и сам понимал, что они правы, но решиться было непросто.

Не удивляться, если наутро Честер ничего не будет помнить… Лань нарочно напоил брата, дав художнику шанс проверить, как тот отреагирует. Почти без риска убедиться, что ни правда, ни то, что Честер покупал картины Зика и повесил одну у себя в спальне, никак не повлияет на их отношения, ставшие за эти дни доверительными и по-настоящему близкими! Нет, он просто не мог не воспользоваться этим!

Честер проснулся так же внезапно, как и заснул, и глаза у него были все такими же чистымм и теплыми без намека на опьянение. Поймав взгляд Вэйда, он приподнял уголки губ… впервые так легко получилось вызвать у него улыбку. Художник залюбовался и потому пропустил момент, когда рядом некто споткнулся о собственную ногу и рухнул прямо на него сверху. Присутствующие застыли, Инн машинально ухватил свалившееся ему в руки счастье, оберегая ногу.

– П-простите, – заикаясь, пролепетал молодой мужчина, пытаясь выбраться из весьма затруднительного положения.

– Вы сражены наповал обаянием нашего новичка, мистер Уэйн, – насмешливо пророкотал Мэтт, помогая бедняге подняться на ноги, чтобы представить его надлежащим образом.

Вэйд протянул руку для пожатия, не вставая, и немедля почувствовал холодок. Николас Уэйн ссутулился под удивительно тяжелым взглядом Честера и снова залепетал немного бессвязные извинения. Все шутки насчет собственной неотразимости мигом застряли на языке, поэтому Вэйд только сказал:

– Надеюсь, мне удалось хоть немного смягчить падение? – после этих слов он снова украдкой глянул на нахмурившегося Честера.

Вежливый, воспитанный Лань не ладил с кем-то из Брайт Хауса? Да в это верилось с трудом. Даже после того, как лейтенант Цзян набросился на него, спутав с Хавьером, фабрикант не сказал о нем ни одного дурного слова. Еще менее вероятным казалось, что такой застенчивый молодой человек, как Николас, едва не скончавшийся от смущения прямо у него на руках, мог искать ссоры. Он попытался снова как-то оправдаться, но от волнения язык его не слушался.

– Выпьете с нами, мистер Уэйн, раз уже присоединились к нашей теплой компании, – пригласил художник. – Я буду рад обзавестись полезными знакомствами.

– Можете сесть рядом со мной, – разрешил Честер, с легкостью пододвинув еще один стул.

Было совершенно непонятно, правда ли он пьян или же нет. Он только немного отпил из своего бокала, неужто шампанское так ударило в голову? Было интересно наблюдать, как настороженно он следит за новым человеком за столом. И как Николас затравленно реагирует на это – он даже не решился отказаться от предложения и неловко сел на краешек стула.

– Моя семья делает часы, – сказал Николас, когда после порции алкоголя у него прорезался голос. – Не знаю, насколько я буду Вам полезен, мистер…

– Инн, – подсказал тот к неудовольствию Мэттью и сверился с реакцией Честера. – Вы, верно, хотите знать, какими судьбами я здесь оказался, – он обрадовался возможности немного похвалить своего благодетеля и еще больше улучшить его репутацию. – Поверьте, это крайне увлекательная история. Мистер Лань буквально спас мне жизнь!

Часть 37

Утром Честер помнил очень мало из событий прошлого вечера. Брайт Хаус был как в тумане, и четкую картинку из обрывков событий и разговоров составить не получалось. Впрочем, как всегда… Хавьер был рядом. Наверняка он следил, чтобы все было в порядке, так что беспокоиться из-за противного белого пятна в голове не стоило. Главное он помнил – они отмечали удачное завершение сделки. Теперь на фабрике работы только прибавится…

Он долго умывался, приходя в себя, и спустился к завтраку, только когда наконец почувствовал себя сносно. Крепкий кофе должен был окончательно его оживить. Честер был уверен, что не опоздал к завтраку, но безобразно бодрый брат уже заканчивал с яичницей и газетой. Он оторвался от того и другого, чтобы пожелать доброго утра. Не было похоже, что вчера случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Сегодня ты тоже решил уйти пораньше? – уточнил Честер на всякий случай.

– На фабрике полно дел, – отозвался он как ни в чем не бывало.

Брат не упрекал его, но Честер и сам понимал, что все из-за него. Он сегодня будет работать слишком медленно и дольше необходимого копаться с бумагами. Это вызвало тоску… Нет, больше он ни за что не будет пить, особенно в воскресенье!

– Если ты все еще плохо себя чувствуешь, то можешь остаться дома, – предложил Хавьер, заботливо положив ладонь ему на лоб. – А я хочу плотно поработать, чтобы вернуться домой пораньше.

– Мне просто нужно поесть, и буду в порядке, – ответил Честер, смущенный участием брата. Собственный голос прозвучал совсем не так уверенно, как хотелось.

Похоже, и правда обошлось. Отделался похмельем и пропажей шейного платка – его не оказалось среди снятых вечером вещей. Досадно, конечно, но он всегда мог приобрести похожий, который уже не будет напоминать ни о ком из прошлого. Без особого аппетита принявшись за куриный бульон, он почти сумел убедить себя в том, что это даже к лучшему.

Вэйд появился в столовой сразу после ухода Хавьера, как будто специально дожидался подходящего момента. Глупости! Это Саймон любит подкарауливать обитателей дома под дверью, воображать художника, занимающегося тем же, было просто нелепо! Всему виной выпитое накануне шампанское…

– Чудесное утро, Честер! – он помахал рукой от двери, не спеша прихрамывая к столу. – Как спалось? Надеюсь, сны снились хорошие?

Он спрашивал что-то еще, но Лань прослушал. Он только что нашел свой шелковый платок, повязанный на манер браслета, о которых он читал в одной книге, только к нему еще полагались узелки и бусины… Честер моргнул – ошибки быть не могло – его шелковый платок на запястье Вэйда… Что же произошло накануне? Но собственная память по-прежнему хранила молчание.

– Я вчера получил очень трогательное письмо, – признался художник, зашуршав бумагой. – Я не удержался и прочел несколько раз. Хотите тоже взглянуть?

Лань отчего-то насторожился. Они сидели рядом, и он отлично мог видеть, что написано на конверте. Конечно же, он сразу узнал цвет чернил и почерк, ведь почерк был его собственный.

– Я ведь передал его Санфорду, – мужчина почувствовал, что краснеет. – Как оно попало к Вам, Вэйд?

– Мне давно следовало сказать, что я – не совсем тот, за кого себя выдаю, и еще сразу позвать Вас в сказочную Румынию, – художник выглядел воодушевленным, а фабрикант просто пытался как-то уложить сопротивляющиеся факты в голове. – Непременно осенью, когда в окна видно замок, утопающий в золоте. Я знаю одно местечко, где можно остановиться. Марта, дочурка хозяйки, уже научилась печь самые вкусные слоеные булочки. Я даже в шутку сказал, что приеду к ней свататься лет через десять, когда подрастет.

– Вам следует воздержаться от таких заявлений, если, конечно, у Вас нет определенных намерений, – возмутился такой безответственностью Честер, чтобы скрыть замешательство, – Вэйд… Я просто…

– Можете ничего не говорить, – художник мягко взял его ладонь в свои и оставил легкий успокаивающий поцелуй на тыльной стороне ладони. Заглянул в глаза, как будто испытывая.

– Мгм, – Честер вздрогнул в полнейшем замешательстве и до крайности смутился. Видимо, что-то всё-таки он натворил, раз художник ведёт себя так странно. – Что я вчера?..

– Вчера Вы вели себя очень смело, – намекнул тот, лишь усугубляя шок. – Даже дерзко. Особенно когда повязали мне это замечательное украшение прямо на глазах у нашего нового знакомого. Признайтесь, Честер, чем Вам не угодил милейший Николас?

В голосе Вэйда слышались игривые нотки, но Честер совершенно спал с лица. Мистер Уэйн был неплохим молодым человеком, которому и так частенько доставалось от окружающих. Даже в клубе над ним подтрунивали, временами перегибая палку. Неужели бедняге вчера и от него досталось?

– Скажите, а Вы уже заходили в свой кабинет? – невпопад спросил Вэйд и удержал, когда Лань попытался вскочить на ноги. – Ешьте-ешьте, цветы никуда не убегут. Мне просто хотелось узнать, понравились ли они Вам.

Честер беспомощно посмотрел на него. Он ничего не помнил ни о каких цветах. Лишь бы не он сам нарвал их с какой-нибудь клумбы! Знал ли художник о затруднительном положении, в которое ставил Честера алкоголь? Похоже, знал, потому что пустился в пространные объяснения.

– Я вчера пообещал букет в благодарность за Ваш подарок, но совсем забыл уточнить, какие именно цветы Вам нравятся, – он снова показал импровизированный шелковый браслет. – Поэтому выбрал на свой вкус и хотел узнать, пришлись ли они Вам по душе.

– Мистер Лань, мистер Инн, – спас фабриканта дворецкий, хотя обычно не беспокоил их во время завтрака. – Пришел лейтенант Цзян.

Показалось, или Вэйд… надо было отвыкать называть этого человека поддельным именем, знать бы ещё настоящее… на миг досадливо нахмурился. Он и сам был не очень рад такому визитеру, однако кто знает, вдруг случилось что-то серьезное.

– Ко мне? – на всякий случай уточнил фабрикант, надеясь, что не придется приглашать детектива присоединиться к ним. – Не к брату?

– У детектива какое-то дело к мистеру Инну, – еще больше удивил обоих Уотсон.

– Что этому типу от меня надо? – забурчал Вэйд, однако делать было нечего.

Мэдисон принялась накрывать на стол для неожиданного гостя даже раньше, чем детектив вошел в столовую и обменялся с ними приветствиями. Лань настороженно следил за Чейзом, однако в этот раз тот был спокоен и сдержан. Но позвонить на фабрику и сообщить Хавьеру о его визите всё-таки стоит.
***
Чейз промучился весь вечер с момента, как Лань ушел по каким-то своим долбаным делам. Он оставил в спальне бутылку бурбона, однако детектив к ней не притронулся, ему нужно было мыслить ясно. А еще занять чем-то руки. Для начала мужчина вычесал Ангела особенно тщательно от носа до хвоста, но не для того, чтобы тот получился хорошеньким на картине! Затем вычистил мундир и обувь и даже начистил пуговицы до блеска.

Утром решимости ехать в дом фабрикантов значительно поубавилось. Он выпил слишком много кофе, и сон был тяжелым, а на утро болело, кажется, все тело. Плечи, которые вчера долго находились в неудобном положении, ноги и особенно поясница, как после первой поездки верхом.

Однако он поднял себя из кровати, залпом выпил еще кофе, вывел Ангела, чтобы сделал свои делишки, и направился к знакомому дому с садом. Он все рассчитал, к этому времени Ланей точно не должно было быть дома и хромоногий якобы художник никуда от него не денется… Он выведет подлеца на чистую воду и подаст Хавьеру на блюдечке с долбаной каемочкой.

Дворецкий снова не повел бровью при виде пса, тщательно вытершего лапы и застывшего у входной двери подобием египетской статуи. Кажется, Ангел думал, что расчесывание было наказанием за съеденный шницель, и проявлял излишнее послушание, чтобы задобрить хозяина. Чейз задержался в холле, еще раз проверил, чтобы мундир сидел идеально, и посмотрел на рисунки этого бумагомарателя. Потом последовал за мистером Стэнли и увидел… его.

Было не разобрать, который из фабрикантов поднялся, чтобы поприветствовать его. Вид близнецов приводил Чейза в замешательство. Надо будет навалять Санфорду, у которого язык повернулся сказать, будто они совсем разные.

– Мистер Лань, – сказал он, чувствуя себя крайне стесненно в мундире, но стараясь этого не показывать. – Доброе утро.

– Приветствую Вас, мистер Цзян, – ответил тот чересчур официально для Хавьера, который накануне…

Или это такое изощренное наказание, за то, что Чейз влез туда, куда ему запретили? Цзян скользнул взглядом в ворот рубашки Ланя, благо верхняя пуговица была расстегнута. Кожа чистая и гладкая, без изъянов. Если бы ожог был, то он заметил бы хотя бы самый его краешек. Значит, перед ним Честер, и в этот раз удалось избежать фатальной ошибки.

– Приношу свои извинения, – скрепя сердце сказал Цзян, задержав руку фабриканта в своей. Тот сделал попытку освободиться. – Можем мы начать с чистого листа?

Лань мельком посмотрел на проходимца с его неизменным костылем… советовался, что ли?! Тот слегка привстал, как будто готовился бежать, однако в таком случае его ждал сюрприз весом порядка шестидесяти фунтов, легко запрыгивающий на спину и более рослому мужчине.

– Мгм, – Честер слегка кивнул, похоже, чувствуя себя так же неловко, как Цзян. – Я тоже прошу простить меня.

Фабрикант вовсе не был обязан извиняться, Чейз не мог припомнить ни одной причины для этого. Ему все еще было не по себе от этого человека. Слишком похож на Хавьера. Сила пожатия, тепло руки, даже голос… Мороз по коже…

Чейзу пришлось пожать руку и художнику, как того требовали приличия, но разве мерзавец мог хоть что-то сделать по-человечески. Из-за того, что он подал для пожатия левую руку, вышла досадная заминка, но пришлось проглотить и это. Он кожей чувствовал, что малейшая ошибка, неприязненная нотка в разговоре и его просто выкинет из дома эта ледяная глыба, как две капли воды похожая на его любовника. А с каким удовольствием Чейз попробовал бы сломать этому скользкому, как намасленная гадюка, типу еще и руку, чтоб надолго забыл о своей мазне!

– Мистер Стэнли сказал, я могу оказать какую-то помощь Скотланд-Ярду, – заметил художник. Прозвучало издевательски… или он надумывал себе что-то?

– Лань… Хавьер, – тут же исправился полицейский. – Он взял с меня слово, что я приведу Ангела, когда у меня будет свободный день. Если Вы не передумали рисовать его портрет.

Любо-дорого было смотреть на то, как подобрался художник при упоминании пса. Цзян решил, что попробует спрятать кусочек сыра рядом со столом, за которым будет рисовать Вэйд. Или у его мольберта. Чейз сел за стол, хотя не имел ни малейшего желания есть.

– Мистер Цзян, – мужчина неожиданно тепло улыбнулся ему и, как будто знал, что об этом детектив старается не думать, напомнил: – Вы, должно быть, забыли. Речь шла о Вашем портрете.

Взгляд Честера после этих слов сделался еще холоднее. Он прикрыл глаза, отпивая из чашки, и в комнате вроде бы потеплело. Ради всего святого, за что Санни предлагал ему узнать этого человека ближе? Хватит с него одного Ланя!

Что-то шмякнулось позади Чейза и он резко повернулся на звук, невольно выдав свое напряжение и покривившись от ломоты в спине. Источником шума оказался кот, который грузно спрыгнул на пол и деловито направился к двери.

– О, Саймон, иди посмотри, там пришел твой приятель, – рассеянно проговорил художник, обращаясь к четвероногому. – Знаете, Честер, я бы расположился в кабинете Вашего брата, но делать это без разрешения…

– Вы с мистером Цзян можете использовать мой кабинет, – разрешил тот, к неудовольствию Чейза, который предпочел бы другое. – Вы не помешаете мне работать.

Он предпочел бы территорию старшего по многим причинам. Для начала, это было место, где Хавьер проводил много времени. Кроме того, ему позарез нужно было остаться с художником наедине, а как это сделать, если второй фабрикант будет постоянно путаться под ногами? Чейз чувствовал, что утрачивает контроль над ситуацией. Час назад все было просто и понятно, а теперь… он даже не знал, что делать. Неужто действительно придется позировать?

Часть 38

– И здесь эти долбаные цветы? – зарычал Чейз, перекосившись от одного вида свежих кремово-желтых лепестков.

Именно пионы, а не мольберт или массивный письменный стол, были первым, что бросилось в глаза, когда он вошел в кабинет. Они почти не отличались от тех, которые всучили его экономке. Руки сами собой сжались в кулаки.

– Это пионы, – Вэйд не сводил взгляда с Ангела, как если бы тот был заряженным револьвером в руках полицейского. Чейза это забавляло. – Вы не любите цветы, лейтенант?

– Я не слепой! – огрызнулся Цзян.

– Их срезали сегодня рано утром, – продолжал художник, не замечая его раздражения. – Мне больше нравится сорт paeonia Coral Charm, его бутоны похожи на атласные шары и по мере распускания приобретают менее насыщенный, персиковый оттенок.

Чейз поверить не мог, ему заговаривали зубы! Может, не зря он тогда тряс не того Ланя? Однако Честер выглядел совершенно непричастным к этой истории с пионами. К тому же было крайне трудно вообразить его затевающим такой гнусный розыгрыш.

– Кстати, об оттенках, – всполошился художник. – Я, кажется, забыл палитру.

Он выскочил из кабинета с удивительным для хромого проворством. Ангел встал, но Чейз не велел преследовать художника, а осмотрелся. Помещение было обставлено примерно так же, как кабинет Хавьера, в котором он с любовником… приятно провел время. Это какое-то помешательство! Он находился в совершенно другой комнате, на другом конце дома, но все равно умудрился подумать о том, что было между ним и Хавьером! И это когда ему необходимо сосредоточиться на деле, уму непостижимо…

– Честер, – из-за неплотно прикрытой двери донесся приглушенный голос Инна. – Где же Вы были? Он едва не сожрал меня живьем!

– Ангел? – не поверил тот, заслужив уважение Чейза.

– Его хозяин, – раздался непринужденный смех художника. – Может, мне и ему подарить букет, чтобы перестал так беситься?

Чейз окончательно удостоверился, что цветы притащил Вэйд, осталось выяснить: один или оба букета… Конечно же, оба! Не бывает таких совпадений… Чейз не смог улучить момент и стащить кусочек сыра со стола, но теперь с мстительной решимостью достал лакомство для Ангела из кармана и спрятал в коробку между тюбиками с красками. Терьер завилял хвостом. Теперь точно будет крутиться вокруг художника, не давая ни минуты покоя.

Цзян еще раз посмотрел на младшего Ланя и его гостя, когда те входили в кабинет вместе и ожидаемо без палитры. Что могло связывать эту ледяную глыбу и вращающегося в совершенно других кругах Инна? Его связь с криминальным миром Чейзу никак не удавалось доказать, но он чуял: что-то тут нечисто. Не бывает людей, которые просто так появляются в городе ниоткуда, снимают жилье у его матери и живут в свое удовольствие, мелькая в сомнительных местах.

– Я начинаю думать, что избавляться от боязни собак таким способом было не лучшей идеей, – пробормотал художник, боясь подступиться к своему рабочему месту.

– Ангел чувствует, что Вы его боитесь, – хмыкнул Цзян, нехотя подзывая пса, чуявшего вовсе не это, а дразнящий аромат лакомства, которое было не так-то просто достать.

Он уселся в кресло и потрепал пса между ушами, поощряя упорство. Настоящая полицейская ищейка будет искать до тех пор, пока не найдет, и не спасует перед преградой в виде какой-то пары баночек. Пусть этот худедожник поближе познакомится с эрдельтерьером! Только вот Чейз не обещает, что это поможет избавиться от страха, а не наоборот.

Лань держался в стороне и вроде был занят своими делами, но Чейз постоянно чувствовал его взгляд – холодный и колючий, как снежная пороша. Нужно было выждать подходящий момент, к тому же пока ничего особенного не происходило. Вэйд Инн размечал что-то простым карандашом на холсте и не требовал от него неподвижности или какой-то определенной позы.

Цзян попробовал вспомнить, как сидел прадед на картине в кабинете матери, откинулся ли он на спинку или, наоборот, наклонился вперед, как расположил ноги и куда дел руки. Когда в детстве Юфимия Цзян вызывала сына к себе для серьезного разговора, тот часто рассматривал предка, поражаясь сходству молодого незнакомого мужчины и своей матери. Кажется, ему совсем не нравилось позировать для картины, взгляд так и метал молнии.

Ожидание затягивалось. Хоть бы этому Ланю приспичило по нужде! Несмотря на открытое окно, непривычный запах от краски отчетливо чувствовался в воздухе. Чейзу было странно, по-своему это занятие даже умиротворяло. Давно у него не было времени, чтобы привести мысли в порядок. Вчера он был слишком взвинчен для того, чтобы смотреть на вещи беспристрастно.

Погрузившись в себя, Чейз потерял бдительность и проклятый малеватель этим воспользовался! Из задумчивости полицейского вывел его голос и будто бы оценивающий взгляд. Совсем не такой, какие мистер Инн бросал из-за холста последние полчаса, более проницательный и без улыбки, вызванной любимой работой, не иначе. Это странным образом напомнило Ланя. Тот тоже смотрел так выжидающе, словно выискивал что-то.

– Я, кажется, начинаю понимать, что Хавьер в Вас нашел, – заметил мужчина, взяв еще одну кисть к тем, что уже использовал.

– С чего Вы взяли?! – Чейз ошарашенно взглянул на художника, которого стоило немедленно пристрелить как опасного свидетеля. Будь у него при себе оружие, уже бы наставил на Вэйда. Хорошо, что младший из близнецов куда-то пропал. Задумавшись, он пропустил это и проворонил отличный шанс.

– Замрите! – воскликнул художник так неожиданно, что Чейз действительно застыл и только потом понял, что выполнил приказ этого типа, даже не задумавшись. – Не шевелитесь, это именно то, что надо!

Лейтенант прижег мерзавца убийственным взглядом, а тот лишь довольно кивнул и принялся что-то быстро и вдохновенно рисовать, больше глядя на Чейза, чем на холст. Что такого, черт бы его побрал, он видел?

– Из-за чего Вы так разозлились, лейтенант? – невинно уточнил художник, только больше распалив ярость собеседника. – Я всего лишь хотел сказать, у Вас интересное лицо – таких людей редко встретишь на улице. А еще Вы, похоже, действительно любите эту зверюгу.

Что вообще он мелет?! Чейз на какой-то момент даже подумал, что речь идет о Хавьере. Зато его терьер понял все правильно, поднял ушки и потрусил к художнику. Вэйд застыл, пытаясь заслониться от пса палитрой, на которую нанес понемногу масла из доброго десятка тюбиков и, кажется, не собирался на этом останавливаться. Приходилось признать, работал он не как дилетант.

– Почему, мистер Цзян?! – запаниковал мужчина, когда пес приблизился к гипсу на его ноге и заинтересованно принюхался. – Почему Вы позаботились обо всем, кроме надежного поводка?!

Если он не ослышался, только что художник умудрился похвалить его внешний вид! Чейз зло откинул челку с лица и против воли испытал смущение: да он ни за что не стал бы чистить мундир и ботинки ради какого-то обормота, еще чего! И Ангела он чесал только чтоб руки занять. Не хватало, чтобы Лань дошел до таких же выводов…

– Если Вы, мистер Инн, не будете дергаться, Ангел Вас не укусит, – заверил Цзян, осклабившись.

Чейз приказал псу вернуться к ноге как раз вовремя, чтобы Честер застал идиллическую картину и убедился: они втроем прекрасно ладят. Цзян даже выдавил подобие улыбки, больше походившее на оскал, но Лань смотрел на портрет, а не на него, и выражение его лица было таким, что Чейза мутило. Оторвать бы Санфорду язык, чтобы не слышать, как тот повторяет в его голове снова и снова: «Тебе стоит просто ближе с ними познакомиться…»
***
Потрясение на лице близнеца заставило Хавьера обнять его, успокаивая. Что могло случиться за время его отсутствия, не такого уж продолжительного? Утром звонок брата сбил весь рабочий настрой. Хавьер с трудом удержался, чтобы немедленно не сорваться домой, но все же уговорил себя остаться и разобраться хотя бы с первоочередными задачами.

Конечно же, он догадывался, что Чейз не послушает его и не оставит затею устроить Вэйду допрос. Если бы только Хавьер предполагал, что тот начнет действовать так скоро! Тогда послал бы к нему Картрайда с запиской сразу после разговора с художником… увы, в тот момент его мысли были заняты совершенно другими вещами.

– Брат, – кажется, Честер не мог дождаться его возвращения, а теперь ухватил за рукав так, будто Хавьер, едва переступив порог, уже собирался уходить. – Прямо сейчас… в моем кабинете…

Кто другой на его месте уже встревожился бы, но Хавьер слишком хорошо знал Честера. Тот вполне мог справиться с конфликтом между полицейским и художником. Дело было в чем-то другом, что очень взволновало брата. Настолько, что он не мог найти слов, чтобы выразить свои чувства. Хавьер улыбнулся, вспоминая, как настойчиво близнец спрашивал по телефону: «Прошу, скажи, что я вчера делал?»

– Когда ты звонил, я был не один в кабинете, – нарочно вернулся к тому разговору Хавьер. – Что именно ты хотел знать, Честер? Вчера ты почти все время был рядом со мной, а из Брайт Хауса мы отправились прямиком домой.

– Почти? – переспросил он, по-прежнему не желая отпускать. Они так и стояли посреди холла в окружении картин.

– Ты выходил подышать свежим воздухом вместе с нашим арендатором, – Хавьер прекрасно видел, какими довольными оба вернулись в клуб, но нарочно сделал вид, будто припоминает нечто незначительное.

Брат насторожился, почувствовал, что старший лукавит. Сложно было сохранять серьезное выражение лица, глядя сейчас на Честера. Ужасно хотелось узнать, что произошло между ним и Вэйдом сегодня. Явно что-то любопытное, судя по реакции. Он никогда не видел брата таким и был весьма благодарен художнику за представившуюся возможность. Вот бы Честер все ему рассказал, как в детстве. Но увы, детство кончилось. Да и он рассказывал брату далеко не все...

Родные постоянно предпринимали попытки познакомить младшего из близнецов с кем-нибудь. Тот неизменно был вежлив и обходителен, но ни разу Хавьер не замечал хоть какой-то заинтересованности с его стороны. Брат как будто всю жизнь ждал кого-то. Свою родственную душу? Оставалось надеяться, что художник не разочарует его… но только время покажет. Почему-то после недавней беседы ему верилось в то, что из этого увлечения может получиться крепкая связь, если оба постараются.

– Вэйд… Ты знал, кто он такой? – прямо спросил Честер, но голос его слегка прерывался от волнения. – Он сделал пару намеков, но я убедился, едва взглянув на портрет.

– Узнал вчера вечером, как и ты, – заверил Хавьер, что было почти правдой, и сам разволновался не меньше брата, благо тот навряд ли обратил на это внимание: – Мистер Инн дал тебе взглянуть на портрет? Он пишет маслом? И насколько уже продвинулся? Мы можем прямо сейчас пойти и немного понаблюдать, как ведет себя… Ангел.

Ну, разумеется, Ангел, а не его хозяин. Разве Хавьер мог говорить о Чейзе? Конечно, он обещал приглядеть за поведением детектива, но это было давно… Братья направились к кабинету, где вовсю шла работа над картиной. Из-за неплотно прикрытой двери слышались голоса, но звучали они относительно миролюбиво, значит, Чейз в этот раз проявил сдержанность и не стал сразу набрасываться на подозреваемого с наручниками.

– Так я прав? – уточнил художник.

– Вам не кажется, что это немного… не Ваше дело? – зашипел Чейз, и Хавьер послушал бы, что тот скажет дальше, однако брат уже взялся за ручку.

Фабриканту несказанно повезло. Вэйд работал спиной к двери, и ему представилась возможность увидеть портрет, встретиться с черными, мечущими искры глазами Чейза. Выражение было поймано с такой точностью, что казалось, холст вот-вот займется и вспыхнет. А то, что фон был лишь слегка намечен цветом, и очертания не приобрели законченную форму, лишь усугубляло впечатление.

– Господин Вэйд, я хочу купить этот портрет, – выдохнул Хавьер, отчего испепеляющий взгляд перекинулся с художника на него.

– Мистер Лань, не смотрите! – возмутился Инн, пытаясь заслонить собой работу. – Он ведь даже не закончен, как Вы можете знать, что хотите его?!

Это было очень и очень двусмысленно. И судя по лицу детектива, не только для него. Потребовалось собрать волю в кулак, чтобы отвести глаза от рисунка, который уже превосходил все ожидания Хавьера. Нет, он должен заполучить это полотно, как только оно будет завершено и подписано автором.

– Простите, – Хавьер тактично отвернулся и обошел мольберт, встав поближе к Чейзу, чтобы поздороваться сдержанно, как требуют приличия. Детектив при этом выглядел так, будто его застали на месте преступления. Ангел немедленно ткнулся носом в руку фабриканта, напрашиваясь на ласку. – Надеюсь, я не испортил композицию?

– Ничего, – Вэйд махнул рукой, совершенно не обращая внимания на то, что Честер продолжает смотреть. – Это милое чудовище только и делало, что отиралось возле меня вместо того, чтобы работать. На что Вы меня обрекли, мистер Лань? Я ведь каждый раз думал, что мое сердце остановится! Вам просто необходимо подарить мистеру Цзян короткий поводок!

– Ты слышал, Чейз? – заулыбался Хавьер, и в голове у него нарисовался весьма соблазнительный образ. Полицейский ответил просто чудовищным оскалом, но с места не двинулся.

– Не пора ли нам прерваться и пообедать? – протянул художник, разминая затекшую спину. Что-то отчетливо захрустело. – Сегодня-завтра нужно будет написать букет, пионы такие нежные! Я немного поработаю с обстановкой и… мистер Цзян, когда мы сможем продолжить?

– Да Вы издеваетесь! – Чейз вскочил на ноги так резко, что его повело в сторону.

Похоже, он провел в неподвижности достаточно продолжительное время, и все его тело затекло и протестовало против столь порывистых движений. Хавьер среагировал мгновенно и спас любовника от падения, обхватив его за талию. Вэйд лукаво улыбнулся, довольный реакцией натурщика… а может быть, тем, что дал Ланю повод обнять детектива так, чтобы со стороны это выглядело, как дружеская поддержка.

Примечание к части

https://i.pinimg.com/originals/19/98/27/199827331ce3d013d419d4e5a0b81907.jpg

Часть 39

Вэйд попросил Уотсона почистить его инструменты, поэтому Честер решил сам сходить за братом. Тот, кажется, увел прихрамывающего полицейского в свой кабинет. На стол уже накрывали, а брат и его гость – Честер считал Чейза именно его гостем, хотя пришел тот к Вэйду – все еще не спустились. Может быть, лейтенант действительно повредил спину и стоило послать за Сен-Клером?

– Лань, – прозвучало как-то слишком… хрипло. Стоит ли входить?

Честер замер, не решаясь постучать. Неужто брата и полицейского связывали такие отношения? Неужели все снова? Цзян вовсе не производил впечатления уравновешенного человека. Он прикусил нижнюю губу. Что же делать?

Минуту назад сердце учащенно билось от мыслей о художнике. Он машинально потер ладонь в том месте, где на ней осталось небольшое пятнышко краски от теплого прикосновения. Честер столько всего хотел сказать ему и даже воображал, как однажды сделает это… Но то, что они себе позволяли, всего на минутку оставшись наедине, было намного лучше. Он так увлекся художником, что заметил надвигающуюся бурю, только когда грянул гром. А может, он ошибается? Может, на этот раз все по-другому, не так, как это сейчас выглядит?

– Да, сделайте это жестче, – детектив… застонал? А краска прихлынула к лицу невольного слушателя. – О, сука… да, и здесь тоже.

Он отшатнулся от двери. Это было ужасно, до озноба. Лань обхватил себя руками. Будь на его месте Хавьер, что бы он сделал? Однако представить себя на месте Хавьера никак не получалось, как и вообще вообразить, что сейчас творилось за дверью.

– Лань, где Вы этому научились? – протянул лейтенант Цзян, и от звучания его голоса Честеру стало совсем не по себе. – Черт! Вы меня сломаете!

Больше слушать это он не мог и бросился обратно, на первый этаж, подальше от кабинета брата. Сделать вид, что ничего не слышал, что ничего не было. Он поговорит с братом, когда его гость уйдет. Вечером или в другой день, когда представится возможность. Тогда он спросит, все ли у Хавьера в порядке, как будто тот признается, что нуждается в помощи…

– Честер, да на Вас лица нет, – воскликнул художник. Он-то думал, Вэйд остался в столовой.

– Что с Вами? – спросил он, чтобы что-то спросить. Голова гудела от мыслей и он не мог связать и несколько слов.

– Пустяки, в данный момент столовую захватили дикие звери, – отмахнулся тот, прихрамывая к нему. – Лучше скажите, что с Вами? У Вас такой вид, будто за Вами собаки гнались.

Честер опять обнял себя за плечи, не то закрываясь, не то пытаясь прогнать озноб. Ну как он мог сказать, что узнал о близнеце нечто такое, чего никогда не хотел бы знать? Снова…

– Я знаю, что Вам поможет, – заявил мистер Инн с таким видом, будто хотел раскрыть ему секрет вернейшего лекарства от душевного потрясения. – Сытный обед! Миссис Стэнли приготовила такую баранину с чесноком и брусничным соусом, аж слюнки текут! Пойдёмте скорее, пока эти обжоры не добрались до нее!

– Вэйд, – Честер назвал его так, хотя теперь знал его настоящее имя. Он даже сумел слегка ему улыбнуться. – Все же Вы удивительный человек.

Художник выглядел смущённым, но на редкость довольным, что его уловка подействовала. Честеру и правда стало легче на душе, и баранина тут была совершенно ни при чем. Вэйд мог сморозить любую глупость или даже вообще ничего не говорить, а только привычно взять под руку и потянуть за собой, опираясь на старенький костыль. Сен-Клер предлагал ему купить другой, но мистеру Инну нравилась история, связанная именно с этим.

Честер затравленно глянул на лестницу, услышав шаги. Брат выглядел как обычно: волосы аккуратно убраны назад, одежда в идеальном порядке. Детектив следовал за ним. Он был уже без мундира, с расстегнутым воротом рубашки, и до тех пор, пока не поймал взгляд Честера, с видимым удовольствием потягивался.

Невольно подслушанный разговор представился уже совершенно в ином свете. Если бы он набрался храбрости и все-таки заглянул в кабинет брата, то увидел бы, как тот делает Чейзу массаж. Брат это умел, хотя и не очень любил, и рука у него была тяжелая и, судя по выражениям полицейского, тот как раз оценил это на себе. Впрочем, подозрений не стало меньше. Кем все-таки был для Хавьера детектив? Массаж он делал на памяти Честера всего несколько раз: ему и еще отцу, когда того ссадил в канаву любимый жеребец. Это очень помогло разработать ногу после неприятной травмы.

Честер вспыхнул и поспешил отвернуться. Ему было за себя стыдно – подумал о брате и его госте невесть что! И как теперь смотреть им в глаза, после того, как вообразил их в компрометирующем виде? Кроме того, брат захотел купить портрет мистера Цзян. Для себя? Или чтобы подарить его потом детективу? Но собирался ли Вэйд продавать полотно?

Художник снова потянул, на сей раз заставляя чуть склониться к нему. Честер не знал, что тот задумал, и совершенно растерялся, когда Вэйд легко коснулся его лба своим. И это на глазах у других! Было странно, но в то же время приятно, и так близко, что можно было уловить чужое дыхание, коснувшееся лица. Реакции со стороны зрителей, впрочем, не последовало. Чейз подозрительно глянул на Хавьера, да и только, а тот намного раньше младшего брата сообразил, что так Вэйд проверяет, нет ли у него жара.

Они вошли в столовую вместе, и Честер убедился в том, что опасения художника не были беспочвенны. Баранина не пострадала, но по скатерти разлилась лужица сливок, рядом с ножкой стола лежала вилка, а посреди комнаты рядом с Ангелом – ложечка. Пес не умел пользоваться столовыми приборами, зато быстро подобрал остатки раскрошившейся булочки длинным розовым языком и виновато завилял хвостом. Саймон, в отличие от него, имел самый независимый вид.

– И кто из вас это натворил? – весело спросил Хавьер, окинув взглядом слегка разгромленную столовую и двух мохнатых приятелей.

– Не сомневаюсь, виновато это чудовище, ошибочно названное Ангелом, – не терпящим возражений тоном заявил Вэйд, зачем-то придвинувшись к Честеру вплотную. Тот постарался не обращать на это внимания.

– Не приплетайте Ангела! – немедленно возмутился Чейз. – Он – воспитанный пес!

– Конечно, детектив, он – просто ангел, – иронично скривил губы художник. И хотя он никогда не скрывал своего отношения, однако странно было услышать от него: – Терпеть не могу все эти религиозные бредни!

– Это все – проделки того жирного кота! – мужчина обвиняюще указал пальцем в сторону кота. Тот прекратил вылизываться и презрительно посмотрел на человека. – Нет, ну вы видели? У этого исчадья Ада ни капли совести!

– Саймон не жирный! – вступился за любимца Вэйд.

Братья переглянулись и вздохнули. Нужно было унимать спорщиков, пока горячие головы не накинулись друг на друга с кулаками. Честер первым положил руку на плечо Вэйда, мягко удерживая его от использования костыля в качестве оружия.

– Давайте будем честны, он тоже наверняка в этом поучаствовал, – он указал на мокрые следы маленьких лапок на полу. – Но, конечно, один Саймон бы не справился.

– Ты предвзят, Чейз, – в то же время заговорил Хавьер. – Кот бы просто не смог запрыгнуть на стол, когда все стулья задвинуты под него.

– Давайте проверим! – рыкнул полицейский и, прежде чем кот успел пуститься наутек, ухватил его за шкирку.

Саймон изумленно мявкнул. Обычно такую бесцеремонность позволял себе только Вэйд, но ему, конечно, было позволено тискать Саймона и даже щекотать тому пяточки. На глазах у ошарашенных наблюдателей Чейз подвесил кота на край стола. Тот немедленно выпустил когти, уцепившись за скатерть, и засучил задними в воздухе.

– Чейз, – Хавьер мягко отодвинул его в сторону и взял кота на руки, приглаживая лоснящуюся серую шерстку. – Не мучай беднягу, что бы ты делал, если бы тебя так повесили?

Это… подействовало, хоть и прозвучало странно. Честер мог поклясться, что на секунду в голосе брата проскользнула неприкрытая угроза, что совершенно не сочеталось с ласковой улыбкой и неторопливыми поглаживаниями, от которых млел у него на руках Саймон. Чейз неловко потер запястье и объявил, что позовет горничную, чтобы немного прибралась. Вэйд хмыкнул, когда лейтенант обошел Хавьера по достаточно широкой дуге. Интересно, что между ними всё-таки?..

– Ты уж прости его, – тихо шепнул коту Хавьер, проводив детектива взглядом, и ещё раз погладил Саймона, прежде чем опустить на пол. Тот потрусил к Ангелу, как видно, жаловаться на поведение его хозяина.
***
Цзян вышел за дверь и остановился. Позвать мисс Мэдисон Стэнли он всегда успеет, а пока надо перевести дух… Поколебавшись, он вышел в холл, а оттуда в сад, и закурил. Первая же затяжка принесла чувство облегчения. Он задержал дым в легких, а потом длинно выдохнул.

Намеченный им план полетел ко всем чертям. Он не продвинулся ни на йоту, а потом Хавьер утащил его в свой кабинет и запретил лезть к художнику, буквально! Чейз прикинул, не наделал ли сразу после этого ошибок? Да, они повздорили, но ссору начал этот чертов Вэйд. Надо бы взять на заметку, что не стоит трогать кота. Пушистого мерзавца нет, просто не существует для Чейза с этой минуты и впредь, не то можно здорово нарваться. Он слегка сдвинул рукав – ссадины на запястье снова зазудели. И какого черта это так задело Ланя? Можно подумать, он кота придушил!

Недавно он думал, что придется пойти длинным путем, снова приехать сюда, изображать вежливость и сидеть смирно, выжидая момент. Однако Лань дал ему зацепку: он как-то узнал, что скрывает мистер Инн, а еще дал понять, что в этом долбаном деле замешан Санфорд. Дальше все будет просто. Он спустит с Санни шкуру, а потом все равно в свой законный выходной потащится сюда, постарается быть учтивым и терпеливо будет сносить многочасовую неподвижность, нравится ему или нет.

Ощущения были такими, будто Хавьер вылепил Чейза заново. Мял он детектива без малейшей жалости, как будто вымещал на нем злость за то, что тот все-таки влез в это дело. Даже оправдания, что Цзян действовал в его, Ланя, интересах, не умилостивили фабриканта, когда он настойчиво стащил с него мундир, а затем и рубашку. Чейз в очередной раз опешил от такого напора и голодного взгляда, которым любовник его окинул, но обошлось. Похоже, Лань и правда на него злился…

– Чейз, – говорил он терпеливо и бестрепетно нажимал на какую-то особенно болезненную точку между позвоночником и лопаткой. – Мистер Инн не связан ни с чем криминальным.

Ладони Ланя стали горячими и кожа под ними горела. Чейз попытался было возразить, но очередное движение заставило заткнуться. Он до крови прикусил кончик языка и даже этого не почувствовал.

– Лань, – прохрипел Цзян, ощущая прикосновение пальцев, как воткнутый в спину нож, который в довершение проворачивают. Хотел бы спросить, как он может быть таким… спокойно-беспощадным?

– Я готов поручиться за нашего арендатора, – мужчина принялся разминать больное место круговыми движениями, кожа разогрелась, и стало терпимо. Почти хорошо.

– Да, сделайте это жестче, – потребовал Чейз, почувствовав, что Лань движется в правильном направлении.

Секунду назад было только слабое предчувствие. Нет, Лань не просто заставлял его страдать каким-то извращенным способом, находя в организме самые больные места и надавливая именно на них. Боль, хоть и была адской, но сулила освобождение. Что-то треснуло громко и сухо, как сломанный сук старого дерева. Чейз застонал.

– О, сука… – чувство было такое, будто какая-то небольшая, но важная часть организма встала на место. – Да, и здесь тоже…

Руки фабриканта находили и выуживали не только плачевные результаты долгого сидения в одной позе. Они добрались до последствий его же вчерашней несдержанности и даже подступились к постоянному напряжению, вызванному работой в полиции.

– Лань, где Вы этому научились? – он невольно восхитился мастерством своего мучителя, но тут же сорвался на брань, потому что Лань потянул его за руку, по всей видимости проверяя, получится ли ее выдернуть. – Черт! Вы меня сломаете!

Он будет позировать этому скользкому, увертливому худедожнику столько раз, сколько тот захочет, чтобы добить долбанный портрет, который Лань вознамерился заполучить, только по одной единственной причине. За исполнение довольно постыдной роли живого манекена полагалось вознаграждение в виде охуительного массажа и за это можно было простить Ланю некоторые его прихоти.

Часть 40

До самого вечера Честер так и не смог поговорить с братом по душам, даже после обеда, когда полицейский отправился восвояси, даже когда они оставались одни в кабинете Хавьера и обсуждали дела. Несколько раз Честер хотел спросить, да так и не решался произнести вслух то, что вертелось на языке. Казалось, ни один вопрос не подходит. «Кто для тебя лейтенант Цзян?» Слишком размыто… «Вы близки?» О нет, такое он бы точно не сумел выговорить. Он вообще предпочитал обходить в разговорах все, что связано с физической близостью… Сказать, что волнуется? Но тогда брат просто постарается успокоить, уверить, что все на самом деле хорошо и нет причин тревожиться. Предложит добавлять в чай ромашку или даже позвать Сен-Клера, чего особенно не хотелось.

Честер решил дать себе еще немного времени на размышления и прислушаться к невысказанному совету брата насчет ромашки. Он сказал Мэдисон, что хочет выпить чаю вместе с художником. Не пройдет и десяти минут, как она принесет поднос на веранду, а потом вернется в кухню, чтобы расставить на нем новый набор посуды и отнести его уже в кабинет Хавьера или библиотеку, по его желанию.

Было бы глупо избегать художника, особенно живя с ним под одной крышей, но все равно Честер немного волновался. Нет, он не думал, что Вэйд откажется от чашечки ароматного чая с печеньем, которому миссис Стэнли забавы ради придала форму кроликов. Она говорила, что делает это для Майкла, Картрайда, даже для Мэдисон, но все в доме знали, что кухарка не хочет убирать формочки в виде звездочек и зверюшек в дальний ящик, потому что ей самой они очень нравятся.

Мысли с самого утра пребывали в беспорядке, а теперь запутались, кажется, еще больше. Он возвращался попеременно то к прерванному приходом детектива разговору, то к странному поведению близнеца. То к своему платку, аккуратно повязанному на запястье художника, то к тому, каким человеком был Чейз на самом деле.

Честер решил зайти с улицы, заодно и проветрить голову. Свет был слегка приглушен, а лампа на столе оживляла тени по углам комнаты. Вэйд сидел в одном из кресел на веранде, протянув ногу и подложив под спину подушку… нет, кота! Если бы тот не махнул хвостом, еще долго бы исполнял обязанности грелки, оставаясь незамеченным. Может, дело было в освещении, но фабриканту показалось, что художник выглядит не то грустным, не то задумчивым. Но лишь до того момента, пока Честер не привлек его внимание стуком в дверь.

– Я не побеспокоил Вас? – взгляд сам собой прилип к импровизированному браслету.

С тех пор, как Честер подарил ему этот платок, – по крайней мере, так выходило по словам художника, – шелковый аксессуар стал восприниматься как-то иначе. Ткань больше не хранила память о человеке, от которого он получил эту вещь в день своего восемнадцатилетия.

– Что Вы, Честер, у меня всегда найдется время для Вас! – художник заулыбался, приветливо, как и всегда, и слегка поправил живую подушку. Будь такое положение вещей Саймону не по душе, тылы художника давно бы уже подверглись покусанию. – Я всегда Вам рад.

Честер почувствовал, как потеплели уши под действием лукавого взгляда серых глаз. И как у Вэйда получалось говорить такие смущающие вещи так искренне? Художник был невероятно откровенен с ним! Он не только позволил Честеру наблюдать за процессом создания картины с самого первого этапа, когда на холсте появились первые тонкие линии и пятна цвета, он оставил портрет в его кабинете, а это дорогого стоило!

– Мгм, – фабрикант слегка кивнул, потому что просто не знал, как следует отреагировать.

Он смутился, кажется, еще больше, вспомнив сосредоточенный взгляд мистера Инна и уверенные движения его руки за работой. Порхание кисти, кладущей краску на холст свободными и точными мазками. Это завораживало и умиротворяло в то же время. Если бы фабрикант мог просто сидеть и смотреть за мастером, не опасаясь быть неправильно понятым, то посвятил бы наблюдению целый день, следя за тем, как он смешивает краски и творит.

– Располагайтесь, будьте как дома, – пошутил Вэйд, как будто одно только присутствие фабриканта и правда совершенно исправило его настроение. – Вы ведь и есть дома!

Честер занял кресло напротив, вспомнив, как позировал мистеру Инну, сидя в нем, и как ужасно нервничал поначалу. В дверь постучали. С легкостью балансируя подносом на ладони, вошла Мэдисон и принялась расставлять посуду на столе.

– Как Ваша спина? – Честер вспомнил, с каким скрипом поднимался на ноги лейтенант Цзян. – А Саймон? Лейтенант Цзян очень неучтиво его схватил…

– Ничего такого, что не мог бы исправить правильно приложенный кот! – рассмеялся мистер Инн, подмигнув заулыбавшейся девушке: – Или человек.

Честер уловил некоторую двусмысленность в словах художника, однако решил, что тот все-таки говорил о своем любимце. Если посмотреть на ситуацию с точки зрения кота, это не Саймон выполнял роль думки с подогревом, а Вэйд предоставлял ему уютненькое местечко, где можно пригреться и вздремнуть.

Поблагодарив горничную и дождавшись, когда она оставит их одних, художник взял в руки чайную пару, полюбовался рисунком с дерзкими красными элементами и позолотой, а затем перевел взгляд на Честера.

– Утром Вы с братом отправитесь на фабрику, а я пририсую доберЦзяну самый красивый букет пионов, но изменю их цвет, – поделился он своими ближайшими планами. – Что Вы думаете насчёт сиренево-голубоватого оттенка? Мне кажется, что он больше всего подойдёт лейтенанту. Хавьер ведь не шутил, что хочет приобрести этот портрет?

Честер кивнул, снова задавая себе вопрос: почему? И пугаясь ответа. Наверное, лейтенант – не такой уж плохой человек, несмотря на то, что порой ведет себя просто возмутительно. И Анна рассказывала о нем много хорошего. Он мог бы достать пару ее писем, где она непритворно восхищалась своим братом, но промолчал, потому что понимал, как это прозвучит. Как будто он успокаивает себя! Хотя да, он успокаивает себя и ему надо с кем-то поговорить. Он больше не может тащить это в одиночку. Как вообще Хавьер с этим справляется?

– Вы заметили? – серые глаза смотрели проницательно, как будто Вэйд чувствовал, что в эту минуту творится у него внутри.

– Что? – насторожился Честер, отпив немного чаю, чтобы взять себя в руки.

Возможно, он мог бы поговорить с художником? Сейчас. Обо всем, что так беспокоит. Инн уже знал о его опасениях насчет мерзавца, который едва не сломал Хавьеру жизнь и – как будто этого мало! – снова вернулся в Лондон. Секреты близнецов Вэйд хранил так же надежно, как свои собственные.

– То, как Ваш брат смотрит на детектива. Это видно, – художник говорил медленно, но не потому, что приходилось подбирать слова, а потому что давал время себе подумать. Честеру это было знакомо. – Мне, по крайней мере, видно. Я ведь люблю писать портреты и довольно хорошо передаю эмоции… а Хавьер – неплохо их скрывает, в отличие от детектива.

– Я начинаю думать, что их отношения с мистером Цзян выходят за рамки деловых, – признался Честер, испытывая неловкость от того, что собирался обсуждать личную жизнь брата у него за спиной.

– И это Вас беспокоит? Вы не одобряете, то что выбор Хавьера пал на мужчину? – недоверчиво уточнил Вэйд. – Понимаю, лейтенант грубоват и резок…

– Не в этом дело, – слишком поспешно прервал художника Честер и постарался сгладить свои слова. – Это непросто, но я попробую объяснить. Три года назад мануфактура мистера Чаттера, отца Стюарта, пережила тяжелые времена, Вы могли слышать об этом от мистера Нэттли. Были выдвинуты обвинения: контрабанда и несколько убийств, совершенных с чудовищной жестокостью.

– Это было одно из первых крупных дел Санфорда, – закивал художник, избавляя от необходимости подробно останавливаться на тех событиях. – Ему удалось доказать, что настоящий преступник проворачивал теневые сделки за спиной у руководства. Практически в одиночку.

– Его имя Йен Мэйсон… – выговорил Честер, хотя казалось: стоит произнести вслух его имя, и произойдет что-то непоправимо дурное. – Он всю жизнь проработал на мистера Чаттера, поднялся с низов, а потом… предал оказанное доверие.

Задумавшись, погрузившись в неприятные воспоминания, мужчина поймал на себе взгляд Вэйда, встревоженный и вместе с тем заинтересованный. Как он воспринимал эту новость? Сознаваться в совершении преступления было страшно, хотя это была только дача взятки, крайняя и вынужденная мера…

– С этой историей связаны еще некоторые обстоятельства, – он прикусил губу, но продолжал, подумав, что с Вэйдом можно поговорить об этом, он сможет понять. – Я позаботился, чтобы имя Хавьера нигде не всплыло, все, что случилось, и так сильно потрясло его.

– Небеса! – воскликнул художник, подавшись вперед. Удивительно было услышать это от него.

Саймон поднял заспанную мордочку, чтобы посмотреть, куда собрался непоседливый хозяин. Тот от волнения плеснул на себя чаем, но только отставил чашку на стол и даже не стряхнул капли с брюк. На Честера снова нахлынуло смущение от того, как порывисто Вэйд схватил его ладонь и сжал в своих.

– Мне кажется, детектив со всеми его недостатками не похож на… *того человека*, – Лань ответил благодарным взглядом. Вэйд тоже избегал называть ублюдка.

– Если бы я тогда знал, на что способно это чудовище… – фабрикант вновь не стал вырываться, не стал избегать близкого контакта, который художник не спешил разрывать. – И на что он толкает брата…

– Честер, я уверен: Хавьер так старается скрыть свое истинное отношение к детективу, чтобы не волновать Вас, – сказал он убежденно, осторожно погладив тыльную сторону ладони. Это оказалось неожиданно приятно. – Потому что сам знает, что склонен сближаться совсем не с теми людьми, и знает, что Вы знаете.

Честер почувствовал, что понемногу упускает нить разговора, и сердце отчего-то забилось в груди чаще. Они снова держались за руки, и это очень напоминало то, что происходило утром во время завтрака. И то, что сделал Вэйд…

– Вы правда не помните ничего из того, что было в Брайт Хаусе? – лукаво спросил художник, когда Честер машинально облизнул пересохшие губы. Он так быстро поменял тему разговора…

– Мгм, – тот кивнул и отвел взгляд.

Инн немедленно потормошил его, обращая на себя внимание. Но что он мог сказать? Эта черта была свойственна большинству мужчин в их семье и даже обросла парочкой фамильных легенд с прекрасным, но увы вздорным волшебником и его проклятьем, однако пересказывать их он бы ни за что не взялся. Даже на Хавьера алкоголь действовал так же. Когда-то…

– Так выходит, Вы пропустили все самое интересное, – опечалился художник. – И даже не помните, как мы поцеловались?

Честер задержал дыхание. Кажется, Инн прочел по глазам, какое смятение охватило его после этих слов, потому что принялся успокаивающе поглаживать его руку, слегка, кончиками пальцев.

– Мы вышли на улицу, – принялся рассказывать Вэйд. – Фонари лили на мостовую мягкий и теплый свет, но прохожих было немного, и те спешили поскорее в тепло. Они даже не смотрели в сторону Брайт Хауса, должно быть, из-за пронзительного ветра, который налетал порывами – нас-то от него укрыла стена.

Ожидание было томительным, но Честер не решался перебивать Вэйда, подбиравшего красочные эпитеты для описания ночного Лондона. Он боялся услышать, что было дальше, после того, как Хавьер отпустил их вдвоем на улицу. Но как он мог предположить, на какие приключения потянет Честера на сей раз. Он потерял бдительность, потому что причуды младшего были по большей части безобидны. Честер мог захотеть взобраться на забор или дерево, а однажды нырнул в пруд на глазах изумленных уток. Ничего такого, кроме слегка подмоченной репутации.

– Вы наклонились так близко, что мы оказались почти что нос к носу, и тогда я сделал вот так, – Вэйд накрыл его губы ладонью очень мягко, и, опираясь на его руку, приблизил лицо к его лицу. – Я сказал, что мы не можем этого себе позволить, что я не должен так пользоваться сложившимися обстоятельствами. И все же у Вас был такой взгляд, что я… уступил.

Он коснулся губами тыльной стороной своей ладони, все еще накрывающей губы Честера. Тот изумленно моргнул. Если это можно было считать поцелуем, то наверное самым странным на свете.

– Я пообещал Вам не только букет, – он понизил голос, а серые глаза потемнели, как грозовое небо. – Но и настоящий поцелуй, если Вы захотите этого, когда выйдет хмель.

Примечание к части

https://pin.it/3AmDOFh
Букет для Чейза

Часть 41

Похоже, он становится домушником. Сегодня он рисковал быть застуканным еще больше, чем в тот раз, когда проник к Вэйду. Он узнал от Мэдисон, что брат и художник пьют чай внизу, и дождался, когда девушка уйдет, оставив ему чайничек и кроличьи печеньица с золотистой корочкой. Потом крадучись вышел в коридор и направился к кабинету Честера. Тот не стал запирать дверь, полагаясь на порядочность старшего брата, а Хавьер… не преминул этим воспользоваться.

Ему уже хотелось снова увидеть Чейза. Вид полуобнаженного детектива, постанывающего под его руками, слишком сильно взбудоражил его сегодня, но с этим ничего нельзя было поделать. Честер мог их услышать так же, как Хавьер услышал его. Брат так невовремя подошел к двери! Что бы он увидел, если бы все-таки зашел? Слишком многое пришлось бы объяснять… В том числе следы на запястьях Чейза… Теперь он сожалел, что не поцеловал детектива. Поцеловать, отвести душу, на всякий случай зажать рот, чтобы брат не услышал лишнего.

– Но и ты не пытался! – упрекнул Лань, глянув на портрет.

Поймал ответный сердитый взгляд, Чейз с портрета как будто говорил ему: «Вы выжили из ума, Лань! Как бы Вы стали объяснять брату наш выебанный вид, когда бы мы наконец вывалились из Вашего кабинета, чтобы доесть остывший ужин?»

– Ты прав… – вздохнул он, не слишком-то смущенный молчаливостью собеседника. – А я уже начинаю думать, что все испортил…

– А что, если это ошибка? – он понизил голос. – Как ты считаешь? Ты с самого начала был не в восторге от этой идеи, а я втягиваю тебя в то, чего ты даже до конца не понимаешь… И хочешь ли…

Он качнул головой и обошел портрет. Сел на то место, которое недавно занимал Чейз, только расположился более вольготно. Казалось, что так он сможет лучше понять детектива, проникнуть в его мысли. Хотя на что он надеялся? Его тепло уже нельзя было почувствовать, только то, что детектив был здесь. А может, нотки запахов ему мерещились… Фабрикант прикрыл глаза и посидел так еще немного, потом встал и бесцельно прошелся по кабинету брата, прежде чем вернуться к картине.

– Кошка поймала птицу. Замучила, заиграла, искалечила, почти убила, прижала к сердцу мягкой, без когтей, лапкой, и вылизывает. Этот мир полон любви, – процитировал он и горько улыбнулся. – Как я могу рассказать тебе? Я до смерти боюсь, что ты тогда отвернешься, и я… просто не смогу.

В этот раз он уселся на место Вэйда, чтобы взглянуть на портрет глазами художника. Вблизи полотно выглядело совсем иначе, взгляд останавливался на неровностях краски, дробил картину на отдельные мазки, вместо того, чтобы воспринимать ее в целом. Вместе с тем пропадало ощущение незавершенности, нехватки деталей там, где они должны быть.

– Мне кажется, это все – не простое стечение обстоятельств. Не случайно именно ты освободил меня тогда. Ты долго охотился на Мэйсона, прежде чем запереть его там, где ему самое место? Я бы хотел знать, как ты его поймал, во всех подробностях. Я не писал ему в тюрьму и не получал писем. Думаю, если они и были, старина Уотсон бросал их в камин… И тогда я благодарен ему за это.

Он потянулся, чтобы коснуться Чейза, как-то выразить чувства, поднявшиеся внутри, но остановил руку в дюйме от холста. Не хватало нечаянно что-то испортить… он этого совершенно не хотел, как и разозлить Чейза еще больше упоминанием о человеке, давно уже оставшемся в прошлом.

– Я думаю, что Мэйсон убил меня, – тихо выговорил он, отворачиваясь от изображения любовника и опустив плечи. – Он на самом деле убил Хавьера Ланя, такого, каким он был когда-то. А потом появился ты… И, черт возьми, Чейз, я не понимаю, почему ты со мной! Ты так явно сопротивлялся и сопротивляешься. Может быть, в следующий раз ты дашь мне ответы?

Он знал, что ждать следующей встречи придется не так долго, – за ужином они это обсудили – до четырнадцатого каких-то несколько дней. Если с головой уйти в работу, а обстановка на фабрике как никогда к этому располагала, они пролетят незаметно. Просто недолгая пауза, чтобы понять, какие изменения произошли в их отношениях после того, что Хавьер сделал накануне.
***
Вэйд осторожно убрал руку от его лица и снова придвинулся ближе, как будто хотел поцеловать его по-настоящему прямо сейчас. Разве так можно? Изумление сменилось протестом – неправильно. И не важно, что они делали в Брайт Хаусе, если сейчас все не так! Он не так это представлял. Он вообще не представлял себе ничего подобного, если на то пошло, и нуждался в том, чтобы вернуть себе контроль над ситуацией, пока их обоих не подхватило течением и не унесло неведомо куда.

Мысли двигались какими-то зигзагами, а сердце в груди забилось как сумасшедшее, когда он сам подался вперед, чтобы уже в следующий миг коснуться губ художника. В отличие от Вэйда он не был к этому готов, все случилось слишком быстро. Мужчина прикрыл глаза, подглядывая из-под ресниц за тем, пойдет ли Честер до конца, не мешая, когда тот стал смелее.

Это было… Он пытался мысленно описать свои ощущения и не мог. Чужие губы оказались мягкими и податливыми, очень теплыми, почти горячими, потому что художник пил чай или потому что его сердце сейчас тоже частило, и кровь хлынула к лицу и… не только. Честер провел языком по губам чужим и собственным, но не распробовал вкус.

– Я бы хотел, чтобы Вы всегда отвечали «Да» таким образом, – мечтательно улыбнулся Вэйд

Кивок вышел немного неуверенным, возможно, потому что после этого несуразного поцелуя Вэйд не отвернулся, а пристроился на подлокотнике его кресла. Чтобы быть ближе? Или потому, что на втором уже успел развалиться Саймон, заняв почти все освободившееся место? Голова слегка кружилась, и не было никакой возможности извиниться и сказать, что это было ошибкой, когда художник вот так склонился к самому уху, положив руку ему на плечо, и пообещал:

– Я всему тебя научу, Честер, – потом как будто бы смутился собственных слов: – Мы ведь можем перейти на «ты»? Когда двое остаются наедине, для всех этих условностей не должно быть места.

Даже Саймон почувствовал, как изменилась обстановка в комнате. Возникшее было напряжение испарилось, потому что оба чувствовали себя не в своей тарелке и проходили через это вместе. Кот перевернулся кверху пузиком, скрестив лапы и свесив хвост. Он растопырил пальчики задней правой, потом слегка дрыгнул левой, тем самым потревожив собственный сон, после чего взглядам мужчин предстало умилительное зрелище. Кот раскинул передние лапы, как будто хотел обнять весь мир, и затем театрально закрыл обеими мордочку. Судя по тому, как он причмокнул и счастливо засопел, ему снился действительно сладкий сон, который очень хотелось досмотреть до конца…

– Но сначала, – продолжал художник, таинственно улыбаясь и наклоняясь еще ниже. – Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Честер моргнул, не понимая, как это относится к их близости. Разве это может иметь отношение к кому-то третьему? Еще какой-то секрет художника, о котором тот до сих пор умалчивал? Честер и без того был потрясен до глубины души, когда раскрылась его личность. Что, если?.. Он не успел додумать, что же если, потому что дыхание Вэйда коснулось его уха.

– Что-то мне подсказывает, что ты совсем себя не знаешь, – от легчайшего касания Честера бросило в жар. Вэйд действительно лизнул краешек его уха? Как большой кот.

– Вэйд, ты хочешь… – он сбился, потому что называть художника так было… сродни волшебству. Завтра за завтраком он специально повторит это: «Вэйд, ты…»

– Тс-с, – успокаивающе протянул тот, поняв его по-своему. – Мы не будем спешить. У нас полно времени, чтобы узнать друг друга.
***
Чейз думал, что сравниться с Хавьером по части умения заморочить голову и вытрахать мозги никто не сможет. Но ошибся. Проныра-художник оказался достойным соперником. Хотя, что уж говорить, Лань был хорош. Чейз даже почувствовал что-то сродни облегчению, подумав, что это – конец. Несносный фабрикант получил от него то, что хотел, и потерял интерес. Однако за этим последовала неожиданная волна… разочарования? Или чего-то похожего.

Хавьер не мог быть так прост. Если бы все, чего он хотел, – это поиметь понравившегося детектива из Скотланд-Ярда, он бы давным-давно это сделал. Еще когда Чейз не оправился от дурацкого ранения. Не мог и не был. Цзян чуял это буквально задницей. За идеальным фасадом скрывалось… что-то.

– Не стыдно? – спросил он Ангела, потому что больше было некого. – Этот хлыщ даже не поцеловал меня, а ты ему руки лизал. Хоть бы на лужайку ему нагадил, что ли…

Чейз чувствовал такую усталость, что хотел одного – вернуться домой и пораньше завалиться спать. Он привык часами сидеть в засаде и считал, что легко, прямо-таки играючи, справится с ролью натурщика. Оказалось, это – та еще работенка! Оставалось надеяться на то, что завтра выдастся спокойный денек, можно будет закрыться в кабинете и разбираться с бесячими бумажками. Не хватало еще носиться по всему городу, когда опасаешься лишний раз наклониться или повернуться.

Он решил, что выяснит все про этого долбанного Вэйда. Еще раз пересмотрит то, что на него удалось нарыть. Пошлет несколько запросов. Позвонит Санфорду, коль скоро тот готов поручиться за этого худедожника. Он мысленно перебрал факты в голове: дата и место рождения. Родители умерли. Жены и детей нет. До недавних пор жил в глуши, пока невесть откуда не обзавелся деньгами на съемную квартиру в Лондоне… Так, что ли, получается? Чейз даже подумал послать кого-нибудь расспросить немногочисленных соседей Вэйда о том, чем тот занимался в их богом забытой дыре и откуда на него свалилось богатство.

Лань говорил, он всем обязан только своему таланту. Лань знал, в чем секрет, но даже не подумал сказать. Делает, что хочет! Вечером Чейз наорал на экономку. Утром сделал это заочно, потому что, выметаясь из его квартиры, эта милая женщина захватила с собой банку с кофе. Лейтенант знал, что в его отсутствие банка вернется на свое место, а экономка потом будет все отрицать, да еще скажет, что ему нужно больше отдыхать. Он сам знает, что ему нужно, а что нет!

И все же не эта неурядица испакостила утро вторника окончательно и бесповоротно. И даже не ноющие мышцы, с болью в которых он успел как-то примириться, а пришедший к нему с чашкой чая Смит.

– Мистер Цзян, – сержант подождал, когда тот обратит внимание на подношение. – Помните громкое дело об убийце примерно трехлетней давности?

– Мэйсона? – фамилия всплыла в голове сразу, потому что он тогда землю рыл вместе с Ангелом, лишь бы поймать мерзавца, и заодно утереть носы газетчикам, твердившим, что сделать это у полисменов никогда не получится. – Не бывает неуловимых…

Он вспомнил тот момент, когда настиг ублюдка, проблеском, будто на фото. Перекошенное уродливой ухмылкой лицо, мазок крови на гладко выбритой щеке, совершенно безумные глаза и раскаленные щипцы в левой руке. Щипцы, которыми он до этого пытал связанного мужчину. Человека, с которым, как позднее выяснилось, приятельствовал много лет. Чейз отогнал мысли об ожоге на шее Ланя. Сколько еще у него шрамов, которых лейтенант не видел?..

– Решетки его не удержали, – вздохнул Смит, возвращая его к действительности и насущным проблемам.

– Побег? – Цзян поднял на него убийственный взгляд и выругался, не опасаясь неожиданных последствий. Не стоит же Лань за дверью! – Что мы знаем? Всю информацию, быстро!

– Его выпустили, – доложил сержант и вздрогнул, когда Цзян впечатал кулак в столешницу. – Ошибка, шантаж или взятка, пока неизвестно, но он уже здесь, в Лондоне. Нам только что сообщили.

Лейтенант вскочил из-за стола и скривился от боли. Это только больше его разозлило. Он помянул мамашу ублюдка. Насколько он помнил, ту убил очередной клиент, а изуродованное тело бросил в сточной канаве. Лучше бы и мальца ее там же притопил, Чейз был бы ему только благодарен.

– Надо проверить старые норы этой крысы! – распорядился Цзян и хлопнул по бедру, приказывая Ангелу следовать за ним. – Поднимите дело, а я съезжу для начала на то место, где его взял. Вдруг он будет так сентиментален, чтобы туда вернуться? За долбаными сувенирами…

Чейз прижмет душегуба еще раз… столько раз, сколько потребуется, чтобы тот забыл слово «воля» на веки вечные. Будет работать сверхурочно, и хрен его выпрут из участка, но достанет гада. Придется еще раз нажать на Вэйда с тем, что у него имеется, – времени на расследование его дела сейчас просто не будет.

Часть 42

В четверг ему в первый раз серьезно повезло, увы, не с расследованием. Чейз несколько задержался, чтобы лишний раз пройтись щеткой по мундиру перед выходом, хотя на самом деле просто не испытывал желания его надевать и звереть в нем от жары на солнцепеке. Зато к тому времени, когда Чейз приехал, оба Ланя отбыли на свою фабрику и не стояли между ним и художником. Можно было подготовить почву, а потом выложить все, что у него было на Вэйда и посмотреть, как тот станет выкручиваться. А он не сможет, уж в этом Цзян был уверен.

Художник ждал его наверху, уже подготовив все необходимое для работы. Чейз тоже был готов к встрече… Чтоб он еще раз попался на удочку этого мерзавца! Цзян решил представлять, что они находятся в допросной, а не в кабинете младшего из близнецов.

– Вы плохо выглядите, детектив, – заметил художник, хотя Чейзу было совершенно непонятно, чем он заслужил внезапное участие этого человека. – Вам нужно больше спать и прогулки на свежем воздухе не повредят.

Чейз мысленно зарычал. Это было слишком! Мистер Инн надеялся подлизаться к нему, а в итоге заговорил в точности как миссис Флай, которая постоянно причитала, что он пьет слишком много кофе, плохо питается, мало спит и слишком много времени проводит на работе. Этот тип уже почти месяц в Лондоне, а они узнают об этом только сейчас – хорошенькое дельце! Он так и сказал недовольно поджавшей губы экономке: «Миссис Флай, я не могу спать спокойно, зная, что этот ублюдок спокойно укокошит Вас на пороге Вашего собственного дома, просто чтобы насолить мне». Наверное, не стоило так запугивать женщину. Чейз не знал, собирается ли Мэйсон сводить с ним личные счеты. Он вообще ни черта не знал!

– Кончайте делать вид, будто лучше меня разбираетесь в моей жизни! – наконец огрызнулся Цзян, перестав почесывать млеющего у его ног пса за ухом.

Ангел посмотрел на хозяина в надежде, что тот продолжит, потом повел носом. Еще бы! Чейз не поленился и купил немного французского сыра. Запах у него был не противный, но несравненно более яркий, чем у британских сортов, настоящий праздник для собачьего носа.

Примерно через час Вэйд уже терял самообладание перед обаянием терьера, пытающегося выпросить, а потом и просто заполучить, лакомство, а Чейз окончательно вышел из себя. В конце концов он просто прикрикнул на пса, а потом и на художника. Высказал ему все, что о нем думает и даже больше, вскочил на ноги, запнулся об Ангела…

– Где Вы, черт бы Вас побрал, научились рисовать? – досадливо спросил он, когда на шум заглянул дворецкий, наверняка приставленный охранять Вэйда от его посягательств. – Только не говорите, что на Вас снизошел святой дух, когда другие мальчишки кололи дрова.

– Я тоже знаю эту историю с поленницей, – неохотно отозвался Инн, кивая Уотсону в знак того, что у них все в порядке. – Читал, знаете ли, жития Святых в детстве… Подойдите, мистер Цзян, сделаем перерыв.

Чейз неохотно послушался, только чтобы взглянуть на свое изображение. Ангел благоразумно остался на месте, опасаясь снова быть затоптанным. Художник с опаской покосился на пса, а потом взял кисть поменьше и обмакнул ее в краску. Что такого важного он собирался ему показать?

– Какого хрена лысого Вы вылезли из своей дыры, приперлись в Лондон и… – лейтенант не договорил.

Он уже обошел мольберт, и картина оказалась перед его глазами, что заставило быстренько закрыть рот. Не завершенная, местами совсем не проработанная, но как он только что собирался ее назвать? Неужели мазней? Хорошо, еще не успел ляпнуть это вслух… Не нужно было слушать лекции отца об искусстве и ходить с ним в надоевшие галереи и на аукционы, чтобы понять – работа интересная. На холст тщательно и кропотливо было перенесено нечто, казалось бы, неуловимое. Не только настроение – неужели он такой хмурый? – а как будто частичка души. Вэйд был хорош, очень хорош…

– Вы перекрасили эти чёртовы пионы, – выговорил Цзян, когда молчание затянулось.

Ангел выглядел напротив – ужасно счастливым и довольным собой. Умные карие глаза блестели, из приоткрытой пасти показался кончик розового языка, а усатая морда как будто улыбалась. Настоящий собачий портрет, что бы там Инн ни говорил.

– Так они Вам, наконец, нравятся? – уточнил Вэйд, как будто бы и правда хотел ему угодить.

А потом он выбрал свободное место, где полагалось быть шторе, и размашисто расписался на нем. Подпись Цзян узнал… Недавно у Анны появилась картина какого-то там модного художника, от которого была без ума половина ценителей искусства в том числе из-за флера таинственности, окружающего личность этого человека, удалившегося от мира несколько лет назад. Сестра была в полнейшем восторге, что этих бабочек нарисовали специально для нее по заказу… Честера Ланя. И на крыле одной была точно такая же подпись.

– Только не говорите, что Вы подделываете картины, – пробормотал Чейз, все еще находясь под впечатлением от увиденного, и поймал неодобрительный взгляд Вэйда.

– Только не подумайте, будто наш общий друг подделывает нечто другое, – попросил художник, совершенно напрасно защищая Санфорда.

Детектив был в ярости, но обращена она была на Хавьера, мать его, Ланя, который что-то не очень спешил домой. Долбаный фабрикант знал – возможно, с самого начала! – и канифолил Чейзу мозги. Хотелось примерно наказать его, чтобы в следующий раз был честен, как подобает вшивому, мать его, джентльмену.

– Ох, попадется он мне… – прорычал Цзян, заставив художника занервничать.

Первые полчаса Цзян кипел от ярости и праведного гнева, не находящего выхода. Он мысленно обвинял то Хавьера, все это время мутившего воду, то Санни, который, оказывается, приторговывает картинами и промышляет подделкой документов. Вот же разносторонний ублюдок – посадить бы его под замок на ночь, чтобы одумался, да только скандал поднимется… Не то чтобы от его махинаций кто-то пострадал или смог обогатиться – семьи у мистера Инна не было, а его хибара в глуши гроша ломаного не стоила – но что должен теперь делать Чейз, когда правда стала ему известна?

Он просто ненавидел такие ситуации! Обычно правила и законы делали жизнь проще и понятнее, позволяли однозначно отличить зло от всего остального и пресечь его на корню, помогали делать правильные вещи. Сейчас же детектив чувствовал, что его

призвание развернулось и показало ему задницу…

В следующие полчаса Цзян сорвался на Вэйда, который не имел права морочить головы всему Скотланд-Ярду и отвлекать стражей порядка от действительно стоящих дел. Если бы они не копали под мнимого фальшивомонетчика, могли бы – пусть даже случайно, в рамках совершенно других дел – обнаружить какие-то следы Мэйсона, растворившегося в огромном городе.

– Вы должны были явиться с повинной, а не тянуть кота за яйца, – прорычал полицейский. – Думаете, я Вашу жопу покрывать буду?

Тот, конечно, снова бросился на защиту бесполезного комка меха, который даже на столе улежать не мог, чтобы не упасть оттуда. Чейз видел, как тот взбирался на стул, а оттуда влезал на покрытое куском гладкой кожи рабочее место Честера. Жаль, на черной поверхности шерстинки будут хорошо видны и фабрикант не нацепляет их на рукава.

– Написать признание, что живу под чужим именем, – невинным тоном начал художник, чтобы довести собеседника до остервенения. – И сдать мистера Нэттли?

– На кой черт вы двое вообще это затеяли?! – взорвался Чейз, которому просто хотелось оторвать обоим головы и заявить, что так и было.

– Сядьте и успокойтесь, мистер Цзян, – попросил Вэйд, уставший смотреть на него снизу вверх. Это взбесило еще больше! – А я расскажу Вам, как люди готовы идти до конца ради того, чтобы защитить свою репутацию в глазах окружающих.

И он поведал историю, от которой у Чейза, навидавшегося всякого в своей жизни, мурашки поползли по спине. Фанатичная вера толкнула членов семьи художника на такие поступки, которыми никак нельзя было гордиться. Мать изрезала холсты, потому что картины на них были нарисованы, по ее мнению, рукой Дьявола; отец пытался запереть собственного сына дома, по крайней мере, до той поры, пока тот не «одумается» и не бросит дело всей жизни. Были сомнительные личности, готовые изгнать несуществующих бесов, и, наконец, неоднократные попытки разыскать и поместить художника в лечебницу для душевнобольных только потому, что тот продолжал рисовать и продавать картины под своим именем.

Чейз невольно представил себя на его месте. Родители не одобряли его выбор и всегда прямо говорили об этом, что порождало споры и даже ссоры. И все же, от него не отрекались и позволяли жить так, как он считает нужным…

После короткого рассказа мужчины около сорока минут просидели молча. Это было довольно тягостно и длилось до тех пор, пока кто-то из Ланей наконец не вернулся. В этот раз Чейз встал не такой одеревеневший, как в прошлый. Он нарочно оставил Ангела с Вэйдом, чтоб ему пусто было, а сам направился к лестнице, ведущей на первый этаж. Конечно же, Лань шел ему навстречу в сторону кабинета, из которого полицейский только что вышел… вот только который из Ланей?

Мужчина остановился перед ним, видя его затруднения и наблюдая, как Цзян станет выпутываться. Лицо оставалось спокойным, но эта сраная ситуация явно доставляла ему удовольствие! Чейз отточенным движением сгреб фабриканта за отвороты пиджака и вдавил в стену, прошипев ругательство. Тот не только охотно поддался, но и прогнулся, прижимаясь теснее, обвивая руками. Потянулся к его губам, такой покладистый…

Чейз забыл, что еще час назад хотел придушить Хавьера, посылал на его голову кары небесные и придумывал всяческие наказания, которым хотел бы подвергнуть любовника. Тяжело было это признавать, но с его стороны было даже разумно умолчать об этой мутной истории, чтобы не подставлять ни арендатора, ни собственного адвоката. Лань поручился за этого человека, и если бы Чейз на этом успокоился, то вовсе не попал бы в неудобную и крайне неоднозначную ситуацию.

– Так я больше не в опале? – уточнил он, пока удерживаясь от того, чтобы накинуться на любовника прямо здесь, рискуя быть застигнутыми вездесущим художником. Тому может понравиться ненароком!

– В опале? – непонимающе переспросил Лань, продолжая откровенно напрашиваться на ласку.

– В понедельник… Вы, блядь, даже не приставали ко мне. Я думал, что… – он понял, что делиться своими опасениями – не лучшая идея, и исправился: – Что я мог подумать? Что Вы, мать Вашу, заболели?

– Чейз! – Хавьер рассмеялся так легко и непринужденно, что он сам перестал злиться. Лань все-таки небрежно поцеловал его, быстро коснувшись губ и тут же отстранившись. Озорно сверкнул хрусталем серых глаз. – Ты правда не слышал никого за дверью? Или ты хотел, чтобы Честер нас застал?

Чейза передернуло. Он вообще ничего делать не мог, когда чувствовал взгляд другого близнеца на себе. Настороженный или холодный – он был одинаково невыносим… Сложно было вообразить его, застывшим ледяной глыбой за столом в кабинете и наблюдающим, как Хавьер разминает Чейзу спину, а потом уже откровенно лапает…

– Вот бля… – так же растягивая слова, Чейз поразился, как мог несколько дней беспокоиться из-за такой херни, что к тому же мешало работе. В отместку он тряхнул Ланя, хорошенько, чтобы тот стукнулся затылком. – Вам непременно нужно, чтобы я просил?! Да идите Вы на хер!

– Этого вполне достаточно. Сейчас, – Лань обхватил его за шею и плечо, чтобы не думал отстраниться или уйти. – Я тоже скучал.

– Сука, – с чувством выругался Цзян и поцеловал фабриканта, не дожидаясь его реакции на брань.

Он не желал просить. Он хотел взять то, что ему причиталось, и невозможность это сделать прямо сейчас буквально сводила его с ума. Чейз выбрал не самое удачное место, чтобы изводить и себя, и любовника такой близостью. Это все меньше походило на банальную интрижку. Теплые губы Хавьера, рука Хавьера, неспешно гладящая шею под самым затылком, от чего пробирало ознобом и волосы словно вставали дыбом… Грёбаный самодовольный засранец…

Часть 43

Лань мог бы вырваться из его хватки, но почему-то не сделал этого, хотя и силы, и умение у него были… Когда Чейз задерживал его во время облавы, он тоже не противился, и воспоминание об этом странным образом взбудоражило. Они уже были в кабинете Хавьера, Чейз проследил, чтобы дверь закрылась плотно, и развернул любовника привычным до автоматизма движением. Только болевую точку на запястье нажал не так сильно, как если бы это был реальный преступник. Впрочем, с точки зрения закона Лань и правда был соучастником этой странной аферы с подменой… По меньшей мере, знал о произошедшем и ничего не сказал.

Цзян действовал на инстинктах, вымещал злость не только на Хавьера, но и на всю эту гнилую ситуацию. Толкнул, заставляя шагнуть к столу, и потянул руку выше, принуждая согнуться. Лань с какой-то странной готовностью лег грудью на листы бумаги, письма, собственную записную книжку.

– Удобно? – осведомился Чейз, ухмыляясь. Вот бы настоящая допросная была обставлена с таким шиком… впрочем, тогда она бы не производила на людей должного впечатления.

А вот что делать дальше, он не подумал. Не надевать же на Ланя наручники в самом деле? Имеет ли он вообще право наказать? Внезапное желание снова сделать Хавьеру больно слегка пугало. Сейчас дело было уже совсем не в том, что он нарушил закон и покрывает преступника. Чейзу просто… хотелось.

– Что это, лейтенант? – несносный фабрикант тут же заставил его потерять уверенность во владении ситуацией, чуть двинув бедрами назад и плотнее, без тени стеснения, прижавшись к паху. – Секретное оружие полиции?

Чейз отскочил от него как ошпаренный, чувствуя, как полыхают щеки и шея. Он задыхался от растерянности, смущения и злости. Лань снова выставил его дураком, хотя в его голосе, хоть убей, предвкушение слышалось яснее, чем насмешливые нотки. Он знал? С самого начала все просчитал? Может, даже позаботился о том, чтобы близнец остался на фабрике и не мешал им… Чертов расчётливый ублюдок. Сколько ещё уловок у него в запасе? И на сколько из них Чейз попадется?

– Чейз? – он выдержал паузу, не спеша менять явно неудобное положение. – Или ты теперь хочешь заставить меня просить? Хочешь, чтобы я встал на колени? Достаточно просто сказать, и я сделаю это.

– Вы серьезно, Лань? – он отступил еще на шаг.

– А как же «если кто-нибудь войдёт»? – искуситель мягко выпрямился и подобно большой кошке обошел Чейза по кругу, будто оценивая на вкус. – Какое бесстыдство, лейтенант…

Цзян поворачивался за ним, не желая выпускать из поля зрения, и выругался, когда уже не мог выносить зрительный контакт с Хавьером. Тот поступил предсказуемо, отдав ему победу в этих странных гляделках. Как он мог так легко позволять Чейзу им манипулировать?

Не разрывая поцелуй, фабрикант заставил опереться, почти сесть, на стол и действительно опустился на колени, хитро глядя на детектива снизу вверх. Первым порывом было заставить Ланя подняться, Чейз даже протянул к нему руку, но тот уклонился и не спеша огладил его бедра. Ладони плавно переместились на внутреннюю сторону, чуть надавили, побуждая шире развести ноги, чтобы им обоим было удобнее.

Лань наклонил голову, и Чейз судорожно сжал край столешницы, ощутив настойчивое касание губ через ткань. Обжигающее дыхание проникло под одежду, дразня напряжённый член. Этот человек действовал как наркотик… лишая способности мыслить трезво.

– Гляжу, у тебя тут припасено лакомство для меня, – снова фабрикант плел свои сети… – Не то чтобы я очень любил эклеры…

– Откуда Вам знать, что мне они нравятся? – огрызнулся Цзян, почуяв неладное.

– Твоя сестра сказала, – Лань с такой легкостью сознался в бессовестном посягательстве на его личную жизнь!

– Вы расспрашивали обо мне?! – он схватил мужчину за волосы, заставляя смотреть в глаза. – Анну?!

– Чейз, так мы никогда не доберемся до начинки… – упрекнул тот, продолжая опутывать, как паук свою жертву, только не тонкими нитями, а вкрадчивыми касаниями. Прозвучало… плотоядно, словно его действительно собирались сожрать.

Чейз инстинктивно толкнулся навстречу ласке любовника, не торопящегося освобождать его от сдавливающей одежды. Определенно, по умению издеваться и изводить Хавьеру не было равных…

Мысль, что кабинет – не то место, и время неподходящее, что их в конце концов могут увидеть, пропала в тот момент, когда тонкие сильные пальцы стянули с него брюки и белье. Лань правда собирался сейчас это сделать. Они оба собирались зайти дальше простых поцелуев и прикосновений…

Хавьер все еще стоял перед ним на коленях. Он взял неглубоко, лишь слегка обводя головку языком, но от этого пробрало ознобом и сразу же волной жара, которая загуляла по телу, не желая утихать. Фабрикант действовал очень медленно и расчетливо, с каждым разом позволяя проскользнуть чуточку глубже.

Даже от таких издевательств он мог бы кончить… Если бы позволили. Лань же имел совершенно другие намерения и, почувствовав нарастающую дрожь, крепко сжал пальцы.

– Какая же Вы умелая сволочь, – сдавленно охнул Чейз, когда пальцы фабриканта чувствительно, до приятной боли, сжали мошонку, чуть оттянув кожу.

Он понял, что задумал Хавьер. Он хотел дойти до самого конца. Упереться носом в пах, позволив члену Чейза проскользнуть в горло настолько глубоко, насколько это вообще возможно.

– Лань, Вы не можете, – выговорил он, пробуя придержать фабриканта. – Остановитесь.

– Ш-ш, – почти неслышно выдохнул тот, не удосужившись выпустить головку изо рта.

Лань перехватил его руку, переплетая с ним пальцы, и сказал что-то еще, довольно неразборчиво. От вибрации удовольствие

стало ещё острее. Это было слишком для Чейза. Все это! Хавьер был настолько раскован в вопросах секса! Делать это стоя? Или на столе, как сейчас? Да разве это можно?

– Лань, ради всего святого, – взмолился он, начиная опасаться за любовника. Казалось, еще немного, и он подавится или задохнется.

Однако ни того, ни другого не произошло. Хавьер прикрыл глаза и в очередной раз подался вперед. Это было похоже на прыжок с высоты. Длинное ощущение полета, от которого захватывает дух. Только вместо кроличьей норы было живое и теплое нутро, туго охватившее член со всех сторон. Они надолго застыли: Чейз – боясь пошевелиться, Лань – явно наслаждаясь своей небольшой победой.

Полнота обладания, власть над чужим дыханием… это было невероятно. Сердце колотилось как сумасшедшее, стучало в висках, вызывало головокружение. Цзян задержал дыхание вместе с Ланем, но порывисто вздохнул первым. Хавьер открыл глаза и посмотрел на него не то изучающе, не то вопросительно. Его руки, все еще лежащие на бедрах Чейза, слегка подрагивали, а детектив не мог отделаться от мысли, что в прошлый раз все было иначе.

Такие же тягуче медленные ласки, но он не впускал Чейза до конца, даже не пытался. А еще… Неужто сейчас он ждал разрешения тоже получить удовольствие? Терпел вспыхнувшее возбуждение, ставя партнера выше себя? Чувство было сродни всемогуществу. Фабрикант так легко отдавал себя в его полную власть… это будоражило. Цзян поймал себя на мысли, что хочет схватить Хавьера за волосы, притянуть еще сильнее, не давая отстраниться.

Он скажет глотать, раз Хавьер так это любит, а потом выплеснет напряжение прямо ему в рот, наблюдая, как тот давится. В мозгу забилась тревожная мысль – ведь именно к этому Лань и готовился – уж слишком он легко проделывал то… то, что проделывал. Так нельзя, это неправильно! Цзян отпихнул любовника, но было уже слишком поздно. Белые капли семени попали в приоткрытый рот, на потемневшие губы и щеку. Лань как будто бы удивленно смахнул вязкую жидкость с ресниц, а потом… облизнул пальцы.

– Это уж слишком, Лань! – рявкнул Чейз, предательски срывающимся голосом.

– Ты думаешь? – глаза опасно потемнели, капля спермы скатилась, оставив мокрую дорожку, как слеза.

– Да твою мать, Лань! – Чейз скривился от боли в перехваченном запястье. Фабрикант по-прежнему стоял перед ним на коленях, но теперь это злило. Как он может?
***
Хавьер не отпускал руку детектива, безотчетно сильнее стискивая пальцы и не отводя глаза. Тот тоже не желал сдаваться, сверля в ответ хмурым взглядом. Невзирая на его реакцию, в душе все никак не утихала надежда на то, что Чейз просто ершится, как обычно. Придется отступить. Он переубедит этого упрямца, но для этого нужно время и терпение. А уж терпения Хавьеру не занимать.

– Чейз, – желание уже схлынуло, оставив неприятное тянущее послевкусие, но он продолжал отчаянно нуждаться в детективе. Неужели Цзян этого не видел?

– Это секс… просто отменный секс! Но черт бы Вас побрал, Лань, – полицейский говорил быстро, жёстко, как будто отметая собственные сомнения. – Вы же понимаете, что у нас нет будущего. Нахрена все так усложнять?! Зачем все это?! Чего Вы пытаетесь добиться?!

Лань отпустил руку детектива, будто обжегшись, и тот дернулся в сторону, крайне поспешно оправляя одежду. Слова резанули по живому и продолжали звучать в голове, приобретая до боли знакомые презрительно-ласковые интонации: "Думаешь, ты кому-то нужен, кроме меня?"

Хавьеру показалось, что он вот-вот грохнется в обморок. Голова жутко закружилась, когда он невероятным усилием поднял себя на ноги. Пришлось опереться о стол, чтобы не упасть. И этот металлический привкус собственной крови и унижения...

Даже после разрядки напряжение не отпускало Чейза. На что он так разозлился? Лань терялся в догадках, что же мог сделать не так… Все ведь шло хорошо. Конечно, слишком смело было надеяться, что Цзян сделает то же, что Хавьер для него, но минуту назад он мог надеяться на небольшую помощь с его стороны. Когда он ехал сюда, то представлял, как они могли бы устроиться вдвоем в одном кресле, обнимая друг друга. Хавьер бы тесно прижимался к детективу, прислушиваясь к биению его сердца, а тот, спокойный и умиротворенный, гладил бы его по волосам.

Но сейчас он стоял перед любовником, который… больше его не хотел? Сперма Чейза, уже начавшая подсыхать на его лице, говорила об обратном. Нужно достать платок и стереть следы, но Лань не мог заставить себя пошевелиться. Оцепенение прошло, хоть и не сразу.

– Вам лучше уйти, детектив, – тихо, но ровно, произнес Хавьер, отворачиваясь, чтобы не смотреть на Чейза.

Тот долго стоял молча. Лань не слышал шагов и чувствовал обжигающий взгляд, но не двигался, держал спину прямо и старался просто сосредоточиться на дыхании. Наконец полицейский принял единственно верное сейчас решение и вышел вон, плотно закрыв за собой дверь. В кабинете сразу стало очень холодно, как будто снова вернулась зима. Только от этого холода не мог спасти растопленный камин или теплый плед, потому что поднимался он откуда-то изнутри.

Плечи Хавьера сами собой вздрогнули, но он усилием воли подавил боль и острое чувство несправедливости. Задвинул все как только мог далеко и, наконец, достал платок из кармана пиджака. Фабрикант очень долго тер им кожу, стараясь избавиться от следов Чейза и его запаха, от самих мыслей о нем. Он открыл окно и решил, что не выйдет из кабинета еще как минимум час. Потом дойдет до спальни, тщательно умоется и переоденется, и улыбнется своему отражению в зеркале, чтобы убедиться, что со стороны выглядит так, будто все в порядке.

Он не станет обращаться к Сен-Клеру, чтобы тот выписал ему успокоительное или снотворное, а просто ляжет в постель сразу же после ужина. Конечно же, не сомкнет глаз, но хотя бы попытается отдохнуть. Интересно, сможет ли Чейз спокойно спать этой ночью? Или тоже будет изводить себя мыслями о случившемся? Если бы кто-то мог объяснить мотивы поступка детектива и причину этой жестокости…

Цзян злился всякий раз, когда Лань вгонял его в краску. Может, в этом кроется разгадка? Может, и сегодня он просто защищался? Хотел бы Хавьер быть хоть немного уверенным в своих догадках…

Примечание к части

https://www.youtube.com/watch?v=U2Lc6Ph-m5M&feature=emb_logo

Часть 44

От громкого лая звенело в ушах. Зик закрыл их ладошками, но все равно слышал его – все яснее и отчетливее. Собаки приближались и рядом не было ни мамы, за чью руку он мог бы ухватиться, ни папы, большого и надежного, чтобы обнять его за ногу, прижавшись щекой к жесткой ткани. Он был совсем один, когда из переулка выбежал человек.

Мужчина выглядел старым – из-за всклокоченной бороды– и изможденным, он спотыкался и, задыхаясь, продолжал бежать. Его лицо навсегда запечатлелось в памяти: взмокшее, заросшее, измазанное какой-то непонятной грязью и с совершенно безумными глазами. Глазами обреченного, умирающего человека…

Из узкого прохода между домами показался первый пес. Большой, как теленок, только косматый, и черный с единственной белой отметиной на морде. Плотоядно ощерившись, он прыгнул на человека, не дожидаясь, когда подтянется остальная свора. Мужчина упал с хрипом, как будто не почувствовал, как клыки полоснули кожу. Он смог сбросить с себя пса, но подняться уже не успел – продолжительный бег вытянул почти все силы.

Еще две крупные псины, палевые с рыжими хвостами и ушами, настигли его, а за ними из переулка показались двое мужчин в штанах и рубахах, липнущих к вспотевшим спинам. Они что-то с яростью кричали, еще больше подзадоривая собак… натравливая их. Слух резанул душераздирающий вопль. Крик, полный невыносимой боли и ужаса. Белое пятно на морде здоровенного кобеля превратилось в красное. Кровь, алая на черном… и крик. Надрывный, захлебывающийся, очень мало походящий на человеческий.

Так кричал человек, которого рвали и пожирали заживо под гогот каких-то ублюдков в окружении бездействующей толпы. Зеваки обступали сцену расправы все плотнее, до тех пор, пока за их спинами стало не разобрать ни алых брызг, ни распростертого на земле тела, пока еще живого, ни мокрой грязной шерсти… ничего…
***
За ужином Хавьер был бледен, как бы не заболел… Честер был рад, что брат решил лечь пораньше, но сам долго читал книгу, а потом лежал и строил планы на завтрашний день, незаметно для себя все больше погружаясь в приятную дрему. Стряхнуть ее было проще простого, он открыл глаза, как будто вовсе не спал, едва услышав, как кто-то подошел к двери. Близнец иногда заходил пожелать ему доброй ночи, но сегодня был явно не тот случай.

Может, все-таки брат? Честер насторожился, только когда понял, что это вовсе не шаги Хавьера. Кто-то другой, стараясь двигаться как можно тише, переступил порог, притворил дверь и подошел к кровати. Шторы были задернуты, но звуки успокоили Честера, он расслабился, наблюдая, что будет дальше.

Мужчина осторожно опустился на стул рядом с кроватью и пристроил костыль к его спинке. Лань ощутил, как ночной гость очень осторожно положил ладонь поверх его одеяла, а еще через секунду почувствовал, что та дрожит.

– Вэйд? – позвал он неподдельно сонным голосом, ведь время давно перевалило за полночь.

– Все хорошо, я просто не мог уснуть, – ответил тот, как всегда ласково. – Кажется, этот пес напугал меня больше, чем я ожидал.

– Попросим мистера Цзян больше не приводить Ангела, ты ведь закончил его рисовать, – решил Лань, ему совсем не нравилось, как действуют на Вэйда встречи… не с Ангелом – с его хозяином. – Поверить не могу, что детектив запер тебя в кабинете с псом!

– Нет-нет, пусть, – художник рассеянно погладил его, но рука замерла, едва дрожь усилилась. – Только скажем, пусть лучше не лает. Охраняет дверь, нос в карманы сует… и что он там только забыл?.. Но не лает.

Лань сел, спустив одну ногу на пол, и потянул Вэйда к себе. Заставил перебраться на край кровати и, легонько обнимая, накинул ему на плечо краешек одеяла. С одной стороны, они уже делали это – Вэйд обнимал его, что, надо признать, действовало невероятно успокаивающе. Так почему бы не попробовать наоборот?

Честер чувствовал себя настоящим бесстыдником! Правда, Инн все же был одет, а темнота в комнате скрывала все, даже если одеяло слегка сползет. Фабрикант забыл о стеснительности, когда почувствовал, что художника потряхивает. Непонятно: от ночной прохлады, пробравшейся в дом, или от страха. Лань придвинулся еще немного теснее, как бы говоря: «Я рядом», когда раздался звон разлетающегося вдребезги стекла.

– Это в доме, – в испуге выпалил художник, резко дернувшись в его руках. – Собаки!

Честер очень сомневался, что это всего лишь собаки, животные обычно не колотят стекла, врываясь в чужие дома, гораздо чаще так поступают люди. Фабрикант сжал плечо Вэйда, прежде чем вскочить с кровати и нашарить халат. Инстинкты говорили ему поспешить, уж слишком дерзко выглядели действия ночных грабителей. Воры либо совсем дураки, раз полезли в дом в присутствии хозяев и даже не таятся, либо уверены в своей безнаказанности.

– Я скоро вернусь, – пообещал фабрикант, как только мог убедительно, и поспешил на шум.

Звуки доносились из той части дома, которую снимал Вэйд. Слава богу, художник ушел до того, как к нему вломились. Не один Честер бросился на веранду – на место действия уже подоспел дворецкий, вооруженный кочергой, а со второго этажа торопливо спускался Хавьер с лампой в одной руке и револьвером в другой. Лампу младший из близнецов поспешил забрать и подкрутил огонек, чтобы получить больше света.

Громил было всего двое. Оба замерли при виде нацеленного на них оружия. Прямо на полу занимались какие-то тряпки, понемногу наполняя комнату зловонным дымом. Света оказалось достаточно, чтобы разглядеть лица, не прикрытые даже платками. Честер уже видел обоих раньше, эти двое были среди бандитов, покалечивших Вэйда.

– Сдавайтесь! – оставалось позавидовать командному тону, прорезавшемуся в голосе старины Уотсона, возмущенного произволом, творящемся в доме, за которым он тщательно следил и ухаживал на протяжении многих лет. – Вы окружены!

Его слова прозвучали так убедительно, что в пору было подумать, будто через сад к веранде уже подходят полисмены, вооруженные и с собаками. Один из поджигателей, плотный, с брюшком, поднял руки и даже принялся было затаптывать только что разожженный костер.

– Придурок, – выплюнул его подельник и попытался не то сбежать, не то напасть, но пуля, просвистевшая совсем рядом, его разубедила. Хавьер весьма удачно выстрелил в сторону окна, чтобы не множить разрушения.

– Честер, помоги этим джентльменам занять руки, – негромко попросил брат, не опуская оружие и не сводя глаз с бандитов.

Мистер Стэнли тем временем залил огонь водой из кувшина и бдительно осмотрел сад, а затем другие комнаты. Честер взял шнуры, служившие подхватами для шторы, и скрутил преступников, не жалея сил.

– Я позвоню в полицию, мистер Лань, – сказал дворецкий, обращаясь к обоим близнецам.

Он еще раз окинул озабоченным взглядом закопченный потолок, попорченный пол и щерящееся осколками стекол окно. Удручающее зрелище… А ведь может стать еще хуже, когда приедут полицейские, при упоминании которых Хавьер покривился, что не укрылось от близнеца. Должно быть, тоже подумал об их бесцеремонности…

– Честер! – послышался перепуганный голос Вэйда со стороны холла, что заставило отбросить на время тревожные мысли. – Я слышал выстрел!
***
– Есть зацепка! – Смит влетел в кабинет без стука и осекся при виде мрачного больше обычного детектива.

Цзян немедленно убрал коробочку для ювелирных украшений, которую до этого бесцельно вертел в руках. Кольцо, что он купил Ланю, все еще лежало внутри. Сержант откашлялся, будто давал себе время вспомнить, зачем приперся, но под обжигающим взглядом лейтенанта окончательно смешался.

– Ну! – грозно рыкнул Цзян, заперев вещественное доказательство в верхнем ящике стола.

Он пришел в участок сразу после того, как поругался с Ланем, но работой толком не занимался – все разглядывал так и не отданный перстень и злился. На Ланя, на гребаного ублюдка Мейсона, который как сквозь землю провалился, на занывший к дождю свежий шрам… и на себя. Особенно на себя!

На себя он начал злиться почти сразу, когда заметил в глазах Хавьера что-то… боль, панику, страх… Что-то, что вызвала его запальчивость. И пока он искал способ исправить то, что наговорил, фабрикант велел ему выметаться. Вежливо попросил удалиться – оставалось только позавидовать его воспитанию и выдержке. На его месте Цзян бы себе такого пинка отвесил! И этого было бы ой как мало…

Такое не прощают… Именно поэтому, когда ночью секретарь сообщил, что в дом «его Ланя» вломились, он не сорвался и не поехал туда… как бы сильно ему этого ни
хотелось. Лань бы счел это смертельным оскорблением, а его братец просто набил бы Чейзу морду. Наверняка он уже в курсе, что Цзян в очередной раз поступил, как полный мудак.

– У нас появился осведомитель, – сержант возбужденно достал изрядно захватанную записку из внутреннего кармана пиджака. – Дженс говорит, он занимается подготовкой к приему в клубе под названием Карп и, когда услышал любопытный разговор, решил написать приятелю из полиции.

– Уже хочется прибить тебя… Ближе к делу! – Чейз рявкнул так, что стекла задребезжали.

– «Мадам ждет интересного гостя», – процитировал он, ничуть не обидевшись, и положил перед лейтенантом листок бумаги, чтобы тот сам мог ознакомиться с текстом письма. Пока Цзян пробегал глазами по строкам, выхватывая главное, сержант продолжал разглагольствовать: – Вы зря не поехали к этим своим Ланям! Угадайте, что углядел один из наших глазастых парней в их утренней почте.

– Какого хрена лысого вы шарили в их почте? – взъярился детектив, не усидев на месте. Ангел глухо рыкнул из-под стола, хотя едва ли понимал, что так возмутило его хозяина. – Они что, по-твоему, ограбили собственный дом?! Никогда не слышали об уважении?

– Да бросьте, мистер Цзян, письмо лежало на самом видном месте. Приглашение… – с удовольствием протянул сержант. – И куда! Интересно, кто такая мисс Холли Лань? Вы ее знаете?

Чейз перебрал все, что знал о семье Хавьера. Увы, знал он не так уж и много. Может быть, Холли – мать близнецов? Стоило спросить об этом сестру, она-то дружит с Честером не первый год… Пожалуй, Лань мог бы поспособствовать расторжению ее помолвки со Стюартом Чаттером, однако воспитание ему этого не позволило. Как старший брат, Чейз считал, что любой мужчина – хотя, конечно, далеко не любой достоин его сестры – должен почитать благосклонность такой прекрасной девушки, как Анна, настоящим даром небес.

– Должно быть, какая-нибудь кузина… – проворчал Чейз и его злость, совершив очередной виток, оказалась обращена на Хавьера, который не удосужился рассказать о родственнице, чью почту получает. Все, что Цзян знал о его семье, он выяснил чисто случайно. В то время, как фабрикант без зазрения совести расспрашивал о нём всех, до кого дотянулся! – С чего бы мне ее знать?

– Все только о ней сейчас и говорят, – сообщил Смит. – Раз у Вас есть контакт с мистером Ланем, не придется ломать голову над тем, как попасть в этот Карп. Вы просто станете ее кавалером на один вечер и все разведаете, а если очень повезет…

– Что за влажные мечты, Смит, кончай, – буркнул Чейз. – Может, мне притащить Хавьера сюда, чтоб ты его чаем потчевал? Почему снова Лань?! В Лондоне полно народу, почему опять эта семейка?!

Тот пожал плечами. Конечно, не понимал, в чем проблема и почему настроение детектива все больше и больше портится. Откуда ему было знать? Смит и другие в участке были последними, с кем Чейз стал бы обсуждать свою личную жизнь и проблемы.

– Позвоните ему, инспектор, уйдите пораньше, а то сидите тут как сыч, – примирительным тоном попросил сержант. – Пускай он для начала познакомит Вас с этой мисс Холли.

– Да ты, блядь, издеваешься! – не своим голосом взвыл лейтенант. – И как ты себе это представляешь?!

Мозг Чейза категорически отказывался предложить, что он может сказать фабриканту. На месте Хавьера он бы обложил себя отборным матом и посоветовал забыть, что они знакомы.

Чутье же мрачно и неуклонно твердило, что звонить все-таки придется. И разговаривать с Ланем в то время, как несколько пар ушей будут ловить каждое слово. Он припомнил самое длинное и грязное ругательство в своем арсенале и с чувством и расстановкой произнес его, однако легче от этого не сделалось. Он испытал бы огромное облегчение, если бы мог прямо сейчас выйти вон и больше не находиться в собственном обществе, однако к этому сомнительному удовольствию лейтенант Чейз Цзян был приговорен пожизненно.

Часть 45

В следующие два часа он узнал все подробности поджога в доме Ланей. Как же его взбесил долбанный колченогий художник и младший из близнецов за компанию! Почему ни тому, ни другому не пришло в голову сообщить о нападении за последние недели – недели! – даже когда Чейз приходил в их дом?! А ведь знали, где он работает!

Теперь, конечно, часть нападавших сидела за решеткой, а оставшийся был объявлен в розыск, но будь они чуть посообразительнее, не полезли бы на рожон. Глупее преступления он ещё не видел! Разве что, это мог быть отвлекающий маневр. Цзян спросил каждого, кто был у Ланей, по два раза, не ранен ли кто-то из близнецов – хрена с два они разберут, которого из них как зовут.

Детективу казалось, что он проклят. Куда бы он ни пошел, что бы ни делал, повсюду это чёртово семейство! Даже свадьба его сестры не обошлась без него. И вот он приходит на работу, чтобы на ком-нибудь отвести душу, и тут же узнает, что в дом Ланей вломилась парочка грабителей и пыталась сжечь все дотла.

В следующие два часа от уговоров полицейские в участке перешли к прямым угрозам. Чейз должен связаться с Ланем и обо всем договориться, потому что, кроме как по приглашению, в Карп не проникнуть, уж больно мадам озабочена вопросом приватности…

– Да почему я должен этим заниматься?! – предпринял последнюю отчаянную попытку Чейз. – Это ведь даже не мое дело!

– Вам его передадут, лейтенант, – последовало твердое заверение, и тон суперинтенданта не терпел возражений.

– Мэм, этот паршивый выблядок ведь меня в лицо знает, – сдаваться ой как не хотелось. – Вы уверены, что…

– Цзян, не Вы ли так рвались работать, что пришли в свой выходной? – упрекнула она, скрестив руки на груди.

Вообще-то они с Женевьевой Винс давно уже были на «ты», чему немало способствовало то, что Чейз знал ее маленький секрет, но в участке делали вид, что это не так. Как бы сложилась судьба, если бы в тот день он не притащился с отцом на какой-то скучный прием и не узнал, что с мужем железная Винс – нежная кошечка?

– Вас отсюда палкой не выгонишь, – заметила она и, как порой бывало, сбилась: – Нашел бы себе кого-нибудь, что ли, а то от тебя уже все разбегаются.

– А как же Лань? – слишком громко шепнул Смиту секретарь. – Я думал, Чейз с ним поладил…

– Ещё слово, и я за себя не ручаюсь, – зарычал Чейз, схватив телефон. – Мы с тобой ещё поговорим, Дженс…

Секретарь счёл за лучшее ретироваться. Аппарат жалобно звякнул, но не сломался. Да и с чего бы? Нет, все-таки лучше такой разговор, чем личная встреча, когда придется не только представлять собеседника, но и смотреть ему в глаза. В них не будет больше ни огонька страсти, ни этого невыносимого самодовольства, когда все шло так, как задумывал Лань. Ничего, кроме серого равнодушия… Лейтенант покривился – похоже, зацепило его гораздо сильнее, чем хотелось бы.

Скрепя сердце, он позвонил на фабрику, представился и сообщил о своем желании поговорить с Хавьером Ланем. Добавил, что это по работе. Говорить не хотелось… А более того – ждать, неизвестно чего... Потянулась минута, показавшаяся бесконечной. Чтобы отвлечься, он вспомнил, каким елейным голоском Жэнни обещала отстрелить ему яйца, если хоть одна живая душа в участке узнает, что она зовет мужа своим сладким мишкой.

– Мистер Цзян? – в трубке раздался весьма прохладный голос одного из владельцев фабрики. – Вы хотите что-то уточнить по поводу сегодняшнего ограбления? Я уже рассказал все Вашим коллегам.

Чейз засомневался, не говорит ли с Честером. Его сбило с толку это подчеркнутое «Вы» и явственная враждебность в голосе. Он сглотнул ставший поперек горла ком и махнул рукой на Смита, шел бы он по своим делам… Было чувство, что весь участок побросал свои дела и ловит каждое его слово.

– Я не стал бы Вас беспокоить, – по крайней мере, Чейз мог быть честен. – Но мне нужна помощь мисс Холли Лань в одном расследовании.

Он умолк. Нельзя раскрывать детали дела, называть имена. Что вообще он может сказать? Нужно было лучше обдумать этот момент! Однако он понадеялся, что Лань не подойдет к телефону и не пожелает с ним говорить. Краткий миг позора и свобода. Никто не упрекнет его в то, что он не сделал все, что было в его силах. И вот… они говорили.

– Холли? – после недолгой паузы переспросил фабрикант очень странным тоном. Интуиция тут же забила тревогу.

– До нас дошли сведения, – и Чейз очень надеялся, что Лань не свяжет утреннюю почту и полисменов, побывавших в его доме, – что она приглашена на закрытый прием на следующей неделе и может привести с собой одного гостя.

– М-м, Чейз, – он, наконец, начал узнавать нотки в голосе фабриканта. – Я и не знал, что тебе такое нравится…

– Вы, блядь, о чем, Лань? Я работаю над делом! Если бы я мог попасть в этот грёбаный Карп без приглашения, я бы так и поступил, – нужно, просто необходимо было сбавить обороты, но вместо этого он только сильнее стиснул трубку в кулаке. – Лань, мне насрать, кто такая эта Холли: Ваша сестра, кузина, да хоть двоюродная прабабушка! Передайте ей, что прямо сейчас по Лондону разгуливает убийца, и ее гражданский долг помочь задержать эту дерзкую шлындру и упечь туда, куда не попадает дневной свет!

– Как скажете, детектив, – из-за перебоев связи ответ собеседника прозвучал тускло. – Она собиралась проигнорировать приглашение, но раз Вы говорите, что это необходимо…

Последовала еще одна долгая пауза. Чейз взмок от напряжения. Рука, держащая телефон, стала липкой, пот выступил в подмышках, рубашка облепила спину. Он расстегнул верхнюю пуговицу.

– Ты действительно хочешь быть ее парой? – нарушил молчание Лань, и Чейз немедленно пожалел, что не видит лица собеседника.

– Д-да, – запнулся он, потому что этот вопрос явно значил не совсем то, что значил, но у него не доставало информации, чтобы разгадать шифр. – Что бы это ни значило, да! Но только из-за расследования.

– Тогда Холли понадобится новое платье, – голос стал совсем… мёртвым? Мысль о том, что Лань ревнует, неожиданно согрела. – Приезжай в субботу в Либерти… в начале пятого. И надень смокинг. Впрочем, его можно будет подобрать на месте.

– Лань, – глухо сказал Чейз, когда тот собирался уже опустить трубку на рычаг. – Я приеду сегодня. Нам… надо поговорить.

Послышался неопределенный звук, означавший то ли согласие, то ли протест. Детектив не стал ждать ответа. Он боялся, что услышит отказ и лишится последнего шанса что-то исправить.

– Блядь, просто будьте дома! – он с грохотом бросил трубку, не дав собеседнику возможности с предельной вежливостью послать его далеко и навсегда.

Чейз достал и нетвердыми руками подкурил сигарету. Аплодисментов не последовало, так что не было нужды в том, чтобы устранять свидетелей. Некоторое время невидяще разглядывал стену, пока догоревшая спичка не обожгла пальцы.

– Цзян, ко мне в кабинет, – приказала Женевьева так, будто хотела его как следует отчитать, а не напоить коньяком посреди рабочего дня.

Она поставила рядом с Чейзом тяжеленную хрустальную пепельницу с трещиной– орудие какого-то давнишнего двойного убийства - и проследила, чтобы он выпил все, что она налила, прежде чем задать вопрос.

– Ну и что у тебя с Ланем? – она смотрела в упор, на допросах под этим взглядом раскалывались за две минуты. – И не говори, что отстрелишь мне то, чего нет.

– Я остолоп, – сказал Чейз веско и со злостью раздавил бычок. – Я нагрубил и, кажется, сделал больно человеку ни за что.

Она молчала, потому что знала, что Чейзу захочется заполнить чем-то повисшую тишину. Чем дольше она продлится, тем более гнетущее впечатление будет производить. Что ж, с Женевьевой можно быть откровенным, к тому же она, похоже, и так все уже знает, не исключено, что лучше его самого.

– Я все испортил, – невесело подытожил Цзян. – Странно, что он вообще говорил со мной.

– Чейз, – вздохнула она так, словно он был умственно отсталым. – Надо жить дальше. Тебе уже не девятнадцать, и Кабул давно в прошлом. Отпусти.

Теперь Чейз ничего не понимал. При чем тут Кабул? Какую связь суперинтендант нашла между *ней* и Ланем?.. И зачем вообще заговорила об этом?! Как будто у него проблем мало! Как бы то ни было, спорить с Женевьевой было бесполезно. И на что Чейз надеялся? На сострадание? На понимание? На то, что она сжалится и передаст дело другому инспектору? Все, что он получил - так это хорошенькую взбучку, пинка под зад и дружеский совет.

– Если обосрался жиденько, так иди и отмойся, будь так любезен, – напутствовала она. – И купи цветов для мисс Холли Лань. От меня.
***
Полдня Вэйд провел, проверяя вместе с Уотсоном, не пропало ли что-то на его веранде. Кажется, дворецкий лучше него самого знал, какими ценными вещами Вэйд владеет. Бабочки снова вернулись на видное место. Кайла, Кейт и Келли сохраняли холодную безучастность, а Кира и Клер выглядели несколько удрученными.

По веранде и так гулял сквозняк, но они раскрыли все окна, чтобы выветрить навязчивый запах гари. Мэдисон и Картрайд отмыли закоптившийся потолок, хоть это было нелегко, а еще забрали в стирку все, что только можно было выстирать, в том числе шторы, плед, чехлы с подушек. Дышать стало легче.

К двум часам прибыл стекольщик – парень лет двадцати, которому его пожилой папаша оставил целую картотеку, где хранились все необходимые мерки. Похоже, он уже набил руку – мигом убрал все осколки, еще торчавшие в окне, снял штапики и поставил их на место, закрепив новое стекло всего за какую-то четверть часа. Стекло встало как влитое!

Уже ближе к вечеру явился плотник и разобрал почему-то два куска пола: пострадавший и тот, что находился под шкафом. Когда Вэйд заинтересовался этим, мужчина подмигнул.

– Хочу угодить старине Уотсону, – сказал он. – На видном месте все будет по-старому, а под шкафом… в этом доме не часто двигают мебель. Но я постараюсь сделать так, чтобы новые плашки не сильно отличались от испорченных.

Вэйд наклонился и оценил высоту ножек шкафа. Потом отверстие, оставленное под ним. Все больше в нем разгорался дух авантюризма. Во всех фамильных домах, о которых он читал в книгах, имелись небольшие ниши в незаметных местах: за картинами и полками, под ковром в гостиной и даже в часах с боем.

– Скажите, – он понизил голос, чтобы другие обитатели дома не могли слышать. – Вы можете оборудовать там маленький тайник? Я просто подумал, что это будет романтично. Как раз то, чего не хватает этому месту! Вы можете обсудить мое предложение с Честером Ланем, но не думаю, что он будет против.

– Что обсудить? – от звучания его голоса в душе Вэйда разлилось тепло, а улыбка сама собой наползла на лицо.

– Там полно места, – заявил художник с энтузиазмом, указывая на неприметное отверстие под шкафом. – Даже может получиться маленький погребок для вина!

– Мгм, – с некоторым сомнением, но все-таки согласился Честер.

– Расходы я возьму на себя, так что вопрос можно считать решенным, – художник с удовольствием ухватил Честера под локоть и на мгновенье прильнул, сделав вид, будто теряет равновесие. – Поднимемся наверх, я хочу вернуться к тому, на чем нас вчера так грубо прервали!

Ужасно хотелось поскорее увести недоумевающего Честера в какое-нибудь уединенное местечко. Скажем, в библиотеку, где имелся просто до неприличия просторный диван. Кому-то из близких близнецов нравилось иногда проводить там ночи, и возможно, не только в обществе книг. Кто-то из братьев купил к нему просто идеальный плед – мягкий, как шерсть ягненка, большой и с длинной бахромой. Он прекрасно подходил для того, что задумал художник.

В библиотеке всегда было тихо, но присутствие Хавьера безошибочно ощущалось, даже когда он находился вне поля зрения. Переступив порог, Вэйд прислушался – все как будто замерло в ожидании. Никого.

– Превосходно! – одобрил он, останавливаясь и разворачиваясь к Честеру, чтобы подержать его за руку.

Чувство было просто непередаваемым! Он обожал заключать ладонь Честера в свои, а еще как тот помогал ему балансировать при этом на одной ноге, зажав костыль подмышкой.

– Тебе интересно, зачем мы пришли? – он кивком показал, что нужно двигаться к дивану, и вскоре бросил у подлокотника надоевшую палку.

Честер сел, однако сделал это неправильно. То есть безукоризненно и аккуратно, как всегда, но не так. Вэйд уперся рукой фабриканту в плечо, вытащил из-за его спины подушку-валик и поменял ее на думку, чтобы Честер мог сесть глубже.

– Ты хочешь, чтобы я забрался сюда с ногами? – уточнил Лань, понимая, к чему все идет.

– Ага! – радостно подтвердил Вэйд, заражая Честера озорной улыбкой. Взгляд мужчины потеплел, ему нравилось ввязываться в такие вот маленькие авантюры, нарушать правила. – А потом я устроюсь рядом и прижмусь, чтобы мы могли завернуться вдвоем в этот замечательный плед.

Он отметил, как порозовели мочки ушей Честера, однако тот слегка кивнул, принимая правила игры. Это было удивительно! Как человек, которому свойственно проявлять настойчивость и нравится все делать по-своему, может быть таким покладистым и позволять так собой вертеть? Просто ему эти невинные забавы доставляли не меньшее, а, может, даже большее удовольствие, чем самому Инну.

Он выполнил обещание и пристроился вплотную, замотав их в плед, как в кокон. После целого дня на сквозняке было совсем не жарко. К тому же это был Честер, его тепло, его запах и аромат его туалетной воды, древесный с нотками мяты и ладана, едва уловимый к концу дня.

– Тебе нравится? – спросил он, как будто дал попробовать блюдо, которое сам приготовил.

Честер молчал, прислушиваясь к своим ощущениям. Потом сомкнул руки на животе Вэйда, чтобы дополнить картину. Ночью он не был таким смелым. Вэйд улыбнулся, осознав забавную деталь. Будь Честер женат, он предпочитал бы ночью спать, но непременно приезжал бы домой для совместного обеда. Свет угасающего солнца как будто придавал ему решительности ответить не словом, а лёгким, невероятно лёгким касанием губ, от которого сердце немедленно пустилось вскачь.

Часть 46

Это был не первый визит Чейза в дом Ланей, но нервничал он в этот раз не в пример сильнее. С виду все было в порядке, и запаха гари из холла не ощущалось. Его встретил дворецкий, по обыкновению невозмутимый, однако в его взгляде чувствовалось что-то… осуждающее. Не исключено, что показалось, – лицо мистера Стэнли было на редкость невыразительным. Он провел Чейза в пустую гостиную и попросил подождать.

Обычно это не занимало много времени. Дворецкий сообщал о приходе гостя и немедленно провожал его к Хавьеру или к Вэйду. Минуты тянулись медленно. Сперва Чейз сидел, барабаня пальцами по подлокотнику, одолеваемый мыслями, потом встал и начал ходить. Он знал эту тактику – сначала дать помариноваться с полчаса в допросной, а еще лучше час… Оказалось, это прекрасно работает и на полицейских. Коробочка с кольцом остро ощущалась сквозь ткань и, казалось, вот-вот прожжет дыру. Неужели Хавьер не хотел его видеть? Нет, тогда бы дворецкий не пустил его в дом. В чем же дело? Чейз испытал огромное облегчение, когда Уотсон вернулся и сказал, что мистер Лань ждет его в своем кабинете. Детектив уверил, что сам найдет нужную дверь, провожатые ему сейчас были ни к чему. По лестнице он почти взбежал, но, уже взявшись за ручку, замешкался. Может, лучше будет постучать и дождаться разрешения войти? С другой стороны, можно сказать, что Чейз его уже получил.

Лань ждал его за столом, как будто хотел отгородиться от гостя. Цзян отметил тени под его глазами. Не спал ночью? Обстановка не поменялась, все предметы, находящиеся на виду, были на своих местах. Добавились только чайный сервиз и креманка с десертом, к которому даже не притронулись. Лань передумал пить чай из-за него?

Ощущение, что ему не рады, только усилилось. Они будто бы вернулись в тот момент, на котором расстались. В комнате стало как-то прохладнее, особенно от взгляда Ланя, до того острого, что детектив снова засомневался: тот ли перед ним близнец. То, что именно Хавьер превратился в осколок льда, стало неприятным открытием…

– Ты здесь из-за Холли? – серые глаза потемнели, когда он произнес это имя. – Если для того, чтобы я познакомил тебя с ней, то не стоило утруждаться и приходить сегодня.

– Блядь, нет! – поспешно воскликнул лейтенант. – Послушайте…

Слово слетело с языка, хотя он сам не знал, что хочет сказать. Неужели Лань правда думал, будто Чейз пришел только из-за того, что ему нужна помощь в расследовании? Да провались оно пропадом, это расследование! Что они, не придавят ублюдка где-нибудь в другом месте, где не будет охраны и приглашений?

– Я же сказал, что она пойдет с тобой на этот вечер, – продолжал тот отстраненно, словно не слыша собеседника, и неторопливо поднес чашку к губам. Как Чейз и думал, напиток был остывшим… Здесь не было ни островка тепла.

– Лань, заткнитесь! – лейтенант не хотел больше видеть арктический холод в серых глазах.

Хотелось наклониться через стол, притянуть фабриканта за воротник и поцеловать так же, как обычно Хавьер целовал его – жадно, собственнически. Хотелось, но он не смел сделать что-либо, обратившись в соляной столб под холодным взглядом. Преодолев себя, Цзян шагнул к столу, почти вплотную, и положил перед Ланем коробочку с кольцом, так и не придумав, как будет объяснять такое подношение.

– Это… подарок? – тот лишь на мгновение опустил глаза на бархатный футляр и снова принялся гипнотизировать посетителя. Цзян не мог понять выражение лица фабриканта.

– Блядь, Лань, – он попытался взять коробочку обратно. Хавьер быстро прижал его ладонь и подарок к столу, сделал ещё глоток чая и отставил чашку. – Если Вам не нравится, я заберу.

Хотелось все бросить, а лучше провалиться на первый этаж или вовсе сквозь землю. Сказать, что это ошибка, пока не поздно? Сказать, что Лань был прав и ему лучше уйти? Он просто хотел… и сам точно не знал, чего.

– Мне показалось, ты пришел извиниться, – упрекнул его Хавьер и слегка приподнял его руку, забирая футляр. – Так что внутри?

Фабрикант не спешил открывать подарок, но во взгляде появились искорки любопытства, немного растопив колючий лед. Чейз вспомнил их первый раз, вернее то, что было потом, каким мягким и ласковым мог быть Хавьер, и почувствовал себя, кажется, еще более виноватым.

– Просто возьмите! – вспылил Чейз и отдернул руку, решив, что по меньшей мере один из них ведет себя слишком навязчиво.

Стоило Ланю подняться с места и Цзян выпрямился, как в строю… Фабрикант, не спеша, обошел стол, бережно держа коробочку лавандового цвета в пальцах. Только остановившись прямо перед ним, он все-таки снял крышку и взглянул на украшение. Чейз удивил его, и не только тем, что угадал с размером. Жаль, он раньше не понял двусмысленности такого подарка…

– Я буду носить его, – Хавьер с удовольствием оценил, как лотос на печатке играет отполированными поверхностями лепестков. Потом хитровато прищурился: – Это и есть тот самый колокольчик?

– Вы невыносимы! – Чейз всё-таки схватил любовника за воротник, притягивая ближе, и все равно сложилось впечатление, что это Лань поцеловал его, а не наоборот.

– Но ты меня хочешь… – с непонятной интонацией произнес Лань прямо в его губы и запустил руки под пиджак, с нажимом оглаживая спину.

– Да, черт побери, – выдохнул Чейз. – Я заказал это кольцо еще неделю назад.

Хавьер глянул недоверчиво. С чего бы? Другого такого перстня не было во всем Лондоне. Потом открыл рот, собираясь что-то сказать. Однако говорить собирался Чейз, даже если придется заткнуть Ланю рот.

– Все из-за Вашего долбанного братца, – Чейз запоздало понял, что не стоило употреблять слова «долбанный» и «братец» в одном предложении, однако продолжал уверенно, как ему казалось, удерживать инициативу: – Из-за Честера, а не из-за какой-то там Холли! Стал бы я делать это по чьей-то указке?!

– Докажи, – Хавьер потянул Чейза на себя и укусил, будто бы заявляя на него свои права. Кажется, он пропустил половину того, что сказал детектив, мимо ушей.

Чейз растерялся. Какие еще ему нужны были доказательства? Он понимал, что хреново обошелся с Ланем, почти порвал с ним отношения. Порвал. Если бы не это приглашение, если бы Жэнни не была так настойчива, черта с два он бы сейчас стоял здесь. Лань имел право ставить условия. Что бы он ни попросил сейчас, Цзян бы согласился без раздумий. Лишь бы тот снова стал прежним, а не смотрел с таким холодом, что кровь замерзала.

– Позвони в участок, – пренебрегая правилами хорошего тона, фабрикант сел на край стола и поставил перед Чейзом новенький телефонный аппарат. – Скажи, что нужно несколько выходных.

– С чего это? – в растерянности переспросил Цзян, задвинув подальше бранные словечки.

– Мы едем на прогулку, – фабрикант наконец улыбнулся и посмотрел… выжидающе, будто испытывал.

Чейз снял трубку и этот жест совпал с движением Хавьера, взявшего креманку с торчащей из пудинга ложечкой. Серебряной, с рисунком в виде крошечного барашка или маленького облачка, покрытого белой эмалью, на ручке. Анна обожала такие вещицы.

На его звонок ответил Дженс, которого Чейз не преминул назвать заёбышем, чего не сделал при суперинтенданте, секретарь заслужил хорошую взбучку. Чейз начал догадываться, откуда Лань взял его адрес. Смит его просто не знал, сестра – не сказала бы, а этот пройдоха – очень даже мог.

Жэнни как будто бы ждала его звонка у аппарата, а может, как раз в это время пила со Смитом чай. Джэнс весьма поспешно передал ей трубку, стоило прозвучать просьбе. Лань неторопливо зачерпнул ложечкой нелюбимое лейтенантом лакомство, похоже, приготовившись наблюдать интереснейшее представление.

Чейз поймал себя на том, что почти не слушает суперинтенданта потому, что не может оторвать взгляд от того, как Хавьер подносит ложку ко рту и облизывает ее. Жэнни спросила:

– Ты прямо сейчас с *ним*? – она выделила это такой же интонацией, а Чейз просто смотрел, как *он* проводит языком по губам, будто слышал, о ком говорит Женевьева Винс.

– Да, – глаза зацепились за белый след в уголке рта Хавьера. Чейз с трудом выговорил: – Меня не будет в городе до понедельника.

– Будете мириться? – суперинтендант рассмеялась, а ему было совсем не до смеха.

– Да, – снова подтвердил он просто, чтобы ничего не объяснять. Не сейчас. Не когда-либо вообще, если на то пошло.

Собеседница припомнила, что зимой он целый месяц практически жил в участке: сперва, когда они ловили Весельчака Джека, прозванного так из-за уродливой маски с улыбкой на полголовы, а потом из-за ледника в собственной квартире. Будут ему выходные, лишь бы Лань не узнал, сколько.

Чейз посмотрел на него, прикидывая, разбирает ли он ответы суперинтенданта, и почти против воли протянул руку, бережно стирая пудинг с лица фабриканта. Ему никогда не нравился пудинг, но что-то дернуло слизнуть его с пальцев. Это незатейливое движение Лань проводил обжигающим взглядом. Хорошо, что разговор с Жэнни подошел к концу.

Лань поцеловал его, стоило только положить трубку на рычаг. Что это было? Благодарность? Похвала? У этого поцелуя был чуть сладковатый, ванильный привкус… детектив перехватил инициативу, он просто не мог оторваться, целуя снова и снова, чтобы лучше распробовать. Хавьер довольно улыбался, с охотой отвечая, он получил желаемое – окончательно свел Чейза с ума.
***
Они целовались так, будто не было той ссоры. Голова уже немного кружилась, Хавьер погладил Чейза по щеке, призывая сбавить обороты, дать отдышаться. Сейчас между ними было именно то, о чем говорил Цзян, - неприкрытое желание. Чувство знакомое и понятное Чейзу. Стоило выйти за эти рамки и тот либо терялся, либо взрывался. Может, просто еще не время или Лань слишком многого от него ждет?

Он слегка коснулся губ любовника, мечтательно улыбнулся. За дверью ему что-то послышалось. Шаги? В коридоре точно кто-то есть, ему не показалось. Должно быть, горничная принесла чай и посуду для гостя.

– Снова Честер? – с легким возмущением спросил Чейз, но Лань отрицательно качнул головой и продолжил изучать его лицо кончиками пальцев. – Каково это – иметь брата-близнеца?

– Иметь, Чейз… – протянул Хавьер, снова касаясь губ, с которых слетело весьма двусмысленное выражение, и на сей раз слегка надавливая.

Уши детектива тотчас предательски вспыхнули. Лань отошел от него и уселся в кресло. Цзян остался на месте, только отвернулся к окну, когда Хавьер разрешил Мэдисон войти. Девушка пробыла в кабинете полминуты, не больше. Быстро переместила посуду с подноса и обратно и сразу же вышла.

– Иди сюда, расскажу, – хитро улыбнулся фабрикант. Пожалуй, он мог рассчитывать на небольшую компенсацию за вчерашнее.

Чейз поколебался, не сразу, но все же приблизился на достаточное расстояние, чтобы Лань смог поймать его за руку и насильно, потянув еще и за ремень брюк, усадить к себе на колени. Они почти поменялись местами. Только в тот раз Хавьер сидел боком, Чейзу же пришлось разместиться лицом к нему – кресло было достаточно велико, чтобы в нем уместились двое мужчин. Чейз сжал его бедра коленями, как бока лошади, и нервно заерзал.

– А каково это – когда у тебя младшая сестра? – Хавьер знал, что вопрос вызовет совсем иные ассоциации.

Интересно, Цзян сажал вот так же своих любовниц? Чтобы бедра прижимались к бедрам, а шуршащие юбки скрывали все, что творилось под ними… Только чулки и пояс, шёлк и кружево, а дальше нежная кожа и удовольствие, взятое украдкой в карете с задернутыми шторками или в приватной комнатке перед десертом. За последние годы воспоминания не исчезли совсем, а только выцвели, но освежать их Хавьеру не хотелось.

– Что Вы этим хотите сказать, Лань? – ожидаемо возмутился Чейз, на секунду, но все-таки вообразив Анну на своем месте. Все буквально читалось у него на лице!

– Только то, что вы – родные друг другу, – Лань огладил его бедра и снова придержал за ремень, не позволяя встать. – А ты что подумал?

Чейз набрал воздуха, чтобы ответить, но Хавьер прижал палец к его губам. Темные глаза ненадолго обратились к двери, потом обожгли его. Снова в них показались знакомые искорки недовольства, в самой глубине. Лань руку не убрал, только переместил,

щекоча слегка припухшие после их поцелуев губы подушечкой большого пальца.

– Лань, – пробормотал он, и это уже немного походило на ответную ласку.

Перед глазами снова появился образ детектива, опустившегося перед ним на колени, - светлая челка падает на глаза, и его имя невесомо касается чувствительной плоти, прежде чем Хавьер лишит Чейза возможности сказать что-то еще.

Однако правильной реакции на более настойчивое касание так и не последовало. Чейз просто не знал, как – правильно, никто ему так и не показал. Лань это исправит, уже начал исправлять, - нажав чуть сильнее, чтобы раздвинуть сомкнутые губы и коснуться зубов. Чейз не был слишком недогадливым, после такого намека он поймёт, чего от него хотят.

Примечание к части

https://twitter.com/kitsyne_lana/status/1239521263330213891

Часть 47

Чейз снова попал под действие чар Ланя. Как еще объяснить то, что он оказался в таком положении? Дверь по-прежнему не была заперта. Едва ли он успеет встать и оправить одежду, если кто-то решит неожиданно войти без стука. Как это будет выглядеть, представить было страшно.

Лань ни о чем таком, похоже, не думал, когда затаскивал Чейза в кресло. И снова все стало с ног на голову! Сейчас Чейз был в более выгодной позиции, если бы вздумал придушить любовника, но не ощущал преимущества. Как ни крути – фабрикант усадил его себе на колени, как драного кота. Или какую-то девку.

Лань и гладил его, как кота, и больше того – сам детектив тянулся навстречу рукам Хавьера как самый настоящий кот, пока не осознал, чего тот добивается. Нет, он не пытался насильно затолкать пальцы ему в рот, но намёк был вполне ясен. Хавьер снова стал таким осторожным, тягуче-неспешные движения напоминали о том, как он готовился взять Чейза.

Ощущения были странные. С одной стороны лейтенант сам недавно облизнул пальцы, но то были его собственные. Он не мог сформулировать, в чем тут разница, но раз это и было наказание, которое выбрал для него Лань… Он уже позволял Хавьеру и не такое – и, черт бы его побрал, получил от этого удовольствие! – так почему бы не попробовать?

На самом деле Цзян думал, что это будет ужасно, даже прихватил зубами пальцы фабриканта, когда они скользнули вдоль нижнего ряда зубов. Это оказалось мало похоже на наказание. Лёгкая шероховатость и солоноватый вкус кожи… чего он еще ожидал? Протест вызывало не то, что делал Хавьер, а то, что сам Чейз ощущал себя полностью в его власти. Он сам пришел к Ланю и сам же позволил ему, вот что жутко бесило детектива.

– Так не пойдет, Чейз, – Лань игриво зажал кончик его языка между средним и указательным пальцем.

Цзян пообещал себе, что больше не будет тянуть Ангела за язык, когда тот забывается во время игры и кусается. Впрочем, особого желания избавиться от назойливости Ланя не возникло. Он попробовал убрать язык.

– Расслабься, – посоветовал Лань. – Тебе разве не приятно?

Как он мог судить, каково Чейзу? Цзян сам этого толком не понимал. Пользуясь замешательством, он протолкнул пальцы глубже, погладил язык. Непривычно, да и только, когда-то и целоваться было так же странно. Стоило последовать совету любовника и он действительно что-то распробовал. Было… щекотно. Цзян невольно фыркнул.

Невольно он задумался, что чувствовал Лань, отсасывая ему. Вряд ли было похоже, разве что немного. И ему нравилось? Действительно нравилось… Пока что было только неудобно. И рот наполнился слюной. Цзян попытался сглотнуть. Пальцы сместились ниже, куда-то под язык, исследуя, прощупывая, надавливая.

Вторая рука Ланя скользнула в штаны так, будто он делал это множество раз… Впрочем, он и делал. Чейз насторожился, поняв, что снова не уследил за своим ремнем, а это было чревато… еще не сошли ссадины на запястьях с прошлого раза. Однако не было похоже, что Хавьер готовит для него что-то подобное. Он действовал аккуратно и неспешно. Одинаково плавные, почти синхронные движения чужих пальцев во рту и горячей руки по члену… От этого вело как после хорошей порции виски! Даже несмотря на то, что он уже сидел, понадобилась опора, пришлось схватиться за плечо Ланя.

– Дыши… – прозвучала негромкая инструкция. Лань стремился проникнуть как можно глубже, даже если Чейза от этого вывернет.
– Ровнее… Доверься мне.

Сердце стучало, как сумасшедшее. Можно ли каким-то образом нащупать его пульс? Фабрикант остановился и, заставив Чейза разочарованно выдохнуть, убрал ладонь с его члена. Цзян в очередной раз почувствовал себя уязвленным – какого дьявола Лань даже в этом оказался так хорош, что впору взять у него несколько уроков дрочки?

Лань уже привычно накрыл его кулак, разжимая пальцы, согревая. Мягко, но решительно он направил руку Чейза, заставил прикоснуться в том месте, где под одеждой было тесно и жарко. И это тоже было не впервой, понятно и просто.

– Давай, вместе… – шепнул он, когда Чейз еще нерешительно погладил его.

Они хотели друг друга, и чтобы показать, что не только Лань желал этого, Чейз сделал то же, что Хавьер для него, пробравшись под чужую одежду и сжимая на пробу. Хавьер повторил за ним и слегка надавил на язык, вынуждая снова сделать глотательное движение. Он каким-то немыслимым образом приспособился к тому, что любовник продолжает иметь его рот, и, кажется, даже уловил правила игры, в которую они уже играли.

Он мог заставить Ланя делать именно так, как ему будет приятнее всего. Более того, Хавьер хотел, чтобы он показал, что больше любит. Чейз нарочно мешкал, потому что хотел попробовать иначе, а для этого нужно было, чтобы вести продолжал фабрикант. И Чейз посмотрит, как тот его руками доводит самого себя до края.

Цзян попробовал убрать пальцы Ланя, когда тот надавил на уздечку, но это вызвало неожиданный отклик, не только со стороны Хавьера, томно вздохнувшего при этом, но и в нем самом. Оказалось, в эту игру можно играть вдвоем, вылизывать скользкие от собственной слюны пальцы, просовывать язык между ними, прижимать зубами и чувствовать себя законченным извращенцем, конечно же. Совсем немного и их движения удивительно совпали, словно они стали одним целым. Он никогда не чувствовал такого. Ни с кем. С другой стороны… он никогда и не спал с мужчиной.

Лань как-то заговаривал о любовницах Чейза, но сам Цзян не думал о них. Сама мысль сравнивать казалась странной. Да и какое значение имеет то, что было? Оно уже в прошлом. Не об этом ли говорила сегодня Женевьева? Было, правда, то единственное, что до сих пор важно, но Ланю об этом знать не обязательно… *Она* всегда будет с ним, в его памяти… потому, что была его любовью. Любовью всей его жизни, так Цзян думал до сих пор. Появление в его жизни несносного фабриканта перевернуло все устоявшиеся привычки и представления, весь его мир.
***
Честер не мог представить, что когда-нибудь будет сидеть, завернувшись в один плед с художником – да вообще с кем бы то ни было! – слушать его болтовню и целоваться. Это было невероятно волнительно. Так тепло и близко! От Вэйда слегка пахло дымом, но этот запах почему-то навевал мысли не о ночном происшествии, а о весенней уборке на ферме. Очень уютный, успокаивающий аромат.

– Примерно год назад на мое настоящее имя стали приходить письма от одного человека, – Лань не понимал, какими дорогами двигались порой мысли художника, переходя от одного к другому, но слушать его было интересно. – Мы пересекались на одной из первых моих выставок, когда я на них еще показывался. Я тогда думал, что в моих работах его больше всего привлекает история

моей семьи.

Честер, к своему стыду, знал о прошлом любимого художника не так уж и много. Конечно, тот постоянно что-то рассказывал, но не имел обыкновения касаться темы своей семьи и близких. Лань улавливал в этом болезненность и не настаивал. Хватало тех кратких откровений, постепенно дополняющих картину в его голове. Придет время и, если Вэйду захочется, он поделится тем, что грузом лежит на сердце.

– Но несмотря на то, что я ясно дал понять, как отношусь к библейским мотивам, он не оставляет попыток уговорить меня, – Вэйд поерзал, ища более удобное положение и снова подтягивая поближе валик, который недавно отложил. – Даже шлет мне подарки через Санфорда.

– И чего он хочет? – Честер слегка развернул его к себе, чтобы видеть лицо.

– Едва ли соблазнить меня, – протянул Вэйд, легкомысленно перекинув ноги поперек его бедер и обнимая вместе с подушечкой. Гипса он будто и не замечал. – Для этого он выбрал неправильную тактику, все эти чеки на предъявителя и прочие ценные бумажки заводят разве что Санни.

Фабрикант затаил дыхание, испытывая смешанные чувства. С одной стороны, любопытство; с другой - беспокойство из-за того, что Вэйду пишет какой-то странный тип. Впрочем, интерес превалировал, потому что Инн говорил об этом так спокойно, будто и правда не чувствовал ни малейшей угрозы. В отличие от Честера, который по-настоящему боялся призраков прошлого. Может, стоило отбросить беспокойство и жить дальше, не оглядываясь на улицах с опаской встретить за любым поворотом это чудовище?

– Тот человек просит об одном, – продолжал Вэйд, играя с отросшими сильнее обычного волосами Честера. – Нарисовать для него Адама в райском саду. Будь это мужчина среди плодовых деревьев, я нарисовал бы хоть целую толпу. Но Адам… С Адамом все намного сложнее. Каждый, кто взглянет на картину, должен без подписей и пояснений подумать: «Да этого мужчину сам Бог вылепил!» Раньше я таких мужчин не встречал.

Сердце пропустило удар. Это «раньше» прозвучало как-то очень по-особому. Так значит, Вэйд уже нашел своего Адама? Того, кого Бог, в которого Инн не верил, творил по образу и подобию своему. Или того, по чьему образу и подобию он бы сам сотворил Бога? Взгляд художника завораживал, его глаза, серые как грозовое небо, будто заглядывали в душу.

– Ты так много работаешь, – заметил Вэйд, хитро прищурившись. – Я хочу проводить с тобой больше времени и картина могла бы помочь нам немного сблизиться.

Честер почувствовал за словами художника некий подтекст, который не был вполне ему понятен, но сердце… сердце снова забилось в груди чаще и сильнее. И фабрикант не мог объяснить причину охватившего его волнения. Ему очень хотелось согласиться, чтобы увидеть улыбку Вэйда и радостный огонек в глазах, однако работа на фабрике научила осторожности. «Никогда не ввязывайся в дело, не зная всех подробностей, иначе получится авантюра», – так говорил дядя.

– Ты ведь еще не закончил портрет детектива, – рассудительно напомнил Честер, давая себе время взвесить все за и против.

Он подумал о разговоре с Анной. Она позвонила на фабрику, как только узнала новость о пожаре в их доме и так переживала, что Честеру едва удалось ее успокоить. Пришлось пригласить подругу и ее мужа на обед в выходные, чтобы Анна убедились – ущерб вовсе не таков, как можно подумать со слов сплетников. Судя по такой бурной реакции, люди уже успели наврать с три короба.

– Да там ерунда осталась, – Вэйд рассмеялся, а потом потерся носом о щеку Честера, как кот, заставляя отвлечься от собственных мыслей. – Фон не нуждается в такой детальной проработке, это только навредит и будет отвлекать от действующих лиц. Если бы я торопился, то закончил бы за одну ночь. Нет, за день, чтобы со светом не пришлось мучиться. А вечером можно немного поработать с позой и композицией и сделать пару быстрых набросков.

Глаза художника загорелись, он быстро облизнул губы. О чем он думал? Честер не мог знать, но по телу пробежала приятная волна тепла. Он взял руку художника в свою, чтобы продлить приятное чувство. Вэйд не возражал, ответив легким пожатием и поглаживанием. Кажется, он был единственным человеком, знакомым Ланю, которого не раздражало, когда границы личного пространства нарушают.

– Ты разве не хочешь попробовать что-то новое? – спросил он хитро и вновь придвинулся очень и очень близко. – Самую малость. Всегда можно будет остановиться, если покажется, что дело заходит слишком далеко.

Честеру снова показалось, что художник говорит не о картине. Но в таком случае они и так уже зашли непозволительно далеко и едва ли смогут вернуться на безопасное расстояние. Даже брат знает, как сильно они сблизились, может быть, даже о том, что случилось между ними в Брайт Хаусе. Честер снова ощутил смущение при мысли о том, что себе позволял на людях.

– Тебе нравится Франция? – могло показаться, что Вэйд опять заводит разговор о путешествиях.

– Я выучил французский по настоянию дяди, а не потому что сам этого захотел, – признался Честер. – Думаю, дядя выбрал его, потому что я дружил с Анной. Письма очень помогают ничего не забыть.

– Ну и правильно, – не то одобрил выбор Хьюго Джеральда Ланя, не то отношение его племянника к этой стране Инн. – Из всего, что придумано во Франции мне, пожалуй, нравится только пара вещей.

– Вино? – рискнул предположить Честер, вспомнив его идею устроить маленький погребок на веранде.

– Это – вторая, – подтвердил Инн, явно довольный его догадливостью. – Потому что французские поцелуи даже лучше их вин.

Часть 48

Голова была тяжелой, и мысли в ней еле-еле ворочались, но вместе с тем Чейз ощущал необыкновенную лёгкость и расслабленность, уже почти позабытые. Лань вздохнул над ухом, крепче прижимая его к себе, хотя куда уж ближе? Они вдвоем угнездились в этом кресле, понемногу приходя в себя.

Дыхание выровнялось, но Чейз не торопился отстраняться, хотя недавно ему совсем не нравилось положение, в которое его поставил Лань. Хотелось еще немного побыть вот так – рядом. Послушать, как любовник дышит, как замедляется его пульс. Лань уловил перемену его настроения и погладил по плечам и пояснице. В такие моменты он словно бы становился другим человеком.

– Хавьер, – он хотел что-то сказать, но собственный голос прозвучал как-то не так, пришлось откашляться, а потом момент уже был упущен.

– Налить тебе чаю? – спросил фабрикант, неохотно сместившись немного вбок, пока подлокотник не отлетел под весом двух тел.

Глупо прозвучало, но это единственное, что пришло ему в голову. Чейз скрипнул зубами. За все время знакомства детектив всего второй раз назвал его по имени. Значило ли это?.. Лань не стал давить – детектив и так разозлился на себя – вместо этого он поцеловал Чейза, будто все было в порядке, успокаивающе, благодарно. В конце концов, если их обоих все устраивало... а Цзян не знал, как на самом деле Хавьер относится к такому положению вещей.

В тишине Лань выбрался из-под него и подошел к столу, разлил чай и только потом принялся приводить в порядок одежду. Платок ему после этого следовало сжечь... Чейз тоже оправил брюки и рубашку, довольно небрежно. Жажда беспокоила намного сильнее, чем собственный неопрятный вид. Подойдя к Ланю, он взял одну чашку и тут только обратил внимание на пирожные.

Они лежали на тарелке. Скорее, на маленьком красивом блюдце, бочком друг к другу. Волнами облитые густой шоколадной глазурью. На конце одного виднелось отверстие с белоснежным кремом, которым полость внутри была заполнена явно не в пример более щедро, чем в тех пирожных, которые можно купить в кондитерской лавке. От одного взгляда на них Цзян испытал просто непреодолимое желание немедленно съесть оба, даже не поделившись с любовником. Как могла Анна рассказать Ланю о его слабости?

– Теперь они и мне тоже нравятся, – сказал Хавьер, закончив затирать влажные пятна на своей одежде. Цзян вопросительно приподнял правую бровь. – Эклеры, Чейз. Только что ты запихнул в рот почти две трети пирожного, и это выглядело довольно... аппетитно.

Полицейский почувствовал, что краснеет, и с трудом подавил желание выплюнуть выпечку. Это было бы святотатством – эклер был просто божественный! Неужели Лань после его звонка попросил свою кухарку приготовить сладкое специально для него? Или они из популярной кондитерской с бешеными ценами...

– Очаровательно, – негромко прокомментировал Лань и поцеловал его в уголок губ, так и не дав нормально прожевать. Лизнул, собирая остатки крема. – Ешь второй, если хочешь, я уже попробовал.

Сперва Чейз не поверил такой удаче. Конечно, Лань уже наелся сладкого, но разве ж это повод отказываться от такой вкуснятины? Фабрикант дождался согласного кивка и продолжал, как ни в чем не бывало, подливая ему чай.

– Я пока переоденусь, а потом заедем к тебе, – Чейз снова кивнул, соглашаясь с первой частью фразы, но вышло, что он не против пригласить любовника к себе на ночь. А значит, и напоить утренним кофе. – Много вещей тебе не понадобится, подумай, что стоит взять на пару дней.

– Куда Вы собрались на ночь глядя? – Цзян только теперь начал понимать масштабы катастрофы. С виду вежливый и мягкий, фабрикант обладал настырностью бульдога и не оставлял ни малейшего шанса.

– Ты обещал быть послушным, – заметил его несогласие Хавьер. – Это – отличное место. Вам с Ангелом там непременно понравится. Пожалуйста, Чейз, разве я хоть раз обманывал тебя?
***
Цзян ненавидел долгие поездки в карете и не имел ни малейшего понятия, зачем согласился сопровождать Ланя... он даже не знал куда! «Только потому, что это Лань», - повторял он мысленно и молчал, чтобы не сорваться на спутнике, которого его надутый вид явно забавлял. Он бы послал к черту любого, может быть, даже отца, если бы тот потребовал поехать с ним неведомо куда да к тому же на все выходные.

Чейз злился и чувствовал себя до жути неуютно. Фабрикант же выглядел до неприличия непринужденно. Он поглаживал Ангела и смотрел, как мимо мелькают улицы и дома, городские окраины сменяются пригородами, а потом за окном становится уже совсем ничего не разглядеть.

– Вы собираетесь делать это всю дорогу? – не выдержал Чейз.

– Нет, – последовал лаконичный ответ. – Еще я собираюсь поспать.

Лейтенант в очередной раз задержал взгляд на руке, что неспешно поглаживала жёсткую собачью шерсть. Это смотрелось возмутительно... непристойно. Чертов Лань выглядел так, словно гладил вовсе не пса, и дразнил его хозяина. Ангелу явно нравилось. Он уже поставил передние лапы на сиденье, намекая, где еще можно погладить и почесать. Дай ему волю, и терьер с удовольствием развалился бы на свободном месте, подставляя живот под длинные пальцы и вывесив розовый язык.

– Негодяй, – забурчал Чейз на пса, который уже пыхтел от блаженства.

– Не стоит ревновать собаку, – прозвучало вполне логично.

– Вы его балуете, – не унимался Цзян, слегка пихнув пса, чтобы не безобразничал. – Ангел не должен забывать, где его место, а где – наше. Если, конечно, Вы не хотите спать с ним втроем.

Чейз громко фыркнул, представив эту картину, а Лань почему-то заулыбался, но не весело, а как-то... нежно? Нет, просто довольно. Очередной пункт его дьявольского плана пришел в исполнение? Цзян даже знать не хотел. Стоило одолжить Ланю ручку, чтобы мог поставить галочку в списке. А ещё - отвесить самому себе затрещину, поскольку он только что сказал, что собирается спать в одной постели с фабрикантом.

– Любому живому существу нужна ласка, – возразил фабрикант, не знающий, что, дорвавшись до постели, Ангел никак не

удовлетворится местечком в ногах. – Хотя бы иногда.

Вот и сейчас пес влез между ними, усевшись задницей хозяину на ногу и положив голову на колени фабриканта. Цзян закатил глаза. Почему все, что говорил Хавьер, всегда значило не только то, что значило?! Грёбаные шарады… Лань пошевелился, устраиваясь поудобнее, положил ноги на противоположное сиденье, слегка коснувшись Чейза. Места хватало, просто так изначально было задумано.

Вместо того чтобы разозлиться, лейтенант оставил все как есть. Он даже наклонился вперед и потрепал Ангела по холке, стряхнул шерстинки, приставшие к ладони, о штаны. Каким-то образом Хавьер смог вытащить из него то, на что, казалось, Чейз уже не был способен. Это даже немного пугало, но пока они вот так ехали сквозь ночь, было даже хорошо.

– Поспи, – предложил Лань без обычных повелительных ноток. Ангел улегся на пол и засопел, будто фабрикант обращался к нему.

– Не хочу, – Чейз отвернулся.

– А выглядишь уставшим, – проронил Лань, которому и самому не помешал бы сон.

И не в сидячем положении, а в нормальной кровати под одеялом. Какого хрена воображение нарисовало кровать и одеяло Чейза в его съемной квартире? Давали о себе знать накопившаяся усталость и недостаток кофе, вот котелок и не варит. Эта иррациональная близость вымотала куда сильнее бессонной ночи.

В следующую минуту теплая ладонь фабриканта легла ему на колено. Бог знает, что Хавьер сделал с ним, но казалось, еще немного, и постоянное покачивание перестанет раздражать. Чейз решил, что просто прикроет глаза, чтобы дать им отдых и хоть какое-то время не видеть любовника и не пытаться разгадать его как шараду. Будет сидеть вот так, прислушиваясь к мерному стуку копыт и спокойному дыханию любовника, но вместо этого всего через какую-то минуту – так ему по крайней мере показалось – сильно вздрогнул, резко распахнув глаза, чтобы немедленно встретиться со встревоженным серым взглядом.

Словно сон воплотился. Серые… Как он мог забыть? У *нее* были серые глаза. Не такие, как у Хавьера, темнее, но тоже серые. Как он посмел забыть?..

Детектив до сих пор не смог понять, как это могло случиться. Не смирился с тем, что не успел спасти ее. Что бы стало с той девочкой, останься она в живых? Думать об этом было больно, как ковыряться в открытой ране. Но он продолжал.

У *нее* были тёмно-серые глаза, как дымящие угли, как голубиное перо, и чуть заметные оранжевые лучики возле самого зрачка… Годы безжалостно стирали детали, но ведь он обещал. Обещал помнить…

– Чейз, – Лань осторожно потряс его за плечо, а Ангел ткнулся в ладонь мокрым холодным носом.

– Долго ещё? – огрызнулся лейтенант, чувствуя, что, если проведет в этой чертовой коляске больше десяти минут, то точно скажет какую-нибудь грубость.

– Приехали, – сказал Хавьер, бросив быстрый взгляд в окно, и снова глядя на него.

– Черт, Лань, не надо строить из себя мамочку! – возмутился Цзян, понятия не имея, чем так встревожил любовника. Неужели говорил во сне? Эта привычка водилась за Чейзом, но давно, еще в детстве. – И с головой у меня все в порядке!

Цзян провел неприятно мокрой ладонью по волосам, но челка немедленно упала обратно на глаза. Лань все еще не сводил с него взгляд, но и ничего не говорил. Даже не кивнул, соглашаясь с последним утверждением. Карета остановилась.

– Наконец-то! – проворчал Чейз.

Однако первым из опостылевшего экипажа выскочил не он, а Ангел, шалеющий от незнакомых запахов и практически необъятного простора. Пес быстро пропал из поля зрения, радостно рванув куда-то в кусты. Светало, самое время ненадолго уединиться, погонять какую-нибудь мелкую живность… какие там еще собачьи дела у него могут найтись?

– И куда Вы меня притащили? – лейтенант с подозрением огляделся. За Ангела он не беспокоился.

Тот никогда не отходил слишком далеко от хозяина и обычно прибегал назад, услышав свист. Иногда, правда, приходилось использовать свисток. Небольшая металлическая трубка издавала такой пронзительный звук, что он поднимал на крыло окрестных птиц.

– Скоро узнаешь, – сообщил Лань, явно вознамерившись окончательно вывести его из терпения.

Они находились в конце дороги, которая больше никуда не шла, а обрывалась, как отпиленная. Добротная, хоть и несколько запущенная. Лань пояснил, что когда-то в этом месте было болото. Почва оказалась слишком мягкой, так что пришлось бросить строительство дороги и проложить другую поблизости. Про этот отрезок быстро и незаслуженно забыли. Чейз бы не удивился, скажи Лань, что выделил немного средств, чтобы поддерживать тупик в пригодном состоянии и ездить сюда, скажем, на охоту.

– К чему столько секретности, Лань?! – не выдержал он, когда Хавьер поманил его за собой. Куда-то в ту сторону, где скрылся Ангел. – Вы можете хоть раз сказать что-то без этих выкрутасов?!

– Подожди еще пару минут, – попросил тот, прежде чем скрыться в небольшом просвете в зарослях ивняка. – Хорошо?

Подрезанные ножом ветви говорили, что этим проходом пользовались. Прежде чем последовать за любовником, Чейз захватил свой саквояж – в нем не было ничего ценного, но еще не хватало, чтобы кто-то порылся там от нечего делать!

Фабрикант поджидал его на другой стороне своего рода живой изгороди и беззастенчиво обнял. Чейз выпустил сумку и даже не понял, как так вышло, что он прижал фабриканта крепче, глядя поверх плеча на озеро, которое было навскидку втрое больше Пикадилли-сёркус. Деревья обступали его амфитеатром, а там, где полагалось быть сцене, серебристую утреннюю дымку прорезал первый тонкий луч восходящего солнца.

– Лань, – позвал Чейз почему-то шепотом, поворачивая их боком к сонному еще светилу, чтобы Хавьер тоже это увидел.

Цзян чувствовал себя слегка оглохшим от стоящей в этом месте тишины. Даже птицы робко подавали голоса, внимая звенящему в воздухе покою. Чейз ощутил благоговейный трепет, это было… будто святой дух нисходит на землю. И Лань мог ничего не говорить и не объяснять.

– Спасибо, – проговорил лейтенант от всего сердца, по-прежнему не размыкая рук.

Примечание к части

Сердечное спасибо всем, кто решил поддержать автора!

Часть 49

Родители и – особенно! – дядя привили близнецам привычку не залеживаться в постели, даже в выходные дни. В правилах Честера было начинать утро хотя бы с небольшой тренировки – это позволяло не только держать тело подтянутым, но и здорово очищало разум, а также способствовало концентрации. Повторять и комбинировать отточенные, доведенные уже до автоматизма, движения было приятно. Не говоря о спаррингах, которые они с Хавьером устраивали два-три раза в неделю. Тренировочные поединки приносили настоящее удовольствие им обоим!

Обычно Честер с теплом вспоминал их учителя – сухонького, поседевшего добела и в довершение говорившего по-английски с чудовищным восточным акцентом. Однако сегодня его наука не спасла от мыслей и даже не помогла толком взбодриться. Нет, ни наставник, ни его искусство не имели к этому никакого отношения, просто сам Честер вместо того, чтобы спокойно отдыхать ночью, все думал о случившемся вчера.

Вот и сейчас – он глянул в зеркало, чтобы убедиться – покраснел, стоило только вспомнить шальной огонек в глазах художника, как сполох далекой грозы. Бедра Вэйда, прижимающиеся к его бедрам, руки, неторопливо высвобождающие шейный платок и расстегивающие верхнюю пуговицу рубашки, поглаживающие открытые участки кожи...

Губы Вэйда… Честер задержал дыхание, вспоминая. Мягкие, но настойчивые, скоро нагревшиеся от быстрых поцелуев. Что Инн с ним делал? Они почти не говорили, к чему слова, если можно обойтись без них? Уговаривать, манить… Слова тоже были, но позже, когда настал их черед. Они целовались. До головокружения, до чувства, что диван в окружении подушек и заполненных книгами полок летит в тартарары, и они вместе с ним.

Раньше Честер только читал о таком и никак не думал, что однажды сам окажется на месте героя, посреди бушующего океана, в водовороте бурлящей стихии, захлестывающей с головой и лишающей воздуха. Однако буря улеглась так же стремительно, как налетела, они с Вэйдом выплыли, вдвоем… и еще долго приходили в себя, держась за руки.

Лань приложил ладонь к горящей щеке, а потом дотронулся до шеи, повторяя то, как касался вчера художник. Провел чуть ниже и остановился. Вэйд вынул из петлицы еще одну пуговицу и провел кончиком языка по губам. Признание, слетевшее с его губ, окончательно сбило Честера с толку, он даже подумал, что ослышался.

– Я хочу полюбоваться своим Адамом, – вот что сказал художник. – Прямо сейчас.

Честер покрутился перед зеркалом, не спеша надевать приготовленную рубашку. На коже еще поблескивали капли воды. Одна сорвалась с влажных ресниц и, прочертив быструю дорожку, защекотала уголок рта. Он смахнул воду и уже медленнее прикоснулся к губам. Сквознячок захолодил спину, как будто чужой взгляд, но это было даже приятно, и он сам не понимал, почему.

Он так и не решился показаться Вэйду вчера, а сейчас, кажется, начинал жалеть. Нет, художник ничуть не расстроился, только… Он ведь действительно собирался не только смотреть, хотел рисовать его обнаженным – полностью! Да даже если и просто смотреть. Честер поражался, как еще не сгорел со стыда. Не мешало бы еще раз умыться холодной водой.

Нет, так не пойдет. Если за обедом Честер будет заливаться краской, как сейчас, Анна решит, что он заболел! Он последил за дыханием. Ровное и спокойное. И не думать о библейских сюжетах, даже самых безобидных! С этими мыслями он накинул рубашку на плечи и заглянул в ящичек с шейными платками. Какой взять? С тех пор, как Вэйд обзавелся браслетом, выбирать стало трудновато. Может, повязать шелковый серо-стального цвета. Или лучше будет смотреться галстук? Дома можно было не надевать ни того, ни другого, но такой вариант фабрикант не рассматривал вовсе.

Хавьер к завтраку не вышел. Поверх утренней газеты, где на первой же полосе во всех кровавых подробностях живописали, кого, а главное, как, убили в Лондоне минувшей ночью, лежала записка, написанная рукой брата. «Тело со следами пыток», гласили крупные буквы, оттягивая взгляд от аккуратного почерка. Даже знать не хочется!

– Волноваться не о чем, твой брат решил поехать на ферму, – сказал Вэйд вместо приветствия. – Прости, я прочел.

В качестве извинения художник потянулся к нему и, заполучив руку, слегка пощекотал пальцами ладонь и запястье. Большего он позволить себе не мог, по крайней мере, пока Мэдисон не закончит накрывать на стол, но было на редкость приятно.

После появления в доме новых жильцов девушке нелегко давалось поддерживать чистоту и идеальный порядок, судя по четкому следу кошачьей лапки, который она постаралась незаметно прикрыть подставкой для солонки и перечницы. Интересно, куда подевался Саймон? Ему нравилось увиваться вокруг стола, потому что Вэйд, да и близнецы, всегда находили, чем угостить всеобщего любимца.

Честер пожелал доброго утра не только Вэйду, но и горничной, как обычно. И предупредил, что сегодня у них обедают Чаттеры. Конечно, он не сердился на Инна. Для начала, с первых строк было ясно, что ничего секретного в записке нет, к тому же художник заглянул в нее только потому, что ему тоже была небезразлична жизнь Хавьера. Похоже, старший брат и правда не планировал влипать в неприятности. Честер постарался убедить себя, что на ферме опасности нет, как нет ее и в их собственном доме, куда недавно ворвались поджигатели.

– Меня посетила замечательная идея, – сообщил Вэйд, почти не глядя в тарелку. Он провел по губам кончиком языка, заставляя Честера терять нить разговора и снова думать о том, что было вчера. – Почему бы тебе не примерить что-нибудь из гардероба Хавьера? Вы ведь носите один размер?

– Ты хочешь, чтобы я притворился Хавьером? – переспросил Честер, в очередной раз не веря собственным ушам. – И дурачил Анну и Стюарта?

Не то, чтобы они никогда так не делали… Частенько, когда на фабрике к нему обращались как к Хавьеру, Честер просто не разубеждал собеседника, если, конечно, был в курсе и мог решить вопрос. Несколько раз он подменял заболевшего брата на деловых встречах, это было удобно… Однако меняться местами для развлечения – совсем другое дело, близнецы бросили эту забаву, еще когда были детьми.

– Ну же, Честер, – озорно улыбаясь, принялся уговаривать Вэйд, повернувшись к столу боком и преданно заглядывая ему в лицо. – Никто ведь не пострадает от маленького безобидного розыгрыша! Разве не любопытно, как быстро Анна тебя раскусит?

Мэдисон заметила, что забыла выставить на стол сливочник – должно быть на его поиски и отправился Саймон – и поспешила исправить эту оплошность. Вэйд немедленно поманил Честера к себе, хотя они и так сидели за столом рядом. Лань послушно наклонился к нему, но вместо того, чтобы шепнуть что-то на ухо, художник легонько ухватил его за подбородок, поворачивая к

себе, а потом без предупреждения прижался к губам, настойчиво прикусывая и раздвигая их языком.

Голова закружилась мгновенно, от поцелуя, от вкуса кофе, насыщенного и яркого, с легкой кислинкой. Отпив немного, Вэйд задержал жидкость во рту, в первый момент совершенно ошарашив Честера. Он прикрыл глаза, забывая обо всем на свете и растворяясь в этой необычной ласке и тепле.

– Ты согласен? – спросил Вэйд, мимолетно коснувшись его носа своим.

– Мгм, – пробормотал Честер и только потом по довольному выражению лица художника понял, что сделал что-то не то.

Пока они заканчивали с завтраком, Вэйд витал в облаках, буквально. Он даже сличал их цвет с оттенком кофе в своей чашке. Молока там было вдвое больше, чем самого напитка. Честер же думал о куда менее приятных вещах. Если ему и правда нужно будет изображать брата, придется снова обращаться к мистеру Инну на вы, а еще не подавать ему руку, чтобы помочь перейти из комнаты в комнату и вообще не касаться художника без необходимости. Это немного расстраивало, хотя раньше сохранять дистанцию казалось разумным и правильным. Когда все так переменилось?

– Относись к этому, как к приключению, – предложил Вэйд, заметив, что он совсем сник. – Эта игра поможет тебе почувствовать себя более раскованно, к тому же раздеваться и переодеваться – совершенно разные вещи.

Честер посмотрел на него встревоженно. Было сложно понять, говорит ли Вэйд серьезно, или же шутит. Похоже, он и правда собирался рисовать Адама с натуры. До чего же некстати вспомнился сон, в котором Честер прогуливался по саду вместе с Саймоном и все никак не мог понять, что не так, пока не увидел в окне собственное отражение!

– Я не буду смотреть, – клятвенно пообещал художник, хитро прищурив глаза. – Ну, разве что самую малость.

Они действительно пойдут в комнату Хавьера – Честер редко туда заглядывал, оставляя близнецу право иметь свои секреты. Может быть, Вэйд был прав? Ничего не случится, если он просто позаимствует у старшего брата что-то из вещей, а потом возвратит назад. И все же находиться в комнате близнеца в его отсутствие было странно. Еще более странно было перебирать его пиджаки и слушать, как Вэйд по одному выдвигает ящики, заглядывая внутрь, чтобы тут же закрыть, не найдя искомое.

– Ага! – радостно объявил он, принявшись пересматривать аккуратно сложенные шейные платки и галстуки. – Сколько тут всего, а цвета! Мне очень нравится вот этот – индийский. Такие узоры изображают языки пламени, которые олицетворяют жизнь, движение и энергию.

Вэйд подошел ближе и легко перекинул платок – с узором в виде горящих капель – через голову Честера, притягивая для еще одного поцелуя. Честера его выбор удивил: он правда считал, что ему подойдет такая ткань?

– И вон тот костюм, – он энергично закивал, когда фабрикант взялся за оленьего цвета сюртук с овалами из тонкой мягкой замши на рукавах. – Да-да, именно этот!

Как вечером накануне, художник расстегнул верхние пуговицы на рубашке Честера и аккуратно раскрыл шею. Однако сегодня не стал ограничиваться только этим. Костыль с глухим стуком упал на ковер, когда Инн сомкнул руки у него за спиной; губы защекотали кожу, когда он заговорил.

– Такой приятный запах, не могу удержаться, – признался художник, не то выискивая его источник, не то просто ласкаясь, как кот.

Отвечая на объятие, Честер сделал для себя мысленную отметку: Вэйду нравится, как пахнет сандаловое дерево. Художник прильнул ближе, будто желая, чтобы приятный аромат окутал его целиком, прихватил губами мочку уха, но тут уж Честер не выдержал и остановил его, вовлекая в поцелуй. То, что они делали это в комнате Хавьера, отчего-то будоражило. И, кажется, не только его.

– Давай же, примерь скорее, – запросил Вэйд между поцелуями. – Иначе я не удержусь…

В голове был туман, плотный, как парное молоко, поэтому фабрикант не совсем понял художника. Тот не удержится на ногах? По крайней мере, на кровать он плюхнулся с видимым облегчением. Честер не смог припомнить, в какой момент они переместились к ней.

Как бы то ни было, смущение куда-то пропало. Может, потому что он не раздевался, а переодевался, чего, по словам Вэйда, не следовало стесняться. Художник не сдержал обещание. Он смотрел, не отрываясь, с таким восторгом, будто перед ним и правда предстало творение рук господних.

– Вот теперь ты очень похож на брата, но кое-чего все-таки не хватает, – Вэйд придирчиво его рассматривал, заставляя нервничать. – Улыбнись, Честер!

На несколько мгновений Вэйд, похоже, лишился дара речи. Вещи Хавьера вовсе не делали его Хавьером в глазах художника. Он смотрел именно на Честера с обожанием и благоговением, заставляя того краснеть.

– Ты слишком красивый, – мужчина потянулся к нему, хотя их разделяло расстояние в несколько шагов. – Поцелуй меня, ну же, Честер, как бы вел себя Хавьер, будь это и правда он?

Как? Хавьер всегда отдавался минутным порывам. И сейчас Вэйд разрешал Честеру поступить так же? Делать то, что хочется? Художник не попытался противиться, когда Лань опрокинул его на спину, прижимая за плечо к матрасу, нависая сверху. Охотно отозвался на жадные поцелуи и вскрикнул лишь в тот момент, когда Честер пустил в ход зубы, прихватив нижнюю губу художника. Наверняка весьма чувствительно.

Чужая боль отрезвила. Он в испуге отпрянул назад.

Часть 50

У берега, надежно спрятанный в зарослях кустарника, был выстроен небольшой лодочный сарайчик, из-за старых досок выглядящий так, будто вот-вот развалится. Туда-то Хавьер и потянул Чейза, когда солнце поднялось. Ему хотелось показать любовнику кое-что еще и полюбоваться удивлением на его лице, когда тот увидит лодку.

– Вы уверены, что она не утонет, Лань? – лейтенант скептически скрестил руки на груди.

– Расслабься, Чейз, – посоветовал Хавьер, подталкивая судно к воде. В собственной лодке он мог быть уверен. – В любом случае, мы сможем доплыть до берега.

Утро как никогда располагало к неспешности. По озерной глади пробегала мелкая рябь, точно невидимая рука горсть за горстью бросала в воду золотые монетки. Легкий ветерок шаловливо раздул челку лейтенанта.

– Это – самая глупая затея, в какой мне доводилось участвовать! – сообщил Чейз, тем не менее, помогая столкнуть лодку на воду.

Лань только хмыкнул, не став спорить. Для того, кого заставляют против воли участвовать в дурацком предприятии, Цзян слишком уж охотно ему помогал. В этом не было нужды, но он подстраховал Хавьера, помогая забраться в лодку, потом запрыгнул сам и сел на весла. Похоже, такое времяпрепровождение было ему привычно. Ну, конечно! Честер говорил, мистер Цзян раньше владел летним домиком у реки. Было бы занятно отыскать то самое место, где прошло детство Чейза и его сестры.

Стоило отчалить, и на берегу появился пес, должно быть, привлеченный плеском воды. Опустив морду к самой земле, Ангел прошел по следам хозяина до воды, и только потом посмотрел на лодку. Чейз направил ее вдоль берега, чтобы пес мог следовать за ними, попутно исследуя заросли рогоза. Лапы его быстро сделались черными, но усатая морда, иногда высовывающаяся из высокой травы, выглядела просто до неприличия счастливой.

– Не собака, а свинья, – вздохнул Чейз, но беззлобно.

С берега раздался заливистый лай и возмущенное кряканье семейства уток, до того мирно спавшего в камышах. Похоже, пес неплохо проводил время! Хавьер перевел взгляд на Чейза. Верхнюю одежду оба оставили на пристани, так что смотреть было – одно удовольствие. Чейз работал веслами спокойно и уверенно, размеренно поднимая лопасти весел над водой, чтобы оттолкнуться от нее.

Захотелось прикоснуться, почувствовать сквозь тонкую ткань, как напрягаются при каждом движении мускулы. Стоило протянуть к любовнику руку, и тот предупреждающе плеснул по воде веслом, охлаждая его пыл. Хавьер лишь улыбнулся, подаваясь вперёд. Чейз не разделял его намерения, полагая, что покачивающаяся с боку на бок лодка – не лучшее место для безобидных развлечений. Лань же пребывал в приподнятом настроении. Он впервые захотел привести сюда кого-то. Конечно, существование озера не было тайной за семью печатями, но только Хавьер бывал здесь действительно часто, а не от случая к случаю, так что имел полное право называть его своим убежищем.

– Плывем на ту сторону, – указал он и, не удержавшись, дунул Чейзу в ухо, когда тот глянул через плечо. – К прогалине.

Это было какое-то волшебство – пусть всего на один день, но оставить проблемы в прошлом и наслаждаться настоящим. Он снова чувствовал себя как на последнем курсе обучения. Ветерок подталкивал его в спину, как бы призывая быть смелее.

Потребовалось немного упорства, чтобы свалить детектива на нагретое солнцем дно лодки, скользящей уже по инерции. Кажется, они потеряли одно весло, но это было нестрашно. Зато дальше отодвигаться Чейзу было попросту уже некуда. Прижатый к борту, он пытался отпихнуть Хавьера, всем своим видом показывая, что тот выбрал совершенно неподходящее место и время.

Ланю нравилось такое сопротивление, но в какой-то момент началась настоящая борьба, и они все-таки раскачали лодку слишком сильно. Одно неловкое резкое движение – и оба оказались в озере. Хавьер от неожиданности глотнул воды, внезапная прохлада отрезвила, но недостаточно, чтобы полностью прогнать желание. Тем более что первопричина вынырнула секундой позже и вид имела очень недовольный. Как раз тот самый.

– Долбанный кусок придурочной древесины, а не блядская лодка, – зарычал детектив, ударив кулаком по воде. – Какому имбецилу пришла в голову идея притащить сюда это корыто?! Ангел! Сукин ты сын, только попробуй влезть в воду!

На мгновенье забыв, как плавать, Лань снова ушел под воду с головой. Давненько он не слышал такого от Чейза. Начинало создаваться впечатление, что тот в его присутствии старается следить за языком.

Цзян бесцеремонно ухватил его за волосы и дёрнул вверх. Молча, но выражение лица было весьма красноречивым. Дождавшись, пока фабрикант откашляется и сам будет держаться на воде, он выловил сбежавшее весло и принялся подталкивать перевернувшуюся лодку в сторону недалекого берега.

– Идея была идиотская с самого начала!Что на Вас нашло, Лань?! Плывите к берегу, пока не схватили воспаление легких, или я сам Вас выволоку за волосы!

Они вытащили лодку сушиться и сами выбрались из воды. Чейз, разумеется, тоже был мокрым до нитки и взъерошенным. Рубашка облепила тело слишком соблазнительно, чтобы упустить момент. Лейтенант посмотрел с подозрением, стоило сделать шаг в его сторону.

– Черт возьми, Лань! – Цзян возмущённо откинул мокрую челку, но та снова упала на глаза. – Я ведь… Что Вы задумали?!

– Надо развесить одежду сушиться, – назидательным тоном сказал Лань. – Ты сам говорил: с воспалением легких шутить не стоит.

– Нет уж! Сначала надо развести костер, а лучше добраться до нормального человеческого жилья! Или тут только это гребаное озеро?! – стуча зубами, Чейз проверил в кармане брюк и извлек жестяную коробочку с плотно пригнанной крышкой. – Ангел! Бог ты мой!

Из-под куста показался собачий круп с виляющим хвостом, потом лопатки, ставшие торчком уши и, наконец, сухая сучковатая коряга размером с половину взрослого барана. Это примирило Чейза с действительностью. Он потрепал пса и уже более миролюбиво предложил Хавьеру собрать хвороста, пока он присмотрит подходящий кустарник или деревце, чтобы развесить вещи.
***

Когда прошло волшебство раннего утра, он снова стал хорошо знакомым Чейзу Ланем. Ланем, который добивается желаемого… так или иначе. На своих условиях, но раздеться все-таки пришлось. Костер весело потрескивал – черта с два Чейз смог бы его развести, если бы случайно не сунул спички в карман, вместо того, чтобы вернуть в саквояж вместе с портсигаром. Футляр, который за несколько лет службы в Скотланд-Ярде из предмета насмешек превратился в объект жгучей зависти, выдержал уже третье по счету купание и не подвел.

Пока Чейз развешивал сушиться одежду, которая, кажется, особо не пострадала от воды, и споласкивал их ботинки, Лань лишь провожал каждое его действие горящим взглядом. И при первой же возможности набросился на него, как оголодавший зверь, прижав к стволу старой плакучей ивы, служащей им живым шатром.

Снова Цзян упустил возможность как следует осмотреть следы, которые тут и там замечал на теле любовника, составить полную картину и попытаться определить, при каких обстоятельствах тот пострадал. Спрашивать напрямую Чейз не решался: не хотел ворошить прошлое, да и не знал, ответит ли Лань правдиво или же постарается уклониться и отвлечь его очередной любовной игрой, от которой начисто сносит голову.

– Блядь! – он ударился затылком, задохнувшись, когда Лань укусил его за шею, наверняка нарочно оставив заметный след у самой ключицы.

Недавняя нежность уступила место неприкрытой страсти – стоило этого ожидать от переменчивого любовника. На самом деле детектив вовсе не возражал, так было… правильно. Ланю не стоило любить Чейза, нельзя было влюбляться в него. Но ему не хватало решимости сказать любовнику, что они зашли уже слишком далеко и пора завязывать…

Пусть все будет так. Не ближе, не дальше, просто останется как есть, чтобы тяготеющее над Чейзом проклятье не забрало Хавьера… нет, Ланя. Нельзя привыкать думать о нем иначе. Хорошо, что Лань знал способ на какое-то время избавить от посторонних мешающих мыслей. Отключиться и не думать, сосредоточиться на жадных поцелуях, на укусах, которые горят на коже, на руках, беспорядочно шарящих по телу.

– Хочу Вас, – выдохнул Чейз, не стесняясь этого порыва. – Хочу неимоверно…

Мужчина опустился на колени, как тогда в кабинете, попутно стаскивая неприятно липнущие остатки одежды. Чейз прислонился спиной к шершавой коре и в поисках дополнительной опоры положил руку на темную макушку. Но когда Лань потянулся к его члену, дёрнул того за волосы, не подпуская.

– Не хочешь? – уточнил Хавьер, глянув на него снизу вверх. Как он себе представлял - не хотеть?!

– Не так, – детектива пробрал озноб, а сразу за этим бросило в жар.

Повинуясь настойчивым рукам, он развернулся и вздрогнул, когда теплое дыхание коснулось поясницы. Было непривычно… Хорошо, Ангел снова нырнул куда-то в кусты, погнавшись за белкой, Чейз не был уверен, что сможет трахаться под изучающим взглядом любопытных карих глаз.

Лань целовал его спину, иногда прикусывая кожу, но уже не так сильно, не стремясь оставить синяки, которые не сойдут потом неделю-другую, как метка, которую он оставил в самом начале. Чейз тронул укус и сдавленно зашипел – больно. Однако боль, которую причинял Лань, была какой-то другой, особенной. Вдоволь наиздевавшись, фабрикант с силой сжал его задницу, сминая пальцами, а в следующий момент…

Лань длинно и мокро провел языком снизу вверх от чувствительной кожи мошонки до самого копчика, заставив прогнуться и схватиться за иву, затеяв что-то адски стыдное и просто невыносимо приятное.

– Что?.. – голос Чейза сорвался. – Что Вы творите, Лань, это… Это же…

– Грязно? – на секунду оторвавшись, невозмутимо уточнил тот, раскрывая его, чтобы лучше рассмотреть. Да на что там можно любоваться?! – Но мы только что искупались, и у нас нет смазки.

– Я, блядь, должен ее с собой таскать?! На тот случай, если… – Чейз задохнулся, почувствовав прикосновение напряженного языка в таком месте, где ему быть явно не полагалось. Впрочем, недавно схожие мысли уже посещали его…

– Чейз, заткнись, наконец. У меня нет кляпа, но я могу легко найти замену, – фабрикант, к его неудовольствию, помахал его же исподним, до того небрежно брошенным на землю.

– Вы сошли с ума, вконец! – он почувствовал, как Лань стиснул пальцами его задницу, впиваясь короткими ногтями, но продолжал: – Вы, мать вашу, сейчас серьезно?

– Это ты виноват, – коротко высказался Лань, не отпуская, не давая уйти от постыдной ласки. – А теперь, умоляю, заткнись. Если ты этого не сделаешь, я просто выебу тебя прямо сейчас. И это будет… неприятно. Нам обоим.

Цзян сжал зубы, коротко выдохнул и не смог вдохнуть, потому что в этот раз Лань протолкнул язык внутрь. Он задался целью свести с ума, это точно. На очередное движение детектив содрогнулся от наслаждения, закусив ребро ладони, в попытке заглушить стон. Хавьер что-то довольно промычал, присоединяя к языку пальцы, толкаясь ещё глубже, разминая стенки. От этих прикосновений по телу прошла короткая волна дрожи. Это было уже знакомо, но в то же время – иначе. Лань действовал выверенно, расчетливо, заставляя изнывать от удовольствия, не думая о том, чем все закончится.

– Блядь! – не выдержал Чейз, чувствуя, что колени подгибаются от удовольствия, давая Ланю больше пространства. – Просто трахните меня уже!

– Как пожелаешь, – последовал ответ, хотя Цзян же успел пожалеть о своем поспешном решении. Если сейчас Лань просто толкнется внутрь…

Чувство опасности и непривычная обстановка только больше разжигали темное острое вожделение. Хавьер поднялся и уверенно развернул его к себе, чтобы заглянуть в глаза. Чейз постарался спокойно встретить его взгляд, ничем не выдав себя. Даже когда Лань подхватил его ногу под коленом, прижимая ее к своему бедру, показывая, как это будет.

– Бля-а-адь, – на выдохе протянул Чейз, ударившись затылком о дерево, когда тот плавно качнулся, входя.

Всего одно-два движения и Цзян поддался. Боли, на удивление, почти не было, казалось, она вот-вот придет, слишком уж туго, слишком близко – Чейз сам не заметил, как стиснул любовника. Лань уткнулся лбом куда-то ему в плечо и двигался тягуче-медленно, стараясь полнее соединиться, явно сдерживаясь, чтобы не исполнить недавнюю угрозу. Смог бы Чейз так же, будь

сейчас коммерсант в его власти?

– Лань… – простонал он, потому что это было просто до одури хорошо.

Лейтенант даже не возразил, когда любовник вновь впился зубами в шею в том месте, где уже оставил болезненную метку. Когда он только успел привыкнуть? К тому, что он внутри, в нем, наполняет его горячо и тесно – в самый раз. Нет! Хватит! Эти мысли рано или поздно его доконают.

– Лань, Вы меня доконаете, – он сказал это вслух, надеясь спровоцировать.

– Мхм, – тот мягко поцеловал покрытую испариной ключицу. – Не переживай об этом.

Его бесило то, с какой легкостью Лань брал на себя ответственность… за все. Бесила его уверенность в том, что все, что он делает, понравится Чейзу. И бесило то, что это действительно так и было: с Хавьером он почти забыл, где они находятся, и что с виду озеро выглядело довольно посещаемым.

– Вы, сука, слишком идеальный, – он потянул Хавьера за мокрые концы волос, чтобы заглянуть в его глаза. Серые. – Таких людей не бывает.

И что он только нашел в Чейзе? Он был другим. Армия принесла столько разочарований, а несколько лет службы в полиции сделали циничным. Вряд ли Лань видел столько грязи и человеческой мерзости. Впервые Чейзу захотелось что-то изменить в своей жизни, и вместе с этим желанием появился страх. Что если он никогда не сможет стать ровней Хавьеру, стать достойным его?

– Не думай, Чейз, – словно услышав его мысли, Хавьер толкнулся резче, входя до упора, и сам же застонал, потому что Чейз сжался от неожиданности и чувствительно проехался спиной по шершавой коре. – Хотя бы сейчас. Просто. Не думай.

Лань отпустил его ногу, заставив напрячься, чтобы сохранить относительно удобное положение, и протиснул ладонь между их животами. Его слегка потряхивало. Лань с силой сжал его член и потёр головку, размазывая проступившую на ней смазку. И этого хватило.

– М-м, вкусно, – он с удовольствием облизал пальцы, прежде чем осторожно освободиться и помочь Чейзу сесть на землю, а не просто сползти вниз по шершавому стволу ивы.

– Не говорите так, – он снова смутился и был все еще немного оглушен пронесшимся по телу удовольствием, а потому слепо повиновался заботливым рукам.

– Лань, – начал было, но передумал, не стал портить момент вопросом, на который тот не захочет отвечать. И в конце концов просто выругался снова, чтобы любовник его поцеловал.

Хавьер утомленно уселся рядом и обнял Чейза за плечи. Кивнул в сторону холмов, из-за которых взошло солнце. Такое мирное зрелище… Зелень лугов и пастбищ, игрушечные домики и фигурки животных и людей, занятых какими-то своими делами. Успокаивающее потрескивание костра. Наверняка вещи уже высохли, но вставать и проверять не хотелось.

– Смотри, отсюда видно ферму. И лошадей, – Лань чему-то заулыбался. – А вон того рыжего здоровяка зовут – тебе понравится! – Серафим.

Он хмыкнул, оценив шутку, и перевел взгляд на проглядывающее сквозь листву солнце, поднявшееся уже довольно высоко. Куда-то идти или звать Ангела прямо сейчас не хотелось, поэтому детектив втянул излишне разболтавшегося любовника в долгий поцелуй, следуя его же совету. Ему начинал нравиться такой подход, только вот откуда долбанный фабрикант узнал кличку пасущейся в небольшом табуне лошади?!

Часть 51

Вэйд понимал, что с точки зрения Честера они делают что-то неслыханное и непотребное, и именно поэтому постарался не затягивать поиски, чтобы шалость оставалась шалостью, а не перерастала в рытье в чужом белье. Благо ему в одном из первых ящиков попались яркие ткани. Что же касалось костюма, то он уже выбрал тот, который хотел бы увидеть на Честере. Теплый оттенок ткани изумительно должен был подойти к его глазам! Однако Вэйд быстро забыл думать о сочетаемости цветов.

Честер одурманил его. Витающий вокруг него аромат напоминал запах восточных благовоний. Тонкий и свежий, он пьянил. Значит, вот как пахнут обитатели райского сада? Ему было стыдно за себя. Как он мог учить Честера подобным вещам? Еще недавно он и помыслить бы не мог о таких поцелуях, а сейчас с таким рвением придавался этому занятию!

Художник совершенно потерял самообладание еще до того, как Лань принялся переодеваться в непривычную для себя одежду. О, если бы бог на самом деле существовал, пришлось бы признать: за несколько десятков столетий ему удалось здорово набить руку. Теперь уж никто не скажет, был ли Адам хорош собой, но Честер… Честер был идеален, как живое произведение искусства, как греза. Кончики пальцев чесались почувствовать изгибы и линии его тела под кистью, а потом непременно изучить теплую кожу изумительного оттенка, провести вдоль позвоночника вниз, прикоснуться к запретному. От такого святотатства, пусть совершенного только в мыслях, у художника закружилась голова.

К счастью, Честер привел одежду в порядок и почти перестал возбуждать его воображение картинами райских кущ. Фабрикант был хорошо развит физически и смог бы без подготовки позировать в любой позе, какую бы ни придал ему Вэйд. От такого простора для творчества захватывало дух, как и от улыбки любимого. Никогда в жизни Вэйд не влюблялся так безоглядно и бесповоротно, как в Честера. Он никогда бы не посмел навязываться со своими глупыми чувствами, реши фабрикант оттолкнуть его, и тем более радовалось сердце оттого, что тот отвечает на них взаимностью.

Вэйд еще раз сравнил братьев и убедился: нет, они вовсе не похожи. Улыбка Хавьера согревала каждого, к кому была обращена, но Честер… загорался каким-то особым внутренним светом, который проникал в самую душу и оставался там навсегда. Однако и это открытие не стало последним сюрпризом на сегодня.

Когда Вэйд решил немного подразнить его, он и не думал, что Честер – всего на минуту – сделается таким решительным и дерзким! От охвативших его чувств он даже укусил художника. Что за буйный темперамент скрывается за внешностью благовоспитанного аристократа? Его страсть порой прорезалась, когда они оставались наедине, но сейчас был особый случай. Он сознательно дал ей волю, возможно, впервые вступив в диалог с собственной натурой.

После этого Честер выглядел совершенно потрясенным. А когда за его спиной раздался протяжный, на грани слышимости, скрип и шорох, мужчину пробрала настоящая дрожь. Как будто в спальне Хавьера завелся полтергейст! Дверца шкафа еще немного приоткрылась, и из его недр появился слегка помятый, щурящийся на свет кот.

– Прости, Саймон, – Вэйд почувствовал, необходимость извиниться перед любимцем, только взглянув на его уморительно укоризненную мордочку. – Мы помешали твоему послеобеденному сну?

Это дало Честеру возможность притвориться, будто ничего не произошло, и принять самый невозмутимый вид. Сейчас он выглядел в точности как Хавьер: очень по-деловому, только в глазах еще отражалась недавняя буря эмоций.

– Идемте, мистер Инн, – проговорил он, но получалось слегка неестественно. – Нам больше нечего здесь делать.

– Вы совершенно правы, мистер Лань, – было ужасно непривычно снова называть так фабриканта, но он подыграл. – Это хорошо, что Вы решили заранее вжиться в образ.
***
Конечно же, Лань притащил его на свою ферму, куда же еще?! Цзян поверить не мог! Слава богу, вода в озере была чистой, и они выглядели как приличные люди, когда добрались до типичного в общем-то фермерского дома, части которого пристраивались разными владельцами и в разное время. Тут было все: кирпич, побелка, обрешетка со взбирающимися по ней плетьми какого-то вьющегося растения, заполонившего целую стену и выползшую на крышу деревянной веранды, украшенной фонариками. Имелся даже крошечный каменный заборчик, совсем зарывшийся в землю от старости. Не хватало маленькой дверки для фей у корней одной из яблонь, впрочем, стоило поискать получше, может, где-нибудь она все-таки отыщется…

Мужчин вышла встречать симпатичная женщина, которую с первого взгляда Цзян принял за служанку. Об этом говорило все: простенькое платье, рукава которого были закатаны выше локтя, замызганный фартук и волосы, в беспорядке выбившиеся из пучка. Потом, почувствовав родственное сходство, Чейз решил, что перед ним та самая Холли. Она выглядела лет на десять старше близнецов. До сих пор миловидная и без единой нити седины в густых слегка вьющихся волосах. Неужели Лань стыдился родственницу из-за того, что она предпочла ферму светской жизни в Лондоне?

Однако напряженности между ними совершенно не чувствовалось. Напротив, они сердечно обнялись, и только потом Лань представил ей своего гостя. Слово «друг» прозвучало из его уст так естественно, что Чейзу захотелось хорошенько его стукнуть. Он дважды ошибся насчет новой знакомой. Женщину звали Летиция Лань и – хотя в это верилось с огромным трудом – она была матерью близнецов!

– Мне очень приятно с Вами познакомиться, миссис Лань, – сказал он, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Взаимно, инспектор, – она улыбнулась, явно одобряя род его занятий. Летиция вообще создавала впечатление улыбчивого, солнечного человека, а лучики морщинок в уголках глаз ее нисколько не портили. – Скажите, Вы – тот самый мистер Цзян, брат Анны?

– Иногда мне хочется им быть, – честно признался он.

– Для близких людей мы всегда стараемся стать лучшей версией себя, – утешила его женщина, потянув за завязки фартука. Кажется, она только что работала в саду, но, зная привычки сына, предложила: – Вы ведь не откажетесь от обеда? Я сейчас обо всем позабочусь.

Цзян не нервничал так с тех пор… да он вообще никогда так не нервничал. Миссис Лань с первых минут знакомства отнеслась к нему, как к члену семьи, как если бы Чейз приходился ей, скажем, племянником или каким-нибудь троюродным братом. Было страшно представить, чем он заслужил такое расположение… и все же стоило по приезду в Лондон подробнее расспросить об этом Анну. А пока от него требовалось расчесать волосы и очень постараться, если не соответствовать, то хотя бы оставить о себе приятное впечатление.

Лань сам показал ему гостевую спальню и вошел следом. Мягко положил руку на грудь, туда, где частило сердце. Он ничего не

говорил, только смотрел в глаза, словно читая мысли. Нет, Лань не мог знать его страхи, в конце концов, он – обычный человек, а не какой-нибудь доморощенный медиум из очередного кружка спиритистов. Уж точно не из тех новомодных шарлатанов, которые морочили головы людям - иногда безвозмездно, но по большей части за их же деньги. Всего один раз детективу встретилась девушка, действительно обладавшая странным даром.

Она могла столько всего рассказать о совершенно незнакомом человеке, просто изучая кофейные следы на стенках простой белой чашечки, но такие предсказания касались только настоящего и недалекого прошлого, сокровенных мыслей и душевных порывов. Хотя, может быть, кофе был совершенно ни при чем… просто это был *ее* любимый напиток.

Лань приблизился так, что Чейз мог почувствовать его дыхание на своем лице и мягко коснулся губами губ. Такой теплый, расслабленный, он снова был собой, потому что чувствовал себя здесь дома. Чейз не понимал природы этих метаморфоз и того механизма, который их запускал, но на душе стало намного спокойнее. Недавно он хотел лучше узнать любовника и вот тот сам приводит его в такое место, где полно людей, знающих Хавьера всю его жизнь.

Внезапно Лань отшатнулся, и Чейз не сразу понял, почему. Дверь открывалась. В комнату заглянул юноша лет пятнадцати, очень похожий на Хавьера и его брата. Уже высокий и немного нескладный, как все подростки в этом возрасте.

– Какого… – начал было лейтенант, но вовремя прикусил язык.

Присутствие в его жизни Ланя даже это перевернуло с ног на голову. Каждый раз, когда Чейз ругался в его обществе, он странно себя чувствовал. Будто делает что-то не то. Никаких выражений в этом доме, зарекся он. Вот уж где брань совершенно неуместна!

– Майкл? Что ты тут делаешь? – удивился Лань и обнял, без сомнения, родственника. Какой, однако, актер! Чейза взбесила досадная помеха в виде какого-то невоспитанного юнца. – Как же я рад тебя видеть…

– Я помогал бабушке с цветами, – он кивком указал в сторону подоконника, где в горшке рос какой-то мелколистный кустик. – Отец, когда уже мне можно будет вернуться в Лондон? Дедушка Хьюго задает гораздо больше заданий, чем мистер Рилли.

Дальше он уже не слушал. Отец?! Определенно, с этой семейкой не соскучишься. Лань времени даром не терял и снова представил Чейза как своего *друга*. Тот скрипнул зубами, но руку пацану пожал. Сын Ланя… Юноша неожиданно остро взглянул на него и непонятно было, видел ли он что-то, что для его глаз не предназначалось, или нет… Ну точно – весь в отца.

Лань вел себя, как ни в чем не бывало. Похоже, тот факт, что у него есть сын, ни для кого – разумеется, кроме Чейза – не был секретом. Если Холли – его жена, он просто придушит Хавьера за то, что у него… Слово «интрижка» категорически не подходило. Детектив принялся подбирать другое, потом третье. Лань женат… Но Цзян не видел решительно ничего, что указывало бы на это, никакой зацепки, ни малейшего намека на кольцо на пальце или женщину в доме. Значит, вдовец? Мысли разбегались в голове тараканами. Он просто не представлял, как ему быть с этим!

А потом Чейза закрутило в водовороте этой странной семьи. Слава богу, отец Хавьера и его дядя не были близнецами! Совершенно разные мужчины: у старшего уже седина в волосах, но младший намного серьезнее. Когда все сели обедать, он единственный за столом не засмеялся над шуткой Летиции Лань – муж нежно называл ее Летти даже в присутствии постороннего.

Надо было отдать должное тому, кто все это приготовил, – еда была просто бесподобна! И дело было вовсе не в том, что Чейз проголодался как волк после их приключений на долбанном озере. Если бы кто-то попросил его сравнить обед с блюдами, что подавали в Вебстер Поинт, он посоветовал бы поварам из этого модного заведения поучиться готовить.

– Какие у вас с мистером Цзян планы, Хавьер? – деловито уточнил Хьюго Джеральд и впервые в его взгляде появился намек на какие-то эмоции. – Может, подстрелим несколько уток? Держу пари, инспектор нигде не пробовал такой запеченной грудки.

– Мы только что прибыли, – напомнил Хавьер.

Цзян уткнулся в тарелку, понимая, почему любовник пытается увильнуть. Лань делал это исключительно ради него. Чейзу же меньше всего хотелось казаться слабым, к тому же спонтанная близость отдавалась в пояснице совсем не так, как это было в прошлый раз.

– Мы всю ночь тряслись в карете, – сказал он, почти не раздумывая. – Неплохо будет размяться.

На невозмутимом лице Хьюго Джеральда мелькнула тень довольства. Похоже, он питал слабость к дичи. Чейз никогда не ходил на птицу, но слышал, что зачастую это больше напоминает светский раут, чем нормальную охоту. В любом случае можно будет использовать Ангела, чтобы отделиться от остальной группы и подловить Ланя тогда, когда тот меньше всего будет этого ждать.

– Как идут дела на фабрике? – прозвучал вполне ожидаемый вопрос. Совсем как в его семье… И, кажется, это было единственное сходство.

Часть 52

Чейз ощущал некоторую досаду из-за того, что его план не сработал. То ли Ангел, ошалевший от простора и звука манков, проявил недостаточно сообразительности, то ли всему виной старшее поколение. Хавьеру приходилось делить свое внимание между Чейзом, отцом, дядей и парой их соседей, решивших присоединиться к ним со своим спаниелем. До ужина разговора по душам также не получилось, зато Чейзу удалось довольно подробно изучить семейные фото, которые находились на видных местах.

По ним можно было прочитать не одну страницу семейной истории, но он искал конкретную молодую особу и в конце концов вычислил ее на одном из старых снимков. Сперва могло показаться, что это – подружка близнецов, и только потом в глаза бросался явно округлившийся животик, хотя она сама выглядела почти ребенком. Неужели ее не стало, когда на свет появился Майкл? Чейз замучился теряться в догадках, но и напрямую спрашивать у хозяев фермы о миссис Лань – он даже не знал ее имени! – тоже казалось скверной идеей. Несмотря даже на то, что они охотно рассказывали о близнецах.

Была еще одна странность. Все члены семьи избегали заговаривать о ней, а так же никто и словом не обмолвился о Холли Лань. Будто эта женщина была невидимкой! Зато он узнал, что Хавьер всегда имел склонность нарушать правила и в детстве был шкодником. Очень любопытно было увидеть Ланя застигнутым врасплох и смущенным, значит, и он мог впасть в краску!

– Расскажите-ка поподробнее, – Чейз злорадно улыбнулся. Будет знать, как расспрашивать сестру! – Должно быть, таскал пудинг, перебивая аппетит перед ужином?

– Он был настоящим дьяволенком, – в голосе миссис Лань слышалось что-то сродни гордости. – Да, Хью?

– Тут нечем гордиться, – дядя поморщился как от лимона. – Хорошо, что Майкл не пошел характером в моего племянника…

Мальчишка заулыбался, видимо, услышанное можно было считать похвалой из уст Хьюго Джеральда. Казалось, вот сейчас он расскажет что-то о матери младшего Ланя, но нет… Цзян мысленно выругался. Опять чёртовы тайны!

– Майкл и правда больше похож на Честера в его возрасте, – вступил в разговор его дедушка. – Летти, милая, передай мне… ты просто читаешь мои мысли!..

Чейз попытался вообразить, что бы произошло дальше, будь на их месте Фредерик и Юфимия Цзян. Взгляд матери был бы лишь чуточку мягче, чем у Медузы Горгоны, Летиция же лишь обворожительно улыбнулась, когда супруг, не выходя за рамки приличий, поцеловал кончики ее пальцев. Детектив перевёл взгляд на Хавьера, невольно задумавшись, вёл ли он себя так с собственной женой.

– Майкл сказал, что после уик-энда возвращается с тобой в Лондон, – обратился к Хавьеру дядя.

– Значит, так оно и есть, – поддержал сына Лань и под одобрительным взглядом дяди добавил: – Правда, у меня появились кое-какие вопросы к мистеру Рилли… Надо проверить, чему он учит Майкла.

Кажется, юноша сам уже был не рад, что проговорился об этом. «Почти нормальная семья», – подумалось Чейзу.
***
Несмотря на обещание, Честер старался не слишком походить на брата. Это могло плохо закончиться. Он и так сделал то, о чем теперь сожалел. Он совсем не хотел сделать Вэйду больно. Тот не выглядел расстроенным, но это ничего не меняло. Нужно держать себя в руках!

У него было время притерпеться к непривычной одежде, чему немало способствовал Вэйд, решивший немного поработать с фоном. Наблюдать его за работой было любопытно, портрет определенно близился к завершению, а следующим Вэйд твердо решил рисовать своего Адама. От этого делалось не по себе.

– Хавьер, не могли бы Вы сесть на место лейтенанта, мне нужно проверить, что там с тенью, – он хитро прищурился, наверняка нарочно расположив его на месте натурщика, чтобы дать привыкнуть к этому.

Вот что видел мистер Цзян, когда они работали… Обратная сторона мольберта. Выглядывающее из-за него сосредоточенное лицо художника. Едва ли Хавьера смутила бы такая мелочь. Он, наоборот, любил оказываться в центре внимания, любил ловить восхищенные взгляды. Восхищенные… Да Вэйд неприкрыто им любовался, почти не уделяя внимание стене, которую собирался немного проработать.

Вэйд разрешил взять книгу и работал в тишине, однако молчание было на редкость уютным, хоть и немного смущающим. Честер едва не подскочил, услышав стук в дверь. Уотсон зашел предупредить их, что оба совершенно забыли о времени. Стюарт и Анна Чаттер уже ждали их в гостиной.

Честер постарался выглядеть, как брат: спокойным и благожелательным. В конце концов, он действительно был рад повидаться с подругой. Беспокоило другое. Этот фокус с подменой казался ему все менее и менее удачной идеей. Однако все прошло не так уж и плохо. Он поприветствовал гостей, а после в разговор включился Вэйд, который объяснил, что второму близнецу пришлось ненадолго отъехать по делам фабрики. Звучало так, будто это сущая ерунда, пустая формальность, гости оглянуться не успеют, как он к ним присоединится. Он так ловко сплетал слова, что, с одной стороны, не прозвучало ни одного имени, а с другой, было совершенно понятно, о ком идет речь.

– Хавьер, прошу Вас, подтвердите, что у вас с братом все в порядке, – обратился к Честеру Стюарт, явно сбитый с толку маскарадом. – Анна места себе не находила с тех пор, как услышала, что в Вашем доме случился пожар.

– В доме такие старые перекрытия! – девушка, все еще выглядевшая испуганной. – А потом полиция! Зачем приезжали полицейские?

Тот кивнул, с участием посмотрев на подругу и дожидаясь, когда можно будет вставить слово. Кажется, она провела полночи без сна, преследуемая пугающими картинами, и даже мирная обстановка гостиной не убеждала её, что опасность миновала.

– Главное, никто в доме не пострадал, – сказал он твердо и спокойно, чтобы вселить в нее уверенность.

– Только пол на веранде, – подхватил Вэйд, показывая руками. – Там было просто безобразное черное пятно вот такого размера и запах, как будто кто-то опять жег мои картины.

Честер резко перевел взгляд на художника. Да что он такое говорил? Всего на секунду Вэйд скривил губы, а потом снова

улыбнулся, будто бы сбросив наваждение. Анна ахнула, тоже пораженная таким ужасным поступком. Кто бы это ни сделал, он не имел права портить собственность художника и уничтожать его труд. А еще… она догадалась. Честер слишком заметно отреагировал на слова художника, Хавьера бы тоже возмутила такая несправедливость, но он бы не принял это так близко к сердцу.

– Хавьер, – сказала она, решив все же подыграть ему, и отодвинула тарелку, хотя едва притронулась к еде. – Я бы хотела взглянуть на веранду. Прямо сейчас. У меня со вчерашнего дня совсем нет аппетита. Уверена, когда я увижу, что все и правда в порядке, мне станет намного лучше.

– Стюарт, Вы не возражаете, если я ненадолго похищу Вашу жену? – спросил Честер, зная, что тот всегда потакает желаниям Анны и относится к ней с величайшим доверием.

Получив согласие не только от него, но и от Вэйда, Честер приготовился объяснять подруге, зачем дурит голову ее ни о чем не подозревающему супругу, однако этого не потребовалось.

– Боже правый, Честер, – всплеснула руками Анна, едва переступив порог комнаты, в воздухе которой еще ощущалась горьковатая нотка пожара. – Боже мой, почему ты не сказал мне, что знаком с Иезекиилем Вэем?! Ни ты, ни Чейз! Как вы могли?

– Анна, прошу, зови его как все: мистером Инном, – растерялся тот, не понимая, как портрет перенесся сюда из его кабинета. Должно быть, Вэйд счел картину законченной и собирался покрыть ее специальным лаком, как только нанесенный сегодня слой высохнет.

– Мистер Инн и есть тот самый Зик? – почему-то шепотом спросила она, прикрыв губы ладошкой. – Что он будет делать с портретом моего брата? У меня сразу столько вопросов! Как он уговорил Чейза? Это… – можно я подойду поближе? – это просто невероятно! Он как живой и такой злюка… Я уже плохо помню его другим.

Честер замялся – стоит ли говорить, что брат настроен приобрести портрет? В конце концов он решил, что это лишнее. Анна погрустнела, наверное, поэтому он молча шагнул ближе и обнял подругу за плечи. Он разделял ее чувства. Столько лет прошло, он все ждал, но Хавьер оставался совсем не таким, как прежде. Может, детективу удастся что-то изменить?..
***
Чейз не хотел ложиться спать. В любом другом случае он выпил бы кофе и отправился в участок, однако здесь, на ферме, особого выбора не было. К тому же сказывалась накопившаяся усталость и мысли, от которых уже взрывалась голова. И все-таки он лег, даже не раздеваясь, поверх покрывала, просто, чтобы расправить спину и не заметил, как погрузился в сон, полный неясных видений.

Ему показалось, что открылось окно и в его комнату, складывая кожистые крылья, шагнул суккуб. У него были длинные, почти до бедер темные волосы и обнаженный торс. Где-то Чейз слышал, что у демонов несколько сосков, и попытался их сосчитать, когда гость плавно, словно в полете, опустился на него сверху, весьма ощутимо вжимая в кровать.

– Не смогу спать, зная, что ты где-то в доме, но не в моей постели, – доверительным шепотом произнес Хавьер, когда полицейский поднял на него расфокусированный взгляд. – Я ошибся, когда привез тебя.

Внутри неприятно кольнуло. Должно быть, с пудингом он все-таки перегнул палку… И где Ангел? Неужто Хавьер как-то выманил его из комнаты? Ну, конечно, когда это пес отказывался от угощения из его рук?

– Слишком много глаз, – продолжал Хавьер и вид у него был в точности как в тот раз, когда он пришел… черт знает, зачем он пришел, но точно не проведать раненого…

– Или много людей, которые могут рассказать что-то, что мне не нужно знать? Ты и не собирался мне говорить, верно? – Цзян ненавидел себя за такой тон, но и промолчать не мог. Кажется, Лань не вполне его понял, пришлось пояснить: – О жене и сыне.

– Ты не спрашивал, – эта невозмутимость бесила.

Чейз злился, но его тело реагировало на близость фабриканта. Это было выше его сил… И Хавьер, несомненно, тоже это ощущал. При свете лампы, без рубашки, он и правда выглядел будто не от мира сего. Демон, явившийся искушать инспектора Скотланд-Ярда, успевшего напрочь забыть все молитвы, которым его научили в воскресной школе. Детектив смотрел на него и всё глубже увязал в серых глазах, с пляшущими в них отсветами пламени.

– Твою мать! – Хавьер сжал кулаки. – Чейз, не смотри на меня так! Когда у тебя такой взгляд, ты просто…

Тот и не подумал отвести глаза. Лань склонил голову ещё ниже, задевая губами губы, и глубоко вздохнул. Чейз стиснул зубы, с величайшим трудом удерживаясь от того, чтобы поцеловать его.

– Итак, ты хотел услышать про мой брак, – Хавьер отстранился и сел на кровать, потом встал и прошёлся по комнате, зажигая больше света. Он нервничал? – Я расскажу, если тебе интересно. Но при одном условии.

Фабрикант непонятно улыбнулся и сел в кресло. Чейз думал остаться на месте, но дистанция, которую выбрал Лань, ему не нравилась. Он подошел и бесцеремонно плюхнулся на пуф, пока Хавьер не закинул на него ноги.

– Просто слушай, – приказал Лань, но его голос прозвучал совсем не так, как обычно. – Не отвлекайся и не перебивай меня. В противном случае я помогу тебе.

Цзян кивнул в знак согласия. Требования, которые он выдвинул, звучали вполне разумно. Хавьер медлил, искал слова, чтобы начать. Чейз не торопил, в конце концов, они были не на допросе. Он взял руку Ланя, когда тот потянулся к нему.

– Это было давно. Нам было по шестнадцать лет, и я думал, Патриция – любовь всей моей жизни, – произнес он, даже не подозревая, какое сильное впечатление эти слова произвели на Чейза. – Она и сейчас счастлива. Просто без меня.

Значит, развод. Чейз вздрогнул, он имел представление об этом процессе. Браки расторгались редко и только в связи с серьезными обвинениями. Например, в пьянстве и насилии, а то и в чем похуже.

– Я признал на суде, что регулярно посещал бордели, – прозвучало как гром среди ясного неба, и хотя голос Хавьера был бесстрастен, Чейз внутренне похолодел. – Впрочем, мало кто поверил в этот вздор.

– Как она могла выдвинуть такие обвинения? – не выдержал Чейз, хотя минуту назад обещал держать язык за зубами. – Вы и блядские шалавы!

– Чейз, у нас был уговор, – Хавьер резко выбросил вперёд руку и схватил его за челку. – Вижу, тебе все-таки нужна моя помощь.

Часть 53

Анна Чаттер возвратилась назад под большим впечатлением. Сперва Вэйд подумал, что ее так поразила дыра в полу под шкафом, пока что не успевшая превратиться в тайник. Однако, если судить по пытливым взглядам, которые девушка то и дело бросала на него, то причина была в другом. Она очень старалась вести себя как ни в чем не бывало, но Инн узнавал это любопытство – слишком уж часто доводилось видеть такие взгляды раньше.

Добавив к этому смущенный вид Честера, он понял, наконец, что совершенно позабыл, как попросил мистера Стэнли аккуратно перенести картину на веранду. Надо ли говорить, что дворецкий выполнил указания в точности и как всегда быстро. Все больше людей узнавало, кто он такой, но почему-то Вэйда это не слишком волновало. Те, с кем ему повезло сблизиться в последнее время, заслуживали доверия как никто. К тому же Анна была подругой Честера.

Он перевел взгляд на ее супруга, который все еще не подозревал о подмене. Наблюдать это было очень забавно. Оставалось надеяться, что потом Анна мягко объяснит ему, что к чему, когда они будут наедине, иначе при встрече с настоящим Хавьером неловкости будет не избежать.

– Как Вам моя новая картина, Анна? – спросил художник, пытливо взглянув на нее. – Вы ведь видели ее?

– Она прекрасна! – она улыбнулась как-то по-особому мягко и мимолетно коснулась груди. – Сходство просто поражает! И Ангел такой хорошенький.

– Приятно слышать, – Вэйд искренне заулыбался, выслушивая похвалы, а потом взял инициативу в свои руки. – Итак, давайте посмотрим, я уже написал портреты Ваших матушки и брата. И мне как раз нужен красивый натурщик.

Он выразительно повернулся к супругу Анны, но краем глаза наблюдал за реакцией Честера. Его лицо осталось спокойным, однако глаза… глаза потемнели до орехового оттенка. Казалось, половину комнаты накрыла грозовая туча, когда Вэйд, ничуть не преувеличивая, принялся перечислять достоинства внешности мистера Чаттера. В прежние времена он определенно вскружил бы голову художнику и заставил болеть дня два, а сейчас он спокойно смотрел на привлекательные, правильные черты и горделивую осанку. Даже откровенная похвала не заставила того испытать смущение, чувствовалось, что этот человек привык привлекать к себе внимание.

– Мне никогда не предлагали ничего подобного, мистер Инн, – проговорил он и взглянул на жену, будто пытаясь прочитать, как она относится к поступившему предложению. – Я даже не знаю, что Вам ответить.

– Я пойму, если Вы откажетесь, – заверил Вэйд, отметив, что Честер вздохнул с облегчением, но еще рано было радоваться. – Я думал предложить то же самое Николасу Уэйну, но потом передумал. Все-таки это довольно трудная работа, требующая времени и физической выносливости.

– Мы с отцом немного знакомы с его семьей, помнишь, Стью, я еще удивилась, когда узнала, что Чейз работает с его тетушкой, – Анна задумалась, вспоминая лицо симпатичного молодого мужчины, которого оказывается тоже встречала. – Какую же внешность Вы ищете, мистер... Инн?

Заминка была совсем крошечной, почти незаметной, а вопрос вполне справедливым. Хорошенький, но застенчивый Николас, как и уверенный в себе более мужественный Стюарт могли бы украсить любую галерею, но было бы трудно найти мужчин более непохожих друг на друга. При одном только упоминании Уэйна Лань помрачнел пуще прежнего. Должно быть, пробел в воспоминаниях о поездке в Брайт Хаус все еще вызывал у него беспокойство. Кроме того – с упоением отметил художник – Честер снова, уже во второй раз за день, позволил проявиться своей необузданной ревнивой натуре.

– Я готов поэкспериментировать с разными образами, – Вэйд изобразил огорчение: – Так Вы думаете, Николас не согласится мне позировать?

– Почему бы Вам не попросить Честера? – не выдержал фабрикант, чей ледяной вид портили предательски порозовевшие уши. – Я уверен, брат не откажет.

Вэйд был вне себя от счастья. Это было как день рождения, рождество и пасха в один день. Даже лучше! Пусть прикрываясь братом, но Честер согласился быть его Адамом. Главное сделано, а уж он позаботится о том, чтобы оставить приятные воспоминания и желание как-нибудь еще повторить этот опыт.

– Будь моя воля, я рисовал бы Честера каждый день, – мечтательно проронил Вэйд, поощряя любимого.
***
Несмотря на сопротивление, Лань заставлял Чейза нагибаться все ниже до тех пор, пока тот не уткнулся носом в его пах. Будь полицейский настроен серьезно, уже бы врезал ему так, чтобы действительно надолго отбить всякое желание.

– Вы не посмеете, – выдохнул Чейз, не сумев избавиться от его хватки.

– Ты уже забыл наш уговор? – поинтересовался Лань, проявляя настойчивость.

Он пошел на хитрость, ставя условия, которые несдержанный любовник заведомо не мог выполнить, зная, что иначе тот никогда не решится на подобный эксперимент. Хватит ли ему упрямства или можно будет еще немного повременить с исповедью? Хавьер скоро это узнает.

Внутренняя борьба продолжалась где-то с минуту. В конце концов, Цзян сам принял их соглашение, пусть и не вполне понимал, к чему это приведет. Чейз не мог просто так отступить, а потому сдался на милость любовника и даже без подсказок переместился с пуфа на ковер у его ног. Даже просто посидеть вот так было бы очень приятно и определенно немного волнующе, но Хавьер не собирался отказываться от воплощения одной приятной задумки, тем более он был уверен: понравится им обоим. Стоило вспомнить реакцию Чейза, когда тот облизал его пальцы, чтобы в этом убедиться.

– Вот так, – Лань вздохнул и откинулся на спинку кресла, рассеянно поглаживая детектива по затылку. – Хороший мальчик. Почти как Ангел.
***
Стоит ли говорить, что терьер вел себя просто изумительно. Когда Лань заглянул в гостевую спальню, тот немедленно проснулся, чтобы убедиться, что хозяину ничто не угрожает. Узнав Хавьера, Ангел завилял хвостом и подошел, чтобы получить заслуженное угощение. Лань на досуге навел справки о собаках. Оказалось, им не стоит давать большую часть еды с человеческого стола. Явившись с подношением в виде небольшой мисочки домашнего творога, Хавьер рисковал – Ангел мог никогда такого не пробовать. Но судя по тому, как пес принюхивался к лакомству, оно привело его в полнейший восторг.

Пока тот вылизывал донышко и подбирал крошки с пола, фабриканту не составило труда проскользнуть в комнату, оставив довольного пса доедать в коридоре. Он доверял Ангелу, но пусть лучше охраняет дверь снаружи.
***
После этих слов Цзян задохнулся от возмущения и попытался отстраниться, но Хавьер придержал его, прежде чем ослабить давление ткани на уже возбужденный член. О, Чейз был неподражаем! Лань хорошо рассмотрел, как менялось выражение его лица… Кроме того, он покраснел, и это напомнило реакцию на замечание о пирожных.

Если детектив все-таки рискнет, это будет нечто незабываемое! Цзян, конечно, уже представлял немного, что делать и чего ожидать, но все равно это будет в первый раз. Хавьер столько раз фантазировал, то представляя, как Чейз проявляет инициативу, то – как он сам берет рот любовника. И, наконец, он наяву почувствовал дыхание Чейза, что только больше распаляло желание.

– Интересно, сможешь ты есть эклеры после этого, Чейз? – спросил Лань и зашипел, добившись неожиданной реакции. Цзян его укусил.

Что ж, с натяжкой, но можно было сказать, что лейтенант вступил в игру. Неужто упоминание о выпечке его раскрепостило? Как бы то ни было, Ланю следовало выполнить свою часть сделки и вернуться к прерванному рассказу. И не забыть объяснить Чейзу, что правда не собирался скрывать от него своего сына. Да и не смог бы, если на то пошло. Просто ему казалось, что тот уже должен был знать о Майкле, чуть ли не с самого начала.

– Прошло уже несколько лет, – проговорил фабрикант, нарочно растягивая слова в ожидании, что же предпримет Цзян дальше. И тот его не разочаровал. – Так что тебе не стоит беспокоиться о шалавах, блядях и прочих падших женщинах.

Он старался сохранять ровный тон и не шевелиться, чтобы не спугнуть лейтенанта, но тот все равно подавился, услышав выражения, свойственные ему самому. Или же потому, что попытался взять глубже, чем мог. Лань дал ему отдышаться и вытереть ставшие влажными глаза.

– Мне их, по-Вашему, летучими мышами называть? – конечно же, он воспринял это на свой счет. – Мне, блять, тридцать лет, и я буду говорить так, как привык! И Вы…

Он просто не смог выдать очередной шедевр. Хавьер заткнул его надежным, а главное, самым приятным способом. Уговор есть уговор, Чейзу следовало проявить больше сдержанности, тогда бы Лань не был вынужден применять силу. Вмиг сделалось жарко. Он откинул короткую косу, чтобы не мешалась, и стащил рубашку с одного плеча инспектора. Так намного лучше был виден след укуса. Хавьера так и тянуло смыкать зубы на этом месте снова и снова. В идеале, чтобы метка вообще никогда не сходила. Только не так, как его шрамы… От этой мысли по спине прокатилась холодная волна.

– Еще слово и я выдеру тебя так, что на вопли сбежится весь дом, и все обо всем узнают, – пригрозил он, держа Чейза за волосы и больше не позволяя выпускать член изо рта. – А будешь себя хорошо вести, получишь награду.

Чейз закрыл глаза, позволяя Ланю неглубоко толкаться в его рот. Фабрикант одобрительно взъерошил светлые волосы. Не проговориться бы, что именно сейчас он хотел, чтобы Цзян разложил его прямо на ковре или освободившемся пуфе. Все-таки это было странно – рассказывать о своем распавшемся браке в то время, как любовник старался доставить ему удовольствие. А ведь детектив действительно старался! Может быть, не хватало умения, но это еще придет. Лань бы ни за что не променял его на более опытного и искушенного любовника!

Получилось почти ровным голосом объяснить, что Хавьер ни о чем не жалел. Его сын родился в любящей семье. Он рос, и родители тоже взрослели, пока, наконец, не настало время освободить друг друга от обязательств. Он сделал все, что мог, чтобы оградить Пат, чтобы она была счастлива и не держала на бывшего мужа зла. Это было правильно, все же Лань был мужчиной, и пересуды за спиной ему не навредили.

Чейз заметно осмелел и, похоже, начал входить во вкус. Интересно, он смог бы кончить от этого? Лань решил, что непременно как-нибудь проверит. Запретит Чейзу трогать себя, может быть, даже свяжет ему руки за спиной, и будет трахать в рот до тех пор, пока тот не спустит прямо в штаны.

Паузы постепенно делались длиннее, вздохи шумнее, и Хавьер ничего не мог с этим поделать. Он старался сдерживаться, но по телу все чаще пробегала дрожь. В такие моменты Чейз подавался немного вперед, насколько мог себе это позволить, и приходилось особенно жестко себя контролировать, чтобы не сорваться и не взять детектива так, как хотелось. Ещё не время.

Хавьер старался не сбиваться и не отвлекаться на фантазии. Рассказ подходил к уже известному Чейзу финалу. Развод был на самом деле только началом истории, которую Ланю очень бы хотелось поведать, но он боялся. После этого Цзян уже не сможет смотреть на него, как раньше. Они встретились взглядами, и Лань понял, что проваливается в эту манящую черноту. Он сильнее сжал челку любовника, притягивая ближе, заставляя давиться. Мужчина заскреб пальцами по его бедру, но Лань не спешил отпускать. Он с низким стоном содрогнулся всем телом, толчками выплескивая напряжение.

Пальцы ослабли. Едва у Чейза появилась возможность освободиться, тот немедленно отпрянул. Вскочил, нервно, почти испуганно заозирался, а после сплюнул в цветочный горшок, ничуть не заботясь о том, как забавно это смотрелось со стороны. Попытка сохранить лицо и скрыть возбуждение с треском провалилась. Блеск в глазах, покрасневшие скулы и – Лань на секунду опустил глаза и улыбнулся – некоторые выдающиеся особенности говорили сами за себя.

Часть 54

День клонился к закату, но Вэйду совсем не хотелось провожать эту субботу. Небо Лондона окрасилось в нежнейший персиковый, и они вдвоем наблюдали за переменами красок, за тем, как из-за взбитых облаков выглядывает краешек солнечного желтка, в то время как на другом краю неба показался полупрозрачный серп луны. Раньше Честер, наверное, не обратил бы на эти детали внимания, но общение с художником повлияло на него сильнее, чем могло показаться на первый взгляд.

– Гости ушли, – Вэйд пытливо посмотрел на Честера. – Рад, что теперь снова можно стать самим собой?

– А ты не жалеешь? – ответил вопросом на вопрос фабрикант.

В ушах все еще стоял голос Инна: «Как будто кто-то опять жег мои картины…» Снова. Он не так много знал о прошлом этого человека, хотя почти каждый день слушал что-нибудь из его рассказов, и теперь убедился, что тот говорит о себе далеко не все. Что Честер знал о нем? Талантливый художник, происходил из уважаемой религиозной семьи… от которой впоследствии сбежал.

– Что Анна узнала, что я – Зик? – уточнил Вэйд, невзначай тронув руку Честера. Тот немедленно сжал ладонь художника сильнее, чем следовало. – Или о том, что пришлось сменить имя?

– Мгм, – неопределенно отозвался Честер.

– Мне ведь не приходится прикидываться кем-то другим, – заметил художник, погладив его ладонь большим пальцем. – Я – это я.

Стоило ослабить хватку, и он принялся щекотать ладонь, как будто пытаясь составить карту холмиков и линий на ощупь. Лань ненадолго прикрыл глаза, а когда открыл, художник уже не смотрел на небо, а заглядывал ему в лицо. В серых глазах читалось любопытство:

– А можно я снова буду подглядывать? – спросил он, хитро улыбаясь. – А потом выпьем еще чаю и попробуем набросать пару эскизов. Надо спросить миссис Стэнли, не найдется ли у неё чего-нибудь вкусненького.

Честер почувствовал, что краснеет. Он знал, что Вэйд захочет его нарисовать – и более того сам недавно дал на это свое согласие! – однако так скоро… Он просто не успел подготовиться. Да и как к этому вообще можно подготовиться? Кажется, смятение отразилось в глазах, потому что художник поднес его руку к лицу и медленно, не отводя взгляда, поцеловал.

– Мы просто потренируемся сегодня, ничего серьезного, – заверил он, расстегнув пуговицу на манжете, чтобы свободно пробраться в рукав. – Немного ромашки в чай, пару конфет и все пройдет просто замечательно.

Вэйд заговорил прямо как Сен-Клер, но Честер на самом деле не имел ничего против чая с ромашкой, хотя и не сразу его распробовал. Легкий травянистый аромат нравился ему куда больше остро-пряного запаха чабреца, который врач рекомендовал добавлять в чайник по щепотке в промозглую погоду… то есть практически постоянно.

Честер опомниться не успел, а его уже тянули в направлении спальни и, если в прошлый раз обещание не подглядывать кончилось тем, что художник смотрел на него, не отрываясь, что же ждало его впереди?

– Чай я могу выпить и в одежде брата, – проговорил он немного поспешно, здорово развеселив тем самым Вэйда.

– Хотите еще немного побыть в образе, мистер Лань? – предположил он, вмиг сделавшись податливым и позволяя Честеру вести. – Этот костюм придает Вам смелости.

«Смелости придаешь мне ты», – хотел бы ответить Лань, но снова устыдился своих мыслей и заодно того, как повел себя за столом. Он ведь и правда ужасно разозлился, что было совсем на него не похоже, стоило только подумать о том, как Вэйд выберет какого-то другого мужчину для своей новой картины. Разве можно быть таким ветреным?

Скрепя сердце, Честер попросил художника подробнее рассказать, чего следует ожидать. Конечно, он видел, как тот работал с лейтенантом и Ангелом, но догадывался, что тут должна быть какая-то хитрость. И не одна. Вэйд охотно это подтвердил. Например, начать он собирался с набросков, на которых фабрикант будет одет, чтобы поймать нужную позу.

– Впрочем, я не прочь и немного пофантазировать, – добавил он, когда они располагались в мягких креслах.

Костыль, оставленный без присмотра, начал съезжать вбок вдоль подлокотника. Вэйд поймал его. Значило ли это, что он воображал Честера обнаженным? Или только собирался воображать?

Мэдисон принесла чай, что дало Ланю время переварить услышанное. Вэйд принялся изучать забавную вазочку и сласти в ней. Конфетница прекрасно гармонировала с сервизом, несмотря на необычный внешний вид. Больше всего она напоминала полусферу цветного стекла, вложенную в серебряный подстаканник без ручки.

Девушка забрала поднос и собиралась уже идти, но вышла небольшая заминка: на пороге ей встретился кот. Она остановилась, придерживая дверь. Саймон недоуменно посмотрел на горничную, потом на дверь и за нее.

– Ты хочешь зайти? – спросила она ласково. – Но учти, твоя усатая мордочка пролезает только в сливочник из красного сервиза, а сегодня я достала голубой и там очень узенькое горлышко!

Британец призадумался, усевшись на хвост. Кажется, он вспоминал, куда подевал любимую подушечку для игр. Горничная терпеливо ждала, когда он решится на что-то. Вэйд не выдержал и окликнул кота по имени, но тот лишь потешно зашевелил ушками, а с места не двинулся.

– Честер, ну же, позови его, – шепнул Вэйд, примериваясь к кругленькой конфетке, которая лежала с самого верха. – Саймону явно требуется особое приглашение.

Как по волшебству, едва услышав разрешение войти, тот деловито потрусил к Честеру, отерся о его ноги, а потом вскарабкался к Вэйду на колени и принялся мять их лапками. Судя по лицу художника, кот недавно наточил когти для более эффективной акупунктуры.

Предложив коту конфетку, которую тот без особого интереса понюхал, Вэйд принялся вспоминать разные курьезные случаи, которые происходили с натурщиками и натурщицами. Например, одну из них перевесила ее же собственная весьма монументальных размеров грудь, а кто-то нечаянно уснул и, зацепив штору, повалил на себя тяжелый карниз.

Рассказ о том, что некоторые девушки работали вот так по десять часов в день, вынужденные мерзнуть и еще терпеть боль и неудобство, Честер решил закусить конфеткой. Внутри шоколадного кубика оказалась жидкая молочная начинка, сладкая и немного пряная…
***
Хавьер проснулся с чувством, что только что закрыл глаза – по телу все еще разливалась приятная усталость, и спина слегка давала о себе знать после того, как Чейз взял реванш, значит, прошло совсем немного времени. Он точно слышал сквозь сон голос любовника. Наверняка беспокоился, что утром их застукают в кровати вместе, и выпроваживал его из спальни. Хавьер потянулся, вполне представляя, как соблазнительно это может выглядеть, и почувствовал движение. Однако вопреки ожиданиям Цзян не попытался спихнуть его с кровати, а пробормотал что-то крайне неразборчивое. Когда Лань взглянул на него, детектив отбросил одеяло, будто что-то мешало дышать.

В комнате вновь раздался хриплый голос. Лань никогда не видел, чтобы кто-то так внятно говорил во сне, но язык был ему незнаком. И не похож на французский. Детектив был полон сюрпризов. Спящий, задыхаясь, прижал руку к горлу. Это уже никуда не годилось.

– Чейз! – позвал он, чтобы разбудить, и мягко потряс за плечо. Это напоминало то, что произошло утром, когда они подъезжали к озеру.

– Звери, – голос был надтреснутый, но четкий. Хавьер даже не сразу сообразил, что тот спит. – Вы не люди, вы…

Он снова произнес несколько непонятных слов, никак не желая выныривать из кошмарного видения. Как будто проклятья на каком-то мертвом языке. В темноте это звучало довольно зловеще. Цзян окончательно сбросил одеяло на пол и застонал, как от сильной боли.

Наконец, когда в дверь заскребся обеспокоенный Ангел, мужчина открыл глаза, невидяще уставившись на Хавьера. Тот замер, когда с языка любовника слетело женское имя. Похоже, Чейз еще ничего не соображал, потому что дернулся в сторону, едва не рухнув с кровати. И он явно испугался, нет, не сна, а того, что увидел наяву. Пришлось удержать его, чтобы не сшиб столик. Полицейский отреагировал мгновенно, на одних рефлексах, и так саданул Хавьера локтем, что тот забыл, как дышать, но рук не разжал. Он не отдаст этого человека никому, тем более ночным кошмарам.

– Чейз, – просипел он, но тот не слышал, не реагировал. – Не молчи, слышишь?

Цзян не то хмыкнул, не то промычал что-то и, наконец, уткнулся ему в плечо. Стиснул. Это не разговор, но для начала неплохо. Лань осторожно погладил любовника по спине и чуть влажным от пота волосам. Притянул ближе, хотя больше всего хотелось свернуться и полежать немного неподвижно. Давно же его так сильно не били…

– Я рядом, – выговорил Хавьер.

– Мы должны перестать спать вместе, – в голосе Чейза было столько боли, что Лань позабыл про собственную.

– Мы должны перестать спать отдельно, – возразил он, отстраняя от себя любовника, чтобы заглянуть ему в глаза, кажущиеся в темноте совсем уж бездонными. – Расскажи мне. Ты можешь рассказать.

Не время закатывать сцену ревности. Встрепанный, бледный как полотно, Чейз явно провалился в какие-то воспоминания и нуждался в помощи. Лань чувствовал, как сильно сейчас нужен мужчине, что тот цепляется за него точно утопающий.

– Тебе часто снятся кошмары? – спросил он, когда молчание затянулось.

– Много лет не снились, – похоже, детектив не успел прийти в себя и сообразить, что ответить. – Я… кричал во сне?

– Только говорил на непонятном языке и звал кого-то, – честно ответил Лань. – Что случилось с Диной?

Плечи детектива вздрогнули. Лань был практически уверен, что не ответит. И ему придется самому копаться в прошлом, выискивая ответы на интересующие вопросы, может быть, аккуратно расспросить Анну, когда она в следующий раз позовет их с братом на чай, или лучше в письме. Хотя вряд ли он рассказывал сестре. Да вообще кому бы то ни было.

– Пушту – один из языков, распространенных в Афганистане, – заговорил Чейз тихо и отстраненно, когда Лань уже перестал надеяться. – Дина не знала английский. Почти никто из жителей не знал. Это она научила меня…

Чейз умолк, явно вознамерившись больше ничего не говорить и не объяснять. В выражении его лица мелькнуло что-то такое, будто он жалел, что вообще заговорил на эту тему. Сейчас никак нельзя было позволить вернуться на кажущуюся безопасной дистанцию.

– Ее не стало, – глухо озвучил свою догадку Хавьер.

Цзян снова с силой стиснул его, как будто боялся, что иначе любовник последует за той, которую он потерял. Спрятал лицо у него на плече, не в состоянии подтвердить сказанное. Да этого и не требовалось. Хавьер на секунду поставил себя на его место и живот заболел пуще прежнего. Если бы с Пат что-то случилось, он никогда бы себе этого не простил…
***
В какой-то момент Вэйд решил, что его болтовня просто утомила Честера. Он съел пару конфеток и стал понемногу клевать носом. Это было… Это было очень похоже на то, как Лань вел себя в Брайт Хаусе после бокала шампанского. Пересадив кота, как плюшевого мишку, себе за спину, Вэйд встал и аккуратно подобрался к Ланю. Примостился рядом на подлокотник и склонился, заглядывая в лицо.

Во сне Честер выглядел очень трогательным. В нем не осталось ни малейшего сходства с братом, несмотря на чужую одежду. Такой умиротворенный и безмятежный… Казалось, ему снился сладкий сон. Будить его совершенно не хотелось, но и оставить вот так спать в кресле… Вэйд чмокнул фабриканта в щеку и уловил знакомый аромат. Да коварные конфетки, похоже, оказались с ликером!

– Как я скажу Хавьеру, что снова споил тебя? – спросил он тихонько и Лань, на удивление, что-то промычал в ответ. – Я побуду рядом, пока ты не проснешься, хорошо?

Он хитро улыбнулся, посчитав вздох Честера знаком согласия и принялся терпеливо ждать. В прошлый раз такой сон продлился не так уж и долго, но и в клубе было шумновато, а тут – тишина, покой и довольное посапывание кота. Вэйд не стал убирать волосы от лица Честера, а слегка пощекотал краешек его уха пальцами, наблюдая, отреагирует ли мужчина. Потом потрогал прямо за ним, не зная толком, чего дожидается. Он ведь обещал только посидеть рядом, однако когда он держал такие нелепые

обещания?

Поймав выбившуюся тонкую прядку, он как причудливой кистью пощекотал ею лицо фабриканта, невесомо провел по дрогнувшим губам, которые так и манили прикоснуться по-настоящему. Художник уже знал, как это сладко – целоваться с Честером, однако он не мог просто взять и воспользоваться его беспомощным состоянием. Это было бы ужасно несправедливо! К тому же если бы Честер проснулся в разгар действа, когда художник уже наполовину раздел его, как бы он отреагировал?

Вэйд решил довольствоваться открытыми участками кожи, потому что совсем отказаться от соблазнительной фантазии у него не получилось. Он взял расслабленную ладонь фабриканта в свои, легонько ущипнул за подушечку большого пальца, проверяя, не приведет ли это Ланя в чувство.

Ничего подобного не произошло. Он продолжал мирно дремать, даже когда Вэйд принялся выписывать пальцем буквы у того на ладони и запястье. Оказалось, и с тыльной стороны руки Честера весьма чувствительны, только костяшки казались несколько загрубевшими. Он поднес руку ближе к лицу, рассматривая мелкие шрамы, и вспомнил, как Лань уложил тех уродов в парке. Значит, ему было не привыкать драться?

Наигравшись, он снова потянулся к лицу Честера, но передумал. Было еще одно место, которому он не уделял должного внимания. Он вопросительно взглянул на Саймона, но тот жмурился на теплом местечке и не собирался его стыдить. К тому же затылок Честера и его шея сзади как раз были очень удобно открыты. А сколько еще чувствительных мест скрывалось под одеждой!

Часть 55

Честер застонал. Едва ли громче выдоха, но застонал. И покачнулся, теряя равновесие, в котором пребывал все это время – все-таки спать сидя – не самая лучшая идея. Вэйд придержал фабриканта за плечо, а в следующую минуту его светлые глаза изучающе уставились на него, слегка мерцая в полутьме комнаты. Солнце уже зашло…

– Кажется, ты немного задремал, – сказал художник, чувствуя, что все-таки сделал что-то не то. Вдруг Честер заметит, как его взволновала эта невинная игра? – Не хочешь немного прогуляться? Прохладный воздух прекрасно сочетается с ликером. И мы могли бы присмотреть подходящую яблоньку на роль Древа познания…

– Мгм, – глубокомысленно заключил Честер и повел его в сад.

Вэйд сразу понял, что попал в несколько затруднительную ситуацию. Они забыли захватить костыль, без которого передвигаться было довольно затруднительно. Художник уже мысленно составлял список того, что первым делом предпримет, избавившись от этой до смерти надоевшей и довольно громоздкой штуковины. Конечно, он здорово наловчился ходить под руку с Честером, но и через неделю сможет продолжать так делать, ссылаясь на больную ногу, а то и просто так по успевшей укорениться привычке.

Вэйд успокоился. Честер даже во хмелю вел себя благоразумно. Они просто погуляют, чтобы тот немного проветрил голову, а после художник поможет ему лечь в постель и даже расскажет увлекательную сказку об одном из своих путешествий. Что может пойти не так?

– Только посмотри на эту красоту! – восхитился Инн, хотя было мало надежды на то, что наутро Лань вспомнит, о чем он говорил. Всему виной яркий месяц, озаряющий сад призрачным серебром. – Я знаю одного человека, который мог передать ее при помощи одних только карандашей, да-да, самых обыкновенных. И так мастерски, что его картины точно светятся изнутри. Нужно будет уговорить его устроить персональную выставку в Лондоне, чтобы мы могли сходить на нее вместе

Похоже, Честер не был против. Они не спеша шли в сторону беседки, созерцая знакомый сад, представший в совершенно ином свете. Дивно умиротворяющее зрелище! Художник задумался.

– Давненько же я не рисовал вот такие ясные ночи с высыпавшими на небо звездами и сверкающими капельками росы… – поделился он, вспомнив черепаху, заточенную в непроглядном мраке пещеры, и другие страшилки, которые доводилось рисовать в этой цветовой гамме. – Какое счастье, что Саймон не увязался за нами! Он не упустил бы возможности залезть в траву, а потом с мокрющими лапами и животом прямиком ко мне под одеяло!

Инн рассеянно улыбнулся. Чем больше он думал о картине, тем больше убеждался, что написать ночь в райском саду – великолепная мысль. Этой идеей он не замедлил поделиться с Честером. Мужчина воспринял предложение сдержанно и как будто глубоко погрузился в раздумья. Было бы жестоко заставлять его пить, чтобы поймать это выражение для еще одного портрета, но никто не мешал потом попробовать воспроизвести его по памяти.

Пока художник вглядывался в лицо фабриканта, они дошли до окутанной мраком беседки и осторожно ступили внутрь. Честер, знавший в ней каждый уголок, бережно помог ему не усесться мимо. Удобно протянув ногу, Инн похлопал по скамейке рядом с собой, предлагая спутнику присоединиться, однако тот остался стоять точно возведенная искусной рукой статуя – это сравнение с произведением искусства напрашивалось уже не впервые.

На самом деле, если привыкнуть, темнота не была такой уж кромешной, лишь чуть гуще, чем снаружи, так что Вэйд жадно впился глазами в его силуэт на фоне тускло мерцающего ночного сада и…

– Честер, вот же оно, – произнес Инн с едва сдерживаемым ликованием. – Древо познания Добра и Зла. Оно все это время росло здесь, а мы и не знали.

– Эта яблоня очень старая… – сказал Лань, и ни одна живая душа никогда бы не подумала, будто он пьян. – Бабушка рассказывала, что на месте того дупла была ветка, на которую для нее вешали качели, когда она была маленькой, а потом она прятала там дедушкины любовные записки, в которых потом свила себе гнездо соня.

– Да у него богатая история, интересно, а сейчас «квартирка» пустует? Вот бы узнать, кто и когда посадил это дерево! – Вэйд ужасно пожалел, что не захватил блокнот, а лучше сразу этюдник. – Выглядит оно так, будто росло здесь испокон веков. Честер, может быть, ты на минуточку встанешь под ним и протянешь руку? Представь, что собираешься сорвать яблочко. Я хочу посмотреть, как бы это сделал Адам.

Фабрикант мог бы возразить, что это не Адам, а Ева сорвала запретный плод, но кому какое дело до старых обомшелых историй? Вэйд так загляделся на дерево, что отреагировал на то, что делал Честер лишь в тот момент, когда тот положил рядом с ним аккуратно свернутый пиджак. Рубашка на мужчине была расстегнута и слегка распахнулась, открывая грудь. На несколько секунд художник потерял дар речи, и этого хватило, чтобы фабрикант расстегнул пуговицы на манжетах и все с таким же серьезным и сосредоточенным видом избавился от еще одной детали одежды.

– Честер, – воскликнул Вэйд и схватил теплую, нагретую чужим телом рубашку. – Умоляю, накинь что-нибудь! Ты ведь можешь запросто простудиться!

Это было большим преувеличением. Ночь выдалась безветренная и достаточно теплая. В такую погоду ни один человек, проживший всю жизнь в Лондоне и его окрестностях, ни за что не подхватит даже насморк. Однако Инну просто необходимо было что-то сказать и сделать.

Неуклюже он вскочил, держа одну ногу в воздухе, как какая-нибудь болотная цапля, которых ему в огромном множестве доводилось рисовать в качестве иллюстраций к книге случайного знакомого. В компании натуралиста Вэйд незаметно для себя провел около полугода, а может и больше, узнав столько всего, что хватило бы на небольшой томик энциклопедии.

Щеки предательски горели, когда он обнял Честера, стараясь набросить на него рубашку и хоть немного запахнуть. Тот вздрогнул, хотя Вэйд мог поклясться, что руки у него теплые. Художник догадался, что прохладный воздух, наконец, возымел действие, и Честер пришел в себя.

Инн набрался смелости и… отбросил рубашку Честера обратно на скамейку, будто так и задумывалось, а потом сбросил с плеч собственный пиджак. Стоило сделать это только для того, чтобы увидеть, как непонимание на красивом лице Ланя сменяется откровенным потрясением.

– Ты такой пылкий, – шепнул Вэйд соблазнительно, а ночной воздух уже пробирался под рубашку. – Привел меня сюда и делаешь

такие вещи!

– Что я только что собирался сделать? – спросил Честер, похоже, цепенея от ужаса.

– Кое-что очень приятное, – заверил Вэйд, не давая ему опомниться. – Мы будем обниматься!
***
Чейз никак не мог проснуться, как часто бывало в выходные, хотя нужно было разлепить веки и выбраться из-под одеяла. Самочувствие было чуть лучше, чем с похмелья, и он… хоть убей… не мог понять, где находится! Лейтенант сильно вздрогнул, открыв глаза. Незнакомая комната слегка поплыла, но это быстро прекратилось. Судя по пробивавшемуся через шторы солнцу, время близилось к полудню.

– Ангел! – вчерашняя ночь измотала настолько, что он проспал и не выгулял собаку.

Пса не было видно, хотя он обычно устраивался рядом с кроватью, а если хозяин спал дольше обычного, начинал беспокоиться. Чейз сел и откинул было одеяло, но снова подгреб его к себе, потому что долбаная дверь отворилась, заставляя окончательно утратить веру в производителей замков. Кажется, Лань их просто не замечал.

– Доброе утро, – Хавьер улыбнулся ему действительно очень тепло. Это было не его сногсшибательное обаяние, которое покорило весь участок, а нечто совсем другое. – Я уже погулял с Ангелом и даже дал ему немного погонять овец. Видел когда-нибудь собаку на корде?

Чейз, живо вообразивший, что пес мог не послушаться Ланя и потеряться, немного успокоился. Конечно, Хавьер предусмотрел длинную веревку на случай побега. И не только для терьера, в этом можно было не сомневаться. Цзян недоверчиво скользнул взглядом по странного вида посудине на подносе, который принес Хавьер. Колбе с торчащим над ней поршнем было место в лаборатории какого-нибудь сумасшедшего ученого, а никак не на ферме…

– На этот раз я заварил для тебя кофе, – сообщил Лань, плавно подходя ближе, как подкрадываясь. Словно ночи ему было мало. От одного воспоминания о том, что он творил накануне, Чейза бросило в жар.

– Который, – он откашлялся, – час?

– Пол-одиннадцатого, – Лань примостился на край кровати, выжидающе поглядев на любовника. – Как насчет…

На сей раз его волосы не были заплетены, но и дергать фабриканта за хвост оказалось вполне удобно. Чейз не умел говорить «спасибо», но подозревал, что Хавьер поймет его. Зачинщиком их постельных и не только утех неизменно становился Лань, и тем приятнее было подловить его таким мягким и податливым. Чувствовалось, что поцелуй стал для него неожиданностью.

Лейтенант закрыл глаза, отдаваясь весьма приятному занятию. Он столько не сказал Ланю, столько не мог сказать. Например, что вчера ему понравилось. Что он действительно благодарен за откровенность. А еще за настойчивость. За то, что не оставил его наедине с кошмарами и страхами… и болью. Она не прошла, и Цзян по-прежнему боялся слишком сближаться с Хавьером, однако это уже происходило, и одному богу известно: к худу или к добру.

Только через несколько минут они лениво выбрались из постели. Хавьер уселся в облюбованное кресло и, иногда мечтательно трогая губы, наблюдал, как Чейз одевается и приводит волосы в порядок.

– Что это за орудие пыток для кофе? – уточнил детектив, наблюдая, как Лань медленно нажимает на поршень, опуская его вниз до тех пор, пока шарик на конце не коснулся крышечки. Подаренный им перстень был на месте…

– Всего лишь пресс, новое веянье из Франции, – ответил Хавьер, разливая кофе в чашки, на которых паслись миниатюрные овечки. Как символично… – Не знакомо? Тогда я закажу парочку для тебя и Анны.

– Не смейте дарить подарки моей сестре, Лань! – ему показалось, что прозвучало грубо, поэтому он поспешил хоть как-то исправиться: – По крайней мере, без повода…

Хавьер закинул ногу на ногу, ничуть не обиженный его словами. На его губах появилась самодовольная улыбка. Он кивнул, показывая, что принимает сказанное к сведенью… Потом положил в кофе немного сахара и степенно помешал, не задев ложечкой края чашки.

– Значит, тебе я могу дарить подарки когда угодно, – сказал он, как всегда извратив сказанное и начисто загасив благородный порыв Чейза все-таки как-нибудь отблагодарить его за понимание и поддержку. – Отлично!

Он жестом фокусника добыл из кармана шейный платок, серебристый с пурпуром, кажется, только и ждавший своего часа. Прежде чем Чейз успел начать возмущаться, Лань тронул свою шею, как бы предлагая повторить этот жест. Тот зашипел, прикоснувшись, а потом, наконец, подошел к небольшому зеркалу в овальной раме и охнул.

– Ты поставил мне хороший синяк, – напомнил фабрикант до того, как Чейз высказал негодование.

Гордиться тут было определенно нечем… Он принял Ланя за одного из тех ублюдков, но это было слабым оправданием. Он бы не ударил любовника. На самом деле. Даже, когда Лань выводил из себя – надо отдать ему должное, делал он это постоянно. Цзян подошел, но вместо того, чтобы принять подарок, запихнул в рот еще теплый хрустящий тост, лишь бы ничего не ответить.

– Пустяки, – добавил Лань, хотя Чейз так не считал и даже покачал головой, запивая тост кофе.

Напиток оказался на удивление неплох, хотя в нем определенно не хватало чего-то… например, щепотки мускатного ореха. Стоило ли объяснять Ланю такие премудрости?.. Им обоим было чему поучиться друг у друга. Чейз, например, хоть и попытался соорудить что-то достойное, не смог повторить аккуратный узел, который так непринужденно завязывал Хавьер. Кажется, он первый раз видел на любовнике галстук. Надел его у себя дома, надо же…

– Мне не терпится кое-что тебе показать, Чейз! – сообщил Хавьер доверительным тоном и слегка сжал его руку. – Если отправимся сейчас, как раз вернемся к обеду.

Цзян мысленно приготовился к долгой пешей прогулке, однако не угадал. Лань повел его в леваду. Несколько лошадей уже были оседланы, и к седлу светло-серой тонконогой скотины была приторочена небольшая сумка.

– Ты можешь выбрать любую, какая понравится, – предложил Лань, бдительно следя за тем, как Ангел знакомится с новыми животными, впрочем, с этим проблем не возникло.

– Мне ни одна не нравится, – буркнул Чейз, надеясь, что от него отстанут. Он не собирался соревноваться с Ланем, в роду которого явно были кентавры. Во многих смыслах...

Не признаваться же, что он не доверяет этим тварям, после того, как одна из таких сбросила Анну. Хотелось отозвать Ангела, нюхающегося с крупным вороным конем, и уйти подобру-поздорову. Однако он хорошо знал любовника, если Лань хочет устроить скачки, так оно, черт побери, и будет.

Часть 56

– Что ж, тогда за тебя выберу я, – невозмутимо сообщил Хавьер и оглядел животных, которых уже оседлали для них с Чейзом и старшего поколения Ланей.

Предстояло решить непростую задачку. Бросив быстрый взгляд на любовника, он постарался представить, какая лошадь лучше всего ему подойдет. Едва ли Цзян был новичком в верховой езде. Наверняка еще мальчишкой он проводил много времени в седле, да и после этот навык не должен был ржаветь. Однако хотелось бы, чтобы поездка была приятной для всех ее участников.

– Помнишь Серафима? – он наконец указал на высокого красно-гнедого коня.

Услышав свою кличку, здоровяк сразу навострил уши. Люди обычно не ждут, что конь такой масти будет вести себя покладисто и добродушно. Чейз не стал исключением, он тоже здорово удивился, когда Серафим сам подошел, напрашиваясь на ласку и, может быть, даже угощение.

– Надо только затянуть подпругу и можно ехать, – объявил Лань, почесывая коню нос.

И так как Цзян явно не горел желанием приблизиться, сам подвел к нему Серафима. Маркиза тоже заинтересовалась и подошла, чтобы хозяин мог похлопать ее по шее в качестве приветствия. Серафим тут же потянулся пожевать рукав лейтенанта, чтобы привлечь его внимание. Пришлось слегка придержать его под уздцы. Чейз пока не испытывал особого доверия к коню.

Ангел уже оббежал всю леваду и вернулся к ним, чтобы досконально обнюхать седельную сумку. Для этого он приподнялся на задних лапах и забавно вытянулся. Чуткий нос наверняка уже подсказал псу, что из уложенных внутрь закусок предназначается людям, а что – ему.

– Если ты не будешь доверять Серафиму, он это почувствует, – попробовал с другой стороны Хавьер.

– Лань, слушайте, Вы разве не должны, ну… – пробурчал Чейз и замялся. – Провести время с Майклом?

– Мы болтали все утро, уверен, сын увязался бы с нами, если бы приятели не позвали его на рыбалку, – Хавьер почувствовал, что не может сдержать улыбку. – А я хочу провести время с тобой.

– К черту, давайте сюда своего мерина, – рыкнул Цзян, стараясь скрыть то, как подействовало на него сказанное.

Хавьер возликовал, когда он без особых усилий вскочил в седло. Меньшего от детектива не ожидалось! Манера держаться в седле была несколько развязной, но внушала веру в то, что он не откажет, если предложить, скажем, небольшое пари. Довольный одержанной победой, Лань постарался не выдать предвкушения, привычно поправляя амуницию Маркизы и проверяя, не успела ли та поваляться, пока оставалась без присмотра – водился за ней такой грешок.

– Зря ты так, Чейз, – сказал он, взявшись за луку седла, чтобы подняться. – У Серафима все, что нужно, на месте.

Цзян неверяще наклонился вбок, попытавшись заглянуть под брюхо жеребца. Даже не будь он похожим на тюфяк, с такой родословной никому на ферме не пришло бы в голову посягнуть на его достоинство.

– Поехали, еще успеешь поближе рассмотреть, – рассмеялся Лань, прекрасно знавший характер коня. – Можешь даже пощупать.

Доверие гнедого к людям не имело, кажется, никаких границ, особенно если подкреплялось морковкой. Он позволял трогать себя где и сколько угодно, влезать под брюхо, вешаться на шею или тянуть за хвост. Если нужно было проверить подковы, он сам поочередно подавал ноги, и даже манипуляции ветеринара сносил безропотно.

– Мне такое не интересно! – возмутился Чейз, привстав в стременах.

Жеребец принял это за сигнал к действию и шагом направился прочь от левады. Кажется, даже спина всадника выражала негодование. Лань тронул кобылу следом, любуясь тем, как любовник покачивается в такт хода лошади, вспоминая… Выглядел Чейз соблазнительно! Определённо, стоило в следующий раз попробовать по-другому.

Немного проехав в сторону Лондона, Лань предложил свернуть в поля по хорошо знакомой ему дороге. Она отличалась от всех других в округе – кто-то здорово поломал голову, чтобы она уходила вдаль, прямая точно стрела. Задумка удалась на славу.

Вдруг терьер, до того следовавший за ними, как на привязи, то с одной, то с другой стороны, помчался вперед и в сторону от дороги, как заправский охотничий пёс, почуявший добычу. Послышалась короткая верещащая трель, хотя потревоженной птицы не было видно. Чейз резко свистнул, а когда пес не послушался и все-таки поднял пеструю коричневую птицу на крыло, остановил лошадь и прикрикнул. Тут уж игнорировать приказы хозяина было невозможно, но возвращаясь, Ангел всем своим видом показывал, что люди совершенно не умеют веселиться.

– Кажется, это был лунь, – заметил Хавьер, тронутый тем, что Чейз позаботился о сохранности гнезда, спрятанного где-то в траве у самой дороги, обочина которой выглядела весьма живописно благодаря оставленным тут и там кустам, сохранявшим её пригодной для поездок даже после сильных ливней.

Впрочем, попадающийся кое-где шиповник быстро перестал занимать мысли фабриканта. Что мог значить этот взгляд Чейза? Несколько секунд темные глаза смотрели на него очень пристально, а потом он подтолкнул коня пяткой и двинулся дальше. Сердце никак не хотело успокаиваться. Он нагнал любовника только спустя пару минут.

– Как насчет небольшой гонки? – предложил Хавьер, указывая вперед на по-стариковски сгорбленный силуэт одиноко растущего дерева, в которое, вопреки расхожему мнению, молнии били чуть ли не ежегодно.

За Ангела можно было не беспокоиться, даже отстав от лошадей, он нагонит их и навряд ли потеряет из виду. А вот о том, какую награду получит победитель, следовало подумать заранее. Чейз явно проникся и, не дожидаясь продолжения фразы, поднял Серафима в галоп.

– Ах, ты! – воскликнул фабрикант, посылая Маркизу в погоню.

– Не зевайте, Лань! – крикнул тот через плечо.

Если бы Чейз знал, какой вид открывается Хавьеру, ни за что бы не стал бы выкидывать подобный фортель. Маркиза была меньше,

но резвее Серафима, поэтому Лань специально сдерживал ее до последнего, чтобы вырваться вперед только у самого финиша, представленного тенью узловатой ветки, которая тянулась погладить всадников по головам молодыми побегами, но не доставала.

Растрёпанный от ветра, задыхающийся от долгой скачки, Чейз выглядел совсем мальчишкой, почти что ровесником младшей сестры. Казалось, груз, который он нес на плечах, остался где-то на другом конце поля. Вываливший язык Ангел нагнал их и плюхнулся на траву у дороги, однако он только выглядел заморенным, а ухо так и ходило ходуном, ловя шорохи, доносящиеся откуда-то из-под корней дерева.

– Я выиграл! – объявил фабрикант, довольно хлопнув лошадь по вспотевшей шее. – Но вы с Серафимом задали Маркизе жару.

– На обратном пути я Вас сделаю, Лань, – заверил полицейский.

– И где мой приз? – фабрикант выжидающе уставился на Чейза, хотя, кажется, уже получил заслуженную награду.

– Не помню, чтобы мы делали ставки… Эй, осторожнее! – он заметил, что Хавьер намерен подъехать вплотную. – Это… м-м!

Ловко перехватив одной рукой повод, другой Лань обхватил инспектора за шею, притягивая к себе, целуя резко, сильно. И плевать, что они посреди дороги, и кто-то может их заметить. Мир сузился до единственного человека, который стиснул гриву жеребца, безотчетно подаваясь ещё ближе, рискуя свалиться, если лошади вдруг взбрыкнут. Глухой стон не оставлял сомнений в том, что это желанно для них обоих. Хавьера это неожиданно отрезвило. Внутри все горело огнем и просто требовало продолжения, но сейчас нельзя. Не то место.

Будто уловив его сомнения, Чейз перехватил инициативу - грубо сжимая подбородок, поцеловал так, что задел зубами о зубы. Колени мгновенно превратились в желе, благо Маркиза стояла смирно, а Серафим, чье ухо она пыталась пожевать, относился к этому, как истинный джентльмен.
***
У этой семейки даже лошади оказались какие-то неправильные. Конь, – подумать только, жеребец! – который ему достался, был просто идеальным, невероятно чутким и послушным, а ездить на нем оказалось настоящим удовольствием, Цзян и забыл, что так может быть! Он даже не расстроился, когда Лань все-таки обскакал его.

А еще он почти хотел, чтобы тот спросил… После слов Хавьера о птице Чейз и сам хотел рассказать ему о Дине, однако так и не решился. Хотя это было бы… как? Честно? Правильно? Но вместо того, чтобы собрать мысли в кучу и хоть с чего-то начать, он позволил втянуть себя в очередную игру, не менее головокружительную, чем недавняя скачка, после которой кровь еще бурлила.

Дальше они ехали не спеша, все дальше углубляясь в поля. Это ужасно напоминало знакомые с детства пейзажи. Такие же холмы, понемногу приближающаяся кромка леса, небо, которое невозможно охватить взглядом. Не хватало только одного. Реки. Впрочем, так даже лучше – ему и озера с головой хватило.

Когда от дороги отделилась тропа, ведущая куда-то в лес, Чейз занервничал. Кому понравится передвигаться верхом среди деревьев, у которых полно сучьев, вполне способных выколоть человеку глаз, и ветвей, с помощью которых лошадь может легко ссадить с себя надоевшего седока? Хавьер обернулся, проверяя, следует ли Чейз за ним. Он выглядел уставшим. Нет, держался в седле фабрикант как ни в чем не бывало, но не стоило забывать, что всего несколько часов назад он позволил Чейзу… И бок, должно быть, болел.

– Лань, лошади устали, привал? – попросил лейтенант.

– Мы почти на месте, – отозвался упрямец.

Впрочем, детектив зря волновался. Ангел принюхался и деловито убежал куда-то вперед. А когда Цзян вслед за Ланем выехал на прогалину, пес уже лакал воду, замочив лапы на покатом бережку. Река была именно такой, какой должна быть. На дне покоились крупные камни, а по берегам из земли выступали промытые весенним паводком корни. Вода журчала, обтекая большую замшелую корягу, принесенную течением. Чейз, однако, не тратил время на любование пейзажем, а первым спрыгнул на землю, чтобы подстраховать любовника.

– И дернул же Вас черт за ногу устраивать эти бега, – заворчал он, едва удерживаясь, чтобы не задрать на нем сорочку прямо сейчас. – Я займусь лошадьми, а Вы сядьте пока, покажете потом, что у Вас там!

– Ты такой заботливый, Чейз, – Лань небрежно поцеловал его в щеку, и по обыкновению начал выкручиваться, как уж на сковородке. – Но я и сам толком не знаю, что в сумке. Наверняка что-то вкусное!

Значит, синяк огромный, безрадостно заключил детектив. И Лань делает вид, что не понимает, о чем речь, чтобы Чейз не чувствовал себя виноватым. Вот же… Цзян отошел к лошадям. Несмотря на неприязнь, ему приходилось довольно много возиться с ними, так что управился он быстро. Только с сумкой вышла заминка, Чейз торопился заняться Ланем, но никак не мог высвободить язычок одной из застежек. Наконец, он дернул посильнее и на сей раз получилось.

Чейз мог поклясться – серая бестия смотрела на него так, будто полицейский ее обокрал. И ведь не скажешь, что эта мелюзга со спичечными ножками и трогательными, будто подведенными углем, глазами такая быстрая.

– Охота Вам было тащиться в такую даль, чтобы просто перекусить? – спросил полицейский, усевшись рядом с фабрикантом, разместившимся на большом очищенном от коры бревне. Почему-то муравьи в нем не водились, что было людям на руку.

– Все дело в компании, – пространно объяснил Лань, придвигаясь поближе, чтобы касаться Чейза. – Если мы не будем шуметь и делать резких движений, увидим что-то замечательное.

Цзян посмотрел на любовника удивленно. Хавьер открывался ему с совершенно неожиданной стороны… снова. В этом человеке соседствовали вещи, на первый взгляд, совершенно несовместимые! Когда фабрикант подловил его во время пробежки, лейтенант и вообразить бы не смог, что через месяц будет вот так сидеть рядом с ним и есть самые вкусные сэндвичи в своей жизни. Ангел мигом слопал свой завтрак и нырнул куда-то в кустарник, было слышно, как он шуршит и фыркает, вынюхивая какую-нибудь мелочевку. Ему было начхать на совет фабриканта соблюдать тишину.

– Чейз, – шепнул вдруг Лань, подобравшись, будто во время охоты. Вчера он раньше других замечал дичь и, кажется, получал от этого несказанное удовольствие, даже когда сам не поднимал ружье. – Только посмотри, кто к нам пожаловал.

Примечание к части

https://pin.it/2fu8Bto Серафим
https://pin.it/4ecSKrv Маркиза
https://pin.it/4FtUCVK Ангел

Часть 57

Удивительно, но, несмотря на треск и похрустывание, несколько отдалившееся в сторону полей, на коряжку посреди реки уселась шустрая небольшая птичка. Цзян почувствовал себя так, будто угодил в какую-то сказку. На расстоянии буквально в несколько шагов от них, совершенно не опасаясь людей, сидела самая настоящая синяя птица и что-то высматривала в воде, потешно склонив голову набок. Ржаво-рыжая грудка так и светилась на солнце.

– Это – зимородок, – представил гостя Лань, не представляя, как от его слов защемило в груди. – Иногда они прилетают маленькими стайками. И именно сюда.

Когда птица спорхнула с насеста, Чейз решил, что Ангел все-таки спугнул ее. Однако не успел он почувствовать досаду, как пернатое чудо с быстротой молнии бросилось вниз, в воду. Раздался плеск и зимородок, разбрызгивая воду крыльями, вернулся на ветку, держа в длинном, похожем на веретенце клюве, крошечную рыбешку. Удивительное маленькое создание!

– Я очень хотел показать тебе, как они ныряют и потом отряхиваются, – шепнул Лань, с улыбкой наблюдая за пичугой.

– Вы… любите птиц? – спросил Чейз, почти в самое ухо Хавьера, потому что боялся спугнуть маленького рыболова и этот момент. Наконец, он решился…

– Недалеко от Кабула есть местечко Карха…

Слова давались нелегко, но Лань был рядом и уж он-то, в отличие от Чейза, умел слушать. Ему было девятнадцать, а Дине… шестнадцать или семнадцать – она не говорила, зато каждый день показывала ему разные вещи, иногда обычные, а иногда – чудные, учила называть их, а еще различала птиц по голосам.

– Она была такой живой и веселой, любила весь мир… кажется, и меня… любила.

Он совершенно запутался. Впервые кто-то заставил сомневаться в том, что он все ещё любит *ее*. С Ланем он стал… забывать. Но что, если над ним все еще тяготеет проклятье? Хавьеру нельзя его любить. И ему нельзя! Как еще обезопасить Ланя? Особенно сейчас, когда на свободе убийца, у которого с Чейзом личные счеты.

– Семья отказалась от неё потому, что я – неверный, гяур, – слова раздирали горло, но остановиться Чейз уже не мог. Боль нисколько не притупилась, время не могло заглушить чувство вины. До Ланя об этом знала только суперинтендант. – Даже не захотели её похоронить по своим обычаям. Я… оставил *ее* на берегу, там, где она любила слушать пение птиц. Глупо, наверное… Мёртвые же не слышат.

– Ты все правильно сделал, – Лань крепко сжал его руку.

Лейтенант выругался. Горько, сквозь зубы. Зимородок притих при виде вернувшегося к ним Ангела. Пес чувствовал, что его хозяину плохо и надеялся по-собачьи поддержать его.

– Я уже слышал, как ты ругаешься на пушту, – совершенно неожиданно заявил Лань, в первый момент совершенно сбив с толку. Хавьер будто не замечал, настолько нелепо и странно это звучало, и настойчиво продолжал: – А теперь хочу, чтобы ты выругался на французском.

Цзян слегка смутился. Бог знает как, но это сработало, на одной только непоколебимой уверенности Хавьера, что это должно подействовать. Когти, впившиеся в сердце, слегка разжались, давая вздохнуть. Нет, Лань был просто невыносим, невозможен! Нашел время для фантазий!

– Sais-tu comment je t’aime? – выпалил Цзян. Ему не пришлось даже напускать на себя рассерженный вид. Он действительно злился, потому что не должен был, не имел права говорить то, что сейчас произносил. - A la folie! J'ai disparu en toi, bâtard!*

А потом Лань поцеловал его так, что все мысли: и дурные, и хорошие - начисто вымело из головы. Сейчас было слишком хорошо, чтобы думать о завтрашнем дне и проблемах, с которыми придется столкнуться. Лань стоил того, чтобы отдаваться ему без остатка, наслаждаться верховой ездой, или дичью, которую они вместе настреляли, или разговорами с его семьёй… Даже того, чтобы попробовать подружиться с Майклом, хотя Чейз никогда не умел ладить с детьми.

Он обнял Хавьера, стараясь не сжимать слишком сильно. Фабрикант принял бы подобное, но не Цзян, которому вовсе не хотелось, чтобы тот снова терпел боль по его вине, особенно после того, как смог отогнать его демонов. Когда Хавьер уже готов был запустить руку в чужие штаны, их прервали звуки, будто кто-то полоскал в реке белье. Кое-как оторвавшись друг от друга, мужчины увидели целую стайку зимородков, лакомящихся мелкой рыбешкой. А один ухитрился даже ухватить неосторожного лягушонка, который никак не хотел сдаваться без боя.

Чейз хотел что-то сказать, но Хавьер услышал, как он вдохнул, и коснулся его губ указательным пальцем, словно запечатывая. Не хотел спугнуть своих зимородков? А, может, полагал, что слова сейчас ни к чему? Лейтенанту это напомнило пятничный вечер, и он лизнул подушечку пальца. Кажется, Цзян становился похожим на любовника…

Трудно в это поверить, но они обнимались до тех пор, пока птицы распугали в реке всю рыбу и не расселись сушить перышки. Хавьер до того уютно устроился на земле, привалившись к бревну и коленям, что не хотелось сгонять его с места. Почему-то, хотя Чейз не мог вспомнить, от кого ее слышал, на ум пришла притча про уснувшего кота, которому какой-то святой зачем-то отдал свою одежду.

– Чейз, – Лань слегка потянулся. Не похоже было, что он так уж сильно страдает от боли, но Цзян уже решил, что непременно возьмет с Хавьера обещание показаться врачу в Лондоне в самое ближайшее время. – Хочешь покататься в полях?

– Я не против, если в этот раз обойдемся без скачек, – предупредил Чейз, все еще полагавший, что наблюдать оные куда приятнее на ипподроме, находясь в числе зрителей.

– Ты не любишь скорость? – Лань протянул руку, чтобы отвести челку с его лица, но Чейз раньше откинул ее, мотнув головой. – Или боишься снова проиграть?

Цзян фыркнул и прижег любовника испепеляющим взглядом, от которого делалось дурно подозреваемым, но не фабриканту. Лейтенант не собирался поддаваться на провокации! Не дай бог он ночью отбил Ланю что-нибудь. Если тому самого себя не жаль, это вовсе не значит, что и Чейзу тоже, даже если он вполне спокойно переносит боль. Те шрамы, что успел заметить инспектор, когда-то были совсем не пустяковыми ранами.

– Или, может быть, ты предпочитаешь скачки иного толка? – светлые серые глаза заблестели хрусталем. У Ланя даже тембр голоса менялся, когда он думал о близости.

Чейз сглотнул, снова вообразив любовника со скованными за спиной запястьями, между которыми натянута короткая цепочка наручников. От этой фантазии оказалось чертовски трудно отделаться, может, потому что он действительно хотел это увидеть: напряженную взмокшую спину, подтянутую задницу, короткую косу, покачивающуюся над выступающими лопатками, и особенно то, как Лань медленно опускается на его член.

Чтобы отвлечься, он подумал о деле. Скорее всего, по-прежнему глухо, в противном случае Жэнни уже давно нашла бы способ с ним связаться. Надо ждать следующей субботы. Тогда, если он постарается и если ему очень повезет… Одно обстоятельство все больше беспокоило Чейза. Время шло, а он по-прежнему ничего не знал об этой темной лошадке Холли. Конечно, от нее требовалось просто не испортить все дело, но Цзян предпочитал знать, чего следует ожидать от напарников. Сейчас от этого очень многое зависело.

– Лань, – Чейз колебался, стоит ли спрашивать, если Хавьер ни разу не заговорил о своей родственнице. – Что насчет Холли?.. Мы же пойдем как пара…

Мужчина помрачнел. Чейз тут же прикусил язык. Значит, больная тема? Он помнил, каким голосом говорил Хавьер об этой женщине. Он не ладил с кем-то из своих близких? Это казалось просто немыслимым. С членами семьи Лань был словно другим человеком, Чейз уже достаточно наблюдал за ним, слышал, как меняется его голос, видел выражение глаз.

– В субботу, – тихо сказал Лань и отвернулся. – Она придет. Этого… недостаточно?

– Лань, не хотите, тогда черт бы с ней… – теперь детектив чувствовал себя глупо и неловко.

Хуже того, он видел, как остро отреагировал на его слова фабрикант и теперь не представлял, как загладить свою ошибку. Он ощущал себя так, будто они оказались посреди минного поля, а не на берегу речки, что текла неспешно и неуклонно туда, где ей, вероятно, предстояло влиться в полноводную Темзу. Не зная, что еще можно сделать, он обнял любовника за плечи и тот выдохнул с явным облегчением, расслабляясь, позволяя касаться. Кажется, каким-то чудом, им удалось выбраться на безопасное место без потерь. Что же за дама эта Холли Лань?..

Или дело вовсе не в ней? Реакция на последнее его общение с женщиной, пусть и по делу, вполне ясно дала понять, что Хавьеру не понравится, если Чейз пойдет на прием в сопровождении женщины, будь она хоть королевой Англии. Чейз пообещал себе, что не даст Холли ни единого повода думать, что это что-то большее, чем работа. Только сделка, соглашение явиться вместе на прием и вместе с него уйти. Строго по этикету – он даже освежит в памяти, как надлежит себя вести – никаких лишних прикосновений и разговоров, чтобы Ланю нечего было предъявить в качестве обвинений.
***
К величайшей радости художника Честер ничуть не простыл после их ночного приключения. Ему самому вчера было почти что жарко рядом с ним. Сначала мужчины просто обнимались, все теснее прижимаясь друг к другу, но потом этого стало не хватать. Касаться друг друга, гладить, даже легонько царапать - было недостаточно. Никогда и ни с кем что Вэйду, что Зику, не доводилось так целоваться. Он до сих пор чувствовал себя бесконечно счастливым и пьяным.

Честер галантно помог ему усесться за стол и постоял немного, положив ладони ему на плечи. Это было такое приятное чувство, что Вэйд потерся щекой о его руку, как это сделал бы Саймон, а потом его привлекло что-то в утренней почте. Три белоснежных с красивым тиснением карточки. Не требовалось читать приглашения, чтобы понять – в клубе Брайт Хаус планируется что-то необычное.

– Мистер Нэттли называет это белым днем, – сказал Честер, лишь мельком взглянув на приглашения.

Он слегка улыбнулся, когда Вэйд задрал голову, чтобы посмотреть на него. Так Честер улыбался только ему. Лишь глазами. Это было очень красиво, сердце щемило от восторга. В своей жизни Инн не делал ничего настолько хорошего, чтобы заслужить такую награду. Должно быть, судьба свела их как бы авансом!

– Ничего особенного, но мы просто обязаны сходить, – решил фабрикант, располагаясь за столом. Как он решился сделать это в таком костюме? Вэйд восхищался его храбростью. Он бы на месте Честера и близко к еде не подошел! – Тебе это обязательно понравится: все в клубе будут одеты в белое, а еще еда, напитки…

Мэттью оказался большим затейником, но из-за его произвола Инну пришлось срочно озаботиться соответствующим костюмом, что было не так уж и просто, учитывая гипс на ноге. А времени было в обрез, ведь белый день проходил, разумеется, средь бела дня. Впрочем, в этом были и приятные моменты, например то, что можно было провести все это время с Честером. Инн плохо знал Лондон, поэтому они поехали за покупками вместе и всю дорогу держались за руки и болтали. Вернее, болтал в основном Вэйд, но фабриканту нравилось его слушать.

А еще он сам вызвался помочь с выбором и даже – какие вольности! – с примеркой. Вэйд просто купался в его внимании. Они могли позволить себе касаться друг друга на людях и никто не заподозрил, что они даже украдкой поцеловались. Конечно же, идея принадлежала именно Инну, а не Честеру, который вел себя воспитанно и сдержанно.

Штанину снова пришлось распороть по внутреннему шву, но в нее прямо на месте так мастерски подшили клин ткани, что Вэйд почувствовал себя на высоте. Из зеркала на него смотрел будто другой человек. Такой опрятный, элегантный, под стать Честеру. Чтобы уравновесить это ощущение, он выкупил понравившуюся вещицу, попавшуюся среди привычных мелочей.

Это был большой цилиндр с выгравированным орнаментом, сквозь отверстия которого продевался шёлковый шнур. Украшение хорошо смотрелось бы на груди, но он распорядился им иначе. С этого момента импровизированный браслет, с которым он теперь практически не расставался, начал приобретать законченную форму. И в самое ближайшее время Вэйд собирался раздобыть еще немного колец и бусин, чтобы довести его до совершенства.

– Пройдемся еще немного по здешним магазинчикам, – предложил Инн, как бы между прочим, а потом не выдержал и раскололся: – Я так хочу выбрать тебе какой-нибудь подарок!

Лань удивленно приподнял бровь, явно недоумевая, чем вызвано это желание. Пришлось припомнить, что в некоторых уголках земного шара отмечают праздник с таким названием и, даже если Мэттью этого не знает, на него принято дарить ответные подарки. А так как Вэйд свой не так давно получил, он просто обязан был вручить Честеру что-нибудь замечательное.

Примечание к части

*Знаешь, как я люблю тебя? До безумия! Я пропал в тебе, ублюдок!

Часть 58

Вэйд пребывал в радостном предвкушении, будто бы они и правда собирались отмечать какой-то замечательный праздник. Выглядел он очень нарядно, особенно когда собрал отросшие волосы в короткий плотный хвост, который так и тянуло потрогать. Улыбался художник даже ярче, чем обычно, и, переходя от витрины к витрине, как будто не замечал собственной хромоты.

– Что мы ищем? – осторожно спросил Честер, не привыкший ходить за покупками без намеченной цели. Вэйд в свою очередь не видел ничего дурного в том, чтобы вразнобой рассматривать совершенно разные вещи.

– Я сразу пойму, когда найдем, – обнадежил его художник, только что изучивший все серебряные запонки. – Ты подарил мне платок, давай их и посмотрим! Ты ведь предпочитаешь платки, а не галстуки, так? Они смотрятся более утонченно.

На секунду фабрикант представил, что тот повяжет шелковую ткань ему на запястье наподобие своего браслета. Немного помедлив, он кивнул на оставленный без ответа вопрос. Честер бы с удовольствием носил подарок Вэйда, но не был готов к тому, чтобы стать законодателем мод. Дядя будет в нем крайне разочарован… Именно Хьюго Джеральд прививал им с братом вкус к одежде, считая, что это дисциплинирует, однако у Хавьера было свое мнение на этот счет. У него на все имелось свое мнение, и он не стеснялся его высказывать или демонстрировать.

Стоило подумать о близнеце, как он вспомнил, что хотел купить шарф или платок сливового оттенка, но так и не решился. Но что мешало присмотреть подарок сейчас… Яркие ткани самых разных цветов буквально бросались в глаза: красные и даже почти оранжевые, небесно-голубые и травянисто-зеленые, но Честер не заметил среди них ни одного фиолетового. Платков было действительно очень много! Одни были скручены в трубочки и плотненько уложены в ящик, другие перекинуты через перекладину, третьи раскинуты, почти как сушащееся на прищепках белье и, казалось, среди них можно потеряться, как в дремучем лесу.

Вэйд оказался внимательнее и, в отличие от него, сразу приметил прямоугольник ткани с рисунком, похожим на перья, с вкраплениями того самого насыщенного сливового, о котором думал Честер. В сочетании с серым этот цвет уже не казался слишком ярким или кричащим. Инн слегка встряхнул платок и ловко закинул ему на плечи, как уже делал накануне. Лань невольно затаил дыхание, ожидая поцелуя. Как он мог подумать, что Вэйд сделает это прилюдно? И как мог желать этого?

– Это именно то, что нужно, – заявил художник, будто бы не заметив его смущения. Потом подмигнул и шепотом прибавил: – Запомни эту мысль, потом поблагодаришь.

– Жаль, что нам уже пора! Тут столько всего, мне это напомнило одну из поездок, – пока Честер повязывал подарок перед зеркалом, неугомонный художник успел подобрать в тон серебряные запонки с аметистами и расплатиться. – Я с удовольствием расскажу, хотя – уверяю! – это надо просто один раз увидеть…

Всю дорогу Честер слушал об огромнейшем многоцветном базаре, что оставил неизгладимый след в памяти Вэйда. Казалось, там днем и ночью кипит и клокочет жизнь, а еще царит просто неописуемый запах. Люди в том месте продают все, что только можно себе вообразить. Целые мешки специй соседствуют с живыми попугаями, до того крикливыми, что им удается перекрывать гвалт голосов, ведущих ожесточенный торг. Тут и там пестрят ткани: целые реки тонко выделанного сукна и вручную расписанные шелка, грубый лен, невесомая газовая ткань, кисея и даже то, для чего еще не придумали названий.

Нигде и никогда художник не встречал такого количества бус, что собранные вместе, они уже не радовали глаз. А еще фонарики – весь базар был усыпан ими точно пруды по весне – лягушачьей икрой. Кое-где, обычно по соседству со свежей рыбой, курились благовония, а еще поднимался сизый сладковатый дымок, от которого, как говорят, мир начинает играть совершенно другими красками.

Слушая Вэйда, Честер тоже не мог понять, для чего это нужно. Художник одними лишь словами рисовал то, что когда-то видел и сохранил в памяти, и никакие дополнительные краски ему для этого не требовались, до того ярко, живо и по-настоящему это было. Лань словно сам побывал в этой пестрой яркой толпе, он почти ощущал духоту и запах восточных сладостей… Тем сильнее был контраст, когда они, наконец, попали в белоснежный, светящийся чистотой клуб.

Вопреки обыкновению, встретил их Санфорд Нэттли, подменявший брата. Он, как и полагалось в белый день, надел белый костюм-тройку и только галстук-бабочку повязал не обычный, а с нарисованными вручную крыльями бабочки. Выглядели они… очень знакомо! Адвокат тепло приветствовал их и пообещал найти самые лучшие места. Вероятно, он обещал это каждому, кто приходил в клуб, и был недалек от истины – столики для гостей, как и все в Брайт Хаусе, были расположены с умом и тот, что облюбовали близнецы Лани, как раз еще пустовал.

– Вы вдвоем? – адвокат дал знак Джозефу, чтобы принял заказ. – Хавьер подойдет позже?

– Брат уехал к семье за город, – спокойно ответил Честер, помогая Вэйду разместиться и приставить костыль, чтобы был под рукой и не подвернулся никому под ногу.

Инн вел себя крайне рассеянно и больше смотрел по сторонам, чем на то, куда садится. Приходилось за ним приглядывать вместо того, чтобы спокойно выпить чашечку кофе, украшенную целой шапкой жирных густых сливок, однако Честер ничего не имел против. Он вспомнил, как они с Хавьером впервые получили такие приглашения, и какое сильное это произвело впечатление на обоих.

Почему-то из всех оттенков белого больше всего ему запомнилась шахматная доска, сделанная из стекла, отчасти подвергнутого травлению для придания матовости. Он играл против белых фигурами прозрачными и гладкими, как лед, и слегка звенящими, когда он перемещал их с одного поля на другое.

– Я никогда в жизни не видел столько белого, даже на ледяных полях! – возбужденно заговорил Вэйд, до этого только впитывавший впечатления. – О, Небеса, только посмотри на это, у Мэттью букетик ландышей в петлице! Передай мне салфетку, я назову эту картину Великан с бутоньеркой!

Плечи Инна начали вздрагивать от едва сдерживаемого хохота. Салфеткой он вытер глаза, когда старший мистер Нэттли подошел поприветствовать их и сообщить, что о Честере справлялся мистер Уэйн.

– Похоже, парень считает, будто Вы не захотите с ним разговаривать, и надеется, что хотя бы позволите Вас угостить, – Мэттью усмехнулся, поправляя крошечные цветочки, совершенно теряющиеся на его широкой груди. – Ничего не случилось? Ох, и не люблю я, когда члены клуба ссорятся между собой!

Сказано было по-доброму, но чувствовалось, что Мэтт намерен докопаться до истины. Честер совершенно растерялся, он даже и не знал, что на это ответить, потому что не помнил, из-за чего они с Уэйном поссорились, и даже была ли ссора. Снова в затруднительной ситуации на помощь ему пришел Вэйд, которому с удивительной легкостью удавалось сглаживать самые острые углы.

– Думаю, Николас все еще переживает из-за того досадного падения, – проговорил художник, будто это было чем-то само собой разумеющимся. – А ведь это нам впору заказать для него что-нибудь, правда, Честер?

– Я поговорю с мистером Уэйном прямо сейчас, – тот решил так не потому, что горел желанием расставить все точки над "i", просто ему хотелось избежать развития этой неловкой ситуации.

– Почему бы ему не присоединиться к нам за чашкой кофе? – добавил художник, окончательно убеждая владельца Брайт Хауса в том, что все трое чуть ли не лучшие друзья.

Честер так не считал. Не то, чтобы у него был повод испытывать неприязнь к этому человеку, просто ему не нравилось, что Вэйд так легко с ним сошелся и даже хотел пригласить натурщиком. Должно быть, мысли отразились у него на лице, когда он пересекал сияющий белизной зал, потому что мужчина, поднявшийся навстречу из-за столика, застыл в нерешительности.

Он невольно сравнил этого человека с рассказом Анны. Определённо, мистеру Уэйну стоило поменяться характерами или хотя бы перенять уверенность тетушки и ее целеустремленность. Честер обменялся с ним рукопожатиями.

– Вы чего-то хотели? – спросил он будничным тоном, потому что Николас мешкал.

Тем временем к оставленному Честером столу подошел младший Нэттли, явно утомленный потоком прибывающих членов клуба. Лань краем глаза заметил, как он указывает на свою бабочку и что-то говорит, оживленно жестикулируя.
***
– Мне кажется, сегодня больше людей, чем в сочельник, – заявил адвокат, подсаживаясь к Вэйду. Художник возражать не стал. Им вдвоем стоило поговорить.

Мэтт воздел глаза к потолку, догадываясь, что не дождется от младшего брата помощи, и вынужден был сам уделить внимание новоприбывшим. Двое мужчин пришли в Брайт Хаус вместе, но не обладали запоминающейся внешностью, чтобы надолго привлечь внимание художника.

– И каждый хочет узнать, откуда у меня эта бабочка, – продолжал Санни, не обращая внимания на то, что собеседник отвлекся. – Я пока что не стал разглашать свои источники, но намекнул кое-кому, что, возможно, смогу наладить канал поставки.

– Повремени пока с этим, – попросил художник.

– Над чем же ты работал в последнее время, если не секрет? – спросил адвокат немного ревниво.

Вэйд мог бы сморозить в ответ любую глупость. Было бы очень забавно водить Санни за нос, но слишком уж легко при этом было упустить благоприятный момент для разговора начистоту. К тому же он видел: адвокат ни за что не поверит, что никакой картины не было, слишком он хорошо изучил одного грешного художника.

– Портрет жуткого лейтенанта и его пса, – без утайки сообщил Вэйд и доверительным шепотом, будто речь шла об обнаженной натуре, добавил: – В интерьере!

– Чейза? – не поверил тот, наклонившись над столом вперед, чтобы попытаться определить по глазам, не шутит ли Инн. – Сестра заказала? Нет? Тогда мистер Цзян?

Он позволил приятелю построить несколько теорий одна нелепее другой. Парочку Санфорд сам же и развенчал. Очень важно было сделать так, чтобы тот не лез в это дело и ничего не испортил. Благо, тайны – как своих клиентов, так и друзей – тот хранить умел. Профессия обязывала!

– А я-то думал, ты сам догадаешься, что это была просьба Хавьера Ланя, – упрекнул приятеля Вэйд и поудобнее вытянул ногу. – Хочешь выпить?

– Раз ты так говоришь, то, пожалуй, хочу, – согласился Санфорд и сам подозвал официанта, чтобы заказать джин.

– Я говорю тебе это только потому, что ты мой друг, Санни, – Вэйд нечасто бывал так серьезен, как сейчас. – Потому что знаю: лучше сразу выложить тебе все факты. Так ведь всем будет спокойнее?

Выбранный адвокатом напиток никогда особо не нравился Инну – слишком уж грубый. Однако в этот раз он не стал оставлять свою порцию собеседнику, заинтересовавшись подачей. Впервые ему в качестве закуски к джину подали мелкие соленые желтовато-белые патиссоны.

– Они с детективом нравятся друг другу, – сообщил он, похрустев одним из них, прежде чем ополовинить рюмку. Горло слегка перехватило, и он откашлялся. – Я тебя умоляю, ты правда ничего не заметил? Стареешь, Санни, вон уже и седина появилась...

– Да Чейз же… Мы ведь говорим о Чейзе? – Санфорд поперхнулся. – Да он же… Чейз – это Чейз, ты понимаешь?

– Нравятся, – с нажимом повторил Вэйд, глянув по сторонам, однако никто их не слушал. В зале было слишком шумно для этого. – И под словом «нравятся» я подразумеваю намечающийся между ними роман. Может быть, не такой, как у нас с Честером… Сказать по правде, не могу представить этих двоих ужинающими при свечах.

Он мечтательно улыбнулся, давая Санфорду переварить услышанное. Сначала тот не воспринял сказанное, но постепенно осознание приходило. Выражение его лица стало еще потешнее. Он чуть не пронес рюмку мимо рта, даже не заметив, что допивает за приятелем, поменявшим рюмки местами.

– Вэйд, ты и Лань… при свечах… что? – переспросил он и потешно округлил глаза.

– Держались за руки, – невинно улыбнулся художник. – И это тоже абсолютно не твое дело, верно?

Санфорд еще не пришел в себя от всего сказанного, но поспешно кивнул.

Часть 59

Мистер Уэйн, похоже, совсем отчаялся объяснить, о чем хотел переговорить с Честером, когда ему на помощь пришел Вэйд. Он возник из-за спины фабриканта, слегка коснувшись того плечом, и широко улыбнулся.

– Николас! – воскликнул он, пожимая ему руку обеими руками, для чего зажал костыль подмышкой. – Я очень рад Вас видеть! Вы уже решили? Присоединитесь к нам?

– Я… простите… – пробормотал тот, не понимая, о чем речь.

– Мы с Честером как раз хотели пригласить Вас выпить кофе вместе, – продолжал художник, одаривая улыбкой на сей раз фабриканта, который был слишком строг к собеседнику. – Еще будет Санфорд Нэттли, Вы с ним знакомы? Он как раз заказывает профитроли на всех. Держу пари, их будет так много, что нам придётся ему помочь!

Вэйд прекрасно знал, как порой его слова действуют на собеседников. Даже если сначала Николас не хотел соглашаться, а Честер не хотел его приглашать, они все равно все вместе оказались за одним не слишком большим столиком. Все вышло как нельзя лучше! Один из двух стульев уже был занят адвокатом, Уэйн, постеснявшись расположиться на диване, сел на второй, свободный, и это значило, что можно усесться вместе, да еще придвинуться к Честеру поближе, заставляя Санни краснеть.

Впрочем, Николас тоже смущался. Особенно когда заметил украшение, обвивающее запястье Вэйда, – в его памяти еще свежи были события недельной давности. Художник нарочно показал браслет, позволяя изучить его во всех подробностях.

– Как вам? – спросил он, обращаясь сразу к обоим сидящим напротив мужчинам.

– Оригинально, – с осторожностью высказался Санфорд.

Николас тактично промолчал, помогая водрузить в середине стола этажерку со сладостями, обильно политыми сахарной глазурью. Благодаря тому, что блюда располагались одно над другим, на столе оставалось достаточно места, чтобы не чувствовать себя стесненными. Вэйд оценил такой подход, как и засахаренные фрукты.

– Мне доводилось видеть что-то похожее во время путешествий, вот только не припомню, может быть, на Тибете?.. – он переложил на блюдечко пирожное, напоминающее маленький сладкий сугроб.

– Китай, – веско сказал Честер

Вэйду сразу представилось, как тот читает перед сном книги о путешествиях: настоящих и вымышленных, о дальних берегах и странах. По тому, с каким жаром Честер говорил об их совместном путешествии, нетрудно было догадаться, что это – его давняя мечта. Инн решил, что непременно воплотит ее в жизнь. В конце концов, в мире было еще столько уголков, в которых он сам не успел побывать и все они ждали тех, кто придет, чтобы открыть их заново.

– Точно! – обрадовался Вэйд, перед которым будто распахнулась дверца прямиком в недальнее прошлое, в покорившую его сердце Поднебесную. – Вот увидишь, эти браслеты прекрасно приживутся в Лондоне.

– Джозеф, – Санфорд окликнул одного из официантов, когда тот как раз проходил мимо. – Мне кажется, кофе мистера Уэйна стоит сделать покрепче.

– Сию минуту, – понятливо подтвердил тот и действительно уже через минуту появился, чтобы поставить на стол миниатюрный графин, наполненный превосходным виски.

Честер смотрел на напиток настороженно, однако опасаться было нечего – на мистера Уэйна спиртное действовало как на самого обычного человека. В прошлые выходные художник видел, как тот пропустил пару стаканчиков и ничего не случилось.

– Николас, Вам стоит быть чуточку решительнее, – сказал Вэйд, заметив, что тот колеблется, стоит ли соглашаться на такой эксперимент. – Вы – славный малый, только уж очень робкий. Берите пример с тетушки.

– Вы знаете мою тетю? – удивился тот. Раньше художник не прошел бы мимо такой зарисовки.

У обоих мужчин напротив него были симпатичные правильные черты и выразительные лица. Ник выглядел самым младшим в компании и ужасно робел, однако пара глотков кофе помогли ему немного расслабить плечи и заодно перестать с опаской поглядывать на Честера. Тот тоже немного оттаял, особенно когда Вэйд под столом невзначай положил руку не на свое колено.

– Наслышан о ней, – похвалил художник, слегка перебирая пальцами. Никто этого маневра не заметил, даже Санфорд, который теперь с настороженностью следил за каждым их движением. – И заметьте, слышал только хорошее.

Постепенно беседа становилась непринужденной. В какой-то момент речь зашла о живописи в целом и галстуке Санфорда в частности. Вэйд почувствовал, что речь вот-вот перейдет от картин маслом к живым примерам. Всем будет очень неловко, если прозвучит имя Зика.

– Я вдруг вспомнил! – воскликнул он, слегка напугав Николаса. Честер тоже немного встревожился, когда Вэйд обратился к нему и схватил за руку. – Наш уговор. Мне кажется, сейчас – самый подходящий момент! Уверен, Хавьер не будет возражать, если ты возьмешь пару выходных, чтобы тоже съездить на ферму? Я просто не выдержу сидеть в четырех стенах до пятницы, когда доктор Сен-Клер будет так добр и наконец снимет с меня эту штуку!

Санфорд, в отличие от остальных, совершенно ему не посочувствовал. Он, похоже, все еще не простил того, что Вэйд пару дней не давал о себе знать после визита к Циклопу. Впрочем, надутый вид адвоката ничуть не испортил ему настроение. Вечером они с Честером будут целоваться, а потом работать над композицией и позой. А когда настанет новый день – в крайнем случае, послезавтра – они вдвоем с головой окунутся в романтику сельской жизни. Он встретится с близкими Честера, которых видел только на снимках. Кажется, такого радостного волнения он не испытывал даже перед самой первой своей выставкой!
***
День был идеальным, и он очень надеялся, что и Чейз так считает. У них в запасе было еще достаточно времени, чтобы насладиться друг другом и неспешной прогулкой по самым живописным местам. Что-то изменилось, еще ночью он это почувствовал. И теперь. Цзян позволял себе быть с ним откровенным, открывался. И от этого Хавьер ужасно боялся все испортить дурными воспоминаниями.

Когда детектив напомнил ему о Холли, это совершенно выбило из колеи, но Чейз же вскоре заставил выкинуть ее из головы и

просто наслаждаться моментом, тем, что они рядом, вместе. Валяются на траве и целуются, как подростки, а потом смеются, потому что Чейз не мог расслабиться под любопытным взглядом Ангела, недоумевающего, что же такое делает его хозяин.

– Может, еще попросишь лошадей отвернуться? – предложил Хавьер, растрепывая светлую челку насупившегося любовника, который в ответ спихнул его ногу со своего бедра. – Вот уж не думал, что тебя так легко смутить, Чейз!

– А Вам, блядь, нравится, когда есть зрители! – беззлобно откликнулся тот, похоже, прекрасно зная, как поступит Хавьер.

Фабрикант снова закинул ногу на любовника, чтобы перекатиться и оказаться сверху, а потом долго и со вкусом целовать. Чейз уже потянулся к его ремню, толкнул, заставляя отодвинуться, чтобы расстегнуть пряжку. Лань замешкался, увидев прямо перед собой любопытную усатую морду, и потому не успел отпихнуть пса. А уже следующий миг Ангел смачно прошелся мокрым широким языком по его лицу. От неожиданности Лань отпрянул и скатился с любовника.

– Ах ты, сукин сын! – взревел лейтенант, обратив питомца в бегство. – Тоже попробовать захотелось, кобель похотливый?! Приличные служебные собаки так себя не ведут!

– Говорят, собаки похожи на хозяев… – задумчиво сообщил Хавьер и охнул, получив чувствительный тычок. – Может, пора найти ему сучку?

– Вы хоть думайте, что говорите, Лань. Вам ли не знать, что отцовство – это большая ответственность, – отчитал его Чейз, его явно пугала эта тема. – И даже для собаки!

Сам Хавьер не видел ничего особенного в воспитании ребенка. Может быть, потому что сын характером пошел в мать и никогда не доставлял таких проблем, как он сам в том же возрасте? Рано было думать, сможет ли Чейз поладить с Майклом… а уж о возможном счастливом будущем тем более. Всё решится через неделю, а пока хватит и того, что они все вместе спокойно доберутся обратно в Лондон.

– К тому же трахать только потому, что дают… – не унимался задетый за живое лейтенант.

– Хочешь сказать, что лучше трахать, когда не дают? – уточнил Хавьер, отряхивая с одежды травинки и собираясь умыться. – По-моему, это уже насилие, Чейз.

– Да кто бы говорил! – предъявил ему обвинение детектив. Знал ли он, каким неотразимым бывает в такие моменты? Хавьер едва не попросил задержать его.

Лань чувствовал, что тот не сводит с него взгляда. Сначала тяжелого, но постепенно смягчившегося. Тот помог собрать и уложить в сумку то, что осталось от пикника, проверил упряжь и даже придержал для Хавьера стремя.

– Чейз, – позвал тот, взявшись за луку седла, чтобы наклониться к любовнику и поцеловать его. Маркиза переступила с ноги на ногу, похоже, такой трюк ей был не совсем по душе. – Спасибо, что поехал со мной.

– Вы меня просто похитили, – ответил тот, выудив травинку из его волос и подталкивая, чтобы помочь занять в седле удобное положение.
***
Чейз пожалел о своих словах, едва только они сорвались с языка. Перед глазами появился тот бедняга, которого похитил и собирался замучить до смерти ублюдок, снова промышлявший в Лондоне. Как он мог сравнить их поездку за город с этим кромешным адом? Как он вообще мог сравнивать с тем, чего никогда не ощущал на собственной шкуре? Разве Хавьер тащил его сюда насильно, против воли? Чейз был рядом, потому что сам так решил.

Сегодня многое наконец стало на свои места, когда он понял… И это понимание многое изменило. В душе поселился страх, потому что ему, черт побери, было слишком хорошо с Ланем. Обычно именно в такие моменты все и рушится.

– Нет, – глухо сказал Чейз, так что Лань едва ли слышал.

В этот раз он не станет беспомощно смотреть на то, как судьба отнимает у него близкого человека. Все решится через неделю, по крайней мере, он на это надеялся. Для начала он во что бы то ни стало схватит склизкого ублюдка за жабры и удостоверится, что тот больше никому не причинит вреда. Потому что пока тот на свободе и может мстить, Чейзу не будет покоя. Еще и чертов павлин… Им с Анной нужно было уехать из города сразу после свадьбы. Не важно даже куда, лишь бы на пару месяцев, а лучше сразу на полгода! В Лондоне он первым же делом настоит на этом.

Жеребец – он все-таки заглянул под хвост – как будто бы с пониманием смотрел на Чейза своими темными большими глазами. Еще сочувствия коня ему не хватало! Детектив вскочил в седло, и Серафим сам последовал за кобылой Хавьера, не обращая никакого внимания на путающегося у него под ногами Ангела. Заманчиво покачивающийся перед ним круп Маркизы его так же совершенно не занимал. Феноменальное животное.

– Лань, мы едем не туда, – сказал Чейз минут через пять, прижимаясь к шее Серафима, чтобы не повстречаться с веткой. – Мы движемся вдоль сраной реки!

– До брода рукой подать, – отозвался тот, не став намекать, что чувство направления начало понемногу отказывать полицейскому. – Я бы предложил ненадолго взять Ангела в седло… Охотники часто так делают.

– Переплывет, не впервой, – отрезал детектив. – Мы-то искупались, а он даже не окунулся.

На лице фабриканта отразилось сомнение. Чейз же почувствовал свое превосходство и выпрямился в седле. Кое-чего Хавьер все-таки не учитывал, например, особенности шерсти терьеров. Справедливо говоря, Ангел с огромным удовольствием поплавал бы вчера в том озере, не прикрикни на него хозяин, а потом как поросенок нашел бы самую густую и липкую грязь, чтобы в ней изваляться. Берег изобиловал подходящими заболоченными участками, и Чейзу очень не хотелось, чтобы пес испортил свой образ отменной полицейской ищейки в глазах Хавьера.

– Вот увидите, Лань, Ангел выйдет сухим из воды! – похвастался он.

Оказалось, вода может вскрыть не только собачьи достоинства. Нашлась-таки одна вещь, которая не могла оставить Серафима равнодушным. Игнорируя сигналы, которые давал ему Чейз, здоровяк выбрал местечко поглубже и начал брызгаться, загребая воду ногой, совсем как Баловень, подаренный родителями на десятилетие. Большим идиотом Чейз себя почувствовал только в тот момент, когда к коню присоединился счастливо похрюкивающий Ангел, бьющий лапами по воде и иногда окунающийся с головой.

– Вам смешно? Посмотрю, как Вы будете смеяться, когда он придёт вытираться! – сьехидничал Чейз, и все же… оно стоило того,

чтобы снова увидеть эту беззаботную улыбку на лице Ланя.

Часть 60

– Только посмотрите, – вернул замечтавшегося Вэйда к действительности незнакомый голос. Это был один из новоприбывших. – Ник нашел себе новых приятелей.

– Мистер Инн, пожалуйста… – пробормотал Уэйн, ссутулившись.

Голос его сделался едва слышным, хотя недавно он уверенно рассуждал о мастерах гравюры, наконец почувствовав себя в своей тарелке. Он даже собирался взглянуть на часы Санфорда, которые были хороши решительно всем, но по мнению адвоката им не хватало изюминки.

– Вылез-таки из-под сестриной юбки? – уточнил второй. Тут уже и Честер с Санфордом напряглись.

Все-таки адвокат был братом владельца Брайт Хауса, так что назревающая ссора касалась и его тоже. Вэйд еще раз окинул мужчин взглядом – несомненно, та самая парочка, которую встретил Мэтт. Они сидели не так уж и близко, но не давали себе труда говорить потише.. Пришли уже в подпитии или успели так быстро набраться? Честер бы успокоил их в два счета, но к чему руки марать?

– Можно Вас? Уважаемые! – окликнул Вэйд и сделал вид, будто извиняется: – Я бы сам подошел познакомиться, если бы не нога.

Он протянул руку для пожатия прямо через стол, не вставая, снизу вверх глянул на собеседников, оторвавших таки задницы от стульев. И что только творилось в залитых спиртным мозгах?

– И раз уж мы нарушаем правила приличия, меня заинтересовала Ваша беседа, – сказал он прямо, не став представляться, эти двое тоже не представились. – И я считаю, что вы заблуждаетесь на счет мистера Уэйна. Этот человек достоин того, чтобы знать его лично.

Один из них хохотнул, будто Вэйд и правда сказал что-то смешное. Впрочем, художник и внимания не обратил. Честер хотел вмешаться, но Инн остановил его, слегка коснувшись локтя. Все было в порядке, он даже улыбнулся, прежде чем сделать замечание, ожидаемо вызвавшее негодование и возмущение.

– Здорово же вы двое ему завидуете! – восхитился художник и, не давая себя перебивать, пошел в наступление: – Ну конечно! Кто не хочет, чтобы у него была заботливая сестра и красавица жена, которая к тому же не устраивает сцен, когда Николас бывает в клубе.

Он лишь высказывал свои предположения относительно семьи Уэйна, потому как еще не слишком близко знал его. О сестре сказали сами смутьяны, а о супруге – кольцо на безымянном пальце часовщика. Слова тем не менее попадали прямо в цель. Один из мужчин презабавно пошел красными пятнами, другой стиснул кулаки, но вот ударить человека со сломанной ногой ему что-то не позволило. Едва ли здравый смысл, заглушенный алкоголем, что-то более глубокое. Все-таки, несмотря на занозистый характер, случайные люди в клубе не состояли.

– Господа, – Санфорд решил, что на сегодня представление окончено и поднялся из-за стола, оказавшись прямо между ними. – Прошу Вас, идемте со мной. Вам обоим просто необходимо выпить чего-нибудь крепкого за счет заведения. Скажем, чаю.

– Мы еще не закончили! – возразил один из спорщиков, которому все еще хотелось обсудить чужую сестру… или свою жену?..

– Ничего не знаю! – отрезал адвокат так ловко уводя гостей в другую часть большого белого зала, будто только этим и занимался. – Не расстраивайте моего брата, будьте так любезны, особенно в такой день!

Николас наконец решился поднять голову. Он был смущен до крайности. Похоже, нечасто за него кто-то заступался. Особенно он не ожидал этого от Честера, который с самого начала был настроен в его отношении весьма прохладно.

– Теперь они и Вас в покое не оставят, – пробормотал он виновато.

– Пусть попробуют, – беззаботно отмахнулся художник. – Главное они перестанут донимать Вас, Николас. А что это за история с сестрой?

Он поймал неодобрительный взгляд Честера, хотя не считал свое любопытство чем-то зазорным. Смущать собеседника было даже забавно, к тому же он не собирался его осмеивать. В своей жизни он встречал разных людей, в том числе таких, кого воспитывали старшие сестры.

– Моя сестра действительно много делает для меня, – попытался объяснить Ник. – Это она свела меня со своей лучшей подругой. И здесь я тоже в некотором роде с ее подачи. Другие мужчины из нашей семьи состоят в Фогги Рэббит. Клуб, может, и не такой, как Брайт Хаус, но тоже отличный. Она написала владельцам, и в итоге обставила все так, что я поменялся значками с тетиным другом.

– Все женщины в вашей семье – такие предприимчивые! – одобрил Вэйд, несмотря на то, что общество считало это скорее недостатком, нежели достоинством.

– Иногда мне кажется, что все это было только для того, чтобы они могли устраивать воскресный девичник в нашей гостиной, – собеседник покраснел, однако никто не стал честить его за это подкаблучником. – А не потому, что мне не нравилось в Фогги Рэббит.

Вэйд отметил этот момент. Заведение было отличным, значит, не нравились люди. В силу застенчивости он так же мог подвергаться насмешкам и ощущать себя белой вороной.

– Значит, Вы бываете здесь по воскресеньям? – уточнил Честер, и по его лицу трудно было понять, что им движет.

Вэйд смотрел очень внимательно, наблюдал, замечая малейшие изменения, однако взгляд фабриканта стал нечитаемым, а лицо оставалось невозмутимым. Это сбило Уэйна с толку еще больше, чем неожиданный вопрос о его сестре. Не было ясно, хочет ли Честер помочь Николасу или же просто уточняет, чтобы больше не пересекаться с ним в Брайт Хаусе. Нет, это было бы крайне невежливо с его стороны.

– В таком случае, – пошел на опережение художник, решив позже выяснить, как Честеру удается превращаться в живую статую, – мы тоже будем приходить сюда по воскресеньям!

***
Недалеко от реки и правда начиналась изгородь. Была тропа, поднимающаяся от брода, были забор и пастбище за ним, а вот ворот или калитки, через которые лошади попали бы внутрь, не наблюдалось. Чейз придержал Серафима, А Ангел уже поднырнул под жердь и принялся отряхиваться. Казалось, он только и ждал, когда окажется на открытом месте, чтобы поднять тучу брызг.

– Смотри, Чейз, он захватил с собой радугу, – восхитился Хавьер, остановившись рядом. – Не многовато воды для непромокаемой собаки?

Тут только Чейз осознал, что тот затевает. После водных процедур ему захотелось немножечко полетать. Он оценил высоту препятствия. Жеребец под ним нетерпеливо переступил с ноги на ногу, но Цзян продолжал придерживать поводья.

– Вы сумасшедший, Лань, – с чувством сказал он.

– Да брось, Чейз, Серафим прекрасно знает, что от него требуется! – весело ответил тот. – И не говори мне, что никогда раньше так не делал.

Чейз не стал говорить, что весил тогда меньше, вероятно, из-за недостатка мозгов. Если и было в лошадях что-то по-настоящему приятное, так это – прыжки через препятствия. Это единение с животным, чувство полёта и короткого мига невесомости в момент прыжка. И сейчас под ним был жеребец, которому и самому безо всяких команд не терпелось перемахнуть на ту сторону.

– Вы же обещали, Лань, никаких скачек, – возразил было он, но опоздал.

Хавьер пришпорил лошадь и с лёгкостью, точно на крыльях, перенесся на другую сторону. Серафим неожиданно проявил своенравие и сорвался следом. Чейз не стал заворачивать его или останавливать, просто почти машинально подстроился под движение и уже в следующий миг они оторвались от земли. Оставалось только удивляться, как такой крупный конь мог так высоко подняться в воздух. Прыжок был длинным и мощным, как будто время ненадолго изменило свое движение, завороженное.

Приземлился он на удивление мягко. Серафим делал это уже не один раз и, похоже, снова постарался угодить всаднику. Знать бы еще, почему Хавьер выглядел таким довольным. Он не сказал, хотя молчание не было тягостным. Наоборот, даже по-своему приятным.

Они не спеша двинулись вдоль ограждения, проверяя его целостность и подмечая, не нужно ли где подпилить сухие ветки растущих близко деревьев. Все было в порядке. И еще за все время этого обхода у Чейза ни разу не возникло чувства, что Лань хвастается своим достатком.

Всадники привлекли внимание. Маленький табунок стригунков окружил лошадей, стоило отвернуть от изгороди. Особо смелый жеребенок затеял догонялки с Ангелом, остальные, навострив уши, держались чуть поодаль, но вскоре присоединились к игре, мельтеша вокруг разноцветными рыбками.

– Они мне кого-то напоминают, – с ноткой умиления проворчал детектив, вспомнив своего Баловня.

Чейз с огромным удовольствием наблюдал за тем, как жеребята соревнуются в резвости с Ангелом и взрослыми лошадьми, тоже включившимися в игру. Вся эта орава, подобно уличным мальчишкам, то носилась вокруг них, периодически взбрыкивая от избытка энергии, то убегала в другой конец обширного поля. В воздухе то и дело раздавалось ржание. Тонкое, ломающееся у жеребят и более звучное у взрослых, особенно у гнедого вожака табуна. И возбужденный лай терьера как нельзя более кстати вписывался в этот бедлам.

Сначала мужчины боялись, что того случайно лягнут или наступят на лапу на скаку, но Ангел каждый раз ловко уворачивался, и сам только изображал, что хочет догнать и укусить обидчика. На деле же челюсти пса клацали в воздухе, заставляя лошадей бросаться врассыпную.

Лань ничего не сказал, когда от Ангела начал улепетывать перепел. До того он мирно сосуществовал с жеребятами и так перепугался при виде собаки, что даже не додумался расправить крылья и взлететь, чтобы спастись от погони. Хорошо, что Цзян свистнул, подзывая пса к себе.

Животные явно наслаждались игрой и, когда детективу все-таки удалось отозвать пса, он, похоже, почувствовал себя даже неуютно под взглядами такого количества явно обиженных глаз. Хавьер тоже ощутил неловкость. Когда на языке уже вертелось название спасенной Чейзом пичуги, Лань вспомнил рассказ о девушке, что любила птиц. Поворошив информацию, почерпнутую из старых газет, он подсчитал, что Дины не стало около одиннадцати лет назад. А он своим поведением напомнил Чейзу о тех днях и причинил боль… Стремясь отвлечься от гнетущих мыслей, он взглянул на солнце, высчитывая время.

Все шло именно так, как он и запланировал, тут Хавьер похвалил самого себя. До обеда оставалось около четверти часа: достаточно, чтобы привести себя в порядок, и слишком мало, чтобы позволить себе что-то лишнее. Скоро вся семья соберется за столом, нужно выглядеть прилично.

Божественные запахи витали, кажется, уже по всему дому. Такие знакомые! Хавьер обожал это чувство возвращения домой. Миссис Стэнли, конечно, знала рецепт этих восхитительных булочек, но у мамы они получались особенными. И дядюшкина любимая запеченная утка. Настоящий праздник! Он чувствовал почти такое же предвкушение, как Майкл, спешащий вниз по лестнице им навстречу.

– Не бегай в доме, – пожурил его Лань, а потом потрепал по темным, еще немного влажным волосам. – Кажется, не только Ангел сегодня поплавал?

– Только дедушке Хьюго не говори, – попросил Майкл, не испытывая ни малейших угрызений совести. Вспомнив, что еще не видел сегодня их гостя, Майкл поколебался пару мгновений и протянул ему руку. – Доброго дня, мистер Цзян.

Лань поднялся еще на пару ступеней, когда понял, что на этом разговор не закончился. Мельком бросив взгляд через плечо, он увидел, что сын все еще не выпустил ладонь собеседника.

– Как Вам понравился бабушкин жеребец? – спросил Майкл. – Я видел Вас с отцом, когда подъезжали к ферме.

Хавьеру ничего не оставалось, кроме как отправиться в спальню, чтобы еще раз расчесать волосы. Раз уж собрался уходить, уходи, как говаривал Хьюго Джеральд. А было бы интересно узнать, о чем пойдет разговор. Мог ли сын обо всем догадаться, когда застал их в гостевой комнате? Навряд ли он вчера успел что-то увидеть. Лань легко убедил себя в том, что волноваться не о чем. Его сын был уже достаточно взрослым, чтобы понимать, что отец не всегда будет один. Вскоре он убедился в своей правоте, застав Чейза ведущим вполне мирную беседу с его семьей. Как раз прозвучало предупреждение о том, что в дичи могут попасться дробинки.

– Я испекла твои любимые булочки, Хавьер, – мама выглядела такой счастливой, будто это он испек ей что-то вкусное.

– Они такие красивые, что мне даже жалко будет их есть, – пошутил Хавьер, усевшись на свободное место рядом с Чейзом, немедленно взяв один из ароматных кругляшей, похожий на ёжика. Мама поработала над ним ножницами.

– Если Вы испекли их своими руками, я просто обязан тоже попробовать, – подхватил Чейз. – В них есть какой-то секрет?

Отец после этих слов поцеловал упомянутые руки, будто похвала могла быть попыткой обольстить его любимую супругу. Майкл фыркнул. Бабушка с дедушкой были единственной парой в его окружении, которая позволяла себе подобные «телячьи нежности», вероятно поэтому он и не понимал, что именно так и ведут себя самые счастливые супруги. Когда-то Хавьер так же целовал Пат при каждом удобном случае, чтобы она с шутливой серьезностью повторила свое излюбленное: «Я покраснела потому, что прочла твои мысли!»

– Ну что Вы, мистер Цзян, это самые обыкновенные булочки, – заверила его Летиция. – Просто когда близнецы были маленькими, они часто помогали мне на кухне. Хавьеру нравилось катать шарики из теста.

Фабрикант на секунду напрягся, однако Чейз не сказал ничего дурного, хотя сравнение буквально напрашивалось. Главное сохранять самообладание, как дядюшка. Тот педантично предупредил, что в мясе могут попасться невынутые дробинки. Он говорил это всякий раз, когда на столе появлялась дичь.

– Мне понравилась ваша коллекция фотографий, – сказал Чейз, конечно же, не просто так припомнив каминную полку и рамки на ней.

Среди них было фото с охоты на зайцев. Все четверо мужчин семьи Лань – Майкл был тогда слишком маленьким – позировали с большой группой охотников. Фотограф здорово постарался, расставляя их вплоть до того, как должны быть расположены ружья. Результат стоил лишних десяти минут подготовки.

Хьюго Джеральд встрепенулся, услышав о снимках: был в маминой коллекции один – компрометирующий. Хавьер прислушался к собственным чувствам. Не то, чтобы его совсем не взволновало то, что Чейзу представится возможность полистать их альбомы, но это было скорее приятное чувство. На какой-то миг ему почудилось, что детектив снова ведет расследование, но нет, взгляд не тот, да и слишком он расслаблен. Сердце часто забилось, значит ли все это, что Чейз проявляет неподдельный интерес к нему и его семье?

Часть 61

Чейз просто-таки восхитился. Этот смышлёный не по годам юноша до того ловко спровадил собственного отца, что сомнений не оставалось – это одна порода. Похоже, даже дома Хавьеру редко удавалось расслабиться. Как бы то ни было, Чейз остался один на один с его сыном, который спросил, как ему понравился жеребец миссис Лань. Хавьер увел коня у собственной матери?

– Серафима все любят, – успокоил его Майкл, не дождавшись вразумительного ответа, и вежливо уточнил, может ли он поговорить с мистером Цзян.

– Будто бы мы сейчас не разговариваем, – произнес тот, подобравшись.

Он уже понял, что с уменьшенной версией Хавьера – чем больше смотришь, тем больше видно родственное сходство – тоже следует держать ухо востро. И все-таки интересно, что могло понадобиться от него отпрыску? Зная современную молодежь, это могло быть что угодно. Тем не менее, Майкл его удивил.

– Давно вы встречаетесь с моим отцом? – прямо спросил он, дождавшись звука закрывшейся двери.

Чейз почувствовал себя рыбой, которую схватили за жабры. Неужели это настолько очевидно?! Или же мальчишка все-таки видел, как они целовались? Слышал что-то ночью? Рыбачил недалеко от того места, где они с Хавьером почти что занялись сексом? Или того хуже… Он был на озере… Нет, ни на реке, ни на озере его быть не могло, это совершенно точно. Там Ангел бы мигом его заметил.

– Откуда ты… – начал было он и ощутил настоятельную необходимость прочистить горло.

– Я знаю своего отца, – прервал его Майкл, не желая терять время. Он отвернулся, значит, еще не научился контролировать эмоции так, как его отец и дядя. – Просто… не делайте ему больно.

И как прикажете это понимать? Вряд ли такие мысли появились у мальчишки на пустом месте. В чем он его подозревал? В вопросе физического насилия Лань мог бы спокойно дать детективу фору. Да и не рановато Майклу знать о таком? Вспомнился голос Хавьера по телефону – тусклый, помертвевший…

– Майкл, я – полицейский, – напомнил Чейз и тот слегка кивнул, подтверждая, что помнит. – Тебе лучше рассказать, раз начал. Иначе я выясню сам.

– Был один очень плохой человек, – он надолго замолчал, хмурясь как-то очень по-взрослому. – Несколько лет назад на отца было страшно смотреть…

Он снова смолк, похоже, окончательно. Может, все-таки они говорят о разбитом сердце? Стал бы Майкл говорить о таком с посторонним? Молодым людям в его возрасте свойственно преувеличивать – это детектив знал по себе – но юноша был очень серьёзен. Значит, дело тогда было действительно плохо.

– Я – не тот человек, – как можно увереннее ответил Чейз и по глазам своего собеседника понял: это еще нужно будет доказать.

Как же некстати Майкл собирался ехать в Лондон вместе с ними… Лань мог бы провести несколько незабываемых часов в замкнутом пространстве кареты с инспектором Скотланд-Ярда. Чейз постарался выкинуть мысли о несбывшемся допросе и шрамах на теле любовника из головы и сосредоточиться на том, чтобы как можно больше узнать… да обо всем сразу. О Холли, о жене Ланя и его любовнике – или любовниках? – и о том, какие еще секреты хранит эта семья. За эти дни вопросов у него только прибавилось, поэтому Чейз был готов тянуть за все ниточки подряд, глядишь, какая-нибудь все же поможет хоть немного распутать этот клубок.

Потрясающе вкусный обед превратился в какую-то партию в покер. Наблюдать, анализировать… А ведь еще надо было помнить, что когда имеешь дело с Ланями, полное отсутствие реакции может быть чем-то важным. Задача оказалась не из простых. Чейз прощупывал то одну, то другую тему, а главное, на удивление легко смог вывести разговор на семейные снимки. Позже за чашечкой кофе он даже забыл, что хотел закурить, потому что заполучил в свое распоряжение пару альбомов. Был еще третий, но…

– Хью, ты ведешь себя как ребенок, – упрекнула Летиция, когда мужчина забрал его прямо у Чейза из рук. Кажется, это огорчило всех присутствующих. – Это ведь просто фото!

– Я не хочу, чтобы кто-то его видел, – не получив даже братской поддержки, мужчина тем не менее положил альбом на самую верхнюю полку. Теперь миссис Лань понадобилась бы небольшая лесенка, чтобы до него дотянуться.

Чейз несколько секунд смотрел на толстенький корешок, будто мог таким образом проникнуть в содержание альбома. Он даже не успел раскрыть его, чтобы составить представление о содержании. Мысленно он произнес самое длинное и грязное ругательство из всех, которые знал, но заставил себя отвести взгляд и непринужденно взглянуть на первый снимок.

– Это бабушка, – сказал Лань, тоже взглянув на страницу, а Чейзу хотелось хорошенько его стукнуть за отсутствие подписей и дат рядом со снимками.

Но даже так он немало смог выяснить об истории семьи. Отец и дядя Хавьера были поздними детьми. Женщина с фотографии одна руководила фабрикой и занималась фамильным особняком в Лондоне, и ей, надо думать, было не до кавалеров и продолжения рода. Однако будущий муж проявил настойчивость и в конце концов вскружил ей голову. Он даже взял фамилию жены, потому что ни о каком другом варианте речи быть не могло, и сдержал клятву быть с ней до тех пор, пока их не разлучила смерть.

Она должна была быть просто сногсшибательной особой, если мужчина так добивался ее руки. Конечно, свою роль могла сыграть фабрика, но Чейз отмел этот вариант. Если Хавьер похож на свою бабку не только внешне, ее супруга вполне можно было понять.

Примерно через четверть часа Цзян машинально потянулся к внутреннему карману, где обычно держал незаменимый при ведении расследования блокнот, но сегодня его не было. Приходилось полагаться на свою память. И как же жаль, что Лань ускользнет от него. Времени для того, чтобы зажать его в каком-нибудь укромном углу и допросить оставалось катастрофически мало. Кроме того Чейз никак не мог гарантировать, что станет именно допрашивать, когда Хавьер окажется в его руках.

А ведь предстоит адски загруженная неделя и едва ли он увидит Ланя раньше следующего воскресенья. Они не должны

видеться. Это для его же блага. Осталось как-то вдолбить эту мысль в голову одного упертого фабриканта. Вот только… Как много времени понадобится, чтобы избавиться от угрозы, он не знал.
***
Честер уже не брался проникнуть в мысли художника. С какой стати тот проявлял такой интерес именно к мистеру Уэйну? Вэйд уговорил его не отклонять предложение одного из постоянных соперников сыграть всего одну партию, которая без контроля времени могла продлиться до вечера, поэтому Честер счел разумным ограничить ее одним часом. И весь этот час Вэйд вел беседу с Николасом. О чем они говорили? Да еще как старые друзья. Лань странно себя чувствовал из-за этого, и только под конец, когда на доске осталось всего несколько фигур, собрался и смог загнать прозрачную фигурку короля в угол.

Из-за стола он вставал скорее с чувством недовольства. Сегодня он плохо играл, так что победа не казалась ему заслуженной. Честер по обыкновению пожал сопернику руку.

– Спасибо за игру, – сказал он, желая поскорее забыть о том, как бездарно отдал коня. Однако его остановили

– Подождите, мистер Лань, – мужчина отстегнул серебряный значок в виде миниатюрной башенки, служившую переходящим призом уже не первый год. – Вы забыли, что предыдущие две партии тоже были за Вами.

Честер отступил на шаг. В сущности, в этом не было ничего особенного, он знал еще двоих игроков, у которых из рук в руки переходила лошадиная голова, символизирующая другую шахматную фигуру. И все же Вэйд заставил на многое взглянуть по-новому, в том числе на привычные вещи.

– Вы сказали, Ваш сын завтра впервые выступает на турнире, – сказал Честер первое, что пришло в голову. – Подарите ладью ему… как талисман.

Теперь Честер не понимал, зачем вообще тогда согласился принять из его рук незатейливое украшение. Просто его застали врасплох, сразу отказывать вдовцу, недавно потерявшему жену, показалось неправильным, а потом – поздно, ведь это уже стало своего рода традицией. Но теперь он не хотел, чтобы кто-то, пусть даже давний знакомый, выделял его среди прочих игроков.

Быстро пожелав удачных партий ему и сыну, фабрикант поспешил вернуться к Вэйду, который уже сокращал имя собеседника и предлагал поехать вместе. Николас пытался как мог объяснить, что живет совершенно в другой части Лондона, но того это будто бы не волновало. Похоже, он и правда не очень хорошо знал город… или же преследовал какую-то цель.

– Поздравляю с победой! – художник легонько, почти по-дружески обнял его, а потом взглянул с хитринкой: – Рассудишь нас? Я хочу проводить Ника домой, а он…

– Мгм, – сказал Честер, прекрасно понимая, что спорить бесполезно.

Мистер Уэйн уже попытался, а это значило только одно. Чтобы заставить Вэйда отступиться от принятого решения, придется взвалить его на плечо и унести домой. Никак иначе. Если он хочет ехать, так они и поступят, даже если это значит, что придется ехать обратно мимо Брайт Хауса.

Скоро это совершенно потеряло значение, потому что художник не просто так хотел покататься по городу в просторной коляске. Едва она оказалась полностью в их распоряжении, Инн задернул штору со своей стороны. Этого было вполне достаточно, чтобы снаружи в опустившихся сумерках стало сложно разглядеть что-либо.

– Вэйд? – осторожно произнес Честер, начиная догадываться, что Николас был лишь предлогом, чтобы подольше побыть наедине.

– Ты ведь запомнил, на чем мы остановились? – спросил он с придыханием. – Тот человек так старался завоевать твое внимание, я тоже хочу.

– Здесь? – Честер попытался вообразить, как они целуются, но место казалось неподходящим, ненадежным. – На ходу?..

– Только ленивый никогда не целовался в едущей карете, это уже можно сказать хороший тон! Или, может быть, ты хочешь, чтобы я взял все в свои руки? – тот легонько дернул за отвороты пиджака.

И уже в следующий миг Честер поддался настойчивому притяжению, забыв о том, что они находятся посреди улицы. Буквально! И все-таки это было что-то невероятное. Намного лучше, чем он представлял себе в том магазинчике. Сначала они просто соприкасались губами, привыкая к тому, что их слегка покачивает, иногда буквально подталкивая друг к другу, но Вэйду, да и Честеру этого не хватало.

Художник и правда решил все делать по-своему. Он умел быть поразительно разным: то податливым, то напористым, как сейчас. Он подвернул здоровую ногу под себя и подался вперед, прижимая к спинке, проникая языком в рот, а потом… Потом он вернул ему тот укус, но аккуратнее, последний раз провел кончиком языка по нижней губе, которую только что пробовал потянуть зубами и отстранился, заглядывая в лицо.

– Теперь мы квиты, – довольно сказал он. – Больше не будешь переживать об этом?

Лань застыл в изумлении. Все снова было не так, совершенно неправильно! Это он должен был загладить свою вину перед Вэйдом, а не он – успокаивать и ободрять после случившегося вчера.

– А теперь я покажу, что это может – и должно! – быть даже очень приятно, – шепнул художник, легонько касаясь губами его уха.
– Всему свое время, так на пике блаженства даже довольно сильные укусы могут приносить удовольствие.

Он хотел спросить: неужели нельзя обойтись без того, чтобы причинять другому боль, но его губы надежно запечатал требовательный поцелуй. Сделалось душно, но руки Вэйда уже распахнули на нем пиджак. Рукава сковывали руки, одежда мешала. Неужели люди и правда занимаются чем-то подобным? Он больше никогда не сможет спокойно смотреть на проезжающие мимо кэбы…

– Бог ты мой, – выдохнул Честер в чужой рот, когда художник запустил руку туда, где ей быть совершенно не полагалось.

– Просто Вэйд, – пошутил тот.
***
– Чейз, ко мне в кабинет, – сказала Женевьева будничным тоном, едва он переступил порог полицейского участка. Его не было пару дней, может, за это время появилась новая информация?

Он последовал за суперинтендантом и заподозрил подвох, лишь обнаружив на ее столе две чашки кофе. Значит, разговор будет иметь личный характер. Он уже хорошо знал эту женщину: начнет издалека, с обсуждения текущих дел и того, что он пропустил,

а потом… Только допроса ему сейчас и не хватало!

Цзян был уверен, что платок на шее сидит плотно и скрывает след, оставленный чертовым Ланем, но все равно поправил непривычно стягивающую шею ткань. А затягивать пришлось довольно туго, иначе такое было не скрыть – следы зубов со временем прорисовались только отчетливее. Жэнни не удержится и спросит, где в окрестностях Лондона он нашел вампира и не забыл ли, что в него непременно нужно что-нибудь вонзить. Пока он просматривал предложенные документы, можно было подумать, что и как говорить.

– Как прошли выходные, Чейз? – елейным голосом спросила Женевьева, а он снова почувствовал себя запертым в карете с двумя Ланями. Что и говорить, поездка вышла напряженной…

Перехватив взгляд начальницы, детектив понял, что все-таки отвлекся. То ли на чашку с кофе, то ли на свидетельства того, что ублюдок и раньше промышлявший контрабандой, мог примкнуть к Циклопу. Когда он оставил без внимания свои пальцы, те рефлекторно ослабили хватку ткани, чуть оттягивая её в сторону и открывая самый краешек улики.

Улыбка, с которой на него смотрела Жэнни, ему совсем не нравилась. Он снова уткнулся в лист, не разбирая букв, лишь бы не встретиться повторно с таким понимающим взглядом. Она щедро предоставила ему возможность самому выбрать, что ответить, но было ясно: выводы сделаны, и его слова вряд ли что-то изменят. Вариант открыто солгать он не рассматривал вовсе, тогда выйдет, что он стесняется Ланя и своей связи с ним. К тому же нет никакой гарантии, что его после этого так просто оставят в покое.

– Ты покраснел, Чейз, – заметила женщина, довольная следственным экспериментом. Удивительно, как сын еще не сбежал от такой мамаши, по нему она тоже любила иногда вот так вот проехаться.

– Хорошо, – ответил он односложно и постарался удержаться от зубовного скрежета. – С Ланем.

Какой смысл скрывать, если еще в пятницу, когда они говорили по телефону, суперинтендант спрашивала о Хавьере. А вот долбанный платок, что он подарил, надо бы затянуть посильнее и лучше завязать узлом.

– Скажи мне как женщина, Жэнни, – сказал он, одним глотком допивая кофе и почти не чувствуя вкус. Кажется, он даже не размешал в нем сахар. – Я просто не хочу запороть все дело в субботу из-за какой-то бабы. Прости…

– Ладно уж, – она махнула рукой. – Но не рано ты беспокоишься о субботе?

Чейз промолчал о том, что в свете новой информации по делу душегуба он стал беспокоиться о субботе еще в два раза больше. Он будет до смерти счастлив, если удастся схватить сукиного сына где-нибудь в порту и заодно прижать его нового хозяина. Но от этого его приглашение не перестанет иметь силу. Цзян не мог позволить себе в последний момент отказаться от встречи с Холли, которой так добивался. В любом случае он окажется в крайне невыгодной ситуации.

– Что я должен делать, чтобы женщина ни в коем случае не подумала, будто нравится мне как… – он замялся. – Ну, как женщина.

– Чейз, женщинам в любом возрасте приятно, когда на них обращают внимание красивые мужчины, тем более служители закона… – начала Женевьева, а потом на лице ее отразилось осознание. – Так это из-за *него*?

И снова этот особенный тон, которым суперинтендант выделила последнее слово, но на сей раз это казалось Чейзу правильным. Как и не ответить на вопрос.

Часть 62

Услышав его шаги, Вэйд проворно вскочил с кресла, в котором только что сидел, по обыкновению подложив под спину кота, и уже через мгновенье оказался в его объятьях. Фабрикант сжал его, поддерживая на всякий случай. Было очень беспечно вот так забыть о трости на следующий же день после того, как сняли гипс.

– Честер! – в голосе художника звучала нескрываемая радость и, если минуту назад Лань еще был не в духе, то теперь на душе посветлело. – Как я же рад тебя видеть! Почти как вчера, когда дожидался твоего возвращения с фабрики! Наверное, я и правда привык, что мы много времени проводили вдвоем, теперь мне этого не хватает.

Может, пятница и показалась Вэйду бесконечной, но для Честера она пролетела быстро, заполненная делами фабрики. У него было достаточно времени, чтобы все обдумать и предложить Хавьеру тоже устроить себе несколько выходных на следующей неделе, хотя брат ни словом, ни поступком не показал, что ему было трудно три дня работать за двоих. Учитывая их последнее приобретение, трудно – было, Честер не сомневался. Старший брат выглядел уставшим и подавленным, но когда он попытался заговорить об этом, Хавьер ответил, что все в порядке и что ему нужно задержаться после работы, даже если с таким напряженным графиком он начисто проспит субботу…

Похоже, к этому все и шло… Брат уже пропустил завтрак и ланч, но все еще не выбрался из постели, и это вызывало смутную тревогу. Чувство, будто случилось что-то дурное. Он даже зашел к Хавьеру и проверил, не начался ли у того жар, но нет – близнец просто впал в спячку.

– Мне до сих пор так хорошо, ну просто до неприличия! Мир прямо-таки заиграл новыми красками! Хочешь секрет? Вчера я немного прогулялся по магазинам после визита к Сен-Клеру. Так хорошо было просто пройтись немного, тем более доктор советовал разрабатывать ногу, – он жестом фокусника достал миниатюрную голубую коробочку. – И только посмотри, что я для тебя купил! Вчера я спрятал его в тот замечательный тайничок до подходящего случая, а сегодня подумал: почему бы не преподнести его просто так, без всякого повода?

Честер осторожно открыл коробочку. В ней сидел черный фарфоровый кролик, даже меньше того, которого подарила ему Анна. Зверек привстал на задних лапках, смешно вытянув мордочку вверх, будто тянулся за угощением. Растрогавшись, Честер поцеловал Вэйда в удачно подвернувшийся висок и слегка улыбнулся, подарок напомнил ему знакомство художника с кроликами на ферме. Сперва Вэйд просто оторопел. Возможно, со стороны и правда выглядело немного жестоко, когда Честер нагнулся и сжал в кулаке пару длинных розовых ушек, покрытых белым пушком, чтобы поднять зверька за них. Тот пару раз дрыгнул лапками в воздухе, но быстро угомонился и притих, позволяя беспрепятственно вытащить его из-за невысокого заборчика и взять на руки.

– Осторожно, Честер, ты ведь испачкаешься! – Вэйд смотрел на зверька настороженно, кролик отвечал тем же. – Он не укусил тебя?!

– Дай мне руку, – очень серьезно велел Лань. Художник тоже попытался вырваться, стоило сжать его запястье, совсем как кролик.

– За… зачем?! Ты что делаешь? – испуг как рукой сняло, стоило положить его руку на спинку зверька. – Честер, какой он мягонький и тепленький! Прямо как животик Саймона!

Честер посмотрел на сияющего художника, который по привычке буквально прилип к нему прямо в дверях гостиной, и тоже не смог сдержать улыбку. Саймон в кресле повернул к ним заспанную мордочку, как бы спрашивая, зачем Лань отобрал у него такую большую удобную грелку, и не собирается ли снова украсть Вэйда на несколько дней.

– Я просто не удержался, когда представил, как здорово кролики будут выглядеть в паре. Хочешь, прямо сейчас пойдем и поставим его на место, – предложил художник и зачем-то выделил интонацией: – в твоей спальне?

Фабрикант облизнул губы. Предложение звучало как-то по-особому заманчиво. Он-то боялся, что Вэйд постарается вытянуть его в сад, чтобы сделать еще пару набросков к уже имеющемуся множеству. Не то, чтобы Честеру не нравилось позировать, это напоминало физические упражнения на выносливость, предписывающие надолго застывать в напряженной позе. Однако с каждым разом с него исчезала какая-нибудь деталь гардероба. И по самым скромным подсчетам сегодня это были бы уже брюки.

Он велел Вэйду подождать на месте и сам принес трость, зацепленную за подлокотник. Тот благодарно принял ее и, прежде чем упереть конец в пол, погладил гладкую, отполированную прикосновениями ручку. Честер невольно проследил за этим движением.

Он специально попросил Картрайда отыскать ее на чердаке. По тому, с каким интересом Вэйд рассматривал старые снимки, было понятно, что он будет в восторге от возможности снова прикоснуться к истории. Вещь была красивая, витая, Честер хорошо ее помнил – бабушка долго проходила, опираясь на костяную ручку с задумчивой овечьей мордочкой. Может быть, Вэйд был прав, и она уже тогда предчувствовала, что однажды ее семья будет владеть фермой, разводить и стричь овец.

Больше лестница не представлялась художнику препятствием – он с легкостью одолел ее, уже не цепляясь за руку Честера. Похоже, нога и правда срослась как надо, и волноваться было не о чем. Однако волнение не спешило проходить. Даже наоборот, Честер чувствовал, как оно щекочет откуда-то изнутри, теснится в груди. Особенно, когда Вэйд снова обнял его у двери спальни, чтобы протянуть руку ему за спину и провернуть ключ в замочной скважине. Поддался он несколько неохотно, с негромким скрипом, кажется, им воспользовались впервые в этом году, а зима выдалась сырая. Впрочем, какое это сейчас имело значение?

– Честер, мне не терпится… – дыхание Вэйда коснулось его губ, – увидеть, как они будут смотреться на полке.

Он с легкостью освободился из рук фабриканта и слегка отступил, давая понять, что и правда привел его сюда, чтобы выбрать место для подарка. Лань зачем-то еще раз осмотрел фигурку и нашел на животе кролика инициалы. Такую же подпись, как на белом. Они были сделаны руками одного человека, поэтому так подходили друг другу. Подумав, он расположил черного кролика сбоку от белого, чтобы тот оперся лапками на его спинку. Получилось очень забавно, будто так задумывалось с самого начала. А потом…

Потом они с Вэйдом упали на кровать. Как были в одежде, прямо поверх покрывала. Честер уже знал, что последует за этим, и первый поцеловал художника, от которого все ещё едва уловимо пахло сеном. Что-то медовое и вместе с тем с полынной горчинкой. Это навевало мысли о том, каким податливым был Инн, когда Честер подмял его под себя в сарае, где было сложено колючее шуршащее сено. Это было ново, а в голове роились мысли и сомнения, которых почему-то не было теперь.

Время сомнений прошло, осталось только желание быть ближе, разгорающееся сильнее от каждого касания. Честер догадывался, чего ждет от него Вэйд. Тот ведь показывал ему, просто… В тот раз в раскачивающейся на рессорах коляске после его слов ни

Честер, ни сам художник не смогли сохранить серьезность. Все закончилось, так толком и не начавшись.

Честер уже начинал думать, что это всегда происходит вот так: сумбурно, странно и в таких местах, где совершенно невозможно расслабиться. Даже с Вэйдом. Они только распаляли друг друга, но не доводили дело до конца. И теперь ему хотелось повторить все еще раз, только более обстоятельно.

Он накрыл пах художника ладонью, ощущая тепло и плотность. Вот как это происходит между двумя мужчинами? Касание заставило его слегка выгнуться, но когда Вэйд потянулся к Честеру, тот остановил его звуком, как будто призывал к тишине. Вэйд послушно притих, предоставляя ему полную свободу действий.

Как это происходит между мужчинами? Старший брат точно знает, но идти к нему за советом он бы никогда не решился, поэтому просто отложил этот вопрос на время и делал то, что было знакомо и понятно. Никто и никогда не владел его мыслями так, как Вэйд, не пробуждал такого желания, и сейчас Честер видел, что оно – взаимно. Что художник отзывается, отвечает поцелуями на поцелуи, рвано вздыхает, когда Честер все делает правильно.

Ласкать другого человека было необычно, но он по себе знал, что и как нужно делать. Даже если при этом приходится переходить границы. Художник сам охотно приподнялся, позволяя совсем стащить штаны с бедер, а потом потянулся к его ремню и посмотрел как-то по-особому потемневшими серыми глазами.

– Я хочу увидеть твое лицо, когда ты занимаешься любовью, – шепнул он и эти слова прозвучали как признание.

Честер почувствовал, что вот-вот покраснеет и постарался отвлечься, но с Вэйдом это было просто невозможно. Он с легкостью просунул руку между его животом и поясом все еще застегнутых брюк. По телу пробежала дрожь – так узко, пальцы плотно прижались к напряженной плоти, слегка приласкали головку и попробовали пробраться вдоль нее, насколько это было возможно.

– А Адам был немало одарен создателем, – восхитился Инн, все-таки вогнав Честера в краску. Он чувствовал, как потеплели уши и даже лицо, однако сильнее всего кровь прилила к тому месту, которого касался художник.

Сердце колотилось, как сумасшедшее, не помогало даже то, что Честер старался следить за дыханием. Стало до того жарко, что пришлось выпутаться из пиджака. Вэйд же помог избавиться от давления ткани, ни на минуту не останавливаясь, поглаживая, лаская…

– Вэйд, я тоже… – ему казалось, еще немного и… он даже не знал что именно. Просто не мог больше терпеть.

Они снова поцеловались жадно, требовательно, изводя друг друга, прижимаясь так тесно, что ближе невозможно. И потом, оторвавшись от губ художника, и без того припухших, он понял, что неудержимо хочет снова укусить Вэйда. И единственное, на что хватило здравого смысла в тот момент – это сомкнуть зубы ниже и левее, на подбородке Инна. А потом весь мир точно закружился в калейдоскопе.
***
Пять дней он работал как проклятый, заявив Жэнни, что выспаться успеет и в субботу, хотя на самом деле в этом очень сомневался. Вернувшись в квартиру поздно вечером, с трудом подавил желание вычесать пса и вместо этого выпил кофе и долго сидел на кухне, уставившись в одну точку – до рези в глазах и смутной головной боли. Пять дней он не видел Ланя. Завтра – последний. Он сделает свою работу и сделает ее хорошо. А когда психопат будет надежно заперт в клетке, даже не переодеваясь, поедет в дом фабрикантов.

Цзян мотнул головой. О чем он думает? Надо еще раз с лупой изучить карту города. Она, конечно, не блещет особой полнотой, но можно составить представление о возможных путях, которыми может воспользоваться беглец. Идеально было бы поехать на место, чтобы увидеть все своими глазами. Вот о чем он должен думать, а вовсе не о том, как развязно будет выглядеть Лань, набросивший халат, чтобы встретить позднего гостя. Жэнни запретила приближаться к Карпу, даже если у него и правда будут там дела. Он и сам понимал – слишком много поставлено на кон.

Потом детектив бродил по квартире, нигде не находя себе места, курил. Он даже вычистил смокинг, хотя чистка ему не требовалась. Все это вызывало ощущение дежавю, будто Чейз уже проживал это, и ночь повторялась, снова мучая его. Даже Ангел забеспокоился и в конце концов потянул его за штанину в направлении кровати. Или ему просто так показалось, а пес обращал на себя внимание?

Однако, даже улегшись в кровать, он думал, думал, пока не ощутил себя совершенно вымотанным. Утром пришла миссис Флай, но Цзян этого не слышал. Заглянув в спальню, женщина решила не будить Чейза, и сама – хотя это не входило в их договор, вывела Ангела на короткую прогулку. Детектив проспал мертвецким сном до обеда, который проглотил, не чувствуя вкуса. Нужно было подготовиться, в конце концов, это просто нудный светский прием. Что может пойти не так?

Например, то, что Чейз перестал узнавать свое отражение в зеркале. Это был какой-то другой мужчина, очень похожий на того, чей портрет висел в кабинете матери.

Встреча была назначена на начало пятого, но Чейз решил, что будет лучше приехать заранее и подождать. Он уже не мог находиться в четырех стенах, поездка в кэбе определенно пошла бы ему на пользу. Прибыв на место, он еще раз сверился с адресом, записанным в блокноте. Заведение было роскошным, впрочем, человек, в которого он превратился, смотрелся здесь органично, совсем не так, как мог бы выглядеть детектив со служебной собакой. Молоденькая девушка-модистка встретила его приветливой улыбкой, она тоже ничего не заподозрила.

– Мистер Цзян? – уточнила она, прежде чем предложить ему чай. – Мы Вас ждали. Присядьте, мастер закончит с минуты на минуту.

От чая Чейз отказался. Просто усадил себя, чтобы не маячить перед девушкой, выглядящей очень скромно в окружении всей этой роскоши и блеска, а потом в стотысячный раз принялся представлять себе Холли Лань. Ему даже показалось, что он узнал ее, когда та показалась в дверях. Роскошная брюнетка в закрытом серебристо-голубом платье в пол и на невероятно высоких каблуках. Девушка, которая только что очень старалась скрасить его ожидание, совершенно потерялась на ее фоне, как полевой цветочек в розарии. Цзян нервно сглотнул, прежде чем подняться с места, чтобы представиться своей сегодняшней спутнице.

Лицо Холли оставалось спокойным, а вот глаза… Чейз уже видел этот взгляд, затаенную боль и страх. Еще шаг и он узнал. И хотя глаза по-прежнему говорили ему, что перед ним женщина, он резко схватил ее под руку и потянул за собой. Прочь из этого места, в ждущий их снаружи кэб.

– Нам нужно поговорить, – только и сказал он.

– Бережнее, Чейз, что, если я надела бы каблуки? – голос точно принадлежал Хавьеру, этого не скроешь ни одеждой, ни косметикой.

– Да Вы сбрендили, Лань! – полицейский буквально затолкал переодетого любовника в кэб и велел поезжать через Пикадилли-сёркус. Сел следом, как раз, когда тот расправил подол платья. – Что, черт Вас дери, происходит?

– Карп, – ответил Хавьер так, словно это все могло объяснить. – Ты не знаешь, что это за место, верно?

– Лань! – взвыл он. – Какая, к черту, разница, что это за место? Я не хочу, чтобы Вы шли в какой-то притон, тем более в таком виде! И терпели… вот это! Почему Вы с самого начала мне не сказали?

Чейз сбавил обороты. Лань все время пытался ему сказать. Снова вспомнился его голос. А ведь Чейз обещал, что не причинит Хавьеру боль. Но единственная причина, почему он сейчас шел на это – Цзян и его долбанная работа. Что, черт возьми, это все значит? Кажется, Чейз уже знал ответ, просто не хотел верить в то, что нет и – более того! – никогда не было никакой Холли…

Часть 63

Хавьер долго смотрел в окно, ничего не отвечая. В стекле вместо его лица призраком отражалась женщина, которую он уже три года не видел, но сейчас он не хотел о ней думать. Он попробовал вспомнить другую Холли… Ласковые руки, вечную полуулыбку, мягкий голос, рассказывающий им с братом очередную историю перед сном. Время беспощадно стирало все это из памяти. Оставались только понемногу выцветающие фотографии в семейных архивах и некоторые вещи, неожиданно обретшие вторую жизнь. И это было неплохо. Странно, но неплохо.

– Не знаешь, я так и думал, – заключил он, по-прежнему избегая смотреть на любовника. – Тогда тебе придется довериться мне.

– Да Вы издеваетесь! – Цзян стиснул его плечи и, силой развернув к себе, заглянул в глаза. – Лань, зачем? Для чего все это?!

Сердце кольнуло, когда он встретился взглядом с детективом. Чейз жалеет его? Не стоило рассчитывать на то, что он поймет… примет. И все же Лань надеялся. Он отчаянно нуждался в Чейзе. Даже если тот грубо хватал его и тряс, становилось легче. Это, по крайней мере, не отчуждение, не брезгливость.

– Для того чтобы попасть в Карп по приглашению на имя Холли, – сказал он тихо, а ведь еще несколько дней назад поплыл бы под таким взглядом Чейза.

Черные глаза метали молнии. Секунды растягивались, пока, наконец, хватка не ослабла. Детектив раздражённо выдохнул, решив, что фабрикант ничего не собирается объяснять. Но Хавьер хотел, чтобы тот узнал. Теперь, когда Цзян своими глазами увидел Холли, он хотя бы поверит.

– Друг мадам приглашал меня в Карп, – слова давались Хавьеру нелегко, он очень внимательно подбирал формулировку. – И мне даже нравилось там бывать… поначалу.

Чейз недоверчиво глянул на него, но у них было слишком мало времени, чтобы вдаваться в подробности. Вначале фокус с переодеванием казался довольно занятным. Примерить на себя роль и вещи, которые никогда не наденешь в обычной жизни. Окунуться в диковинный мир, анонимный, живущий по своим правилам. Это будоражило.

– Не зови меня по фамилии, – попросил Лань и выудил из крошечной сумочки пару масок, – хотя бы сегодня – это не принято. Просто Холли, хорошо?

– Хорошо, что не Челси, – проворчал немного отошедший от потрясения Цзян.

Кажется, он больше не злился. По крайней мере, взгляд был уже не таким убийственным, как минуту назад. И надо же, как его зацепило то недоразумение с букетом! Хавьер немного расслабился. Он боялся, что Чейз скажет, что все кончено, если не с этого момента, то как только они войдут в Карп.

Он подал мужчине черную шелковую полумаску, закрывающую только верхнюю половину лица. Рожки на ней должны были великолепно смотреться со светлой челкой. Цзян стиснул его руку, вместо того, чтобы взять аксессуар. Лань слегка провел языком по губам, испытав внезапное волнение. А потом сам надел эту вещь на любовника и поправил его волосы именно так, как представлял себе.

В окне мелькнули знакомые дома. У него как раз было время рассказать, куда они едут и как себя следует вести. И, конечно же, выслушать все, что Чейз думает о коллегах из Скотланд-Ярда, которые и не подумали его предупредить. Наверное, опасались, что все сорвется, а может, и правда хотели не совсем по-доброму пошутить…

– Дженс… – рычал Чейз, несколько выдохшись. – Этот нехуйный козлосос мне за все ответит!..

Было трудно сказать, чем именно ему не угодил секретарь, с которым Лань был знаком, в отличие от остальных упомянутых «королобых заёбышей». На месте Дженса любой здравомыслящий человек, навлекший на себя гнев инспектора Цзян, уже подумывал бы о новой работе, а то и вовсе уехал из Лондона от греха подальше. Лань поправил воротник любовника так, чтобы стали видны изрядно поблекшие следы зубов. Робея, приблизился к его лицу и, когда тот не отстранился, легонько поцеловал в уголок губ.

– Мы почти на месте, так что представь, будто ты с женщиной, к которой хочешь залезть под юбку, – фабрикант усмехнулся, заметив интерес. Теперь Цзян глаз не сводил с его платья. – Почему бы тебе не проверить, надела ли я чулки, детектив?

Это была провокация, на которую Цзян едва не поддался. Хавьеру хотелось отвлечься от воспоминаний, которые всколыхнула вся эта ситуация. Он напомнил себе, что сейчас все будет иначе, потому что рядом с ним Чейз. Нужно сосредоточиться на том, что это первый и, вероятно, единственный раз, когда они будут работать вместе, как полицейские.
Карп ничем не отличался от других зданий на той же улице. Ничего вычурного, чрезмерного, выделяющего его из ансамбля. Даже окружающий небольшой палисадник забор, неприветливо увенчанный рядом острых пик, был не выше, чем любой другой.

Чейз подал руку Ланю, помогая выбраться из кэба, не повредив платье, а сам уже приметил двоих охранников. Между громилами состоялся молчаливый диалог, на уровне переглядок. Они не стали препятствовать и даже проверять приглашение. Хавьер будто не замечал их, но Цзян чувствовал, как тот напряжен, потому что вел любовника под руку. Хавьер был прав, они уже слишком далеко зашли, чтобы сейчас отступить, но все равно это было неправильно.

– Л… – поймав предостерегающий взгляд, он поправился, – Холли, я больше не допущу этого, обещаю.

– Все в порядке, если ты рядом, – ответил тот, пронзительно глянув на него сквозь полумаску в тон сумочки.

Хавьер не отпускал его руку до тех пор, пока они не приблизились к ступенькам, ведущим на террасу, куда гости мадам выходили подышать. Хотя здесь, как знал Чейз, было очень много охраны, на виду находился еще только один громила, одетый как джентльмены снаружи, в простую рубашку, серый жилет и брюки. Он едва взглянул на Холли и вперил взгляд в Чейза, однако так и не заступил им дорогу.

– Добро пожаловать. Мисс Холли, рада снова видеть Вас в Карпе, – девушка, которая их встретила, была девушкой. На ней тоже была маска, но маленькая, будто кукольная, начинавшаяся от маленькой шляпки. – Прошу Ваше приглашение.

Хавьер достал из сумочки прямоугольник бумаги, на котором рядом с именем Холли было вписано: «Чарльз». Похоже, все было в порядке. Им предложили напитки и порекомендовали поучаствовать в перформансе, который вот-вот начнется в красной комнате.

– Спасибо, Мелисса, ты просто душка, – ответил Хавьер, но Чейз заметил, как напряглись его плечи при упоминании этого места. – Я бы поболтала еще немного, но у тебя, должно быть, полно работы.

Он снова взял Чейза под руку и потянул внутрь здания, которое оказалось настоящим лабиринтом. И Лань каким-то образом ориентировался в нем! Значит, бывал здесь не один раз… И всюду были рыбы разной степени уродливости и эти чертовы маски. Как он узнает Мейсона среди гостей, если только персонал Карпа ходит с открытыми лицами? Похоже, надежду на то, что он быстро закончит с этим делом, следовало утопить в бассейне с этими чёртовыми японскими карпами.

Их заметил гермафродит, кормивший рыб с рук, и приветливо помахал Холли с действительно женской грацией. Платье, пусть и подобранное со вкусом, смотрелось дико вкупе с пушистой каштановой бородой…

Пока Чейз запоминал цвета и мысленно составлял карту первого этажа Карпа с зимним садом, Лань непринужденно общался с другими посетителями, многих из которых он знал по вымышленным именам. Он представлял своего спутника и с такой лёгкостью говорил о себе в женском роде, что все происходящее наводило на мысли о театре, где женские роли исполняли мужчины.

Сейчас бы ему как никогда пригодился нос Ангела! Чейз старался не слишком пялиться на гостей – здесь даже официанты, разносившие закуски и напитки, имели сложение боксеров и не вызывали ни малейшего желания с ним связываться – но присматривался к каждому.

В женском обличье Хавьер был по-прежнему дьявольски очарователен. Чейз ощущал… возбуждение?! Да он свихнулся, но под юбку Холли и в самом деле хотелось залезть, причем не только ему. Детектив мрачно перехватил руку, потянувшуюся к обтянутой светлой тканью заднице любовника. А потом сам положил на нее ладонь, да так там и оставил. Холли игриво рассмеялась и прижалась к нему у всех на глазах.

Чейз постарался стряхнуть это наваждение. Покинув зимний сад, они оказались в розовом зале, и Цзян мысленно отметил лестницу, ведущую куда-то вниз. По ней в сопровождении небольшой свиты поднималась немолодая женщина в роскошном платье, шлейф которого скользил по полу.

– Холли, милочка, – голос мадам был низким, грудным.

– Мадам Роуз, – напряжённо улыбнулся в ответ Хавьер, не сделав и полшага навстречу.

Женщина приблизилась к ним сама, цокая каблуками и вихляя задницей. Чейз понятия не имел, как мог подумать такое, но на фоне Хавьера хозяйка Карпа выглядела дешевкой. Обилие косметики только больше старило ее, а наряд выглядел вульгарно и неуместно.

– А где же твой кавалер? – она поискала глазами в зале, будто не замечая Чейза, который вел Ланя под руку.

– Сегодня я пришла с Чарльзом, – довольно ядовито произнес фабрикант.

– С ним? – женщина оглядела Чейза с таким видом, будто ей предложили порченую рыбину. – Холли, милочка, я так обрадовалась, когда ты приняла приглашение, и надеялась, ты проявишь немного больше сообразительности.

– Мадам Роуз, – Чейз начинал закипать, да кем возомнила себя эта стерва?

– Само собой разумеется, – женщина даже не услышала возражения, – я ожидала увидеть тебя подле Мэйса. Он бы с радостью посетил нас. Ему необходимо развлечься – три года это долгий срок.

Фабрикант побледнел, крепче сжимая предплечье спутника, почти цепляясь за него, будто не мог устоять на ногах. Чейз поддержал его, но тот неожиданно выбрался, пробормотав что-то. Мэйс… Не о нем ли говорил Майкл? Черта с два он понимал, что здесь происходит, но теперь уж точно намеревался быть услышанным.

– Мадам… как Вас там, – процедил Чейз, а в зале была отменная акустика, так что его должны были слышать все присутствующие. Проявленное им неуважение заинтересовало зрителей и поставило хозяйку в неудобное положение. – На Вашем месте я бы придержал язычок.

– Холли всегда была нервной особой, а порой и вовсе становится настоящей истеричкой! – она подпустила в голос немного притворного сочувствия. – Уж не знаю, как ее брат…

Она явно подразумевала не Хавьера - даже для мадам было бы странно говорить об одном и том же человеке. Тогда остается Честер? Второй близнец, которого она просто не могла знать, потому что даже вообразить его в таком месте было невозможно. С другой стороны, еще недавно Чейз не мог бы представить собственного любовника в женском платье. Все это окончательно вывело из себя. На языке уже крутились слова, которые мужчина не мог позволить себе в обществе дамы, пусть даже такой мерзопакостной. Мадам имела неосторожность встретиться с ним взглядом и застыла, как крыса перед змеей.

– Ещё одно слово в адрес моей спутницы и Вы сильно пожалеете, что вообще открыли рот, – предостерег он, хотя не должен был опускаться до прямых угроз. – Оставьте Холли в покое. Я прослежу, чтобы она больше никогда не увидела Вас лично и даже не услышала о Вашем заведении. А теперь, извините, я должен её найти.

Чейз должен был, наконец, заняться тем, ради чего он пришел в Карп, но единственное, чего ему хотелось – бросить все, разыскать сбежавшего Ланя и увезти его как можно дальше от этого кошмара. Но чёртовы лабиринты! Чем дольше детектив бродил по бесконечным коридорам и залам, тем мрачнее становились мысли. Он подвел Ланя. Хуже того – Чейз просто не заслужил его!

Разве мог Хавьер далеко уйти в таком состоянии? Но в оранжерее его не оказалось. Он не вышел подышать свежим воздухом на террасу. И не был на втором этаже, где балкон облюбовали сразу две ласкающиеся парочки. Чейз хотел уйти, пока не увидел, как одна женщина проникает пальцами под юбку другой, но потом узнал обладателя каштановых волос, сидящего на коленях рыжей обезьяны. Тот самый гермафродит, кормивший рыб у бассейна. Его партнера Чейз, к своему удивлению, тоже узнал. Он помнил, как защелкивал наручники на чересчур длинных руках ублюдка, а потом тащил за рыжие вихры, заталкивая в полицейский кэб.

Чейз почувствовал себя увереннее: узнал его, узнает и психопата, по душу которого пришел. Это вопрос времени. Но где же Лань, черт бы его побрал? Когда детектив проходил мимо женщин, одна из них застонала тонко, почти жалобно. Он старался не смотреть, но все равно увидел оголившуюся полоску светлой кожи между складками юбки и шелковым краем чулка и узкое смуглое запястье.

– Позвольте Вас украсть, – Чейз был выше и сильнее гермафродита, скованного к тому же платьем. Он кое-что знал от сестры об

этих коварных штуках.

Цзян приготовился надавить на болевую точку, пресекая сопротивление, но этого не потребовалось. Узнав его, незнакомец с каштановой бородой подчинился. От рыжей обезьяны возражений так же не последовало.

– Вы ведь с Холли? – спросил гермафродит, вынуждая Чейза представиться именем, которое дал ему Лань.

– Мы разошлись, – произнес он несколько громче, чем было нужно, чтобы не слышать сладострастных девичьих вздохов, долетающих с балкона. – Видела ее? Знаешь, куда она могла пойти?

– Может быть, спустилась вниз? – поразмыслив, предположил тот, будто Чейз знал правильный ответ и просто проверял его. – С Мэйсом она в основном проводила время там.

Снова этот Мэйс. Чейзу не нравилась эта кличка. Тяжелое, жесткое имя, в довершение ко всему ассоциирующееся с фамилией преступника. Он машинально придержал гермафродита, продолжая уводить его подальше от балкона.

– Мы с Холли не виделись несколько лет, – жалобно сказал он. – Едва ли я могу быть чем-нибудь Вам полезна…

– Еще только одно, – сказал Чейз, не спеша отпускать свою жертву. – Найди другого любовника, этот никуда не годится.

Часть 64

В подвале Чейз обнаружил ту самую красную комнату, о которой говорила встретившая их девушка в шляпке-маске. Ничем иным это быть не могло. Паркета цвета красной фасоли было почти не видно – до того много собралось зрителей. Потолок, мощные блоки и свисающие с них концы цепей, служивших для подъема декораций, отражали цвет обстановки. Стены почти полностью скрывались складками бордового бархата, кажущегося почти черным из-за того, что свет был сосредоточен на сцене, усеянной алыми лоскутами, еще недавно бывшими одеждой.

Тут же валялась открытая опасная бритва. Чейз догадался, что происходило на сцене. Каждый желающий мог подняться на нее, чтобы срезать немного ткани. Некоторые даже забрали их, как трофей. Он перевел взгляд на молодого мужчину, прикованного к жесткой деревянной конструкции, когда тот поднял голову, обводя зал больным затуманенным взглядом.

Двое помощников легко привели в движение поворотный механизм, медленно вращая станок с жертвой, чтобы стала видна его спина, влажно блестящая от пота и чего-то ещё, о чем не хотелось даже думать. Детектива замутило. Да что это за место такое? Лейтенант много чего видел в своей жизни, однако этого не понимал. Изуродованные и изрезанные тела в том числе, вспомнить хоть Рамзи, из-за которого он получил нож в бок…

Будь он сейчас при исполнении, а не под прикрытием, задержал бы всех без разбору присутствующих к чертовой матери. Каждый здесь был виновен по меньшей мере в том, что смотрел, как с человека живьем срезают кожу, выводя, конечно же, долбанную рыбину, которая теперь останется на теле этого человека, как клеймо!

Он всерьез начал опасаться за Ланя, но был вынужден сначала хотя бы убедиться, что пытки не продолжатся. Несчастного вскоре освободили и стали видны красные следы от пут, срезанная кожа, начавшая запекаться кровь. Лицо мужчины исказила болезненная гримаса, после долгой неподвижности мышцы отказывались слушаться.

– Теперь им займется доктор? – раздался знакомый голос без тени сочувствия. – Я бы нарисовала еще одного карпа, для симметрии.

Снова Роуз. Даже она, как выяснилось, могла потерять место в первых рядах. Сейчас она стояла всего в нескольких шагах, устремив взгляд на сцену, с которой уводили страдальца, обнаженного, едва держащегося на ногах. Трудно было поверить, что он мог согласиться на подобное, находясь в здравом уме. Если бы только разыскать его, чтобы он подтвердил, что эта тварь с цветочным именем запугала или довела до отчаянного положения. Что в деле, в конце концов, фигурировал опиум, да что угодно!

Ему срочно нужен свежий воздух. И Хавьер. После увиденного детектив не хотел оставаться в этом вертепе ни минуты. Во время блужданий он увидел и услышал достаточно, чтобы понять, что Мейсона здесь нет и надо искать другие способы прижучить ублюдка.

Чейз вышел на террасу через розовый зал уже знакомой дорогой. После запахов, стоящих в той чертовой пытошной, свежий ночной воздух был просто амброзией. Собравшись закурить, он вдруг краем глаза заметил светлую фигуру за припрятанным в углу столиком, скрытым каким-то огромным растением.

– Ну, наконец-то! – выдохнул Цзян с неимоверным облегчением и убрал с дороги мешающие ветки.

От неожиданности фабрикант опрокинул рюмку не в, а на себя. Попытался стряхнуть попавшие на одежду капли, но они слишком быстро впитались. Когда рядом появилась Мелисса, несущая в руках бутылку, Чейз смерил ее таким взглядом, что она приросла к месту. А уйти ей уже не дали. Охрана пока не заинтересовалась ими, потому что мужчина лишь заступил девушке путь и велел налить и ему. В рюмку Холли или в другую – насрать. Хавьер все еще пытался стереть пятна со светлой ткани и оставался безучастен к происходящему.

– Поговорим? – предложил он, держа женщину под прицелом своего взгляда. – Здесь принято позволять даме напиваться в одиночестве?

– Раньше для Холли это не было проблемой, – она испуганно моргнула.

– Не смотри на громил, – приказал Чейз спокойно и негромко. – Вот так. А теперь говори.

– Мэйс иногда вливал в нее столько алкоголя, что хватило бы на несколько человек, – голос ее упал до шепота. Она нервно глянула на дорожку, по которой шли двое. – А теперь прошу, мне действительно надо идти. Моя работа встречать гостей, а не развлекать их.

Чейз скрипнул зубами, но отошел. К алкоголю он не притронулся, попытавшись заставить Ланя покинуть столик. Хавьер отказался вставать и, только подняв его с места, Цзян понял, почему. Ноги его не держали совсем. За пару часов фабрикант умудрился надраться, и как! Нет, выглядел он вполне пристойно, разве что был неестественно бледен… и мертвецки пьян!

– Господи, Лань, – зашипел он, поймав обмякшее тело. – Лучше бы я Вас искал, а не преступников в этом сборище чокнутых… Зачем Вы ушли? Зачем пили, если… если!

Они уже дважды выпивали вместе, и дважды Лань не опьянел. Сколько же он выпил?! Учитывая замечание Мелиссы, это было реально много алкоголя. Хавьер поднял на него мутный, расфокусированный взгляд, как будто не понимал, к кому Чейз обращается. Конечно, он ведь должен был сказать: «Холли». Но ему осточертела эта игра. Цзян стиснул любовника, прижимая к себе, помогая держать равновесие.

– Я ведь, – он запнулся, пытаясь сказать что-то, о чем потом не придется жалеть, – места себе не находил!

– Я не ела… – расслышал он сдавленное бормотание. – Думала… вывернет…

Час от часу не легче! Он тихо выругался и буквально поволок Ланя из этого притона. Тот не сопротивлялся, но и особо не помогал, впрочем, Чейз почти не ощущал его веса – на душе было тяжелее. Почему он не потрудился вытянуть все в тот вечер неделю назад?! Какого рожна все это время Лань молчал? Зачем отрезал себе и ему пути к отступлению? Не доверял Чейзу? Эта мысль ранила.

– Мне было так страшно… – похоже, выпивки было больше, чем вообще можно себе представить. Всегда собранный, разумный Лань продолжал говорить, сбиваясь, хватаясь за него. – Я боялась, что ты…

Захотелось хорошенько встряхнуть его, чтобы продолжал говорить... или замолчал... Чего он боялся? Неужели того, что какая-то

женская тряпка на нем может что-то значить для Чейза? Или что он раскроет здесь бог знает какие темные секреты?

– Прошу, только не снова… Мэйс… – в голове Ланя, похоже, совсем все спуталось. Однако, когда он взглянул ему в лицо, серые глаза были на удивление ясными. – Увези меня отсюда… Что угодно, только не бросай…

От его голоса Чейзу сделалось жутко, и он поспешил впихнуть любовника в кэб, владелец которого и бровью не повел, когда клиент не пожелал снять маску и, описывая дорогу, упомянул самые раздолбанные улицы, на которых пассажиров основательно протрясет.

Сев рядом с Ланем, он почти сразу пожалел о том, как решил с ним обойтись. Хавьер ничего не говорил, только прижался к нему. И Чейз утратил всякое желание спрашивать, что значило это его: «Что угодно». Ей-богу, завтра он отвесит любовнику хороший такой подзатыльник, чтобы «боженька вразумил», как говаривала сестра Элизабет, и скажет, что никогда не оставил бы его в таком месте. И это *безусловно*.

Он должен был догадаться, но повелся на игру Хавьера, как и другие. Поверил, что все в порядке, потому что Лань нацепил на себя маску Холли, которая вела себя, как одна из рыбин, обитающих в этом мерзком пруду. Все потому, что он еще не знал всей правды? Потому, что он не мог вообразить, что творится в душе другого человека? Положа руку на сердце, это и близко не было ему оправданием после того, как он предпочел не замечать, что Лань испытывает на самом деле, даже продолжая улыбаться и кивать знакомым маскам. Он должен был понять, насколько это мучительно, по постоянно только возрастающему напряжению любовника, которому требовался колоссальный самоконтроль, просто чтобы находиться среди этих людей, по его взгляду. И хуже всего то, что это было напрасно…

– Мне жаль, Лань, – сказал он куда-то в темную макушку, слегка касаясь губами волос.
***
Честер проснулся от собственного вскрика. Ему снова приснился сон, который не преследовал его уже очень долгое время. Он заблудился в темноте. Вокруг только мрак и холод, он боится пошевелиться, потому что ещё шаг и сорвётся в пропасть… Сегодня это случилось. Зыбь под ногами не могла больше удерживать его вес, и он заскользил, а потом полетел камнем вниз в пустоту.

Сердце еще билось неровно, он толком не понимал, где находится, но зато отчетливо вспомнил, что этому предшествовало, едва лишь встретившись взглядом со встревоженным художником. Что бы он делал, не начни Вэйд болтать в своей обычной легкомысленной манере?

– Было так тепло, что ты, наверное, и не заметил, как нас сморило? – губы его растянулись в улыбке, одеяло как заговоренное сползло с плеча, вот только серые глаза, почти графитные в полумраке комнаты, оставались серьезными. – Ты такой милый, когда спишь! Мне так нравится смотреть на тебя, что даже не хочется бежать за альбомом, чтобы сделать пару набросков. Это почти так же прелестно, как спящий Саймон. Когда-нибудь я устрою ему персональную экспозицию.

– Мне… Уже вечер… – он откашлялся, не зная, как начать и что сказать, чтобы это не показалось слишком странным.

Он затравленно глянул в окно, но время было совершенно непонятное, будто они застряли в чересчур затянувшемся вечере, а может, ночь никак не хотела вступать в свои права. Художник ласково погладил его по щеке и легонько поцеловал, как бы успокаивая, показывая без слов, что можно сказать как есть, он не будет против выслушать любую чепуху, даже о том, что Честер всегда знал, когда с близнецом что-то неладно, чувствовал, если он в беде. И это отнюдь не было пустым беспокойством, вызванным тем, что тот не желал вставать с постели. Предчувствие заставляло всерьез тревожиться за жизнь старшего брата, оно буквально кричало, что Хавьер в огромной беде.

– Мне нужно проведать брата, – сказал он, решительно откидывая одеяло и вдруг очень остро почувствовал собственную наготу.

Сейчас это не казалось чем-то естественным. Наоборот – неуместным. Что произошло, пока они мирно дремали под одним одеялом, утомленные затеянной художником игрой? Он поторопился одеться и Вэйд последовал его примеру, явно заразившись тревожным настроением. Наскоро приведя себя в порядок и не тратя времени на предосторожности, они вышли из спальни, но Хавьера в доме уже не было. Ни его, ни записки. Брат никому не сказал, куда поехал.

– Прошу, только не снова… – прошептал Честер, обращаясь не то к брату, не то к каким-то высшим силам, которые могли уберечь его от чудовища. – Вэйд, я должен ехать. Мне нужно найти брата.

Честер попытался взять себя в руки, но у Вэйда это вышло намного лучше. Он схватил его за плечи, удерживая. Честер мог бы высвободиться – физически он был сильнее художника. Однако не стал.

– Если у тебя есть хоть одна причина думать, что Хавьер в опасности, что он с *этим человеком*, мы поедем в полицию вместе.

– Не в полицию, – фабрикант покачал головой. – Я догадываюсь, где он сейчас может быть, но как бы я хотел ошибиться… Будет лучше, если я поеду один.

Он разрывался между опасением, как Вэйд может отреагировать на ту обстановку, что царит в месте, откуда ему множество раз приходилось вытаскивать брата, и нежеланием ехать туда одному. Однако художник проявил неожиданную твердость и настойчивость, и даже думать не желал о том, чтобы отпустить Честера в ночь одного, несмотря на любые разумные доводы.

– Ты же понимаешь, что тебе придется связать меня по рукам и ногам и запереть в шкафу, откуда не будут слышны мои крики? – спросил он без намека на шутливость. – В противном случае, я все равно поеду следом. Так что не будем тратить время на ерунду.

Честер сдался, однако, прежде чем сесть в коляску, взял с Инна обещание. Тот будет держать свое любопытство в узде и не попытается ни из интереса, ни ради азарта, ни из каких-либо других побуждений, получить пропуск в этот закрытый клуб, даже если кто-то или что-то покажется ему интересным для написания новой картины. Только после его торжественной клятвы они расположились на сиденье и Вэйд снова сжал его руку и не отпускал.

– Твой сон, – намекнул он, потому что Честер сидел как на иголках. – Хочешь, я нарисую его?

Предложение показалось странным. В нем не было совершенно никакой логики. Как Честер может думать о видениях, которые наяву не имели над ним власти, когда его старший брат был в беде. Сердце было не на месте, но Честер списывал это на то, что близнецу просто нездоровится. Нельзя быть настороже вечно. *Этот человек* затаился и выждал момент, когда он утратил бдительность, чтобы нанести удар.

– Тогда он останется на холсте навсегда, – продолжал Вэйд так уверенно, будто говорил вещах само собой разумеющихся. – И не сможет больше тебя тревожить, потому что им станет владеть кто-то другой.

Честер видел его работы, периодически выставлявшиеся в галереях Лондона, и даже был на персональной выставке – Лица. Все

портреты находились в частных коллекциях и изображали реальных людей, и вовсе не обязательно своих владельцев или членов их семей. Впечатление было удивительным и очень трудно поддающимся описанию. Это почти как повстречать призрака – не видеть, но знать, что он смотрит с одного из холстов, как из зазеркалья. Был ли сам Вэйд в той галерее, чтобы понять это сравнение?

– Кажется, мне есть, чем тебя удивить, – будто почувствовав его замешательство, сказал художник, поглаживая его ладонь кончиками пальцев.

Часть 65

Хавьер сидел очень тихо, Чейз даже подумал, что тот уснул, несмотря на постоянную тряску. Лишь бы не что-то похуже. Цзян крепче обнял фабриканта за плечи, не понимая, как можно так небрежно обращаться с собственным телом. Хавьер ничего не ел, вероятно, со вчерашнего вечера, хотя это не следовало напрямую из его слов. Конечно, ему было не по себе из-за предстоящего визита в Карп, и это еще мягко сказано, но он мог с этим справиться. Тогда из-за него?

Цзян снова вспомнил то почти затравленное выражение, мелькнувшее в глазах Ланя, и скрипнул зубами. Чем он лучше того человека, который принуждал Хавьера наряжаться в женское платье и черт знает к чему еще? И как теперь вбить в эту дурную голову, что ему, Чейзу, совершенно плевать, что за тряпки будут на Лане? Хоть вообще без них, лишь бы он был самим собой.

Всю дорогу мысли так или иначе крутились вокруг Хавьера и того, что он недоговаривает. Наконец кэб остановился рядом с узким темным переулком, который Чейз с Ангелом отвоевали у отморозков, обыкновенно прячущихся в подобных местах. Сперва это была настоящая война с разодранными штанами, покусанными руками и задницами, разбитыми носами и лишними отчетами в связи с каждодневными задержаниями. Полицейский жил по другую сторону этой узкой кишки уже не первый год и теперь пожинал плоды своих усилий и даже с некоторой ностальгией вспоминал то время, когда только переехал в эту квартиру. За прошедшее время во многом благодаря лондонским дождям воздух в переулке очистился от застарелой вони.

Фабриканту потребовалась помощь, чтобы спуститься на твердую землю – все-таки его основательно растрясло. Даже Чейзу, привычному к таким поездкам, было немного не по себе. И как Лань еще сдерживался? Снова застучали копыта по мостовой. Чейз еще немного выждал, чтобы не вызывать лишних вопросов у кэбмена, а потом повел Ланя в темноту, где произошло именно то, чего он и ожидал.

– Вот так, – лейтенант одной рукой поддерживал фабриканта, а другой – его волосы. – Пусть все выйдет. Сейчас станет лучше.

Тот попытался что-то сказать, но получилось лишь невнятное бульканье. Возможно, для гордости Хавьера было бы легче пережить это в одиночестве, но Чейз не желал отпускать его от себя ни на шаг, пока он в таком состоянии. Одного раза хватило.

Вроде бы закончив, Лань сделал несколько нетвердых шагов. Инспектор очень надеялся, что сможет довести его до дома, где даст воды, а потом соорудит незамысловатый поздний ужин.

– Мне… – Хавьер задышал чаще, пытаясь найти опору, схватился за выступ стены и вновь согнулся.

– Все хорошо, все в порядке, – успокаивающе проговорил Чейз, снова подхватив его волосы, и погладил вспотевшую спину. – Давайте вытрем лицо и потихоньку пойдем домой. Там я сварю нам кофе…

Похоже, упоминание напитка не пошло на пользу. Только через минуту Чейз сам, очень осторожно, промокнул глаза, а затем губы и подбородок совсем ослабевшего любовника, и повел его дальше. Благо по дороге им никто не встретился, репутация у детектива и так была не ахти.

Первым делом он постарался устроить Ланя, чтобы тот мог умыться и хорошо прополоскать рот, приказал Ангелу охранять, а сам отлучился на кухню. Кажется, фабриканта снова вырвало, на сей раз слишком быстро выпитой водой. Если так пойдет и дальше, придется просить помощи доктора Джеймсона.

Из ванной комнаты Лань вышел по стеночке в сопровождении пса, который места себе не находил, пытаясь хоть как-то поддержать Хавьера, когда ему так плохо. Коммерсант был уже без всех этих женских штучек, что вызвало бы несказанное облегчение, не будь он абсолютно голым. Видно, мысль о халате или полотенце не пришла в пропитанное алкоголем сознание. Наконец можно рассмотреть не дающие покоя отметины на теле любовника, вот только сейчас было совершенно не до этого.

Чейз бросил кофе, который все же решил сварить, даже если Лань не захочет, и поспешил поддержать его. Фабрикант был точно кукла. Он посмотрел на Чейза пустыми глазами.

– Ты не обязан, Чейз, просто дай мне какую-нибудь одежду, – прозвучало это хрипло и просто ужасно. – Я могу уйти, если ты жалеешь, что…

Цзян прижал его к стене, хотя секунду назад хотел усадить за стол, и просто зажал рот рукой. Что бы Лань там себе не надумал, лейтенант не позволит использовать против него собственные слова. Ангел, памятуя о приказе, вразрез которому шло поведение хозяина, слегка заворчал.

– Вы не соображаете, Лань, поэтому говорить буду я, – чересчур напористо и громко сказал он.

Фабрикант послушно кивнул. Дыхание снова несколько участилось, однако в этот раз обошлось, нормальный человек бы на его месте точно отравился, но Хавьера эта участь, похоже, миновала. Закралось сомнение: а имела ли эта реакция какое-то отношение к выпитому? Цзян ослабил хватку – Ангел был прав, он не должен так себя вести, Хавьеру и без того дурно. К тому же соседи давно спят.

– Если я и сожалею о чем-то, так это о том, что я – именно я! – крупно облажался, – почему-то ему было очень важно это объяснить. – А еще о том, что я вообще притащил Вас туда. И наконец о том, что я не узнал об этом притоне несколько лет назад, чтобы их там всех перевешали к чертовой матери.

При последних словах лицу Хавьера немного вернулась краска. Он отвел взгляд, потом снова посмотрел на Чейза. Тот не брался судить о том, что творилось в его голове, да и момент был совсем не тот. Оставленная без внимания джезва зазвучала немного иначе. Верный признак того, что пора снимать ее с огня. Чейз выпустил Ланя и круто развернулся, чтобы перехватить замысливший побег напиток.

– Достаточно и того, что ты уже сделал, – раздался за его спиной голос Хавьера и Чейз очень пожалел, что не видел его лица, чтобы хоть предположить, что тот вкладывает в эти слова.

В голосе фабриканта было что-то… Это уверило Чейза – Лань и не думает обвинять его в расковыривании неприятного прошлого. Скорее, он благодарен детективу. Знать бы ещё, за что… Оставив кофе немного отдохнуть, Цзян сам сходил за халатом и накинул его на плечи Ланю. Тот не потрудился продернуть руки в рукава, продолжая рассеянно почесывать за ухом Ангела, устроившегося под столом и положившего морду на его колени.

– Вы переночуете здесь, Лань, – сказал Чейз, поставив перед ним чашку на блюдце. Однотонный фарфор. Почему Чейз раньше не обращал внимания на то, какой посудой пользуется. – Не хочу, чтобы брат видел Вас в таком состоянии. Он потом меня со свету

сживет.

– Честер не станет… – вступился за близнеца Хавьер. – И я ведь сам…

– Не говорите ерунды, – он недовольно повторил: – Сам…
***
Вэйд надеялся, что его рассказ хоть немного отвлечет Честера от мрачных мыслей и беспокойства за брата. В свое время от кого-то из бесчисленных попутчиков он слышал, что близнецы обладают какой-то особенной, почти магической связью и могут даже на расстоянии некоторым образом чувствовать друг друга. Конечно, он особо не верил в эти россказни… до этого момента. Что-то заставляло Честера думать, что Хавьер не поехал в Брайт Хаус, к кому-то в гости или, в конце концов, к любовнику, а именно попал в беду.

Вэйд решил рассказать о том, с чего все начиналось. Нет, не с азов, тут его путь мало чем отличался от всех прочих. И не с пейзажей, которые удавались ему в ту пору лучше, чем портреты. Его заметили после того, как юный Зик излил на бумаге почти невыразимую жуть, проникшую в его сны из реального мира. Портрет имел небольшие изъяны, немного гипертрофированные пропорции, от которых искаженное жуткой гримасой страдания лицо выглядело гротескно и жутко, и неестественные краски – не бывает у живых людей такой бледной, не то синеватой, не то зеленоватой кожи… А вот выбор света и фона был поразительно точен. Когда все было собрано вместе, Зик размашисто подписал ее, как делал до сих пор, и дал имя: «Экзорцизм». Долго думать над названием и не требовалось.

Вэйд умолчал, что страх оказаться на месте жертвы этого жестокого обряда никуда не делся, а только усилился под бесконечным давлением семьи. Даже теперь, по прошествии стольких лет, когда Иезекииль Вэй окончательно превратился в призрак, иногда оставляющий свой отпечаток поверх свежих масляных красок, тот ужас еще не забылся.

Об одном Вэйд жалел: сейчас Честер переживал кошмар наяву, а против них у его картин не было власти. Кэб привез их к большому богатому дому, окруженному забором. Вэйд сразу же приметил громил, охраняющих вход. Один из них, едва заметив Честера, бросил сигарету под ноги и, наступив на нее, направился прямо к нему.

Вэйд замешкался. Снова забыв трость, он не сумел спуститься со ступеньки и потянулся за палкой, поэтому пропустил начало их разговора. Незнакомец говорил вроде бы учтиво, но с какой-то затаенной издевкой.

– Их с тем блондинчиком здесь уже нет, – сообщил он, осклабившись. – А у него есть яйца, раз рискует связываться со стариной Мэйсом! Помните ведь его?

Судя по стиснутым кулакам, Честер помнил и очень хорошо. *Тот человек.* Вэйд догадался, хоть фамилия и была сокращена и превращена в кличку. Так и не выбравшись из коляски, художник подался назад. Через мгновение фабрикант поставил ногу на ступень и отрывисто приказал поезжать. Лицо его побледнело, когда он услышал, как посмеивается ублюдок, провожая их взглядом.

– Я убью его, – никогда Вэйд не слышал такой ярости в голосе Честера.

– Кого? – испуганно переспросил художник.

– Мистера Цзян, – выплюнул он. – Едем к нему!

– Ну уж нет, – Вэйд покачал головой и положил руки поверх стиснутых кулаков Честера и старался говорить спокойно и мягко. – Едем домой. Уже ночь – никто все равно не откроет нам входную дверь. К тому же смертоубийство, Честер, это совсем на тебя не похоже. Уверен, завтра все объяснится.

Честер отрывисто вздохнул, пытаясь взять себя в руки. Он не хотел срываться на Вэйде и наверное с большим удовольствием врезал бы по физиономии того охранника. Чего ему стоило удержаться? Художнику самому хотелось отходить мерзавца палкой.

– Этому полицейскому нельзя доверять, раз он втянул брата вот в это! – он мотнул головой, указывая в сторону покинутого ими места.

– Только представь, что мы станем делать, когда окажемся под окнами его квартиры, – попросил Вэйд, полагаясь на воображение Честера. – Станем голосить, как озабоченные коты по весне? Вообрази заголовки утренних газет: один из владельцев фабрики и никому не известный художник устроили пьяный дебош на одной из улиц Лондона минувшей ночью. Их задержал лейтенант полиции, в квартиру которого те пытались проникнуть.

– С чего ты это взял? – уточнил Честер, несколько сбитый с толку.

– Очень просто! – Вэйд почувствовал себя на коне. – Он знает, что я до смерти боюсь собак, и наверняка имеет при себе револьвер. Расклад явно не в нашу пользу. К тому же с чего ты вообще взял, что они поехали именно туда?

Вэйд мог бы еще добавить: «Мало ли блондинов в Лондоне!» Однако это была опасная мысль. Пусть лучше Хавьер будет с человеком из полиции. Тем более художник был практически уверен, что это так.

– Ночь в самом разгаре, так что они могли поехать кутить где-нибудь еще, – разумно заявил он и проверил, сможет ли вогнать Честера в краску. – А еще у Хавьера большая мягкая кровать…

Часть 66

Понемногу Хавьер приходил в себя. Он, хоть и без особого аппетита, поел. К счастью, миссис Флай оставила на кухне ужин, и Чейзу не пришлось ничего сооружать самому. Ничем хорошим это обычно не заканчивалось. Последнюю его яичницу так и не удалось полностью отскрести от сковороды до прихода экономки.

Ангел томно вздыхал и делал грустные голодные глаза, так что в конце концов с молчаливого попустительства хозяина получил маленький кусочек со стола. Цзян не стал возражать Ланю в его состоянии.

– Почему, Лань? – он сел напротив него, возвращаясь к тому разговору, к вопросу, на который так и не получил ответа. – Почему Вы не рассказали? Неужели, настолько не доверяете мне, что…

Хавьер, взявший было чашку, вздрогнул и поставил ее на блюдце обеими руками, боясь разбить. Чейз умолк, так и не договорив. Голова у Хавьера значительно прояснилась, но он все еще не мог толком контролировать эмоциональные реакции. Честно ли было заставлять его говорить сейчас?

– Не так, – сказал он, чтобы сменить тему, и дотронулся до руки Хавьера, помогая сделать так, как надо. – Когда Вы допили кофе, чашку нужно перевернуть и поставить на блюдце вот так, чуть наискосок.

Хавьер изумленно наблюдал за ритуалом, который только что проделали, не понимая его значения. Потом посмотрел ему прямо в глаза, и Чейз повторил все то же самое со своей чашкой, хотя не собирался делать ничего такого. Вышло спонтанно, неуклюже, совсем не так, как у Дины.

Сначала Чейз не видел ровным счетом ничего, что хоть отдаленно походило бы на рисунок, в неровных темных пятнах и разводах, оставленных густыми черными каплями. На что он вообще надеялся? Много ли он успел нахвататься в Афганистане, чтобы хоть что-то прочитать? Цзян повернул чашку немного под другим углом, присматриваясь, только для того, чтобы не встречаться взглядом с любовником, как вдруг глаза зацепились за что-то. Маленький сверток в нижней части, у самого донышка. Ну, точно запеленатая куколка.

Следуя его примеру, Лань тоже перевернул чашку и заглянул внутрь, проверяя, не найдется ли в его чашке то, что Чейз потерял в своей. На светлом фарфоре появилась кривая линия, прочерченная гущей так четко, что сомнений не оставалось. Враг. Этот символ Чейзу был знаком. Он – буквально! – уже видел такую же линию когда-то. Первым порывом было выкинуть сраную чашку вместе с идиотским кофе прямо в окно, чтобы защитить Хавьера. Чейз сдержался и просто смыл грозное предостережение, а потом и таинственный сверток.

– Моя экономка терпеть не может кофе, даже прячет от меня, – зачем-то оправдался он, а внутри было холодно и тошно.

Они пили один и тот же кофе, так какого черта он так по-разному растекся и черт знает что напророчил? В прошлый раз предсказание обернулось тем, что его сослуживец исчез без следа, а дня через три всплыл в заводи чуть ниже по течению с собственным ремнем, все еще затянутым на шее.

– Себе, Чейз… – раздался тихий голос Ланя.

Тот подождал немного, но молчание в этот раз не позволило узнать больше. Тогда детектив издал неопределенный вопросительный звук, повернувшись к Хавьеру, машинально ероша жесткую шерсть сонно жмурящегося терьера.

– Ты спрашивал, кому я так не доверял, – сейчас Лань выглядел непривычно уязвимым, и дело было вовсе не в наготе. – Теперь ты видел, и это… правильно, честно. Лучше так, чем, если бы тебе пришлось узнать это от кого-то другого.

По интонации Чейзу показалось, что он имеет в виду кого-то определенного. Похоже, Хавьер заранее смирился с решением детектива, каким бы оно ни было, и до сих пор не мог поверить, что тот выбрал его.

– Знаете, что я видел, Лань? – спросил детектив и пошел прямиком в ванную, где остались вещи Холли. – Достаточно, чтобы понять, что все это Вам не нужно. Если когда-то кто-то заставлял Вас носить подобную одежду, то вот что сделаю я.

Он безжалостно скомкал тонкую ткань и, едва не обжегшись, засунул ее в топку плиты. Сожжению не подверглись только туфли и сумочка, так и оставшиеся на полу. Но и от них Чейз собирался избавиться в скором времени. И от всего, что будет напоминать Хавьеру о Карпе. Если кому-то близкому Ланю суждено умереть, пусть это будет Холли.

Через какое-то время Чейз еще раз открыл топку и поворошил там, чтобы увидеть облегчение, мелькнувшее во взгляде Хавьера, когда тот удостоверился: все превратилось в пепел. У него снова было такое лицо, будто он наблюдает за загадочным магическим ритуалом, но Чейз не был спиритистом, он был полицейским, хотя сейчас это не имело никакого значения.

Лань был все так же податлив. Когда Цзян решил увести его в кровать, тот не противился и не спорил. И даже не пытался его облапать или раздеть, а просто лег на своей половине и замер, так что лейтенанту пришлось самому снять с него халат и накрыть одеялом. Хавьер дисциплинированно закрыл глаза, но продолжал прислушиваться к тому, что делает Чейз. Как тот раздевается и убирает костюм, закрывает дверь спальни, гасит свет и открывает окно.

Пахло дождем, но Чейз сомневался, что замерзнет под одним одеялом с Ланем. Тот не пошевелился, но охотно откликнулся на прикосновение, когда детектив настойчиво привлек его к себе. Неужели он всегда становится таким, после того как выпьет? Чейз попытался вспомнить, но вместо этого на ум пришла фигура, виденная им за окном в саду Ланей. Тогда тоже начинался дождь, смывший все следы.

– Чейз… – сонно пробормотал Хавьер, устроившись в руках любовника, и умиротворенно вздохнул, уже готовый уснуть у него на плече.

Тот отозвался и стал осторожно перебирать пряди волос, заодно убирая их от своего лица, чтобы не щекотались. Такие гладкие… Поддавшись желанию, он неспешно погладил Ланя по груди, невольно вздохнул, почувствовав неровность на коже. Один из шрамов.

Надо было выяснить до конца, что произошло в прошлом, и в Карпе сегодня. Похоже, для этого было самое подходящее время, но он уже прижался губами к теплой макушке и говорить не хотелось. Вернее, не хотелось заставлять Хавьера ворошить неприятные воспоминания сейчас, когда он наслаждался вниманием Чейза и его осторожными ласками. Он все-таки пощекотал шею Ланя, сознательно задевая пальцами знакомую отметину на ней кончиками пальцев.

– Как Вы получили этот ожог? – спросил он вполголоса.

– Металл был слишком горячим, – это прозвучало беспечно. Лань правда считал это просто досадной случайностью?

– А это? – он наугад провел по спине Хавьера и тут же нащупал парные округлые шрамы, как будто два клыка вонзились в кожу.

– Крюк, – неохотно, но все же ответил тот, поведя плечом, чтобы Чейз еще его погладил. – Есть еще несколько…

– Какие еще крюки? – не понял полицейский.

– Стальные, – Лань умолк, пришлось слегка потрясти его, чтобы заставить продолжать говорить. – Они крепятся к цепям, а те – продеты через блоки наверху.

Всего несколько часов назад Чейз видел их – эти блоки и цепи. В голове прозвучали слова фабриканта: «нравилось…» «поначалу…» Какого хрена он сразу не обратил внимание на интонацию, с которой это было произнесено?!

– Что за изувер это сделал?! – спросил он, хотя уже догадывался, какой будет ответ. – Хавьер! Не спи! Кто это, мать его, сделал?!

Ответа не последовало. Фабрикант лишь вздохнул, потершись щекой о его плечо. В своей обычной манере он оставил любовника с полученными сведениями наедине, а сам пребывал уже где-то далеко в царстве снов. На улице зарядил дождь, и уснуть Чейзу теперь явно не светило.

– Крюки… Цепи… Куда же Вы вляпались, Лань? – тихо спросил он, снова утыкаясь носом в чужие волосы.
***
Сначала Честер не хотел верить в то, что кошмар вернулся. Что случилось с Хавьером, пока их с Вэйдом не было? Неужели *этот человек* все-таки до него добрался? Но почему именно сейчас? Однако дело обстояло еще хуже. Сперва он не поверил, что детектив Цзян мог так обойтись с Хавьером. Было жестоко снова втягивать его в то, от чего он едва смог отойти, напоминать о том времени, которое оставило столько шрамов.

Потом… он даже не знал, что чувствовал. Что-то очень темное и гадкое. Второй раз он был близок к тому, чтобы желать человеку смерти и даже причинить ее своими руками. К счастью, Вэйд удержал его от этого. Он долго уговаривал не пороть горячку, но даже самые разумные доводы было очень трудно принять, когда всякое доверие к брату близкой подруги вот так рушилось.

Брат не умел выбирать… близких. Почему каждая его сердечная привязанность оборачивалась бедой? Честер множество раз задавался этим вопросом, но ответа не находил. Порой ему казалось, что Хавьер просто не создан для спокойной супружеской жизни, такая жизнь кажется ему слишком пресной. Вот только приправа под названием Карп слишком дорого обходилась.

По дороге домой Честер все-таки немного поостыл и успокоил себя обещанием, что им с братом предстоит очень серьезный разговор, когда тот, наконец, вернется. Честер не говорил Майклу, куда они направились на ночь глядя, но умный мальчик сам догадался, что не в Брайт Хаус, и дожидался их возвращения в гостиной.

– Дядя! – он обрадовался было, но тут же сник. – Вы не нашли отца, да? Звонков и записок тоже не было…

– Уверен, беспокоиться не о чем, – Вэйд изобразил беспечность, но его снова выдали глаза. Когда он и правда пребывал в хорошем расположении духа, они казались светлее из-за веселых серебристых искорок.

Он плюхнулся в кресло, напоказ протянув ногу, и попросил: «Майкл, только ты и чай с ромашкой способны утолить жажду страдающего художника!» Юноша смерил его оценивающим взглядом, пытаясь на глазок определить, притворяется ли мужчина или же действительно ощущает боль. Честер был уверен, что нет и это просто способ сказать: «Твоему дяде не помешает не единожды прописанное Сен-Клером успокоительное средство».

Майкл скорчил гримаску, но все же пошел выполнять просьбу. Саймон каким-то шестым чувством понял, что тот, скорее всего, направляется на кухню, спрыгнул с подоконника и засеменил следом в надежде получить блюдечко сливок. Кот совершенно очаровал племянника и тот был готов играть с ним хоть целыми днями и даже спорил с отцом из-за того, с кем из них будет спать пушистый британец.

– Хочешь, я принесу Саймона к тебе? – предложил вдруг Вэйд, видимо поймавший его взгляд. – В качестве грелки.

– Один художник мне что-то говорил о применении человека в качестве компресса… – задумчиво произнес Честер и почувствовал, как потеплели уши. Это и правда звучало двусмысленно. Просто ужасно двусмысленно! – Забудь, что я сейчас сказал. Я просто не хочу быть один, кошмары…

– Честер, – протянул художник, вновь взяв его руку в свои, безвозмездно делясь теплом. – Тебе кто-нибудь говорил, насколько ты милый?

– Мгм, – кивнул тот, мельком взглянув на браслет на запястье художника, и снова отвел глаза. – Ты.

Наверняка Вэйд и забыл, что действительно сказал это и совсем недавно, а Честер до сих пор помнил, как звучало его признание, каким голосом и какие именно слова он произнес. Такие моменты хотелось сохранять в отдельной шкатулке памяти, как блестящие камешки.

– Мистер Инн, а чего это Вы за сердце держитесь? – раздался голос недоумевающего Майкла. – У Вас же вроде нога болит…

Честер постарался выглядеть как ни в чем не бывало и тут только понял, что тревога, еще недавно сжимавшая сердце, почти пропала. Будто гроза миновала и их ждет безмятежная ночь под покровом монотонного серого лондонского дождя. Честер, слишком поглощенный тем, что творилось на душе, и не заметил, когда небо затянуло.

Примечание к части

Кое-кто из постоянных читателей порадовал меня прелестным наброском, на котором изображены главные герои фанфика. Спешу поделиться!
https://twitter.com/mrpinkcactus/status/1260963046559809536?s=19

Часть 67

Когда пришла миссис Флай, Чейз еще спал, но звук ключа, проворачивающегося в замочной скважине, мигом пробудил его и заставил вспомнить все: встречу с Холли и поездку в Карп, мадам и ее пыточную, даже тревожный знак в чашке. И неясные ночные видения, в которых снова была красная комната и Хавьер, связанный по рукам и ногам, истекающий кровью у него на глазах.

К счастью, Лань был рядом, живой и невредимый. Он все еще глубоко спал, но полупустой графин с водой на тумбе говорил о том, что тот просыпался под утро, когда Чейза все-таки сморило. Нужно быть железным, чтобы обнимать спящего любовника в тепле под одеялом, слушать его спокойное дыхание и при этом не уснуть. Выбираться в прохладу спальни не хотелось, но выбора не было – экономка вполне могла заглянуть, чтобы разбудить его и раздернуть шторы. Предугадать ее реакцию было довольно сложно.

Поспешно натянув брюки и рубашку, Чейз на цыпочках выскочил из спальни и как мог тихо закрыл за собой дверь. Лань, кажется, и ухом не повел, а вот экономка его услышала и окликнула.

– Наконец-то Вы привели домой гостью, – сказала женщина, аккуратно вынося вещи из ванной. – Столько здесь живете…

– Миссис Флаинг-Джейкоб, – по такому случаю он употребил ее полную фамилию. – Дайте сюда эту сумочку.

Он расстегнул ее и извлек оттуда немногие вещи Ланя, чтобы убрать их в ящик для перчаток, где сиротливо лежала единственная пара – вторую кое-кто сжевал, потому что думал, будто хозяин оставил его одного навсегда, и очень скучал – и запасной ключ от квартиры. Он сунул сумку обратно в руки недоумевающей экономке.

– Можете забрать, – сказал он, отказавшись от идеи запихивать эти вещи в плиту. – Но никаких вопросов.

Они были совсем новые. Предприимчивая женщина могла продать и то и другое, а может даже подарить, если выдастся подходящий повод, – вещи были дорогими, не по средствам.

– О чем? – опешила экономка. – Что за Золушка оставляет кавалеру туфельки вместе с сумочкой?

– Вот именно об этом! – отрезал он недовольно. – Лучше идите приготовьте завтрак. На двоих.

Миссис Флай переменилась в лице, но удержалась от дальнейших расспросов. Это могло быть чревато очередной угрозой увольнения. Чейз был очень близок к тому, чтобы дать ей расчет, если она продолжит перебирать сказочных героинь. Пусть только поесть приготовит, и он ее выпроводит.

– Ангел, – позвал он, сунув босую ногу в ботинок. – Давай, быстро и по делу.

Он не хотел надолго оставлять Ланя. Нет, он нисколько не сомневался в его способности выбрать что-нибудь из одежды, открыть и закрыть дверь без ключа. Просто так ему было спокойнее. К тому времени как они вернутся, миссис Флай закончит с завтраком и уйдет по своим делам… Хавьер проснется от того, что на всю квартиру пахнет кофе и специями. Пока Ангел занимался своими собачьими делами, он неспешно размышлял, что и в каких пропорциях положит в турку. Все равно серьезные и важные мысли Чейз передумал еще ночью, пока охранял сон любовника, и даже пришел к некоторым выводам.

К дому он повернул с ощущением, что заслужил замечательное утро после вечера в гадюшнике. Однако когда они с Ангелом вернулись, дверь спальни оказалась открыта. В первый момент чувство было такое, будто в дом кто-то вломился – почти как в тот раз, когда Лань поджидал его в темноте. Ощущение было не более чем иллюзией. Фабрикант был в ванной, экономка – все еще хлопотала на кухне, стараясь поразить гостя чем-то особенно вкусным. Когда он вошел, женщина отвлеклась от плиты.

– Мистер Цзян, мистер Лань мне все рассказал, – женщина улыбнулась, а у Чейза сердце упало. – Мой Джимми тоже, впав в азарт, не может остановиться. Вам нужно следить, чтобы Ваш друг больше не участвовал в таких спорах – человеку его статуса не пристало рядиться в женские вещи.

Даже интересно, что этот хитрец наплел бедной женщине, чтобы заманить ее в свои сети. Впору было ревновать, она не говорила с таким обожанием о собственных детях. Наверное, еще и Чейза приплел. И судя по благосклонному настрою экономки, выставил во всей этой ситуации чуть ли не героем.

– Поверить не могу: тот самый Лань - из газет! А я дала ему от ворот поворот… – продолжала та и всплеснула руками, сокрушаясь. – Такой вежливый молодой человек, и игрок.

***

Первый раз Хавьер проснулся, как всегда, рано утром и первым, что он увидел, был спасительный графин с водой, и только потом светлые волосы спящего рядом мужчины. В этот момент он любил Чейза как никогда с тех пор, когда детектив его задержал. Хорошо же они отметили это событие… Он давно не напивался так, чтобы весь предшествующий вечер расплылся сплошным белесым пятном. Лучше бы таковым он и остался…

Проснувшись во второй раз, Лань, конечно, все еще чувствовал себя не самым лучшим образом, однако куда сильнее не особо выдающегося похмелья его грызла тревога. Любовник исчез, оставив его одного. Сколько бы Лань ни успокаивал себя, это было бесполезно, пока он сам не удостоверится, что с Чейзом ничего не случилось. Накидывая его халат на плечи, он уловил неясный шум с кухни. Прислушавшись, он решил, что это – уже знакомая ему экономка. Значит, лучше вернуть халат на место и выбрать что-то более подобающее из вещей Чейза.

Он уже проникал сюда без ведома любовника, но ничего не трогал, считая это недопустимым вмешательством в частную жизнь. Теперь, открывая шкаф и выдвигая ящики, он невольно чувствовал себя вором. Но в то же время мысль о том, чтобы примерить одежду, которую носил Чейз, вызывала волнение вполне определенного толка. Все эти вещи пахли своим владельцем, соприкасались с его телом и это никак не давало ему сосредоточиться.

Не удержавшись, он остановил свой выбор на том самом темном костюме, в котором Чейз был двадцать третьего апреля. Хотелось бы примерить его кожаное кепи для полноты ощущений. Хотя ощущений как раз хватало. Пиджак был только вычищен сухой щеткой, его не застирывали. В нем Ланя буквально окутали запахи полицейского участка и тот особенный, трудноопределимый. Если закрыть глаза, можно было представить, что Чейз никуда и не уходил.

Экономка сразу вспомнила его. В этот раз Лань представился и, даже ни словом не солгав, состряпал историю о том, как он пил со старым знакомым – хоть это и была Мелисса. И о том, как Чейз пресек этот маскарад и буквально спас его самого и его репутацию.

Экономка заверила, что завтрак будет готов с минуты на минуту и к тому времени мистер Цзян, как обычно выгуливающий Ангела, непременно вернется. Лань с удовольствием поболтал бы с ней еще немного, но это становилось опасно. Помнится, вчера он сам просил Чейза одолжить ему одежду, и только теперь понял, каким суровым испытанием это может оказаться.

Пришлось весьма поспешно уединиться в ванной комнате. Он долго боролся с искушением и плескал в лицо холодной водой, но в конце концов сдался и подошел к мутноватому зеркалу на комоде. В нем отражался он сам в непривычной одежде… в одежде Чейза. То и другое доставляло несказанное удовольствие.

Расстегнув верхнюю пуговицу на рубашке, как это любил делать детектив, он приспустил штаны и провел по всей длине возбужденного члена. Вот так просто. Возможность быть застигнутым за этим занятием еще больше будоражила. Чейз скоро вернется. Какое у него будет лицо?

Он попробовал представить, что продолжает прямо у Чейза на глазах. Неспешно, слишком медленно, следя, чтобы движение пальцев красиво смотрелось со стороны. Чейз бы непременно выругался, увидев, что Лань устраивает из рукоблудия шоу специально для него, за которым и сам наблюдает почти заворожено.

– Сука-а, – расслышал Лань приглушенный голос детектива, донесшийся через закрытую дверь. Только интонация была не та.

Хавьер и не заметил, как тот вернулся, а теперь его точно ледяной водой окатили. Возбуждение, как рукой сняло, греза рассеялась и на него навалился страх. Что, если прямо сейчас Йен здесь? Что, если он следил за ними от самого Карпа и, дождавшись ухода экономки, проник в квартиру? Сделать это не составляло труда – замок, да и дверь, никуда не годились.

– Только попробуй выкинуть какой-нибудь фокус, мелкий паршивец, – гремел Чейз, который застал налетчика на месте преступления. – Я слежу за каждым твоим движением, я знаю, что у тебя на уме…

Внутренне холодея, Хавьер вышел из ванной комнаты, уже представляя любовника, вооруженного револьвером. Нельзя, чтобы Чейз справлялся со всем один. Если с ним что-то случится… Он слишком хорошо знал, насколько опасен и порой безрассуден *этот человек*, чтобы стоять на месте, цепенея от ужаса.

Обычным людям оружие внушает уважение, если не трепет, но только не Мэйсону. Он мало рассказывал о своем прошлом. Несмотря на деньги, которые присылал отец – или некий мужчина, полагавший себя таковым, но предпочитающий оставаться анонимным, – юность Йена нельзя было назвать благополучной. Ему повезло устроиться на работу к мистеру Чаттеру, а потом… случилось все то, о чем писали в газетах. Нет, оружия Мэйсон не боялся, как и того, кто держит его на мушке.

– Я вижу, как ты хочешь сбежать, – продолжал Чейз, почему-то не спеша вязать проходимца, а играя с ним, как кот с пойманной добычей. – Но даже не мечтай, пока я на страже закона в этом городе.

Нет, Чейз был на кухне… один. Хавьер даже заглянул под стол, когда не увидел никого, кому бы тот мог угрожать. Призрак Йена все еще маячил в воздухе, Лань слышал собственное сердце, стучащее где-то в горле. Как же ему хотелось бежать из Лондона вместе с братом, но он понимал, что нигде, даже на краю света, не будет безопасного места, пока *этот человек* на свободе.

– И сейчас именем закона я упеку тебя прямо в чашку, – закончил Цзян, переливая кофе из джезвы. Он повернулся к столу и наконец увидел зрителя. Одного этого хватило Чейзу, чтобы впасть в краску. – И давно Вы тут стоите, Лань?

– С самого начала, – объявил тот и добавил в голос игривые нотки, чтобы скрыть недавний испуг. – Вы так мило проводили… задержание опасного преступника, офицер, я не смел мешать…

Он подошел вплотную, наблюдая за реакцией Чейза, который снова напустил на себя злой вид и прожигал его взглядом своих невозможных темных глаз. И все же Лань улавливал в них интерес. Чейз находил его привлекательным в собственном костюме. Это очевидно.

– Смотрю, Вы уже чувствуете себя превосходно, – уколол Цзян и совершенно неожиданно включился в начатую игру: – Пейте кофе, мистер Лань, если Ваш рот не будет чем-то занят, мне придется задержать Вас.

Прозвучало как приглашение. Как очень соблазнительное приглашение, устоять перед которым было практически невозможно. Поэтому он потерся пахом о задницу Чейза, когда тот ставил чашки на стол. Тревоги были на время позабыты, а в голове уже рисовался сценарий дальнейших событий.

– По-моему ты что-то напутал, Чейз, – произнес он вкрадчиво и примерился, не укусить ли снова за шею, на этот раз сзади. – Чеснок и розмарин хороши к мясу.

– Вы сначала попробуйте, – он уклонился, почувствовав готовящееся покушение, развернулся, но Лань его не выпустил, прижимая к столу.

Лапая эту самую задницу, он прикинул, удастся ли усадить Чейза, не пороняв чашки за ним и не смахнув накрытые салфетками тарелки с завтраком. Потянул вверх, подталкивая сесть на стол, встал еще ближе, вынуждая развести колени.

– Какого хрена Вас тянет к долбанным столам, Лань? – возмутился вдруг Чейз и в его голосе послышались странные нотки, хотя Хавьер вовсе не собирался напоминать ему их ссору. Или все дело было в опасно заскрипевшем столе? – Это у Вас считается хорошим ебатоном?

Лань склонился ниже, уже не рискуя опереться на коварный предмет мебели, и провел языком по следу недельной давности, еще заметному на шее детектива. А потом послушно отступил назад и, как ни в чем не бывало, расположился на одном из стульев. Чейз перевел дыхание и сел напротив. Спокойствие его длилось недолго… Лань об этом позаботился.

Когда он поднес чашку к лицу и с осторожностью пригубил ароматный напиток, Чейз ожидаемо посмотрел на него, гадая, сумел ли удивить. Убедившись, что всё внимание детектива приковано к нему, Хавьер медленно и чувственно провел кончиком языка по губам, слизывая с них горьковато-пряную капельку.

– Лань!!! – застонал Чейз. Тот ответил самым невинным взглядом, на какой только был способен.

Часть 68

Лань снова стал Ланем. В этот раз Чейз ясно уловил произошедшую в нем перемену, тот самый момент, когда фабрикант натянул эту долбанную маску. Успел уловить и его тревогу, но проявил терпение, не пытаясь выпытать, в чем дело, и даже подыграл любовнику. Учитывая то, что Цзян узнал благодаря расследованию, не имеющему к Хавьеру совершенно никакого отношения, лучше было не давить на него.

По крайней мере, до поры. Сначала он этого не хотел, но все-таки пришлось приструнить фабриканта, когда тот вознамерился сломать стол, и так уже сломанный, так что после переезда стоило больших усилий его починить. Конечно, Хавьер мог купить новый – всю эту квартиру с мебелью, если быть честным, – чего Чейзу совершенно не хотелось. Он привык ни от кого не зависеть, а эти… отношения заставляли его перестраиваться.

Когда они наконец сели за стол, а не на него, Чейз с облегчением вздохнул. Лань выглядел, как чертов серафим, сошедший с гравюры или фрески в церкви. Не хватало шести белоперых крыл, которые бы скрыли его фигуру. На самом Чейзе та же одежда сидела сносно, но на Хавьере… Во-первых, бросалось в глаза, что вещи с чужого плеча. Во-вторых, он слишком привык видеть мужчину одетым с иголочки.

И все же… Он выглядел так, что все эти тряпки хотелось немедленно стащить. А главное, ублюдок вполне отдавал себе отчет в том, что с ним делает. Сидел в обманчиво расслабленной позе и чашкой кофе в руках, из которой… Нет, не пил! Да он почти целовал чашку!..

Никогда одиночество не было для Чейза серьезной проблемой, но с Ланем все было иначе. Он скучал по их близости и нуждался в ней. Еще ночью его посещали мысли разложить раздетого любовника на кровати, зажечь лампу и, не спеша, дюйм за дюймом исследовать его тело. Находить новые и новые отметки на коже, узнавать о них, а не только гадать. Однако, если сам Хавьер этого не хотел…

– Очень необычный вкус, – стерев большим пальцем кромку кофе с чашки, Хавьер медленно слизнул капельку с подушечки, по-прежнему удерживая зрительный контакт. Чейз сглотнул. – Как ты это придумал?

– Это… Дина, – с запинкой произнес Чейз, хотя мог бы солгать. – Она научилась от своей матери – турчанки.

Чейз почувствовал, как его затягивает водоворот воспоминаний, которые он совсем не хотел сейчас вызывать из глубины памяти. А каково Хавьеру слушать о *ней*? Теплая ладонь накрыла его руку… и как у Ланя так естественно выходило это делать? И руки у него всегда были теплые – только что, например, он как специально грел их о чашку.

Демон-искуситель из его снов вновь уступил место Хавьеру, а Чейз упустил, когда именно это произошло. Он ничего не говорил, но эта тишина была по-своему даже уютной. Последний раз детектив испытывал подобное очень давно… Вот и как после этого сказать Ланю, что ему лучше держаться от него подальше? Снова вспомнилась кривая, которая должна была быть вычерчена в чашке Чейза, а никак не Ланя. Это Чейз нажил себе врага. По-всему именно ему должна грозить опасность, а никак не Хавьеру. И с чего только вдруг захотелось погадать – раньше ведь ничего, кроме разводов различить не мог, как ни старался.

– Послушайте, Лань, насчет вчерашнего, – произнеся это, Чейз почувствовал, как пальцы Хавьера слегка дрогнули. Опять то, что он говорил, звучало не так, как он думал… – Один тип мог узнать меня, а я не хочу подставлять Вас и Вашего брата под удар только за то, что мы пришли вдвоем.

– Моего брата… – повторил за ним Хавьер, переходя от тревоги к крайней задумчивости. – Я ведь думал, что вернусь еще до полуночи и не сказал, где и с кем буду.

Чейз подумал о том, что его собственная семья никогда не знает, где и с кем он проводит время, но у близнецов явно были не такие отношения. Чейз был крайне недоволен собой, ладно Хавьер, но он-то должен был подумать об этом и послать кого-то к Честеру с устным сообщением.

– Тогда мы поедем вместе и объясним, что это я втянул Вас в это треклятое расследование, – сказал он, чувствуя значительную долю своей вины.

– Это лишнее, – мягко, но уверенно возразил Лань. – Но мне было бы приятно, если ты приедешь на ужин.

В воздухе повисло: «И останешься на ночь», но вслух он этого не сказал. Чейз облизнул губы. Будь его воля, он бы вовсе не отходил от Ланя, пока душегуб не отправится за решетку, где ему самое место, и не объявится этот так называемый Мэйс. Уж Чейз объяснит, где место таким обсоскам, как он, и что с ним будет, если он на пушечный выстрел приблизится к Лондону вообще и к Ланю в частности, а Чейз об этом узнает. И ведь узнает…

Цзян повернул руку и сжал ладонь Хавьера, скрепляя уговор. Он приедет хотя бы для того, чтобы убедиться: у Ланей все в порядке. Попробует уговорить братьев нанять охрану – жаль, не получится приставить к ним пару констеблей. Еще раз объяснит младшему, что Хавьер был участником важной полицейской операции. И, наконец, настроит на том, чтобы не видеться до конца дела.

– Нет, – Лань накрыл его губы ладонью, когда Цзян настойчиво потянул его к себе. – Если ты сейчас меня поцелуешь, я никуда не уеду, Чейз.

– Позвольте хотя бы проводить Вас до дома, – попросил детектив, войдя в его затруднительное положение. Он и сам за себя не ручался. – Мне по дороге.

Это была полуправда, но лучше сделать небольшой крюк и проверить дом, хотя бы снаружи. Он дождется, когда Хавьер войдет в двери, и если что-то покажется странным или подозрительным, последует за ним. А если нет, со спокойной душой отправится туда, где вчера ему была назначена встреча с Холли. Едва ли Хавьер захочет сам забрать оттуда свою мужскую одежду, а так в шкафу Чейза будет храниться достойный костюм для него. На всякий случай.

Когда они собирались уже покинуть квартиру, он сделал вид, будто вспомнил, что не мешало бы расчесаться, а прежде чем пойти в спальню, как можно небрежнее выдвинул ящик для перчаток и бросил:

– Не забудьте свои вещи, Лань, – и с сильно бьющимся сердцем прибавил: – Там все Ваше, кроме моих перчаток.

На расческе нашлась пара длинных черных волосков. Чейз не стал их убирать и провел по волосам прямо так. Раз… другой… третий… десяток раз… Раньше так долго он расчесывал разве что Ангела.

– Чейз, – послышался какой-то очень странный голос Ланя через некоторое время. – Я должен забрать все, кроме твоих перчаток?

– Все, – подтвердил тот, не решаясь смотреть в глаза своему отражению. И как он теперь поедет с Ланем в одном кэбе?
***
Юноша и кот играли в саду. Саймон почему-то не хотел приносить Майклу подушечку, но тот быстро втянул хвостатого в не менее занятную игру. Сидя на траве, он подбрасывал игрушку вверх, а хвостатый ловил ее в прыжке, как жирненькую и очень ленивую птичку. Вэйд подглядывал за ними со второго этажа, поэтому раньше всех заметил у ворот лошадей – коляску заслоняло дерево.

Спеша обрадовать Честера, художник сунул трость подмышку. При быстрой ходьбе нога еще отзывалась ноющей болью, но оно того стоило. Фабрикант места себе не находил. Пока Вэйд проверял, как дела у Майкла, тот успел перейти из кабинета в библиотеку и теперь бесцельно пересматривал корешки на одной из полок без намеренья что-то читать.

– Честер, я тебя повсюду ищу! – окликнул Вэйд и тот слегка вздрогнул, не ожидая такого громкого звука в храме знаний. – Хавьер вернулся!

Лицо Ланя на миг посветлело, а уже в следующий момент цвет его глаз стал напоминать чуть ли не расплавленный шоколад с тлеющими золотинками. Эта удивительная перемена отражала противоречивые, но не взаимоисключающие чувства: радость, облегчение, злость на брата.

– Я, наверное, лучше уйду к себе, – сказал художник, понимая, что не стоит мешать воссоединению братьев. – Или посижу здесь с книгой.

Присутствие чужака – как бы хорошо к нему ни относились в доме – во время серьезного разговора между братьями было нежелательным. Не нужно иметь собственного близнеца, чтобы это понять. Даже если Честер и дальше будет сближаться с ним, некоторые вещи всегда будут только между близнецами.

Лань сжал его руку в своих, едва справляясь с волнением. Художник был не прочь дать ему еще немного поддержки и ободряюще улыбнулся. Так и хотелось продлить ощущение приятной прохлады, но Вэйд не попытался его удерживать, но он довольствовался тем, как Честер проявляет инициативу. Даже если это – такая малость.

Получив утешительный поцелуй в щеку, Честер пошел встречать брата. Скоро все прояснится и одному художнику даже удастся удовлетворить любопытство, что все-таки случилось. То ли Хавьер возвратился из какого-то ужасного места невредимым благодаря детективу – в таком случае стоило добавить ему несколько очков. То ли этот невыносимый доберЦзян втянул фабриканта в опасную авантюру и в полной мере заслуживал всеобщего порицания.

Чего Вэйд не ожидал, так это того, что Честер войдет в библиотеку ровно через две минуты – он книгу раскрыть не успел! – и тяжело опустится рядом. С минуту он просто смотрел перед собой в одну точку, о чем-то тягостно раздумывая, потом вздохнул, когда художник прильнул к нему, пытаясь угадать, что же такого интересного в этой стене?

– Брат у себя, – сообщил он замогильным голосом. – Сказал Майклу, что хочет переодеться и освежиться.

– А что говорит сам Майкл? – полюбопытствовал Инн, поерзав немного.

– Что отец выглядел немного растрепанным… – последовал ответ. – И только.

Вэйд честно попытался это представить, однако это было сложнее, чем кажется. Образ старшего из братьев не вязался ни с подобранной и сидящей кое-как одеждой, ни с неопрятной прической – не всякая барышня могла похвастаться такими здоровыми и блестящими волосами.

– Вот видишь, значит, все в порядке, – обрадовался Вэйд, который в обществе фабрикантов и сам стал уделять внешности больше внимания, чем прежде. Правда, выглядеть так же блестяще ему не удавалось. – Уверен, это очень в духе Хавьера. Вы оба очень внимательно относитесь к своему внешнему виду. Он просто не хочет выглядеть неряшливо. Почему бы нам не выпить чаю, пока мы его ждем? Когда он спустится, я уведу Майкла под каким-нибудь предлогом, и вы сможете спокойно поговорить.

– Мгм, – согласился Честер, хотя было похоже, что спокойствие нелегко ему дается.
***
Лань… струсил. Он знал, что брат сразу поймет, где он был и что делал, если увидит его в одежде Чейза. Не факт, что не догадается, когда Хавьер расскажет, о чем узнал от мадам, но все же пусть лучше думает, что Санфорд сказал. Или Чейз, это ведь именно он остановил Йена в прошлый раз. Почему-то у Хавьера не возникло ни малейших сомнений в том, что инспектор давно знает, что Мэйсон вернулся, а как иначе?

Он не мог, да и не собирался оттягивать неприятный момент до бесконечности, так что вскоре присоединился к семье за чашкой чая. Майкл, кажется, уже не дулся на своего непутевого отца за внезапное исчезновение. Раньше Хавьер позволял себе пропадать и несколько дней кряду, чем, конечно же, не гордился. Пока что они обходили эту тему. Разговор плавно обтекал острые углы.

– Честер, – обронил он между делом. – Помнишь тот перстень? Серебряный, который еще быстро темнеет.

– Мгм, – подтвердил тот, явно не понимая, к чему он клонит. – Я не очень люблю кольца…

И смотрел с тревогой. Хавьеру хотелось слегка тряхнуть его за плечи и сказать: вот ведь я, прямо перед тобой, живой и здоровый, разве этого недостаточно? Он знал, младший брат высматривает, не получил ли он новых ран, которые оставят на теле свежие рубцы, частично перекрывая рисунок старых. Ничего такого. Разве что на душе было тошно, но с этим он как-то справлялся.

– Наденешь его сегодня? – предложил Хавьер, уже надевший один из самых светлых своих костюмов. – Ради меня, Честер… Я ужасно хочу поморочить кое-кому голову.

– Приедет мистер Цзян? – сын первым высказал догадку, но без особого энтузиазма. – А Ангел?

– Надеюсь, что нет! – воскликнул Вэйд, так и не переборовший свою неприязнь к собакам. – Знал бы ты, на что этот пес подбивал Саймона! Кстати, где он? Впервые вижу, чтобы кот не заглянул на чашечку чая, он все-таки – британец!

Стоило ли удивляться, что художник заранее условился оставить их наедине для разговора по душам. Когда Майкл на всякий случай подал Вэйду руку, чтобы тому легче было подняться с дивана, Честер весь подобрался, как перед боем, совершенно напрасно, ведь на сей раз Хавьер тоже хотел поговорить начистоту… замолчав всего пару незначительных моментов.

– Саймон правда пьет чай? – попался на удочку художника Майкл.

– Запросто, – ответствовал тот. – Пойдем, угостим его.

– Я считаю, нам нужно нанять охрану, – сообщил Хавьер, потому что Честер ждал, пока дверь закроется полностью. – Я думал об этом еще, когда к нам забрались, а теперь…

Он умолк. Подобранные заранее слова никак не шли на язык. Тон, которым он выдвинул свое предложение тоже вышел совсем не таким, как он изначально запланировал. Все было не так. Даже то, что они сидели друг против друга. Хавьер почувствовал себя неудобно и поправил подушку.

– Дело еще в том, что я вчера узнал… – не было таких слов, чтобы смягчить эту новость, поэтому он сообщил, как есть: – Йен вернулся.

– Ты виделся с ним в Карпе? – спросил Честер, и его в глазах отчетливо читались сожаление и тревога.

Он… знал. Брат знал о похождениях Холли. Возможно, искал его и выяснил, что она напилась практически до беспамятства и уехала с мужчиной. С Мэйсоном, что же еще он мог подумать?

– Все не так, как выглядит! – он подался вперед и схватил руку брата, заглядывая тому в лицо. Оправдываться было не лучшей стратегией, но он не мог допустить, чтобы брат верил, что он вернулся на кривую дорожку. – Честер, это не то, что тебе могло показаться. Я просто помогал Скотланд-Ярду с поимкой какого-то преступника. Чейз был рядом. Мы и пробыли там недолго, может быть, около пары часов.

– И поэтому тебя не было всю ночь?! – Честер вышел из себя, что случалось с ним довольно редко.

Ни слова про алкоголь, иначе его терпеливый братец не преминул бы упрекнуть еще и в этом. Хавьер поднялся с места вслед за близнецом. Тот был взвинчен, значит, просто с ума сходил от беспокойства. Ну, конечно. Он точно знал, где Хавьер побывал, а это… Это намного хуже, чем его прошлые ночные отлучки.

– Просто сплоховал, поехав оттуда к Чейзу. Мы выпили… – он сперва ухватился за возможность покаяться и откровенностью заслужить прощение, но с запозданием понял, как это звучит. – Клянусь, ничего не было ни с ним, ни тем более в Карпе. Ну, хочешь, разденусь, чтобы ты убедился?

– Не надо, – попросил младший, когда рука старшего уже взлетела к верхним пуговицам рубашки. Выплеснув накопившиеся чувства, Честер начал остывать, как всегда во время их ссор. – Просто в следующий раз подумай о нас с Майклом.

– В первую очередь, – клятвенно заверил Хавьер. – О маме с папой и дяде – тоже. Обещаю. Теперь, может обнимешь меня? Я хочу знать, что ты не хочешь меня придушить.

– Конечно, не хочу, – младший снова немного возмутился, но все же позволил к себе прикоснуться, это был верный знак, что он больше не сердится. – И что еще за предложения такие?

Честер с детства был недотрогой и мало кого подпускал к себе. Тем любопытнее было то, что мистеру Инну с самого начала позволялось буквально вешаться на него. Хавьер, конечно, делал вид, будто ничего не замечает.

– Мы же близнецы, – заявил он самым бессовестным образом. – Раздеться перед тобой – все равно, что перед зеркалом!

Часть 69

В гостиной стало подозрительно тихо, Вэйд и Майкл с Саймоном на руках осторожно заглянули проверить, все ли в порядке. Братья как раз закончили обниматься, и Честер чувствовал, что мир и согласие восстановлены.

– В доме как будто бы стало свободнее дышать, – подметил художник, только чтобы обратить на себя внимание. – Вы заметили?

– А, мистер Инн, – немного рассеянно отозвался Хавьер, прежде чем Честер успел согласиться. – Мы как раз хотели обсудить с Вами вопрос, касающийся безопасности дома.

– Думаю, это в моих интересах, я ведь снимаю у Вас его часть, – с готовностью сказал Вэйд. – Особенно после того случая.

Майкл тут же спросил, о чем именно идет речь. Эта история как-то обошла его стороной – инцидент только сейчас получил неожиданное продолжение. Что касается семейства Стэнли, они помнили, что в первую очередь работают здесь, и потому тоже не распространялись о случившемся. Тем более при этих событиях присутствовал только Уотсон, а дворецкий по натуре был человеком молчаливым.

Вэйд с позволения Хавьера приступил к увлекательному рассказу. Он в лицах живописал, как налетчики пробирались через сад под покровом ночи, удивительно точно подмечая характеры этих мужчин, хотя сам в ту ночь находился в другой части дома, о чем предусмотрительно умолчал. По его версии один из преступников постоянно помыкал другим и считал того тупицей. И именно второму пришло в голову начать жечь тряпки вместо того, чтобы схватить несколько набросков и скомкать, чтобы огонь вспыхнул быстро и ярко.

Впрочем, все эти догадки можно было сделать, исходя из того, что Вэйд слышал и видел позже… Как бы то ни было, Майкл был в восторге. Конечно, ведь отец и дядя выступали в истории в роли настоящих героев – как в романах! – которые доблестно сражались и одержали победу в настоящем бою. Он так расставил акценты вокруг единственного выстрела, что можно было подумать – обе стороны извели весь имеющийся боезапас.

– Вернемся к вопросу охраны, – откашлялся Хавьер, как и все, увлекшийся рассказом Вэйда и начавший вертеть в пальцах небольшой блестящий предмет, который теперь снова убрал в карман. – Мне бы хотелось разобраться с этим до ужина. Если никто не возражает, я сделаю пару звонков.

– Ночная охрана не будет лишней, а вот если мы решим, что люди должны работать сутки напролет, – со знанием дела сказал художник, – нам потребуется платить жалование, по меньшей мере, четверым. Так было в галерее одного моего знакомого.

Честер смутился, отметив то, с какой легкостью было произнесено это «нам». Вэйд уже считал этот дом и своим тоже. И брат решил спросить его мнение, хотя это решение они вполне могли принять вдвоем.

– Почему бы нам не научить мистера Стэнли стрелять? – предложил Майкл, обзаведшийся роскошным меховым воротником.

И как только это пришло племяннику в голову? А главное, где он видел вооруженного дворецкого? Если охранник будет просто наводить жуть на гостей, то дворецкий с револьвером непременно вызовет вопросы.

– Потому что у Уотсона и без того много обязанностей, – осадил сына Хавьер. – Даже если часть из них он выдумал себе сам.

Юноша покладисто кивнул, а Саймон потянулся лапкой к окну и беспомощно растопырил пальчики с показавшимися коготками, когда любопытная птичка, заглянувшая в комнату, пискнула и упорхнула прочь.

После недолгого совещание все сошлись на том, что будет лучше, чтобы охранник присутствовал в доме не только ночью, а постоянно, и когда все хозяева покидают его – тоже. Также желательно, чтобы он несколько раз обходил территорию, в разное время, чтобы это нельзя было легко просчитать. Как выяснилось, все это можно было устроить в кратчайшие сроки и даже при желании подобрать мужчин различных типажей, но к счастью, Вэйду этого не захотелось.
***
Чейз едва дождался вечера. В лучах клонящегося к закату солнца дом Ланей казался не белым, а каким-то идиотски-розовым, и это была не единственная перемена. Вместо непробиваемого дворецкого его встретил мужчина с ежиком рыжих волос. Он был почти на голову ниже Чейза, но шире в плечах, а выставленные напоказ бицепсы могли бы помешать ему согнуть руки в локтях.

Держался здоровяк уверенно, как на работе, и по крайней мере с виду не представлял для Чейза профессионального интереса. Пару секунд мужчина оценивал детектива: каковы его намеренья, не топорщится ли одежда в таком месте, где можно припрятать пистолет. Только потом он сличил внешность гостя с каким-то образом у себя в голове – видимо, кто-то дал охраннику словесное описание внешности приглашенного.

– Добро пожаловать, мистер Цзян, – подоспел дворецкий. Шаг его был лишь чуть быстрее обычного и держался он по обыкновению невозмутимо. Значит, все в порядке. – Мистер Лань Вас ждет.

– Проходите, – охранник посторонился, пропуская его, а сам вышел за дверь, по всей видимости, чтобы размять ноги и заодно совершить обход вверенной ему территории.

В доме было тихо, но это была какая-то особенная, обжитая тишина. Однако не успел полицейский как следует к ней прислушаться, как за дверью столовой раздался дребезг и протяжное: «Мао!» Казалось, кто-то в отчаянье взывает к древнему божеству в свой смертный час. Чейз, не сразу узнавший этом звуке кошачье мяуканье, рывком распахнул дверь и остановился на пороге, готовый к чему угодно, кроме… смеха.

– Ох, инспектор, видели бы Вы свое лицо, – Вэйд постарался усадить кота к себе на колени. – Саймон запрыгнул на стол, угодил лапкой в свое же блюдце и испугался побольше Вашего.

– Что он вообще забыл на столе? – прозвучало резковато, поэтому Цзян добавил: – Если не является главным блюдом…

Художник зыркнул неодобрительно, а Майкл, раньше не выказывавший особой симпатии к Чейзу, переманил кота на свою сторону стола и ловко, как циркового, усадил на плечи. А еще говорят, что кошки не поддаются дрессировке.

– Саймон – кот, – заметил он, убирая от лица пушистое опахало. – Конечно же, он считает себя лучше не только главного блюда, но и десерта.

На этом назревающий конфликт был исчерпан, потому что в столовой появились хозяева. У Чейза совершенно определенно

двоилось в глазах… Его Лань приложил немало усилий, чтобы подчеркнуть убийственное сходство. В первый момент у Чейза возникло чувство, будто в глазах двоится. Тогда он вспомнил про спасительный перстень и…

– Да Вы сговорились… – пробормотал Цзян, не сумев получше рассмотреть украшения на пальцах близнецов. Разве что, одно вроде было потемнее. Или только казалось?

Ох, Хавьер получит, когда Чейз поймет, который из них – Хавьер. Долбанные фабриканты! Он только что хотел похвалить любовника за то, что тот нанял охрану – даже уговаривать не пришлось! – а теперь хотел своими руками придушить шутника, который нарочно держался подчеркнуто вежливо. Какого хрена он устроил ему проверку, которую заведомо невозможно пройти, и именно сейчас? Цзян скрипнул зубами, понимая: ни Майкла, ни даже гребанного худеожника с его котом этот маскарад совершенно не сбивал с толку, но они поддерживали затеянную Ланем игру.

Один из близнецов погладил кота, когда проходил мимо, но это вообще ничего не значило. Кот попробовал потереться круглой мордой о приласкавшую его руку, а когда не получилось, ткнулся носом Майклу в лицо. Цзян помнил, что Честер любит животных. Вопрос в том, как поведет себя Лань, зная это? Постарается вести себя так, как брат, или сосредоточится на том, чтобы сохранить невозмутимость, наблюдая его потуги? Лопается небось от самодовольства…

Чейз еще раз посмотрел на каждого из Ланей, все еще не улавливая разницы. Они даже сидели в одинаковых позах и с идеально прямыми спинами. Ни тени превосходства или насмешки, скорее уж настороженность. Лань не хотел, чтобы он прилюдно опозорился за ужином, пытаясь решить очередную загадку. Этот чертов паразит просто не давал ему идти по простому пути, хотел научить Чейза узнавать его с первого взгляда. Что ж, он научится, хотя бы для того, чтобы не попадать в дурацкие ситуации. Легко сказать!

Сейчас он был так сосредоточен на этих двоих, что даже не слышал, о чем болтает Вэйд. Тот тоже не замечал, что детектив не участвует в разговоре. Кажется, ему и слушатели были особо ни к чему. Близнецы переглянулись, ведя собственный безмолвный диалог. Одними глазами. Зеркало души, так ведь говорят? И Цзян попробовал считать передаваемые сообщения, хотя это было все равно, что пытаться разобрать шифровку, не имея ключа.

– А ведь Санни был прав, – с удивлением сказал Чейз, перебив художника.

Тот для разнообразия заинтересовался, а не обиделся. Конечно, ведь был упомянут его любимый соучастник. Впрочем, Чейз и внимания бы на это не обратил сейчас. Ведь только теперь понял, почему адвокат уточнил, не заболел ли он, когда речь зашла о близнецах. Разница была настолько очевидной, что он просто не понимал, как упускал ее раньше. Честер сразу обжигал ледяным холодом, точно отгораживался прочной прозрачной стеной, тогда как взгляд его брата при всей своей жесткости оставался магнетическим. Линия губ у Хавьера была мягче, а его улыбка уже начала оставлять сеточку следов на коже, более заметную с правой стороны.

– Лань, я… – он осекся, глядя на своего фабриканта, в его глазах зажглись серебристые искорки радости, которой пока не позволяли тронуть губы. Звать его по имени было непривычно, но Чейз все же поправился: – Хавьер, Вы давно наняли охрану?

– Это было общее решение, – уведомил Честер, потому что его брат только качнул головой.

Чейз перевел взгляд на него и тут только заметил еще одну неточность, допущенную природой. Глаза у второго близнеца были не серыми, а какими-то по-кошачьи желтыми, даже близко не такими красивыми, как у Хавьера. Понятно, почему он так благоволил к жирному недоразумению, разместившемуся теперь на коленях его племянника, но так, чтобы выглядывать из-под стола. Очевидное родство душ! Взгляд, да и вообще весь Честер вылитый долбаный сфинкс.

– В отличие от Вашего расследования, мистер Цзян, – добавил он, когда за окном прошел рыжеволосый мужчина, встретивший сегодня Чейза.

Честер ясно давал понять, что злится и кот, конечно, был с ним солидарен. Чейзу пришлось слегка отодвинуться, потому что к его бедру потянулась серая лапа с растопыренными когтями. Сколько Честеру было известно о вчерашнем вечере? Зная скрытность Хавьера, не много, однако какие-то карты раскрыть ему все-таки пришлось.

– Честер, – несмотря на все свои недостатки, художник положил руку тому на плечо, успокаивая.

– Мистер Лань прав, ловить преступников – работа полицейских, – обреченно сказал Чейз и выдержал ледяной взгляд фабриканта.

– И как, поймали? – все еще несколько ядовито произнес тот.

– Как и защищать людей от них, – с нажимом продолжал Чейз. – Особенно тех, кто не остался в стороне и пошел на осознанный риск, чтобы остановить… зло.

Он хотел, но не мог разглашать детали дела. Не сказал даже Ланю, на кого охотится. Несколько лет назад имя было на слуху, наверняка Честер пришел бы в еще большую ярость и решил бы, что Цзян подверг его брата опасности, чтобы подняться на громком деле. Чейз и сам разозлился, в первую очередь потому, что их ссора расстроила Хавьера, и, кажется, он знал один способ исправить это.

– Если бы до этого дошло, – сказал он, продолжая сверлить Честера взглядом, – мы все знаем, кто был бы для меня на первом месте.

Судя по лицу Хавьера, один из присутствующих все-таки не был в курсе. Он выглядел совершенно сбитым с толку. И какого-то хрена именно в этот момент Саймон вырвался из рук Майкла, старательно делающего вид, что его здесь нет. Запрыгнув на стол, он схватил с блюда круглую сдобную булочку – первое, что попалось на глаза – и с ней в зубах припустил наутек. Ангел, до того смиренно взиравший на стол от двери, резво рванул за ним.

Часть 70

– Это был просто адский ужин, – простонал Чейз, рухнув в кресло в кабинете Ланя и массируя переносицу. – Я даже не знаю, что было хуже: Ваш брат, этот хуедожник с его шуточками или его бесноватый кот.

– Как ты сказал, Чейз? – уточнил Лань и в его голосе появились знакомые Чейзу нотки.

– Художник, – он сделал вид, что оговорился и, отняв руку от лица, уперся взглядом в новую картину. Портрет кисти таинственного мастера Зика, картины которого так обожала сестра. – Ох, блядь…

Фабрикант наградил его горящим взглядом и подошел к стене, чтобы рассмотреть работу вблизи. Он действительно купил этот сраный портрет и повесил у себя в кабинете! А сейчас любовно коснулся кончиками пальцев нарисованного лица и признался:

– Когда ты так смотришь на других, я умираю от ревности, – значило ли это, что Чейз смотрел на Ланя вот так? Запечатленный Вэйдом взгляд был… очень враждебным. – И в то же время хочу тебя хорошенько выебать.

– Лань, Вы – извращенец, – с чувством сказал детектив и проследил за движением его пальцев, которое здорово смахивало на своеобразную ласку. – Я не хочу, чтобы Вы делали с моим портретом какие-то противоестественные вещи.

– Ты знаешь, что нужно сделать, чтобы этого не случилось, – прозвучало как-то уж слишком многообещающе.

– Да Вас заводят ссоры, – пробормотал Чейз, заерзав в кресле, когда Хавьер оставил картину в покое и подошел к нему.

– Меня заводит многое… Ты, – он резко дёрнул Чейза на себя, поднимая с места, поцеловал жадно, сразу прикусывая губу. Ладонь Чейза лежала прямо над сердцем, так что он почувствовал, как участился ритм. – То, что ты сказал за ужином. То, что узнал меня. То, что дал мне ключ от своей квартиры.

– Вы и так приходите туда, как к себе домой, – огрызнулся Чейз, который совсем не хотел начинать этот разговор.

Вообще не хотел, если на то пошло. Просто взять и сделать было гораздо проще и понятнее, чем изощряться, подбирая слова. К счастью, Лань не ждал ответа, а снова поцеловал еще жарче, голодно, показывая, что ждал этого момента целую… нет, не неделю – вечность. Хавьер нетерпеливо расстегнул жилет Чейза и его рубашку, чудом не оторвав пуговиц, жадно прикусил сосок, одновременно выкручивая второй. Цзян отступил назад, ощущение оказалось слишком неожиданным и резким. Ожидал наткнуться на кресло, но позади каким-то боком оказался долбанный, мать его, стол. Из-за Ланя Чейз совершенно потерял чувство пространства. Теряющий контроль Хавьер заражал его своим безумием, заставляя желать как никого другого.

Детектив зарычал, сопротивляясь напору, когда тот развернул его спиной к себе, толкнул, вынуждая упереться ладонями в заваленную бумагами столешницу, запустил пальцы под пояс брюк. С каких это пор Чейзу хотелось отдаваться этому человеку? Отчаянно и без остатка. Быстро, грубо, пусть даже больно, но так жарко, что нет сил отказаться.

– Лань, – он прикусил губу, когда Хавьер бесцеремонно вторгся в него пальцами, заставляя задыхаться от острого вожделения, хотя даже не прикоснулся к стоящему колом члену.

Призывая к тишине, он протолкнул пальцы в рот Чейза, прижимая язык. У Хавьера были охуительные пальцы, длинные, красивые… музыкальные. И эти пальцы он обожал засовывать, куда не следовало, исследуя рот любовника, проникая под язык, слегка царапая небо, заталкивая глубоко в глотку. И Чейзу нравилось! Вылизывать их, ощущая легкую шероховатость, и чувствовать хозяйничающими в другом месте.

А чувствовалось это чертовски хорошо. После очередного спазма наслаждения Цзян задержал дыхание, сглотнул и немедленно ощутил давление на корень языка. Еще недавно его бы начало выворачивать от этого, а сейчас он даже получал своеобразное удовольствие.

– Сделай так еще раз, – приказал Лань совершенно севшим голосом, хотя впору было Чейзу сказать ему то же самое, но тогда все могло бы очень скоро закончиться.

Это было какое-то колдовство, гипноз. Лейтенант снова попал под действие чар Ланя и готов был позволять ему делать все, что тот только пожелает. Чейз вздрогнул всем телом, вспоминая, с каким лицом Хавьер брал в рот его член, стоя перед ним на коленях на этом самом месте. Однако сейчас Хавьер был твердо намерен напомнить ему – будто бы можно такое забыть! – что, несмотря на недавнее переодевание, тоже является мужчиной.

– Это – долбанная дрессура, Лань? – спросил он, когда Хавьер вытащил пальцы, но еще только примеривался войти. – Хотите, чтобы у меня стоял каждый раз в Вашем кабинете?

– Хочу, чтобы у тебя стоял каждый раз, когда ты видишь меня, – шепнул тот, толкнув его на стол и с силой впиваясь зубами в плечо.

Даже сквозь ткань было больно, но задохнулся Чейз не поэтому. Фабрикант заполнил его сразу полностью, так, что места совсем не осталось. Цзян выгнулся, борясь с тянущей болью, разливающейся то ли в животе, то ли в пояснице. Несмотря на всю свою несдержанность, Лань прекрасно знал, что делает, и даже что почувствует любовник. Боль, испытанная им в первый момент, постепенно сходила на нет. Он напрягся, пытаясь вытолкнуть член, даже зная заранее: бесполезно. Когда терпеть было уже выше его сил, Хавьер зажал ему рот, снова проталкивая пальцы, и начал двигаться.

Чейз укусил в ответ, наверняка больно впиваясь зубами в пальцы любовника, а тот лишь сильнее вдавил его в стол. Сопротивляться было тяжело. Чейз глянул через плечо на Хавьера. Все отметины на теле этого человека появились только потому, что он *позволял* их оставить. Никак иначе. Нет, Чейз не мог сейчас думать об этом. Да вообще ни о чем! Только не после того, как встретился с потемневшим от страсти взглядом Хавьера, так откровенно наслаждающегося обладанием.
***
Все напряжение сегодняшнего дня, кажется, скопилось где-то внутри и искало выхода. Лань не понимал, как сдержался, оказавшись в плену горячего тела. Если бы Чейз только знал, как сильно Хавьер его хотел! Это была даже не похоть, чувство сильное, почти до боли в груди.

– Ты узнал меня, – сказал фабрикант, когда Чейз обернулся к нему, упираясь в разъехавшуюся стопку бумаг. По лицу было понятно, он снова считает это пустяком, детской забавой. – Я хочу, чтобы ты смотрел только на меня.

Чейз протестующе замычал, когда Лань поднял его, чувствительно выворачивая руку за спину. Стало так туго. Чейз, несомненно,

тоже это почувствовал - чем прямее Хавьер принуждал его держаться, тем сильнее он сжимался. Волна жара прокатилась по телу, остановившись ощутимой тяжестью в паху.

– Из-за стола надо вставать немного голодным, – повторил Хавьер дядины наставления. Догадывался ли Хьюго Джеральд Лань, в каком контексте племянник использует эти слова?

Хавьер переступил, заставляя любовника следовать за ним. Член немного выскользнул из него и снова втиснулся до упора. Цзян застонал, а Хавьер потянул жилет с его плеч. Они так торопились соединиться, что не позаботились об этом. А теперь им обоим требовалась передышка, иначе все очень быстро закончится. Цзян принялся помогать, в какой-то момент снявшись с члена, чтобы небрежно избавиться от брюк. Лань немедленно пихнул его к креслу, собираясь снова овладеть там.

– В чем дело, Чейз? – поддразнил он, после недолгой борьбы свалив любовника поперек не менее удобного предмета мебели. – Не ты ли говорил оставить столы в покое?

Цзян взбрыкнул, метя пяткой в лицо Хавьеру, но тот поймал его ногу и задрал повыше. Вид был просто непристойный, особенно когда Чейз возмущенно тряхнул светлой челкой, а на его скулах наметился румянец. Он все еще не привык к тому, чтобы принимать в себя член, когда они вот так, лицом к лицу, а Ланя это просто сводило с ума. Рубашка распахнулась, обнажая плоский живот и грудь, крепкие напряженные мускулы под смуглой кожей, на которой так и тянуло оставить отпечаток зубов, надо только выбрать, где метка будет лучше смотреться. Предыдущая отметина уже почти пропала – и не заметишь, если не приглядываться. Однако Чейз не был бы рад, реши Лань ее подновить – слишком уж место приметное.

Он почти закинул правую ногу Чейза себе на плечо. Тот судорожно схватился за спинку кресла, предчувствуя вторжение. Хавьер знал, что уже хорошо его подготовил и будет не больно, а только хорошо, как бы несдержанно он сейчас не овладел любовником. Болеть будет потом и, возможно, все тело – из-за неудобного положения. Зато Лань увидит все: как снова собьется его дыхание, как будет меняться выражение бездонных черных глаз, как в конце концов Чейз не выдержит и кончит. А потом слизать брызги с его живота и груди, прежде чем впиться зубами. Хотя еще больше Хавьеру бы понравилось добраться до нежной кожи на внутренней стороне бедра. Больновато, но сразу после того, как они оба снимут напряжение – в самый раз.

– Лань, – Чейз попытался его остановить, поняв, что тот настроен не только любоваться.

Фабрикант одарил его одной из самых успокаивающих улыбок, какую имел в своем арсенале, показывая, что снова держит все под контролем. Ему самому необходимо было в этом убедиться, но Чейз, конечно же, не мог просто расслабиться и отпустить себя, особенно вот так – на виду у любовника. Он даже попытался высвободиться и избежать вторжения, но уже в следующий миг запрокинул голову и снова выругался. Он как будто нарочно провоцировал Хавьера. Что ему оставалось? Он подался вперед, заставляя любовника искать опору в совершенно немыслимом положении. Кресло слегка заскрипело, когда Лань поцеловал губы, с которых слетели еще не все грязные словечки. Детективу уже не хватало дыхания, однако он откликнулся, ответил укусом на поцелуй.

Лань выпрямился и провел языком по губам. Чейз зажмурился, впиваясь пальцами в кожаную обшивку, руки подло дрожали от напряжения. Рвано вдохнул, но сбился, когда Хавьер положил руку на его бедро, раскрывая сильнее, а после накрыл член, горячий от прилившей крови. Судя по выражению лица, стоило соблюдать осторожность. Одно неверное движение и можно расплескать.

– Нет, – Хавьер двинул бедрами, убеждаясь, что вошел до упора и владеет Чейзом полностью. – Смотри на меня.

Тот открыл глаза и глянул с вызовом, как будто не его сейчас жёстко трахали. Зрачки совсем слились с радужкой, что придавало детективу немного потусторонний вид. Следующий вопрос: «Почему ты со мной?» так и застрял на языке. Хавьер хотел спросить о том, что давно не давало ему покоя, но вместо этого произнес:

– Посмотрим, как тебе нравится больше всего, – и мягко повел бедрами, зная, где именно следует потереться, чтобы порадовать не только себя, но и любовника. Взгляд детектива немедленно затуманился, а член под ладонью слегка дернулся, напрягаясь. Хавьер отодвинулся так, чтобы колечко мышц идеально облегло член прямо под головкой, и похвалил: – Отлично. Теперь попробуем сильнее?

– Вы не посмеете, – только и успел сказать Чейз и захлебнулся воздухом, потому что Лань посмел.

Он немного переоценил собственную выдержку, хотя все дело было в Чейзе и в том, какое у него лицо на пике удовольствия. Когда тот с криком выплеснул свое удовольствие наружу, он так сжался, будто хотел выжать любовника досуха. У Ланя закружилась голова. Спермы было много – очевидно, Чейз воздерживался, ждал его всю эту неделю. Фабрикант сделал еще несколько рваных быстрых движений, вырвавших у Чейза еще один возглас, а в конце… Он не укусил любовника, как собирался, а только слизнул каплю семени, неведомо как долетевшую до его подбородка. Нужно было что-то сказать, но оба ошарашенно молчали.

Все еще не спеша покидать разгоряченное нутро любовника, Лань достал часы и щелкнул серебряной крышкой. Определённо, нужно было немного отдышаться, а после повторить все еще раз. И ещё.

Часть 71

От Ланя пахло сексом, когда он снова угнездился в одном с Чейзом кресле. Сердиться на него за все эти акробатические штучки не было сил, а потому детектив просто потянул с плеча любовника наполовину снятый пиджак.

– М? – невнятно отозвался на прикосновение Хавьер и, не открывая глаз, потянулся поцеловать Чейза.

– Отдайте его брату при случае, – лениво попросил Цзян. – Вам не нужно притворяться кем-то другим, даже если это Ваш брат.

– Прости, – Хавьер передумал, тогда Чейз сам поцеловал его. Голос Ланя прозвучал странно, но Чейз не придал этому значения.

– Несколько лет назад я набил морду этому павлину Чаттеру, потому что сестра из-за него плакала, так что… – сказал Цзян, но не стал слишком уж предаваться воспоминаниям. Вместо этого он принялся поглаживать Хавьера между лопатками.

На самом деле, когда дело касалось Анны, Чейз становился сумасшедшим старшим братом. Он, а не отец, "кошмарил" ее ухажеров и охранял на приемах и в гостях, как цербер, что считал совершенно нормальным и даже правильным. Если так подумать, Честер проявил чудеса сдержанности, хотя наверняка тихо ненавидел гостя, и даже согласился его выслушать. Кажется, он сделал над собой усилие и постарался понять, хотя убедить его было трудно именно потому, что сам Цзян считал: оно того не стоило. Как бы то ни было, прошлый вечер, как и сегодняшний, остался позади. Небо стало уже темно-синим, а в кабинете и вовсе сгустился уютный мрак.

Стало так спокойно… Цзян слегка задрал рубашку любовника, проникая под нее, чтобы потрогать теплую поясницу. Пальцы тут же наткнулись на тонкий, едва заметный шрам и разгладили его. Хавьер вздохнул, выдавая удовольствие. Сейчас все было просто и понятно, подумать только – с Ланем могло быть так. Вот бы это случалось почаще. Нет, он не против бурной страсти, но в таком спокойствии тоже была своя прелесть.

Почувствовав себя увереннее, Чейз провел вдоль позвоночника Ланя вверх, а потом снова вниз, на сей раз забираясь в его штаны. То ли в темноте осязание обоих так обострилось, то ли он раньше предпочитал не обращать внимание на то, что Хавьер на самом деле очень чувствительный, даже удивительно, учитывая его вкусы и то, как с ним обращался бывший любовник. Человек, которого Лань до сих пор боялся.

Чейзу вовсе не требовалось подвергать фабриканта ощущениям на грани боли, чтобы его дыхание сбилось, а кожа снова стала горячей. Чтобы тот в конце концов тихо, почти мелодично застонал. Он все еще собирался сказать Ланю, что им лучше какое-то время не видеться, но теперь сделать это будет намного труднее, чем утром. Ему хотелось переспать с этой мыслью, но Цзян понимал, что просто оттягивает неизбежное.

– Лань, – сказал он, и собственный голос показался слишком громким. Наверное, недавно его слышал весь дом… Хорошо, если Честер находился в это время в другом крыле, где располагался его кабинет и логово его художника. – Вы сообщите мне, если Вам кто-то будет угрожать?

– Мгм, – согласился тот довольно неохотно, но, похоже, это объяснялось неудачно выбранным моментом для серьезного разговора.

Они оба еще не насытились друг другом и, кто знает, останутся ли силы для обсуждения этих вопросов потом, когда они, может быть, переберутся в спальню. Так что выбора не было.

– Хорошо, что вы с братом наняли охрану, и обещайте, что сообщите в полицию при малейшей угрозе, – он сместил руку вбок и слегка ущипнул любовника, требуя проявить больше внимания. – Я хочу быть уверен, что пока я занят расследованием, здесь ничего не случится. Никаких пожаров и другого дерьма, Лань.

– Чейз, ты говоришь так, будто… – Лань приподнялся, пытаясь разглядеть его лицо. Выглядел он очень тревожно.

– Я говорю так, потому что хочу оградить Вас от дела, которым занимаюсь. Даже если для этого нам на какое-то время придется перестать видеться, – собеседник пошевелился, Чейз угадал в этом движении нервный кивок. – Кроме того, я хочу знать, если объявится тот человек, из-за которого Вы пили.

Он выбрал самую обтекаемую формулировку, но все равно почувствовал себя скверно, заговорив об этом. Лань напрягся и, скорее всего, неосознанно, схватился за него. Похоже, он еще до конца не осознал, что в любой момент может снова услышать об этом проходимце, а ещё, чего доброго, тот заявится прямо сюда.

– Он ничего Вам не оставлял? – настойчиво спросил лейтенант, потому что любовник продолжал молчать. – Если Вас преследуют, я…

– Ничего такого, за чем бы решил вернуться, – ответил тот, как всегда уклончиво. – Ты хочешь взглянуть?

Чейз дал положительный ответ, хотя совсем этого не желал. Лань неохотно выбрался из кресла, чтобы зажечь лампу. У него нашелся кувшин с водой и салфетки, а еще нижний ящик стола, надежно запирающийся на ключ. Чейз ожидал увидеть там какие-нибудь личные вещи, может быть, старые бумаги или письма, да хоть забытые перчатки! Но то, что оказалось в запертом ящике, было… странным. Назначения многих предметов Цзян просто не понимал.
***
Чейз сказал, что хочет видеть его таким, какой он есть. Иначе понять его было невозможно. Но как он может вот так говорить подобные вещи да еще таким серьезным тоном? А сразу после этого сообщить о решении, не видеться несколько дней… или даже недель.

Сходное чувство Хавьер испытывал только раз в своей жизни, и то много лет назад. Ощущение полета, когда летишь вниз по скользкому схваченному морозцем после оттепели склону. Испуг сменяется чем-то похожим на восторг, опьянение, а потом накатывает с новой силой, когда вместо твердой, покрытой слежавшимся снегом земли опорой оказывается хрупкий трескучий лед. Вода обжигает, как кипяток, а ведь она тоже ледяная, как все вокруг. Несколько секунд отчаянной борьбы и вот уже он пытается осознать, что весь мокрый трясется на берегу реки, а вниз по коварному склону спешат перепуганные родные.

Хавьер не собирался устраивать любовнику никаких проверок, довольно и того, что тот узнал его сегодня. Одно это значило для фабриканта больше, чем Цзян мог себе представить. И когда Чейз спросил о вещах, оставленных Йеном, Лань ни о чем таком не думал. Идея пришла позже, когда они зажгли свет и оба заглянули в ящик, который он давно уже не открывал. Замок отчаянно заскрипел, напоминая, что начало весны выдалось сырое.

– Подарки… – проговорил он, когда до Чейза, судя по лицу, стало доходить, что перед ним. – Их ведь обычно не забирают?

– Зачем Вы их хранили, Лань?! – воскликнул Цзян, даже не выйдя из себя. Он был слишком удивлен, чтобы разозлиться и наорать по-настоящему. – Да еще и в ящике гребаного стола!

– Хочешь сказать, я должен был оставить их в спальне? – невинно поинтересовался он.

– Конечно же, нет! – отчеканил Цзян.

– Признаться, кое-чем из этого я иногда пользовался, – он указал на продолговатый жезл необычной формы, искусно выполненный из нефрита.

Человек с воображением, рассматривая изящный изгиб, округлые выпуклости и завиток на сужающемся конце, принял бы его скорее за предмет искусства, чем за то, чем он являлся на самом деле. Потом на глаза Ланю попался довольно крупный шарик из металла, с ножкой, напоминающей якорь или ручку штопора. Он с улыбкой извлек вещицу из ящика, чтобы ощутить ее вес и прохладу.

– Для чего это? – все же спросил Чейз, хотя не было похоже, что ему и правда интересно узнать ответ. Просто он насторожился и, пожалуй, не беспочвенно.

– *Он* вставлял это в меня, и мы шли ужинать, – признался Хавьер, как подросток возбуждаясь от собственных откровений. Заметил ли Чейз? – Под одеждой ничего не видно, но при движении внутри катается тяжелый шарик и это очень даже хорошо чувствуется.

– Черт бы Вас побрал, Лань, – протянул детектив почти с восхищением и под его взглядом Хавьер отвернулся. – Да Вы же хотите этого! Хотите, чтобы я затолкал в Вас это… орудие и вывел на улицу. О ком Вы тогда будете думать? Обо мне или о *нем*?

Лань беспомощно посмотрел на него. Такой реакции он не ожидал. Думать? Да. С той только разницей, что Хавьер хотел заставить Чейза думать о нем. Что ответить, чтобы детектив не догадался, что это ему скоро предстоит весьма тесное взаимодействие с этим, как он выразился, орудием. Переборов оцепенение, Лань отрицательно мотнул головой. Цзян бы так не сделал. Это Йен мог нарочно схватить его за руку и заставить перебежать через улицу перед каким-нибудь экипажем.

– Я не хочу *его* вспоминать, – сказал Лань, погасив злость Чейза. – Но и забывать – не должен.

Слишком дорого обошлись Хавьеру ошибки. Ему до сих пор снились кошмары, в которых он снова совершает их. И каждый раз в них появляется призрак, который теперь и наяву преследовал фабриканта. Цзян задвинул ящик, не заметив, что там чего-то не хватает.

– Заприте, – со вздохом сказал он и, дождавшись не менее душераздирающего скрипа, добавил: – Это я конфискую.

Глядя на протянутую раскрытую ладонью вверх руку, Хавьер сперва подумал о вещице, уже успевшей отяжелить карман, но потом сообразил – речь всего-навсего о ключе. Чейз терпеливо ждал, а Хавьер боролся с искушением спросить, продиктовано это решение ревностью или все-таки опасениями за собственную шкуру.

– Забавно, – он, наконец, улыбнулся, находя в ситуации все большую прелесть, и с удовольствием выполнил требование Чейза. – Выходит, мы только что обменялись ключами?
***
Вэйду потребовалось приложить немало усилий, чтобы освободить Честера хотя бы от пиджака. Он собирался сделать фабриканту хороший массаж, промять плечи, шею и спину, насколько позволит спинка кресла. Раздался стук и кто-то вошел в часть дома, которую снимал художник.

– Мистер Инн, – позвал Майкл. – Дядя у Вас?

– Да, – отозвались оба мужчины. Честер подобрался, но Вэйд не подумал убирать руки с его плеч, слегка перебирая пальцами и поглаживая, чтобы прогреть.

Пришлось с силой надавить, не давая подняться с места. Пока что они не делали ничего такого, что следовало скрывать от юноши, в чьем возрасте Зик уже вкусил запретный плод, несмотря на наставления матери, считавшей, что это удовольствие должно быть доступно лишь только после венчания. Она и невесту ему выбрала… Знала бы она, точно бы решила, что сын одержим.

– Ты меня искал? – откашлявшись, спросил Честер.

– Да, – Майкл посмотрел на них пронзительным, как у отца, взглядом, явно о чем-то догадываясь. – Хотел спросить о мистере Цзян. Отец ведь сейчас…

– Обсуждает с лейтенантом дела в кабинете, – не дослушав, поддержал разговор художник, не давая ему уйти не в то русло.

Будь они наедине, он бы много чего мог рассказать мальчишке, но сейчас стоило воздержаться. В ближайшее время он поймает для этого подходящий момент – всегда проще говорить на такие темы с посторонними взрослыми и с чужими детьми соответственно. На пару мгновений художник задержал взгляд на губах Майкла. Наверняка тот уже целовался с девчонками. Не может быть, чтобы такой симпатичный юноша не завоевал симпатию хорошеньких сверстниц, за которыми не достаточно бдительно приглядывали. Хотя может статься, что все вышло в точности как у Санни, который целовался с мальчишками из воскресной школы, пока старший брат и сестра Элизабет не видели. Из интереса, разумеется, и дальше этого не зашло.

Как же они с адвокатом тогда много выпили… Вэйд тоже поделился с ним кое-какими откровениями, так что, протрезвев, Санфорд еще очень долго не мог смотреть ему в глаза и еще дольше продолжал краснеть в его присутствии, что можно было считать безоговорочной победой художника. Не всякому дано довести адвоката до такого состояния.

– Миссис Чаттер – хорошая, а ее брат? – уточнил Майкл, совсем немного знакомый с детективом.

– Даже на хорошего человека можно разозлиться, – Честер уже признавал, что напрасно вспылил в присутствии племянника, хороший знак.

Стоило это поощрить, пробравшись пальцами в ворот рубашки и слегка размяв там. Это нехитрое действие не осталось незамеченным. Дядя, наконец, немного расслабил плечи под любопытным взглядом племянника. Вэйд осторожно переступил, отодвигаясь немного вбок, и поманил юношу.

– Давай-ка покажу одну штуку, – предложил художник. – Поднимем волосы. Вот здесь есть очень занятная точка, нет, на себе ее не увидишь.

Он хихикнул, потому что Честер, смущенный тем, что стал учебным пособием, начал вертеться. Вэйд научился этому в одном из путешествий, но на себе проделывать это было не очень удобно. На другом человеке он и сам пробовал это впервые, но хорошо помнил ощущение.

– Одной рукой подстрахуй дядю, чтобы он спокойно мог наклониться вперед, а другой надави вот так, пусть опустит голову, – принялся объяснять Вэйд, продолжая придерживать гладкие темные волосы Честера. – Не слишком надавливая, круговыми движениями. Ты сразу поймешь, это – то самое, когда почувствуешь тяжесть.

Уши Честера порозовели, но в остальном он не выдавал своего смущения и не пытался и вскочить, как вначале. Этот нехитрый прием здорово помогал расслабиться, а ещё, по слухам, улучшал сон и даже мог ослабить головную боль, Вэйд не проверял, но такая возможность у него определенно еще появится и, может быть, даже сегодня.

– Лейтенант не хотел причинить кому бы то ни было вред, – сказал Инн, успокаивая обоих собеседников. – Мне кажется, он говорил искренне, а еще держал своего пса подальше от меня. Оказывается, может, когда хочет.

– Ангел очень послушный пес и намного умнее спаниелей, – Майкл изумленно уставился на художника. – Неужели он хулиганил?

– Не говори мне о спаниелях, – взмолился Вэйд, немедленно вспомнив недавнюю поездку на ферму. – Когда мистер Борринг – как он только живет с такой фамилией? – притащил свой выводок на чай, так они вместо того, чтобы бегать по саду, как нормальные собаки, хотели съесть меня вместе с моим куском пирога! А хозяин только посмеивался и предлагал взять щенка! Хорошо, что Честер собрал их, как белье в корзину и занес в дом!

Часть 72

Когда они с Вэйдом остались одни – Майклу пора было отправляться в постель, а Саймон до сих пор не почтил их своим присутствием – художник занялся освещением. Честер уже знал, что за этим последуют уговоры, и он непременно уступит. Так, может, не стоило противиться неизбежному? Он прекрасно помнил, что сегодня придется расстаться с брюками и даже почти примирился с этим. Строго говоря, художник тоже был мужчиной и ничего нового для себя увидеть не мог. К тому же они уже делали куда как более развязные вещи вместе. Вздохнув, фабрикант принялся раздеваться, но вещи складывал и располагал на кресле особенно тщательно, тем самым растягивая процесс, насколько это вообще было возможно. Ему было до ужаса неловко! Еще более неловко, чем выходить в сад, предварительно сняв рубашку.

Вэйд утверждал, что без этого ему не удастся правильно подобрать оттенки, но Честер был практически уверен – ему просто доставляют удовольствие совместные прогулки под луной. И, несмотря ни на что, оно того стоило. Честер делал это снова и снова, чтобы увидеть, как лицо Инна озаряет улыбка, как он не может отвести от него глаз, и даже не подозревает, что в этот момент фабрикант открыто любуется им.

Художник говорил, что есть особая магия ночи, но Честер был уверен, что попадал под действие его собственных чар. Серые глаза Вэйда таинственно вспыхивали, как у настоящего волшебника, только вместо полагающейся таковому палочки или посоха, увенчанного шаром хрусталя, у него имелся целый арсенал кистей и красок.

– Ты необыкновенный! – воскликнул Инн, и ему тут же захотелось возразить. – Если бы я сейчас не рисовал Адама, то непременно изобразил тебя вот так, прямо в этой позе, раздевающегося и обязательно этот взгляд снизу-вверх… Нет, это точно надо запечатлеть и никому не показывать!

Фабрикант понятия не имел, что такого особенного в его взгляде, но Вэйду было виднее. Поэтому он только издал невнятный звук, вроде как соглашаясь с его словами, но при этом оставаясь при своем мнении. Будь Честер фотографом, делал бы снимки каждый день, при разном освещении и за самыми разными делами, и все равно их было бы мало, так же как и образов, бережно хранимых в памяти. Он мог быть уверен: ни один кадр не повторял бы другой в точности, до того разным бывал художник. На первый взгляд он мог показаться поверхностным, но так мог подумать только человек, не знакомый с ним достаточно близко.

Вэйд не забыл плотно задернуть шторы, памятуя о том, что в любой момент на веранду могут заглянуть снаружи. Это было очень заботливо с его стороны, но тем самым художник лишил Честера возможности видеть их отражение в стекле, что немало расстраивало. Ему нравилось видеть художника за работой, а не только слушать его голос. Замечать, как сосредоточенное выражение лица сменяется мечтательным или наоборот…

– Жаль, что сегодня мы не поехали в Брайт Хаус, правда? – неожиданно спросил Вэйд, поправляя его руку. – Ник, наверное, волнуется.

– Ты мог поехать один, – заметил Честер, которому все еще неприятно было слышать про Уэйна. Особенно от Вэйда.

– Это – не то, – заявил Инн, медленно проведя по руке к плечу и ниже. Отступил на шаг, проверяя, все ли идеально. – Все равно, что рисовать лунную ночь при свете обычной лампы, которая вроде бы всегда под рукой.

Честер не уловил связь, которую видел Вэйд, но спорить не стал, потому что тот снова прикоснулся к нему. Теплое осторожное касание, затем еще одно. Честер застыл, даже не дыша, пока чуткие пальцы путешествовали от поясницы вверх. Все-таки было что-то ужасно неловкое в том, чтобы позировать обнаженным. Если бы они оба были без одежды, он чувствовал бы себя немного лучше. С другой стороны, от этого ситуация оказалось бы еще более смущающей, но теперь он уже не мог думать ни о чем другом. Наверняка Вэйд уже рисовал, будучи голым, и даже не обращал на такой пустяк внимания. Художник рассказывал, что вдохновение могло застать его в любой момент, и даже показывал пару набросков, нарисованных кистью, которую он окунал в кофе вместо краски.

– Так и знал, – объявил Инн, пощекотав его ухо. – Горячее! Нет-нет, не двигайся, ты помнишь правила: во время работы нужно вести себя смирно.

Честер поискал взглядом какую-нибудь отражающую поверхность, ему просто необходимо было посмотреть на Вэйда, который все время держался у него за спиной. Конечно, от этого было не так стыдно, но так Лань не видел, какие эмоции отражаются на живом лице мужчины.

– Ты ведь пообещал не двигаться, – Вэйд поцеловал его в плечо. – Значит, теперь ты весь в моей власти, как если бы я заколдовал тебя.

Честер с трудом удержался от того, чтобы удивленно воззриться на Вэйда. Тот как будто прочитал его недавние мысли! Может, он знал и о том, что Честер воображал его перед мольбертом без одежды?

– Только представь, я могу делать с тобой все, что угодно, а ты не можешь и пальцем пошевелить, – шепот звучал почти интимно. – Насколько хватит твоей выдержки? Сможешь ни разу не пошевелиться, если я постараюсь и сделаю тебе приятно? Очень приятно…

Честер сглотнул, потому что ладонь Вэйда легла на его ягодицу и медленно, легкими поглаживаниями, направилась к бедру, чтобы уже оттуда продолжить путешествие в направлении… члена? Он правда собирался это сделать? Если он воплотит эту затею в жизнь, фабрикант ни за что не сможет позировать. Ни сегодня, ни когда-либо еще, потому что от него останется горстка пепла.

– Честер, я же просто хотел проверить, получится ли вогнать тебя в краску еще больше, – хихикнул Инн и игриво шлепнул его. – Прости-прости, с меня причитается компенсация. Ты можешь попросить все, что захочешь. В пределах разумного, конечно.

Сердце застучало так, будто готово было выпрыгнуть из груди. Пришлось сделать пару вдохов и выдохов, справляясь с внезапным волнением. Он в любой момент мог попросить что угодно, но сейчас Вэйд пообещал, что обязательно исполнит его желание, а это – совсем другое дело. Нельзя подходить к этому вопросу необдуманно, особенно сказать первое, что придет на ум, чтобы потом не пришлось жалеть.

– Можно я немного подумаю? – попросил он, прогоняя образ Вэйда, покачивающего в воздухе босой ногой и старающегося, чтобы масло не попало на ничем не прикрытую кожу.

– Конечно, – легкомысленно откликнулся художник, как будто бы совсем не переживал о том, какой будет просьба Честера.

Он наконец отошел, благодаря чему у фабриканта хоть немного прояснилось в голове. Все внимание живописца уже было отдано картине, понял Лань. Полотну, которое он ни разу не видел. Мужчина вздохнул чуть глубже, но так, чтобы Инну не потребовалось возвращаться и поправлять его позу. Он уже начал привыкать уделять внимание этому моменту, как отслеживал в обычной жизни осанку и многие другие вещи.

Все-таки позировать вот так время от времени было хорошо – он мог слушать увлекательные рассказы художника или, как сейчас, собственные мысли – но это никогда не стало бы его призванием. Ему просто нравилось то, что Вэйду это доставляет удовольствие. Ради него можно было потерпеть некоторые неудобства и даже смущение. Наверное, дядя упал бы в обморок, или как минимум, схватился бы за сердце, на которое никогда не жаловался, если бы узнал, что его племянник делает ночью вместо того, чтобы спать, как все приличные люди…

Лань вспомнил о близнеце. Хавьер, если вообще будет спать сегодня, то точно в одной постели с братом Анны. Стоило ли волноваться из-за этого? Честер не знал. И, вероятно, потому, что Инн не мешал течению его мыслей, подумал о том, каково это? Нет, не провести ночь с инспектором из Скотланд-Ярда, это представлялось чем-то из ряда вон выходящим. Что-то другое…

– Вэйд, – не оборачиваясь, позвал он вместо того, чтобы прикусить язык. – Можно я сегодня буду спать с тобой?
***
Какое-то время потребовалось художнику, чтобы просто осознать сказанное Честером. Это стало для него полнейшей неожиданностью. Разумеется, Лань имел в виду именно сон и ничего больше. Он просто не понимал, что от полностью обнаженного мужчины это предложение звучало очень смело и весьма соблазнительно. Настолько, что Вэйд даже немного растерялся – думал-то, что натурщик сбежит от него, едва только появится такая возможность!

Инн не вовремя вспомнил о привычке Честера спать без одежды. Признаться, и ему самому так нравилось больше… И это значило, что даже если он захочет соблюсти приличия, у него не найдется ни пижамы, ни хотя бы длинной сорочки! Художник потрогал щеку тыльной стороной ладони, чтобы не оставить мазков масла где не надо. Трудно поверить, но одной единственной фразой Честер вогнал его в краску. Знать бы ещё, намеренно или все-таки случайно…

– Конечно, – с легкой запинкой выговорил он, потому что уже слишком долго тянул с ответом. – Мой дом – твой дом, притом буквально.

Вэйд уже забирался в постель к Честеру, вчера они даже дремали в ней перед тем, как случились все эти события. Однако теперь инициатива исходила не от художника, и это меняло буквально все. Каждый раз, стоило Ланю взять все в свои руки, Инн превращался в податливый молочный пудинг и, если бы не банальная нехватка опыта в интимной сфере, Честер давно бы уже делал с ним все, что только пожелает.

– Правда? – настороженно уточнил фабрикант, заколебавшись.

– Мы можем ложиться спать вместе, когда тебе будет угодно, – уточнил Вэйд, чтобы был повод повторить несомненно приятный опыт.

Однако Инн засомневался в себе и этом предприятии уже к тому моменту, когда принялся чистить инструменты. Просто смотреть на Честера и не испытывать при этом желания было выше его сил. Что будет, когда они окажутся на не такой уж и широкой кровати, да еще и под одеялом? Думал ли о том же фабрикант, когда взял свою одежду и с ней в руках направился… Да не важно куда! По его части дома прямо сейчас расхаживал самый красивый мужчина из всех, кого Вэйду доводилось видеть, совершенно без одежды, да еще и держался при этом так естественно, будто делает это каждый день. Инн продал бы бессмертную душу Дьяволу, при условии, что тот бы существовал, и только пообещал, что это войдет у Честера в привычку.

Художник остался один. Самое время было выдохнуть и навести порядок в голове, а не думать о том, что Лань будет ждать в его постели. Обнаженный! Вэйд откинет одеяло и сразу почувствует тепло. Может, оставить лампу слегка теплиться, чтобы открывать глаза и видеть, что это – наяву? Но что-то подсказывало: он и не вспомнит о лампе, когда войдет в спальню.

Там все было именно так, как он себе и представлял. Лань уже успел улечься, но еще не спал. Просто затаился и ждал, что будет дальше. Пришлось напомнить самому себе о необходимости проявить деликатность и сдержанность. Раз столько мечтал о нем и ждал, можно потерпеть и еще немного.

«Вэйд, держи себя в руках, – мысленно приказал он одной части своего тела, прежде чем расстегнуть брюки. – Нельзя сейчас…»

Все шло хорошо. Даже очень хорошо! Он забрался под одеяло, убеждаясь: они очень близко. А еще, что отвык спать с кем-то. Кроме Саймона, конечно, но с ним не становилось так жарко.

«Если буду лежать к нему спиной, все будет в порядке», – решил Вэйд, повернувшись и слегка придвинувшись к Честеру.

Тот пожелал ему доброй ночи и… обнял. Вэйд растаял в ту же минуту, как случалось всякий раз, когда Честер первый обнимал или целовал его. Это выходило у него так правильно и так вовремя. Лань будто наперед знал, когда наступит момент, наиболее подходящий для ласки. Не раньше и ни в коем случае не с запозданием, а в самый раз.

«Небеса, за что мне такое?.. – мысленно вопросил художник, накрывая руку Честера своей и поглаживая, нащупывая слегка выступающие вены и чуточку шероховатые суставы. – Как мне выдержать вот так целую ночь?!»

Часть 73

Вэйд был уверен, он ни за что не сомкнет глаз, так и будет лежать, слушая спокойное дыхание Честера, который ни о чем таком не думал. Однако незаметно сон все-таки подкрался, а когда что-то нарушило приятную дрему, ситуация кардинально изменилась.

Это было какое-то несчастливое стечение обстоятельств. Он вполне смог представить, как ночью им обоим стало жарко, а под утро то ли оба остыли, то ли в дом пробралась сырость с улицы, заставляя искать источник тепла. Как бы то ни было, Вэйд проснулся, прижимаясь к фабриканту всем телом, как к печке. Тот уже не спал и повернулся, приподнимаясь на локте и нависая над художником.

Инн почувствовал, как по горящей щеке мазнули кончики распущенных, слегка помятых со сна волос, и беспомощно посмотрел в янтарные глаза напротив. Нерешительно, но Лань наклонился еще чуточку ниже, поддаваясь желанию.

– Честер, только один поцелуй, – предостерег его Вэйд, не узнав собственный дрогнувший голос. – Пожалуйста, не больше. Иначе мне не удержаться...

Он умолчал о том, что не удержатся, скорее всего, они оба. Нет, в его представлении все должно быть не так. Во-первых, нужен идеальный момент, а не такой, когда скоро завтрак, а Честеру нельзя опоздать на фабрику. И, во-вторых… на этом «во-вторых» мысли превратились в желе, потому что Лань поцеловал его, ничего не говоря, только показывая, как сильно хочет обладать им. И если бы он сейчас попросил, Вэйд отдался бы ему без оглядки.

Однако Честер внял его мольбе и, когда поцелуй закончился, откинул одеяло и поднялся с кровати. Вэйд же напротив зарылся в него чуть ли не с головой, пытаясь успокоить колотящееся сердце. Он даже по-настоящему не подглядывал за тем, как Честер одевался!

Из постели художник выбрался примерно через четверть часа, когда фабрикант уже ушел к себе. Наскоро умывшись и стерев следы собственной несдержанности – живое воображение сыграло с ним злую шутку. Стоило только вообразить, что он и Честер занимаются любовью, что тот кусает его за плечо, придавливая к постели, что руки фабриканта беспрестанно ласкают его...

– Постойте, – пробормотал он, наперекосяк застегнув пару пуговиц на рубашке, и хорошенько растрепал волосы вместо того, чтобы их расчесать. – Честер и тут захочет быть главным?

Перебарывая пуговицы, он вышел на веранду, где Честер отдернул шторы, и перенес отставленный в угол мольберт, чтобы свежим взглядом взглянуть на Адама, оценить проделанную работу и окончательно убедиться в том, что эту картину он оставит себе, а заказчику… Заказчику он может в качестве утешения отправить Еву. Мало ли в мире прелестных девушек? Может быть, через Солта ему удастся заполучить мордашку, перед которой дрогнет даже каменное сердце?

Однако чиркнуть владельцу бара пару строк художник не успел. В комнате послышалось угрожающее цоканье когтей. Саймон ни за что бы так не смог. Вэйд медленно, как в кошмарном сне, повернулся и увидел перед собой терьера, плотоядно принюхивающегося к нему. Ангел был очень даже милой собакой, если спал или играл на улице. Сейчас Вэйд столкнулся с ним нос к носу и потерял дар речи. Горло сдавило, художник засипел, вместо того, чтобы позвать на помощь, а зверь подошел ближе, явно примериваясь, с какой стороны откусить кусочек.

– Ангел, – раздался голос лейтенанта, но пес только ухом повел, прислушиваясь к приближающимся шагам.

Вэйд затаил дыхание, дожидаясь, когда придет спасение. Полицейский не торопился. Он на несколько секунд застыл на пороге, а потом похлопал ладонью по бедру, подзывая пса. Тот перестал обнюхивать руку художника, подошел и сел у ног хозяина, вернее, прямо ему на ботинок.

Инн понимал, что тот разглядывает незаконченную картину, но не находил в себе силы приблизиться к адскому псу и заслонить ее от любопытного взгляда темных глаз. Кое-как совладав с дрожащими пальцами, художник достал платок и промокнул им пот со лба.

– Вы ничего не меняли? – Чейз пригвоздил его взглядом, тяжелым и острым. Понял, что собеседник совершенно не понимает, к чему он клонит, и уточнил: – Я имею в виду, Вы не приукрашивали?

– Это ведь Честер... – по его мнению, одно это уже все объясняло. – Мне тоже не верится, как можно быть таким идеальным... Знаю, привычно представлять музу в обличье миловидной девицы, но меня, признаться, всегда вдохновляли мужские черты…

Чейз кивнул, но не ему, а как будто себе, сделав какие-то выводы. Потом развернулся и пошел прочь, Ангел вышагивал рядом, всем своим видом показывая, какой он образцовый полицейский пес. Мороз по коже.

– И… что это было?.. – пробормотал Вэйд и отставил Адама лицом к стене, подальше от чужих глаз. Задать этот вопрос инспектору возможности не представилось, на завтрак они с псом не остались.
***
Весь день Чейз впадал в крайности. То был раздражителен больше обычного, то, наоборот, спокойнее, чем следовало бы. И конечно, это не укрылось ни от Смита, ни от Дженса, которому Цзян, наконец, высказал все, что накипело. Информация об их ссоре ожидаемо дошла до Женевьевы, Чейз и сам понимал, что нарывается на взыскание, а то и отстранение.

– Чейз, ты сам на себя не похож. Что с тобой? – спросила она прямо. – Что-то произошло в Карпе?

Цзян с чувством выругался, но это никак не было связано с упоминанием этого притона. В этом был виноват чертов Лань с его сумасшедшими затеями. Изворотливый сукин сын! Если бы Чейз только догадывался, что фабрикант что-то затевает, то не проявлял бы настойчивость, чтобы попасть в его постель. Он бы скорее лишил себя просто восхитительной ночи, лишь бы теперь не чувствовать, как все внутри то напрягается, то снова расслабляется.

– Ты читала отчет, – он судорожно сглотнул и вцепился в подлокотник кресла.

Когда Чейз сел, чтобы не маячить перед суперинтендантом, казалось бы, небольшой предмет продвинулся внутри него глубже, в который раз напомнив, что Лань утром сделал. Но хотя бы на время прекратились постоянные дразнящие движения.

– Ты знаешь, о чем я спрашиваю, – сказала женщина, проницательно глянув на него.

– А ты знаешь, что за место этот Карп? – огрызнулся Чейз, которому совершенно не хотелось обсуждать, когда и что именно

пошло не так.

Все было слишком сложно. Слишком запутанное стечение обстоятельств. С одной стороны, само по себе это место было гнойной язвой на теле Лондона, которую он намеревался теперь стереть, во что бы то ни стало. С другой… Если бы Лань однажды не попал туда? Если бы мерзкая хозяйка клуба не пригласила Йена Мэйсона? Если бы информация об этом не дошла до Скотланд-Ярда? Если бы ему тогда оставили выбор? Едва ли, будучи уверенным, что Лань его не простит, Цзян нашел бы в себе силы извиниться. Ему бы остались только сожаления.

– С Холли не все прошло гладко? – сделала новую попытку Женевьева. И перед глазами Чейза на миг встал образ роскошной брюнетки.

– Забудь о Холли, – сказал он, и ответил тяжелым взглядом на оставшийся не заданным вопрос. – Давай лучше подумаем о том, как раз и навсегда прикрыть эту лавочку.

– Об этом поговорим позже, когда с тобой можно будет разговаривать, – пообещала суперинтендант и очень внимательно посмотрела на подчиненного. – Ты сегодня виделся с *ним*?

– Жэнни… – он закатил глаза, по интонации поняв, о ком идет речь. – Лань-то тут причем?

Хотя Чейз и понимал: очень даже причем. «Это не вынимай», – так Хавьер сказал, когда что-то прохладное скользнуло в Чейза и довольно уютно расположилось внутри. Черта с два у него бы это получилось! Женевьева вздохнула так, будто подозревала, в какой затруднительной ситуации находится Цзян.

– Чейз, – взяв чашку с кофе, она присела на край стола. Мужчина терпеть не мог ее ехидную улыбку и все эти понимающие взгляды! – Иди, выпусти пар.

– Что ты вообще предлагаешь?! – тут же взвился Чейз. – Прямо сейчас, в разгар рабочего дня?!

– Просто съездишь к *нему* и вернешься нормальным человеком, – она усмехнулась и отпила кофе. – Я же тебя знаю, ты в любом случае потом задержишься. А если вернешься не слишком довольный, все решат, что мотался куда-то по моему поручению. Ну?

Чейз все еще возмущенно посмотрел на свою начальницу. Конечно, ему хотелось Ланя… прямо сейчас. Да кто в здравом уме отказался бы от него? Особенно после таких… ощущений. Конечно, Женевьева не видела проблемы в том, чтобы съездить на фабрику, и «выпустить пар», по выражению. Но как Цзян потом вернется на работу, если не он, а его нагнут и как следует отымеют?

– Чейз, не гневи Бога, поезжай, а? – попросила женщина, рассматривая озерцо гущи на дне своей чашки. Чейз не имел ни малейшего желания заглядывать туда в поисках очередных туманных предостережений.

Чейз не знал, что было у него в голове в тот момент. Что было у Жэнни в голове, впрочем, тоже. Он просто привык слушаться суперинтенданта, а ее предложение больше походило на ответственное задание. На ходу приказав Смиту присмотреть за Ангелом в его отсутствие, он прямиком направился на улицу. Не хватало, чтобы пес не так понял, чем он собирается заниматься, и кого-нибудь покусал. Впрочем, даже если бы Ангел просто сидел в сторонке и наблюдал за происходящим, было бы не лучше.

Сел в первый попавшийся кэб, откинулся на спинку и потер переносицу. Дорога обещала быть не менее веселой, чем от дома Ланей до участка, но тогда еще Хавьер на прощание хлопнул его пониже спины так, что проняло до макушки. Впрочем, и сейчас он очень явственно ощущал каждое движение коляски.

Запоздало Цзян подумал о газетчиках, которые вполне могли пронюхать о его личном визите к Ланям и такого напридумывать… Так уже было, когда нелегкая принесла его на семейное предприятие. Наверняка тот вшиварenок знал, кто он такой, когда строчил эти свои писульки. «Скотланд-Ярд ведет официальное расследование»; «Подробности пока не разглашаются». Пальцы бы ему переломать, да должность не позволила…

Как ни странно, светить жетоном не потребовалось: его без вопросов проводили к Хавьеру Ланю по первому же требованию. Поворачивая удачно торчащий из замочной скважины ключ, Чейз окончательно уверился: фабрикант знал все наперед. Однако именно сегодня идти у него на поводу и нарушать данное себе обещание было очень сладко.

Хавьер улыбнулся, слегка, самым уголком губ. Так, как он улыбался утром, когда… Чейз едва не застонал от этой неуловимо-развратной усмешки, вспомнив, на что способны эти губы. Они идеально подходили для того, чтобы приносить удовольствие. А когда фабрикант глубоко – и как ему только это удавалось? – заглатывал член, о сдержанности можно было забыть.

– Лань, – зашипел он, когда тот гибко встал из-за стола и шагнул к нему. – Вытащите из меня эту долбанную штуку!

Фабрикант изобразил на лице изумление. Его дворецкому стоило этому поучиться. Когда утром Уотсон увидел Чейза, выходящим из спальни Хавьера, то не выказал ни малейшего удивления. Только пожелал доброго утра и сообщил, когда будет подан завтрак, будто бы Чейз собирался здесь задержаться. То ли этот человек и правда был настолько непробиваемо невозмутим, то ли Цзян был далеко не первым мужчиной в постели его хозяина. Эта мысль неприятно резанула, что тогда, что сейчас.

– Чейз, – Лань принялся неторопливо заплетать волосы в косу, как делал каждый долбанный раз. Даже этим утром перед тем, как решил отыметь спящего любовника пальцами. – Я весь день работать не мог…

– Вы не могли?! – возопил он, схватив фабриканта за лацканы пиджака. – Вы хоть понимаете… Вы помните, что это такое?!

– Я ждал тебя, – все это уже было в самом начале, по сути даже до начала. – Уже готов был звонить в участок…

Чейз хорошо помнил это выражение, но тогда был слишком зол, чтобы распознать чужое желание – он просто пытался вытрясти душу из незваного гостя и все. А теперь хотел ее вытрахать – не так уж и много изменилось. Он всего лишь не мог прожить день, не видя Хавьера…

Часть 74

Чейз проследил за кончиком языка, ненадолго показавшимся между губами фабриканта и задержал взгляд на правом уголке, где еще угадывались следы только что стертой улыбки. Теперь прозрачно-серый цвет глаз придавал Хавьеру немного безумный вид, однако эта же нотка одержимости только больше влекла к нему.

– Все представлял, какой ты приедешь взвинченный и как возьмешь меня прямо на столе. Я специально разобрал его для этого и еще… – голос его стал совсем тихим. – Я подготовил себя, чтобы ты сразу же мог войти, как только пожелаешь, не сдерживаясь, не опасаясь, что мне будет больно.

– Вы… что? – переспросил Чейз потому, что в голове зашумело.

– Внутри так скользко и влажно, так горячо, – от тяжелого дыхания и сбивчивого шепота на ухо бросило в дрожь. – Как будто у меня недавно была близость с мужчиной.

Цзян, судорожно втянув воздух сквозь сжатые зубы, сгреб фабриканта за волосы, чтобы в следующий миг впиться в его губы поцелуем. Этим невозможно было насытиться! Лейтенант охотно предавался бы этому занятию так долго, как они бы выдержали. Будь на это время, и Лань едва ли стал бы кусаться.

– Мне по душе эти вожжи, – подметил Цзян, с силой дернув косу.

Если бы Чейз не боролся с собой, а пришел раньше, то мог застать Хавьера, самозабвенно отдающимся непристойным фантазиям в рабочее время. Ему действительно хотелось это увидеть. После того перформанса в Карпе сама мысль о том, чтобы смотреть со стороны, должна была казаться дикой, но получалось с точностью до наоборот. Только он, Лань на его большой кровати и, может быть, бокал бурбона.

– Я выебу Вас, – произнес он медленно и проникновенно. – На Вашем же долбанном столе, Лань… основательно и с оттяжкой. Как Вы сами это озвучили. Но если Вы еще раз выкинете что-то подобное, то с этой поебенью в заднице будете ходить на свою фабрику до самого рождества Христова.

Через несколько сумасшедших минут Цзян выяснил, что проклятая штуковина ничуть не мешает ему трахать Ланя, напротив, гамма ощущений существенно изменилась. Настолько, что он совершенно потерялся в них. От обжигающего желания и чувства вседозволенности голова шла кругом. До стола они так и не дошли, Чейз с силой вжимал фабриканта прямо в дверь и с упоением ловил его хриплое дыхание, редкие задушенные стоны и отчетливую дрожь, когда удавалось загнать член особенно глубоко.

Сначала Цзян думал, что Лань говорит все эти пошлости только с одной целью – окончательно распалить его, чтобы забыл, где они находятся. Однако сказанное оказались чистейшей правдой. Ничего общего с их первым разом, когда больно было им обоим. Хавьер принял его в себя с готовностью, раскрылся, стоило лишь чуть надавить. Цзян буквально мог ощутить, как любовник ждал его.

– Лааань, – простонал он фабриканту на ухо, замерев ненадолго.

Тот напрягался, пытаясь вытолкнуть, побудить продолжать движение, но только восхитительно плотно охватил его член. Детектив слишком долго его желал, чтобы дать любовнику так быстро это закончить. Однако он не учел того, что Хавьер в ответ заведет руку за голову, на ощупь запустит пальцы в челку и с силой дернет, добиваясь своего. Цзян почти покинул его тело и ворвался снова так резко, что проклятый шарик внутри него самого сдвинулся, напомнив о себе. Оно того стоило, Чейз откровенно насладился произведенным эффектом. Пальцы Хавьера разжались, а потом скользнули по лаковой поверхности двери, не в силах ее поцарапать.

– Глубже! – просто непередаваемый стон на выдохе.

– Тс-с, – шепнул Цзян во взмокший затылок фабриканта, потому что глубже было уже невозможно, они соединились так, будто представляли собой единое целое.

Это подействовало. Любовник чуточку расслабился, прижался щекой к двери, перестав сопротивляться напору Чейза. Чейз боялся нарушить волшебство момента и нечаянно вернуть того Ланя, который не упустит возможности поизмываться над ним, изводя непереносимым удовольствием. Всякий раз детектив задавался вопросом, что нужно было сделать, чтобы Хавьер стал таким? Фабрикант вздохнул как будто мечтательно, а не просто переводя дух.

– Так тепло, – даже голос стал другим, мягче.

Однако Чейз не мог сказать, что хочет всегда видеть любовника таким. Это бы значило пытаться его переделать. И чем тогда он лучше того скота, который жег Хавьера каленым железом? Кем надо быть, чтобы так обходиться с человеком, который тебя любит и доверяет?

Любит? Чейз прижался губами к волосам, пахнущим почему-то сыром, если легкий, ненавязчивый аромат ему не чудился. И с чего он только решил, что Хавьер любил того человека? Нужно было поскорее выбросить это из головы, и Чейз знал отличный способ это сделать. Задать любовнику жару, вбиваясь в него размашисто и быстро, с каждым движением приближая неизбежное удовольствие. Как долго они смогут балансировать на самом краю, за которым неподвластные им силы природы возьмут верх? Один толчок, другой, третий – все опаснее над воображаемой бездной. Есть только они двое: никого и ничего вокруг, только это восхитительное чувство обладания.

Лань забился, как будто хотел вырваться, и в этот самый момент детектива настиг едва терпимый спазм удовольствия. Сдерживаемый стон отозвался тянущим ощущением внизу напряженного живота. Что-то громко брякнуло и покатилось по полу, но Цзян даже не сразу понял, что свободен. «Так вот, как эта хренотень вынимается…» – отстраненно подумал он, поддерживая охнувшего Ланя.

– Нужно вызвать плотника, – просипел он.

– Только не говорите, что мы сломали дверь, – попросил Чейз.

– Дверная ручка чуть не сломала меня, – пожаловался тот и немедленно получил утешительный поцелуй в ухо, а после в шею и, наконец, в губы.

***

Все утро Вэйд провисел на телефоне, потом устроил перестановку на веранде, зная, что в самом скором времени ему потребуется

много места. В полупустой комнате он выставил две будущие картины. Одну подальше, другую ближе на запасном мольберте, и карандашом разметил пустое белое пространство. Приблизительно, схематично, буквально в несколько легких взмахов. Работать с настоящими живыми объектами было намного удобнее и проще. С другой стороны, Адам давал кое-какие возможности, которых не было бы в ограниченном пространстве его студии.

Две картины за раз… Честер вдохновлял его гораздо больше, чем можно было себе вообразить, а этот детектив не соизволил даже как следует восхититься подсмотренной работой! Наметив кусты парой прерывистых линий, мужчина, до того изрисовавший половину альбома фигурами, так и эдак поднимающими руку, повторил особенно удавшийся ракурс в точности. Всего несколько черт. Адам едва ли занимал одну шестнадцатую часть нового холста, отданного неведомой Еве – Картрайд еще не вернулся от Солта с ответом.

Почти вся первая половина дня прошла в томительном ожидании, а потом – во многом благодаря непредсказуемой лондонской погоде – началась такая лихорадка, что к вечеру даже Саймон в изнеможении растянулся на столе, драматично прижимая лапки к мордочке. Художник сидел в одном из кресел у самого окна и, не отрываясь, смотрел, как дождь крупными каплями разбивается о прозрачную преграду. Сквозь настоящие потоки воды, стекающие по стеклу, было видно, как бушует в саду непогода, сгибая старые плодовые деревья. Все-таки дождь и Лондон неразделимые вещи.

При звуке отдаленного грома Саймон сменил позу и лениво повел хвостом. Проигнорировал, когда хозяин попробовал подозвать его – вставать с нагретого места коту совершенно не хотелось. Во взгляде сонно прищуренных желтых глаз так и читалось: «Тебе надо, вот ты и оторви зад». Справедливо, тут и говорить нечего.

Без Честера ему было совсем не так уютно. Как он оценит проделанную работу? Вэйду ужасно хотелось показать ему получившийся зимний садик, а еще поделиться воспоминаниями, пришедшими на ум при виде только кажущихся неподвижными туч, которые нависли так низко, что наверняка цепляли необъятными, полными воды, животами городские шпили.

Однажды ему довелось воочию убедиться, что солнце не перестает светить даже в такую погоду. Для этого пришлось побывать в таком месте, где тучи не могли закрыть солнце. Но дышать там было тяжело, да и подъем выше облаков, помнится, дался нелегко. Сейчас бы развести огонь в камине, приоткрыть окно, впуская в комнату холодный воздух, не кристально чистый, но все-таки пахнущий дождем. И обязательно заварить в чайничке травы, чтобы напоминали, как пахнут горные луга, умытые грозой.

Именно там он сделал набросок той поляны, украшенной горными травами и цветами, над которой работал долго и кропотливо, пока не убедился, что все детали были переданы абсолютно верно.

Мужчина подпер голову рукой, раздумывая, не приложить ли все-таки кота к разнывшейся ноге. Или подождать час-другой до прихода фабрикантов? Художник полюбовался шелковым браслетом на своем запястье и вздохнул: что бы сказал Честер, если бы увидел его таким? Но он не увидит. Потому что стоит ему переступить порог и Вэйд уже будет в порядке.

От стекла тянуло прохладой, хорошо ощутимой сквозь рубашку. Ливень барабанил по стеклам и крылечку так громко, что заглушил мягкие шаги, хотя его гость вовсе не таился. Дождь непрестанно шуршал в траве за окном, пытался сбить с деревьев листья – тут легко обмануться.

Легкий шелест, и уже в следующий миг его накрыл теплый тяжелый плед, в который можно было укутаться целиком с головы до ног. Так уютно, а когда еще вот так обнимают сзади…

– Ты рано, – он подвинулся ближе к теплу и счастливо улыбнулся. – Ты мне точно не снишься?

– Гроза, – ответил Честер, предоставив Вэйду самому додумывать.

Возможно, он ездил куда-то по делам, а потом просто не захотел плыть обратно. Или на фабрике случилась какая-то неурядица вроде перебоев с электроэнергией или небольшого потопа. Если он находился сейчас дома, можно было не волноваться.

– Тебе нравится? – художник заметил, что мужчина рассматривает его райские кущи. – Я сперва хотел яблоню, но понял, что она здесь не поместится. А для ели еще слишком рано.

– Мгм, – глубокомысленно подтвердил фабрикант. – Это для картины?

Вэйд кивнул и, поймав его за цепочку часов, слегка потянул к себе, напрашиваясь на поцелуй. Честер не возражал, хотя в таком положении было неудобно. Ему пришлось наклониться, а художнику – запрокинуть голову. Шея немного болела, кажется, зря он решил сам все расставить. Но ведь хотелось, чтобы было идеально!

– Не волнуйся, – сбивчиво шепнул он между необычными, но оттого еще более желанными поцелуями. – Они здесь не насовсем.

– А ты? – спросил вдруг Честер. Умел же он заставить Инна растеряться!

Неужели он боялся, что все это скоро закончится? Не сейчас, так после их поездки к сказочному замку. Справедливо говоря, у него были причины думать, что художнику, объехавшему полмира за последний десяток лет, надоест сидеть на одном месте. В глубине души Вэйд и сам знал, что его вновь позовут дальние страны и неизведанные маршруты, но даже если он будет один, в целом необъятном мире теперь появилось такое место, куда он хотел бы вернуться.

От необходимости отвечать, облекая путающиеся мысли в бессвязные слова, его избавил стук. Громкий и четкий, как их второй страж. Получив разрешение, блондин с настолько распространенным именем, что оно начинает звучать подозрительно, вошел в принадлежащую художнику часть дома.

– Пакет для мистера Ланя, – объявил он своим раскатистым голосом. – Проверить содержимое?

– Спасибо, нет, – сказал Честер, недоуменно глядя на грубую коричневую бумагу.

На пустом столике, да еще изрядно подмокший под дождём, он смотрелся не слишком живописно. Вот если добавить к нему пару луковиц поярче и пузатую тыкву с задорно торчащим хвостиком, из этого вполне может что-нибудь получиться. Джона Смита не интересовали такие тонкие материи. Он окинул профессиональным взглядом сад и возвратился на свой пост.

– Должно быть, это для брата, – сказал Честер, легко подняв бумажный мешок вытянутой формы. – Отнесу в его кабинет.

Бумага была дешевой, да к тому же еще и мокрой. Не удивительно, что вещь, лежавшая в ней, собственным весом, наконец, прорвала её. Что-то брякнулось на пол, перепугав мирно спавшего кота. Тот трепыхнулся, потому как взвиться ввысь из положения кверху пузом было затруднительно, и кулем шмякнулся со стола. Однако если судить по тому, как резво он припустил наутек, пострадала только его кошачья гордость.

– Хлыст для верховой езды? – Честер непонимающе воззрился на предмет, лежащий на полу.

– Не совсем, – осторожно сообщил Вэйд, выбравшись из пледа и подобрав добротное, нет, определенно красивое изделие. – Ну, то есть, хлыст, конечно же! Только он не для лошади.

Честер на секунду нахмурился, открыл и закрыл рот. Не время было выдумывать очередную шалость, но с другой стороны, когда еще представится такая возможность? Он легонько шлёпнул Честера пониже спины, чтобы тот вышел из ступора. «Видишь, ничего страшного», – хотел сказать он, но не успел.

– Он истязал брата? – его голос звучал неожиданно спокойно, но от этого казался еще более пугающим. Ситуацию надо было спасать…

– Я не исключаю, что это Хавьер купил такую занятную вещицу, – заявил Вэйд, – чтобы кое-кого воспитывать.

– Почему, – Честер все еще выглядел потрясённым и не противился, когда его усадили в нагретое кресло. – Разве так необходимо причинять другому боль, если сам хочешь получить удовольствие?

Вопрос был не простым и довольно глубоким и охватывал не только то, чем занимались Хавьер и Чейз. Художник и раньше подозревал – да они особо и не скрывались – а сейчас окончательно убедился в верности своих догадок. Он и раньше сталкивался с такими, как Хавьер Лань. И наловчился угадывать и, если честно, избегать их. На секунду ему даже стало жаль полицейского, но потом нашлась тысяча причин посчитать, что так ему и надо, за его вздорный нрав и приставучего пса.

– Честер, – мягко сказал Вэйд, усаживаясь прямо на плед, удачно сползший на пол. Прислонился к его ноге, вспоминая, что как-то раз рисовал подобное, но не подозревал, насколько такое положение может оказаться уютным и близким. – Небольшая боль только оттеняет удовольствие.

Он пытливо глянул на фабриканта снизу-вверх, ожидая реакции. Поймет ли, что они уже говорят не о близнеце и его детективе? Слишком резкого протеста не последовало, уже неплохо. Вэйд ободряюще улыбнулся ему, стараясь показать, что все в порядке.

– Разве нельзя, чтобы обоим было хорошо? – осторожно уточнил Лань.

Вэйд поймал его руку и потерся щекой, напрашиваясь на ласку. Не только Саймон обожал, когда его гладят. Так взволновавший Честера хлыст незаметно затерялся в складках ткани. Инн потом сам занесет его Хавьеру, только обернет получше.

– Конечно, будет хорошо, и еще как! Ты даже не представляешь, – мечтательно проронил художник, немедленно поймав на себе в меру ревнивый взгляд. – Мне нравится думать о том, что для нас обоих это будет в первый раз. Хочешь…

Честер приподнял его за подбородок и поцеловал требовательно, как будто заявляя на него свои права. Сколько раз они уже это делали? И все равно подобное не становилось обычным делом. Каждый раз художник испытывал невероятное волнение и прилив желания. Наверняка Честер и подумать не мог, что однажды захочет заняться любовью с мужчиной, так же как Вэйд не подозревал, что пожелает отдаться любимому. Утром мысль о том, чтобы позволить Честеру овладеть им, немного пугала своей непривычностью, но постепенно страх превратился в приятное волнение и даже предвкушение.

Как это будет? Конечно же, они оба будут ужасно нервничать. Вэйд не сомневался: даже у него будут дрожать руки и путаться мысли - в точности, как в первый раз, уже… нет, не позабытый, но запылившийся на дальней полке памяти.

– Поначалу бывает немного больно, – сказал он, обнаружив себя уже на коленях перед Честером и заглянув в его глаза восхитительно прозрачно-медового оттенка, который так непросто было передать на бумаге. – Но я не против, если ты будешь со мной.

Честер качнул головой и выпрямился, пытаясь отстраниться. Покачал головой и порывисто вздохнул, когда Вэйд прижался губами к теплому холмику, не слишком выделяющемуся под брюками, но это только до поры до времени.

– Есть вещи, над которыми мы не властны, – сказал Инн, зная, что Честер снова испугается, как тогда, когда они позволили себе лишнего в комнате его близнеца. – Этого не надо бояться.

Часть 75

В тот день от Ланя Чейз направился не прямиком в участок. Дай-то бог, чтобы никто из людей, попавшихся ему на пути, ничего не понял… Цзян сделал приличный крюк, не чтобы полюбоваться на Темзу, которая понравилась бы скорее надоедливому художнику. Однако Вэйд… или Зик сослужил ему неплохую службу.

Не то, чтобы он не ожидал увидеть Честера на одной из картин. В конце концов это же младший Лань и подобрал художника вместе с его невыносимым котом, который мало того, что проперся к ним с Ланем в спальню, так еще пытался использовать Чейза в качестве лежанки. И все же от Хавьера, а никак не от Честера можно было ожидать, что он будет позировать вот так – в чем мать родила.

Со спины близнецы были ожидаемо похожи. Прямая спина, тренированное подтянутое тело, задница – так вовсе загляденье. Картина не вызывала желания, потому что детектив знал, кто на ней, но не требовалось быть ценителем искусства, чтобы понять, почему мастеру захотелось запечатлеть его именно так. Фабрикант был красив, как статуи, привезенные из Греции. И кожа у него была такая же гладкая и бледная, почти мерцающая в лунном свете. Почти идеальная. Он приметил несколько незначительных родинок, да пару бледных меток на плече и сбоку, под коленом, вот и все. Это вполне укладывалось в представление, которое он составил о старшем поколении Ланей – сомнительные украшения на теле его любовника оставили посторонние.

Темза умела хранить чужие секреты почти так же хорошо, как Лань – свои. Чейз знал, что брошенный им предмет, который сегодня привел его на фабрику, уже никогда не выплывет на поверхность, и, надо сказать, получал от этого странное удовольствие. Лань назвал содержимое того ящика «подарки». Чейз не исключал, что Лань сам приобрел что-то из этого, давно, несколько лет назад, но сам факт, что такие вещи все еще, пускай под замком, хранились в его доме, Чейзу не нравился.

Круги на воде разгладились, сменившись всегдашней рябью. Сдержанный монотонный шум потока не успокаивал. Кэбмен закурил, дожидаясь, не особо беспокоясь, что пассажир вздумает отправиться следом за выброшенной вещью.

– Хотите сувенир на память, Лань? – обратился он не то к воображаемому собеседнику, не то к реке. – Тогда извольте выбрать что-то одно.

Он пожалел, что не сказал лично, но решил, что отправит записку через сестру, которую еще только предстояло убедить уехать от греха подальше из Лондона. Чейз собирался и дальше наживать себе врагов. Карп был очень крупной рыбиной… и черт знает, какие еще зверюги плавают поблизости.

Жэнни права. Надо сконцентрироваться на работе. Забыть на время о фабриканте и подумать о том, что действительно важно. Тогда какого хрена лысого он стоит тут, смотрит на отражение затянутого низкими серыми облаками неба в хмурой воде и думает о цвете *его* глаз? И все же оторваться было невозможно. Как будто что-то держало его на этом самом месте до тех пор, пока налетевший порыв ветра не принес чью-то крошечную шляпку и не положил у ног, как послушный пес. Подбирая ее с земли и зачем-то отряхивая, Цзян отстраненно подумал, что пора ехать в участок, пока Ангел не заскучал и не принялся что-нибудь жевать по щенячьей привычке.

Где-то он видел что-то похожее раньше. Сущая безделица из мягкого фетра, украшенная крошечной, меньше ногтя эгреткой с задорно торчащим кверху перышком. Все это снабжено небольшим гребнем, чтобы держаться в волосах какой-нибудь ветреной особы на выданье. И тут он увидел хозяйку украшения.

– Мисс, – громко обратился он к застывшей поодаль женщине, которая не предпринимала попыток забрать свою вещь. – Это не Вы обронили? По цвету точь-в-точь как Ваше платье!

– Вам показалось, мистер, – она несомненно узнала его и поспешно повернулась на каблучках, собираясь уходить.

Высокий мужчина нагнал ее в несколько шагов и ловко взял под руку – Лань снова подумает невесть что, если узнает! Он среди бела дня похищает женщину под предлогом, что вот-вот хлынет дождь. Кэбмен хотел было вмешаться, но Чейз одарил его таким убийственным взглядом, что тот решил не лезть не в свое дело.

– Я Вас не знаю, и никого из гостей, – в панике лепетала его жертва, сопротивляясь по мере сил. – Я позову полисменов!

– Я сам – инспектор Скотланд-Ярда, – прорычал Чейз, после чего женщина, наконец, утихла и, сев на сиденье, сложила руки на коленях. – Мелисса, верно? Вы показались мне одной из немногих нормальных в том пруду.

– Мелисса Спринг, – на ее лице застыло какое-то обреченное спокойствие, как будто она давно была готова к тому, что однажды окажется на допросе. – Как мне к Вам обращаться? Чарльз ведь – не настоящее Ваше имя?

Он представился и дал удостовериться, что он действительно служит в участке, хоть и пренебрегает ношением формы. По крыше забарабанили первые крупные капли, но то была только небольшая разминка перед настоящим ливнем. Благодаря шраму на боку Чейз понемногу учился распознавать капризы погоды. Впрочем, это должно было когда-нибудь прекратиться.

– Чего Вы хотите, мистер Цзян? – спросила она прямо и так проницательно на него посмотрела. – Чтобы я рассказала Вам все, что знаю? Назвала имена? А потом меня бы никто никогда не нашел.

На последних словах голос девушки слегка дрогнул. Несомненно, она тоже видела, что делают в Карпе с людьми. И знала, что сдирание кожи живьем – это еще не самое худшее. Цзян скрипнул зубами, подумав, что такая предусмотрительная девица могла нарочно подстроить встречу, чтобы выбраться из сложившейся ситуации с минимальными потерями, однако место встречи говорило не в пользу этой теории. Сегодня его впервые за пару месяцев занесло сюда и то случайно, по милости Ланя. Душка, как же. И как у Хавьера язык повернулся. Такой палец в рот не клади – оттяпает по локоть.

– Я хочу потопить это заведение, – уведомил ее Чейз. – Так что разумно начинать искать новое место.

Его предложение вызвало смех. Девушка забрала у него шляпку, почувствовав себя несколько увереннее. Пока что это была просто вежливая, пусть и принужденная беседа. Ее даже не удерживали насильно, хотя наручники были сейчас при Чейзе.

– Несколько лет назад Холли говорила мне то же самое, – сказала она, на ощупь подыскав место для своей кукольной шляпки. Чейз покривился, а Мелисса озвучила несколько названий. – В общем, туда, где посетителям можно только смотреть. Возможно, мне были бы рады, правда недолго. Я бы предпочла другой большой город. Лучше бы Париж, там у меня родственники.

Похоже, они плавно переходили к обсуждению условий. У всего была своя цена, даже у того, чтобы Жэнни не комментировала его поведение, когда он вернется в участок. Им и так будет о чем поговорить. Париж… ну, надо же, ведь знала, откуда родом его

мать. Цзян – редкая фамилия. И что значит это «только смотреть». Опять какие-то жуткие перформансы?

– Смотри, но не трогай, – проронила она, как будто бы тоже чему-то удивляясь. – Они по одну сторону стекла, а мы – по другую… Да, пожалуй, мне потребуется новая фамилия, скажем, Бенар или, может быть, Люк, чтобы точно начать с чистого листа.

– Я посмотрю, что можно сделать, – пообещал Чейз, пока практичная девица не вспомнила о чем-нибудь ещё, совершенно необходимом для дачи показаний.

– Имя Йен Мэйсон Вам что-нибудь говорит? – спросил он, уже предчувствуя, что буквально поселится на работе.

Мелисса пожала плечиками. Она обладала очень удобной избирательной памятью и из всех посетителей Карпа помнила сейчас только Холли и Чарльза – недолго Хавьер ломал голову над псевдонимом, впрочем, на один раз и этот сгодился.
***
В этот раз Честер лег спать у себя в комнате. Один. Ему много о чем нужно было подумать – Вэйд, конечно же, сказал далеко не все, но достаточно для одного вечера. Художник умел поставить все с ног на голову, а Честер потом не представлял, как ему быть и что делать. Вэйд открывал в нем стороны, которые, казалось, свойственны только Хавьеру. Это он влюблялся в мужчин. Он бывал несдержан и творил всякие безумства. Он полностью отдавался моменту, подчас забывая обо всем на свете.

А теперь, к собственному изумлению, он обнаружил, что они с братом не такие уж и разные. С Вэйдом он мог позволить себе позировать обнаженным… Сегодня было даже не стыдно, а совсем наоборот. Однако Честер не понимал, как художник может быть так спокоен и уверен, когда говорит о том, что будет. Неужели неизвестность пугала только его?

– Поначалу бывает немного больно, – вполголоса повторил он в темноту и помотал головой из стороны в сторону.

Так он ни за что не заснет. Вымести бы все мысли разом из головы, а утром встать свежим и полным сил, разбудить брата пораньше и устроить спарринг перед завтраком. Когда они в последний раз тренировались вместе? Может быть он сможет набраться смелости и спросить совета? Навряд ли, конечно…

– Эй, ты! – раздался громогласный окрик почти под самым его окном, Лань вздрогнул от неожиданности. – Стой, кому сказал!

Честер откинул одеяло и вскочил. Через мгновенье он уже был у окна и даже увидел мелькнувший среди деревьев силуэт. Всего на мгновенье. Просто безликая тень, которая равновероятно могла оказаться как чужаком, так и их сторожем, зычный голос которого поднял весь дом.

За время короткой погони – охранник посчитал, что его могут просто выманивать – дом уже сверху донизу осмотрели изнутри. Окна и двери закрыты, никаких следов проникновения и подозрительных звуков снаружи. Смит еще раз быстро обошел сад, прежде чем вернуться и сообщить хозяевам о постороннем, который шнырял в кустах. Первым опасность заметил кот, разбудивший Вэйда ворчанием, почти рыком, которому он наверняка научился от Ангела. Художник попросил Джона выйти в сад, что и спугнуло чужака. Он выдал себя, когда побежал.

– Выше среднего мужчины, – коротко и по существу доложил Смит. – На нем было широкое черное пальто.

Он описал, как убегающий держал руки. Несвободно. Джон не мог с полной уверенностью сказать, что тот не имел при себе оружия. Однако могло статься, что незнакомец получил травму когда-то раньше или, скажем, перебираясь через ограду в темноте.

После всего охранник невозмутимо вернулся на свой пост, а вот для остальных и речи быть не могло о том, чтобы спокойно лечь и уснуть. Уотсон весьма своевременно заварил чай с ромашкой и подал в гостиную. Вэйд хихикал и шутил, что они втроем уютненько смотрятся в халатах, но Честер чувствовал, как близко тот подсел к нему, хотя диван был достаточно просторным, чтобы на нем расположились трое, не потеснив друг друга.

Неприветливый вид револьвера, лежащего среди посуды, тоже не успокаивал. Черное дуло безразлично смотрело в окно. Честер слишком долго смотрел на него, потому что пропустил момент, когда Вэйд втиснул свою ладонь в его. Брат не подал вида, что заметил этот жест.

– Хавьер, Вы обязательно должны сообщить об этом Вашему полицейскому, – сказал художник, похлопав по бедру Честера, чтобы Саймон, улегшийся на противоположном конце дивана перебрался поближе. – Пусть притащит сюда этого пса и разнюхает, что да как. Это ведь было самое настоящее нарушение частных границ или чего-то в этом духе.

– Чейз занят, – старший брат выглядел печальным, когда произносил это, но быстро спрятал чувства за деловым тоном. – Утром я позвоню в участок и, если потребуется, сделаю заявление.

Вэйд приласкал кота, не упустив возможности слегка погладить Честера, и на миг встретился с ним глазами. Взгляд был говорящий. Нетрудно было догадаться, что Хавьер снова поссорился с этим невыносимым человеком. Выходит, хлыст и правда предназначался для детектива? Честер настороженно глянул на старшего брата, нет, он не мог понять этой готовности причинить любимому человеку боль. Да и любимому ли?

Честер и сам не испытывал ни малейших угрызений совести, когда впечатывал свой кулак в чужое лицо в драке, потому что не сделал бы этого, будь у него выбор. Некоторые понимают только силу, и лично он не хотел бы иметь людей подобного сорта в своем ближайшем окружении.

– Брат, если ты не хочешь, я могу, – вызвался Честер, отцепляя царапучую лапку Саймона от своего колена. – Я обо всем позабочусь, мне не трудно.

Честер умел угадывать, когда брат ответит согласием на его предложение еще до того, как тот кивал. И наоборот. Сейчас был как раз такой момент, когда он должен был наотрез отказаться, даже взгляд сделался холодным. Потом он вздохнул и, допив чай, вдруг слегка кивнул.

– Постарайся поспать хотя бы немного, Честер, – попросил близнец, покинув кресло и захватив револьвер.

Показалось? Или все же это был намек на то, что он вернется в кровать не один? Кот, совершивший сегодня настоящий подвиг, немедленно спрыгнул на пол и потрусил за Хавьером, явно намереваясь разделить с ним постель.

– Ты, правда, пойдешь спать? – уточнил художник, когда Хавьер уже не мог услышать начатый им разговор.

– Мгм, – подтвердил Честер, у которого, в сущности, не было выбора. – Завтра много дел.

– Саймон ушел спать к Хавьеру, – художник прижался еще ближе, теперь обнимая его руку. – А мне одному боязно… К тому же вдвоем теплее, а на втором этаже в два раза безопаснее.

Часть 76

Вэйд сам напрашивался на то, чтобы составить Честеру компанию на остаток ночи в его спальне, и сам же растерялся, когда они вошли туда. Это было совсем не то, что пробираться к нему под одеяло украдкой, в темноте. К тому же теперь это была постель человека, с которым он хотел заняться любовью. Художник нерешительно пристроил трость у кровати. Почему Честер не торопился гасить свет? Хотя он, кажется, знал ответ. На его месте Вэйд тоже не стал бы с этим спешить, чтобы фабрикант успел снять халат и можно было рассмотреть все в подробностях.

Инн сдался и потянул за конец пояса, позволяя халату распахнуться. Честер не отвел взгляд. Тогда Вэйд шагнул к нему и проделал то же самое с его поясом. Черное и белое, художник только что заметил этот контраст, и прижался теснее, касаясь теплой кожи, пробираясь руками под несравнимо более мягкую ткань, чтобы огладить спину и шаловливо положить обе ладони пониже поясницы.

Напряжение спало. Это ведь был Честер, и он позволял для разнообразия вот так забавляться с ним, пробуждая любопытство. Как далеко они смогут зайти? Или лучше просто лечь спать? Однако Вэйд уже немного вздремнул и знал, что точно не уснет ни за какие коврижки.

– Хочешь попробовать что-то необычное? – спросил он, не успев все как следует обдумать. – Это – не сложнее, чем позировать. Тебе даже делать ничего не потребуется. Соглашайся, Честер. Я хочу показать тебе еще одну разновидность массажа.

Он не думал, что удастся так легко уговорить его. Получив молчаливое согласие, он припомнил, в каком ящике Честер хранит платки. Схватил один наугад и потянул мужчину к кровати, по пути избавляя его, да и себя тоже от халата.

– Давай завяжем тебе глаза, – сказал он и тут же повязал Честеру платок.

Лань упрямо сжал губы, но подчинился. Беспрекословно лег и позволил Вэйду устроить его поудобнее. Художник не упомянул, что массаж будет вполне обычный, в нем не было никаких особых хитростей. Сперва слегка разогреть мышцы, а потом размять их не слишком интенсивно, чтобы это способствовало хорошему сну до утра. Штука заключалась в том, чтобы обострить осязание, с чем отлично справлялся платок, ну и в тесном контакте двух тел, конечно же.

Честер слегка вздохнул, когда Вэйд забрался на кровать и уселся прямо на него верхом, слегка сжимая коленями. Он должен был почувствовать, как удобно в ложбинку между его ягодицами лег член. В комнате было светло, так что от художника не укрылось, как порозовели уши Честера. И ведь ему ничего не стоило освободиться, так почему же фабрикант позволял ему такие вольности? Даже когда художник улегся сверху, легонько разминая плечи и целуя куда-то между лопаток, Честер не попытался его остановить.

– Просто массаж, – на всякий случай повторил Инн, скорее для себя, нежели для Ланя.

И провел кончиком напряженного языка по чистой коже, потом подул. Честер отреагировал неопределенным, но вроде бы одобрительным звуком. Он был восхитительным, очень податливым. Тренированные мышцы расслаблялись под руками художника, между их телами зарождался жар и, конечно же, Вэйд не сдержался и начал тереться, наслаждаясь моментом обладания. Он и не думал заполучить запретный плод, только основательно облапать со всех сторон. А кто бы удержался на его месте, окажись в его руках первое и лучшее творение несуществующего божества?

– Когда мы будем близки, – шепнул художник и, пытаясь совладать с нарастающим желанием, слегка куснул выступающую лопатку. В этом месте у настоящих небожителей, по образу которых был создан Адам, полагалось бы начинаться крылу. – Это будет похоже на то, что я делаю сейчас, только во множество раз лучше. Ты уже представляешь себя на моем месте? Как ты прижимаешь к кровати, а не тебя. Сначала потребуется немного терпения, тебе придется двигаться медленно и осторожно, чтобы мы оба могли привыкнуть.

– Вэйд, – Лань слепо пошарил рядом с собой, сжал одеяло.

– Потом, Честер, – художник успокаивающе накрыл его ладонь своей и в то же время стал двигаться более настойчиво, показывая, как оно будет. – Потом ты почувствуешь, что уже можешь двигаться свободно, а для меня это будет полнейшей неожиданностью.

Честер застонал, выражая желание. Вэйд и сам едва сдерживался – должно быть, сказалось нервное напряжение и удовольствие, капля за каплей переполняющее обоих. Он отстранился, и Лань немедленно последовал за ним, желая продлить приятный контакт, не понимая, почему он остановился на самом интересном месте. Тогда художник показал, чего хочет. Поза была стыдной, но ужасно соблазнительной и к тому же открывала для ведущего сейчас Вэйда больше простора для действий.

– У меня сейчас сердце выпрыгнет из груди, – он вполне сознавал, что вскоре испытает на себе все то, чему сейчас научит Честера, до поры покоряющегося его рукам. – Я так хочу этого.

Вэйд думал, что сумеет сдержаться, но ровно до того момента, пока большой горячий член не дрогнул в его ладони. Когда он почувствовал, как Честер с протяжным стоном выплескивает скопившееся внутри напряжение, он просто отпустил себя. Первое же движение бедрами и ответная дрожь подвели его к краю, а следующее подарило долгожданное удовольствие. Это было похоже на безудержный весенний ливень, разом смывший все мысли и оставивший голову блаженно пустой.

– Прости-прости, – Вэйд тихонько засмеялся, так было хорошо. – Я тебя всего запачкал. Надо ж так…
***
Наутро случившееся показалось сказкой. Волшебным сном. А единственным доказательством того, что это было или могло быть на самом деле, стало то, что Вэйд проснулся около полудня в самой уютной кровати, где ему только довелось спать. Наконец открыв глаза, он увидел знакомый пейзаж и улыбнулся ему как старому знакомому. Он точно знал: есть место, которое их ждет. И однажды они приедут, чтобы не разочаровывать эту реку и эти камни, поставленные давным-давно.

Фабриканты, конечно же, давно уже ушли. Он пропустил завтрак, но особого голода не испытывал. Чуть-чуть прибравшись в спальне, он никем не замеченный выскользнул в коридор, не забыв захватить трость, но не опираясь, а весело помахивая ею в воздухе.

Настроение еще улучшилось, когда он выяснил, что Юдифь приняла его предложение, немало удивившись пожеланию художника увидеть ее в платье с вырезом-лодочкой. Это было просто необходимо для воплощения его задумки. Он даже был готов оплатить покупку подходящего экземпляра, но девушка оказалась не только прехорошенькой, о чем он судил по ее детскому портрету, но и честной. В ее гардеробе сыскалось именно то, что нужно.

Инн немного волновался перед встречей со своей Евой, а как иначе? Но не настолько, чтобы надеть действительно хороший

костюм, которому потребуется чистка сразу после соприкосновения с рабочей одеждой. Он хотел произвести на нее благоприятное впечатление, расположить к себе. Этому должны были немало поспособствовать наброски, которые они сделают в первый день. По одному для Юдифь и ее деда – и это помимо гонорара, полагающегося музе за прилежание. Знать бы заранее, понравится ли ей позировать? Вдруг она потом не захочет вернуться для работы с маслом, и что тогда?

Он попробовал представить себе Анну, но тут же отмел ее кандидатуру. Во-первых, из-за ее брата, который будет вести себя как сорвавшийся с цепи пес, а во-вторых… Она была прекрасной девушкой, но не Евой, это уж точно. Да и Мэдисон тоже не подходила, а искать подходящую женщину среди натурщиц не хотелось, и он даже не смог точно сказать по какой причине.

Естественность – сформулировал он, когда из зарослей горшечных растений, которые он дважды поправлял, чтобы скоротать время, на него посмотрела свежая, как будто умытая утренней росой, красавица с медными кудрями, ниспадающими по округлым плечам шаловливыми завитками. Все остальное было скрыто от глаз, но художник запомнил и ладные бедра, угадывающиеся в складках юбки, и плавный изгиб талии и спинки, и бюст, говорящий, что перед наблюдателем не девочка – молодая прелестная женщина.

Вэйд аккуратно при помощи кисточки убрал несколько локонов, самую малость приоткрыв хрупкую ключицу. Поправил положение головы, а потом слегка пощекотал мягким волосом зарумянившуюся щечку. Девушка хихикнула и эта смешинка придала ей такой трогательно невинный вид, что он понял:

– Мне, похоже, придется все время Вас смешить! – вынес он вердикт.

– Тогда Ваш заказчик подумает, что Ева – ужасно легкомысленная девушка, – в тон отозвалась она, снова одаривая художника улыбкой, которую тот тут же поспешил поймать и перенести на бумагу.

– Улыбка Евы – первое искушение, – отозвался он уверенно. – И я уверен, что она улыбалась именно Вашей улыбкой.

– Вы, правда, собираетесь мне платить за то, чтобы я приходила к Вам в гости, и Вы меня веселили? – лукаво спросила девушка, стараясь сохранять неподвижность.

Теперь смеялись уже трое: художник, первая женщина, сотворенная, как говорят, из ребра мужчины, и миссис Стэнли, пришедшая удостовериться, что Вэйд не совершает здесь святотатства. Конечно, Юдифь не была легкомысленной незамужней девицей и все же не стоило пускать все на самотек.

– Если бы я знала, что вы будете хохотать на весь дом, то не стала бы просить Майкла перебраться из библиотеки на веранду, – сказала кухарка, поставив на стол поднос с чайником и чашками.

– Конечно, пусть приходит, – подхватил эту идею Вэйд. – Только боюсь, мы ему будем мешать.

Миссис Уэйн оказалась очень легкой и славной и в ее арсенале была тысяча забавных историй о ее муже, которого она не звала иначе, чем любимым или дорогим. Майкла эти разговоры все-таки выжили с веранды, хотя рассказывала она с нескрываемым удовольствием и необидно, подавая маленькие мужнины слабости, как милые моменты, заставляющие ее только больше влюбляться.

– Ник – такой душка! – закончила она очередной свой рассказ. – Только представьте, он каждое воскресенье ходит в клуб, чтобы мы могли собраться в гостиной и поболтать о своих дамских штучках. Честное слово, мистер Инн, я бы пригласила Вас как-нибудь к нам присоединиться, но Вы не можете быть моей подружкой.

– Постойте, миссис Уэйн, – встрепенулся художник, хотя она и не собиралась уходить, разве что размяться немного и взглянуть на портреты. – Вашего мужа зовут Ник? Николас Уэйн?

Она оживленно закивала и, даже не дожидаясь его вопроса, принялась рассказывать историю любви, очень похожую на ту, плодом которой стал Майкл. За небольшим исключением. Дочь Солта, будучи еще совсем юной, помогала модистке шить платья на заказ. У них была постоянная клиентка, очень состоятельная особа, в доме которой женщины проводили немало времени.

– Ну, Вы знаете, как это бывает: примерки, подгонки, всякие капризы, – она подпустила снисходительности в голос. – И именно так мама познакомилась с папой. Вообразите всего на одну секундочку, что творилось, когда они тайно обвенчались! Жаль, я это пропустила! С другой стороны, появись я на годик пораньше, все равно бы ничего не запомнила, а вот познакомилась бы вообще с лучшей подругой – большой вопрос!

– Это ведь она свела Вас с Николасом? – припомнил Вэйд, чувствуя, что и тут кроется что-то поистине чудесное.

Юдифь рассмеялась и подтвердила историю, которую озвучил ее муж, снабдив ее парой пикантных подробностей. Например, это она приметила Ника и, уже зная о его застенчивости, обратилась к его сестре, чтобы та организовала их знакомство.

– Как говорят во Франции, вуаля! – она продемонстрировала изящное колечко, украшающее тонкий пальчик.

Она хотела сказать что-то еще, но в этот момент, наконец, выбралась из зарослей и, увидев себя, запечатленную на бумаге, ахнула от непритворного восхищения. Было бы скучно два раза нарисовать одно и то же, поэтому он передал немножко разные оттенки настроения. Ее звонкую веселость, пузырящуюся, как игристое вино, для Солта, ну, а в качестве привета Нику – ее трогательную влюбленность.

– Передадите Нику наши с Честером извинения? – попросил Вэйд, давая девушке наглядеться на себя. – Мы очень хотели составить ему компанию в Брайт Хаусе, но никак не смогли вырваться.

– О чем речь, мистер Инн, – она снова энергично закивала. – Скажите, а Вы не против, если в следующий раз мы приедем вдвоем? До чего тесен Лондон! Ну, кто бы мог подумать, что Вы с моим дорогим – друзья? И с дедушкой!

Часть 77

Несмотря на насыщенную ночь, Честер проснулся в обычное время и с таким приятным чувством… Вэйд, начав сползать с его плеча, постарался устроиться поудобнее и теснее прижался к боку. Вот так, глядя на него, кажущегося сейчас почти ребенком, и не скажешь, что он творил ночью все эти вещи, которые при свете дня показались ужасно бесстыдными.

Честер позволил себе пару минут полежать, наблюдая за спящим, а потом постарался тихо ускользнуть, не разбудив художника. Начинался новый день. Джон Смит уже должен был рассказать сменщику о происшествии в саду, ну а Честер должен был довести эту информацию до служащих Скотланд-Ярда. Там сержант – однофамилец Джона, встретил Ланя, как гостя, очевидно, приняв за близнеца. Он предложил, как он думал, Хавьеру, чаю и с искренним сожалением сообщил, что Чейз работает сразу по нескольким делам, и никто не поручится, что его удастся застать сегодня в участке.

Надо отдать ему должное, даже узнав, с кем из владельцев фабрики он говорит, сержант продолжил относиться к нему все так же доброжелательно. Историю о ночном визитере он выслушал внимательно и постарался успокоить Честера.

– Я понимаю Ваше волнение, мистер Лань, но Вы сами сказали: охранник спугнул их, – сказал он примирительно. – Если это были воры, они едва ли вернутся.

– Все чаще пишут об убийствах, – настаивал Честер.

Собеседник покачал головой, с первых же слов поняв, о чем он говорит. Скорее всего, даже предположил, как фабрикант мог построить свою теорию относительно произошедшего. Убийца, как утверждали газетчики, работал в одиночку, ему не хватало ни времени, ни сил, чтобы заметать следы и прятать жертвы. Однако он хорошо знал Лондон и оставался неуловим.

– Я догадываюсь, о чем Вы думаете, но не имею права раскрывать подробности, – предупредил полицейский. – Просто поверьте: если некто пришел в Ваш сад в одиночестве и даже с дурными намерениями, это еще ничего не значит.

Честер и сам понимал, что ни одной жертвы по соседству найдено не было – все убийства объединяла относительная близость реки и порта. Он задумался. Как еще навести полицейских на мысль, кто это мог быть, и при этом не вызвать ненужных вопросов?

– Даже если у него было при себе оружие? – уточнил Лань, давая себе еще немного времени на размышления.

– Если, – подчеркнул Смит. – Знаете, я лично этим займусь. Осмотрю Ваш сад и дом снаружи, еще раз проверю все двери и окна, как это сделал Ваш дворецкий, и предупрежу патрульных, чтобы приглядывали за Вашим особняком.

У Честера возникло чувство, что Смит и так сделал для него больше, чем для любого другого жителя Лондона, обращавшегося в полицию с аналогичными вопросами. Он поблагодарил Смита за все: за теплый прием и чай, за помощь. Ему ничего не оставалось, как вернуться на фабрику, где ждал Хавьер. То, что он именно ждал, а не работал, было видно. Узнав подробности его поездки в полицию, брат весь день ходил… не то, чтобы мрачный, однако дежурной улыбке недоставало искренности.

Честер ужасно хотел поговорить по душам, но всякий раз вспоминал о хлысте или думал о том, что, кроме неудавшегося налёта, произошло ночью. После этого он не мог даже посмотреть брату в глаза: что, если тогда он непременно обо всем догадается? Вечером, когда они вернулись домой, Хавьер выглядел все таким же печальным, а Вэйд, напротив, счастливым, почти окрыленным. Такой странный контраст. В конце концов, Честер не выдержал и напрямую спросил Вэйда.

– Случилось что-то хорошее? – сам не зная почему, он очень надеялся, что преступник оставил где-нибудь у ограды, скажем, часы с гравировкой.

Что-нибудь однозначно, вроде: «Йен Мэйсон, тебе уже четверть века, оставайся таким же подонком, твоя Роуз». Жаль, такое бывает только в романах, и то нечасто. А в жизни… в жизни этот человек не был столь неосмотрителен. Кто-кто, а такие чудовища продумывают все на несколько шагов вперед и очень пекутся о собственном благополучии…

Художник только покачал головой, что было совершенно не в его духе. Обычно он спешил вывалить новости на Честера прямо с порога. С лица Инна не сходила мечтательная улыбка, однако он мужественно молчал. Честер уже тогда почувствовал неладное, однако он постарался задвинуть подальше дурные мысли, но на душе скребли кошки, и за ужином, и когда они уединились на веранде и Вэйд принялся выставлять Честера в своих райских кущах. Художник даже мурлыкал что-то себе под нос, не подозревая, что натурщик уже не может выносить это ощущение неизвестности. Вэйд вел себя так, будто влюбился!

– Я так рад, – поделился он, обняв Честера сзади и слегка прижавшись щекой между лопатками. От сердца немного отлегло. – Не могу поверить, что в жизни одного человека, да еще за такое короткое время, может произойти столько счастливых случайностей. Ведь благодаря им я оказался здесь, с тобой.

– То, что какие-то бандиты сломали тебе ногу, трудно назвать удачным стечением обстоятельств, – напряженно заметил Честер.

– Ерунда какая, я ведь художник, а не танцор, – беспечно отозвался Вэйд, который сейчас вполне обходился без трости, перемещаясь по комнате. – К тому же все уже зажило. Интересная штука – жизнь. Я приехал сюда и, не зная города, забрел к Солту, совершенно случайно. И так же нечаянно услышал, что муж дочери провел ему телефон. Кто бы мог подумать, что у старого пройдохи такая хорошенькая внучка!

Лань скрипнул зубами. Если девушка, каким-то образом причастная к телефонному аппарату, и правда так хороша собой, что Вэйд не смог перед ней устоять, почему родители не спрятали ее дома или не поспешили выдать замуж? Художник продолжал болтать без умолку, будто не замечая, что его слова делают больно.

– Тебе она обязательно понравится, – заявил Инн, подходя, чтобы поправить положение его руки. – Вылитая Ева!

Он не догадался, что Честер опустил ее нарочно, а когда понял, было уже поздно. Лань схватил его и с легкостью перенес на кушетку, волшебным образом появившуюся в райских кущах. Ее убрали на чердак, еще когда близнецам было по одиннадцать лет, и только потому, что родители не могли договориться насчет цвета обивки. Честера пионы на выцветшем желтом поле волновали в последнюю очередь.

Инн ахнул, оказавшись на спине, он пребывал в замешательстве от выходки фабриканта, но взгляд при этом был такой, будто перед ним был не Честер, а сошедший с холста Адам. Уже нависнув сверху, Лань запоздало вспомнил, что обнажен, в отличие от художника. Впрочем, это несоответствие легко было исправить, пуговицы поддались сразу.

Вэйд потянулся к его лицу и хотя это не было попыткой оказать сопротивление, остановить, оттолкнуть, Честер перехватил его

руку и с силой укусил через рукав, чтобы почувствовал то же, что он. Художник вскрикнул скорее от неожиданности, чем от боли, но это даже понравилось Ланю. Всё, чего ему хотелось – вытеснить эту Юдифь из его сердца. Просто не верилось, что всего за один день все, что между ними было, могло вот так начать рушиться. Он этого не допустит.

Но что, если он обманывался с самого начала? Нет, быть этого не может. Тогда бы Вэйд не отвечал сейчас с таким пылом на его поцелуи, не стонал в губы. Честер, к своему удивлению, расслышал слова и поднял веки, встретившись со штормового цвета глазами художника.

– Честер… не гони лошадей… штаны… – принялся упрашивать Вэйд, но уговоры тут были бесполезны. – Ботинки… Дай сниму хотя бы халат. Он же…

Если бы он мог справляться с головокружением и дальше, то не дал бы Инну улизнуть. Тот скатился на пол, едва почувствовав, что свободен, на удивление проворно вскочил на ноги и, уже оказавшись посередине комнаты, действительно скинул перемазанный красками халат.

Честер испытал досаду. Только что художник был буквально у него в руках. А теперь, стоило подняться на ноги, и тот отступил к двери и сбросил ботинки. Не сразу, но фабрикант сообразил, в какую игру они играют – получалась какая-то фривольная версия вполне себе детской забавы. Однако прихрамывающий художник просто не мог одержать в ней верх, даже если бы не поджидал его нарочно, чтобы скорее попасться.

К тому моменту, когда они добрались до кровати, из одежды на художнике остался только шелковый браслет. Он продолжал носить подарок Честера, еще одно подтверждение, что все хорошо, но Лань заметил украшение уже после того, как повалил художника на покрывало лицом вниз и придавил к матрасу. Вэйд картинно, как Саймон, раскинулся, всем видом показывая, что здесь намного удобнее, чем на маленьком диванчике, годящимся разве что для чтения или вышивания. Помнится, для этого-то он и использовался.

Честер прикусил шею художника просто, потому что так захотелось, и немедленно услышал стон. Все ли он делал так, как нужно? Ошибись он, Вэйд бы сказал об этом? Возможно. Но пока он выгнулся и сам потерся... Очень развязно. Он сам был виноват в том, что Честер его шлепнул. К тому же он все еще не простил Инну, что тот встречался с женщиной. Не то, чтобы он не имел права этого делать, но то, как он говорил о ней, было неправильно. Еще недавно он задавался вопросом, на который, похоже, нашел ответ. Теперь Лань мог понять желание причинить любимому человеку боль, но оно появлялось отнюдь не на пустом месте.

– Если мы сделаем это… – Честер замешкался, потому что не видел лица Вэйда, а тот зачем-то запустил руку под подушку и, пошарив там, извлек аптечного вида пузырек.

– Конечно, сделаем, иначе и быть не может – выдохнул Инн и погладил его по руке, щекоча пальцы. – Я хочу тебя всего. В первый раз хочу отдать всего себя – тебе.

Он повернулся и заглянул в глаза. У Честера перехватило дыхание от его взгляда, от искренней улыбки на его губах. От того, каким красивым был в этот миг художник, озаренный его собственным внутренним светом. Легкий, невесомый поцелуй прогнал прочь злость и досаду, отравившие душу, а потом он произнес:

– Честер, я люблю тебя, – казалось бы, такие простые слова, но от них сердце ликовало.

– Люблю, – эхом отозвался Лань, потому что в груди теснилось чувство, которое требовало выхода. Но его не убывало, сколько ни тверди, сколько ни целуй податливые губы.

Честер множество раз слышал от других, что первый раз никогда не забывается, но то была досужая болтовня, байки молодых людей, хвастающихся своими подвигами или только планирующими их совершить. Он действительно хотел запомнить эту ночь на всю свою жизнь, потому что она была совершенно неописуемой. Все волнения куда-то подевались, пропала неловкость, осталась лишь страсть и ответное желание. Голос Вэйда, направляющий, подсказывающий, просто шепчущий всякие пошлости, от которых поднимались волоски по всему телу. И еще руки, умело ласкающие, заставляющие забыть все сомнения.

И легкая дрожь художника… А потом восхитительное чувство обладания, когда он буквально врастал в доверенное ему тело. Губы, немеющие от поцелуев и бесконечного, звучащего рефреном «Люблю». И финальным аккордом наслаждение, окончательно вымотавшее их обоих и заставившее забыться ненадолго, не размыкая объятий.
***
Вэйд позвал его по имени, и Честер, хоть и с большим трудом разомкнул веки. В сон клонило невероятно, особенно теперь, когда они уже погасили лампу и художник, казалось, угомонился, пригревшись.

– Ты немного ошибся насчет Евы, – сообщил Вэйд, слегка потягиваясь.

– Что? – переспросил Лань, успевший уже позабыть об особе, которая так взволновала его накануне вечером.

– Юдифь понравилась мне так, как тебе нравится Анна. А что касается картины… – он зевнул, что сразу стало понятно по дыханию.

Честер оторвал голову от подушки, попытавшись разглядеть лицо художника в темноте. Теперь он совсем ничего не понимал. Разве не Вэйд несколько дней назад объяснял ему, что первых людей принято изображать обнаженными, подчеркивая их единение с природой, которая также появилась благодаря Творцу? В то время, когда они ходили по райскому саду, в одежде не было никакой нужды, а понятие стыд еще даже не придумали.

– Женская красота – штука гораздо более сложная, чем мужская, – художник погладил его по животу, а потом, сложив ладонь лодочкой, накрыл член. – Красивого мужчину ты определишь с первого взгляда и, уж поверь, никак не ошибешься. В случае с Евой не может быть иного эталона, чем она сама настоящая во плоти.

Эти слова заставили задуматься, какой же тогда должна быть Ева, если никто никогда ее не видел. Художники руководствовались изменчивыми представлениями о красоте и своим вкусом. Пришлось признать, что он только больше запутался, пытаясь ответить на вопрос, какой представляет первую женщину.

– Не понимаю, – сказал он, переложив руку художника обратно на живот и требовательно прижав – прикосновения в том месте, где он трогал, никак не помогали сосредоточиться.

– Высокая или низкая? Стройная или аппетитная, как булочка? С большой грудью или все-таки с маленькой? Всем не угодишь, поэтому, чтобы нарисовать женщину с идеальным телом… – он выдержал торжественную паузу, – не надо рисовать его вовсе! Пусть это сделает воображение наблюдателя, уж оно-то знает, что делать, ведь это не кто-нибудь. Это – Ева, совершенная, только что вылепленная Богом женщина.

– То есть никакой обнаженной натуры? – переспросил Честер, желая окончательно удостовериться.

– Тело Юдифь принадлежит только ей и ее мужу, – охотно подтвердил Вэйд и объяснил, наконец, чему на самом деле так радовался: – А главное, Адама я теперь смогу оставить себе! Кстати, ты ведь не дал мне рассказать, кто ее супруг. Ни за что не поверишь, как тесен мир, но это Ник!

Часть 78

Хавьер сразу понял, что что-то произошло. Хотя бы потому, что брат, забыв об осторожности, вышел с веранды вместе с Вэйдом. Художник заметно прихрамывал и Честер взял его под руку… Вот только сейчас он не прикидывался, хромота действительно усилилась. А брат не выглядел таким виноватым с тех пор, как отколол кусочек от дорогой китайской вазы, которая хранилась в их семье больше века. К счастью, Уотсон нашел умельца, который умудрился вернуть осколок на место при помощи молока и какого-то невероятного колдовства. Отыскать ниточку скола было теперь трудно даже виновнику происшествия.

– Боже мой, мистер Инн, – воскликнула Мэдисон, вошедшая с подносом как раз в тот момент, когда художник с большой осторожностью садился за стол. – Снова Ваша спина?

– Вчера мы устроили перестановку в райских кущах и немного переусердствовали, – улыбка получилась до того озорной, что, когда он переглянулся с Честером, тот тоже слегка улыбнулся. – Только потом пришлось вернуть все деревья на прежние места, потому что проход оказался узковат.

К счастью, девушка не уловила всей двусмысленности сказанного. Эти слова предназначались для того, чтобы смутить Честера, и, надо сказать, цели своей достигли. О чем только художник думал? Хотя Хавьер знал, о чем. Инн сразу заметил, что он догадался, вот и позволил себе немного вольностей. Стоило ли приструнить художника или не вмешиваться?

Младший брат уже не знал, куда девать глаза, так что Хавьеру пришлось сделать вид, будто все его внимание поглощено статьей о Циклопе и его банде, потерявшей всякий страх в последние недели. В ночь с понедельника на вторник стражи порядка устраивали облаву в порту. Хавьеру с трудом верилось в такие совпадения. Особенно после того, что он узнал от мадам Роуз.

Мэйсон в Лондоне и уже давно. Когда первый шок от этого известия прошел, мысли Хавьера стали часто возвращаться к бывшему любовнику и теперь он отчетливо понимал: времена и положение изменились. Несмотря на то, что Йен предпочитал работать один, самым логичным для него было прибиться к Циклопу, такому же контрабандисту, как он сам. Он хотел укрепить свои позиции и только потом устроить Хавьеру сюрприз, вернувшись как ни в чем не бывало. Возможно, события той ночи заставили его искать безопасное укрытие, которым, по мнению Мэйсона, мог стать особняк Ланей.

К счастью, Вэйд не успел начать обсуждать длину ветвей или, скажем, то, каков в обхвате был ствол, потому что к ним присоединился Майкл. Сын выглядел немного помятым и заспанным, как будто Уотсон его только что разбудил.

– Я уснул в библиотеке! – объявил юноша и с благодарным кивком принял от Честера половину булочки, намазанную маслом. – Просыпаюсь, а мне в лицо тычется щекотная усатая морда и как будто говорит: «Ты чего тут разлеживаешься? Внизу еда давно на столе». Он – просто прелесть, мистер Инн!

Вторая половинка аккуратно разрезанной булочки была тем временем передана Вэйду, потому что тот не проявлял к еде особого интереса, лениво попивая кофе. От Хавьера не укрылась радость, мелькнувшая в глазах художника, и конечно то, что тот специально коснулся руки Честера, когда брал угощение. Вот так наблюдать за ними было приятно и немного грустно. Глядя на брата, Лань подумал, что они с Чейзом многое упускают. И не только сейчас, когда вынуждены держаться друг от друга подальше.

– Вижу, новый учитель нравится тебе больше мистера Рилли, – Хавьер улыбнулся, когда Майкл скорчил недовольную рожицу.

– Он заставляет все переписывать начисто по два раза, – пожаловался на собственный неаккуратный почерк сын. – Но в книгах и правда разбирается. Я стараюсь писать красиво с первого раза, чтобы успеть прочитать лишнюю пару глав.

Вэйд тем временем, как десерт, предложил Честеру кота. Саймон уже получил от хозяина угощение, но продолжал крутиться у его ног. Младший брат отклонил столь заманчивое предложение и тоже скормил коту кусочек со своей тарелки. Ради него тот даже встал на задние лапки и покрутился на месте, смешно взмахивая передними в попытке достать лакомый кусочек.

Хавьер был рад видеть Честера таким. Все еще немного смущенным, но больше, конечно, счастливым, несмотря на все волнения, которые доставил ему старший брат в последнее время. Даже собственная тоска отошла на второй план. Он не будет показывать, что скучает по Чейзу. Чем ходить тенью самого себя и вздыхать, надо было действовать. И, кажется, Честер и Вэйд, сами того не зная, подкинули ему хорошую идею. Он решил купить пару билетов в оперу и один из них передать Чейзу через Анну. Двое джентльменов могут пойти в театр и – совершенно случайно, разумеется – занять соседние места. Хотя нет, лучше купить сразу две ложи, в качестве благодарности Чаттерам. И никаких лишних глаз.

Майкл воодушевленно делился впечатлениями о прочитанном, а Хавьер думал, как бы перевести разговор в нужное русло и предложить брату пригласить подругу на ужин, и сегодня же! Однако и придумывать ничего не пришлось. Уотсон пришел оповестить Честера о звонке миссис Чаттер.

– Брат, – остановил его Хавьер уже в дверях. – Может быть, позовешь их в гости?

– Пирушка! – обрадовался Вэйд, едва не подорвавшийся из-за стола следом за Честером. – Анна и Стюарт знают Ника, так что все пройдет по первому разряду.

Осталось только купить билеты. А еще обнять брата, просто так, без повода.
***
После завтрака Вэйд проводил Ланей и ни разу не пожалел об этом. Конечно, ноющие мышцы давали о себе знать, но он стал свидетелем на редкость трогательной сцены. Близнецы редко открыто демонстрировали свою привязанность друг к другу, но это был определенно тот самый случай. Честер сперва попытался отстраниться, но потом поддался настойчивости Хавьера и тоже стиснул его. Прямо на глазах у их четвертого по счету охранника – заядлого кошатника, судя по знакомым серым шерстинкам, приставшим к его брюкам.

Такие похожие и совершенно разные. Один выглядел счастливым и умиротворенным, другой – немного настороженным. Хавьер закрыл глаза, а Честер посмотрел на Вэйда, ища поддержки. Тот улыбнулся, показывая, что все хорошо и можно не волноваться из-за внезапно нашедших на Хавьера нежностей. Чуть позже художник, решивший ограничиться рукопожатием, обнаружил, что ладонь одного из братьев кажется почти горячей, а другого – прохладная и это так приятно, что совсем не хочется отпускать, даже если это уже выглядит со стороны несколько настораживающе.

– Я собираюсь принять ванну, – шепнул ему Вэйд на прощание из-за невозможности поцеловать. – И, кажется, знаю, о чем буду думать.

После этого, очень довольный собой, вернулся в дом, где заботливая Мэдисон уже хлопотала в ванной. Когда все уже было готово, горничная поспешила удалиться, чтобы не смущать художника, а если точней не смущаться самой. Так было лучше всего. Вэйд разделся, не спеша, без обычного нетерпения, и, насколько мог, оглядел себя. Тут и там виднелись следы бурной ночи. Проявились и отпечатки пальцев, и отметины – тут надо отдать Честеру должное – всего парочки из многочисленных укусов.

Парок, поднимающийся над водой, так и манил в нее окунуться. В комнате витал лёгкий, смутно знакомый аромат, напоминающий о дальних краях, где когда-то довелось побывать, но не пробуждающий желания туда возвратиться. Всего несколько секунд и Вэйд мог думать лишь о том, до чего хорошо будет поваляться в теплой воде, расслабиться и почувствовать себя обновленным.

– Я провел ночь с мужчиной, – вслух констатировал он, окунувшись, и откинул голову на бортик.

Спина снова заныла при этой мысли. Художник прикрыл глаза, действительно вспоминая события ночи, но теперь трезвее, чем вчера, когда они оба теряли голову от желания. Довериться Честеру казалось совершенно естественным, а вот отдаться ему… это было все равно, что броситься в омут. Он не жалел, что решился, как не жалел о том, что это произошло именно теперь: не раньше и не позже, а только удивлялся, почему раньше боялся этого и сомневался.

Перед мысленным взором плыли картины одна другой соблазнительнее. Он представлял их со стороны, а еще – очень четко – лицо Честера. Ведь хотел увидеть, каким оно будет, когда они будут заниматься любовью. И ведь знал, что не сумеет наглядеться. В такие моменты люди частенько выглядят глупо, но его Адам был прекрасен.

Рука сама соскользнула по внутренней стороне бедра, хотя еще минуту назад он не чувствовал готовности к бою. Не говоря о том, что, проснувшись, они с Честером почти четверть часа лениво целовались, не желая покидать объятья друг друга – видно, не насытились ночью.

– Если я буду желать тебя каждый день, что ты подумаешь? – спросил он, хотя, конечно, Честер не мог его слышать.

Впрочем, возможность спросить появилась у него всего каких-то полтора часа спустя. Уотсон попросил подойти к телефону. Кроме Санфорда, кто еще мог звонить? Поднеся к уху телефонную трубку, художник обратился к невидимке, чье дыхание уже мог различить, несмотря на помехи. Такое странное чувство. В первую секунду он даже не смог понять, кто говорит.

– Вэйд, – приглушенным голосом обратился к нему собеседник и с явным облегчением добавил: – Я боялся, Уотсон скажет, что ты уже занят…

– Честер? – удивился Инн, не ожидавший. – Что-то случилось? Мне стоит волноваться?

– Нет, – прозвучало как-то не слишком уверенно. – Я просто хотел тебя услышать.

– Не надо мне твоих отговорок, – немедленно заворчал на него художник. – Слышу же, что не просто так звонишь. В доме все в порядке, а на фабрике? Как Хавьер? Кстати, я ничем таким не занимался, это была просто шутка.

– Хорошо, – как-то странно одобрил Честер.

Вэйд очень живо представил, как тот смущенно оглянулся на дверь. Вот бы узнать, покраснел ли он. Все-таки общаться лично было намного лучше и интереснее, не говоря о том, что еще можно делать, находясь в одной комнате. Он выслушал, как начался рабочий день Честера, и его заверения, что у брата хорошее настроение, и, признаться, уже начал подумывать, что тот так и не решится заговорить об истинных причинах своего звонка, как вдруг Ланя прорвало.

– Сегодня все делают мне комплименты, – сказал он. – И каждый второй спрашивает, кто она.

– Она? – переспросил Вэйд. – Ты же им ответил, что она – художница, может, не слишком известная, но тебе нравятся ее работы?

– Конечно, нет! – воскликнул Честер.

– Намекни тогда, что она младше тебя на несколько лет, – Вэйд хихикнул, почти обнимаясь с трубкой. – Пускай себе гадают. К тому же это так пикантно! Хочешь, как-нибудь нарисую ее автопортрет?

Вопрос поставил Честера в тупик. Тишина на той стороне трубки стала такой гробовой, что даже помехи утихли, словно проникшись моментом. Вэйд зажал себе рот, чтобы не прыснуть, это было просто неприлично. Вот бы можно было залезть Честеру в голову и увидеть, что тот представил. Позаимствовав у кого-нибудь платье, пожалуй, Инн смог бы нарисовать себе воображаемую сестренку. Даже переодеваться не пришлось бы, так, только повертеться перед зеркалом с нарядом в руках.

– С меня хватит и одной… – севшим голосом сообщил фабрикант, а, может быть, просто понизил голос до шепота. – Скажи, по мне правда так видно, что я влюблен? Я ведь веду себя со всеми, как обычно… Вот и брат говорит…

– Честер, – протянул Инн, усевшись на стол и покачивая ногой в воздухе. – Тебя окружают слепые люди. Это было понятно давным-давно…

– Когда? – переспросил Лань, но художник только засмеялся в ответ, разобрав панику в его голосе. – Вэйд, когда?

– Ты – прелесть, Честер, – сказал он. – Мне пора, скоро прибудут Уэйны! Мы как раз успеем хорошо поработать, а там присоединитесь вы с Чаттерами.

На самом деле это было большим преувеличением. Юдифь обещала приехать после обеда, но за благоверного не ручалась. Отпустят ли его дела и ее любимая подруга, наравне с братом участвовавшая в семейном деле. Вэйд не удержался и начал без своей натурщицы. Он уже определился с композицией, так что мог смело заняться Древом познания Добра и Зла, которому наряду с Адамом было отведено место на картине.

– Саймон! – позвал он, не слишком надеясь на то, что кот его услышит. Спать он мог до того крепко, что хоть в мешок клади и уноси. – Гулять?

К его удивлению, кот почти сразу нашелся и заинтересованно потрусил рядом. Он был не прочь сходить в сад за компанию. А может, желал в очередной раз продемонстрировать свою удаль. Вэйду же, прежде чем браться за силуэт яблони, нужно было выбрать подходящий ракурс, при котором та будет выглядеть в полной мере величественно и внушительно.

– Ты становишься похожим на своего приятеля Ангела, – заметил художник, когда у двери кот потерся о его ноги. – За мольбертом потом сходим.

Погода радовала, хотя солнце и было мутновато, а ветерок здорово холодил затылок под влажными волосами. Надо думать, Лондон, встретивший его самой ужасной погодой, преподнесет еще немало сюрпризов. Впереди целое лето, за ним осень и, наконец, зима… Даже если она выдастся слякотной, он подарит Честеру на Рождество самый большой и пушистый белый шарф, какой только найдет!

– Представь, дружок, я уже думаю о том, как мы проведем здесь зиму, – поделился художник с котом и рассмеялся. – Ты готов прожить в таком прекрасном месте целую жизнь? Знаю, ты был бы не прочь провести здесь все девять! Я на твоем месте так бы и поступил.

Он немного поиграл с котом, перебирая пальцами в воздухе, как будто у него было припасено угощение. Саймон, хоть и знал, что это уловка, добросовестно пытался поймать руку хозяина. Когда же ему это прискучило, кот пробежался до беседки. Жаль, там не оказалось Майкла. Вэйд давно подыскивал подходящий момент для весьма занимательного разговора. Конечно, гостя у бабушки и дедушек на ферме он не мог не узнать, откуда берутся барашки, крольчата и жеребята, от которых Вэйд, надо сказать, был в особенном восторге, однако, юноша мог упустить кое-то важное. Да и поговорить начистоту не мешало. Что-то подсказывало Вэйду, что молодой человек видит, что происходит между ним и его дядюшкой, и просто не знает, как ему к этому относиться.

– Устал? – спросил Вэйд, когда Саймон запрыгнул на скамейку в том месте, где любил сидеть Честер, и настойчиво попросился на руки. – У меня еще волосы не высохли.

Несмотря на предупреждение, кот взгромоздился ему на плечи и разлегся, чувствуя себя царем горы. Вэйд, конечно, заподозрил, что любимец просто хочет немного покататься верхом, но не имел ничего против. Сегодня едва ли представится еще такая возможность, если Ник не будет так добр.

Часть 79

Художник сделал не так много, как наметил. Нет, конечно, он вынес мольберт и холст, да и яблоня получилось вполне похожей на себя… да и только. Вэйд-то надеялся различить в наброске черты того самого Древа. Стоило вернуться к нему в следующий раз, когда луна будет стоять в небесах. Ее свет веками подсказывает верный путь не только путникам, но и творцам. Работа не шла – не на кого списать противное чувство, будто под руку смотрят – а всё потому, что обратно в сад Саймон с ним не пошел. Вэйд даже прогулялся немного, делая вид, что решил размять ноги, но никого постороннего не заметил.

– Просто игра воображения… – проговорил он себе под нос, прихрамывая к дому.

С деревом он решил пока что закончить и даже не послал охранника обойти вверенную территорию еще раз. Зачем, если сам это уже сделал? Однако вскоре его опасения подтвердил Николас, очень взволнованный самым, казалось бы, обыкновенным визитом в гости. Хотя обычного тут было маловато. Начать с того, что Юдифь собиралась позировать для картины. Да и не стоило Вэйду забывать, что это не его дом, а близнецов Ланей, а он только снимает несколько комнат.

– Мистер Честер или мистер Хавьер дома? – спросил мистер Уэйн осторожно. Уж очень ему не хотелось вновь навлечь на себя гнев Честера! – Надеюсь, мы не помешали их планам?

Вэйд отрицательно покачал головой, озадаченный услышанным. И откуда только такие мысли? Снова вспомнилось противное чувство чужого взгляда. Вроде бы не поймешь откуда, но очень явственно и четко.

– Нам показалось, у Вас только что был гость, – объяснил Николас, заметив его недоумение. – Мы встретили его у ворот особняка.

– Ужасно мрачный тип, – поделилась Юдифь, уже успевшая устроиться в зарослях. – На гробовщика похож. Ниже дорогого, но повыше меня, хотя и не намного.

– Наверняка, тот джентльмен что-то перепутал, – зарделся «дорогой».

– Конечно! – подтвердил Вэйд, стараясь свести все в шутку, чтобы вспомнить об этом чуть позже, когда проявится овал лица и крупные мазки зададут тон волосам первой женщины на земле. – В этом доме все намерены жить вечно!

Ева, одетая в то же платье с вырезом, приоткрывающим плечи, прыснула. Пора было приступать к портрету. Ну и, конечно же, принимать благодарности за два предыдущих! На обоих женщина была прехорошенькой, однако в масле должно было получиться нечто особенное. В этом они с Николасом легко сошлись. Гораздо сложнее было достичь консенсуса, когда Инн пробовал воспроизвести лицо со слов сразу двух очевидцев, мнения которых о человеке, собиравшемся, но так и не нанесшем визит в особняк, несколько разнились.

В полиции бы давно уже не выдержали и показали снимки подозреваемых, но Вэйд-то подавал это как забавную игру. К тому же он попросту не располагал фотографией Йена Мэйсона, и поэтому, глядя на мужчину в густо заштрихованном пиджаке, не мог сказать, похоже ли получилось. Словесное описание совпадало… Опять же средний рост, может, немного ниже среднего. Если это не *тот человек*, то он может оказаться их ночным визитером. Жаль, Джон Смит рассмотрел его только со спины, было бы, с чем сравнить.

– Вы всегда рисуете, когда отдыхаете от рисования? – спросила Юдифь, в очередной раз наклонившись, чтобы взять подушечку, поднесенную ей Саймоном.

– Иногда я все-таки пью чай, – усмехнулся художник, вспомнив о своей чашке лишь теперь. – И когда он успел остыть?

Кот деликатно потрогал лапкой его штанину. В этот раз подушечка, за которой он с упоением гонялся, была подана любимому хозяину, а не новой знакомой. Вэйд решил показать гостям находчивость Саймона и ловко метнул игрушку в массивную напольную вазу. Кот промчался через всю комнату мимо вазы и для начала осмотрел ее со всех сторон. Зрители замерли. Он сел, балансируя распушившимся хвостом, вытянулся столбиком, и принялся размахивать передними лапками в воздухе.

– Впервые вижу пляску святого Витта, – шепнул Николас, развеселив жену.

– Дедушка бы сказал, что в этого кота однозначно вселился джинн, – поделилась она, разумеется, несерьезно. – Может быть, Ваш загадочный гость был колдуном?

– Разве ему в таком случае не полагались бы туфли с остроконечными мысками? – заинтересовался художник, наблюдая за застывшим на месте котом.

– Но ведь и Вы не рисовали его в полный рост, – рассудила Юдифь, явно гордясь тем, что является ведущим экспертом по джиннам и не только. – Но остроносой обуви я у него что-то не припомню, а ты, милый?

В этот момент Саймон наконец решился начать исследование потаенных глубин и, как Алиса в кроличью нору, бросился в вазу. Хвост, оставшийся снаружи, задергался и исчез.

– Дорогой? – напомнила Николасу Юдифь. Тот торопливо отвел взгляд от вазы, потом кивнул, затем покачал головой.

Из вазы показалась круглая серая мордочка с удивленно расширенными оранжевыми глазами. Нора явно превзошла кошачьи ожидания! Подушечку Саймон уже держал в зубах, но выбираться не торопился, явно раздумывая, как лучше это провернуть, чтобы не выронить добычу в полете.

– Мне кажется, придется теперь держать там подстилку, а не цветы, – Вэйд вместе с гостями наблюдал, как кот топчется внутри, не то пристраиваясь поуютнее, не то все-таки примериваясь выпрыгнуть.

Кошки прекрасно прыгают с места и, хотя Саймон был тяжеловат на подъем, он прянул вверх, благополучно приземлившись рядом с пузатой вазой. Благо та была достаточно увесистой и приземистой, чтобы выстоять. Заработав аплодисменты, преисполненный гордости британец преподнес игрушку Юдифь, а та предложила ее мужу.

После еще пары бросков они вернулись на веранду, где поработали еще немного до возвращения Хавьера и Честера. Вэйд старался, чтобы для Юдифь это было приятным приключением, а не унылой рутиной, которую и вспоминать не хочется. Глядишь, и ее дорогой Ник как-нибудь согласится ему позировать. После вкусностей, которыми их угощала миссис Стэнли он, наконец, немного расслабился и даже перестал приглядывать за тем, чтобы платье супруги не открыло взору художника подробности, которых не должно быть на картине. Юдифь, надо сказать, получала несказанное удовольствие, наблюдая, как муж оберегает ее.

Пока что разговор в основном поддерживали Ева и Вэйд, но Инн рассчитывал, что Ник будет активнее принимать в нем участие, когда появятся близнецы и Чаттеры, с которыми тот знаком более продолжительное время. Стоило подумать об этом, как художник тут же предложил заключить пари на то, кто прибудет раньше. Ему не терпелось увидеть Честера и показать ему картину. Уж это развеет его тревоги!

Был и еще один портрет, который фабриканту следовало увидеть...
***
Хавьер весь день проявлял нетерпение, он даже предложил заехать за Чаттерами, что было, несомненно, достаточно удобно, но вовсе не обязательно. Нетрудно было понять, что побудил его к этому интерес к лейтенанту. Как бы то ни было, после работы Честер вслед за братом сел в просторную коляску, а меньше чем через полчаса уже подавал руку Анне, помогая подняться на ступеньку.

– Я чувствую себя дамой королевских кровей, – сказала она мечтательно замерев, в то время как Стюарт поддерживал подол ее юбки. – За мной ухаживают сразу трое прекрасных мужчин!

Хавьер поспешил уступить ей свое место, чтобы не пришлось ехать спиной вперед, за что получил благосклонную улыбку новоявленной венценосной особы и ревнивый взгляд ее мужа. Впрочем, Стюарт быстро поддался настроению супруги, щебечущей точно птичка.

– Хавьер, что Вы сделали с братом? – спросила она, пытливо рассматривая Честера. – Вы как будто снова поменялись местами.

– Снова? – переспросил тот недоуменно.

Анна прикрыла губы ладошкой. Честер слегка запаниковал, но напрасно. Друзья не стали выдавать их с Вэйдом шалость, за которую теперь было стыдно, – не стоило поддаваться и изображать брата. Но все-таки, что такое сейчас заметила в нем Анна? Захотелось проверить, не осталось ли какой-то улики после ночи, проведенной в постели с художником, но он постарался сохранять спокойствие и благоразумие.

– Это – долгая история, – уклончиво ответила девушка. – А Честер просто очень давно так не улыбался.

– Я не улыбался, – запротестовал тот.

– Только глазами, – она снова выглядела той озорной девчушкой, с которой младший из близнецов пробовал говорить по-французски, даже толком еще не понимая, о чем мальчишкам полагается болтать с девчонками. – Честер, я же столько лет тебя знаю, мы – друзья, в конце концов! Мне не нужно быть инспектором Скотланд-Ярда, чтобы понять: случилось что-нибудь замечательное.

– Кстати, – ввернул Хавьер, спасая его от неловкого разговора. Как Вэйд мог посоветовать говорить о «возлюбленной», именно так, в женском роде? Уму непостижимо... – Чейз так много работает в последнее время, что мне никак не удается передать ему кое-что.

– От этой работы одни напасти, – пробурчал Стюарт, в отличие от жены, не одобрявший выбор шурина.

Честер понимал, почему. Производство... Он не представлял, как бы управился с фабрикой без Хавьера, если бы тот решил вдруг податься в полисмены или, к примеру, сделаться отшельником. Не говоря о том, что дядюшка бы рвал на себе волосы и заламывал руки.

– Стюарт, – укоризненно протянула Анна, но тут же погладила его по руке. – Что это за вещь? Думаю, мы успеем передать ее брату до отъезда. Представляете? – глаза ее засияли, когда она обратилась к Ланям. – Мы решили все-таки поехать в свадебное путешествие!

– Тогда я даже не знаю, как Вас благодарить, – Хавьер немного растерялся, но все же достал из внутреннего кармана белый незапечатанный конверт.

Стюарт взял его, даже не подумав проверить, что внутри. Не было похоже, что он сильно беспокоится за Чейза – не слишком-то они и ладили, конечно, из-за тяжелого характера мистера Цзян. Само собой, Анна защищала брата, а как иначе? Но факт оставался фактом: Чейз снова заставлял Стюарта злиться, а Хавьера – переживать.

Анна все продолжала с интересом рассматривать Честера, заставляя тем самым все больше нервничать. Он думал, что уж подруга-то его точно поймет. Так вышло, что именно он был рядом, когда Анна вдруг осознала, что мало-помалу, незаметно даже для себя самой, наконец, влюбилась в нареченного. И первым же делом спряталась за спиной лучшего друга, чтобы Стюарт не заметил, как она покраснела, увидев его после расставания почти на полтора года.

Честеру прятаться было некуда, правда, и в краску он не впадал, и надеялся, что так оно и будет, если, конечно, художник снова не заведет разговор об их ночных увеселениях и слишком маленьких горшках для растений с большими корнями. Как только такое сравнение в голову пришло?! До сегодняшних речей Вэйда он и подумать не мог о чем-то подобном. Однако он бы не пожелал, чтобы они так никогда и не встретились. Даже громилы в парке и полученная Вэйдом травма были, в сущности, к лучшему. Именно они привели Ланя на ту поляну, откуда начинался длинный их путь – вместе.

– Честер, – позвала Анна, отвлекая его от мыслей о художнике. – О чем ты думаешь?

– О путешествиях, – он даже не попытался соврать. – Вы все-таки решили, куда поедете?

– Нет, – она беззаботно пожала плечиками и дотронулась до руки мужа, немедленно спрятавшего ее ладошку в своей. – Подумали: зачем выбирать что-то одно, да еще и спорить из-за этого? А вы?

– Наверное, – он об этом особо и не думал. Просто сама мысль, что однажды это случится, грела душу. – Скорее всего, Вэйд уже что-то придумал, просто не говорит.

Глаза подруги расширились от удивления, но уже мгновенье спустя она улыбалась, как ни в чем не бывало, и рассуждала о том, что нет наверное такой страны, где художник не побывал хотя бы проездом, что несомненно было преувеличением. Честер же сидел как громом пораженный. Стоило потерять бдительность, и подруга с такой легкостью вытянула из него признание, что даже Хавьер одарил ее уважительным взглядом.

– Милая, ты столько знаешь о местах, где довелось пожить мистеру Инну, – отметил Стюарт, помрачнев, что ему совершенно не шло. – Неужели пора покупать цветные конверты для вашей переписки?

– Какая замечательная мысль, – восхитилась Анна, не замечая ревнивые нотки в голосе супруга, искренне и даже чуточку обняла руку мужа. – Как насчет небесно-голубых или лимонно-желтых?

Жестоко с ее стороны было вот так подтрунивать над ними, но Честер не мог дуться, а Стюарт – хоть и до сих пор ужасно ревновал – доверял Анне, которая ни разу не давала повода упрекнуть ее в чем бы то ни было. Даже в ту пору, когда – по словам самого Чаттера – они были просто помолвлены и не более.

Улицы Лондона проплывали мимо и вскоре стали почти родными. Они как-то незаметно прибыли к особняку, где их уже ждали… оказывается, это такое приятное чувство! Он ужасно хотел обнять Вэйда, пусть даже украдкой, улучив момент, когда никто не будет их видеть. Художник обещал, наконец, показать ему Еву, как в жизни, так и на холсте, чтобы он мог сравнить и составить непредвзятое впечатление. Будто бы это что-то меняло.

Часть 80

Вечер не предвещал ничего плохого. За ужином Уэйн уделял большое внимание жене, а та больше общалась с Чаттерами, вероятно потому, что уже немного знала их, а близнецам была представлена только что. Анна оживленно делилась планами поездки, а Стюарт пользовался случаем, чтобы обсудить некоторые деловые вопросы. Один из них вынудил Честера ненадолго подняться к себе в кабинет. А когда он, захватив нужные бумаги, открыл дверь, оказалось, что за ней поджидает брат. Это было довольно неожиданно. Особенно, когда тот выудил из внутреннего кармана еще один конверт, точно такой же, какой недавно отдал Чаттерам.

Не то, чтобы брат никогда не писал ему писем, но сейчас в этом не было никакого смысла. Разве что-то мешало ему в любой момент сказать все, что хочется, лично? Немудрено растеряться…

– Это тебе, – брат загадочно улыбнулся, меняя конверт на стопку бумаг. – И кое-кому еще. Не хочешь пойти на веранду и обрадовать его прямо сейчас?

Хавьер во второй раз обнял его, на этот раз не сбив с толку еще больше, – просто потому что дальше было некуда! Теперь у Честера было достаточно времени, чтобы прочувствовать и… это оказалось тепло. Очень тепло, но странно. Он даже не сообразил сразу спросить, откуда старший брат знает, что Вэйд окажется на веранде и именно сейчас.

– Можешь не торопиться, – добавил брат и пошел к гостям, беспечно помахивая документами.

Что бы это могло значить? Причину его приподнятого настроения, вероятно, следовало искать в содержимом таинственного конверта. Мужчина немного постоял на месте, держа его в руках, но так и не открыл, стоило сделать это вместе с Вэйдом, раз уж брат сказал, что это для них обоих.

Он спустился на первый этаж, думая, как глупо себя почувствует, не найдя творца в его райских кущах. И все-таки он был там и встретил Ланя с распростертыми объятьями. Конверт от Хавьера вызвал у него не меньше радости, чем у Майкла подарки на Рождество. Внутри находилось вовсе не письмо, а два билета в оперу. Премьера должна была состояться в самом скором времени и у них были лучшие места.

– Такое внимание смущает, – поделился Честер.

– Да брось, – художник сказал это так легко, что можно было поучиться у него умению принимать подарки. Кстати, шелковый браслет по-прежнему обвивал его запястье. – Твой брат ужасно обидится, если мы вдруг вернем их ему. Он ведь купил эти билеты нам с тобой! Это будет наш первый поход в театр.

Художник чмокнул его в губы. Не в силах противиться нахлынувшему желанию, Честер притянул его ближе, обнимая. Как же ему этого не хватало! Весь день… Если бы не необходимость вернуться к гостям, Честер с упоением провел бы вечер с художником и, – судя по тому, как тот льнул к нему, – ночь тоже.

– Раз ты уже познакомился с Юдифь, – сказал Вэйд между поцелуями, – самое время взглянуть на Еву. М-м, еще немного и все поймут, чем мы тут занимались…

Эти слова несколько охладили пыл Честера. Он поспешил заняться перемещением мольберта с места на место, чтобы отвлечься. К тому же художник довольно заметно прихрамывал, и нетрудно было догадаться: если это не связано с их ночными похождениями, то он долго работал… И верно, рисунок проступил на холсте, но вообразить готовую картину и то, какое впечатление она будет производить на наблюдателя, пока что мог только сам живописец. Уже можно было уловить сюжет: Ева невинна и счастлива, на зависть низвергнутому с Небес Люциферу. Однако замысел мог оказаться намного глубже.

Он не стал спрашивать об этом, решив, что потом сам все увидит. Сказал только, как ему приятно, что Вэйд хочет показать ему работу, которой еще далеко до конца. И Ева действительно такая, как он и описывал на словах. Похоже, художник остался доволен даже столь сдержанным замечанием, а сам Честер, наконец, перестал думать о том, чем Инн занимается на веранде с чужой женой. Ну, или почти перестал. Все же было бы чуточку лучше, не будь ее фамилия Уэйн!

– Я хочу нарисовать змею, спускающуюся с Древа и обвивающую руку Адама, – признался Вэйд, наблюдая за его реакцией. Честер постарался сохранять хладнокровие. – Где бы достать ручную змейку? Мы все же далековато от Индии.

Честер вспомнил, как Инн старался добиться максимальной реалистичности и невольно поежился, только вообразив, что придется не только терпеть общество бессловесного натурщика, но и работать с ним в паре. Если Вэйд и правда раздобудет ползучую гадину, Честер ни за что к ней и пальцем не притронется.

– Может, стоит ограничиться каким-нибудь зверинцем? – попытался отговорить его Лань, хотя очень сомневался, что кто-то захочет содержать такую пакость, не говоря о том, чтобы заводить ее в качестве домашнего любимца.

– Кстати, они вовсе не противные на ощупь, – добавил Вэйд, заметив, что Честер особого восторга не испытывает. – Сухие, гладкие, и к человеку могут относиться вполне терпеливо.

Возразить было нечего. На самом деле Ланю не доводилось так близко познакомиться с этими существами, чтобы знать, сухие они или склизкие. Он видел змею только во время охоты, издали: темная атласная лента в траве, из-за которой спаниели мистера Борринга подняли лай. Эта история не стоила того, чтобы ее рассказывать, к тому же у Вэйда было еще что-то, чем он хотел поделиться. Художник подал ему альбом и принялся перелистывать чистые страницы с конца прямо у него в руках. Их было не больше пяти, остальные, насколько Честер помнил, уже были заполнены рисунками и набросками – еще одним подтверждением весьма плодотворной работы.

– Я хотел, чтобы ты взглянул, – художник перевернул очередной лист, и Честер едва не выронил альбом. – Может, это ничего не значит…

– Откуда… – Лань сглотнул ком в горле и прокашлялся. – Где ты видел этого человека?

– Он на кого-то похож? – видно было, что у Вэйда уже есть подозрения на этот счет.

– Брови должны быть светлее, – тихо сказал Честер, глядя в лицо чудовищу, которое только заматерело, и взгляд сделался жестче, чем он помнил. Годы в тюрьме не прошли бесследно. – Усы и бородка старят, но это *он*.

– Тогда мы должны предупредить Хавьера, что *его* видели рядом с домом, – твердо сказал художник. – И еще попросить Уэйнов

обратиться в Скотланд-Ярд.

Сердце заколотилось. Да, недавно Честер сам убеждал сержанта Смита, что преступник, орудующий у реки, наметил целью их дом, но теперь должно было прозвучать имя и это все меняло. По крайней мере, в представлении Ланя. Они все будут давать показания и лучше бы заранее знать, что говорить. Сколько у них будет времени, чтобы обдумать это и все обсудить? Полицейским ведь не обязательно знать некоторые подробности. Еще и от газетчиков отбиваться придется.

Последнее совсем уж омрачило его мысли. Эти крысы с новыми силами примутся мусолить историю развода Хавьера и Патриции, приплетая к ней пристрастья брата. Особенно языкастые могут дойти и до того, что Майкл вовсе не племянник Честеру, а его сын, совершенно не заботясь о том, как это отразится на молодом человеке. Стоило ли надеяться на то, что они не станут копаться в прошлом их жильца и не объявят Вэйда новым любовником Хавьера?

«Любовник», – повторил он про себя, совершенно растерявшись. Впервые он подумал о Вэйде как о любовнике – своем любовнике. Это было очень необычно и почему-то именно это слово не нравилось ему применительно к художнику.

Инн позвал его по имени и положил руку ему на грудь. Лань машинально закрыл альбом и отложил его подальше. Обнял художника, наверняка очень крепко, но тот не возражал. Чувство, что пол уходит из-под ног, начало понемногу отступать. Они все еще рядом, и не будь он Ланем, если позволит кому-то их разделить. Да и Санфорд Нэттли не так прост, чтобы кто-то смог вот так с легкостью докопаться до настоящей личности художника.

– Твои настоящие документы у тебя? – спросил фабрикант, забыв посвятить Вэйда в цепочку мыслей, что привела к этой. Уловив кивок, он попросил: – Лучше уложи их в свой тайник или отдай мистеру Нэттли на хранение. Мне так будет спокойнее.

– Что им сделается, – невнятно пробубнил Вэйд и, не отрываясь от груди фабриканта, потянулся за альбомом. – Может, отдать портрет доберЦзяну?

Будущее и без того представлялось в довольно мрачных тонах, чтобы еще раз встретиться взглядом с терпеливым монстром, что высматривал добычу или удобную возможность. Честер сам отстранил художника от себя, чтобы тот не мог дотянуться до альбома, и уточнил:

– Почему ты его так называешь? – Лань уже слышал эту странную кличку, но смысла не уловил.

– Ты просто не видел тюрингских пинчеров, – Инн оживился и бросился туда, где были выставлены блокноты, Уотсон ухитрился расставить их в хронологическом порядке, который теперь скрупулезно поддерживал. – Сейчас найду, с чем же я в Германию ездил? Вроде бы синий или черный… Ага, вот! – он зашуршал страницами. – Их недавно вывели, настоящая машина для убийства, но, надо признать, красивая. Если смотреть на нее через толстую решетку, конечно.

Наконец он протянул рисунок Ланю. Пёс, лениво расположившийся на довольно унылой затоптанной площадке с редкими кочками чахлой травы, действительно был красив. И с первого взгляда на него становилось понятно, что опасен. Возможно, он чем-то и напоминал лейтенанта, но совсем уж неуловимо. Может, было нечто такое во взгляде… Честер не брался бы утверждать.
***
Хавьер вернулся к гостям, улыбаясь от души. Было очень предусмотрительно заранее выяснить, что Чаттерам билеты ни к чему. Он не сомневался, что Вэйд будет в полном восторге от такого подарка. Насколько Лань успел узнать этого человека, ему не только не сиделось на одном месте, он любил посещать новые места и мероприятия, заводить знакомства и попадать в истории. Стоило признать, эти качества прекрасно дополняли характер младшего брата. Даже интересно, как Честер будет с этим справляться?

– Ой, я совсем забыла, – воскликнула Анна, когда Хавьер передал бумаги ее супругу. – Чейз попросил меня в следующий раз вложить в письмо его записку, но я подумала, что будет лучше отдать ее сейчас, пока мы не уехали.

– Премного благодарен, – Хавьер сделал вид, будто для него в этом нет ничего необычного, но внутри ликовал.

Он и не надеялся получить весточку от этого упрямца, тем более так скоро, но идея передать ее через третьи руки первому пришла в голову именно инспектору. Это было так не похоже на детектива – передавать с сестрой записки из-за невозможности приехать самому. Или позвонить. Чейз обошелся без конверта, хитро свернув листок бумаги, и использовал каплю клея вместо печати. Хавьер с трудом удержался от того, чтобы сразу же не оторвать уголок, отклеить который не представлялось возможным. Детектив так опасался, что написанное попадет в чужие руки? Что же там может быть, чего нельзя доверить даже родной сестре?

– И Вы даже не взглянете? Вдруг там что-то срочное? – удивилась его выдержке Юдифь, у которой записка вызвала живой интерес. Секунду помолчав, она передумала: – Хотя тогда мистер Цзян послал бы кого-нибудь, да, дорогой?

Николас кивнул, соглашаясь с женой. Конечно, Чейз мог отправить какого-нибудь мальчишку с улицы, но это было бы совсем не так… романтично? Похоже, не стоило волноваться, как детектив воспримет совместный поход в оперу.

– Ну, разве что одним глазком, – поддался на уговоры Хавьер, раскрывая недлинную записку, написанную с чрезмерным наклоном вправо.

Однако стоило пробежать глазами первую строку и от радости, которую он испытал, увидев почерк любовника, не осталось и следа. Он свернул лист вчетверо и убрал, стараясь держаться спокойно. Хавьер не подал вида, что тон письма ему не понравился, не хотел, чтобы Анна подумала, будто принесла дурную весть.

– Очень интересно, – произнес он как раз в тот момент, когда вернулись брат и его художник. – Вы как нельзя вовремя! Я вдруг вспомнил, что мистер Чаттер тоже азартный игрок в шахматы. Было бы очень любопытно понаблюдать за вашим противостоянием.

Честер не ответил на его улыбку. Может, потому что почувствовал в ней фальшь, а может, что-то еще повлияло на его настроение. Стюарт вежливо отказался, вернее, предложил отложить шахматный поединок до их возвращения из свадебного путешествия.

– Было замечательно провести время со всеми Вами, друзья, и мы с супругой с удовольствием остались бы в этом гостеприимном доме даже до завтрака, – уверил он с искренним сожалением. Похоже, предложение показалось ему по-настоящему заманчивым, хотя Лань просто воспользовался случаем, чтобы увести разговор подальше от письма. – Но нам с Анной нужно готовиться к поездке. Я хочу сделать ее незабываемой.

Последние его слова были обращены к супруге, но Хавьеру было неприятно сейчас наблюдать, как те обмениваются нежными взглядами. А ведь он еще не знал, что ему приготовили новость, от которой он будет окончательно раздавлен, хотя, конечно,

догадывался, что Йен начал действовать.

– Если мистер Лань не против, – подал голос Николас, но прозвучал на порядок тише других присутствующих. – Тогда сегодня против него мог бы выступить я.

Примечание к части

https://pin.it/708VtwN
Старотип добермана

Часть 81

Лань не в первый раз оказался в участке и уверенно прошел к кабинету Чейза, к счастью, не встретив никого из знакомых. Формально он пришел, чтобы обсудить бездействие стражей порядка, решивших проигнорировать информацию об опасном преступнике. Инспектор, который вместо Чейза появился на фабрике единственный раз сразу после заявления Уэйнов, не внушил близнецам ни малейшего доверия.

Сердце в груди билось часто и как-то не в такт. Хотелось прижать ладонью, убедиться, не выскочит ли ненароком. Хавьер глубоко вдохнул и постучал негромко, но достаточно настойчиво, чтобы это точно нельзя было проигнорировать.

– Да! – рявкнул из-за двери детектив, явно надеясь, что посетитель предпочтет поискать более дружелюбно настроенного полицейского или вовсе убраться восвояси.

Однако Ланя его тон не отвратил, а даже несколько воодушевил. Он толкнул дверь, переступил порог и прямиком направился к креслу для посетителей. Уселся, хотя хотелось совсем другого. Сквозь напускное равнодушие Чейза просачивались-таки эмоции. Узнал по звуку шагов?

– Я хотел бы написать заявление, – уведомил он и выжидающе посмотрел на лейтенанта, который только теперь поднял голову от бумаг.

О, этот взгляд! Его будто холодной водой окатили. При виде растерянной злости внутри потеплело, поделом. Три гребаных недели от него ни слуху, ни духу! Мог бы позвонить, чтобы Хавьер хотя бы услышал его голос. Цзян ничего не предпринимал, только смотрел угрюмо, с вызовом, поэтому заговорил посетитель.

– Итак, с чего бы начать? – фабрикант вытянул ноги и привычно погладил пса, подошедшего поздороваться. – Скажите, есть ли статья, предусматривающая наказание за самообман?

– Мошенничество? – хрипло уточнил полицейский и, судя по неровному дыханию, его мысли не сильно отличались от тех, что крутились в голове Хавьера.

Определенно, такой долгий перерыв пошел ему на пользу, понял, наконец, что это неправильно, так быть не должно. Пока он упрямился, Лань едва не свихнулся, особенно долгими ночами, когда его настигали мысли, от которых он весь день до этого бежал.

– Я не знаю, как это правильно называется в полиции, – пожал плечам фабрикант, гадая, долго ли они еще будут сверлить друг друга взглядами через стол? – Вам должно быть виднее.

– За мелкое до года тюрьмы, – Чейз пожирал его глазами. – Далее до пяти.

Лань пощипал себя за подбородок, невзначай повернул голову так, чтобы открыть взгляду Чейза шею. Он только делал вид, что раздумывает над следующим вопросом, давая налюбоваться.

– А иные виды наказания предусмотрены? – Хавьер принялся неторопливо заплетать волосы, чтобы не мешали.

– Исправительные работы, – пробурчал полицейский.

Неужели, он стал настолько предсказуемым, что Чейз уже догадывается, чего ожидать? Или просто они уже достаточно долго вместе? Вместе… это грело душу. Лань кивком одобрил выбор полицейского.

– Кажется, это как раз то, что нужно, – сказал он, многообещающе улыбаясь.

Долго поиграть на нервах любовника не удалось. Чейз резко встал из-за стола, прошагал к двери. Ключ на удивление тихо провернулся в скважине. Они оказались номинально отрезаны от всего мира… Дверь, правда, выглядела не слишком надежно, но смотрел Лань только на Чейза. До чего хорош и статен в форме! И почему только не носит ее каждый день, даже когда не на службе?

– Ты нахера припёрся?! – яростно прошипел инспектор. – Я разве не говорил, чтобы ты не появлялся в участке?

Ангел на всякий случай убрался на лежанку и неодобрительно заворчал оттуда. Ему, в отличие от Ланя, не нравилось, когда хозяин злится. Хавьер же безошибочно угадывал, что за этим тоном кроется неудовлетворенность, желание, долго не находившее выход и медленно отравлявшее все существо.

– А исправительные работы при повторном нарушении статьи о мошенничестве на какой срок? – ехидно полюбопытствовал фабрикант, выжидая в кресле, пока детектив выйдет из себя.

Чейз не заставил себя ждать. Он навис над Хавьером, опершись рукой о не слишком удобную спинку. Так близко, что можно было снова рассмотреть притягательные фиолетовые искры в черной бездне. Догадается ли Вэйд передать взгляд Чейза демонам, когда снова станет изображать чужие кошмары?

– Тебе следует понести наказание, – вцепившись в полюбившуюся челку, он вынудил Чейза опуститься на колени.

Не похоже, что полицейский был против, однако выполнил желание Хавьера он не сразу, а после недолгого сопротивления. Перебирая светлые волосы, Лань наклонился и медленно, дразня, лизнул полуоткрытые губы. Чейз рванулся всем телом вперёд, но только скривился от боли. Из-за резкого движения волосы ощутимо натянулись, потому что Лань продолжал его удерживать.

– Хавьер! – прорычал он. – Если ты прямо сейчас ничего не сделаешь, я переломаю тебе ноги!

Фабрикант глухо рассмеялся и встал, поднимая любовника за собой. Резким движением развернул спиной к себе и рванул с плеч мундир. Стоило Чейзу высвободить руку из рукава, как Лань перехватил ее, заламывая. Полицейский мог вырваться, не дать завершить захват, но поддался. Только охнул, когда фабрикант толкнул его, заставляя встретиться со столешницей собственного стола.

– Ноги шире! – приказал Хавьер, любуясь напряженной спиной Чейза и тем, что ниже.

Не давая опомниться и выпрямиться, Лань ловко стянул с его пояса наручники, хотя их было мало. Приковать, связать, запереть,

чтобы знать наверняка, больше Цзян не исчезнет…

Один браслет Хавьер защелкнул на запястье Чейза, а другой, перегнувшись через стол и любовника, удачно зацепил за балясинку, поддерживающую ящик, где мог прямо сейчас лежать пистолет. Не стоило так плотно прижиматься к поджарой заднице детектива. Он испытал жгучее желание немедленно овладеть Чейзом прямо на его столе и плевать, что в участке полно народу. Наручников было мало. Голова закружилась при мысли, что будет тесно и горячо, как в первый раз, когда Лань почти силой взял его.

– Приподнимись, – мужчина скользнул обеими руками по рубашке, той самой, в которой Чейз был изображен на портрете. – Ты же не хочешь испортить форму?

Его слова подействовали. Чейз послушно прогнулся в спине, позволяя расстегнуть пуговицы и сдвинуть ткань к плечам, затем к запястьям, дополнительно сковывая движения.

– Ноги шире, я сказал, – глухо выдохнул коммерсант, слегка пнув детектива, но так чтобы удар пришелся по ботинку, а не по щиколотке. – Видел бы ты себя…

Цзян вцепился зубами в ткань рубашки, глуша стон, а ведь Хавьер только медленно провел пальцами вдоль позвоночника и больше ничего. Когда он непроизвольно дёрнулся назад в попытке прижаться, Лань с силой надавил на поясницу, заставляя оставаться в таком положении. О, ему не меньше, чем Чейзу, хотелось улечься сверху, мешая любовнику дышать, поцеловать сзади в шею, а потом, наконец, вставить ему.

– Кончай тянуть, изверг, – Чейз попытался не то порвать цепь, не то сломать собственный стол.

– Чейз, у меня на тебя совсем другие планы, – обманчиво ласково произнес фабрикант и, обойдя стол, дёрнул детектива за волосы, заставляя взглянуть в глаза снизу вверх. – Скажи, что говорится в кодексе об истязаниях? Например, о лишении возможности удовлетворить естественные потребности? О воздержании?

– Ничего, – прохрипел детектив.

– Очень жаль. За такое непременно надо наказывать, – огорчился Лань. – Ты не представляешь, как я хочу тебя… Вставить так глубоко, чтобы ты начал задыхаться и сорвал голос, чтобы не мог потом сесть, даже пошевелиться. Запустить пальцы в эту твою гребаную челку, пока я буду вколачивать тебя в стол, за которым тебе потом придется работать. Кстати, детектив, как ты будешь работать за этим столом, вспоминая, что мы на нем делали?

Цзян упрямо сжал губы, но по глазам было видно, он почти готов на все, лишь бы Хавьер наконец перестал мучить их обоих. Он отпустил волосы любовника, позволяя уронить голову на скомканную рубашку. Потом завершил круг, вернувшись на место, откуда начал. Вид отсюда был просто великолепный!

– Что скажешь, детектив? Признаешь себя виновным в мошенничестве и пытках? – Лань уже стаскивал с него штаны. – Готов понести наказание?

– Да, – неосознанно выдохнул он и получил намного больше, чем мог пожелать.

За прошедшие недели он и правда отвык. Внутри было чертовски узко. Настолько, что Лань зашипел, очень медленно продвигаясь дальше, хотя обоим хотелось поскорее почувствовать, как идеально они подходят друг другу.

– Эта кобура слишком тесная, – Лань подался назад, так и не войдя полностью.

– И что Вы собираетесь с этим делать? – прохрипел Цзян, сжимая цепочку наручников в кулаке.

Лань отодвинулся настолько, что головка вот-вот могла выскользнуть наружу. В следующий момент Цзян охнул и укусил руку, предупреждающе зажавшую ему рот. Хавьер только сильнее надавил, не давая мотнуть головой. Если ситуация выйдет из-под контроля, Чейз мог его поранить, да и Ангел, пока что с интересом наблюдавший за ними…

– Придется немного поработать над этим, – Лань вместе с членом попытался пропихнуть в него пальцы.

– Блядь! – промычал инспектор в ладонь, неосознанно двинув бедрами, но добившись лишь того, что Хавьеру стало удобнее втискиваться в него.

Чувствовать, как напрягается и сжимается любовник, пытаясь вытолкнуть из себя то, что причиняет дискомфорт, было восхитительно. После нескольких бесконечных минут, он начал двигаться, уже намного свободнее, постепенно наращивая темп. Еще немного и он сможет отпустить себя. Тогда он, как и обещал, запустит пальцы в волосы Чейза, прижимая голову к столу, не давая шевельнуться.

– Я хочу как следует растянуть тебя. И под «как следует» я подразумеваю не мой член. С ним ты и так, вижу, неплохо справляешься. Я хочу затолкать в тебя пальцы – сперва три, затем четыре, продвигаться глубже, насколько возможно. Как думаешь, Чейз, после этого мы сможем двигаться дальше?

Детектив неразборчиво замычал, явно сомневаясь, что Хавьер говорил это серьезно. Впрочем, ответ его мало интересовал. Сам Лань был уверен, что Чейз сможет вместить больше. Всю его ладонь, если проявить терпение и настойчивость.

– Мистер Цзян, что там у Вас? – раздался голос Смита.

– Ответить ему, *что именно* я сейчас с тобой делаю? – вкрадчиво шепнул Лань на ухо любовнику.

Тот отчаянно замотал головой, его уже трясло от удовольствия. Он дергался и выгибался, и если бы Лань не сдерживал его, констебли бы непременно услышали его вопли и, вероятно, уже выбивали бы так предусмотрительно запертую дверь кабинета.

– Сука-а, – выдавил Чейз, не то отвечая Смиту, не то обращаясь к Хавьеру. – Ебал я тебя, эту сраную работу и всю эту хуеву писанину.

Смит кашлянул и, судя по удаляющимся шагам, ушел вниз. Чейз по инерции выдал еще пару крепких выражений и был вознагражден особенно глубоким толчком. Он вскинулся и на какое-то время Лань лишился способности воспринимать окружающую действительность. Разрядка принесла больше облегчения, чем удовольствия, и такое приятное чувство внутри.

– Хороший мальчик, – похвалил он, с удовольствием огладив мокрую спину.

Ангел на своем месте навострил уши. Он не понял, что Лань обращался к его хозяину, обессиленно распластавшемуся на столе. Обещание свое Хавьер сдержал, Чейз не мог даже пошевелиться. Впрочем, дар речи к нему вернулся, пожалуй, даже слишком быстро.

– Снимите уже чертовы наручники, я руку не чувствую, – потребовал лейтенант. – Твою мать!

Последнее относилось к тому, что ноги его тоже не очень-то слушались. Пока Цзян со стоном сползал со стола, трясущимися руками пытаясь натянуть штаны, Хавьер достал сигарету и прикурил её, не почувствовав вкуса табака и запаха. Вернее, запах был. Пахло свежим потом, семенем, и еще чистым бельем. В окно спальни лился утренний свет, но Хавьер никак не мог припомнить, как попал сюда из участка и где Чейз.

Они не спали вместе. Мало того, Хавьер даже не был в участке, ему это пригрезилось, но так реально, будто он прожил все на самом деле, причем только что. Мужчина закрыл глаза и поворошил волосы. Отголоски удовольствия, испытанного во сне, еще разбегались по телу, располагая задержаться в постели подольше.

– Да… – протянул Лань, но не сказать, чтобы с досадой. – Давненько со мной такого не случалось…

Ощущения, были давно, казалось бы, позабытыми, но даже очень приятными… кроме момента понимания, что все было не по-настоящему. Да и едва ли Чейз был бы так беспечен, чтобы допустить подобное в реальной жизни. Хорошо бы сон не оказался в руку. Три недели! Еще и одной не прошло, а он уже места себе не находит и видит мокрые сны.

По коже пробежал холодок, но не потому, что фабрикант сбросил одеяло на пол. Впервые ему стало как-то не по себе из-за того, что Чейз успел укорениться в его жизни и даже проникнуть в его сны. Они по-прежнему были только любовниками, но Лань не переставал думать об этом мужчине. Помнил о нем даже ночью. В голову полезли вопросы, один другого дурнее. Снился ли ему Хавьер хоть раз? Думал ли о нем Чейз все это время?

Вряд ли в таком ключе, как Хавьер о нем… в своей записке он очень наглядно продемонстрировал свое отношение. Сгоряча Лань сжег ее, а теперь пожалел.

Перечитать бы еще раз на свежую голову, ведь он все еще желал этого человека, как никого другого. При этой мысли Хавьер сел. Его настигло внезапное озарение. Ведь в сущности, он ни на кого больше и внимания-то не обращал. Откуда бы взяться желанию или хотя бы интересу? И подтвердить эту теорию было проще простого хоть сегодня вечером, пока Честер будет играть в шахматы, а Вэйд – прохлаждаться с Николасом Уэйном. Надо только выбрать предлог, чтобы не ехать в Брайт Хаус вместе с ними. К тому же что-то подсказывало – третий может оказаться лишним.

Часть 82

Хавьер открыл окно настежь и сам стянул простыню с матраса. Мэдисон удивится, когда придет менять постельное белье, но некоторые вещи ей знать было совершенно необязательно. На стол накрыли несколько позже обычного, потому что не все домочадцы подскочили так же рано, как старший из близнецов. Впрочем, это было даже неплохо. Как раз нашлось время посидеть в кабинете и составить список. Сперва казалось, что он выйдет коротким, за последние три года Лань посещал только пару заведений… из тех, где вопросов не задавали. И то, наверное, раз в несколько месяцев, чтобы голова прояснилась. Их он сразу отметил крестиками на полях.

А потом посидел немного, погруженный в воспоминания. Годы расступались перед ним. Список рос, на полях появлялись новые аккуратные пометки. По привычке он пронумеровал пункты и удивленно вскинул брови. Многовато. Впрочем, подходящих мест оказалось всего четыре. Поразмыслив, Хавьер присвоил им еще и римские цифры, оценивая предлагаемые сюжеты. Если за годы ничего не изменилось, то лучше всего подходило заведение носящее название «У подножья горы». Хотя, какая это гора? Так, небольшой холм, на который упрямо взбирается мостовая.

Оно получило цифру два, потому что в представлениях принимали участие один-два, максимум три, человека. Присутствовали такие атрибуты, как веревки, ленты и прочая мишура, однако служили они исключительно для удовольствия. Казалось бы, безымянные живые куклы, которых он покупает за деньги, но почему-то фабриканту хотелось, чтобы им и правда нравилось.

Однако решающим фактором стало то, что Хавьер ни разу не бывал в этом заведении с Йеном. При этой мысли Лань безжалостно скомкал не нужную теперь бумагу, не желая думать об этом человеке. Чейз был прав, он не нуждается в лишних напоминаниях. Особенно теперь.

За завтраком Хавьер был так поглощен своими мыслями, что проигнорировал свежий выпуск газеты и даже не просмотрел новый любимый раздел на предмет фотоснимков. Выбор был идеальным, как ни посмотри, но что-то не давало Хавьеру покоя. Он злился на себя. Злился на Чейза. На то, что переживает о том, что тот подумает. На собственную нерешительность и… зависть? Да, всего на мгновенье, но он позавидовал собственному брату, за которого действительно был искренне рад.

Наконец, он выпутался из клубка собственных мыслей и как нельзя вовремя. Вэйд пролил немного кофе на блюдце и теперь, высунув кончик языка, выводил что-то на белом окошке в рисунке при помощи черенка ложки. Майклу строгий дядюшка не преминул бы сделать замечание, а сейчас только поглядывал, как в небольших коричневых капельках вырисовывается шахматная фигурка с длинной реющей гривой и навостренными ушками, притом вполне благосклонно.

– Честер, давай меняться? – предложил Вэйд, протягивая ему свое блюдце.

Конь слегка вздрогнул, но вроде бы не потек. Брат забрал его очень бережно и поставил блюдце на стол. Слегка смутившись, передал художнику свое. Творческий порыв был так силен, что Вэйд уже занес ложку, когда сообразил, что такими темпами перепачкает весь фарфор.

– Жаль, наша фабрика не производит чайные сервизы, – посетовал Хавьер. – Новая техника росписи могла бы нас озолотить!

– Тогда предложим Стюарту Чаттеру красить им хлопок для постельного белья? – не растерялся художник. – А какой будет запах! И обязательно придумать какой-нибудь громкий девиз: «На наших простынях Вам ни за что не уснуть до утра».

Конечно, Вэйд знал, что такое замечание прозвучит крайне нескромно. На это и был расчет. Смутился не только Честер, но и Майкл. Впрочем, художник не собирался слишком углубляться в эту тему.

– Или вот еще, – сказал он, помахивая ложечкой. – Новый способ гадания по кофейным кляксам. Эта была похожа на лошадь. Вот я и подумал: ну точно, сегодня Честер наверняка снова будет играть в шахматы с Николасом. Должен же определиться победитель.

– Я недооценил противника, – пробормотал сконфуженный ничьей Честер.

– Жаль, я не увижу, как ты выиграешь следующую партию, – воспользовался благоприятным моментом Хавьер. – У меня были другие планы на сегодняшний вечер, а я о них едва не забыл.

Брат хоть и насторожился, но не слишком. Хавьер вполне мог позабыть о встрече, назначенной, скажем, пару недель назад и обнаружить запись о ней в своем блокноте только теперь. Иногда подобное случалось и с более пунктуальным Честером.
***
За неделю, для разнообразия благодаря Мелиссе, а не Ланю, детектив узнал много нового о весьма специфичных притонах и – нравилось ему это или нет – экзотических сексуальных практиках, многие из которых оказались сродни тому перформансу, что он видел в Карпе, который теперь тщился закрыть. Чем больше он вникал в дела этого заведения, тем больше укреплялся в своем стремлении. Однако мадам так дорожила секретами клуба, что он не понимал, с какой стороны к этому подступиться.

От Мелиссы он узнал о том, что однажды заведение Роуз породило ублюдка – кружок, в который входили самые отъявленные мразоты. Они перебрались из Лондона в какое-то тихое местечко поближе к границе, где покупали рабынь, непременно молодых восточных женщин.

Цзян пришел в ярость, узнав, что несчастных истязали до смерти. Будь у него возможность, своими руками отправил бы изуверов прямиком в ад, но это давно сделали его коллеги, совершив тем самым непростительную ошибку. В официальных отчетах значилось, что преступники оказали ожесточенное сопротивление и не дались живыми, но Чейз догадывался: то была казнь, оборвавшая ниточки, которые могли бы привести к Карпу. Несмотря на заверения шарлатанов, мертвецы не очень-то разговорчивы.

Среди тех выродков не хватало только Йена Мэйсона, которого, несомненно, влекла жестокость и вседозволенность, но и Лондон не отпускал. Он даже теперь рискнул вернуться именно сюда и здесь Чейз арестует его снова. Возможно, даже скоро, если только очень сильно повезет оказаться в правильном месте в нужное время…

Цзян каждый день бывал у реки. То в портовой части, то в районе Саутуарк. Комнату снял в этом вертепе! Держался в тени недалеко от таких мест, о существовании которых недавно и не подозревал. Он не загадывал наперед, но рассчитывал, что благодаря упорству сделает невозможное и нападет на след и лучше бы рано, чем поздно.

Чего он не ожидал, так это увидеть другую знакомую фигуру – высокую и статную. Чейз узнал Хавьера мгновенно, каким-то шестым чувством. Тот оделся во все черное, что совершенно ему не шло, поднял воротник, несмотря на теплую погоду, и низко надвинул шляпу. При ходьбе он опирался на трость и был мало похож на себя, но Чейза обмануть не сумел. Детектив бросил пост, который до того сам для себя избрал, и последовал за любовником.

В какой-то момент Хавьер будто бы почувствовал на себе взгляд и даже пару раз обернулся, но после не попытался уйти от возможного преследователя. Видимо, не ждал, что кто-то может проследить за ним до самых дверей одного из заведений, относительно удаленных от квартала удовольствий, но служащих тем же целям. Мелисса рассматривала его, как возможную альтернативу Карпа. «Смотри, но не трогай», – как она выразилась. Чейз и раньше слышал об этом. Совокупление и мастурбацию в своем роде театрализовывали, превращая в изысканное зрелище для обладателей взыскательных вкусов, которые могут позволить себе и не такое. Никаких физических контактов, никакой грязи и опасности подцепить французскую болезнь.

Думать о том, что Хавьер как раз относится к этим «людям взыскательных вкусов» было неприятно, как и видеть его в таком месте. Первым порывом было окликнуть Ланя, остановить его, прижать где-нибудь в переулке и вытрясти, на кой он сюда приперся вместо того, чтобы сидеть в своем удобном особняке и носа не высовывать дальше фабрики.

Цзян и так знал, зачем он здесь, и хотел ворваться туда и пристрелить к чертовой матери любого или даже любую… Только момент был упущен. Его беспутный любовник скрылся за массивной дверью и инспектору ничего не оставалось, кроме как ждать и тихо беситься, наблюдая за входом с другой стороны мостовой.

– Ну, Лань… – детектив с четвертой попытки подкурил. – Какого хуя творите черт-те что Вы, а стыдно мне?

Мечтая за шкирку выволочь Хавьера и устроить ему такую трепку, чтобы забыл сюда дорогу, Чейз приготовился к длительному ожиданию. Он простоит тут, хоть весь вечер, а после и гребаную ночь, лишь бы потом… Он зло сплюнул под ноги и затянулся снова. Как ему быть с Ланем дальше, он не знал…

Да и поразмыслить и даже докурить времени не было. Дверь, за которой он наблюдал, снова открылась, выпуская Хавьера. И вот теперь Цзян точно ничего не понимал. Что это только что было? Деловой визит? В… бордель? Чейз видел его лицо всего пару мгновений: не поймёшь, нервное или злое. Как будто все сразу.

«Это же Хавьер, – отчаянно метались в голове мысли. – Хавьер не такой. На него это совершенно непохоже». Сам Чейз никогда не посещал подобных мест, считая это ниже своего достоинства. Если Лань оказался в такой ситуации, то точно не по своей воле. Скорее всего, его заставили обстоятельства, о которых Чейз не знает в силу того, что всю неделю они с Хавьером не пересекались. Чейз сам понимал, как глупо выглядели оправдания, что он приписывал любовнику вместо того, чтобы пойти и хорошенько врезать ему по морде.

Он пробыл там от силы полчаса. Ничего не случилось. От одной этой мысли Чейзу на душе стало легче. Злость схлынула, как волна. И вместе с тем стало тревожно. Сейчас Хавьер не пошел на это, но если решится завтра? Такой поступок будет огромным шагом назад. Это будет… актом саморазрушения, даже если Хавьер сам об этом не догадывается. И кто может удержать его от этого?

Чейз шагнул вперед, но застыл на месте. Нельзя. Он сейчас только все испортит. Не столько наговорит гадостей – такая грязь к фабриканту не липла – сколько вызовет чувство вины и стыда. Лучше бы Ланю не знать, что он знает. Но что тогда? На ум пришел близнец Хавьера. Несмотря на то, как сильно они отличались друг от друга, к брату Лань мог прислушиваться. Не должен был, но ведь мог!

Если Чейз… нет, лучше Смит его вызовет в участок, как свидетеля, это не будет выглядеть подозрительно. Там не составит труда ненадолго пересечься с фабрикантом. И ему придется выслушать дурные новости, несмотря на открытую неприязнь. Они и не обязаны испытывать друг к другу теплые чувства, достаточно просто как-то переносить общество друг друга – ради Хавьера.

Чейз решил, что проводит Хавьера до тех пор, пока тот не сядет в кэб, чтобы уехать… оставалось лишь надеяться, что домой. Мужчина как назло решил подышать свежим воздухом и прогуляться пешком. Приходилось следовать за ним на почтительном расстоянии, рискуя упустить.

Чейз едва не сорвался на бег, когда какой-то проходимец схватил Хавьера за руку, но уже в следующий миг замер, как громом пораженный. Это был не припозднившийся гуляка или попрошайка, заприметивший дорогой костюм… Даже с такого расстояния в свете фонаря Чейз четко разглядел обманчиво миролюбивое выражение на заросшей роже, которую высматривал столько дней кряду.

На короткий миг даже закралась мысль, что это – еще один близнец, но вон она - отметина, которая появилась под глазом мерзавца, когда Чейз уже упаковал его в наручники и не слишком-то бережно поднял с пола, приложив обо что-то. Даже видя этих двоих собственными глазами, Чейз не мог поверить. Что общего у них может быть? О чем Мэйсону разговаривать с Ланем? По реакции последнего было понятно: он знает, чего ждать от ублюдка.

Круг света, в котором, как на сцене разворачивалось действие, все еще не позволял его участникам увидеть Чейза, но тот боялся пошевелиться. Лань стоял на линии огня, стрелять нельзя. Прямо сейчас Хавьер находился в смертельной опасности, а Цзян не мог ни предупредить его, ни вклиниться между мужчинами, чтобы принять удар на себя. Мэйсон заметит его раньше, чем он достаточно сократит расстояние, и тогда Хавьер обречен. И не слышно ничего…

Зато в голове отчетливо прозвучали слова Роуз: «Мэйсу необходимо развлечься – три года это долгий срок». Руки начали трястись. Не может быть, чтобы Мейсом и Мейсоном был один и тот же человек. Слишком очевидная кличка, Йен не оставил бы такую явную подсказку, но, что важнее, будь Лань действительно его любовником, это бы было в деле.

Лань не понимал, что делает. До Чейза долетали лишь обрывки сказанных с яростью слов. Нельзя! Нельзя провоцировать бешеное животное! Наконец, спасение пришло. Хавьер сделал знак проезжавшему мимо кэбмену и тот остановился. Чейз смертельно боялся, что Мэйсон последует в коляску за Ланем и больше никто и никогда не увидит фабриканта живым, однако тот остался стоять. Лошадь пошла бодро, несмотря на поздний час, видно, предчувствуя скорое возвращение в конюшню.

Цзян как во сне расстегнул кобуру и снял оружие с предохранителя. Прямо сейчас он положит конец затянувшемуся кошмару. Он слишком долго задерживал дыхание, пытаясь расслышать разговор. Мушка качалась верх и вниз, бедро преступника двигалось в такт быстрому шагу. Расстояние росло. Цзян перехватил оружие, потому что руки все еще отказывались повиноваться, и слишком резко и поспешно нажал на крючок. Громыхнул выстрел. Мэйсон припал на левую ногу, но уже в следующий миг сорвался с места, как клюнутый в жопу заяц.

Часть 83

Новая хостесс ему сразу не понравилась. Раньше на ее должности работал симпатичный молодой человек с пышными, как у барашка кудрями. Он умел угодить Хавьеру… А может, дело было вовсе не в хостесс. Просто теперь ему хотелось оказаться в Брайт Хаусе или дома с сыном… а еще лучше – у Чейза в кровати. Однако развернуться и уйти прямо сейчас он уже не мог, поэтому машинально отвечал на вопросы о своих предпочтениях.

Все это было одной сплошной ошибкой от и до, но теперь уже не уйти, по крайней мере, до тех пор, пока он не взглянет на то, что могут предложить ему у подножья. Странно, почему он раньше не замечал, как здесь пахнет? Может, потому что несколько лет назад он частенько курил, а потом бросил это занятие?

Хавьер окончательно разочаровался, едва взглянув на живых кукол, одетых на любой вкус. Самый старший из троицы блондинов был в теплом халате, накинутом на голое тело, и даже он был слишком миловидным с этим покорным взглядом ясно-голубых глаз. Кроме того, Хавьер ясно сказал: волосы должны быть светлыми, но без рыжины. Он раздражённо глянул на девушку, которая упустила этот момент, и повернулся на каблуках.

– Мне нужно на воздух, – объявил он и решительно направился к выходу. Ноги его больше здесь не будет…

Вечерняя прохлада несколько прояснила мысли. Что ж, к худу или к добру, но теперь он точно во всем убедился. Можно пройтись до конца улицы, успокоиться и уже оттуда спокойно возвратиться домой и хорошенько подумать, что с этим делать. Впрочем, в мысли он погрузился уже сейчас и вздрогнул, когда кто-то бесцеремонно ухватил его за локоть.

– Ну надо же, какая встреча! – при звуке этого голоса фабрикант заледенел. – Ты теперь не скрываешься? А я-то дурак, молчал, думал, это – тайна. Ну и конечно, чтоб не вешать на себя лишнее.

Конечно, Йен догадался, где он только что побывал, а может, и видел его выходящим на улицу. Он коснулся Хавьера через одежду, но и его пристального раздевающего взгляда хватило бы, чтобы вызвать желание вымыться… Долго тереть кожу мочалкой до тех пор, пока она не покраснеет. Однако приходилось терпеть, лучше пусть сам отпустит.

Хавьер, наконец, нашел в себе силы повернуться к нежелательному собеседнику и с холодным равнодушием посмотреть на него, свысока, что всегда задевало Мэйсона. Три года прошли для него каждый за два. Впрочем, Хавьер бы не огорчился, узнав, что тот болен чахоткой или чем похуже.

– Не скажу, что рад тебя видеть, – бывший любовник не должен был понять, как ему не по себе.

– Неужели, – тот осклабился и подкрутил ус, хотя раньше посещал цирюльню при малейшем намеке на щетину. – Рыбка на хвосте принесла, будто ты нашел кого-то получше. Сомневаюсь, иначе бы тебя здесь не было.

– Сложно найти кого-то хуже тебя, – медленно произнес Хавьер, раздумывая, сколько ублюдку известно о Чейзе. – А вот лучше сколько угодно.

– Ты научился кусаться? – хватка ощутимо усилилась, когда он наудачу сделал знак кэбмену. – Мне нравится!

– Я многому научился, – Хавьер улучил момент, чтобы наконец вырваться. Йен не ожидал сопротивления, думал, будто Лань у него в руках. Представив на своем месте Чейза, он отчеканил: – Появишься возле меня, моего дома, моей семьи или вообще на горизонте, тебя никогда не найдут. И сомневаюсь, что даже вспомнят.

Он полюбовался на ошарашенное выражение лица и сел в коляску. Настроение нисколько не улучшилось, но он испытал что-то похожее на облегчение, рухнув на жесткое сиденье. А потом его затрясло. Он знал, что Йен в городе, что караулит у дома, но это… Встретиться с ним было просто ужасно…

Хавьер вытащил платок и принялся остервенело тереть рукав. Выронил квадратик ткани на пол. Схватился за голову, зажал ладонями уши, словно испуганный ребенок. Надо было взять себя в руки. Слава богу, кэбмен просто ехал вперед по улице, не спрашивая, куда Хавьер направляется. И довольно долго. Достаточно, чтобы Лань хотя бы смог совладать с голосом и сдержать сердце, выпрыгивающее из груди. Сквозь пиджак чувствовался небольшой твердый предмет в кармане.

– Мистер, – донесся до него прокуренный голос. – Куда едем?

Хавьер особо не задумывался над ответом. Он вытащил из кармана ключ от квартиры Чейза и сжал в кулаке. Ощущение холодного металла отрезвило и приглушило голос, змеиным шипением заполнявший голову. Хорошо бы полицейский был дома… Но даже если нет, это место казалось сейчас Хавьеру надежным убежищем, где можно переждать бурю. А пока нужно было хоть немного успокоиться, собрать волю в кулак и не дать себе расклеиться, по крайней мере, в ближайшие полчаса.

Он справился, дал отпор подонку, но как он выглядел, когда говорил все это? Так ли впечатляюще, как инспектор Цзян, которому подражал? Или… жалко? Мужчина разжал пальцы и с удивлением посмотрел на собственную подрагивающую от напряжения руку. Ключ отпечатался на коже так четко, будто с него пытались сделать слепок.

Пока Хавьер блуждал в собственных невеселых мыслях, они почти прибыли к нужному дому. Окна были темными – не повезло. И все же Хавьер надеялся, когда поднимался по лестнице и отпирал замок. Открыв дверь, он обнаружил терьера прямо под ней. Пес дрых без задних ног и даже не отреагировал на возню и сквозняк. Только когда Хавьер позвал его по имени, встрепенулся и, перекатившись, подставил живот.

– Рад меня видеть? – спросил мужчина, слегка взъерошив примятую во сне шерсть, расхваленную полицейским, как практически водонепроницаемую. – А где Чейз? Если его нет, пустишь меня в дом?

К счастью, пес, все еще немного сонный, не возражал против компании. Иначе Хавьер не знал, как бы выдержал дорогу домой, где его мог поджидать Йен. Надо было предупредить брата. Впрочем, дом под надежной охраной. Хотелось бы верить, что опасность угрожает только лишь одному Хавьеру и больше никому…
***
Вторая погоня за день, только в этот раз с ним не было Ангела. Днем псу пришлось довольно побегать. Он вдоль всей улицы преследовал коляску, запряженную резвой молодой лошадью. Нагнал ее на следующей и не только каким-то чудом заставил скотину безрогую остановиться, но и не давал вознице спуститься на землю и удрать до тех пор, пока не подоспел хозяин. Пес даже слегка охрип от лая и Чейз решил поберечь его и оставить на этот раз дома.

Чейз не чуял под собой ног, но у Мэйсона, которого он так неудачно спугнул, была фора. Этот гаденыш даже почти не хромал

после его приветствия. Какое-то время Цзян висел у него на хвосте, слышал, слышал топот и редкое шарканье, уже вдвое сократил расстояние и… все. Но Чейз не мог просто так взять и смириться с тем, что ублюдок нырнул в какую-то нору и был таков. Он с практически маниакальным упорством обыскал близлежащие переулки и, в конце концов, нашел след ботинка на чьем-то подоконнике и мазок крови. Больше ничего.

По дороге домой – хотя до квартиры в Саутуарк ехать было поближе – Чейз костерил себя самыми последними словами. Навалилась просто-таки смертельная усталость – побегай, да еще с таким грузом на душе. Неудача резанула не только по самолюбию. Она означала, что встреча с Ланем снова откладывается на неопределенный срок. Теперь эта сволочь будет осторожной вдвойне, а то и вовсе заляжет на дно.

Эта мысль высосала, казалось, остатки сил. Он думал, что уже не вскарабкается по ступеням, но тело продолжало двигаться, он поднимал и переставлял ноги. Машинально достал ключ и отпер дверь. Хозяина выбежал встречать чем-то встревоженный Ангел. Пес буквально потянул в спальню, хотя обычно ему запрещалось жевать полы пиджака. В доме снова кто-то был, тот, кто и взбудоражил Ангела. И вариантов было немного: если это не управляющий или экономка, значит… Лань. Больше никого терьер бы не пустил, но что ему тут делать?

Несмотря на теплую погоду, в камине тлели угли, а рядом примостился фабрикант, укутанный в покрывало, снятое с кровати. На какой-то миг Чейзу показалось, что его лицо слишком, неестественно, бледное. Накатил иррациональный страх. Что, если он видел не все? Что, если у него на глазах Мэйсон все-таки пырнул Хавьера ножом и тот столько времени ждал здесь помощи?

– Лань! – он бросился к любовнику, как будто в полусне поднявшему голову. Вблизи иллюзия пропала, но все равно Хавьер выглядел нездоровым.

– Я больше не могу, – пробормотал мужчина, не давая толком его осмотреть и ощупать. – Чейз...

Было очень страшно услышать, что он скажет таким надтреснутым голосом. Что, если это – конец? Но тогда Лань не пытался бы удержать его рядом с собой, не притягивал бы ближе, а наоборот – отталкивал.

– Прошу, – голос его упал до шепота, – сделай мне больно…

Цзян подумал, что ослышался и даже переспросил. Он не понимал, чего Лань хочет, вернее, не мог поверить, что он действительно хочет именно этого. Чейз уже видел совсем другого Хавьера, такого, каким он был изначально, и это было не его – кто-то очень постарался перекроить его под себя. Лань не стал повторять просьбу, которая далась ему нелегко, только тронул ожог на шее.

– Как можно было? – Чейз умолк и скрипнул зубами при мысли о том, кто оставил все эти раны. И Хавьер ждал, что Чейз поступит с ним так же? – Вы… Зачем Вы позволяли это?…

Лань ответил острым взглядом. Вообще-то Чейз тоже многое ему позволял, но объяснять человеку в таком разобранном состоянии, что всему есть предел, было попросту бесполезно, да и говорить о том, что Хавьер никогда не переходил черту, как…

Вспомнив об Ангеле, Чейз высвободился из хватки Хавьера и вывел упирающегося пса из спальни. Лань проводил его почти испуганным взглядом, а Цзян совершенно не знал, что с ним делать. Он раздраженно взъерошил челку и обвел взглядом комнату, как будто в ней могла содержаться подсказка. Пока что наблюдался только черный пиджак Хавьера, брошенный прямо на полу.

– Лань, вставайте, – сказал он, но понял, что придется самому поднимать любовника и выпутать его из складок плотной ткани.

Не мешало бы влить в него немного бурбона, но дорогой кончился, а поить Хавьера дешевым пойлом Чейз бы не стал. Поразмыслив, он просто похлопал мужчину по щеке, пробуя немного привести в чувство. Было так странно раздевать его точно куклу. Таким Хавьер не был, даже когда напился почти до беспамятства. Что-то похожее на сопротивление появилось, только когда Цзян попробовал уложить его в кровать.

– Все будет по-моему, – предупредил Чейз, в голове которого наконец мелькнула спасительная мысль. – Поэтому все, что от Вас требуется, – это лечь на живот и не двигаться.

Он вспомнил о камнях, лежащих перед камином. Зимой их можно было класть в кровать, чтобы не так страшно было в нее ложиться. Тепло отчасти выгоняло вездесущую лондонскую сырость, да и засыпать в согретой постели было приятнее. К тому же они напоминали о беззаботных деньках, когда он спасался от жары в реке, и о безобидных шалостях любимой.

На пробу Цзян взял один камень. Держать его было терпимо, а когда он прижал покатый черный бок к запястью – стало горячо, однако по-настоящему кожу не обожгло. Лань поерзал, но Чейз не торопился – когда кожа остынет, даже немного охладится на сквозняке из приоткрытого окна – эффект будет более ощутимым.

И верно. Лань вскинулся, когда Чейз на пробу провел камнем по его спине, давая познакомиться с этим ощущением. Пришлось уложить его обратно, настойчиво надавив рукой между лопаток.

– Что я говорил? – спросил он, повторяя движение в обратном направлении. – Не двигайтесь.

Дыхание Ланя прервалось, когда камень размером с ладонь занял свое место. Поначалу могло показаться, что кожа горит огнем, но на самом деле это здорово расслабляло, что Чейз в свое время прочувствовал на собственной шкуре.

Он снова прошелся по комнате к камину и обратно, проверяя температуру второго камня. Они хорошо накапливали тепло, а потом долго отдавали его. Ланю должно было понравиться.

– Готовы? – спросил Чейз и переложил камень в другую руку, прежде чем проникнуть согретыми пальцами в ложбинку между напрягшимися ягодицами.

Реакция была даже ярче, чем на действительно горячий предмет. Хавьер застонал. Это вовсе не было проверкой, он просто ласкал любовника, потому что это доставит удовольствие им обоим. А еще – в тайне – Чейз надеялся, что после разрядки снова увидит Ланя, который ненадолго стал самим собой, и можно будет завернуть его в теплый плед, увести на кухню и пить вместе свежий горячий кофе с перцем.

Часть 84

Чейз задыхался. Хотя именно он трахал Ланя, но ощущение, что это его сейчас имеют, снова не отпускало. Хавьер задавал темп, двигаясь резко, постоянно сбивая ритм, негромко постанывая на выдохах, и смотрел. Смотрел так, что Цзян плавился под этими горячечно блестевшими глазами.

– Лань, потише, – сорвано дыша, простонал он. – Вся ночь наша.

– Не хочу! – тот только замотал головой, еще больше разметывая волосы, которые, против обыкновения, не стал заплетать. – Дай мне почувствовать. Хочу тебя всего. Мать твою, Чейз, хочу, чтобы ты вытрахал из меня всю душу.

Почувствовав, как дрогнул голос Хавьера, Цзян перевернул их, навалился всем телом. Остановился, лишь войдя невыносимо глубоко и уткнувшись лицом во влажную шею фабриканта. Лань сцепил руки за его спиной, будто пытался свести на нет разделяющее их расстояние, а лучше и вовсе слиться воедино.

– И если ты не доведешь меня до полного изнеможения, то пожалеешь, – пообещал мужчина, глубоко вздохнув, – потому что тогда я займусь тобой.

Чейз высунул кончик языка не то, чтобы разлепить пересохшие губы, не то чтобы все-таки попробовать Ланя. Его кожа оказалась немного терпкой на вкус. Удивляясь себе – и откуда только нахватался? – он лизнул ещё раз, уже длинно, лениво. Наградой стало невнятное бормотание.

– Я начинаю думать, что Вы просто маньяк, Лань, – поделился он, слегка куснув любовника.

– Возможно, – Хавьер улыбнулся, Чейз не видел, но безошибочно почувствовал это. – Я просто слишком редко тебя вижу и сейчас хочу получить как можно больше.

Чейз не брался сейчас разбирать, что этой ночью случилось на самом деле, а что было плодом его воображения, взбудораженного близостью сонного Хавьера. Усталость не развеялась до конца даже теперь, к утру, а ведь он клялся, что не станет спать, а только переведет дух, и потом спросит Ланя обо всем…

Полежав еще немного, Чейз понял, что не чувствует любовника рядом. Сон как рукой сняло. Мужчина перекатился на бок и взглянул на то место, где, казалось бы, только что покоилась на подушке голова фабриканта. О его присутствии теперь напоминали только несколько волосков, длинных и темных, которые никак не могли принадлежать Чейзу.

– Лань? – окликнул он, все еще надеясь, что тот не ушел.

Одежда осталась валяться там, где ее вчера бросили… Цзян заглянул в шкаф и внутри все упало. Хавьер просто отыскал свой костюм. Как чувствовал, что нужно было устроить допрос, когда прохвост был у него в руках. Буквально.

– Вот же скользкий гад, – Чейз помассировал переносицу.

Если Лань не знал, с кем Цзян видел его накануне, тогда какого хрена сбежал? Не нужно же ему на работу в такую рань, в самом деле? Чейз ничего не понимал. Недавно ему казалось признаком доверия то, что Хавьер пришел именно сюда, к нему, что решился просить… Он вспомнил, каким голосом говорил Лань, и немедленно захотел увидеть его, чтобы убедиться, эта ночь не была ошибкой. Его ошибкой. Имел ли он право так обращаться с любовником? Даже если тот сам просил об этом. Наутро Хавьер мог пересмотреть свое мнение на этот счет.

Еще и долбанный Мэйсон… Чейз погрузился в невеселые размышления на все время прогулки с Ангелом. Лань мог бы вывести пса на улицу, коль скоро встал раньше, но не стал. Опасался, что к их возвращению Чейз уже проснется? Вот тут-то детектива осенило… Лань все просчитал.

– Пиздомудр херов, – буквально взорвался он, пугая прохожих. – Скользкая фабрикантская задница!

Ну, конечно же, Лань знал все наперед! Нетрудно было предугадать: у Чейза появятся вопросы, которые он не сможет задать по телефону. Один доступный ему аппарат находился в участке, где хватало ушей, второй – у Санфорда в кабинете, что было еще хуже, ну а про третий в родительском особняке можно было сразу забыть. Чейз боялся, как бы любовник не влип в очередную историю или не навредил себе, а Лань просто рассчитывал еще на одну встречу. Даже если это опасно.

Чейз снова чертыхнулся, но теперь потише. Имело ли смысл и дальше скрываться, если Мэйсон уже нашел Ланя? Что, если весь этот спектакль был разыгран вчера для Чейза? Что-то вроде заявления: «Я знаю, что ты меня выслеживаешь. Прекрати, иначе в следующий раз твой драгоценный фабрикант не досчитается почки или печени». Он совершенно определенно угрожал Хавьеру, и Чейз должен был знать, как именно.

Убедившись, что Ангел доволен прогулкой, он не стал возвращаться в квартиру – экономка и так сообразит, что завтрак останется на ужин, если работодатель вообще появится дома – а сразу же поехал на фабрику, где его ждал довольно прохладный прием: никто не предложил пройти в кабинет, где они с Хавьером… весьма тесно общались в прошлый раз. Младшего Ланя ждал экипаж, но он все же уведомил Чейза, что старший, вероятнее всего, еще дома.

– Детектив, – у него был до того холодный и равнодушный голос, что поневоле становилось не по себе. – Я не знаю, что в Вас нашел мой брат, и что происходит между вами, но...

Цзян хотел возразить, что это, черт подери, не его дело, но вовремя закрыл рот. Сказал бы кто ему, что не его дело, с кем проводит ночи его сестра… Конечно, Анна – женщина, что меняет многое, но не все.

– Мне не нравится то, что я вижу, мистер Цзян, – не терял инициативу Честер и, судя по презрению в голосе, он знал, что Чейз видел картину. – Вам пора решить, нужен Вам Хавьер или нет, а не играть в эти игры. Или пойти и заняться делом, коль скоро Вы служите в Скотланд-Ярде.

У младшего из близнецов хватало причин культурно попросить его отсовокупиться, наверняка вчера Хавьер никому не сообщил, с кем намерен провести ночь. Да и где была его собственная голова? С другой стороны, как бы Чейз оставил Хавьера, когда тот так нуждался в нем, тоже не понятно.

– Вы многого не знаете, – сказал он твердо, хотя и не собирался объяснять: то, что Честер принимал за пренебрежение, было продиктовано исключительно желанием защитить. – Простите, что отнял Ваше время, мистер Лань.

– Прощайте, мистер Цзян, – сказал фабрикант, явно надеясь, что они больше никогда не увидятся.

– Черта с два, – пробормотал Чейз.

Внутри все клокотало, когда он садился обратно в кэб, в котором приехал. Пойти и заняться делом! Да он только им и занимался всю неделю без продыху, а когда, наконец, представилась возможность задержать вшиваря и отправить за решетку… сплоховал. Честер как будто знал об этом позорном провале, иначе откуда эти намеки на его некомпетентность? Или он тоже считает, что лучше бы ему продолжать семейное дело, а не ловить преступников. Вот уж во что ему лезть не следовало…

– Куда теперь? – спросил кэбмен.

Чейз колебался. Оставаться здесь и ждать прихода Хавьера он не мог, да и придет ли он вообще? Отправиться в особняк? Слишком велика вероятность разминуться по дороге. Значит, на работу и оттуда по телефону позвонить и назначить Ланю встречу. Это было бы самым правильным и взвешенным решением, но Чейз был слишком зол и взвинчен, чтобы прислушиваться к голосу рассудка.

Ангел навострил уши, когда Чейз называл адрес. Вот уж кто будет рад побегать по саду с жирной хвостатой подушкой, пока хозяин с фабрикантом грызутся между собой как кошка с собакой. Больше Чейз не будет жалеть самолюбие Хавьера, и горе ему, если не ответит, как на духу, что это было вчера. Как назло, лошадь еле переставляла ноги, отчего казалось, что дорога займет вечность. Чейз успел несколько раз успокоиться и накрутить себя по новой. Его раздражало все, даже терьер, тихонько поскуливающий под ногами, хотя уж пес-то ничего дурного не сделал. Наоборот, он был готов даже потерпеть вычесывание, лишь бы хозяин перестал себя изводить.

Чейз думал, что пес по обыкновению начнет носиться по саду, вынюхивая кота, едва только сможет выбраться из коляски. Как бы не так! Он трижды повторил: «Гулять!», но Ангел все равно продолжал проситься с ним в дом. Пришлось повысить голос. Дверь немедленно открылась, и Цзян увидел уже знакомого рыжего охранника, бдительно оглядевшего сад и подъездную дорожку.

– Мистер Цзян, – приветствовал он, не выказав удивления.

Его ждали? Или этот человек просто хорошо контролировал эмоции? Как бы то ни было, Чейз почувствовал облегчение от того, что застал Ланя дома. Он бы не выдержал гоняться за фабрикантом по всему Лондону. Подоспевший дворецкий пригласил его пройти в гостиную, пока он доложит Ланю о визитере. Чейз уважал непробиваемого мистера Стэнли, но вынужден был отказаться. Он не мог ждать, даже если подадут чай, а под какой-нибудь из подушечек найдется новая интересная книга.

– Я сам сообщу ему, что пришел, – сказал Цзян и взбежал по парадной лестнице, не сомневаясь, что найдет Хавьера в кабинете.

Задерживать его не стали, значит, Лань, по крайней мере, не отдавал распоряжений не пускать Чейза к нему. Впрочем, в таком настроении Цзян бы прорвался к нему в любом случае. Даже если бы сперва пришлось обезвредить здоровяка охранника и припугнуть дворецкого. Встреченный по дороге хуедожник даже не пикнул, хотя приличия обязывали их обменяться приветствиями, и благоразумно свернул в какую-то комнату.
***
Хавьер вздрогнул, услышав шаги за дверью. Он надеялся, что обманулся, но через мгновенье Чейз распахнул дверь и сомнений не осталось. Лань ожидал, что встретится с ним после работы, на которую собирался опоздать сегодня. Нужно было досушить волосы, привести мысли в порядок и хоть немного успокоиться. Хорошо, что утром Чейз не проснулся и не видел его растрепанного, сидящего на полу у слишком узкой для двоих кровати.

Кошмар до сих пор не шел из головы. Мэйсон был здесь. Убив Джона Смита, он вломился в особняк, и ранил Уотсона в плечо. А в барабане его револьвера оставалось еще четыре патрона, и Лань знал, что он не остановится… Слава богу, это был только сон. Когда он примчался, все было в порядке, только младший брат злился, но это было вполне оправдано.

– Чейз, – он шагнул навстречу, не зная как себя вести, однако его тянуло к полицейскому, и противиться этому было трудно.

– Сбежать вздумали? – сердито спросил инспектор.

Хавьер покачал головой. В конце концов, сейчас они оба были здесь и Хавьер никуда не бежал. Но Чейз, конечно, говорил не об этом. Хавьер по глазам понял: он не нашел листок в прихожей. Нужно было выбрать более приметное место. Он прижал бумагу связкой ключей любовника, а нужно было завернуть их вовнутрь, тогда бы он точно обратил внимание.

– Ты не видел записку? – уточнил Лань. – Я проснулся и уже не мог уснуть. Мне нужно было срочно вернуться в особняк и убедиться, что здесь ничего не случилось.

– Конечно. Здание старое, с ними всякое бывает: протечки… крысы… Одна очень большая грязная крыса… – Чейз прожег его взглядом. – Это Ваше желание никак не связано с тем, что произошло вчера?

И вот что он имеет в виду? Лань сглотнул. Детектив смотрел на него в упор, однако не прикасался. Вроде бы небольшое расстояние между ними ощущалось не менее остро, чем в предшествующие дни, когда Чейз запретил с ним видеться.

– Не молчите, Лань, – приказал он. – Вы не понимаете, что своим молчанием делаете только хуже? Говорите, иначе я арестую Вас за попытку препятствовать следствию.

– Следствию? – Хавьер скривился, повторив за любовником это слово, и сам пошел в наступление. – Чейз, эта, как ты выразился, крыса была здесь. Не сегодня, в среду. Ее видели два человека. И что-то я не вижу, чтобы в Скотланд-Ярде предприняли хоть что-то! Все, на что их хватило – назначить инспектора-недоумка…

Кажется, он перегнул палку, потому что в следующий момент еле успел уклониться от удара. Но и Чейзу не стоило говорить подобные вещи! По крайней мере, всерьез. Чейз восстановил равновесие, потеряв на этом несколько секунд и преимущество. Следующий выпад был перехвачен.

– Что еще за инспектор Сэйлфорд? – Лань рванул его за запястье, заставляя продолжить начатое движение. Детектив почти влетел лицом в мягкую спинку кресла. – Я думал, дело Йена Мэйсона ведешь ты!

– Так и есть! – огрызнулся Чейз, которого только раздразнили их маневры. Теперь он, в отличие от Хавьера, был намерен драться всерьез. – Но что-то я не припомню, чтобы сообщал Вам об этом! Давно Вы знаете?

– Чейз… – пожалуй, Хавьер действительно допустил ошибку. – Когда ты попросил о встрече с Холли…

– И Вы поперлись туда, зная, что Мэйсона там не будет, потому что его приглашением воспользуюсь я? – взревел мужчина и на этот раз Лань уклоняться не стал.

От удара под дых он согнулся и закашлялся, но это было неизбежно. Чейзу нужно было выпустить пар, ну а он заслужил пару тумаков. Полицейский схватил его за волосы, заставляя выпрямиться.

– Мэйсон, – выплюнул Чейз с отвращением. – Вот с кем Вы трахались, Лань! С этим блядским психопатом, Йеном, мать его, Мэйсоном!

– Я думал, ты знаешь… – просипел он. – Ты же знал про Холли…

Мужчина разжал руки. Кажется, от удивления. В его чёрных, как бездна, глазах отражалось столько всего, что Лань предпочел снова согнуться и низко опустить голову. Он готов был опуститься перед Чейзом на колени, но это выглядело бы жалко. Цзян окончательно перестал бы его уважать.

– Что ещё, по-Вашему, мне должно быть известно?! – он сжал кулаки, явно борясь с желанием ударить ещё раз, но ограничился тем, что брезгливо оттолкнул фабриканта, после чего деревянным шагом направился к выходу.

Хавьер знал – чувствовал: если эта дверь закроется за лейтенантом, то уже навсегда. Поэтому, не раздумывая, шагнул следом и мягко накрыл его руку своей. Чейз не смотрел на него. Лань медленно, перебарывая сопротивление, заставил его переместить руку ниже, показывая, что нужно провернуть ключ в замке.

– Я ошибся, – сказал Хавьер, а у самого на миг закружилась голова. – И готов принять наказание.

– Принять наказание? – эхом повторил полицейский и следом послышался негромкий щелчок.

Часть 85

– Лань, да что с Вами сделал этот…?! – он задохнулся от злости и желания убить рыжую мразь, размазать как таракана, чтобы и мокрого пятна не осталось. За то, что изуродовал, исковеркал чужую жизнь… И пытается сделать это снова. – Какое, к чертям собачьим, наказание?!

– Я заслужил, – произнес он, как что-то само собой разумеющееся.

– По-Вашему, я такой же, как он? – в лоб спросил Чейз и Лань покачал головой. – Я уже врезал Вам и кому от этого стало легче?

Теперь, когда разрозненные кусочки картины начали вставать на места, его стало грызть то, что получил Лань не очень-то и заслуженно. Ему не в чем было винить Хавьера – сам ведь не сказал ему, за кем охотится. Лань сам все понял, но только когда они уже были в Карпе и столкнулись с хозяйкой этого вертепа. Еще бы он не напился до беспамятства, узнав, что ублюдок, который пытал его, снова на свободе.

– За что мне наказывать Вас? – Чейз хотел заставить Хавьера говорить.

Пусть сам выложит побольше, коль скоро разговорился. И если сейчас опять скажет о том, что просто хочет, чтобы ему причинили боль, тогда Чейз не тот, кто ему нужен. Он просто уйдёт, если Лань ещё раз заикнется об этом. Цзян запустил пальцы в волосы, не понимая, как вообще можно в здравом уме хотеть подобного.

– Все идет не так, – медленно заговорил Лань, и Цзян многое бы отдал за то, чтобы сейчас влезть в его голову и узнать, что в ней творится. – Я ошибся, когда понадеялся, что Николас Уэйн обратится к тете.

Цзян удивился. Хавьер знал о Жэнни и был знаком с ее племянником? А мир тесен… Вспомнилось, что Лань упоминал прошлую среду. Как раз в этот день Жэнни уехала с мужем на несколько дней, насколько он знал, чтобы посетить Галерею Уффици. Как не вовремя.

– И этот… – кажется, он проглотил ругательство, – с позволения сказать, инспектор не сделал ровным счётом ничего. Я устал, Чейз… и я боюсь. Не за себя – за Майкла, за Честера, за тебя…

Плавно Чейз протянул руку, чтобы коснуться Хавьера. Не хотелось, чтобы тот допустил мысль, что он снова ударит. Если и стоило на ком отыграться, то на Мэйсоне, но уж точно не на Лане. Как и думал Чейз, тот был напряжён, как струна, но осторожное прикосновение успокоило его. Чейз был удивлен такой переменой. Такой послушный, хотя по глазам видно: внутри бушует буря.

– И то, что случилось вчера, это полностью моя вина, я заслужил наказание, – Чейз подумал, что Хавьер говорит о встрече с Мэйсоном, как о своеобразной каре. – Я должен был помнить твои слова, но твоя записка, такой резкий тон… Я засомневался, я даже не знаю, что хотел сделать, но в итоге… это было просто ужасно. Даже хуже, чем *его* увидеть.

– Я знаю, – произнес Чейз, вспомнив, с каким лицом Хавьер выходил из того притона.

Мужчина вздрогнул, как от удара, но не попытался разорвать физический контакт. И если по-другому никак, то он сделает это. Причинит боль. Если это поможет хоть немного утишить чувство вины и вернуть Ланю разум. Тот смотрел на Чейза почти испуганно, но лейтенант уже давно не злился. Однако и говорить, откуда ему это известно, тоже не собирался – для пущего эффекта.

– Есть еще одна вещь, – Лань явно колебался, но молчание Чейза подстегнуло к откровенности. Он хотел услышать все до конца. – Я купил ее после того, как ты забрал ключ…

Чейз нахмурился при упоминании ящика, в котором были заперты сомнительные подарки Мэйсона. Лань немедленно отреагировал на перемену его настроения, как всегда поняв все по-своему.

– Насчет этого… – пауза вышла довольно продолжительной. – Я подумал и понял, что на самом деле не хочу хранить ничего из его подарков. И если выбирать, то я бы оставил только вещицу из нефрита, которую выбрал и купил сам четыре года назад.

– Остальное Вы больше не увидите, я об этом позабочусь, – пообещал Чейз, и по лицу Хавьера не было похоже, чтобы он сильно переживал из-за этого. – И вот что, Лань, забудьте, что я тогда написал.

– Нет, все правильно, – ответил он, все еще не решаясь сдвинуться с места, будто Чейз держал его. – Я, кажется, понял.

Детектив мог потянуть за эту ниточку и вызнать, какие же выводы сделал для себя Лань, однако не поддался. Тот снова недоговаривал, уводил разговор в другое русло. Что за привычка – темнить и выкручиваться? У Чейза возникло нехорошее предчувствие насчет покупки, о которой Лань теперь не горел желанием говорить.

Пришлось слегка подтолкнуть его, и в конечном итоге из стола был извлечен продолговатый бумажный сверток, легкомысленно засунутый в верхний ящик поверх каких-то документов. Ну, конечно… Лань теперь не мог пользоваться тем, который запирался на замок. Общение с Мелиссой заставило его по-новому взглянуть на содержимое ящика, ключ от которого он конфисковал у Ланя. Некоторые вещи из тех, что он запомнил, были опасны.

– Прежде чем ты что-то скажешь, – осторожно проговорил Лань, передавая ему продолговатый предмет – не слишком тяжелый и не легкий. Еще не развернув бумагу, Чейз почувствовал запах выделанной кожи. – Йен ненавидит быть вторым.

«Значит, был еще и первый?» – пронеслось в голове, но Чейз не озвучил этот вопрос. Что бы ни было в жизни Хавьера, это и близко не стояло рядом с Мэйсоном. Или же первым должен был стать он сам?.. Стоило ли испытывать радость по этому поводу? Мужчина извлек из пакета приобретение Хавьера, вещь иного сорта, чем те, которые он хранил.

Хлыст имел вполне привычный вид, Чейз пользовался такими, но выделка… просто изумительная, не то что в армии. Строптивого жеребца такое орудие, пожалуй, только пощекочет, но Лань изначально собирался использовать его на человеке – вполне вероятно, на одном беспечном полицейском. Ну, а теперь, похоже, сам был готов подвергнуться его воздействию.

Что ж, Цзян хотел это увидеть, хоть минуту назад думал все бросить и сбежать куда подальше. Он никогда не проявлял интереса к подобным практикам, да и сейчас не понимал Ланя. Терпеть боль и притом совершенно напрасно? Вспомнилось, как он костерил себя за глупость, когда валялся в кровати с дырой в боку. Как вообще можно хотеть… и, более того, получать от этого удовольствие! В этом отношении Мелисса – знал бы Лань, что она выступает в роли его консультанта – была весьма категорична: «Вы, мистер Цзян, просто не знаете, о чем мы говорим». Эта Дюймовочка еще и настоятельно советовала попробовать. Чейз тогда

и слушать не стал, а теперь проверял, как лежит в ладони хлыст.

Было вполне удобно и даже будило некоторые приятные воспоминания о быстрой скачке и блестящем параде, в котором он участвовал и гордился своей причастностью к армии Ее Величества. Яркое воспоминание заставило его ненадолго выпасть из реальности, Лань времени даром не терял. Когда Чейз снова посмотрел на него, фабрикант сбросил с плеч расстегнутую рубашку и без малейшего смущения или сомнения опустился на колени.

А ведь раньше старался не показывать спину, совершенно напрасно опасаясь, что эти отметины покажутся ему отталкивающими… И когда все так изменилось? Вчера Чейз рассмотрел его шрамы вблизи, а сегодня узнал, от кого Лань их получил, и это снова раздувало поутихшую было злость. Цзян был не в состоянии стереть чужие следы со светлой кожи, однако сейчас у него появилась возможность перекрыть их собственными, и это странным образом не противоречило потребности защитить Хавьера от кошмара из прошлого.

Фабрикант застыл словно мраморное изваяние. Он не выказывал ни малейшего намерения поторопить Чейза, не показывал, что ему неудобно или холодно стоять полуобнаженным на коленях. Елейный голосок Мелиссы в голове Чейза уверял, что он давно не видел ничего столь же возбуждающего, чем Лань в полной его власти. «Не стоит упускать такой шанс», – так бы она сказала.

Вместо того, чтобы хлестнуть и посмотреть, как на светлой коже вспыхнет яркий след, Чейз медленно снизу вверх провел по спине любовника небольшой кожаной лопаткой на кончике хлыста. Дыхание фабриканта при этом моментально сбилось. Можно было подумать, перспектива быть высеченным его… радовала?

Нет, не она. Чейз ещё раз взглянул на хлыст в своей руке. Физическая боль от удара, конечно, не уменьшит душевную, но хотя бы на время отвлечет от нее, верно? Обычно Чейз этим и занимался – помогал другим людям получать по заслугам, хотели они того или нет, но испытывал от этого исключительно моральное удовлетворение. Что, черт бы его побрал, было не так с охуевшим фабрикантом?

Он прислушался к часто бьющемуся в груди сердцу. Что они творили и почему это так будоражило? Возникло чувство, будто он сходит с ума. Нет, с ума сошли они оба! Он действительно собирался принять приглашение Ланя причинить ему боль, вот этим вот хлыстом, а ведь до встречи с фабрикантом никогда не замечал за собой таких желаний.

Чейз собирался сделать это, не потому что Лань попросил, и уж точно не потому что все еще злился на него: как можно быть таким безответственным и так не беречь самого себя? Он занес хлыст наперекор Мелиссе, которой нравилось рассуждать, какая роль подойдет Чейзу больше. Нужно было раз и навсегда убедиться: в этом нет ровным счетом ничего хорошего, но рука почему-то была вовсе не такой твердой, как должно. Удар пришелся вскользь по тому месту, куда когда-то вошел один из железных крюков, которыми душегуб истязал свою жертву. Хавьер лишь слегка вздрогнул, а Чейз уже не мог спокойно смотреть на его выпрямленную спину и неровную полосу, проступившую на коже.

Определенно, безумие заразно, иначе как объяснить то, что произошло дальше? Лань пробуждал в нем животные инстинкты. Особенно в такие моменты, когда они оставались наедине в его чертовом кабинете. Это было похоже на их первый раз, тогда Лань так же принимал боль, которую причиняла ему их странная и спонтанная близость. Только сейчас Лань полностью передал ему контроль, буквально вверил себя в его руки, и это опьяняло не хуже хорошего бурбона. Что-то темное – гремучая смесь вожделения и страха – всколыхнулось внутри, когда он вновь опустил хлыст на беззащитную спину и занес снова.

Чейз чувствовал: Хавьер не попросит остановиться, не попытается защититься, даже если ему вздумается запороть до полусмерти, искалечить. На миг Чейз ужасно на него разозлился, а потом в голове прояснилось. Лань доверяет ему, даже сейчас… нет, особенно сейчас. Он так спокоен, потому что с самого начала знал: Чейз ни за что не перейдет грань… вот только какого-то черта он забыл сказать это самому Чейзу!

Полицейский бросил хлыст на пол, оглядывая любовника. Лань слегка повел плечами, оставаясь все в той же покорной позе. Результатом несдержанности Чейза стали полосы различных оттенков, от розоватого до насыщенно-алого, расцветившие спину Хавьера, но в целом выглядело не так плохо.

– В кого вы меня превратили? – он упал на колени и осторожно обнял Ланя сзади, но тот сам прижался теснее и слегка потерся.

– Это было в тебе с самого начала, – Лань выглядел бессовестно возбуждённым, хотя ему, должно быть, было больно.

В комнате стало душно, или Чейзу просто так казалось. Лань пах соблазнительно и пряно, острее и ярче, чем обычно. Сопротивляться его магнетизму было просто невозможно, и Чейз поддался искушению и поцеловал теплую влажную кожу, прижался губами к шее, как какой-нибудь вампир. Сердце Хавьера билось все еще очень часто.

– Тебе следует чаще отпускать себя, – сказал он как будто мечтательно. – Ты просто неподражаем.

Чейз оторвался от теплой кожи, чтобы встретиться с любовником взглядом. И внутренне поежился, уловив во взгляде Хавьера огонек одержимости. Впрочем, он угас, стоило поцеловать податливые губы.

– После того, что было, – Чейз сделал паузу, потому что теперь Хавьер поцеловал его. – Не думаю, что Вы захотите повторить подобное…

– После того, что было, я не хочу больше тебя отпускать, – доверительным шепотом поделился Лань и откинул голову ему на плечо, снова открывая шею.

Изловчившись, фабрикант запустил руку ему в штаны. Цзян последовал его примеру, догадываясь, что любовник уже весьма близок к разрядке, и предвкушая, что будет потом. Он снова увидит Хавьера таким, какой он есть: расслабленным и уравновешенным… целым.

– Нам нужно большое зеркало, – в голову вдруг пришла мысль, показавшаяся блестящей не только ему, но и Ланю.

– М-м, – протянул он одобрительно и жарко выдохнул куда-то в ухо. – Хочешь видеть, как мы это делаем?

В таком переложении это уже больше походило на идеи Ланя, уже успевшего приспустить чужие брюки, так было намного удобнее, но теперь Чейз не знал, как удержаться. Напряжение настоятельно требовало выхода, а тут еще такие настойчивые ласки! Однако довело его не это, а стон Ланя, просто ужасно развязный. Если бы раньше кто-то сказал Чейзу, что мужчина может стонать так сладостно, он бы, наверное, не поверил, а сейчас чужое удовольствие удвоило его собственное.

Ржание за окном заставило обоих встрепенуться. Лань не ждал гостей, но лошадь находилась явно очень близко к дому, у самых ворот. Чейз подобрался к окну и осторожно, стараясь не высовываться слишком сильно, выглянул. И от увиденного ему стало нехорошо.

– Какого хрена Ваш брат здесь делает среди дня? – простонал он, лихорадочно соображая, как быть.

Нужно было срочно замести следы: обработать спину Ланя и привести его в порядок. Куда девать запачканные брюки? Он на секунду представил, как сует их в бумажный пакет, где лежал хлыст, и уносит с собой, как важную улику. А уносить-то надо было ноги. Честер уже через минуту узнает о том, что Чейз тут. Придется сваливать через окно или прорываться через обиталище хуедожника.

Часть 86

Лань чувствовал себя так, будто снова выпил лишнего, но послушно поднялся, когда Чейз подал ему руку. Тот заботился о нем, хоть и делал вид, что это не имеет ни малейшего отношению к фабриканту: первым же делом проверил, кто приближается к дому, накинул на него рубашку, прежде чем оправить собственную одежду. Хавьер ненадолго прикрыл глаза, спина чувствовалась, но осторожные прикосновения были скорее приятны.

Потом они пошли в спальню, потому что Чейз настаивал, что ему нужно переодеться в чистое. А еще он очень хотел побыстрее убраться из особняка и желательно так, чтобы не столкнуться с Честером. Хавьеру это совершенно не понравилось, как и то, что Чейз всерьез примеривался, сможет ли выбраться в сад через окно.

– Я никогда не прятал любовников в шкафу и начинать, знаешь ли, не собираюсь, – серьезно сказал Хавьер, прекрасно видя, что напряжение детектива перерастает в настоящую панику. – Что произошло, что ты вдруг начал бояться моего брата?

– Я ему не нравлюсь, – ответил Чейз, и Хавьер отметил знакомые лиловые искорки гнева в антрацитовые глазах. – И он сегодня злой как черт.

– Вовсе нет, – попытался возразить Лань, вдевая запонки, переодеться пришлось полностью. Все еще желая защитить брата, он поправил: – Честер не на тебя злится, а на меня.

Совесть снова кольнула его: все пошло не по плану. Он должен был вернуться не позже Честера и ободрить его. В конце концов, это всего лишь партия в шахматы, даже если выиграл Николас Уэйн. Вместо этого Хавьер пропал на всю ночь и явился только под утро. Надо ли говорить, что брат не сомкнул глаз и даже искал его.

– Как бы не так! – разгорячился Чейз. – Он ясно дал понять, что мне следует держаться от Вас подальше.

– И ты послушал? – Лань удивленно изогнул бровь, глянув на него в зазеркалье.

Тот уже привел одежду в порядок и даже кое-как пригладил волосы, а теперь заново растрепал, пытаясь избавиться от лезущей в глаза челки. Ужасно мило. Стоило Хавьеру улыбнуться, как полицейский занервничал еще больше.

– Наверняка Честер уже раскаялся, что сказал такое, – он постарался вернуть себе серьезный вид. – Так что беспокоиться не о чем.

Чейза его слова не убедили. Похоже, ссора и правда была нешуточной, а ведь Честер, как и его подруга, умел разглядеть в людях их хорошие стороны. Неужели, разругавшись с ним и уехав на фабрику, брат так и не остыл? Или Цзян как раз попал под горячую руку? Как бы то ни было, Хавьер хотел помирить их и именно сейчас, не дожидаясь, пока ситуация еще больше усугубится. Он твердо взял Чейза за руку, показывая, что не случится ничего страшного, даже если кто-то увидит, как они вдвоем выходят из его спальни.

Тепло его ладони… Хавьер так и не сказал, как ему не хватало этого чувства. Он много чего не сказал, хотя и собирался. И о многом не спросил. Например, о том, как вышло, что Чейз не знал, что они с Мэйсоном были любовниками? Когда Йена задержали, Честер настоял, чтобы они с Майклом уехали из Лондона на какое-то время, пока всё не успокоится. Возможно, брат даже свидетельствовал вместо него против Мэйсона, тогда как сам Хавьер едва ли смог бы говорить об этом. Даже сейчас было нелегко, а тогда… Лань так и не узнал, как разрешилась ситуация, помнилось, они с братом почти не говорили на эту тему, отчего теперь на душе стало тревожно.
***
Вскоре после разговора с мистером Цзян Честер пожалел о том, что позволил себе такой тон и резкие высказывания в его адрес. Он сказал совсем не то, что думал на самом деле. Однако злость вернулась, когда он увидел знакомого терьера, забавляющегося с котом на ступеньках крыльца. Выходит, сразу после их разговора инспектор отправился к его брату. Как будто мало было того, что Хавьер вернулся сам не свой после их ночного рандеву.

– Выплюнь Саймона, – попросил он – со стороны могло показаться, что пес слишком сильно придавил кота, но британец, хоть и несколько обмусоленный, не выказывал особого гнева или испуга.

Ангел послушно выпустил добычу и подтолкнул носом, помогая перевернуться. Саймон все-таки заехал ему лапой по носу, но без когтей. Хорошо, Вэйд всего этого не видел! Мистеру Цзян не следовало оставлять пса без присмотра – художник мог решить, что любимец погиб в зубастой пасти и тогда бы его мучили кошмары, это уж точно.

Дав псу обнюхать себя, а коту – немножечко обшерстить штанины, Честер открыл дверь. Охранника на посту не оказалось, должно быть, настало время очередного обхода. Зато у двери уже поджидал кое-кто другой.

– Я знал, что это ты! – с радостным возгласом Вэйд повис на его шее.

Честер подхватил его под зад и легко развернул спиной к двери – на всякий случай. Художник ахнул и изобразил смущение, прекрасно зная, как на него это действует. Потом чмокнул его в губы.

– В доме полно народу, – поддразнил его Инн, даже не думая останавливать. – А мы позволяем себе такое! Кстати, а с кем ты разговаривал? Саймон опять не может решить, собирается ли он входить в дом?

– Думаю, он хочет еще немного погулять, – неопределенно ответил Честер и потрогал лоб любимого – он показался слишком горячим.

– Я только что выбрался из пледа в библиотеке, – сообщил Вэйд, упреждая его вопрос. – Мы же толком не спали ночью. Ты, наверное, приехал вздремнуть вместо обеда?

– На самом деле теперь я подумываю оторвать кое-кому голову, – проворчал Честер, хотя Вэйду удалось рассеять тучи, сгустившиеся вокруг него.

– Честер, вам нужно все спокойно обсудить, – художник посерьёзнел и чуть отодвинулся. – Нельзя же так. К тому же утром… в общем, я все слышал.

Отчего-то сделалось стыдно. И еще хуже, когда он увидел их с братом, вместе спускающихся по лестнице. Именно вместе, а не просто вдвоем. Похоже, лейтенант сделал окончательный выбор, только вот стоило ли радоваться, что в пользу Хавьера? Брат все еще был немного бледен, однако казался успокоенным присутствием полицейского.

– Мистер Цзян, – Честер постарался сохранять спокойствие.

Все-таки, несмотря на свой дурной характер, инспектор оставался братом Анны и любовником Хавьера. Он уже решил, что извинится, но сделает это только ради них. Вэйд тоже приветствовал Чейза и даже без обычной прохладцы, потому что не знал о проделках терьера. Или не поэтому? Все-таки в улавливании мельчайших оттенков настроения он давал фору, даже в отношении его собственного брата.

– Как видите, я решил прислушаться к Вашим словам, мистер Лань, – уведомил мужчина без открытой неприязни, разве что в глазах она отражалась, но это можно было потерпеть.

– Я собирался забрать их назад, – выговорил Честер, испытывая ощущение дежавю. В прошлый раз, помнится, Чейз извинялся за свое несдержанное поведение. – Мне не следовало…

– Нет, Вы были правы. Мне тоже не следовало… – Чейз запнулся и глянул на Хавьера, будто ища поддержки. – Я понимаю, как это выглядит для Вас. И коль скоро делом Йена Мэйсона все еще занимаюсь я, а не инспектор Сэйлфорд, самое время рассказать все, что Вы знаете.

Честер уловил намек на собственные слова в речи мистера Цзян, но реагировать не стал. Тот был вправе припоминать ему утренний разговор. Да и дальше этого намека не пошло, потому что Хавьер положил руку на спину полицейского и предложил столовую как альтернативу просторному холлу.

– Умираю от голода, а ты, брат? – Хавьер одарил его улыбкой и легким объятием. Честер повел напряженными плечами. Если у Хавьера проснулся аппетит, это уже что-то.

– Мгм, – кивнул тот и последовал за братом, стараясь не пересекаться взглядом с его детективом.

По всей видимости, охранник открыл дверь на веранду, чтобы впустить кота и пса в дом, потому что оба контролировали, достаточно ли старательно и вкусно Мэдисон накрывает на стол. Саймон мяукнул, привлекая к себе внимание.

– Вы изменились, – заметил Вэйд, когда полицейский мимоходом почесал подбородок британца, занявшего жардиньерку, на которую больше не ставили вазу.

– С чего Вы взяли? – прозвучало так, будто слова художника застали полицейского врасплох.

– Просто вижу, – он подхватил кота, тут же обнявшего хозяина за плечо. – Саймон не просится на руки к кому попало.

Цзян отвернулся, даже не смерив художника убийственным взглядом. Он достался улыбающемуся Хавьеру, быстро заставившему любовника если не смягчиться, то хотя бы сосредоточиться на деле. Чейз старался, чтобы происходящее не слишком напоминало допрос. Он хотел знать все, даже такие подробности, которые не были известны Честеру.

Хавьер рассказал наконец, как познакомился с Йеном Мэйсоном. Благодаря ему он впервые участвовал в перформансе, а не только был в числе зрителей. Это было в одном из клубов, где брат побывал по рекомендации их общего знакомого. Если бы тогда они уже присоединились к Брайт Хаусу!.. Хавьер был уже хмельным, и потому с легкостью ввязался в авантюру, предложенную незнакомцем. Именно он убедил подняться на сцену и своими руками воткнуть большой изогнутый ятаган в ящик, где до этого заперли молодую женщину.

– Острое, я проверил, лезвие вошло в широкую, окованную металлом прорезь почти по центру и вышло с другой стороны. Йен прокатил ящик по кругу, как какой-нибудь фокусник, убеждая зрителей, что пленница еще внутри, – проговорил Хавьер без видимой неприязни, как будто речь шла о простом представлении в театре, которое не зазорно обсудить за столом.

От одной мысли об этом Честеру сделалось не по себе, Чейз тоже помрачнел, а Вэйд, допущенный к разговору, – попробовали бы от него избавиться! – явно заинтересовался и даже слегка подался вперед.

– Так оно и было, – продолжал близнец, разрезая мясо на своей тарелке. – Я чувствовал, как девушка движется внутри, как помогает провести лезвие насквозь и направляет к разрезу в противоположной стенке. Йен назвал это детскими играми, хотя я мог бы, наверное, поранить ее, а не подыгрывать, делая вид, что мне тяжело проткнуть воздух. Он сказал – и я до сих пор помню, как меня пробрало от его голоса – что знает заведение, где все происходит по-настоящему, то есть острые лезвия режут плоть, от этого течет настоящая кровь

Странно, но из троих слушателей первым догадался, о каком месте идет речь, именно Цзян. Он процедил название сквозь зубы, как будто успел обзавестись с этим заведением собственными счетами.

– Мы выпили ещё по стаканчику и все это время Йен рассуждал о запахе крови, не жалея эпитетов: сладкий и вязкий, железистый, как будто оседающий на нёбе. Об оттенках, которые он приобретает по мере того, как кровь остывает и сворачивается, – брат сделал долгую паузу, разрезая на части кусок мяса и очнулся, когда Чейз подал ему соусник. – Я не сразу узнал, что ему нравится собственноручно пускать ее.

– А когда узнали, надо полагать, было уже поздно, – проворчал Цзян, однако это не звучало, как обвинение. – О каком времени мы говорим?

– Шесть лет назад, в начале весны, – неприятное воспоминание окончательно отбило желание обедать, однако Честер пока не стал отодвигать тарелку.

– Нет, – возразил Хавьер и безжалостно добавил: – Тогда Йен напоил меня и затащил в постель.

Чейз при этих словах едва не согнул вилку, которую держал в руке, но вовремя спохватился и отложил столовый прибор в сторону. Выглядел он… опасно. Как человек, готовый отнять жизнь. Так оно и было. Честер вспомнил, что брат Анны прошел войну, а потом служба в Скотланд-Ярде… Так что, скорее всего, можно было сказать: прямо сейчас они сидели за одним столом с убийцей, и не похоже, чтобы Хавьера это сколько-нибудь волновало.

– Мы познакомились в разгар зимы, когда ночи были очень длинными и… насыщенными, – Хавьер подобрал слово аккуратно, явно взвешивая, что можно говорить, а чего не стоит. – Вынужден признать, это был интересный опыт. Этот человек стал моим проводником в совершенно другой мир.

Тучи, кажется, еще больше сгустились над Чейзом, но он не перебивал. И все-таки между прежним любовником брата и новым было одно значительное отличие. Цзян и Мейсон стояли по разные стороны закона и это, хоть немного, но успокаивало. Однако

разве не жестоко было заставлять Хавьера рассказывать обо всем случившемся?

С какого-то момента Честер продолжил за него, вспоминая названия мест, где случалось бывать старшему брату. То, что могло хоть как-то помочь в поимке Мэйсона, хотя едва ли тот сохранил привычку посещать именно эти заведения. Имея множество полезных знакомств, он почти ни к кому и ни к чему не привязывался. Исключением мог бы, наверное, стать Карп, где этот человек по правде был завсегдатаем, и… Хавьер.

Честеру хотелось донести до всех, даже до собственного близнеца: это не он помешался на Мэйсоне, а Мэйсон зациклился на нем. Вэйд как можно более незаметно придвинулся ближе, когда Хавьер после долгого молчания задал вопрос, которого Честер ожидал от полицейского.

– Брат, ты знаешь, почему Скотланд-Ярд упустил из виду нашу семью? – было сложно выдержать его прямой взгляд.

Неужели он до сих пор не догадался? Или просто не хотел верить… Вэйду Честер сообщил сам, а мистер Цзян дураком отнюдь не был и, похоже, сам уже все понял и до сих пор не торопился задерживать Честера. Однако признание все равно далось нелегко.

Часть 87

Лань снова превратился в Ланя… по поводу чего Чейз испытывал двойственные чувства. Не стоило расслабляться. Пусть видеть его таким было привычнее, это значило, что фабрикант преподнесет очередной сюрприз. И все же за неполный час Чейз узнал о нем не меньше, чем за весь прошлый месяц. Детектив и предположить не мог: судьба Хавьера так тесно переплелась с жизнью другого человека, что это уже больше походило на клубок ядовитых змей, угрожающий всем, кто окажется в него впутан. Чейзу довелось увидеть, к чему привёл, казалось бы, крошечный укус – два малозаметных пятнышка на коже.

До сих пор с трудом верилось в то, что Лань смог выбраться, пусть и не без потерь, и главное теперь не дать бывшему любовнику снова втянуть его в этот кошмар. Для лейтенанта Мейсон был выродком, Хавьер же рассказывал об умном, интересном человеке, с изрядным обаянием. О человеке, которого он, черт подери, однажды полюбил. И не его вина, что тот оказался чудовищем. Чейз бы попробовал смириться, если бы он был кем угодно, только не Йеном Мэйсоном! Увы, совершенные ошибки уже не исправить, можно только попробовать излечить старые раны, ведь пока человек жив, они имеют свойство заживать… Оставляя после себя шрамы и память, которые не искоренить.

В какой-то момент Чейзу даже на миг показалось, что Лань выгораживает мерзавца перед братом. Неприятное чувство… При этом Хавьер даже не пытался оправдать себя, хотя Чейз никогда бы не подумал, будто он, изрядно набравшись, готов отдаться первому встречному. Напротив, упрямо подчеркивал, что сам шел на все, что предлагал Мэйсон, но разве он мог хотеть этого на самом деле? Чейз подумал о своих долгих беседах с Мелиссой, к счастью, та старалась втянуть его во все это лишь на словах. Но в итоге она добилась своего – теперь Цзян действительно хотел знать. В этой истории все еще хватало недосказанностей, пустых мест, пробелов, которые ему требовалось заполнить, так или иначе. Детективу даже приходилось напоминать себе, что они находятся не в допросной, и он не имеет права давить на рассказчиков.

Постепенно история подходила к известному Чейзу финалу. За душегубом гонялась половина лондонской полиции и это порождало настоящий бардак. Ушло немало времени, чтобы объединить все собранные материалы в одно толстое дело. Не удивительно, что кое-что случайно потерялось. И надо было иметь стальные яйца – или же быть круглым дураком – чтобы в присутствии полицейского сообщить, сколько было заплачено одному надежному человеку, поспособствовавшему исчезновению имени Хавьера из всех документов.

Признание Честера удивило не только лейтенанта. Лань вскочил, вмиг потеряв самообладание. От его порывистого движения со стола звонко слетел соусник, а с жардиньерки у входа – придремавший кот, с существованием которого в доме любовника Чейз честно старался примириться. Саймон опомнился первым, еще не успев пересечь порог, развернулся и по-пластунски на брюхе начал подкрадываться к покачивающейся на полу металлической посудинке и растекшемуся по паркету сливочному соусу.

Цзян по примеру Ланя поднялся, попробовал прикоснуться к любовнику, но тот уклонился. Он и правда был вне себя. Настолько, что не мог подобрать слов. Второй фабрикант сник, неодобрение брата тяготило его сильнее чувства вины за неблаговидный поступок. Чейз развернул Хавьера к себе, встретил невидящий взгляд и несильно ударил по щеке, возвращая хрустальным глазам осмысленность.

– Чейз, – Лань посмотрел на полицейского в полнейшей растерянности. – Этого не может быть… мой брат не мог… он бы никогда…

– Господа, если вы позволите, – впервые подал голос обычно не в меру болтливый художник. – Мне показалось, губы Честера шевелились, но я не слышал ни слова. А Вы, лейтенант?

В повисшей в столовой тишине было слышно только слаженное чавканье, с которым оставленные без присмотра животные мыли пол. Хавьер посмотрел на художника, потом перевел настороженный взгляд на Чейза.

– Аналогично, – буркнул он, хотя и не хотел поддакивать Инну.

Потом пришлось прикрикнуть на Ангела, который принялся гонять соусник по полу, пытаясь вылизать из него остатки нечаянного лакомства. Кот немедленно сунул в освободившуюся посудину круглую как тарелка морду и зашуршал о стенки шершавым языком.

– Все ужасно взбудоражены. Почему бы нам на время не прерваться? К тому же я тоже хочу принести пользу расследованию, – продолжал Вэйд примирительно, и Чейз угадал намеренье увести его из столовой.

Но Хавьер, хоть и пришел немного в себя, еще держал его за рукав. Даже когда Чейз заставил его опуститься обратно на стул, хватка ничуть не ослабла. И Вэйд хотел, чтобы он оставил Ланя сейчас? Пусть даже с близнецом, немыслимо!

– Идемте-идемте, мистер Цзян, – настаивал художник. И как только решил бросить своего ненаглядного Честера одного на растерзание? – Обещаю, я украду Вас всего на пару минут.

Хавьер постарался выглядеть так, чтобы убедить Чейза: за эти две минуты с ним ничего не случится. Впрочем, впору было беспокоиться за его близнеца. Чейз попробовал представить, что Анна… нет, лучше уж пусть ее непутевый павлин вляпается в какую-нибудь гипотетическую историю. Чейз бы не задумываясь воспользовался служебным положением, чтобы его выгородить, но ни за что не поставил бы никого из близких в известность. Как раз таки, чтобы избежать вот таких серьезных разговоров за закрытыми дверьми, какой сейчас ждал фабрикантов. Как будто и так не понятно: иначе и быть не могло!

– Ну, – спросил он сварливо, поняв, что Вэйд, бодро постукивая тростью, направляется к себе на веранду. – И о чем Вы хотели поговорить с глазу на глаз?

– Уж точно не о том, как продвигается работа над Адамом и Евой, – в тон ему ответил Вэйд. – На прошлой неделе я примерил на себя роль полицейского художника и нарисовал интересующую Вас личность. Полагаю, инспектор Сэйлфорд так просто не расстанется с моим рисунком, но у меня есть второй.

Чейз издал неопределенный звук, предлагая договаривать, раз уж начал. Художник же выудил альбом и принялся прямо на весу препарировать его. Трость он при этом зажал подмышкой.

– Хавьеру я по понятным причинам его не показывал, но Честер говорит, получилось похоже, – поделился он и протянул Чейзу лист плотной бумаги, с которого смотрело самое мерзопакостное насекомое из всех, которых ему доводилось видеть.

Детектив с трудом подавил желание скомкать лист. Вместо этого он сложил рожу Йена Мэйсона вчетверо и вложил под обложку своего блокнота для сохранности. Самые приметные черты были схвачены с удивительной четкостью, которой бы не каждый фотограф добился.

– Прежде чем Вы спросите: мне пришлось потренироваться, – Вэйд развел руками. – Так что уж не потеряйте…

Цзян кивнул, показывая, что серьезно отнесется к своей работе. Художник смотрел на него, как будто ожидая чего-то еще. И едва ли вознаграждения за свои труды. Пожалуй, он был прав – был кое-какой личный интерес…

– Скажите, мистер Инн, – он даже не стал называть его настоящим именем, чтобы не потерять его расположение сейчас. – Может быть, Вам случалось рисовать кого-то более приятной наружности?

– Я, кажется, улавливаю намек, – художник беззаботно рассмеялся, прекрасно зная, что от этого Чейзу захочется хорошенько его стукнуть. – Посмотрим, что тут можно сделать… Не уверен, что у меня найдется именно оплечный портрет…

Инспектор мог поклясться, что это было сказано только для того, чтобы посмотреть, как он изменится в лице. Цзян скривился, поняв, какое удовольствие только что доставил этому пакостнику. Да он форменным образом отыгрывался за то, что лейтенант видел работу, которая изначально не предназначалась для посторонних, да еще и неоконченной.

– Я ждал, что Вы давным-давно спросите об этом, – признался Вэйд, поискав блокнот с твердой обложкой, который почему-то оказался в заполонивших его жилище кустах. Чейз постарался не удивляться. – Особенно после того, как Хавьер заполучил Ваш портрет.

От этого до сих пор было не по себе… А проклятущий худедожник тем временем принялся по одному переворачивать листы, внимательно разглядывая собственные рисунки, словно в первый раз их видел, и растравляя тем самым любопытство полицейского. Под таким углом ничего не было видно, но он не двигался с месте, не желая показывать заинтересованность. Наиграется и отдаст, что он там приготовил, никуда не денется.

На рисунке, который Инн наконец подал детективу, был изображен джентльмен в безупречном светлом костюме, невыразимо томящийся от скуки. Он будто светился среди разношерстной беснующейся толпы, частью которой брезговал сделаться. В серых глазах застыл немой вопрос, обращенный не то к зрителю, не то к самому себе.

Но чем больше Чейз смотрел, тем сильнее ощущал, что чего-то не хватает… Художник поймал образ очень детально и четко, но не было в нем какой-то искры, и это делало Хавьера на портрете незнакомым и отстраненным, холодным, как прозрачное стекло или первый лёд на Темзе.

– Я нарисовал его в тот самый день, – сказал Вэйд уклончиво. – За несколько минут до вашей встречи.

Что вообще художник мог знать о задержании? Чейз потер переносицу. Он даже не извинился толком перед Ланем за то, что завалил его лицом в грязь в том переулке… Попадись тогда Чейзу не он, а этот худедожник, ох и отвел бы душу… Впрочем, Цзян и сейчас для острастки зачитал паршивцу права, чтобы не совал любопытный нос в их с Ланем дела. Он-то что делал на этих боях?

– Как думаете, буря уже миновала? – обратился к нему Вэйд, отвлекая от опасной мысли.

По зрелому размышлению мужчины дали Ланям еще немного времени. Но не было ничего хорошего в том, что художник признал инспектора знатоком в области выяснения отношений с непутевыми братьями. Когда они вернулись в столовую, близнецы прилагали огромные усилия к тому, чтобы выглядеть, как ни в чем не бывало, но чувствовалось, что между ними произошло что-то не слишком приятное.

Вэйд кинулся было к своему Ланю, но застыл на месте. Пока они с Ангелом позировали для его картины, пес успел смекнуть, что у художника всегда припасено что-то вкусненькое и теперь, когда горничная протерла пол, решил – как в тот раз, на веранде – проверить, не обломится ли ему еще чего от живописца. Цзян уже успел пожалеть, что приучил его к этому…

Инн обмер, когда Ангел подбежал и поднялся на задние лапы. Передними он уперся куда-то в живот нетвердо стоящего на ногах мужчины и этого хватило, чтобы почти свалить его с ног. Честер вскочил, готовый спасать художника от посягательств терьера.

– Ангел, – рявкнул детектив, но пес его не так понял и только повернул морду, не подумав прекратить досаждать художнику. Тогда Чейз еще больше повысил голос: – Лежать!

Цзян не смог бы объяснить, почему выбрал именно эту команду. Возможно, потому что в таком положении эрдельтерьер выглядел безобидно и игриво, почти как щенок, не такой уж и большой с высоты человеческого роста. Как бы то ни было, Ангел немедленно улегся на пол у ног художника, повилял хвостом, а когда подоспел Честер, даже перевернулся, показывая живот. С Хавьером этот трюк бы сработал, но его младший брат и внимания не обратил. Он попытался увести художника, но тот неожиданно уперся.

– П-подожди, – запинаясь и крепко зажмурившись, пробормотал Инн. – Он еще здесь?

– Мгм, – подтвердил Честер.

– Чейз, ты не хочешь отозвать Ангела? – спросил Лань, но детектив знаком показал ему повременить с этим.

Терьер приподнял морду, глядя на людей, которые почему-то не торопились почесать его. Перелег, отставив лапу и коснувшись штанины задрожавшего художника. Потом повел ухом: «Надо же, какие непонятливые у хозяина друзья, как бы еще намекнуть?» Наконец, Вэйд решился открыть глаза, чтобы убедиться, что его до сих пор не начали есть. Чейз подошел и сел на корточки рядом с псом, положил руку ему на морду, почесывая. Ангел от восторга прихватил его ладонь зубами, совсем легонько.

Теперь, когда пасть пса была занята, Инн посмотрел на него смелее. Чейз решил, что с него хватит: эта блажь порядком раздражает и мешает. Если он вынужден мириться с бесполезным котом, то художнику придется свыкнуться с Ангелом.

– Свой, – сказал Чейз, хотя пес и так признавал всех присутствующих. Потом требовательно глянул на Вэйда снизу вверх. – Ну, чего ждете?

Недавно он бледнел от того, что Ангел увивался у стола, подбирая разлитый соус, а сейчас, похоже, все-таки собрал яйца в кулак. Неужто тоже понимал, что пора покончить с этим? И покончить раз и навсегда. Неодобрительный и встревоженный взгляд Честера Цзян попросту проигнорировал: и так понятно – не доверяет. Да и с чего бы? Однако его драгоценный художник кое-как, опираясь обеими руками на палку, присел. Ангел перестал жевать рукав хозяина и облизнулся, отчего Вэйд растерял всю оставшуюся решимость.

– Да потреплите, наконец, чертова пса, никто Вам руку не откусит, – Чейз не стал напоминать, что можно здорово подорвать самоуважение, если сбежать сейчас.

– У Вас слишком плотоядное выражение лица, – промямлил Инн, но трость выпустил. Рука у него при этом заметно дрожала.

Он снова зажмурился и едва не повалился на задницу, когда Чейз стиснул его запястье. Несмотря на то, что Честер, должно быть, едва сдерживался, чтобы не двинуть обидчику его художника, детектив насильно прижал чужую ладонь к плотной курчавящейся шерсти Ангела, который уже чуть ли не повизгивал от всеобщего внимания.

– У Саймона шерсть мягче, – обвиняющим тоном отметил Вэйд и посмотрел так, будто Чейз его обманул.

Часть 88

Честер не мог позволить, чтобы кто-то так обходился с Вэйдом. Это было самым настоящим насилием! Если художник боится собак, нельзя просто брать и вот так измываться над ним, да еще и принуждать к тому, чего он не хочет.

– Что Вы себе позволяете? – фабрикант с силой схватил полицейского за плечо. И перед этим человеком он извинялся за свою несдержанность?!

Его поведение заставляло беспокоиться не только за Вэйда, но и за старшего брата. Неужели и с ним Чейз обходится подобным образом? Хавьер заслуживал совсем другого. Впрочем, как раз между ним и полицейским что-то изменилось. И брат стал совсем другим по сравнению с сегодняшним утром…

– Честер, – художник посмотрел на него и вымучил улыбку, слабую и какую-то кособокую. – Забавно, я не помню, чтобы хоть раз делал это, а теперь, посмотри, я ведь взаправду глажу пса.

Чейз уже не держал его, но и не спешил отмахиваться от Честера, давая ему время сориентироваться в меняющейся обстановке и понять, что затевать драку со стражем порядка не стоит. Раздался целенаправленный топоток и валетом с Ангелом повалился, как батончик, Саймон. Зрелище было просто уморительное – всю злость как рукой сняло.

– Вы поглядите на него, лейтенант, – улыбка Вэйда стала шире и задорнее. – Как это: чешут и не его?

Цзян поднялся на ноги, отряхивая ладони, как после утомительной, но нужной работы, скажем, в саду и демонстративно отошел к Хавьеру. Художник снова занервничал, потому что теперь терьера никто не контролировал, но тот разве что лапами в воздухе засучил от удовольствия. И это – служебная собака? Честер не переставал удивляться. Чем больше времени Ангел проводил у них в гостях, тем сложнее было вообразить, чтобы он кого-нибудь покусал.

– Все еще хотите, чтобы я отозвал Ангела? – спросил тем временем мистер Цзян. Брат в ответ хмыкнул и это походило на сдержанный смешок. – Или может, чтобы они закрепили пару команд? Подавать голос, например?

– Увольте, – Вэйд для сравнения пощекотал кошачий животик и посторонился, когда Ангел перевернулся, услышав слова Чейза. – Я не сказал, что совсем перестал опасаться Вашего милого чудовища. К тому же они с Саймоном уже получили лакомство. И вообще, хватит прохлаждаться! Не знаю, у кого как, а у меня две картины и работы с ними непочатый край.

– Поверить не могу, Лань, этот человек уже выпроваживает Вас с братом из вашего же дома! – возмутился лейтенант, откидывая с лица мешающую челку. Интересно, он вообще догадывался, что найти цирюльника в Лондоне намного проще, чем разыскать убийцу?

– А тебя – нет? – не преминул уточнить старший брат.

Честер смотрел прямо на него, так что готов был биться об заклад – улыбается тот от души. Ни следа утренней затравленности, когда Хавьер примчался домой так, будто за ним гнались собаки.

– Я здесь по долгу службы, – напомнил мужчина и Честеру показалось, что он хочет остаться и дождаться возвращения Хавьера.

Кто-кто, а уж старший брат бы от этого точно не отказался. Впрочем, едва ли полицейский мог позволить себе такую роскошь. Даже если очень бы захотел. Вэйд был прав, его ожидала работа, а еще…

– После того, что я здесь услышал, мне хочется по душам поговорить с этим интриганом Сэйлфордом, – добавил Цзян, тоже уловивший огонек надежды в глазах любовника. – Так что не буду злоупотреблять гостеприимством, тем более в отсутствие хозяев.

– В отсутствие? – повторил за ним Честер неожиданно для себя самого. Собеседник слегка скривил губы. – На самом деле, мистер Цзян, я собираюсь остаться дома.

Он знал, что это отвадит мужчину, хотя бы на время. Ясно было, что Чейз постарается избегать его, чтобы опять не начать ссору, и ни за что не останется до ужина. Это отнюдь не значило, что он не появится снова уже к вечеру. Оставалось надеяться, что тогда он все же не станет приводить Ангела. Хватит потрясений для одного дня.

Вэйд все еще был бледен, но при его словах заметно приободрился. Для него это значило, что можно провести лишние несколько часов с натурщиком или, по крайней мере, не заниматься нудным вырисовыванием коры в одиночестве. Казалось, он и думать забыл о терьере, затеявшем догонялки с Саймоном. После второго круга по комнате кот выдохся и плюхнулся на бочок, протянув лапки и не реагируя на то, что Ангел настойчиво подталкивает его носом.

Впрочем, он немедленно перестал хулиганить, стоило хозяину похлопать по бедру. Терьер потрусил за ним, норовя ткнуться носом в руку. Удалось только в холле, когда Чейз остановился и обвел взглядом стены так, будто видел картины в первый раз или их развесили здесь за то время, пока они все обедали.

– Чейз, поедем вместе, – предложил Хавьер, но без вопросительной интонации.

Тот застыл, глядя на хмурую Темзу, запечатленную с одного из мостов, темную ледяную воду, взбудораженную не по-весеннему стылым ветром, облака, готовые пролиться дождем с минуты на минуту. Не отрывая взгляда от тревожного пейзажа, Чейз заторможенно кивнул, потом встрепенулся:

– Проклятье, Лань! – накинулся он на Хавьера, который выглядел удовлетворенным, как всегда, когда добивался желаемого. – Вы – чертов манипулятор!
***
Пожав руку художнику и сердечно попрощавшись с братом, которому все утро пришлось работать за двоих, Хавьер поманил терьера, угощения у него не было, но пес был не прочь побыть хорошим мальчиком даже за то, что его просто почешут за ухо. Если он заберется в коляску, тогда и любящему хозяину придется последовать за ними.

– Ты уже согласился, Чейз, – напомнил он чуть позже, приглашающе положив руку на сиденье рядом с собой, когда полицейский и не подумал присоединиться к нему. – Не оставишь же ты Ангела со мной?

Чейз нахмурился и скрестил руки на груди, однако когда Лань протянул ему руку, принял-таки приглашение. На публике они не могли позволить себе большего, но Хавьеру нравилось это чувство. У Чейза было крепкое рукопожатие, надежное. Он неохотно

выпустил чужую ладонь, мимолетно погладил на прощание.

– Вы знаете, что есть статья, предусматривающая наказание за шантаж? – спросил Чейз все еще недовольно, и это напомнило Хавьеру сон, слишком яркий, чтобы забыться с наступлением нового дня. И тут же – к чему этот сон привёл.

– Возможно, мне стоило пригласить тебя на чью-нибудь персональную выставку, а не в оперу? – он сделал паузу, но реакции от детектива не последовало. – В следующий раз так и поступлю.

Чейз выругался и, явно вспомнив о чем-то, спрыгнул на землю, чтобы быстрым шагом вернуться в дом. Все-таки надо было последовать за ним, но Хавьер не решился, потому что понял, что Цзян вспомнил о своем обещании. Шел он уверенно, не допуская и мысли о том, что ему не позволят войти в кабинет и перерыть там один из ящиков.

Прошло каких-то несколько минут, даже Ангел не успел заскучать по хозяину, а вот Хавьер занервничал: что, если полицейский пригрозил Честеру ордером на обыск или чем похуже? Как бы то ни было, он вышел не с пустыми руками. Плотная бумага не давала разобрать очертания предметов внутри объемистого пакета, того самого, в котором недавно лежал хлыст, но Хавьер и так знал их наперечет.

Чейз сел, поставив пакет под ноги. Верх был заложен и перетянут бечевой, очень предусмотрительно. Должно быть, он просто сказал, что оставил в кабинете вещественные доказательства и что Хавьер, разумеется, в курсе. Только охранник провожал его очень подозрительным взглядом, но не вмешивался, помня о четких инструкциях, полученных еще в первый день.

– Я, правда, не думал, что картина может так тебя захватить, – желая загладить несправедливость, Хавьер положил руку на колено любовника. Поверх немедленно улеглась щекотная морда Ангела.

– Дело не в картине, – сказал вдруг Чейз вместо того, чтобы послать его куда подальше. – А в той точке, откуда смотрел худеожник.

Лань весело фыркнул и поцеловал не успевшего уклониться лейтенанта в уголок губ. Кажется, это словечко было специально отведено для Вэйда. А этого удостаивался, похоже, отнюдь не каждый… Чейз покривился, но не похоже, что от упоминания мистера Инна. Да и не было для этого причин.

– На том самом месте я встретил одну особу, – проговорил Чейз и тут же уточнил: – Она проходит чем-то вроде свидетельницы… или консультанта. Порой эта пигалица говорит откровенно отвратительные вещи этим своим сладеньким голоском.

– И это тоже по долгу службы? – не удержался от шпильки Хавьер. – Как сегодня?

Чейз медленно повернулся к нему, потеснив Ангела. В животе что-то защекоталось от этого взгляда – темного, с чертовщинкой. Хорошо, что Хавьер сидел, потому что иначе у него бы, чего доброго, подогнулись колени. Хотелось еще поддразнить Чейза, например, уточнить, во все ли дела он вникает так глубоко или сделал для него исключение.

– Опять Вы за свое? – мужчина прижал его к спинке, ничуть не заботясь о том, что легкая боль, обжегшая спину, еще больше усугубит его возбуждение. А, может, этого он и добивался? Однако хватка тут же ослабла, и взгляд стал другим. – Когда я Вас узнаю, Лань, ебать Вас через колено…

Последнее относилось к тому, что Хавьер аккуратно переместил его ладонь на свой пах. Сейчас ему хотелось, чтобы Чейз знал, как действует на него, с самой первой встречи. Воспоминания о том, как долго пришлось дышать свежим воздухом, чтобы не попасться никому в доме Цзян в таком неподобающем виде, ничуть не остудили. Чейз убрал руку, но по лицу было видно, что реакция ему по душе.

– Не здесь, – будто бы с нотками сожаления сказал Цзян, если не послышалось. – И не в опере, Лань.

Это важное уточнение развеселило Хавьера. Он примет условие, потому что Чейз будет должен ему уже за два раза, а это значит как минимум целую ночь и кофе со сливками. «Интересно, – промелькнула в голове мысль. – Что, если сказать об этом прямо сейчас, начнёт ли Чейз возражать? Разозлится или…?»

Впрочем, Чейз не в том возрасте, чтобы торговаться. Что до самого Ланя, он справедливо полагал, что пытаться остепениться уже глупо и поздно. Обычно это происходит с мужчинами после рождения первенца, а Майкл уже вырос.

– Жаль, до твоего участка не так уж и далеко ехать, – проговорил Лань вместо этого, не надеясь, что Цзян поймет.

Тот откинул челку, чтобы лучше видеть его. Как будто бы Чейз мог по глазам проследить ход мыслей, которые привели к этому заключению. Хотя, если бы мог, получилось бы до смешного просто. С Чейзом было уютно. Тот мог ершиться и рычать, но Ланю все равно было хорошо от того, что он рядом. Желание понемногу схлынуло, осталось только приятное тепло.

– Если мы не можем здесь целоваться, – сказал он, нарочно не понижая голос. – Тогда как насчет того, чтобы взяться за руки?

– Зачем это? – проворчал тот, но противиться не стал. – Можно подумать, Вам нужно разрешение.

Фабрикант почувствовал себя на седьмом небе. Ему нравился этот контраст. Ладонь любовника была горячей. Интересно, как сам Чейз относился к тому, что теперь об него грелся Хавьер? Захотелось придвинуться, почувствовать тепло плечом, но не все сразу. Не так уж и близко до полицейского участка.

Терпение его было вознаграждено. Чейз погрузился в какие-то мысли, навеянные покачиванием хорошо подрессоренной коляски, и машинально начал поглаживать его руку. Легкие прикосновения, немного щекотные, когда Чейз… пытался, кажется, нащупать его линию жизни. Ехать бы так и ехать и чтобы ночь, а за ней рассвет, как тогда…

Слова вертелись на языке, но так и оставались невысказанными – слишком страшно было спугнуть момент. Он пройдет безвозвратно и окажется, что за окном мелькают оживленные улицы Лондона, над которыми ветер гонит облака, и они с Чейзом должны будут очень скоро расстаться. И все же, прежде чем каждый отправится по своим делам…

– Четыре дня, Лань, – сказал Чейз, когда они остановились, и Ангел первым спустился на брусчатку. – Обещайте, что будете хорошим фабрикантом и ни во что не встрянете.

Хавьер кивнул, но Цзян добился от него четкого ответа. Прежде чем коляска тронулась, Лань успел услышать, как Чейз честит кого-то нехуйным козлососом и говорит что-то еще о вещественных доказательствах. Единственное, что доказывали эти вещи, так это то, что он испытал действие каждой из них на себе: по собственному желанию, как он тогда думал. Лишь по прошествии времени он начинал понимать, что многое из этого, если не все, было навязано Йеном. Только сделать уже ничего нельзя.

– Не в опере, – повторил он и мечтательно улыбнулся. – Теперь я знаю, что ты придешь, Чейз.

Часть 89

Едва Хавьер и Чейз ушли, Вэйд ухватил Честера под руку и, нарочито прихрамывая перед охранником, настойчиво потащил к себе на веранду. По тому, как он суетился, задергивая шторы и поправляя растения, было понятно: художнику не терпится приступить к работе. Обычно Честер помогал ему выставить мольберт на нужное место и принести картину, которая медленно, но верно приближалась к завершению, однако сейчас медлил.

– Я свет поставлю, – решил Вэйд, пока что не замечая, как изменился их обычный ритуал. – А ты раздевайся…

Честер обожал то, каким не то рассеянным, не то наоборот, сосредоточенным, становился Вэйд за работой. И когда он бережно развязывал узел на запястье, а потом накидывал перепачканный красками всех цветов халат, чтобы спасти остальную одежду. И это небрежное движение, которым он закладывал за ухо карандаш или запасную кисть.

– Ты тоже, – сказал Честер, хотя жалко было разочаровывать его в такой момент.

Художник озадаченно посмотрел на него, как будто до него не вполне дошел смысл сказанного. Зачем им обоим быть голыми, если для рисования достаточно обнажиться только одному? По крайней мере, пока они не работают над портретом и автопортретом вроде того, который Вэйд подарил ему на первом свидании, – Хавьер тогда точно подобрал определение.

Не сводя с художника глаз, Честер расстегнул и повесил на спинку кресла пиджак. Он не спешил отвечать, да в этом обычно и не было надобности, они и так понимали друг друга. Вэйд почувствует, каких усилий ему стоит оставаться спокойным и сдержанным. Особенно теперь, когда они остались наедине.

Вдох и затем выдох. Он продолжал методично снимать с себя одежду и Вэйд как будто бы исподволь потеребил шелковый платок, обвивающий запястье. Слишком медленно, путаясь в собственных пальцах, он развязал узел и попытался справиться с аккуратными витками ткани.

– Я помогу, – Честер шагнул к нему.

С легкостью высвободив его руку, Лань пропустил ткань сквозь кулак, собирая урожай крупных бусин разных форм, чтобы отправить в карман. Если бы Вэйд знал, какие мысли посещали его при взгляде на это украшение, он бы, наверное, перестал носить его. Иногда Честер даже воображал, как связывает его запястья вместе и поднимает высоко над головой, а потом затыкает его рот поцелуем, и даже от смутного образа в голове сердце пускалось вскачь. Он не знал, как объяснить свое желание не просто снова и снова чувствовать обладание, а испытать его как можно полнее и глубже.

Он не решался воплотить фантазию в жизнь, опасаясь случайно ранить Вэйда, но стремление на физическом уровне ощутить свою власть и готовность любовника отдаться не утихало. И, кажется, сейчас Честер нашел приемлемое русло, в которое мог бы его направить. Он обошел художника и завязал ему глаза, достаточно туго, чтобы ткань хорошо прилегала к лицу и не давала подглядывать, но не настолько, чтобы было больно.

– Что ты делаешь? Ты такой красивый, что мне будет мало одной жизни, чтобы наглядеться! – Вэйд завертел головой, убеждаясь, что сквозь шелк не рассмотреть, смутил ли его такой комплимент, и принялся канючить. – Честер, ну я же правда хочу тебя видеть!

Лань мягко отвел руки художника от его лица, не позволяя сдвинуть повязку. Если сейчас увидит, что смог вогнать его в краску, потом будет повторять это снова и снова, добиваясь того же эффекта.

– Ты будешь меня чувствовать, – заверил он и в подтверждение своих слов крепко обнял.

– Если бы я только знал, что среди всех людей и лиц захочу смотреть только на тебя, то не поехал бы ни в какую Индию, а еще до своего восемнадцатилетия примчался бы сюда, – распалился художник, прижавшись и сомкнув руки за спиной Ланя. – Вот бы ты удивился!

– А ты пропустил бы такую интересную жизнь, – Честер погладил его еще раз, прежде чем отстранить от себя, и взял за руку.

– И не подумал бы, – заявил художник с вызовом. – И тебе бы показал, сколько интересного может быть в жизни.

Немного потерявшись в пространстве, Вэйд позволил Честеру осторожно довести его до кушетки. Если в этот раз получится так, как хочется, обивку все-таки придется поменять. Похоже, в этот раз Вэйд не собирался сбегать. Ему… было любопытно. Честер специально заглянул художнику в лицо, чтобы понять, не перегибает ли палку. Успокоенный своим открытием, фабрикант расстегнул рукав его рубашки, со вторым Инн уже справился сам, а теперь притворялся беспомощным, как большая живая кукла, которую можно медленно со вкусом раздевать, а потом расположить как заблагорассудится.

Желание немедленно ударило в голову. Это было… слишком. Честер думал, что сможет сдержаться, но если речь шла о Вэйде, самообладание его покидало. Особенно теперь, когда он удостоверился, что близость не обязательно должна приносить боль. Поначалу фабриканта даже посещала мысль убедиться в этом лично, на собственном опыте, но пока он только наблюдал за художником и мог сказать: ему определенно приятно. Более того, прямо сейчас, когда Честер еще только потянул с его бедер штаны, на лице мужчины отразилось предвкушение. Такое сложно было сыграть, как и подделать реакцию тела.

– Ты решил устроить путешествие по всему дому? – спросил он, соблазнительно откинувшись на подушку. – Тогда я хочу посетить библиотеку и столовую. Не находишь, что будет очень романтично устроиться на ковре у камина?

Честер укусил его в шею, выудив такой стон, что все внутри отозвалось. Как он не понимал, что Честер хочет его всего? И везде. Не только в упомянутых комнатах, но и в саду, у той самой яблони, глубокой ночью, когда приличным людям полагается крепко спать в своих, а никак не чужих кроватях. Он не решился бы сказать о таком вслух и, чтобы не продолжать этот разговор, подхватил художника под колено, недвусмысленно намекая на то, что они будут делать прямо сейчас.

Антураж казался важным в фантазиях, необычный фон придавал им пикантности и яркости, но когда доходило до дела, Честер забывал обо всем на свете, кроме Вэйда, открывающегося ему, извивающегося в его руках, подставляющегося под прикосновения, как сейчас. Страсть делала его особенно искренним, а вспыхивала она мгновенно, с первых же настойчивых прикосновений.

– Честер, легче, молю, – жарко выдохнул Инн, мотая головой из стороны в сторону, стоило накрыть его плоть ладонью. Он зашипел, как от боли, и слепо потянулся к нему. – Я уже весь горю… Если ты продолжишь, все закончится, даже не начавшись…

Слушая сбивчивые мольбы, Честер успокаивающе погладил его по бедру свободной рукой, придержал, не давая спустить ногу с

его плеча. Грудь Вэйда часто вздымалась, соски манили поиграть с ними и проверить, станет ли художник, лишенный на время зрения, острее реагировать на такие ласки.

– Хочешь сделать передышку? – спросил он, по-прежнему размеренно лаская член Вэйда. Тот вместо ответа попытался отползти от чересчур сильного удовольствия, пришлось даже подтянуть его обратно. – Хочешь, чтобы я остановился?

– Да, – он вскинулся, а потом снова замотал головой, когда Честер выпустил его член. – Нет, Честер, просто медленнее, пожалей меня!

Вэйд задрожал, когда фабрикант провел по его возбужденному члену кончиком пальца и сразу за этим ущипнул за соблазнительно торчащий сосок, в то же время потираясь членом между напряженными ягодицами. Хотелось скорее оказаться внутри, чтобы избавиться от невыносимого напряжения, а потом долго и обстоятельно ласкать Вэйда, доводя до исступления. Слушать его сбивчивые просьбы, стоны и рваные вздохи. Не останавливаться, даже когда он уже не сможет сдерживаться… особенно когда он кончит. Продолжать, несмотря на сопротивление, потому что к тому времени Честер уже будет готов к новой любовной схватке.

– Так сильно!.. – Вэйд почти захныкал, пытаясь его разжалобить, но получилось похоже на предложение, и весьма откровенное. – Мне не выдержать, когда ты так меня трогаешь, я хочу тебя всего!

Еще недавно Честер бы поверил и остановился, однако ему довелось убедиться: мужчина достаточно вынослив. Он мог подолгу держать темп, как во время верховой езды, и удивительно – так, что Лань даже ревновал, – чувствовал партнера, не давая слишком быстро прийти к завершению. Когда оставалось совсем чуть-чуть, он невыносимо замедлялся, но не останавливался, а продолжал подниматься, а потом снова принимать в себя член до самого конца. Казалось, он старался прочувствовать все его движение внутри себя от начала и до конца, экспериментировал, то выпрямляясь, то почти укладываясь на Ланя.

Это было без преувеличения восхитительно, но сегодня Честер не был настроен наблюдать за тем, как накатывают на берег волны. Через близость он мог дать выход буре, которая бушевала глубоко внутри и настойчиво требовала свое. Как река – кажется, будто ничто не предвещает наводнение, но где-то поднимающаяся вода уже без единого звука проникает в подвалы через свои тайные, невидимые глазу лазейки в земле и фундаменте.

– Он же сейчас… – Вэйд напрасно паниковал и хватался за его плечи, силясь остановить. – Ты сейчас войдешь!

Честер и сам чувствовал, что мышцы слегка поддались от более резкого движения бедер, но не настолько, чтобы пропустить его внутрь. Ощущение ему понравилось, поэтому он повторил, чтобы партнер тоже мог убедиться, а потом еще и еще, мечтая о том, чтобы наполнить Вэйда.

– Ты слишком узкий, – поддразнил Лань, но прозвучало совсем не похоже на упрек. – У меня не получается войти, как ни стараюсь. Чувствуешь?

– Еще бы я не почувствовал! Мне уже кажется, будто ты берешь меня, что будет, если ты войдешь, а я не смогу расслабиться в таком положении? – он снова попытался опустить ногу, но Честер опять не поддался. – Может быть, нам чего-то не хватает? У меня тут припрятана одна баночка…

– Мгм, я знаю, – подтвердил Честер и вложил в ладонь Вэйду означенный предмет.

– Проверим, как скользит? – с готовностью спросил художник, ловко снимая крышечку. Оказалось, повязка на глазах не помеха для чутких рук.

Субстанция оказалась густоватой, когда Честер обмакнул туда пальцы и, вопреки ожиданиям Вэйда, снова занялся его членом. Согревшись от их тепла, масса превратилась скорее в жидкость. Запахло хоть и слабенько, но незнакомо и очень приятно. И судя по тому, что живописец лишился дара речи, не ему одному понравилось, как скользит. Быстрый четкий темп заставлял Инна подавать бедра вверх и ерзать на чересчур узком для любовных утех ложе. Волосы его мигом пришли в полнейший беспорядок, с приоткрытых губ срывалось частое дыхание. Честер задержал на них взгляд, но уже знал, что захочет прикоснуться.

– Не… не там… – выпалил Вэйд, стискивая баночку в кулаке и простонал его имя.

– А где? – немедленно уточнил Честер, прикидывая, удобно ли будет целоваться в таком положении?

Впрочем, какая разница? В следующий момент Инн замычал ему в губы, потому что Честер протолкнул не только язык в его рот, но и скользкие пальцы внутрь его тела. Причем сразу два и глубоко, чтобы показать свое нетерпение. Почувствовал руку в волосах, притягивающую, а не отталкивающую, даже когда он постарался отвоевать больше пространства у восхитительно напряженных мышц.

Отодвинулся Лань, только поняв, что Вэйд забывает дышать, а может, вовсе не может вдохнуть. Не давая опомниться, Честер снова приставил член к кольцу мышц, теперь гостеприимно приоткрытому. Ему бы только войти. Художник захлебнулся воздухом и снова схватился за него.

– Не так! – выпалил он, но в голосе слышался испуг, а не боль. – Мы не можем совсем без…

Однако Честер не слышал его. Он наконец отпустил себя, даже не успев вторгнуться так глубоко, как ему хотелось. Стоило только ощутить этот жар и стискивающую со всех сторон гладкую податливую плоть, и стало так хорошо, что даже немного больно.

– Беру свои слова назад, – прошептал художник, удобно обнимая все еще немного оглушенного Честера ногами за талию. – Теперь во мне даже слишком мокро. Нет-нет, не двигайся, мы же не хотим, чтобы что-нибудь пролилось, правда?

Честер залюбовался. Вэйд расслабленно откинулся назад, продолжая слегка сжимать его талию ногами. Заполненный и с все еще стоящим членом, прижимающимся к животу, с искусанными губами и этой повязкой на глазах, он выглядел в крайней степени распутно и так желанно, что нельзя было отвести глаз.

Часть 90

Все закончилось даже слишком быстро. Художник думал: вот сейчас они переведут дух и поменяются местами, чтобы было удобнее снять напряжение. Можно будет целоваться до умопомрачения, направляя руки любимого, чтобы в конце концов выплеснуть на них скопившееся напряжение и немного семени. Честер только что ласкал его так сильно, что голова кружилась. Он покажет, что можно делать то же самое медленнее и осторожнее и это принесет не меньше приятных ощущений.

– Так хорошо, – признался Вэйд и потянулся к повязке на глазах. – А я-то, дурак, испугался…

В следующий момент Вэйд изогнул бровь под платком, потому что Честер снова не позволил снять его. Лань смотрел на него, это Инн чувствовал, но заметил ли это движение? Или стоило все-таки сказать? Впрочем, слова быстро вылетели из головы, причем все. Честер действительно изменил их позу, только подавшись вперед и подмяв его под себя. Член его по-прежнему оставался внутри и, кажется, проник чуть глубже. Вэйд невольно ахнул.

– Ты такой напористый… – он был приятно удивлен. Похоже, рано было расстраиваться, что все так быстро закончилось.

Теплое дыхание коснулось груди. Вэйд не знал, от чего закричал: от сильного укуса, который наверняка оставит яркий след вокруг соска, или же от того, что Честер снова сжал в ладони его член. Вернее от того, как он это сделал. Вэйд до сих пор не привык к роли ведомого, и уж точно к тому, чтобы его подвергали запредельным ощущениям, когда от удовольствия хочется вопить или даже плакать. Тело отказывалось повиноваться, он дрожал в руках Честера, но все равно позволял ему все, потому что ни с кем ему не было так невероятно, головокружительно, сладостно.

Им обоим было плевать, что это – игра из тех, что нравятся Хавьеру. Вэйд сходил с ума от удовольствия, умоляя не то продолжать, не то остановиться, хотя точно знал: Честер ни за что не перестанет мучить его. Кожа горела, в горле пересохло, он плавился, а перед зажмуренными глазами расцветали многоцветные узоры и кляксы. Казалось, эта темнота многократно усиливает тактильные ощущения. Легкая боль, когда Лань втягивал его кожу в рот или прихватывал зубами, заставляла вскрикивать, а удовольствие отравой разливалось по телу до тех пор, пока не заполнило его всего и не хлынуло через край, оставив опустошенного, задыхающегося, слепо шарящего во мраке.

Честер взял его руку, поцеловал запястье, а потом качнулся назад и снова вперед, давая ощутить – все это не оставило его безучастным. Несколько обмякший член снова окреп и по-прежнему находился глубоко в его теле. Внутри было скользко от пролитых ранее соков. В этот момент Вэйд был даже рад, что ничего не видит. Хватило просто представить картину со стороны, чтобы к лицу прихлынула краска. Так горячо, мокро, влажные волосы липнут к вспотевшим телам… А внутри все пылает огнем.

Еще несколько мгновений Честер просто смотрел на него, а потом сорвался. Вэйд закричал, не зная, как еще выразить переполняющие его чувства. Его выворачивало наизнанку, повязка на глазах намокла от выступивших слез. Инн только что кончил и был так сильно растянут… Лань не преминул воспользоваться этим, чтобы окончательно лишить его рассудка, снова и снова бесцеремонно вторгаясь внутрь, не давая поднять воплями весь дом на уши.

– Ты берешь меня так, будто я виноват, – простонал Вэйд, укусив зажимающую рот руку. – Неужели представляешь кое-кого другого на моем месте?

– Нет, – возразил Честер и снова вошел до основания, заставляя Вэйда приподняться. – Только ты!

И это прозвучало так искренне, что он устыдился своих слов. Прямо сейчас Честер не только наполнял его, он был для Вэйда всем миром. Художник не сомневался, что он тоже чувствует нечто такое, потому-то и берет его, как в последний раз. Так, будто хочет заполучить без остатка и больше никогда не отдавать. К сожалению, это было невозможно. Все, что им было доступно, вместе упасть в пучину удовольствия, а после долго приходить в себя. Честер рухнул на него, а Вэйд, как оказалось, обхватил его руками и ногами так, что сам немного запутался, как они будут вставать с кушетки.

– Мы должны сделать это еще раз, – голос Честера звучал хрипло, но дыхание уже выровнялось, – называя вещи своими именами.

– Пощади, – взмолился Вэйд, если он правильно понял ход мыслей фабриканта, ему точно придет конец.

– Свидание, – поспешно уточнил Лань и на душе вдруг стало так легко и воздушно.

– Честер, – он не выдержал и счастливо захохотал. – Никогда в жизни я еще не получал приглашений вот так!
***
– Цзян, – приветствовал его Дженс, которому полагалось корпеть над бумажками или принимать посетителей.

Вот уж кого Чейз не хотел встретить, особенно держа в руках пакет, доверху набитый конфискованными орудиями пыток. На миг подкатила паника, вдруг все это порвет бумагу и окажется на мостовой? Пришлось задвинуть это чувство куда подальше и напомнить себе, что поганец у него на крючке.

– А, это ты, нехуйный козлосос… – он ухмыльнулся, когда тот почти проглотил это, провожая взглядом коляску, увозившую Ланя.

Как все-таки приятно сознавать, что в любой момент можешь начать познавательную лекцию о том, к чему приводит разглашение личной информации о сотрудниках. А если припрет – вовсе довести это до заместителя суперинтенданта. Он, в отличие от Жэнни, не станет поощрять такое. О чем Дженс – больше-то некому – думал, сообщая Ланю, где его можно найти? Подозреваемому! Вскоре после того, как тот провел ночь в камере! Карп Чейз тоже хотел бы ему припомнить…

– Тебе разве не запретили обращаться ко мне в таких выражениях? – как видно, секретарь почувствовал натяжение лески и проявил осторожность.

– Мы не в участке, а на улице перед ним, – отметил Цзян, вынужденный задержаться, чтобы Ангел обнюхал всю вверенную ему территорию. Если недавно тут побывали новые животные, дело могло несколько затянуться. – И я могу называть тебя нехуйным козлососом, а тебе ничего не мешает попытаться набить мне за это морду.

Это предложение почему-то не показалось секретарю таким уж заманчивым, и он воздержался от попыток отстоять свое честное имя в рукопашном бою. Чейз добился своего – желания интересоваться содержимым пакета у собеседника заметно поубавилось. А вот Ланем…

– Мне кажется, я узнал того человека, с которым ты сейчас приехал, – сказал Дженс, отвернувшись, но не для того, чтобы еще раз посмотреть вслед Ланю, а просто чтобы Чейз не увидел его перекошенную рожу.

«Кажется ему!» – подумал Цзян. Как будто бы можно было не узнать Ланя после того, как имел счастье хоть раз с ним пообщаться. Хавьер умел произвести впечатление на собеседника. Сколько времени прошло, но назови при Смите его фамилию, и тот достанет приличный чай из личных запасов.

– Нам было по пути, – бросил Чейз, открывая ногой дверь и пропуская вперед Ангела. – Сплетни пойдут…

Теперь он едва ли сможет разубедить хоть кого-то, что принес отнюдь не подарки, полученные от любовника. К тому же избавиться от этих вещей будет намного сложнее. Что вообще с ними делать? Запереть снова в столе? Лучше в тяжелом железном ящике. Вывезти из города и закопать где-нибудь в таком месте, чтобы точно не всплыло.

– Доброго дня, инспектор! – приветствовал его Смит, привычно не обращающий внимания на недовольный вид Чейза.

Да уж, добрее не придумаешь… Единственное, чего он хотел, так это оказаться у себя в кабинете за закрытой дверью и еще раз хорошенько подумать. Первый порыв сбросить пакет с ближайшего моста в Темзу несколько поутих. Теперь он думал, что часть этих приспособлений можно разбить, а что-то засунуть в топку, как чёртово платье чертовой Холли, а что останется…

– Хотите кофе? – продолжал домогаться его Смит.

Чейз брезгливо посмотрел на кофейник в руке сержанта… А ведь он и правда хотел угодить… Цзян перехватил пакет, ощущая что-то близкое к неловкости – сам же по сути накрутил себя, когда говорил на улице с Дженсом. Пришлось кивнуть обрадованному Смиту.

– Только руки освобожу, – предупредил он. – И знаешь что? Шепорд ведь сейчас в кабинете Жэнни?

Чейзу и раньше доводилось работать с этим человеком. Пожалуй, он был именно тем, кто нужен, чтобы разрешить ситуацию с этим пройдохой Сэйлфордом, решившим присвоить все лавры себе. Только вот – в этом чутью Ланя можно было доверять – у него кишка тонка, чтобы схватить за жабры Йена Мэйсона. Поднявшись к себе, Цзян с такой силой швырнул пакет на стол, что тот лопнул, и содержимое рассыпалось по полу. Любопытный терьер тут же полез проверять, что бы это могло быть и зачем понадобилось хозяину.

– Ебаный стыд, Ангел, – Чейз поймал любимца за ошейник и выдворил из кабинета. – Не хватало мне пса-извращенца для полного счастья.

Матерясь сквозь стиснутые зубы, Цзян выгреб на стол почти половину верхнего ящика, чтобы поскорее покончить с этим, пока никто не вошел. Места как раз хватило. Проворачивая ключ в замке, он впервые подумал о том, чтобы подольше придержать у себя имущество Йена Мэйсона. Называть это вещами Ланя не хотелось. Лучше, конечно, не глядя, выкинуть… Детектив знал, что потеряет покой, узнав назначение всех этих предметов, но когда это он дорожил собственными нервами? От одной мысли о том, что ублюдок творил с Хавьером, его начинало колотить от злости. И едва ли уже отпустит, даже когда душегуб кончит на виселице. Чейз желал ему подохнуть в муках триста тысяч раз.

Еще раз проверив, не осталось ли что-то незамеченным, Цзян достал из внутреннего кармана блокнот, чтобы предъявить заместителю суперинтенданта портрет, крайне дотошно нарисованный Вэйдом, но увидел другое изображение и на несколько секунд замер, вглядываясь в черты Хавьера. Стоило подобрать ему рамку и спрятать в стол, а не трепать, всюду таская с собой, но пока что рамки у Чейза не было.

Он достал свернутый лист из-под обложки и потер его пальцами. Много чести для такого выблядка, как Мэйсон, чтобы любимый художник сестры, да к тому же еще и знаменитый в определенных кругах, рисовал его наглую рыжую морду, да еще на такой хорошей бумаге. С этими мыслями он вышел из кабинета и едва не споткнулся об Ангела, пригорюнившегося на пороге. Терьер приветствовал его так, будто они не виделись целую неделю, а не пару минут, что он уделил уборке. А может, просто подлизывался на случай, если Чейз счел, что он провинился. Немного собачьих нежностей досталось и Смиту, должно быть, за то, что догадался приготовить свежий кофе.

– Хороший мальчик, – похвалил тот, хотя едва ли ему понравились следы лап на брюках: симметрично на левой ягодице и на правой. – Мистер Цзян, у Вас такое лицо. Случилось что-то?

– Кое-кого следует отстранить, – отозвался тот, снова подумав о Сэйлфорде. – И я прослежу, чтобы так и было.

Хотел бы Чейз, чтобы его понизили в звании, а еще лучше выгнали взашей, но уж этого он навряд ли дождется. Кроме того, было позарез необходимо узнать, что он накопал на Мэйсона. И на Ланя. Вскоре Чейз уже сидел в кабинете суперинтенданта и излагал все это ее заместителю. Не слишком стесняясь в выражениях.

– Вы уже встречались? – терпеливо спросил Шепорд.

Фамилия ему подходила по двум причинам. У него были карие глаза и волосы цвета соли с перцем, что и правда придавало ему небольшое сходство с овчаркой. Жэнни же ценила его пастушьи качества.

– Нет, – честно ответил Цзян. – И я, признаться, не горю желанием. Если у него ничего нет, нахер тратить на него время?

– Вы ведете это дело, мистер Цзян, – напомнил он.

Это был намек – и весьма неприятный – что Чейз не справляется со своими профессиональными обязанностями и не держит себя в руках. По долгу службы он почти каждый день вынужден был иметь дело с неприятными людьми. С какой стати он делает исключение в отношении этого Сэйлфорда, пусть даже тот хотел украсть у него дело? Цзян никак не мог признать, что они с Ланем и правда – любовники. Пока все просто чесали языками на эту тему, никто – кроме, разумеется, Жэнни – не воспринимал этого всерьез, все было в порядке.

– И я доведу его до конца, – уверил тот с мрачной решимостью. – Даже через труп инспектора Сэйлфорда.

Чейз понимал, что его положение было как никогда шатким. Если станет известно, что Мэйсон и Лань связаны – и как именно! – это будет уже не просто личная заинтересованность. «Инспектор Цзян преследует бывшего любовника своего ухажера – известного в Лондоне фабриканта». Вот это будет новость…

– Лучше давайте без этого, – попросил Шепорд. – Я надеюсь на Ваше благоразумие. Поговорите, как люди, которые равно выполняют свой долг. Я все улажу. Он достойно передаст Вам свою часть дела, а Вы…

Он выжидающе посмотрел на Чейза. Тот скрипнул зубами. Хотелось ответить, что набьет наглую рожу, которая допустила, чтобы ублюдок свободно разгуливал рядом с домом Ланя. Ох, как же он жалел, что не засадил сволочи пулю прямо в жопу. Едва ли

такая мелочь помешала бы потом его вздернуть.

Часть 91

Хавьеру стало понятно, почему Честер не захотел возвращаться на работу, едва он только прибыл на фабрику. Оказалось, его уже ждали деловые партнеры. Они приехали менее пяти минут назад и почти на час раньше заранее оговоренного времени, так что все было в порядке. Встреча прошла неплохо, хотя он никак не мог в полной мере сосредоточиться, когда просматривал подготовленные братом бумаги. Ужасно не деловой подход, однако своего фабрикант не упустил.

Случилось даже кое-что забавное. В какой-то момент один из мужчин прочистил горло и очень вежливо со всей осторожностью уточнил, с которым мистером Ланем имеет дело, потому что у него возникли сомнения, что утром он говорил с тем же человеком, что сейчас. Хавьер не стал морочить ему голову еще больше, но и подсказок давать не стал, хотя, конечно, нежданные гости не нарушили его планов и уж точно не были причиной для того, чтобы задерживаться на фабрике дольше обычного. И все же он пришел домой, когда семга миссис Стэнли уже распространяла соблазнительные ароматы по всему дому, и семья потихоньку собиралась вместе, чтобы сесть за стол. Не хватало, на его взгляд, только Чейза…

– Конечно, нет, – с жаром говорил Вэйд, пока не замечая Хавьера. – Но надо как следует подготовиться. Вот увидишь. Завтра вечером я заеду за тобой на фабрику, и мы прекрасно проведем время, так что ни о чем не беспокойся.

– Мгм, – подтвердил Честер, смущенный появлением зрителя. – Брат, как прошла встреча?

Было так любопытно наблюдать за его романом с художником со стороны. Похоже, Хавьер прервал их во время интереснейшего обсуждения предстоящего свидания. И если судить по загадочному выражению на лице Вэйда, то ему было на руку внезапное вмешательство. Завтра Честера ожидал приятный сюрприз, ну а Хавьеру предстояло запастись терпением до пятницы, когда он снова сможет увидеться с Чейзом.

На секунду Лань вообразил себя на месте брата. Вот он выходит на улицу и видит поджидающий кэб и Чейза, затаптывающего брошенную на землю сигарету. Они приветствуют друг друга, как близкие друзья, а уже в кэбе целуются. Хавьер чувствует вкус табака и его резкий запах, все еще окутывающий Чейза. Потом они едут ужинать. Неважно куда, может быть, даже в Поинт. Чейзу непременно понравится это место, если они посетят его еще раз вместе.

– Прекрасно, – постаравшись отвлечься от этих мыслей, Хавьер ласково улыбнулся брату, а потом пожал руку художнику. – Но ты мог меня о ней предупредить.

Честер спокойно кивнул, показывая, что принимает во внимание его замечание. Наверняка брат рассчитывал на то, что партнеры прибудут вовремя, и Хавьер успеет подготовиться к их визиту. Да он и не винил младшего брата. Все-таки дела фабрики Лань знал лучше собственных, так что это не вызвало бы у него затруднений даже спросонья посреди ночи. Стоило подумать о сне, как захотелось зевнуть, – день выдался долгим и насыщенным за два.

Дверь столовой тем временем снова открылась и в нее вкатился серый распушившийся шарик. В трех шагах от стола он замер, подняв хвост трубой, и обвел присутствующих горящими глазами, в которых читалось: «Угощайте меня по одному или все сразу, я готов!» Следом показался смеющийся Майкл.

– Я же говорил, мы не опоздаем к ужину, – сказал он Саймону. – Мистер Инн, Ваш кот – гурман!

– А ты думал, кошки разбираются в деликатесах хуже людей? – художник поманил Саймона, но тот быстро смекнул, что у хозяина пока нет для него ничего вкусного.

Сын отрицательно покачал головой, и Хавьер не отказал себе в удовольствии слегка растрепать ему волосы. Сегодня утром он так боялся за Майкла. На душе и сейчас было спокойнее, что он сейчас рядом и недовольно пытается уклониться от ласки и смущается. Наверное, он тоже помнил, как забирался к отцу на колени, и они вместе читали книжку с картинками. Тогда Хавьеру тоже случалось испытывать страх вкупе с желанием защитить своего единственного ребенка. А теперь он видел, как сын становится взрослым, и совсем скоро уже не будет нуждаться в отцовской поддержке. Удивительное чувство…

Вэйд принялся рассуждать о всей той еде, которую его коту довелось перепробовать, пока он сопровождал художника в поисках такого места, где можно будет остановиться, ну или по крайней мере задержаться надолго. Но, конечно же, никакая семга не могла сравниться с той, которая была торжественно выставлена на стол. Миссис и мисс Стэнли обе зарделись от такой откровенной лести, чем немало порадовали художника. Отдав должное ужину, он продолжил живописать, как благодаря обаянию – и кошачьему в том числе – для них делали исключение в ресторанах, куда вообще-то с животными не пускали.

– Саймон не просто кот, он умеет вести себя в высшем обществе, – гордо сообщил художник. – Когда он был таким крохой, что помещался в моем кармане, я взял его с собой в картинную галерею. До нашего поезда оставалось еще около трех часов… Вы бы видели, как он сидел у меня на плече и внимательно рассматривал картины. Поверьте, у него был такой вид, будто он разбирается в живописи получше нас с вами!

По коже снова пробежал холодок при звуке шагов, донесшемся из открытого окна, но это сразу прошло. Йена никто бы не услышал, а так ходит тот, кто не таится, а выполняет порученную ему работу. Охранник просто решил размять ноги в саду, за столом возобновилась приятная размеренная беседа. Наевшийся кот потеснил Хавьера на стуле, втиснувшись между ним и спинкой, он счастливо помуркивал. Идиллическая, по заявлению Вэйда, картина, но Ланя весь вечер не покидало странное чувство: что-то еще непременно случится сегодня. Даже ночью, уже на грани сна, свесив руку с края кровати и прижавшись щекой к прохладной подушке, он ждал этого чего-то и даже какое-то время боролся со сном, опасаясь, что в него какими-то неведомыми путями снова проникнет Йен.

Он закрыл глаза, а когда открыл, увидел... Нет, не Йена, но знакомое место – игровую комнату, в которой провел когда-то немало времени, в том числе и со связанными руками, как сейчас… Чейз. Лань покачал головой. Этого просто не могло быть, хотя бы потому, что это место сгорело дотла еще три года назад. Не осталось ничего, но в то же время все было прежним.

– Вы очень молчаливы, детектив, – слова сорвались с губ до того, как он успел подумать, что говорит и делает. – Но я это исправлю.

Он обошел обнаженного мужчину по кругу, любуясь. Руки подняты над головой, ноги едва касаются пола, тело напряжено, а этот взгляд… Такая поза существенно ограничивала их во времени. Лань никогда не был таким, как Йен, даже когда хотел, чтобы другой прошел через то же, что и он. Нет, не так. Ему хотелось почувствовать эту власть, а для этого должно было хватить считанных минут, которые покажутся Чейзу бесконечными. Но сначала… Лань хотел услышать его, а не голоса призраков, которых полно в этих стенах…

– Сука, – прошипел Цзян, дернувшись, когда Хавьер скользнул пальцами между его ягодицами и потер подушечки пальцев друг о

друга. Скользко… – Чертов садист!

Иногда собственные желания пугали его самого, так что Лань справедливо полагал, что уж Чейз на такое не пойдет. Да и кто в здравом уме позволит? То, что он сам это позволил Йену – это его ошибка и больше ничья. Как оправдать доверие Чейза? Как сделать так, чтобы он не пожалел, что отдался ему? Как не переступить границу и не превратиться в монстра? У Хавьера не было ответов на все эти вопросы.

– Назови меня по имени, – потребовал он, снова касаясь любовника там. Однако пальцы замерли у самого входа, едва коснувшись. – Скажи, что хочешь, чтобы я вошёл так глубоко, как только возможно, и не останавливался, даже если ты будешь умолять об этом.

Он сказал это, чтобы Чейз не понял, как важно для Хавьера услышать именно от него собственное имя. В какой-то момент Йен перестал называть его по имени, лишь в Карпе, изредка, звал Холли. В остальное время же обращался, словно к бездомной собаке, не имеющей даже клички. Дворнягу из жалости подкармливают объедками и изредка одаривают лаской, давая ей ложную надежду, что однажды ее приведут в дом….

– Ёбаный рот! – недовольно рыкнул детектив, нарочно провоцируя Ланя, чтобы он сорвался и выполнил все то, что сейчас озвучил. – Это нихера не смешно!

– Назови мое имя, или я брошу тебя здесь привязанным, – пригрозил он потому, что Чейз назвал его Хавьером лишь дважды, первый раз – в растерянности, в попытке образумить, второй… Ему очень хотелось думать, что не из жалости или злости.

– Сука! – выдохнул Чейз, потому что Хавьер нажал сильнее, легко вводя палец сразу до второй фаланги. Он явственно ощутил, как Чейз напрягся. – Вы не посмеете!

Фабрикант промолчал, весьма красноречиво подавшись назад и в то же время проводя по особенно чувствительному участку внутри. Цзян качнулся, потеряв опору и повиснув на связанных руках.

– Лань, если Вы немедленно не используете свой грёбаный член по назначению, я съёбываю отсюда, – угрозы, произнесенные таким голосом, звучали не слишком убедительно. – И никакие веревки мне не помешают!

Он принялся выкручиваться из петель и вскоре понял, что это бесполезно: сколько ни рвись, только кожу на запястьях сдерешь. Стоило ли напоминать о том, что Чейз не сопротивлялся, когда Хавьер опутывал его запястья веревкой, выплетая довольно замысловатый узор.

– Посмотри на себя, Чейз, – еле слышно выдохнул Хавьер, с трудом удерживаясь, чтобы не закончить все прямо сейчас. – Каждый раз, стоит мне коснуться, тебя трясёт от желания. Назови меня по имени, и я…

Детектив продолжал упрямиться, даже когда Хавьер снова проник внутрь пальцами, выматывая и себя и любовника неспешностью ласк. Ему хотелось, чтобы Чейз попросил овладеть им прямо здесь, посреди комнаты. Хотел услышать мольбы или требования, неуместные в такой ситуации. Он почти слышал, как лейтенант говорит: «Думать не смейте о том, чтобы сейчас сделать передышку!» Он и сам не станет сбавлять темп, до тех пор, пока они оба не дойдут до полного изнеможения.

– …сделаю все, что попросишь, – продолжал он, вплотную прижимая мужчину к себе.

Чейз насторожился, не зная, чего следует ожидать от любовника, Лань ведь не собирался ослаблять держащую его веревку. Вместо этого он завел ногу Чейза себе на бедро. Тому нужно было немного подтянуться, чтобы оказаться в правильном положении.

– Лань! – возмутился Цзян, ненадолго позабыв о богатом арсенале ругательств, которым располагал.

– Ты разве не хочешь этого? – спросил он, чтобы пронаблюдать борьбу с самим собой, отразившуюся на лице Чейза. Желание в этот раз одержало верх.

– Умница, – Хавьер удовлетворенно улыбнулся, когда Чейз сжал его коленями, приспосабливаясь к такому положению.

Пусть он не в полной мере добился желаемого, но Цзян уже заслужил награду. Хавьер вошел сразу на полную, так, что Чейз взвыл в голос, инстинктивно попытавшись подтянуться на связанных руках и сняться с члена, который еще минуту назад так хотел заполучить. Это могло быть больно, но в то же время – фабрикант знал – было до дьявола хорошо.

Оставляя на коже следы от пальцев, он снова опустил любовника на себя и, наконец, услышал то, чего так жаждал. По спине прокатилась волна мурашек от того, как чувственно прозвучало его имя.

– Это лучшее, что я слышал, – отрывисто выдохнул Лань, продолжая с силой вбиваться в него, потому что этого было недостаточно им обоим, удовольствие только разгоралось, его уже было не остановить.

Наслаждение от обладания Чейзом было сравнимо со стихийным бедствием. С бушующим лесным пожаром, которому нипочем даже английские дожди. Ревущее пламя охватывает деревья от основания до самой кроны за считанные секунды и ничто живое не способно ему противиться. Они забывались друг в друге, сходили с ума, захлебывались стонами, но Чейз снова позвал его по имени только один раз, когда уже содрогался в оргазме.

Чейз замер, шумно выдыхая в шею Ланя. Уютно. Тепло. Нигде Хавьер не чувствовал себя так хорошо, как здесь и сейчас. С Чейзом он был на своем месте. И место Чейза именно здесь, в его руках. Хавьер никому не позволит отобрать у него этого мужчину. И подсознательно тот тоже это чувствует, устраиваясь удобнее, послушно прижимаясь к нему. Наверняка ему хочется сказать, как в такие моменты спокойно и легко на душе, но Чейз упрямо молчит. Потому что такой характер, так воспитали. И он не может иначе, словно сказать значит расписаться в собственной слабости. А он ненавидит быть слабым.

Дыхание постепенно приходило в норму. Уже навалилась дремота, когда Хавьер опомнился: надо разрезать веревки и срочно обработать ссадины на запястьях.

– Чейз, – он открыл глаза, плохо соображая, что говорит сам с собой.

Часть 92

Поначалу Честер немного опасался за Хавьера, вечером тот казался рассеянным, однако сегодня его настроение было скорее… мечтательным? Никаких признаков подступающей черной меланхолии. Брат окончательно оправился от недавнего страха и теперь ждал… новой встречи с инспектором? Кажется, они оба досконально изучили весь путь солнца по небу, насколько возможно было проследить из окон, пока оно окончательно не спряталось за зданием одного из цехов.

Накануне Хавьер в кои-то веки расстался с детективом на хорошей ноте. Можно ли было считать это добрым знаком? Анна не раз говорила, что ее брат – человек слова, да и выглядел он весьма решительным. Мысленно он вернулся ко вчерашнему дню и еще раз прокрутил в голове оба разговора с мистером Цзян, а потом сам не заметил, как подумал о Вэйде. Ему так не терпелось скорее увидеть художника, но – вот ведь забавная штука – первым о его приезде узнал Хавьер и принялся тормошить Честера, настойчиво отрывая от работы.

– Тебе пора, – старший брат хихикнул, как будто это ему предстояло приятное приключение. – Да брось ты это, Честер, я сам все закончу. Иди!

– Брат… – он даже немного растерялся от такого напора, однако из-за стола поднялся.

– И обещай мне повеселиться, – с напускной строгостью потребовал Хавьер, прежде чем снова улыбнуться.

Брат немного проводил его, еще и наверняка смотрел в окно. Честер чувствовал его взгляд и почти слышал, как он тихонько посмеивается над тем, как они жмут друг другу руки. А потом Честер перестал об этом думать. Вэйд сжимал его ладонь в своих, как будто хотел обнять. В этом их желания совпадали.

– Саймон рвался поехать с нами, но я попросил его остаться и охранять дом, – весело сказал художник. – Ты готов? Мы вернемся поздно.

– Куда мы поедем? – спросил Честер, помогая Вэйду подняться на ступеньку. Зря он думал, что это будет ужин в Поинт – Вэйд не любил повторяться.

– Секрет, – шепнул художник и чмокнул его в губы, едва дверца закрылась. Шторки были благоразумно задернуты, но все равно вышло неловко и как-то неправильно. – Мне пришлось подключить кое-какие свои связи.

Он говорил о братьях Нэттли… или, возможно, о мистере Уэйне. Лучше бы, конечно, о Санфорде или Мэттью… Анна и Стюарт уехали, а больше у художника пока не было друзей, к которым можно обратиться с просьбой… Интересно, с какой? Вэйд придвинулся близко-близко и принялся вспоминать о том, как они ехали за город. Брусчатка так растрясла коляску, что пришлось остановиться, чтобы проверить, все ли с ней в порядке.

– Поэтому я попросил осмотреть все заранее, – заявил он, явно гордясь своей предусмотрительностью. – А еще взял с собой корзину с нашим ужином. Миссис Стэнли так постаралась, что я прекрасно понимаю Саймона, который пытался забраться под салфетку или хотя бы угнездиться сверху.

– Это ведь я пригласил тебя, – сказал Честер, все-таки разобравшись, что его смущало.

– А я все организовал, – их слегка тряхнуло, отчего Вэйд окончательно соскользнул ему в руки. – Ты не рад?

Честер задумался, прислушиваясь к себе. У художника была неиссякаемая фантазия, и Честеру нравилось все, что он делал, даже если не хотелось признавать это вслух. Тем важнее было сейчас избавиться от чувства, что что-то все-таки идет не так.

– Рад, – сказал он, взвесив все за и против. – Но в следующий раз будет по-моему.

Он не ожидал исполненного любопытства взгляда и просьбы рассказать. И что говорить? Когда он предлагал пойти на свидание, в голове не было сколько-нибудь четкого плана. Да и опыта в таких делах Честеру тоже недоставало… все-таки свидание – это совсем не то же самое, что ужин с деловым партнером. Однако именно это было сейчас идеальным решением.

– В пятницу мы идем в оперу, – сказал он, хотя Вэйд наверняка ни на минуту об этом не забывал. – Почему бы нам не поужинать после этого в Вебстер Поинт? Ты еще не пробовал горячий горшок, это – рецепт из графства Ланкашир…

– Должно быть, мэтр Вебстер готовит его, чтобы напомнить мистеру Поинту о доме, – растрогался Вэйд. – Забавно… а я не могу припомнить ничего вот такого – особенного… Наверное, потому что мои родители считали вкусную еду излишеством…

На секунду он сделался грустным, но потом приободрился, слегка отодвинул шторку со стороны Честера, чтобы подглядеть, как близко они к своей цели. Отдернул сильнее и указал куда-то Честеру:

– Где мы? – спросил он, немного растерявшись. – Я же толком ничего тут не знаю, вдруг нас везут не туда!

– Недалеко от вокзала, – сориентировался Лань.

– Замечательно, – Вэйд примерился поцеловать его в щеку, но фабрикант повернулся и поцелуй вышел куда более проникновенным. – Билеты до Брайтона я уже купил, так что…

Какое-то время Честер был слишком отвлечен, чтобы задумываться о поездах, билетах и пункте назначения. Потом они прибыли на вокзал, чересчур шумный и многолюдный, чтобы вести беседы. Люди таскали и возили на тележках объемистые чемоданы и сундуки, в то время как багаж Честера и Вэйда вмещался в саквояж и корзинку для пикника.

Вэйд плюхнулся на сиденье и протянул ногу, с удовольствием наблюдая за суетой вокруг поезда. Похоже было, что его это вдохновляет. Столько людей, новые лица, в основном обычные и ничем не примечательные, и все же у каждого за плечами своя история из тех, что Инн так хорошо умел рассказывать без помощи слов. Честер не удивился бы, достань прямо сейчас художник альбом и пастель из саквояжа. Однако тот пока просто наблюдал, ожидая, когда они тронутся и поглядывая на небо.

– Точно по расписанию, – одобрил он, тоже почувствовав легкий рывок, предвещающий, что паровоз вот-вот сдвинется с места. – Значит, чуть больше чем через час мы будем в Брайтоне!

– Вэйд, – осторожно произнес Честер, – почему именно Брайтон? Что мы будем там делать?

– Ты уже забыл? – удивился тот и понизил голос до интимного шепота, не преминув наклониться поближе с таким видом, будто открывает страшную тайну: – У нас будет свидание.

Очень довольный собой, он отклонился назад и закинул ногу на ногу, свободно положив руку на колено. Взглянул в окно и кивнул своим мыслям. Похоже, все шло, как и было задумано, поэтому Честер не стал настаивать на том, чтобы художник рассказал. Он все увидит своими глазами, солнце не успеет сесть, хотя день уже подходил к концу. Честер постарался расслабиться и тоже посмотрел в окно, чего обычно не делал, предпочитая хорошую книгу. Ему хотелось узнать, что с таким живым интересом рассматривает там Вэйд. Они понемногу набирали скорость, и город безмятежно плыл мимо. Ясное небо предвещало тихую ночь, ветер поворачивал флюгерки, полоскал белье, ерошил кроны деревьев.

– Сколько бы я ни колесил по миру, никогда не надоедает, – нарушил тишину Вэйд через какое-то время. – Один раз поддашься магии дороги и потом уже все, пиши пропало. Она может быть разной: звать или убаюкивать, даже тяготить, когда до горизонта одни унылые убранные поля, а по пятам идет зима и стынь. А ты все равно глядишь и не можешь наглядеться.

– Мгм, – ответил Честер, с неохотой отводя взгляд от сменяющихся картин за окном.

– Однажды мой поезд закопался в сугроб, – поделился Вэйд с улыбкой, как будто говорил о том, как отметил наступление нового года. – Кажется, это было где-то в Румынии… Понемногу все пассажиры собрались вместе и у каждого – я подчеркиваю! – у каждого нашлось что-нибудь выпить!

Он сам прыснул, вспомнив особенно пикантные подробности. Все думали, что они вмерзли в сугроб и торчат, умирая от холода, а они приятно проводили время, согреваясь спиртным и горланя песни. Честер охотно верил, что Вэйд прекрасно провел время, но все-таки радовался, что за окном самое начало лета и ничего не мешает им добраться до Брайтона без вынужденных задержек.
***
Вэйд поторопил возницу, стремясь поскорее добраться до побережья. Возможно, эта поездка не стоила столько, сколько он заплатил за нее, но по-настоящему важно было другое. Инн намеревался добраться до океана, прежде чем солнце начнет садиться, так они с Честером смогут насладиться зрелищем от начала и до самого конца, когда последние косые лучи медленно угаснут в густеющей морской синеве.

Их ждал маленький уединенный домик на скале, с виду практически неотличимый от старых рыбацких хижин, разбросанных по побережью. Только с небольшой круглой башенкой и обставленной не в пример лучше. Такое заключение можно было сделать со слов отчаянно смущенного Ника, застигнутого врасплох расспросами Вэйда. Прежде чем стать совместным свадебным подарком от деда и жениха, это место служило пристанищем старине Солту. Юдифь с таким восторгом рассказывала об этом, что Вэйд не мог не попытать счастья. К своему удивлению, он с легкостью заполучил вожделенные ключи и подробное описание, как отыскать этот райский уголок.

Дороги здесь были похуже лондонских, однако Вэйд не замечал тряски. Он сгорал от нетерпения и немного успокоился лишь, когда фабрикант взял его руку в свои. Но даже этого хватило ненадолго. Стоило художнику мельком увидеть краешек океана, и сердце заколотилось: что, если все было напрасно?

– О, Честер, – протянул он. – Я так волнуюсь. Как бы погода все не испортила…

– Погода? – переспросил тот, озадаченно взглянув на небо тогда, когда смотреть следовало на море, снова показавшееся на глаза путникам.

Они преодолели такое расстояние, спешили, как могли, чтобы опередить светило, а их встречало хмурое побережье и воды, словно выглаженные исполинским утюгом. В них точно в стекле отражались полотнища облаков. Вэйд множество раз видел именно такое море за бортом корабля прямо перед тем, как на него обрушивался немилосердный шторм.

Обнадеживало лишь то, что горизонт на западе был чист. При удачном ветре все еще могло сложиться наилучшим образом. К тому же гроза над морем – захватывающее и удивительное зрелище… если наблюдать его из окна, завернувшись в теплый плед. Несмотря на все прелести раннего подъема, будет здорово застрять в Брайтоне до утра и уснуть вместе под шум ливня и волн, а потом прикорнуть на плече Честера в поезде.

Море приближалось, завораживая своим необъятным простором. Художник даже не сразу отреагировал на то, что они остановились, погрузившись в созерцание очень необычного строения. Судя по всему, когда-то это был старый обомшелый маяк с пристроенным к нему домиком смотрителя. Он, вероятно, действовал до тех самых пор, пока башенку не обезглавила молния. И вместо того, чтобы восстановить ее, неизвестные умельцы пристроили крышу, похожую на сдвинутую набекрень шляпку гриба, и надстроили под нее еще примерно половинку этажа, придав строению совершенно необыкновенный вид.

Рука сама потянулась достать блокнот и сделать пару зарисовок, но пришлось взять всю сумку целиком, потому что это был тот самый дом, о котором говорил Ник. Он действительно находился прямо на каменном уступе, вдающемся в океан, а кругом были разбросаны камни поменьше – всего-то с обеденный стол или чье-нибудь крылечко.

– Давай прогуляемся по берегу и найдем самое лучшее место? – предложил он воодушевленно.

– Мгм, – легко согласился тот, подставляя лицо налетевшему ветерку, принесшему резковатый запах водорослей. – Только недолго.

– С моей ногой ничего не случится, правда, – заверил Вэйд, но подумав добавил: – С другой стороны, сейчас самое время для ужина, так что… Тебе нравится вон тот камень? Как по мне, отличная площадка для пикника!

Он указал на лежащую почти горизонтально каменную плиту, гладко вылизанную высокими волнами с одной стороны и иззубренную с другой. Черный камень должен был вобрать солнечное тепло за день и теперь не спеша отдавать его. Могла ли здешняя природа проявить такую предусмотрительность?

Море вело свой тихий разговор, под ногами шуршали камни, откуда-то издалека долетали голоса чаек и можно было вообразить, что они находятся за много миль от цивилизации, хотя это, конечно, было не так. Просто людям было нечего делать здесь, особенно незадолго до того, как испортится погода. Однажды Вэйд стал поверенным у одной молодой особы. Той снился один и тот же сон, в котором волны захлестывали людей, стоящих слишком близко к воде и уносили в пучину, и следующий вал мог обрушиться уже на нее. Художник горячо отрицал саму возможность такого происшествия – особенно в глубине материка – чтобы хоть немного ободрить собеседницу, но, несмотря на все старания, почти каждое утро видел ее заплаканной.

– Тс-с, постой, – попросил Честер, к чему-то прислушиваясь.

Вэйд послушно застыл на месте, размышляя, до чего занятно вышло: он помнил слегка опухший носик и покрасневшие глаза, которые однажды нарисовал отдельно от всего остального, и эту ее причуду, однако ни имя, ни фамилия в голове не удержались.

Они простояли так довольно долго, окруженные звуками природы, отличавшими Брайтон от Лондона, но сколько таких же Брайтонов повидал Вэйд... Не так уж они отличались друг от друга, но в каждом находилось что-то свое.

– Как ты нашел это место? – спросил Честер, и в его голосе слышалось восхищение.

– Друг подсказал, – подмигнул Инн, довольный произведенным эффектом, и снова зашагал дальше.

На глазах удивленного Честера он взобрался на камень, оказавшийся именно таким, как и ожидалось, - сухим, гладким и почти что ровным - уселся, подвернув под себя здоровую ногу. Жестом фокусника извлек из корзинки сверток паромасляной бумаги, в котором вопреки его ожиданиям оказались не сэндвичи, а восхитительный слоеный пирог, уже нарезанный на ломтики.

– Как же миссис Стэнли нас любит, – восхитился он и улыбнулся, когда Честер, поколебавшись, все-таки присоединился к нему. – Я не знаю, куда смотреть: на эту красоту или все-таки на пейзаж!

Примечание к части

https://pin.it/2yGUZv2

Часть 93

Эта дилемма решилась сама собой, когда солнце начало выпутываться из завесы облаков, обагрив горизонт. В небесах разыгрался настоящий спектакль, глядящийся в воду точно в зеркало. Стало значительно свежее, иногда ветер налетал упругими порывами, а подпаленные снизу тучи густели на глазах, проседая под тяжестью скопившейся в них воды. Природа решила разом вылить на небо всю палитру красок от нестерпимого желтого, почти белого, до глубочайшего фиолетового. Солнце играло на воде словно спелый персик, готовый упасть в ладони. Пена переливалась металлическими блестками на стеганом одеяле моря, непрестанно перемешивающим графитный с нежно-лиловым, кобальтовый синий с беззаботно-розовым. Сквозь облака били настоящие снопы света, а полоска лазури, оставшаяся вдали, все сужалась и сужалась.

– Я не знал, что так бывает в жизни, – Честер произнес это так тихо, что слова почти унес на своих крыльях ветер. – Но как ты?..

Вэйд шикнул на него и придвинулся ближе – так было еще теплее и уютнее. Им просто повезло. С тем же успехом можно было приехать сюда и увидеть, как солнечный шарик просто сползает в воды необъятного залива и понемногу гаснет в вечерней дымке. А то и вовсе одну лишь сплошную пелену облаков, сквозь которую не понять: день сейчас или вечер. Но даже в такие серые сумерки бормочущий чуть поодаль прилив способен создать настроение. Знай себе гляди, чтобы вода не взяла в кольцо, не то придется закатать брюки, чтобы выбраться на берег.

– Иногда лучше один раз увидеть все своими собственными глазами, – подавшись к фабриканту, Вэйд ткнулся прохладным носом ему в щеку. Так к хозяину иногда ластился Саймон, только у него носопырка была еще и мокрой, а потом кот начинал лизаться шершавым языком так, что приходилось отпихивать щекотную усатую мордочку.

Он проговорил мечтательно:

– Как-нибудь в более подходящую погоду и в более располагающем к этому месте мы заночуем прямо на пляже под бескрайним бархатным небом, усеянном светлячками звезд. Представляешь? Будем спать не в кровати, а прямо на земле, а рядом – костер, теплое ласковое море и никого…

– Ты точно не замерз? – спросил Честер, взяв его руку в свои.

Вэйд помотал головой, сам хихикнув над тем, как этот жест должно быть выглядел со стороны. Он ловко стянул последний ломтик сыра и уже хотел съесть сам, но потом предложил Ланю и затаил дыхание. Возьмет или нет? Честер ужасно смутился, но потом все-таки откусил половинку, коснувшись пальцев художника теплым дыханием. Кажется, он и сам немного смутился, хоть они и не делали ничего предосудительного.

– Досмотрим и можно идти в дом, – сказал художник, отправив в рот второй кусочек. – Закат уже почти догорел и ветер поднялся.

– Ты угадал насчет погоды, – подтвердил Честер, все еще немного озадаченный произошедшей в небесах переменой. Как будто не он прожил всю жизнь в Лондоне с его извечной сыростью. – Дождь собирается.

– Самый настоящий шторм! – поправил его художник, ничуть этим не огорченный. – С громом, молниями и шквалистым ветром. Держись, он еще не даст нам уснуть до утра. Если мы, конечно, собираемся спать.

Они проводили светило и, пока не стемнело окончательно, направились к бывшему домику смотрителя. Благодаря Нику тот обрел вторую жизнь. Уэйн поскромничал, говоря о том, какую здесь проделали работу, буквально разобрав и собрав все заново. Скала служила надежным фундаментом для любых экспериментов, но рабочие бережно сохраняли старые материалы и с умом привносили новые, так же хранящие отпечаток времени. Так, например, доски, которыми была облицована пристройка на самом верху, могли сложить в чьем-то амбаре. А внутри вместо кособокой железной печки появился прелестный камин, сложенный из столетнего кирпича.

Из-за близости моря дровяной сарай находился здесь же, в доме, – забавный, с круглым окошком в двери. Когда Честер затеплил лампу, Вэйд кое-что углядел среди веток и бревнышек, тщательно отсортированных по размеру.

– Сейчас покажу маленькое волшебство! – вызвался художник, выудив кривенькую ветку, кора на которой отличалась по цвету и фактуре от лежащих по соседству. Он показал находку Честеру. – Это самшит. Когда-то Афина сделала себе флейту из такой вот палочки, а мы собираемся запросто сжечь ее. Вот увидишь, запах будет очень интересный!

В трубе точно привидение завыл ветер, а в стекло застучали первые редкие капли, предвещая бурю. Вэйд быстро разжег огонь, чтобы в гостиной стало светло и уютно в противовес непогоде за окнами. На улице снова взвыло и в окно плеснула вода.

– Честер! – воскликнул Вэйд, поспешив к окну. – А ведь это была волна! Точно-точно! Ветер донес всплеск аж досюда. Вовремя же мы укрылись! Представь, каково бы нам было выбираться с пляжа прямо сейчас?

Он весело расхохотался, воображая эту картину. Фабрикант проверил брошенный им камин и тоже подошел, чтобы взглянуть в окно. Вэйд прикрыл глаза от удовольствия, оказавшись в крепком объятии. Ночь будет просто незабываемой! Особенно когда придет ночь и ветвистые молнии под непрестанные громовые раскаты будут выхватывать из чернильной темноты то клубящиеся тучи, то бурлящую воду.

***

Его уже не бесило то, что при виде него сослуживцы спешат убраться подальше, в основном это даже радовало… до тех самых пор, пока не потребовалось сбагрить собаку Смиту.

Чейз нервничал, чем раздражал самого себя без меры. Это же надо было приказать спускаться пьяному идиоту, вылезшему на карниз! Тот ответил: «Уже иду». После чего отпустил водосточную трубу и сиганул вниз. Благо, он находился между вторым и третьим этажами и упал, как мешок с дерьмом. Цзян и оказался-то там только потому, что с утра не успел побриться, а являться в оперу с двухдневной щетиной казалось совершенно неуместным.

Ангел тоже чувствовал его настроение. Он скулил и упирался, ни в какую не желая идти с сержантом даже ради угощения. Можно было спрятаться за дверью от полного жалости и сочувствия взгляда терьера, но убраться от себя самого никак бы не получилось. Кажется, он начинал понимать, как может чувствовать себя собака, когда ее дрессируют, потому что не мог поверить – и от этого мрачнел ещё больше – что по правде делает то, что делает.

Цзян заперся в кабинете, снял пиджак и кинул его на кресло. Та же участь постигла рубашку и брюки. Если сейчас какая-нибудь сволочь начнет ломиться к нему… Если это опять Смит с очередной чашкой чая, он совершит убийство. Шаги, впрочем, даже не замедлились у его кабинета. Чейз устало выдохнул и переоделся, повязал удавку на шею и даже попытался что-то сделать с волосами. Как чувствовал – нужно было еще и подстричься, но в последний момент засомневался…

Интересно, этот день когда-нибудь закончится? Лань пропал из его жизни, словно и не было никогда. С прошлой их встречи прошло всего несколько дней, а казалось, недели… Хавьер ни разу не появился в участке, не присылал записок и вообще никак о себе не напоминал. Оставалось надеяться, что соблюдал договоренность и вел себя благоразумно.

Чейз посмотрел на часы. Еще слишком рано выходить, он не собирался битый час дожидаться Ланя в Ковент-Гардене. И надеялся, что ему хватит благоразумия тоже не делать этого. От одной мысли о фабриканте, встречающем его с букетом цветов, сделалось тошно. Смит уже ушел и забрал Ангела, а Чейзу, как назло, была просто жизненно необходима чашка горячего чая. Даже если это будет самый дрянной напиток в Британии, он все равно не почувствует вкуса, зато хоть время будет чем занять.

Не прошло и получаса, а он уже проклял свое решение. Сразу несколько, если быть точным. Во-первых, он тщательно вымыл волосы, во-вторых, не стал подстригать их, в-третьих, задержался на работе, чтобы не приехать в оперу слишком рано. В итоге пришлось как идиоту стоять под меленьким противным дождичком, поджидая свободный кэб. Он не придал этому особого значения и даже не стал слать проклятья безучастным небесам, потому что голова была под завязку забита Ланем. И зря!

Он не успокоился, пока не увидел фабриканта – слава богу, без веника. Захотелось достать из блокнота его портрет и сличить с оригиналом, но накануне Чейз купил для него рамку со стеклом и убрал рисунок в стол. Так, чтобы видеть его каждый раз, выдвигая ящик.

Зик был хорош, однако тут допустил промашку. Лань был совсем не таким! Скорее уж на бумаге был запечатлен второй близнец. Коль скоро удалось проскользнуть незамеченным – Хавьера отвлекла разговором какая-то пожилая пара, скорее всего, друзья семьи – Цзян затаился, наблюдая за ним и… как же Лань ждал его! Чейз не заслуживал ни этого, ни той радости, которая озарила лицо мужчины, стоило показаться ему на глаза.

– Чейз, какая прелесть, – эта озорная улыбка сделала его моложе и еще привлекательнее, если это вообще возможно.

– Ебандяйство, – только теперь до Чейза начало доходить, чем вызван такой бурный восторг, и то, что волосы не лезут привычно в глаза.

Хотелось бы ему провалиться к чертовой матери на этом самом месте. Да лучше бы ему вымокнуть до самой распоследней нитки, чем показываться Ланю на глаза с этими нелепыми завитушками! И почему он забыл об этом?! В такую погоду он всегда соблюдал предосторожности и, если бы не Хавьер, он не стоял бы на виду, а пошел в уборную и попробовал обсушить и зачесать волосы. Но у него был такой взгляд… Нужно быть слепыми идиотами, чтобы не заметить: собеседник улыбается лишь из вежливости в то время, как что-то гложет его и не дает по-настоящему радоваться предстоящему мероприятию.

– Не ты ли говорил: никаких поползновений в опере? – тихо спросил Лань, пользуясь шумом голосов, и тут же сменил тему. – Знаешь, Чейз, мне вдруг ужасно захотелось посмотреть семейные альбомы…

Люди все прибывали. Должно быть, в зрительном зале совсем не останется мест. В таких условиях даже Лань не сможет придумать, как незаметно провернуть какую-нибудь непристойную штуку. А вот мысль о том, что их с сестрой детские снимки попадут не в те руки, по-настоящему заставила занервничать.

– Нет, – отрезал он, чтобы Хавьер не очень-то обольщался.

– Но ты видел наши с братом фото, – фабрикант, конечно, не пожелал так просто сдаваться.

– Нет, Лань, даже не просите! – Чейз скрестил руки, давая понять, что это его последнее слово. – И не сомневайтесь, я скажу сестре, что Вам это запрещено.

Следовало бы разозлиться, но он поймал себя на том, что улыбнулся совершенно без причины. Все эти дни ему не хватало их перепалок и этого невыносимого человека. Его жизнь и раньше не отличалась особой предсказуемостью и монотонностью, но Хавьер перевернул ее с ног на голову. Буквально. Две недели назад он стал свидетелем жуткого перформанса в Карпе, на прошлой неделе гонялся за преступником, который едва не прикончил Ланя, а теперь оказался в опере.

– Что-то должно случиться, – сказал он без особой радости.

– Давай поищем тебе что-нибудь выпить, – предложил Хавьер, положив руку на спину Чейза. – Ты слишком напряжен.

Со стороны движение выглядело невинным приглашающим жестом, не более. Может быть, демонстрацией дружеского расположения. Однако ощущалось совсем по-другому. Чейз с упреком посмотрел на любовника. Больше он не собирался пить с Хавьером, это приводило к последствиям… Однако сейчас Лань вел себя вполне рассудительно и, похоже, не собирался впадать в крайности.

– Пара глотков вина еще никому не причинила вреда, – отметил он не слишком настойчиво. – Или чего покрепче?

Цзян качнул головой. Если Лань считал, что обычное или игристое вино лучше всего подходило к случаю, значит, так оно и было. Однако первым делом он – к величайшему сожалению Хавьера – призвал к порядку собственные волосы. Глупые завитки поддались и до поры легли аккуратно, делая презентабельного мужчину в зеркале практически неузнаваемым и совершенно непохожим на инспектора из Скотланд-Ярда. На передний план выступили родительские черты: сразу и отцовские и материнские, которые он предпочитал не замечать. Таким бы он был, если бы не пошел в армию, а поступил так, как близнецы? И какими бы глазами смотрел на него тогда Лань?

Чейз мог бы спросить об этом. Вот так, напрямую сейчас, когда у них была такая возможность – заговорить о чем угодно. Никаких деталей расследования, никаких подозрений и допросов с пристрастием, никакого Мэйсона. Он уже собрался спросить, но отчего-то не решался. Он до сих пор не был уверен в себе и в том, что является тем человеком, который нужен Ланю. Но знал другое: Хавьер стоит того, чтобы очень ради него постараться. Даже если для этого придется научиться терпимо относиться к жирному бесполезному комку шерсти, который по ошибке завелся в доме его любовника.

Чейзу обстановка в Королевской опере вовсе не казалась непринужденной, а вот Лань явно чувствовал себя как рыба в воде. Это сравнение напомнило о Карпе. Там Чейз ощущал себя не лучше, но у него хотя бы были на то веские причины. Весь этот блеск и роскошь только отвлекают и раздражают, слишком много народа, легко можно упустить что-то… кого-то. Без оружия и Ангела Цзян чувствовал себя голым и это очень действовало на нервы.

– На нас все смотрят, – не выдержал он, когда Лань подал ему бокал. Из-за того, что Чейз следил за обстановкой, сложилось нелепое впечатление, будто фабрикант выудил его из рукава, как какой-нибудь иллюзионист.

Лань даже не глянул по сторонам, чтобы проверить его утверждение. Серые глаза остались спокойными, а когда он отпил из

бокала, морщинка в уголке губ намекнула на ободряющую улыбку.

– Люди видят во мне легавого, – не успокаивался Цзян.

– Чейз, – Хавьер слегка провел кончиком пальца по высокой ножке фужера, как нарочно сбивая его с толку. – Они видят двух эффектных мужчин, а лично в тебе – наследника семьи Цзян.

Полицейский едва не поперхнулся. В носу противно защипало, хотя игристое было на редкость хорошим. Просто он решил отпить в неподходящий момент. Лань приветствовал кого-то вежливым кивком и продолжал как ни в чем не бывало рассматривать визави. Допустим, его родители не жили затворниками и среди присутствующих наверняка могли найтись те, кто знал их лично или когда-то встречал. А Лань…

– Я до сих пор не могу поверить, что Вы под видом Честера пробрались в чужой дом, – спустя время эта безумная выходка вызывала не раздражение, а что-то сродни восхищению. – Да еще на свадьбу сестры инспектора полиции.

– Брат чувствовал себя плохо после моей эскапады, – Лань развел руками так плавно, что напиток в его бокале едва качнулся. И вроде бы не было повода относиться к его словам с недоверием… – Но, признаюсь, я надеялся, что встречу не только Анну.

Примечание к части

https://pin.it/O3krLzr
Так мог выглядеть маленький Чейз

Часть 94

Хавьер сверился с часами и, привычно щелкнув крышкой, предложил Чейзу следовать за ним. Шампанское подействовало на него самым благоприятным образом. Хоть Цзян не перестал обращать внимание на людей вокруг, плечи все же расслабил. Все-таки сегодня они встретились не для того, чтобы выслеживать опасного преступника, а чтобы провести время вместе.

Они вдвоем поднялись на балкон, и первым делом Чейз окинул взглядом наполняющийся людьми зал. Хавьер улыбнулся – полицейского можно вытянуть из участка, но не более того. Самого Ланя монотонный шум, производимый людьми, успокаивал. Скоро все стихнут и свет будет приглушен. А потом начнется самое интересное. Пока же он с любопытством наблюдал за любовником. Тот неосознанно выдавал свое волнение. Значит, все это время он ждал дня премьеры? И хотел соответствовать – это было очень заметно.

Когда свет начал гаснуть, а в ложе так никто и не появился, Чейз с подозрением оглядел полный зал и соседние балконы. Хотел бы Хавьер увидеть лицо брата, когда тот поймет, что так же остался со своим художником наедине, впрочем, еще представится шанс послушать об этом от Вэйда, вперемешку с шуточками о том, что Хавьер выкупил весь балкон и даже не заметил.

– Лань, Вы… – начал детектив.

– Тс-с… – шикнул на него Хавер. – Это премьера, Чейз.

И сам же улучил момент, когда зал ослепил яркий свет сцены, чтобы легонько мазнуть подушечкой пальца по его щеке. Тут чувствовалась рука профессионала. Лань испытал легкий укол ревности, хотя, казалось бы… Разошедшееся воображение немедленно подкинуло пару картин, одна пикантнее другой. Жаль, Чейз едва ли согласится воплотить их в жизнь… Даже будучи уверенным, что ничем не рискует. Однажды, когда они с Честером боролись с упрямым бараном, нуждавшимся в перевязке, брат получил сильный ушиб. Обошлось, но тогда Хавьер последовательно примерил на себя роли ветеринара, врача и цирюльника.

Он знал, что делает, но в тот момент чувствовал себя так же неловко, как Честер, хотя и повторял, что они – близнецы, и это все равно, что побриться самому. Что-то подсказывало: с Чейзом все будет иначе.

– Такой гладкий, как я и думал, – он уклонился от чувствительного тычка.

Чейз никак не стал комментировать его вызывающее поведение и взгляда от сцены не оторвал, не желая ничего упустить. Начиналось действие, увлекая зрителей в знакомую с детства историю. Иногда и взрослым бывает полезно слушать сказки. В каждом возрасте в них найдется что-то свое и если это не магия, тогда что же? На какое-то время Хавьер совершенно погрузился в мир, создаваемый на сцене, в его чудесную атмосферу и музыку.

Кто бы мог подумать, что не менее захватывающее зрелище ждало его на балконе? Услышав какой-то рваный вздох, он перевел взгляд со сцены на Чейза. Даже теперь тот был как натянутая струна. Детектив напряжённо выпрямил спину, может быть, ему просто не нравилось?

Лань слегка наклонился к нему, собираясь предложить уйти, но замер. Увиденное заставило снова повернуть голову к сцене и тихо откинуться на мягкую спинку кресла. Если ему не показалось, и в глазах Чейза правда блеснули слезы, возможность наблюдать нечто подобное представится еще очень и очень нескоро. Цзян имел обыкновение прятать эмоции за напускной злостью. То, что происходило между ними в постели – и не только в постели – не в счёт.

Хавьер был польщен оказанным доверием и ни в коем случае не хотел испортить такой момент. Однако и перестать посматривать на детектива украдкой он тоже не мог. Более того, в антракте Лань невзначай сдвинул свое кресло так, чтобы в поле зрения попадала не только сцена. Благо, все внимание лейтенанта было приковано к опере, так что он не заметил этого нехитрого маневра… и взгляда Хавьера, откровенно им любовавшегося.

Театр они покинули молча. Чейз следовал за ним, все еще пребывая где-то не здесь. Лань очень не хотел отпускать детектива сейчас, и дело было вовсе не в навязчивых эротических фантазиях, преследующих его ночами, – сегодня он получил больше, чем мог надеяться. Просто это было их первое настоящее свидание, и Лань намеревался донести эту мысль до любовника.

– Спасибо, – немного поколебавшись, проронил Цзян, и Хавьер легонько, как бы случайно, коснулся его руки.

– Это было замечательно, – сказал он, искренне улыбнувшись при виде вечерней звездочки, именно в этот момент проглянувшей на небосводе. – Но теперь я бы не отказался поужинать. Здесь недалеко Поинт, если ты готов дать ему еще один шанс.

Чейз заколебался. От той встречи у него явно остались не особо приятные впечатления. С другой стороны, он тогда должен был чувствовать себя просто ужасно, не говоря о настроении… Хавьеру хотелось убедить его попробовать ещё раз, но как это сделать?

– Не обязательно решать прямо сейчас, – сказал он, потому что в прошлый раз Цзян согласился под давлением, и это было неправильно. – По дороге много хороших мест.

– Миссис Флай грозилась приготовить на ужин овощное рагу, – пробормотал Чейз с явной тоской в голосе.

– Ты не любишь овощи? – спросил Хавьер, хотя экономка успела посетовать на привередливого хозяина. – В Поинте подают отличный ростбиф. А потом можешь угостить меня кофе.

– Мне нравится ход Ваших мыслей, Лань, – видимо, шампанское все-таки ударило Чейзу в голову, раз он решил так запросто пригласить его к себе и даже этого не заметил.

А ведь Хавьер точно захочет воспользоваться этим и одной чашкой кофе точно не ограничится… Напиток был скорее приятным дополнением, даже ритуалом, пожалуй. Ему нравилось смотреть, как Чейз обращается с туркой. Нигде больше во всем Лондоне нельзя было попробовать такого кофе со специями.

– Не то, чтобы овощи мне совсем не нравились, – продолжал рассуждать Чейз. – Вы вот очень даже вкусно их готовите, но та жижа, которую моя экономка по ошибке принимает за еду, напоминает мне о моем первом деле. Эти долбанные остряки решили провести для новичка обряд посвящения и отправили меня разбираться с двумя паршивыми фермерами, у которых мозгов было, как у тыквы.

Хавьер затаил дыхание. Они шли по скверу Ковент-Гардена, и ему даже не пришлось склонять Чейза к небольшой прогулке. Тот

явно увлекся, выдавая все больше подробностей той гротескной истории. Один из тех достопамятных джентльменов пытался забить до смерти своего ближайшего соседа за кражу призового кабачка небывалых размеров. Голова – хоть и пустая – все-таки оказалась потвёрже импровизированной палицы. Кабачок треснул. По мере того, как на горе-грабителя продолжали сыпаться все новые удары, от дубинки оставалось все меньше и меньше. Когда Чейз приехал, с овощем раздора было уже покончено, но драчуны, покрытые семечками и ошметками, все не унимались.
***
Вэйд передал Честеру блокнот с третьим по счету наброском. Тот взглянул с удивлением. Молодого человека, которого нарисовал художник, среди присутствующих не было, и место, на котором он стоял, было пустым, словно художник нарисовал призрака.

– Бывают пары, о которых думаешь: «Да почему они до сих пор не вместе, они ведь созданы друг для друга!» И еще бывают такие, что не верится, неужели они и правда женаты? Почему-то у них в итоге получаются более крепкие семьи… – принялся объяснять свою задумку Вэйд, хотя люди, о которых он говорил, парой, вероятно, и не были. – Вот я и пофантазировал, что, если бы у них появился сын чуть помладше Майкла? В строении лица чувствовались бы черты матери, а вот глаза… у отца они более выразительные, как и кончик носа.

– Выразительный кончик носа? – переспросил Честер.

– Не спорь, – Вэйд потянулся добавить завиток к лепнине, которая попала на бумагу вместе с чьим-то гипотетическим отпрыском. – Посмотри лучше на тех двух дам у зеркала: у той, что в платье винного цвета, уши немного торчат, хотя благодаря завивке это легко не заметить, а вот у ее старшей подруги очень красивые ушные раковины и к тому же мочки в самый раз – не большие и не маленькие.

Честер с беспокойством посмотрел на особ, упомянутых художником. Пожалуй, их можно было назвать прелестницами, но лет пятнадцать-двадцать назад. Возраст, впрочем, не был бы помехой, реши Вэйд написать их портреты или просто завести новое полезное знакомство – Лань узнал спутника блондинки в красном.

– А теперь спрячь блокнот и не отдавай, иначе нам отсюда просто не выйти, – отвлек его Вэйд.

Честер вместо этого перевернул лист и взглянул на этюд, который художник нарисовал почти вслепую, когда на сцене разворачивалось действие. Его не портили ни лишние штрихи, ни смазанные пальцами линии, ни схематичность. На рисунке все было взаправду, и ведьма была самой что ни на есть настоящей. Удивительное чувство! Честер искренне удивлялся, как художнику удается добиться такого эффекта.

– Ты хоть слушал оперу? – фабрикант все-таки выполнил его просьбу и слегка улыбнулся, когда Вэйд активно закивал.

– Надо будет обязательно поблагодарить Хавьера еще раз, – заявил он, почему-то оглядываясь, будто высматривая кого-то среди собравшихся. Представление подошло к концу, однако зрители расходиться не торопились. – Только что-то я его нигде не вижу.

Сперва такое предположение показалось форменной нелепицей. Однако же все сходилось. И мечтательное настроение брата сегодня утром, и… да много чего еще! Слова Вэйда сразу укоренились в мозгу и просто так вытряхнуть их уже не получалось.

– Ты хочешь сказать, брат здесь? – зачем-то он перешел на шепот.

– И непременно со своим доберЦзяном, – в тон ему ответил художник. – Я даже не сомневаюсь, что он выкупил целиком не одну ложу.

И все же вопреки уверенности Вэйда и убедительности построенной им теории, мужчины так и не встретили Хавьера. Вернее, это произошло, когда Честер уже совершенно этого не ожидал. Еще немного и они буквально столкнулись бы с теми, кто действительно посещал сегодня премьеру вместе с ними. Как бы это выглядело? Хорошо, что мистер Поинт уже успел лично встретить гостей и теперь провожал их в дальнюю часть своего заведения.

Он видел брата всего несколько секунд и в профиль – тот как раз что-то говорил мистеру Цзян. И хотя слов с такого расстояния было уже не разобрать, с ним Хавьер был совсем другим… То есть не таким, как в те моменты, когда знал, что Честер на них смотрит. И этот взгляд делал его совсем непохожим на себя. Тут Лань прервал ход своих мыслей, потому что пришел к неправильному заключению. Он ведь помнил, каким брат был с Йеном, и до него, когда еще не развелся, когда был влюблен в Пат. Если бы только он мог понаблюдать за близнецом еще хотя бы несколько секунд… тогда бы сомнений точно не осталось.

Уже в следующую минуту Честер невольно задумался, как он сам смотрит на Вейда, неужели так же? И так ли это заметно со стороны? Однако проверить это случай не представился – не нашлось ни времени, ни подходящей отражающей поверхности. Мэтр Вебстер как раз вышел в зал и не преминул подойти, чтобы обменяться приветствиями с гостями.

– Мистер Инн! – воскликнул он, обрадовавшись художнику, как члену семьи. – Мистер Лань, почему Ваш брат не предупредил, что вы будете вчетвером?

– Мы пришли, не сговариваясь, – ввернул Вэйд и подмигнул: – Все дороги ведут в Поинт.

– Вы – отменный льстец, мистер Инн, – рассмеялся мэтр и сделал приглашающий жест. – Но, боюсь, даже всего Вашего обаяния не хватит, чтобы у меня вдруг из ниоткуда появился еще один свободный кабинет. Вы не хотите присоединиться к мистеру Ланю и его другу?

– Инспектору Цзян, – подсказал Вэйд, потому что Честер все еще смотрел в ту сторону, где скрылся брат.

Фамилия, несомненно, была Вебстеру знакома, однако мужчина воспринял происхождение детектива как нечто само собой разумеющееся, не было ничего странного в том, чтобы даже из числа полицейских Хавьер выбрал своего круга. Честер на секунду представил, какое впечатление произвело бы настоящее имя Вэйда, прозвучи оно сейчас, да еще при стольких свидетелях. Такого, конечно, не могло случиться на самом деле – шумихи было бы не избежать. Известный художник пропадает на несколько лет и вдруг объявляется в Лондоне.

К тому времени, как мужчины заняли один из уютных столиков, расставленных по периметру зала, к ним подсел не только мэтр, решивший сделать небольшой перерыв, чтобы немного пообщаться с постоянными клиентами, но и мистер Поинт. Теперь уже Честеру пришлось отвечать на вопросы о брате и удивляться, как он раньше не замечал ничего особенного между хозяевами ресторана.

Они вели себя как очень давние и близкие друзья, но только еще чуточку ближе. Все эти прикосновения как бы невзначай и многозначительные взгляды. Честер и раньше должен был видеть все это, но теперь Вэйд научил его расшифровывать эти знаки. Он ведь так же не упускал возможности лишний раз соприкоснуться плечами даже в людных местах, мог положить руку на плечо и задержать ее, чтобы Лань успел почувствовать тепло. Честер и сам хотел вплотную придвинуться к художнику, но у него не

получилось бы сделать это так же ненавязчиво, как мистер Поинт.

Часть 95

Хавьер бывал в Поинт столько раз, что успел досконально изучить меню, так что Чейз снова предпочел положиться на его выбор. То же место, даже тот же самый кабинет, но обстановка по сравнению с прошлым разом поменялась кардинальным образом. Лань чувствовал небольшое напряжение, потому что был не вполне уверен, что его спутнику комфортно здесь находиться. Впрочем, тот выглядел скорее глубоко задумавшимся, нежели мрачным. Хавьер надеялся, что хорошая порция ростбифа с йоркширским пудингом вдохновит его.

– Знаете, эта опера напомнила мне кое-что из детства, – Чейз заговорил, как только они остались вдвоем. Голос звучал немного глуховато, напрягать слух, впрочем, не приходилось. – Когда мне было, наверно лет десять, а Анне шесть, мы решили сходить на озеро, собрать матери цветов. Уже вечерело, но я надеялся вернуться до того, как станет совсем темно.

Хавьер очень живо представил это. Двое детей далеко от дома. Оба светленькие, с непослушными вьющимися волосами и наверняка ужасно забавные. Нетрудно было догадаться, что Анна отставала от брата, все-таки Чейз был старше и сильнее ее. Она наверняка устала, возможно, начала капризничать, как порой случается даже с самыми послушными детьми шести лет от роду. В кромешной темноте даже знакомые места преображаются почти до неузнаваемости, а когда ты – ребенок и все вокруг – другое, немудрено потеряться.

– Никакого пряничного домика не было, – он усмехнулся, наверняка вспоминая красочные декорации, нарисованные так аппетитно, что Хавьер решил взять с собой что-нибудь на десерт. – Да и нашли нас быстро, но впечатлений хватило, уж поверьте… Я до сих пор помню, как ссорились родители. Мать обвиняла отца, что он слишком нам потакает и совершенно разбаловал. Именно после того случая меня отдали в школу в Шотландии, так что дома я бывал раза два в год, но Анна писала мне письма. Она и сейчас обожает это делать. Вы бы видели, что творилось, когда она перевозила всю эту бумагу в новый дом!

Чейз умолк, потому что не хотел, чтобы его рассказ слышал кто-то посторонний, но пока им подавали напитки, он не то безнадежно сбился с мысли, не то решил, что не мешало бы и Ланю рассказать немного о своем прошлом. Хавьер отнюдь не был уверен, что Чейз сочтет эту историю интересной, учитывая его собственную, но попробовать стоило.

– Мы с Честером воспитывались дома, а баловала нас мама. Отец был довольно требователен, а дядя – очень строг, потому что нам нужно было получить образование и узнать все, что понадобится потом для управления семейным делом. Так что с детства мы много времени проводили на фабрике и, можно сказать, изучили весь процесс производства от начала и до конца.

– У Вас с Летицией Лань такие теплые отношения, я даже завидую немного, – Цзян украдкой вздохнул и откинул челку, как будто отмахиваясь от непрошенных сожалений. – Мать ведь так и не простила мне, что я выбрал Скотланд-Ярд.

Хавьер не был близко знаком с Юфимией Цзян, однако о ее тяжелом характере был наслышан: немного от Честера, немного от Вэйда, немного от общих знакомых, даже чуточку от всегда сдержанного Уотсона. И все же слова Чейза неприятно удивляли. Хавьер понял бы, отвернись семья от него самого, он в своей жизни натворил столько всего, что еще одной не хватит на то, чтобы все это поправить.

– Она до сих пор твердит, что меня рано или поздно убьют. А если нет, то в старости я останусь одиноким и нищим. И еще этот павлин… – между бровей Чейза пролегла глубокая вертикальная складка. – Не бывает незаменимых, да?

Что-то колючее мелькнуло во взгляде черных глаз, но лишь на секунду. Хавьеру показалось, что этот вопрос адресован ему, а не чете Цзян. Чейз имел право чувствовать себя уязвленным, и все же Лань вынужден был признать, что мадам поступила весьма разумно, породнившись именно с Чаттерами. А ведь мужчин, заинтересованных в том, чтобы добиться руки ее дочери, наверняка было предостаточно. Брак Анны и Стюарта должен был пойти на пользу обеим семьям и их делу.

– А ведь сестра его и правда… полюбила, – последнее слово детектив произнес крайне неохотно, а потом вдруг поднялся с места и наклонился над столом, положив на столешницу обе руки. – Лань, вот скажите, как так вышло? Вы же видели его самодовольную рожу?

– Чейз, разве хоть кому-то было бы лучше, вступи Анна в брак без любви? – он накрыл руку мужчины своей. – Мы и так живём в очень унылое время. Столько правил… столько приличий…

Чейз посмотрел вниз, оценивая, можно ли назвать его жест непотребщиной, но пока воздержался. Лань тоже взглянул на то, что делает, потом перевел спокойный взгляд на любовника, чтобы узнать, к каким выводам тот пришел. Он понимал, что следующая мысль не понравится Чейзу еще больше.

– Что, если бы твою сестру оплел своими кольцами какой-нибудь змей-искуситель? Лил бы ей мед в уши, прельщал полнотой жизни и новизной ощущений, – он немного изменил голос, чтобы звучал бархатно и соблазнительно. – «Разве ты не чувствуешь, что задыхаешься? Доверься мне и я отопру твою золотую клетку…»

Говорить вот так было легче. Все это совсем о другом человеке и только гипотетически, потому что – они оба это знают – Анна любит только своего мужа и верна ему. Пример, конечно, стоило выбирать аккуратнее, в первый момент в глазах Чейза вспыхнул гнев. Казалось, он готов отвесить хорошенькую оплеуху, чтобы собеседник пришел в себя и перестал нести вздор.

– *Это* он Вам говорил? – Чейз сжал кулаки.

– Почти, – он усмехнулся, но вышло горько.

Зачем вообще поднял эту тему? Тем более в такой момент… Должно быть, из-за слов Чейза. Он хотел, чтобы тот понял: да, Хавьер сам поддался, да, может быть, потерял голову, так уже с ним бывало, но все это – не любовь. Хавьер просто старался не замечать, что все не так, и в итоге почти потерял себя.

– Твоя мать – мудрая женщина, Чейз, – он переменил тему, воспользовавшись появлением официанта. Жаль только, руку Чейза пришлось отпустить. – Но и она может заблуждаться. Ты не останешься один.

– Это звучит, как долбанное пророчество, Лань, – недовольно буркнул Цзян и вернулся на место.

Еда выглядела изумительно, а пахла… пахла еще лучше. Однако Чейз не отрывал взгляд от окна, которое ночь превратила практически в зеркало. Хавьер мог только гадать, что детектив там видит: свои ли мысли или тайного соглядатая? Чейз так погрузился в раздумья, что не обратил внимания, даже когда Хавьер поднялся из-за стола и пересел к нему. За окном рос большой куст сирени, которая надежно заслоняла их от любопытных глаз, так что он без опаски придвинулся ближе и на пробу коснулся плеча детектива.

– Чейз, – позвал Лань и, когда тот не попытался сбросить руку, уверенно обнял. – Ты веришь в судьбу?

Лейтенант даже не кивнул, только обозначил кивок слабым движением. С его-то работой разве не полагается быть законченным скептиком? Это было удивительно, как и то, что Чейз до сих пор не начал ругаться и даже не попытался вырваться. Напротив, он слегка наклонил голову, позволяя любовнику пристроить подбородок на теплую макушку. Постепенно плечи Цзяна расслабились и он, как видно, под влиянием момента, сам потянулся за поцелуем.

И, само собой, получил его. Медленный, ленивый. Они не пытались разжечь страсть друг в друге. Это скорее было похоже на своего рода общение. Так непривычно… Они вообще целовались вот так? Без спешки, вдумчиво, просто изучая друг друга касаниями губ.

– Почему Вы со мной? – спросил Чейз, а Лань залюбовался таинственными звездочками в бездне его глаз.

– Потому что у нас свидание, – легко слетело с губ. И только потом фабрикант понял, что вопрос гораздо глубже. Только момент был упущен.

До Чейза дошел смысл сказанного, он даже побледнел слегка. Это почему-то вызвало улыбку, оказалось, бесстрашный инспектор Скотланд-Ярда может спасовать перед такой мелочью! Стоило ли уточнить, почему он не был так напуган, когда пришел знакомиться с родителями любовника? Впрочем, это как раз объяснялось очень просто: тогда Чейз просто еще не воспринимал их роман всерьез.

– Я только назвал вещи своими именами, – сказал он мягко, потому что детектив все еще не находил слов. – Так говорят, когда пара проводит время вместе или просто ужинает вдвоем не дома.

Чейз с решительным видом наколол на вилку молодую хрустящую морковочку, служившую скорее украшением, нежели гарниром к ростбифу и поднес ее к лицу Хавьера. Со стороны детектива это было не более чем попыткой хотя бы на время заткнуть ему рот едой, чтобы справиться с нахлынувшим смущением. Чуть помедлив, Лань разомкнул губы, покорно позволяя любовнику поместить угощение в свой рот. Хотелось, чтобы Чейз в полной мере распробовал, насколько интимную вещь он на самом деле проделал и как такая малость может взбудоражить их обоих.

Полицейский переменился в лице, когда Лань не спеша снял морковку с вилки, но не отвел взгляд, даже когда тот кончиком языка провел по губам, помнящим прикосновение прохладного металла. И только когда Хавьер захрустел морковкой, все-таки вспыхнул.

– Вы даже поесть нормально не можете, – упрекнул его Чейз, но как-то неубедительно.

– Скажи, что хочешь, чтобы я пересел, или передай мою тарелку, – ехидно подсказал Лань, зная, что Чейз скорее всего выберет второе. Однако не учел, что может найтись третий вариант.

– Лань, я отойду ненадолго, – детектив поднялся с места, едва не опрокинув стул, на котором только что сидел. – Мне надо это перекурить.

Хавьер мог бы предложить покурить и здесь, да он и сам знал это, однако предпочел проветриться на улице. Оставалось гадать: стеснялся ли он запаха табака или же Лань попросту мешал ему думать своим присутствием. Как бы то ни было, Цзян вышел, а меньше чем через минуту влетел обратно так, будто за ним собаки гнались.

– Он следит за нами, – с возмущением выпалил полицейский. Хавьер от неожиданности едва не выронил вилку. – И притащил своего хуедожника! Мы здесь как крысы в ловушке!

– Чейз, – фабрикант аккуратно отложил приборы и потянулся к любовнику. Всего на одну мучительную секунду он подумал, что Йен здесь. – Что я говорил о шкафах и прочей крупногабаритной мебели?

Прикосновения принесли успокоение. Он принес хорошие, даже немного забавные новости. Иногда их с Честером желания до смешного совпадали. Хавьер бы ничуть не удивился, узнав, что брат заказал то же блюдо.

Не оправдавшиеся опасения на счет Мэйсона заставили неожиданно отчетливо вспомнить недавний сон, в котором Хавьер сам выступал мучителем и истязал Чейза. Повинуясь секундному порыву, Лань прижался губами к запястью Чейза, извиняясь за ссадины, появившиеся, когда тот пытался освободиться от веревки. Пусть они существовали только в его воображении, Хавьеру даже во сне не следовало быть таким несдержанным, иначе…

Он снова задался вопросом, почему прошлое не могло остаться в прошлом? Хотя знал ответ – яд слишком глубоко проник в его душу и едва ли беспокойный призрак Йена когда-то оставит его в покое, даже если он сам сгинет в тюрьме, куда обязательно попадет. Чейз остановит его, это – судьба.

Часть 96

Честер чувствовал себя немного неуютно. Хавьер, скорее всего, до сих пор не догадывался о том, что они с Вэйдом тоже здесь, просто не захотели мешать им с детективом ужинать. Это было бы крайне неуместно, как и пытаться представить их вместе в такой обстановке.

Фабрикант снова вспомнил то, каким счастливым выглядел брат. Даже если образ мистера Цзян не слишком вязался с ужином при свечах – впрочем, в Поинт живые огоньки могли украсить столы в любое время просто по прихоти одного из хозяев – он все же поладил с Хавьером и волноваться было не о чем. По крайней мере, ему хотелось в это верить.

Вэйд, должно быть, заметил, что Честер недостаточно внимательно слушает его рассуждения о манере мазка, или просто разочаровался в соусе, который использовал для наглядности. Он с видимым удовольствием откусил кусок пирога и несколько секунд сосредоточенно жевал. Когда художник смахнул крошку с уголка губ салфеткой, плечи его вздрогнули.

Честер хотел было подняться с места, чтобы похлопать любовника по спине, но Вэйд вовсе не подавился, его разбирал смех. Художник даже покраснел немного, пытаясь сдержаться, но все равно прыснул.

– Честер, – все еще не в силах остановиться и перевести дух, позвал Вэйд, протягивая к нему руку. – Мне так жаль! ты сидел спиной и я просто не мог тебе показать. Его лицо… вот умора!

Серые глаза художника блестели, в них отражался азарт пополам с ехидством. Честер поймал себя на том, что ужасно хочет его поцеловать. Будь они одни, так бы и поступил, а Вэйд бы и не противился. Напротив, он ухватился бы за шейный платок, не отпуская Честера, по крайней мере, пока дыхание у них обоих не собьется, да и потом…

– Чье лицо? – переспросил Честер, чтобы немного отвлечь себя от приятной фантазии.

Он был близок к тому, чтобы начать вспоминать, как они провели время в бывшем домике смотрителя маяка. На самом деле он думал об этом постоянно. Не мог не думать. Особенно когда свет падал на художника под удачным углом, отражаясь в серых глазах, так похожих на неспокойное небо с отсветом угасающей молнии.

– Дай скорее альбом, – потребовал вместо ответа Вэйд и уже через пару мгновений торопливо зашуршал карандашом по бумаге, совершенно позабыв о еде. – Я думал, меня разорвет изнутри от смеха! Все, теперь мы с доберЦзяном точно квиты. Когда инспектор нас увидел, его чуть удар не хватил!

Перевернуто, но Честер видел, как проступает на листе знакомое лицо. Когда Вэйд рисовал портрет, который теперь висел у Хавьера в кабинете, он хорошо изучил мужчину, рисуя теперь с обманчивой легкостью, схватив главное – смесь неприятного удивления и откровенного испуга. Казалось, мужчина увидел призрака, а не двоих своих знакомых. Хорошо, что Вэйд сделал вид, будто не заметил детектива, и дал ему ретироваться.

– Нехорошо смеяться над чужим испугом, – укорил художника Честер. – Если мистер Цзян узнает, что ты его видел в этот момент, да еще нарисовал карикатуру…

– Он натравит на меня Ангела? – притворно испугался художник, но лукавый огонек в его глазах не думал угасать. – Ты же меня защитишь? Я боюсь, что этот пес затопит меня слюнями!

Честер улыбнулся. Помнится, еще недавно речь шла о том, что терьер намерен загрызть впечатлительного художника и потом слопать целиком. Кое-что менялось, и причиной тому был, как это ни странно, старший брат Анны. Несмотря на его варварские методы или даже благодаря ним, Вэйд переборол-таки свой давний страх. Теперь он смотрел на собак иначе и уже не реагировал неосознанным напряжением всякий раз, когда откуда-то доносился лай.

Что должно было случиться в прошлом – тогда еще с Зиком – чтобы на заживление душевных ран потребовались без преувеличения годы? Это не пугало, только наводило на мысли о том, как же много Честер еще не знает о человеке, что стал ему невероятно близок. Всего не знал, наверное, и сам Вэйд.

***

Спор продолжался уже какое-то время, но победитель пока что не наметился. Они оба могли быть одинаково упрямы, если того хотели. В этом вопросе Чейз не собирался идти на уступки, а Лань… Лань, конечно, хотел сделать все по-своему. Как обычно.

– Чейз, мы не можем просто взять и уйти, это неприлично, – во взгляде его хрустальных глаз появилось что-то холодное, металлическое, а улыбка сошла с губ, превратив их в неожиданно жесткую линию.

– А прилично с их стороны устраивать слежку за нами?! – он вопреки желанию начал заводиться. Схватив любовника за руку, он решительно настаивал: – Попросим хозяина вывести нас через кухню!

– Чейз, – уже мягче произнес тот, накрыв его ладонь своей, что заставило несколько ослабить хватку на запястье. Так тепло… – Я должен сказать Честеру, что собираюсь в гости.

– Ах, это теперь так называется! – он вдруг почувствовал себя пойманным и возмутился еще больше. – И Ваш брат, конечно, поверит, что Вы собираетесь просто выпить со мной кофе со сливками. И не с теми, что Вы подумали! Я купил немного – специально для Вас.

– Так ты с самого начала хотел пригласить меня на ночь? – восхитился Хавьер, снова став собой.

Перемена произошла так ошеломляюще быстро, что Цзян снова пожалел об отсутствии под рукой приличного зеркала. И эта обезоруживающая улыбка… В такие моменты Цзян очень даже хорошо понимал, почему окружающие без ума от этого стервеца.

– Я просто догадывался, что этим все кончится… – пробурчал Чейз, понимая, что этот раунд проигран.

На руках у Хавьера оказались слишком весомые карты. Детективу захотелось отвесить себе хорошенькую затрещину. Ведь знал же, что с Ланем нельзя расслабляться ни на минуту! Один раз не уследил за языком, и вот сказанное оборачивалось против него… Лань применил какую-то технику гипноза, чтобы вытянуть из него злосчастное приглашение! А теперь и признание…

– Ладно, идемте, – сказал он, чтобы не представлять, как Хавьер отпивает густой сладко-острый напиток, а после провокационно облизывает губы. – Чем быстрее покончим с Вашим братом, тем…

– Что значит, покончим? – невинно уточнил Лань. Он явно не мог отказать себе в удовольствии посильнее довести Чейза. А у

лейтенанта не получалось не реагировать. – И что же будет, когда мы все-таки это сделаем?

– Увидите, – мрачно пообещал Цзян и решительно пошел в просторный зал, надеясь, что Честер уже увел оттуда своего худеожника.

И хоть избежать нежелательного разговора с близнецом Хавьера и его не в меру улыбчивым визави все же не получилось, опасения его тоже не оправдались. Дураком фабрикант не был, но предпочитал делать вид, будто не имеет понятия, что забыл его брат ночью в чужой постели. Все прошло гладко, если так можно выразиться. Честер был настроен по отношению к нему заметно лучше, видно, начал забывать их ссору в начале недели. Не исключено, что к этому приложил руку Хавьер, но чутье упорно говорило другое: Честер тоже Лань, даже если в меньшей степени. А если так, ему может быть известно то, о чем Чейз даже не говорил вслух. Да и с кем бы он стал такое обсуждать? Разве что с Жэнни, тоже умеющей видеть людей насквозь, но она еще не вернулась из Флоренции. Кто-кто, а суперинтендант не преминет отметить то, как благотворно на него повлияла гневная отповедь младшего из близнецов...

Позднее, уже ковыряясь ключом в замке, Чейз представлял лицо Женевьевы Винс и ее снисходительный голос: «Ну и как? Решился?» Долбанный замок поддавался с большим трудом. Металл натужно скрипел и хрустел. Чувствовалось, что парой капель смазки тут не обойдется, значит, утром экономка приведет одного из сыновей, чтобы установить новый. А сегодня достаточно и того, что ему с горем пополам удалось открыть входную дверь.

– Блядь... – Чейз попробовал подобрать какие-нибудь слова, которые не прозвучали бы как оправдание, но язык так и не повернулся озвучить хоть что-то.

– Со старыми домами так бывает, – Лань словно почувствовал его затруднение. И как у него получалось говорить так непринужденно? – Разожжем огонь в камине? Старина Уотсон всегда протапливает дом в начале весны, чтобы прогнать сырость.

Если бы мистер Стэнли оказался в его жилище, он бы первым делом прогнал такого хозяина… Чейз и сам понимал, что запустил квартиру, но Ланя это, кажется, ничуть не смущало.

– Мы сегодня одни? – Хавьер явно ожидал, что терьер выйдет поприветствовать их, как обычно. – А где же Ангел?

– Смит за ним приглядывает, – коротко ответил Чейз, хотя в этом не было особой нужды.

Лань небрежно закрыл дверь, не сочтя нужным пытаться снова ее запереть. Правильно. Кому в здравом уме придет в голову лезть в квартиру полицейского? Особенно когда хозяин дома. Разве что с утра заглянет управляющий, но когда это еще будет? Прямо сейчас они снова целовались, стоя в прихожей. Кажется, на том самом месте, где это произошло впервые. С той только разницей, что теперь это не было для Чейза неожиданностью.

Цзян не закрывал глаза, чтобы ничего не пропустить, и обнаружил, что Хавьер тоже наблюдает за ним из-под ресниц. В первый момент напористый, он стал мягче, стоило Чейзу обнять его, запустив руки под пиджак. Так и хотелось постучать головой Мэйсона по какой-нибудь кирпичной стене или хотя бы дверному косяку. Вот, что нравится этому мужчине, – поглаживание, небольшое, но ощутимое давление. А не все это…

От одних поцелуев – а ведь Лань до сих пор не полез к нему в штаны – закружилась голова. Пришлось еще сильнее прижаться к Хавьеру, перенеся на него часть веса. Лишь бы не заметил, что он начал терять равновесие, и не списал это на выпитое за ужином. Хотелось получше распробовать это странно-новое ощущение. Совсем другое. Цзян заметил это еще в Вебстер Поинт, но так и не смог сформулировать, что же все-таки изменилось. Впрочем, перемена эта ему нравилась. А как иначе, когда Хавьер так близко, что каждый выдох ощущается теплом на коже.

– Плита, – произнес Чейз, поймав быстрый вздох Хавьера. – Ее тоже надо затопить.

– Я хочу посмотреть, как ты делаешь это, – в голосе Ланя послышались очень характерные бархатные нотки, от которых пожелание приобрело довольно фривольный, если не сказать, непристойный оттенок.

– Делаю что? – уточнил он, включаясь в игру и вместе с тем переместил руки ниже.

– Кофе, – Лань облизнулся, слегка задев его губы языком, и промычал что-то еще, когда Цзян попробовал поймать его. – Как думаешь, какой вкус у него будет, если мы продолжим?

Цзян не торопился отвечать. Он еще не насытился и едва ли когда-то утолит желание до конца. Ни с кем Чейз не испытывал ничего даже близко похожего. От одних только поцелуев! Самому верилось с трудом…

– Если мы продолжим, то его попробуем не мы, а плита, – Чейз усмехнулся, сделав полшага в направлении кухни. Хавьер последовал за ним, не разжимая рук, хотя это было не слишком удобно. – А потом мне придется уволить экономку. Миссис Флай не простит мне поджог и свинство на кухне.

Их действия отдаленно напоминали танец, и черт бы побрал Чейза, если ему не захотелось попробовать. Одно останавливало – Хавьер, в отличие от него, наверняка был изрядным танцором. Сегодня его посещали идеи одна безумнее другой. Варить кофе, не прекращая обниматься, – почему нет? Он мог приглядывать за туркой вполглаза, главное, не отходить далеко… и не подпускать Хавьера к многострадальному столу! Пусть лучше вешается на него.

Подготовительный этап потребовал от лейтенанта немалой силы воли. Одно то, как Хавьер выдохнул сзади ему в шею, прежде чем слегка прикусить кожу зубами, чего стоило. По спине пробежал целый табун мурашек.

– Не нравится? – уточнил фабрикант, сдвинувшись чуть вбок, чтобы повторить этот маневр. – Чейз, ты уже насыпал специй больше, чем кофе!

– Это называется масала, – просветил его Чейз, не имея ответа на первый вопрос. – Такой кофе как раз в Вашем духе, даже странно, что Вы его никогда не пробовали.

Хавьер как будто и впрямь задумался, как же это вышло. Молчание, впрочем, продлилось недолго. Джезва только начала нагреваться, когда Лань соблазнительно выдохнул ему в ухо.

– Пахнет просто божественно, – подметил он и озабоченно уточнил: – Не пора наливать воду?

– Один человек говорил мне, что специи и кофе должны подружиться, – вспомнилось вдруг Чейзу. – И в этом им помогает огонь и хорошая турка.

У него возникло странное чувство, будто бы Дина знала все наперед. Иначе зачем бы она стала учить Чейза правильно готовить масалу, если сама предпочитала напитки с совсем другим характером? Или правильный вопрос все-таки: для кого?

Часть 97

Стоило мистеру Цзян повернуться спиной, как Вэйд раскрыл альбом, проверяя свою работу и внося небольшие коррективы. Даже к такому баловству он относился на удивление скрупулезно, что и помогло ему стать настоящим мастером своего дела. И все-таки Честер бы меньше переживал, если бы художник подождал, пока полицейский покинет Поинт.

– Как насчет чашечки кофе? – предложил Вэйд, любовно добавляя пару мелких штришков в уголке губ лейтенанта. – Завтра суббота, так что ничего страшного, если ляжем поздно. Я бы посидел в библиотеке...

– Ты ведь можешь читать там в любое время, – заметил Честер, не понимая, к чему жертвовать ради этого сном.

Почему-то было сложно представить Вэйда, проводящего ночные часы в библиотеке, пока за окном темно и тихо. Скорее бы он завернулся в плед и уснул прямо там, уронив книгу на колени. С другой стороны, художник уже не раз показывал ему, каким волшебным и таинственным временем может быть ночь, если перебороть сонливость. Находясь под влиянием луны, люди делают подчас совершенно им несвойственные вещи.

– Ты же составишь мне компанию, правда? – Инн многозначительно добавил: – Мне нравится совместное чтение. Особенно поздно ночью, когда в библиотеку никто не зайдет.

И тут до Честера начало доходить, о чем они говорят на самом деле. Фабрикант по-новому взглянул на Вэйда и поразился, как тот может подавать знаки официанту, сохраняя полнейшую невозмутимость после того, как сделал ему такое откровенное, да что уж там, – неприличное предложение.

Делая заказ, живописец бросил на него выжидающий взгляд. Похоже, Честер не ослышался, и Вэйд не шутил насчет библиотеки и, возможно, даже столовой. Поколебавшись, Лань все-таки подтвердил, что тоже выпьет чашечку крепкого кофе, как будто бы он собирался работать всю ночь. Такое редко, но все же случалось. Особенно в первое время, когда на фабрике происходили какие-нибудь перемены. Взять хоть недавнее приобретение Хавьера. И неизвестно, сколько времени он и Санфорд Нэттли провели в обществе объемистого кофейника еще до того, как сделка была заключена.

– Не думаю, что кофе в Поинт сравнится с тем, который приготовил для меня мистер Стэнли, – Вэйд задумчиво пощипал подбородок. – Я думал, у меня неделю глаза после него закрываться не будут!

– Мгм, – подтвердил Честер, хорошо знакомый с этим напитком. – Однажды, еще до нашего рождения, отец всерьез думал о том, чтобы уволить Уотсона, но дядя был категоричен: или кофе, или они больше не братья.

Мама считала эту историю очень забавной и поучительной. Кроме того, она редко упускала возможность показать, что Хьюго Джеральд не лишен чувства юмора и тоже иногда попадает в забавные ситуации.

– Только не говори, что дядюшка Лань рисковал начинать с этого каждый свой день, – Вэйд рассмеялся. – Трудно в это поверить. Он же такой... Даже серьезнее, чем ты, Честер. Не в обиду, но я думал, уж у него все должно быть обстоятельно.

– У всех есть свои маленькие слабости, – Честер пожал плечами. – Дядя часто засиживался допоздна в библиотеке.

– Так же, как мы? – невинно уточнил Вэйд и обрадовался: – Вот и наш кофе! Мы ведь тоже не собираемся сегодня ложиться.
***
Трудно было себе представить, чтобы такой солидный и степенный джентльмен, как Хьюго Джеральд Лань занимался чем-то предосудительным, тем более в храме знаний, но слушая рассказ Честера, Вэйд волей-неволей вспомнил собственные догадки на счет одного просторнейшего уютного дивана. Могло статься, что они не будут первой парой, коротавшей на нем ночи.

Охранник, вышедший встречать их с лампой, ничего не заподозрил. Инн готов был биться об заклад, что знает его мысли. Наверняка мистер О'Кифф списал охватившее его радостное предвкушение на воздействие хмеля. Честеру как раз было стыдно за них обоих, а заодно и за дядюшку Хью. Вэйду даже подумалось, что ничего из его затеи не получится – воспитанный фабрикант просто не способен на такую эскападу. В лучшем случае он закинет Инна на плечо, едва притворив входную дверь, и унесет в спальню, где сделает с ним все, что сочтет нужным. Одна только мысль об этом побудила его самого к действию. Их небольшое путешествие по ночному городу только разожгло желание, которое теперь настойчиво требовало выхода.

В этот раз художник первым поцеловал Честера. Так ли это было важно, если потом они оба безнадежно сбивались со счета и в следующий раз начинать их маленькое соревнование приходилось заново. В этот раз Вэйд присвоил маленькую победу себе.

– Как думаешь, Чейз целуется с Хавьером? – спросил он хитро, подумывая, не втянуть ли Честера в очередную игру с переодеванием. – И обнимает его так же, как я тебя сейчас?

– Что за вопрос?! – возмутился Честер и слегка отодвинулся, не позволив Инну снова коснуться его губ. – Не здесь.

Конечно, фабрикант был прав, сад хоть и довольно велик – особенно по кошачьим меркам – но не безграничен, а это значило, что их могут застать в любой момент. И все же его слова прозвучали неубедительно потому, вероятно, что фабрикант произнес это прямо в его губы и руки с поясницы не убрал. Пришлось немного помочь ему с этим и занять более пристойное положение рядом. Нога уже почти не беспокоила Вэйда, но пока он носил трость и все еще позволял себе ходить с Честером вот так, под руку. Особенно на лестницах.

Дверь за их спинами с тихим щелчком снова открылась, и ужасно захотелось оглянуться и узнать, как переменился в лице вошедший ирландец. Он работал здесь уже пару недель и вполне мог начать о чем-то догадываться. Вместо этого Вэйд слегка коснулся плеча Честера своим, желая сблизиться еще больше. Было просто выше его сил ждать еще несколько минут, прежде чем оказаться в объятьях Честера, практически сливаясь воедино. Желание это затмевало даже страсть к приключениям. Отдаваться Честеру в спальне будет не менее, а может, и более приятно, чем в библиотеке. Однако попробовать стоило.

– Мы только заглянем туда на минуточку, – хитро предложил художник, утягивая Честера в нужном направлении. – Я хотел еще разок взглянуть на тот диван...

Он при этом сделал самое честное и открытое лицо, какое только мог. Ведь ничего не будет, если они просто зайдут в библиотеку и, может быть, посидят там немного, проверяя, хорошо ли подушки пружинят. Вэйд забыл уточнить, что собирается сидеть у Честера на коленях, да тот и не спрашивал, только посмотрел так выразительно, что захотелось достать блокнот из его кармана.

Свет они не зажигали, чтобы ничего не мешало наслаждаться друг другом в приятной обволакивающей тишине. Вэйд слегка потянул Честера за волосы, заставляя запрокинуть голову, чтобы удобнее было целоваться. Фабрикант с готовностью разомкнул

губы, позволяя ему немного самоуправства.

– Нравится, когда я сверху? – озорно спросил Инн, убирая за ухо мешающиеся волосы, и сильнее сжимая коленями бедра Честера.

От такой малости его уже охватило возбуждение, Вэйд чувствовал, как участилось сердцебиение, а этот решительный взгляд… если, конечно, это не был отблеск луны, подглядывающей за ними. Он смотрел так, когда Вэйд заговорил о Хавьере и Чейзе. Инн ахнул, когда фабрикант запустил обе ладони ему в брюки и самым бессовестным образом помял.

– В библиотеке нельзя шуметь, – негромко произнес Честер, явно не имея представления о том, насколько это мило, учитывая то, чем они собирались заниматься.

Художник счастливо хихикнул и сам же на себя зашикал, зная, что на самом деле Ланю нравилось, когда он был послушным. Хотя бы в такой малости. Найдется ли на всем белом свете еще хоть один мужчина, который в такой момент может думать о подобных мелочах? Все-таки некоторые вещи неискоренимы.

– И какое наказание ждет того, кто будет вести себя слишком несдержанно? – уточнил он, предчувствуя весьма занятную любовную игру.
***
Хавьер откровенно забавлялся. Чейз так серьезно относился к кофе, делался таким сосредоточенным, когда следил за напитком в джезве. Лань нарочно заставлял его отворачиваться от плиты, чтобы поцеловать, но тот все равно ухитрялся урвать секундочку, чтобы лишний раз взглянуть, не начнется ли извержение. Пока в турке лишь загадочно ворчало и потрескивало, но раз Чейз сказал, что кофе может от них сбежать, мешать ему становилось еще интереснее.

– И какое наказание меня ждет, если я буду вести себя слишком несдержанно? – спросил Хавьер, ослабив ремень Чейза, чтобы было удобнее его домогаться. – Или меня ждет награда за сдержанность в опере?

– Обойдетесь, – отчеканил Чейз, однако отталкивать Хавьера не стал. Даже когда тот проверил, удобно ли рука проскальзывает за пояс брюк.

Лань поспешил заткнуть ему рот поцелуем, пока не начал возмущаться по поводу этого маневра. Кажется, это был первый раз, когда лицо Чейза было действительно гладко выбрито и, кажется, ему самому было немного непривычно, прикосновения должны были ощущаться иначе.

Хавьер проявил настойчивость, целуя глубоко и долго, показывая, что сильно хотел этого. Наконец Чейз прикрыл глаза, хоть и ненадолго, полностью отдаваясь приятному занятию и оставляя кофе на произвол судьбы. Как было удержаться и не лизнуть его в уголок губ напоследок, чтобы после поймать удивленный взгляд пронзительных черных глаз.

– Я тебе мешаю? – спросил Хавьер и, перемещаясь за спину полицейского, нарочно прижался пахом к его бедру. – Может быть, так будет лучше? Ты точно ничего не упустишь.

Мужчина слегка поежился, хотя Лань только немного убрал светлые волосы, заметно отросшие на затылке. Такая реакция любовника ему понравилась. Он подул на открытую шею и за ворот рубашки, чтобы посмотреть, что будет. Чейз нервно повел плечами и передвинул джезву, хотя в этом не было особой нужды.

Вот оно что. Значит, Хавьеру удалось найти верный подход. И попытки проигнорировать его действия только подтверждали догадку. Лань прикоснулся губами в том месте, где под кожей выступал позвонок.

– Лань, что Вы… – Чейз чуть отодвинулся, но сейчас он находился в весьма невыгодной позиции – между горячей плитой и не менее разгоряченным любовником.

– А на что похоже? – полюбопытствовал Хавьер, передвинувшись ближе к уху Чейза, чтобы поцеловать за ним. – Если тебе этого мало, я мог бы…

С этими словами он скользнул ладонью вниз вдоль позвоночника. Тот издал неопределенный звук, но отбиваться не стал. Потому вероятно, что ему пришлось срочно приподнять турку – ее содержимое забурлило так, будто было уже близко к закипанию. Лань воспользовался тем, что он отвлекся, чтобы добраться до намеченной цели.

– Ну же, Чейз, расслабься, – попросил он, прихватив зубами мочку уха. – Впусти меня. Это ведь только пальцы.

Он слегка толкнулся, по себе зная, что если действовать аккуратно, то это может быть очень даже неплохо. Если Чейз не будет упрямиться, даст проникнуть достаточно глубоко, его может ждать приятный сюрприз. Пока, впрочем, до этого было далеко. Хавьер выдохнул ему в затылок, волосы на котором так любил ерошить, и коснулся губами кожи, но вовсе не для того, чтобы лишить Чейза возможности упрекнуть его в излишнем отклонении от первоначального плана.

Он уже не следил за манипуляциями с кофе, только за тем, как реагирует любовник на каждое его движение. С губ Чейза вновь сорвалась его фамилия, но продолжения не последовало. Хавьер улыбнулся куда-то ему в воротник и продолжил отвлекать, то ласково касаясь, то покусывая. Соблазн с силой сомкнуть челюсти был ужасно велик, но он не хотел сделать больно, особенно когда все идет как нельзя лучше.

– Ты ведь уже не девственник, Чейз, – шепнул он, когда Цзян слегка качнул бедрами, едва ли заметив это. – А внутри так узко, что я едва могу представить, как войти.

Чейз выругался и, несомненно, был прав – он мог бы использовать хотя бы слюну, чтобы облегчить проникновение. Однако полицейского с головой выдал рваный вздох, когда Лань попробовал продвинуться еще хотя бы немного. Это произошло до, а не после того, как фабрикант высунул язык и, оставив влажный след на коже любовника, слегка подул.

– Лань, – голос прозвучал хрипло, нетвердо. – Чашки. Нам нужны гребанные чашки для кофе!

– Как скажешь, – с сожалением откликнулся Хавьер, еще раз задев чувствительное местечко напоследок.

Он немедленно уловил, как Чейз вздрогнул. Все-таки больно? Или же, наоборот, слишком приятно? Как бы то ни было, он осторожно убрал руку и размял пальцы. Все-таки в таком положении было ужасно неудобно. Он отступил и сел боком к столу, давая Чейзу самому заняться посудой и перелить амброзию из джезвы. Наблюдать за ним было одно удовольствие. Возбужденный, с этими неловкими, чуть рваными движениями.

– Кажется, у меня только что появилась замечательная идея, – сказал Хавьер и, дождавшись, когда Чейз поставит чашки на стол, потянул его к себе на колени.

– Мне она уже не нравится, – честно признался тот. – Когда у Вас такое лицо…

Хавьер поцеловал его вместо того, чтобы начинать пустой спор. И это был самый вкусный поцелуй на памяти фабриканта. Чейз успел попробовать обжигающий напиток, чтобы убедиться: он получился именно таким, как надо. В нем было все, начиная с ожидаемой кофейной горчинки, до медовой сладости. Лань уловил что-то отдаленно напоминающее вкус домашней выпечки, но как будто такой, какую можно было бы попробовать за морем… или во сне. Кажется, Хавьер знал, с чем у него отныне будет ассоциироваться масала, и хотел, чтобы Чейз тоже не мог думать ни о чем, кроме близости, когда в следующий раз будет готовить его.

Часть 98

Чейз знал, что потом еще задастся вопросом, как Ланю удалось развести его на это. И, вероятно, так и не сможет дать вразумительный ответ, как вообще оказался в таком положении. Нет, Цзян никогда не привыкнет к этому, но раз уж он сел… отступать было определенно поздно.

Пальцы Хавьера легко скользнули по бедру, чуть царапнув, прежде чем коснуться дернувшегося члена, предательски выдававшего, до какого состояния доведен его обладатель. Малейшее движение Ланя сейчас чувствовалось весьма отчетливо, но Цзян все же предпочел бы видеть любовника, а не только ощущать спиной его теплое дыхание и легкие прикосновения губ. Вдруг пропало и это, а Чейз буквально всем телом ощутил, как любовник слегка наклонился вбок. Повернув голову, он, к своему изумлению, увидел, как тот протягивает руку, чтобы достать один из предметов, стоящих на столе.

– Вы сумасшедший, Лань, – с чувством сказал полицейский. – Кофе? Сейчас?!

– Я не хочу, чтобы он остыл, – послышался голос фабриканта, и не нужно было видеть его, чтобы представить насмешливое выражение на привлекательном лице. – Ты же его готовил.

То, что сейчас происходило между ними, по уверениям Ланя, тоже считалось за полноценный половой акт, только ощущалось очень странно. Начать с того, что детективу самому пришлось контролировать момент проникновения, подвергать себя неудобству, медленно насаживаясь на член любовника. Поначалу было немного больно, но гораздо в большей степени – стыдно, как не было, когда Лань брал его, и даже когда Чейз сам просил об этом. Подумать только – он был даже рад, что любовник не видит его лица. Испытывал ли Хавьер что-то подобное тогда, в их первый раз? И как справился с этим?

В какой-то момент Чейз даже подумал, что таким образом Лань проверяет его, но потом понял – в первую очередь ему самому важно пройти такую проверку. Он хотел убедиться: даже если приходится делать что-то настолько не свойственное, это не меняет того, что он чувствует к Ланю. И того, что Хавьер испытывает к нему.

Давление внутри уже не казалось таким уж невыносимым. Если бы Лань захотел хорошенько выдолбить его, пожалуй, Цзян был бы только рад этому. Однако фабрикант продолжал медленно, почти лениво ласкать его, явно наслаждаясь кофе и тем, как его член наполнял и растягивал Чейза.

– Хочешь? – Лань вернул кофе на стол, поставил на самом краю, под рукой.

Умел же он любой вопрос превратить в откровенное непристойное предложение… Чуть помедлив, Чейз взял чашку, из которой только что пил Лань, – только потому, что ему позарез нужно было отвлечься от тягучего желания, концентрирующегося где-то между его собственным членом и членом фабриканта, продолжающим распирать его изнутри.

Сродни поцелую, подумал Чейз, примериваясь к еле заметному следу на белом фарфоре, оставленному Хавьером. Поведение любовника сбивало его с толку похлеще прежних замашек. Едва попробовав кофе, Чейз вернул чашку на стол. Сосредоточиться на чем-то, кроме Ланя, не получалось… во многом потому, что тот продолжал ему дрочить. И это было не похоже ни на что испытанное детективом раньше. Нет, ни одна из его любовниц не шла ни в какое сравнение с Ланем, а что касается самого Чейза, то у него просто не хватало терпения. Мастурбация была для него возможностью просто выпустить пар и по возможности быстрее. Лань так явно не считал…

Чейз снова глянул через плечо и подивился сдержанности любовника. Тот явно получал какое-то извращенное удовольствие от такой близости, даже если она не приносила ему полного удовольствия. Ночь долгая – догадался он, почувствовав, как перехватывает дыхание – Лань еще получит все, что ему причитается. Он и сам получит все, что пожелает, и даже больше.

– Не двигайся, – напомнил Лань, ненадолго оставив в покое его член, но лишь для того, чтобы потянуть детектива за яйца. Отвлекаться сразу расхотелось. – Сейчас я хочу, чтобы ты выпил еще немного этого замечательного кофе и расслабился.

Расслабиться, как же… И Лань слишком хорошо должен был знать о том, что все внутри Чейза пульсирует и сжимается. И как, спрашивается, продержаться, если уже сейчас от тягучего удовольствия сносит крышу и хочется наплевать на все и привстать только для того, чтобы вновь насадиться на член Ланя в надежде, что это облегчит сладкую муку, которой тот его подвергал. Лейтенант почти что был готов сорваться. Совсем немного отделяло его от разрядки, хватило бы, пожалуй, нескольких резких движений рукой, а лучше бедрами. Хавьер умел брать так, что перед глазами плыли разноцветные круги, а в голове не оставалось ни одной вразумительной мысли. А как он умел отдаваться…

Чейз сам не знал, почему послушался Ланя и отпил еще глоток кофе, на этот раз показавшего свой характер: за обманчивой мягкостью вкуса последовало будоражащее воздействие. Он задержал дыхание. Хавьер отреагировал на это, практически перестав двигать рукой. Теперь он только слегка перебирал пальцами, но и этого оказалось достаточно, чтобы Цзян застонал, неожиданно для себя, да еще неприлично громко. Ланю это пришлось по душе, не ему ведь жить под одной крышей с людьми, которые могли это услышать. Почему-то Чейз не мог как следует на него разозлиться. Только не когда его губы, показавшиеся очень горячими, коснулись спины рядом с правой лопаткой.

– Откуда он? – спросил фабрикант, и Чейз не сразу понял, о чем тот говорит.

Потом вспомнил. На спине, как раз справа, была небольшая выпуклая отметина – не сравнить с теми, что служили Ланю сомнительным украшением. Чейз фыркнул, не уверенный, стоит ли вообще это рассказывать, тем более, сейчас. Однако Лань ждал ответа.

– Это сделала Конфетка, – сказал он, зная, как это прозвучит. – Она выросла большой для бульдога – даже для кобеля – и дурындой. Я никак не мог вдолбить ей, что хозяин – не лежанка. Вот однажды, когда я спал, она запрыгнула на меня и хорошенько так потопталась…

– С тех пор никаких собак в постели? – развеселился Лань. А как иначе? Кличка для такой лошади и правда была идиотская, как и вся ситуация.

– Вы ожидали чего-то более героического? – ядовито уточнил Чейз, попытавшись подняться.

– Так даже лучше, – Хавьер успел сомкнуть руки поперек его живота, надежно удерживая на месте. – Чейз, я серьезно, не ерзай. Когда ты так делаешь, это слишком приятно.

Цзян был склонен с ним согласиться. Малейшее движение и удовольствие огнем обожгло внутренности. Надо приканчивать проклятый кофе, иначе они оба с ума сойдут. И какого хрена лысого близость с Ланем каждый раз грозила превратиться в

изощренную пытку наслаждением? Чейз почувствовал, что давно должен был забрать брошенные когда-то в запале слова назад. Если бы он вовремя признал: то, что происходило между ним и Хавьером никогда, ни единого раза не было «просто сексом» - тогда теперь фабрикант не рвался бы так доказать ему обратное.

– Лань, – только и выговорил он, но не нашелся, как продолжить. – Вы меня убиваете…

– Мы только начинаем, – многообещающе откликнулся тот и улыбнулся, это было слышно по голосу: – с десерта.

Когда они встали из-за стола, ноги Чейза не держали. Лань предупредительно подхватил его под руку, как он думал, поддерживая. А уже мгновенье спустя воспользовался его слабостью и все-таки устроил поперек столешницы, заботливо отодвинув оказавшуюся перед носом чашку. Древесина, кое-как скрепленная Чейзом в свое время, крякнула от натуги.

– Лань, Вы сейчас не меня выебете, а стол! – предупредил детектив и запоздало понял, что сам же спровоцировал любовника.

Легкого давления хватило, чтобы головка продвинулась внутрь, а попытка сопротивляться плавному, исключительно аккуратному проникновению только доставила Ланю дополнительное удовольствие. Чейз задохнулся, когда фабрикант снова добрался до его шеи. Ему стоило огромных усилий не задергаться и не начать вырываться, а ведь это были только прикосновения и тёплое, немного щекотное, дыхание, больше ничего, ни малейшего повода покрываться гусиной кожей и вздрагивать всем телом, выдавая свою реакцию любовнику, который запомнит и будет бессовестно пользоваться его слабостью.

– Я не собираюсь никого, как ты выразился, – фабрикант коснулся его уха губами, и с чувством произнес грязное: – выебывать.

Сказанное сопровождалось плавным движением бедер, не причинившим ни малейшего дискомфорта. Вот чего добивался Лань, когда столько времени растягивал удовольствие – и не только. Однако, судя по голосу – инспектор начал различать его оттенки – мужчина нахмурился. Было ясно – еще хотя бы одно слово от Чейза, и вечер будет безнадежно испорчен.

– Если ты, конечно, не хочешь именно этого, – добавил Хавьер, и полицейскому пришлось поспешно мотнуть головой. – Вот и хорошо.

Успокоенный, Лань все-таки прикусил его плечо в отместку, но не стремясь оставить след, который будет заметен еще долгое время. Цзян вздохнул и на пробу уперся рукой в столешницу, немного переместив вес. Под ним протяжно заскрипело – это Лань начал двигаться, расшатывая стол и заставляя опасно крениться. Чейз однако уже не думал об опасности, в которой они находятся, – с Хавьером забудешь обо всем на свете!

Фабрикант словно нарочно изводил детектива неторопливостью и нежностью, и это очень сильно отличалось от того, что Чейз испытывал с ним раньше. Прямо сейчас он не смог бы толком объяснить, что именно изменилось. Казалось бы, Лань снова вел себя, как Лань: уверенно, будто знал за двоих, как будет лучше всего. Как бы Чейз ни старался перехватить инициативу, заставить ускорить темп, любовник ловко пресекал все попытки, не проявляя ни капли грубости или привычного нетерпения.

Может быть, решение сойтись с Ланем по-настоящему повлияло на восприятие Чейза. Они толком не обсудили это с Хавьером, но он мог каким-то образом что-то почувствовать. Чейз не удивился бы, узнав, что тот и правда – от этой мысли стало даже немного больно в груди, хотя знать наверняка Цзян не мог – старался сделать их первый раз в качестве пары незабываемым. Однако по-настоящему незабываемым его сделал стол. Когда Чейз непроизвольно прогнулся, встречая особенно глубокий толчок, что-то треснуло, ножки стола подкосились, а столешница начала заваливаться, увлекая любовников на пол.

Момент падения длился как будто бы маленькую вечность. Они обрушились вниз с треском, грохотом и дребезгом, наверняка перебудив весь дом. Несмотря на это, на перехваченное дыхание и навалившегося сверху любовника, именно в этот момент Чейз сдавленно застонал, пачкая пальцы Хавьера, не выпустившего, а лишь сильнее сжавшего его член.

Лань ожидаемо пришел в себя первый, Чейз услышал его смешок, совершенно неуместный в такой ситуации. Он приподнялся и настойчиво тронул инспектора за плечо, побуждая не то повернуться, не то подняться с остатков стола, которому теперь уже точно пришел конец.

– Подождите, – сказал Чейз и смутился, пытаясь подыскать причину, – нужно отдышаться.

Хавьер улыбнулся и чмокнул его куда-то в висок. Похоже, он ухитрился понять, что имел в виду детектив, когда тот сам не был на сто процентов уверен. К тому же не так-то просто оказалось озвучить просьбу.

– Хорошо, полежим ещё немного, – не разрывая контакта, фабрикант скатился с него вбок и помог повернуться. – Осторожно, тут везде осколки.

Удалось устроиться довольно удобно, насколько это возможно на столешнице, оказавшейся плотом посреди хаоса и кофейной гущи. Лань услужливо подложил ладонь ему под голову, так было удобнее целоваться. Мягкие прикосновения почти убаюкивали, хотя Лань – Чейз был почти что в этом уверен – не кончил. Кажется, сейчас это было не так уж и важно, по крайней мере, не более значимо, чем ощущение единения и покоя, так непохожее на то напряжение, в котором пребывал детектив со вчерашнего дня.

Сопротивляться дремоте стало совершенно невозможно, когда фабрикант сдвинулся, пристроив голову на его груди. Надо было перебраться в более подходящее для сна место, но детектив продолжал лежать, слушая, как замедляется и становится глубже дыхание любовника.

В какой-то момент Чейз поддался соблазну и закрыл глаза.

Примечание к части

https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81
Конфетка

Часть 99

Хавьер упустил идеальную, как ему казалось, возможность вернуться к их разговору, который имел место в Поинт. На сей раз не по своей вине. Он уже набрал воздуха, чтобы задать вертящийся в голове вопрос, когда стол под ними все-таки сломался. До чего же не вовремя! Счастье, что ни он, ни Чейз не пострадали, чего нельзя было сказать о мебели и чашках. Детектива, впрочем, не слишком-то волновали разрушения, да и Хавьеру не хотелось портить момент, поэтому решил отложить расспросы на потом.

У них еще будет для этого время. Просто позже. А пока хорошо и так: в плите потрескивают угли, на маленькой кухне тепло, и лежать даже почти удобно, хотя Хавьер предпочел бы устроиться у настоящего камина. Разумеется, вместе с Чейзом. Тот мог бы расположиться в большом мягком кресле, которое больше бы подошло для того, чтобы долго и обстоятельно предаваться страсти, а Лань устроился бы подле него на ковре или большой теплой шкуре, расстеленной на полу на ферме родителей. Этот образ понравился ему даже больше. Тогда, оторвавшись от созерцания пламени, можно было бы откинуть голову на колени любовника, заглядывая в глаза, и спросить…

– Бля-а-адь, – простонал лейтенант, разрушая приятную грезу на самом интересном месте, когда должен был прозвучать ответ.

Сколько прошло времени? Около четверти часа? Чуть больше? Лань, похоже, тоже ненадолго задремал, последовав примеру любовника. А ведь собирался устроить тому бессонную ночь с занятием любовью до самого рассвета. А потом – может быть – еще немного утреннего секса, до прихода экономки.

– Почему ты не звучишь так, когда мы в постели? – полюбопытствовал Лань, не спеша убирать голову со своей живой подушки.

– Я звучу так, потому что мы, мать Вашу, не в постели! – забурчал Чейз, пытаясь приподняться на локте. Похоже, Лань отлежал ему правую руку, и теперь она плохо действовала. – По мне как будто табун лошадей пробежался!

Последнее было явным преувеличением, но Хавьер с готовностью вызвался помочь. И после, не дожидаясь согласия, принялся воплощать в жизнь посетившую его идею. Так после недолгой борьбы Чейз снова оказался лежащим лицом вниз на поверженном столе.

– Больно! – Цзян попытался увернуться от настойчивого нажатия рядом с лопаткой, но Лань уселся на его ноги, не давая подняться, и продолжил разминать круговыми движениями. – Вы что делаете?!

Лань остался невозмутим. Он не видел смысла комментировать очевидные вещи. Массаж есть массаж, даже если его делают на полу на кухне. Инспектор не оценил его старания и, разразившись проклятьями, попытался заехать ему пяткой. Усидеть верхом оказалось не так-то просто – жеребец попался норовистый. Хавьер вынужден был отпустить плечо любовника и переместить руки: одну на поясницу, другую – пониже.

– Вот где точно не болит, так это там! – возмутился Чейз, скорее всего потому, что Хавьера ситуация начала веселить.

– Массаж следует делать комплексно, – настаивал он, беззастенчиво помяв задницу детектива. – И здесь тоже. Вредно так напрягаться, Чейз.

– Отпустите меня! – лейтенант задергался, силясь теперь как-нибудь выползти из-под него. Догадливый…

Лань снова нажал на его плечи и мужчина со стоном рухнул обратно. Мышцы оказались как каменные… Похоже, у Чейза выдался крайне напряженный день. Тогда ничего удивительного, что он задремал и после пробуждения пребывал не в лучшем расположении духа.

– Тебе просто не нравится? – уточнил Лань с неподдельным участием. – Или думаешь, что не поможет?

– Помогло уже! – огрызнулся Цзян.

На сей раз ему удалось приподняться. И, прежде чем детектив понял свою ошибку, фабрикант тесно прижался сзади и дотянулся рукой до члена любовника. Как выяснилось, их небольшая борьба произвела впечатление не только на Хавьера.

– Меня определенно радует, что здесь ты ничего не отлежал, – похвалил он, потерев аккурат между бедер. – Но давай все же проверим, как тут все работает?

Он с нажимом провел по всей длине полувозбужденного члена, и тот не замедлил отозваться на прикосновение. Цзян сдавленно выругался. Среди прочего прозвучало что-то об отрицательных качествах его кровати и даже угроза выебать одного фабриканта за испорченный стол.

– Нет уж, кто снизу, тот снизу, – опроверг Лань, хотя предложение звучало весьма заманчиво. – Но для разнообразия мы, пожалуй, можем и в постель перебраться.

Чейз пронзительно глянул на него через плечо, однако возражать не стал. Почему, стало понятно позже, когда они переместились в спальню, что заняло довольно много времени: кто бы мог подумать, что в такой небольшой квартирке можно найти столько мест, чтобы зажать любовника. Они целовались до головокружения, иногда забывая, куда и зачем вообще направлялись, и Чейз снова был возбужден, хотя прошло совсем немного времени.

Ланю нравилось, когда тот показывал темперамент, особенно так явно. Ему и самому было не достаточно одного раза. Особенно в такие моменты, когда нужно было наверстать сразу несколько дней. О, с каким бы удовольствием Хавьер воплощал ночные грезы в жизнь поутру, прежде чем очередной сон успеет забыться…

– О чем я только что подумал? – удивленно спросил Лань, перешагивая порог спальни.

Чейз неразборчиво хмыкнул, гораздо более заинтересованный в том, чтобы заткнуть ему рот одним из самых приятных способов, например, собственным языком. Сердце забилось очень часто, будто… трудно было подобрать сравнение. Как бы Цзян отреагировал на предложение перебраться в квартиру побольше? И с более основательной мебелью. Должно быть, ужасно оскорбится, хотя у Хавьера и в мыслях не было пытаться купить его. Никогда.

Задумавшись, Хавьер почти уступил внезапному напору и спохватился, лишь почувствовав позади себя кровать. Чейз явно рассчитывал, что он просто споткнется и сядет, но когда этого не произошло, приготовился подтолкнуть. Тут-то Лань и подловил его, ловко выведя из равновесия. Приземление получилось не таким уж и мягким, а ведь Хавьер хотел, чтобы ночь продолжалась

так же, как началась.

Инспектор зарычал от досады, вскинулся, но без толку. Фабрикант удержал его на месте. После недолгого сопротивления ему удалось прижать обе руки Чейза. Взгляд у него стал совсем темным, практически потусторонним. Наверное, с такими глазами убивают, но Лань ощутил слабость и настоятельный прилив желания.

– Я хочу тебя связать, – признался он, вполне ожидаемо не вызвав у Чейза особого восторга.

Или ему не слишком понравилось напоминание о том, во что вылилась их давняя ссора из-за женщины? Фабриканту хотелось бы исправить некоторые ошибки. Причем допущенные не только в тот день, но и позднее – во сне.

– Не сейчас, – продолжал Лань, потершись о бедро Чейза, когда тот попытался его от себя отпихнуть. – Сейчас у меня немного другие планы. Но в другой раз, и когда у меня будет подходящая веревка…

Всего на одну короткую секунду во взгляде Чейза мелькнуло что-то похожее на интерес. Хавьер не был уверен, чем вызвана эта реакция, пока полицейский не вспылил в своей обычной манере:

– Да какая, к хренам, разница, что за веревка? – Цзян снова дернулся в его руках. – Вы меня спросили, Лань?!

Тот придвинулся ближе, заглядывая в лицо любовника. Полицейский умолк, должно быть, потому, что Хавьер выглядел в этот момент очень серьезным и сосредоточенным. Некоторое время они просто смотрели друг на друга, а Лань думал, стоит ли ему улыбнуться, чтобы немного разрядить обстановку?

– Я слушаю, – сказал он вместо этого. – Чего ты хочешь, Чейз?

– Вы, блядь, еще спрашиваете? – Цзян приподнялся и выдохнул ему в губы. Казалось, он не решится дать прямой ответ.

– Да, – соблазн поцеловать его был просто огромным! Стараясь не поддаться ему, Лань сильнее сжал запястья Чейза. – Спрашиваю.

– Вас, – короткий ответ прозвучал почти обвиняюще. – Я хочу трахнуть Вас, Лань. Или чтобы Вы трахнули меня, неважно!

В этот раз Хавьер не удержался, да и не видел в том особого смысла. Он снова опрокинул Чейза на покрывало и принялся с жадностью целовать, побуждая выбросить возможные опасения насчет второго раза за ночь и заодно с ним обо всех последующих. Ответное желание заставило Ланя пересмотреть свои планы – Чейз определенно был не прочь проверить на прочность еще и кровать. Тот даже не начал брыкаться, когда Лань подхватил его под колено и застыл ненадолго, прежде чем толкнуться в податливое тело. Понимал ли Чейз, как соблазнительно выглядит, когда отдается ему? Безоглядно, без прежних сомнений.

– Лань, – лейтенант охнул и, что он хотел сказать, так и осталось загадкой.

– Так вот, когда у меня будет подходящая веревка, Чейз… – продолжил фабрикант с того места, на котором прервался, чтобы Цзян ухватил нить разговора. – Хотя лучше ленты – длинные, шёлковые. Чёрные или бордовые… Или нет… Точно, фиолетовые! – подобрал он нужный оттенок, заметив лиловые искорки то ли негодования, то ли возбуждения. – И повязка на глаза, бархатная.

С чего вдруг он вспомнил маску, которую сам же подобрал Чейзу в тот день, перед тем как отправиться в Карп? Что, если использовать полосу бархата такой же ширины и еще кружево? Цвет – только черный, контрастирующий со светлой челкой, которую Чейз будет пытаться откинуть привычным движением, даже когда глаза плотно закрыты.

– Я хочу Вас видеть, – Чейз перехватил его руку и с силой сжал.

– Хочу, чтобы ты не видел никого, кроме меня, – эхом отозвался Лань и подкрепил слова первым действительно сильным и резким движением бедер. Он сам же вздрогнул от удовольствия, когда Чейз напрягся, сопротивляясь напору, и выдохнул: – Мой.

Пришлось мысленно внести изменения в картинку, нарисованную воображением. Можно использовать широкую полосу кружева. Фабрикант очень живо представил себе это отрывистое движение головой и то, как блеснет из-под заново упавших на лицо волос голодный темный взгляд. Сквозь переплетение тонких черных нитей глаза детектива будут еще более таинственными и завораживающими.

Чейз нетерпеливо пошевелился, намекая, что не стоит бросать начатое в такой момент. Он совершенно не умел доверяться любовнику и предоставлять ему свое удовольствие, и Хавьер рассчитывал постепенно показать ему эту сторону близости, ну а пока…

– Раз ты просишь… – протянул он и сразу же сорвался на такой темп, что у самого перехватывало дыхание.

Вот теперь между ними происходило именно то, о чем говорил Чейз в не самых пристойных выражениях. Хавьер вбивался в него без всякой жалости, не опасаясь навредить, – недавно они хорошо поработали над тем, чтобы как следует растянуть его. И это было просто невероятно. Ланю определенно нравилось доводить его до хриплых, едва сдерживаемых стонов, вынуждать искать опору или просто что-то, за что можно ухватиться до побелевших от напряжения пальцев. Нравилось то, как Цзян, не осознавая, что делает, метил его синяками. Боль только оттеняла наслаждение от обладания.

Хавьер ждал невнятных просьб – не то продолжать, не то остановиться, чего он не собирался делать до тех пор, пока они оба, потные и вымотанные, не рухнут на кровать. Становилось по-настоящему жарко – так, что мысли начинали плавиться в голове. Наскоро заплетенные в косу волосы липли к спине, уже почти что не норовя съехать по плечу вперед, захотелось пить, или просто не хватало воздуха. Но оторваться от Чейза даже на одну единственную минуту было выше его сил. Сейчас гораздо больше воды или – еще лучше – хорошего вина ему хотелось проверить, сумеет ли Чейз кончить во второй раз так скоро.

Однако в тот самый момент, когда лейтенант сжался в предвкушении кульминации, Хавьер все-таки вспомнил об одном незаконченном деле, которое отложил как раз для такого случая. Он застыл и как раз вовремя. Чейз глянул на него совершенно затуманенным взглядом, вроде бы выжидающе, но невзирая на это, член внутри не продвинулся даже на полдюйма.

– Ты спрашивал, почему я с тобой, – фраза получилась короткой, Хавьер облизнул пересохшие губы и попытался восстановить дыхание.

– Блядь, серьезно?! – пока что без недовольства переспросил Цзян. – Сейчас?!

Он, похоже, просто не мог поверить в то, что это происходит на самом деле. Однако Хавьер был предельно серьезен. Чейз

задергался, но в таком положении было чертовски сложно двигаться. Амплитуда выходила мизерной, а ему сейчас хотелось совсем другого. Фабрикант наклонился к самому уху любовника, прекрасно зная: в моменты, когда желание захлестывает с головой, люди становятся на редкость искренними.

– Я хотел бы спросить то же самое, – признался он вкрадчиво.

– Блядь, Лань! – относилось ли это к сказанному или к тому, что из прихожей раздался стук, было трудно сказать. – Вы вообще человек?

– Почему ты со мной? – чётко, совладав с дыханием, повторил тот.

– Стучат! – зарычал Цзян, пытаясь вывернуться. – А дверь не заперта.

– Плевать, – раздосадованный Хавьер грубо толкнулся, вырывая невольный вскрик. – Да кого это принесло?..

В несколько движений он мог бы закончить начатое, но это дало бы обоим только физическую разрядку. Время откровений ушло, поэтому Хавьеру ничего не оставалось, кроме как недовольно укусить любовника и позволить ему выбраться из кровати. Сам Лань растянулся на жестковатом матрасе и смотрел в потолок, а не на то, как Цзян, чертыхаясь, упаковывает в штаны все еще стоящий член.

Фабрикант повертел на пальце перстень – подарок Чейза. Гладкий, недавно вычищенный Уотсоном заодно со столовым серебром. Пообещав себе, что еще до наступления утра услышит правду, Лань прислушался к разговору, доносящемуся в спальню сквозь закрытую дверь. Она, как и стены, конечно, никуда не годилась…

Часть 100

Под входной дверью, как и следовало ожидать, стоял консьерж. Человек довольно тучного сложения и с выпирающими отовсюду ирландскими корнями, которых тот очень стеснялся. Единственное, что его не смущало –любовь к спиртному. В дневное время этот мужчина почти никогда ни о чем не беспокоился, а ночью – спал сном праведника, так что кому-то пришлось здорово потрудиться, чтобы поднять его с постели.

– Мистер Браун, – Чейз протянул руку через порог, не спеша впускать гостя в дом.

– Мистер Цзян, – тот не ответил на приветственный жест. – Меня разбудила вдова мистера Хьюза. Эта милейшая женщина крайне обеспокоена тем, что происходит у Вас в квартире.

– При всем уважении, – начал Чейз, заступив консьержу дорогу. – Эта старая ведьма просто недолюбливает Ангела и ищет причины, чтобы нас выгнали на улицу.

Светлые глаза посмотрели на него недоверчиво. Он знал жильца достаточно долго, чтобы понять: он что-то – а вернее, кого-то – скрывает. Консьерж переступил с ноги на ногу, чувствуя себя неуверенно перед Чейзом, который был намного выше. Возможно, с кем-то другим он бы проявил настойчивость и осмотрел бы квартиру.

Детектив, в свою очередь, промолчал о том, что за почтенной старой леди тоже водятся кое-какие грешки. Наверняка Браун знал о них, но пока что не предпринимал никаких действий, позволяя гадюке исходить ядом в своей норе.

– В этот раз она даже предлагала вызвать констеблей, – уведомил Браун, предпринимая еще одну тщетную попытку преодолеть дверной проем.

– Но Вы, я полагаю, напомнили ей, что я сам работаю в Скотланд-Ярде? – Чейз сделал вид, что попросту не заметил его потуг. – А пса я сегодня оставил на попечение коллеги, так что…

– Мистер Цзян, – не дал консьерж заговорить ему зубы. – У Вас точно все в порядке?

– В полном, – с готовностью отрапортовал тот. – Это все уёбищный колченогий стол. Не удивлюсь, если эта ведьма его и заколдовала. Желаете взглянуть?

Как он и ожидал, получив приглашение, мужчина передумал заходить. Ему уже не терпелось скорее вернуться в постель. Хотя, возможно, Браун опасался, что придется помогать выносить из квартиры громоздкий и тяжелый предмет мебели. Чейз тоже предпочел бы избежать этого удовольствия и в душе уповал на отпрысков миссис Флай.

– Думаю, лучше оставить это до утра, – еще немного помявшись, сказал консьерж. – Спокойной Вам ночи, мистер Цзян.

– Как же… – пробормотал тот в ответ, уже закрывая дверь.

Тишина в спальне, мягко говоря, настораживала. Напрягало не само присутствие там Ланя, конечно, а вопрос, на который Чейз не дал и не получил вразумительного ответа и который теперь на разные лады прокручивал в голове… снова и снова. Это вызывало ненужные сомнения и почему-то мысли о матери, которая после свадьбы Анны и Стюарта подняла вопрос о женитьбе сына. От одного воспоминания об этом мужчину передернуло.

Полицейский прислонился спиной к двери, размышляя, почему все-таки они вместе… вернее, что он может сказать? Ни один возможный ответ, сколько бы он не перебирал их, не казался ему подходящим. Влезть бы сейчас в голову Хавьера и узнать, что он сам думает об этом, но Цзян, увы, не умел читать мысли.

– Да не торчи ты тут, как беспризорный хер, – вполголоса обругал он себя, отлепившись от двери.

Меньше всего хотелось, чтобы Лань счел ночь окончательно испорченной и собрался уходить, потому что Чейз не сможет его удержать, когда ни в коем случае не должен отпускать. К счастью, фабрикант никуда не собирался, а весьма и весьма вольготно расположился у камина. Он встретил вернувшегося в спальню любовника выжидающим взглядом, который чувствовался кожей, как прикосновение. Фабрикант сидел, но Чейзу казалось, это он смотрит на Ланя снизу вверх. Неужели причиной такого пристального внимания стал визит консьержа? Цзян прокрутил в голове весь разговор. Сколько Хавьер услышал? Теперь он точно решит, что Чейз скрывает их отношения, потому что все еще считает их неправильными или странными, а то и того хуже – стыдится. Чейзу было все равно, если мистер Браун или даже склочная ведьма Хьюз узнают, лишь бы это не дошло до управляющего. Ведь тогда его не только попросят освободить квартиру…

Домовладельцы заочно знакомы между собой, наверняка слухи об интрижке одного полицейского дойдут до его матери, и это будет отвратительно. Если у него есть яйца, он должен найти слова и рассказать близким о своих сердечных делах. Интересно, семья Хавьера в курсе предпочтений сына? Его дядюшку точно бы удар хватил. Родители, возможно, отнеслись бы терпимее. Реакцию Юфимии Цзян Чейз и не брался описать. Даже вышедшая из берегов Темза была бы не так разрушительна.

Он ничего не спросил только потому, что лицо Ланя снова было непроницаемым, как в тот раз, когда детектив навлек на себя его ревность. Где-то внутри еще теплилась надежда, что, может быть, он все это надумал, и на настроении любовника так сказывалась неудовлетворенность. Стоило вспомнить, на чем их прервали, как во рту пересохло. И, хотя от фабриканта почти осязаемо веяло холодом, захотелось подойти, а вовсе не держаться подальше. Поставить колено между его ног, очень близко к паху, опереться рукой о плечо. Хавьер слегка запрокинет голову, давая заглянуть в его хрустальные глаза и оценить таящуюся в них угрозу. Вместо этого Цзян требовательно, жадно приникнет к его губам, раскрывая их языком…

Время тянулось патокой. Он никак не мог шагнуть к любовнику и, точно под гипнозом, наблюдал за выверенными движениями длинных пальцев фабриканта, неспешно переплетающего косу. Это выглядело крайне эротично, не говоря о том – Цзян машинально облизнул губы – что Лань всегда собирал волосы, когда намеревался заняться сексом.

– Ты знаешь, что нужно делать, верно? – спросил мужчина, решив, что все слишком уж затянулось, и Чейз так ни на что и не решился.

От его слов и от того, каким непререкаемым командным тоном они были сказаны, сердце детектива застучало чаще. Лань как никто умел свести его с ума, заставив совершать поступки ему совершенно несвойственные и наслаждаться этим. Вне всяких сомнений, Хавьер добьется своего… например, сделает так, чтобы Цзян сам встал перед ним на колени и попросил прощения как следует.

Лейтенант сглотнул. Еще час назад, когда они только собирались перебраться с кухни в более удобное место, он вспылил бы, но сейчас сам хотел сделать все то, о чем попросит Лань. Тот, однако, не спешил говорить, чего именно от него ждет. Чейз оттянул ворот рубашки, которую натянул через голову, когда шел выпроваживать консьержа, и расстегнул верхнюю пуговицу.

Во взгляде серых глаз мелькнул интерес. Похоже, Цзян оказался на правильном пути, ведь Лань по-прежнему не был обременен одеждой. Но если он обнаженным походил на ожившую античную скульптуру, то Чейз чувствовал себя определенно не на высоте. И пальцы слегка подрагивали, когда он расправлялся с оставшимися пуговицами.

– Хорошо, – короткая небрежная похвала. – Теперь остальное.

Лань не поднялся из кресла, оглядывая лейтенанта с головы до ног, словно прикидывая, как и в какой позе взять его будет лучше всего. Он не должен был так реагировать на затеянную Хавьером игру, но против воли ощутил прилив неуместного желания. А неуместного ли? Ему и правда не терпелось узнать, что будет дальше. Но пока детектив только путался в собственных штанинах.

– Ёбаный стыд, – досадливо выругался он, наконец отбросив одежду куда подальше.

И замялся, почувствовав себя неловко – слишком очевидно было возбуждение. Он едва сдерживался, чтобы не начать без Ланя прямо на его глазах. Хотелось, чтобы Хавьер поцеловал его, хотя бы коснулся или позволил это ему, но фабрикант только смотрел и не торопился к нему присоединяться.

– На кровать, – приказал Лань. И долго он собирался изводить его командами? – И встань на колени.

Чейз застыл в нерешительности. Что, если Хавьер и правда хочет посмотреть, как он обходится без него? Как в том заведении, о котором Цзян узнал от Мелиссы, только вместо стекла – разделяющее их отчуждение.

– На колени, – голос чертова сфинкса звучал спокойно и ровно, убеждая подчиниться ему. – Раздвинь ноги шире, чтобы мне было лучше видно.

– Вы сумасшедший, Лань, – с чувством сказал полицейский, без особой охоты пробуя принять позу, которую требовал от него любовник.

– А ты безумец, раз выполняешь все, что тебе скажет сумасшедший, – парировал тот, изящно поднявшись с кресла, чтобы действительно взглянуть поближе. – И наслаждаешься этим. Вся проблема в том, что ты не хочешь этого признавать.

Лань обошел кровать, оказавшись у него за спиной. Снова коснулся шрама кончиками пальцев и убрал руку, словно избегая дотрагиваться, потому что именно этого сейчас хотелось Чейзу. Разве он должен так реагировать на близость любовника? Тому достаточно было находиться на расстоянии протянутой руки, чтобы Чейз начисто потерял самообладание.

– И, возвращаясь к тому, на чем мы остановились… – слова почти теряли свой смысл, пробиваясь сквозь шум в голове. – Почему ты со мной?

Чейз прикусил губу до крови. Ну почему именно сейчас? Почему они не могут просто заняться сексом, а потом урвать пару часов сна и спокойно обсудить все за чашкой кофе? Тогда Цзян найдет подходящий ответ и, может быть, даже сможет втолковать, почему не хочет признаваться мистеру Брауну, с кем и как давно спит.

– Со мной то же самое, – продолжил неожиданно фабрикант, хотя меньше всего Чейз надеялся, что Хавьер сам начнет отвечать на озвученный вопрос, а не попытается пытками вытянуть ответ у него. – Теряю голову всякий раз, когда вижу тебя.

В качестве демонстрации он положил горячую ладонь ему на поясницу. Лань был здоров, но Чейз все равно с беспокойством обернулся к нему, заметив и лихорадочный блеск его глаз, и совершенно неопределимое выражение лица. Губы фабриканта дрогнули, но улыбка в этот раз не получилась.

Хавьер устроился позади него, тесно прижавшись, наконец обнимая и тепло дыша куда-то за ухо. Чейз дыхание затаил – на всякий случай. У него было чувство, что сейчас Лань скажет что-то очень важное. С чего бы еще он попытался спрятаться от его взгляда? Неужели нашлось в этом мире что-то способное смутить даже такого человека, как Хавьер Лань?

– После той нашей встречи, я пытался перестать думать… просто выбросить тебя из головы, – голос Хавьера зазвучал тише, проникновеннее. – Но вместо этого стал наводить справки, изучать по крупицам твое прошлое, твою жизнь до этого момента, твои мотивы… Каждый раз я испытывал невероятное волнение, когда добытый мною факт занимал свое место в мозаике. Я просматривал подшивки газет, делал выписки и даже перевел, как смог, пару изображений с помощью стекла и лампы. Я вполне понимал, что становлюсь одержим тобой и что мне нужно это прекратить.

– Хавьер, – он сжал руку фабриканта, и тот переплел с ним пальцы.

Чейз снова облизнул пересохшие губы. Сказанное потрясло его, это ведь было то, что он подумал – почти признание. Он и предположить не мог, насколько Лань далеко зашел… с самого начала. Если бы он был в состоянии сейчас трезво мыслить, то представил бы себя на месте Честера. Узнай он всю правду – поставил бы вопрос о клинике. Самого себя Цзян упек бы именно туда. Если кто и болен душевно, то они оба и… друг другом.

Ему раньше не было так хорошо. Ни с кем. Никогда. И это факт. С Хавьером меркли воспоминания обо всех прошлых связях, точно они были когда-то в незапамятные времена или не с ним. И ни с кем другим в то же время ему не становилось так страшно. Страшно потерять и страшно самому потеряться в этих отношениях.

– А единственный способ сделать это – ты, – последнее слово надтреснуто, почти шепотом, Хавьер произнес уже Чейзу в губы, потому что тот не мог больше оставаться просто слушателем.

Сейчас все было так, как он и представлял себе несколько минут назад. Он, наконец, целовал Ланя – уверенно, настойчиво, без тени сомнения, давая почувствовать, что для него это значит, раз не может сказать словами. Это не просто вожделение, не таящая с утренним туманом страсть, это… одна из тех немногих вещей, о которых стоит говорить по-французски.

Часть 101

Хавьеру стоило больших усилий не наброситься на Чейза, как только тот появился на пороге. Да, он разозлился, слушая его беседу с припозднившимся гостем, который наверняка долго выбирал момент для визита. И выбрал наиболее неподходящий… Поначалу – он даже не до конца понимал, почему, ему и правда хотелось преподать Чейзу урок, но потом…

Нет, лейтенант не догадывался, не имел даже малейшего представления о том, как сильно провоцирует любовника одним только взглядом. Хавьер сжал подлокотник кресла и затаил дыхание, пережидая, чтобы голос прозвучал ровно и твердо. Он страстно жаждал Чейза и именно поэтому хотел в полной мере насладиться, наблюдая за ним – напряженным, разрывающимся между вполне естественным смущением, желанием и злостью, призванной эти эмоции скрыть. За всем этим детектив даже не заметил, что контроль давался Хавьеру с каждой секундой все труднее. Несколько раз он был вынужден сжать кулаки, до боли, до вонзившихся в ладонь ногтей. Это немного отрезвляло и помогало справиться с эйфорией от того, как Цзян послушен.

В какой же момент все пошло не по плану? Совершенно не так, как он представлял себе, пока Чейз говорил с кем-то, у кого в голове Хавьера даже не было лица. Он пробежал языком по губам, уже предвкушая, что получит ответ, но уже в следующий миг осознал, что продолжать настаивать было ошибкой. С точки зрения Чейза – да с любой точки зрения! – это выглядело так, будто он требовал от любовника того, от чего сам стремился уклониться.

Хавьер знал только один способ донести до Чейза, что все не так, как видится, но говорить вот так, не зная даже, с чего начать, оказалось сложно. Еще более трудной задачей было описать собственные чувства, в которых Ланю уже доводилось безнадежно запутываться. Но сейчас он не был один. Фабрикант чуть встрепенулся, когда Чейз взял его за руку и позвал по имени, вместо того, чтобы оттолкнуть и снова обозвать полоумным или извращенцем.

Эти мысли начисто вымело из головы, стоило чужому языку пробраться в рот. Детектив целовал его долго и со вкусом, до головокружения, до тех пор, пока Хавьер не схватился за его плечо, потому что ему казалось, что он теряет равновесие, а все вокруг уносит неведомо откуда взявшимся течением. И когда ему, наконец, дали вынырнуть на поверхность, Хавьер был совершенно обескуражен. Сердце колотилось в груди, пытаясь выскочить наружу, а Чейз уже тянул его куда-то.

– Ну же, идемте, – уговаривал полицейский, бережно придерживая его, потому что Хавьера повело. – Да не упрямьтесь Вы, идемте.

Двигаться не хотелось, но Цзян был настойчив. Он все же провел его в ванную комнату, где имелось не слишком большое, зато чистое зеркало, перед которым Чейз, должно быть, брился. Хавьер скользнул взглядом по их отражениям, а потом озадаченно повернулся к Чейзу, однако тот взял его за подбородок и аккуратно развернул к отражающей поверхности. Портал в зазеркалье в слегка потрескавшейся раме, ничего примечательного.

– Смотрите, и держите руки при себе, – терпеливо велел Чейз, не особо-то рассердившись на то, что Лань липнет к нему вместо того, чтобы сосредоточиться. – Или Вы не любите смотреть в зеркало?

Хавьер остановил взгляд на лице Чейза в отражении, как бы спрашивая: ну, и что я должен увидеть? Он действительно не понимал, зачем они выбрались из кровати, и пришли сюда.

– Если сами хотите, – глаза его близнеца по ту сторону стекла были такими же темными, но в их глубине нельзя было рассмотреть так любимые Хавьером живые искорки. – Если хотите, то оставайтесь таким как сейчас.

– Каким? – растерялся Хавьер, наконец обратив внимание на того, кто стоял, тесно прижавшись к полицейскому. – Чейз, я не понимаю...

Черная гладкая коса лежала на плече, ее кончик слегка завивался, почти скрывая из виду шрам от давнего ожога. В зазеркалье Лань выглядел ровесником лейтенанта, если не младше. Не удивительно, что тот откровенно любовался им. На зацелованных губах играла легкая, едва заметная улыбка.

– Самим собой, Хавьер, – ответил Чейз и повторил, потому что он снова не смог сосредоточиться на смысле сказанного, услышав собственное имя. – Просто самим собой.
***
Чейз проснулся, услышав, как ему показалось, приглушенный лай Ангела. Было уже позднее утро, и он, должно быть, просился на улицу – спросонья Чейз, проспавший от силы часа три, а казалось, и того меньше, совершенно позабыл, что поручил его заботам Смита.

Полицейский с трудом поднял руку и потер глаза. Просыпаться в такое время было все равно что восставать из мертвых. Он с удовольствием проспал бы до обеда – на этой мысли поперек живота тяжело опустилась другая рука – особенно вот так, рядом с тёплым, совершенно разомлевшим любовником, который даже во сне не хотел отпускать его. Шум из прихожей, где кто-то брал дверь приступом, Ланя совершенно не беспокоил.

Оторвав голову от подушки, Чейз потратил несколько драгоценных секунд на то, чтобы полюбоваться Хавьером. Потом осторожно выбрался из-под одеяла и поспешил натянуть помятую рубашку и брюки. Пожалуй, если он скажет, что спал в кресле, ему поверят…

Каким-то чудом Цзян успел закрыть спальню до того, как в поддавшуюся наконец дверь проскользнул одуревший от радости Ангел. Чейз шикнул на него, чтобы не шумел, но брюки, и без того имеющие не слишком свежий вид, покрылись еще и следами лап.

– Доброе утро, мистер Цзян, – вежливо поздоровался с ним мужчина, возившийся до этого с замком. Он поднялся, отряхнул колени, но в дом заходить не решался, опустив голову под тяжестью взгляда полицейского.

– Проходи, Брайан, не стой на пороге, – послышался голос миссис Флай. – Все в порядке, мистер Цзян, это я попросила Брайана починить замок. У Бенни была ночная смена, а Билли пришлось уехать на неделю.

– А Ангел откуда взялся? – спросил полицейский, обреченно наблюдая, как вслед за экономкой в дом входит ее старший сын, ровесник его самого.

Он не видел этого человека несколько лет и сейчас едва узнавал его. А вот Брайан Флаинг-Джейкоб – вставший на путь исправления медвежатник – помнил Чейза очень даже хорошо. Тот даже позволил себе немного самодовольства – воспитательная беседа наедине в допросной не прошла даром.

– Я встретила Вашего коллегу. Добрейшей души человек! – пустилась в объяснения миссис Флай. – Оказалось, мы живем не так уж и далеко друг от друга. Ангел признал меня и ни в какую не захотел идти с мистером Смитом.

Говоря что-то о завтраке, она направилась прямиком в кухню, да так и застыла при виде того, что там творилось. Как же все это вовремя, просто не передать! Чейз попытался подать ей знак, чтобы не поднимала крик, но голос экономки прозвучал все равно слишком громко на его вкус.

– Мистер Цзян! – возмутилась она, не находя слов. – Зачем Вы опять переворошили всю квартиру? Я ведь только вчера убралась!

– Мама, я думаю, вчера мистера Цзян пытались ограбить, – подал голос Брайан, прежде чем Чейз устроил миссис Флай допрос. – Не понимаю только, зачем было ломать замок, пальцем ткни, дверь откроется… Разве что взломщик хотел, чтобы Вы знали, что он здесь побывал…

Он стушевался под взглядом Чейза. Какая наглость – вот так открыто демонстрировать сомнительные профессиональные знания. Однако факт оставался фактом. Какой-то утырок все-таки рискнул вломиться к полицейскому. О том, что до этого так уже делал Лань, Чейз предпочел не думать.

– Все на месте? – попытался исправиться сын экономки. – Вы бы проверили…

– О боже, – всплеснула руками миссис Флай. Можно было подумать, что она приняла очень близко к сердцу вести об ограблении, но нет. Причина её эмоциональности просто вышла из спальни. – Ваш друг опять проигрался? Бедный мальчик…

Она заворковала, давно подпав под действие Ланя, и уже напридумывала каких-то греховодников, которые сами не понимают, на что подбивают такого красивого и воспитанного молодого человека. Его почему-то покоробило от неподдельной заботы, слышавшейся в голосе экономки – просто Цзян был на взводе. Не то, чтобы он не знал, что достаточно известен в определённых кругах, где мало кто относится к нему хорошо. И даже не сомневался, что рано или поздно Мэйсон залижет рану и как-нибудь даст о себе знать.

Но какого хуя именно сейчас, а не позавчера или завтра?! Почему здесь, а не Саутуарк?! Ответ напрашивался сам собой – тогда Лань бы ничего об этом не узнал. Быстрого взгляда на бледное лицо Хавьера хватило, чтобы понять: он совершенно не в порядке. Из-за гребанного совпадения!

– Я торопился, – неумело солгал Чейз, готовый сейчас настаивать хоть на том, что это сквозняк разбросал вещи. – А стол с самого начала был сломан.

Брайан немедленно вызвался хотя бы попробовать его починить. Чейзу его рвение совсем не понравилось… Выставить бы всех и… Впрочем, пусть себе разбираются с беспорядком в кухне и с дверью, а он пока что уведет Ланя обратно в спальню, чтобы дать немного придти в себя.

– Он был здесь, – безнадёжно пробормотал Хавьер, когда Чейз усадил его на кровать. – Это моя вина. Теперь он не успокоится.

Ангел, вынюхивающий кого-то по всей комнате, только подтверждал, что Чейз получил предупреждение: «Я знаю, где ты живешь, и подобрался очень близко, у меня было достаточно времени, чтобы выбрать памятную безделушку. Как знать, может, в другой раз я оставлю тебе подарок». Не хотелось бы увидеть, скажем, мертвое тело в своей кровати… Но и бросать квартиру ради арендованного им угла в районе Саутуарк не собирался.

– Вы несёте чушь, Лань, – Чейз понял, что нависает над Хавьером, как над подозреваемым в допросной и исправился, сев рядом и несколько сбавив обороты. – Вот только не надо делать из себя мученика, у этого психа и без Вас есть со мной счёты.

– Знаю, – голос Хавьера звучал тихо, но убежденно. Чейз даже подумал, что любовнику откуда-то известно о том выстреле… – Это ведь ты отправил его за решетку.

На миг Чейз удивился, что Ланю это известно, но потом вспомнил о газетах. Он недооценивал фабриканта. Тот знал о Чейзе больше, чем детектив – о нем, но это почему-то не злило. Что с того? Цзян бы и сам сказал, что засадил ублюдка, а теперь оставалось только пообещать сделать это снова, потому что это было делом принципа.

– Дайте только еще немного времени, и он будет гнить в клетке до скончания века… – Чейз недобро оскалился.

– Хорошо, что Ангел был у мистера Смита, – голос фабриканта все еще звучал глухо, но уже не так безысходно.

Услышав свое имя, пес бросил изучать чужие следы и втиснулся между ногами сидящих. Чейз потрепал его за ухом, а когда Хавьер потянулся сделать так же, поймал его руку и крепко сжал. Он не стал разубеждать любовника, что Ангел – живое воплощение дружелюбия. В случае угрозы он забудет о кротости и покажет чужаку внушительные клыки. Образ изуродованного трупа в собственной кровати обрел рыжую шевелюру и некоторую приятность. Жаль, Мэйсон слишком умен, чтобы полезть на терьера с голыми руками.

– Не забивайте себе голову, Лань, – попросил он, не слишком надеясь, что Хавьер к нему прислушается. – Теперь он – моя проблема. Не Вы в ответе за то, что он творит, запомнили? Я разберусь, это, в конце концов, моя работа.

Ситуация порядком раздражала. Мэйсон окончательно страх потерял, но при этом оставался все так же неуловим. И пока Чейз здесь налаживает свою личную жизнь, преступник разгуливает на свободе и возможно прямо сейчас пытает или убивает кого-то. В прошлый раз его так же долгое время не могли вычислить. Трудно было в этом признаваться даже самому себе, но Чейз начинал думать, что в первый раз ему просто повезло… Он оказался в нужном месте в нужное время и сделал то, что от него требовалось. Остановил душегуба.

Теперь, чтобы спасти Хавьера и с ним множество невинных жителей Лондона, которые могут пасть жертвами безумия Йена Мэйсона, придется совершить невозможное. Сегодня же он купит карту и булавки, еще раз перелопатит всю имеющуюся информацию об этом шлюхином сыне, и попытается найти то, что упустил весь Скотланд-Ярд.

– Сейчас миссис Флай приготовит завтрак, – сказал Цзян. – Мы возьмем у ее сына ключи от нового замка, и я провожу Вас домой.

Детектив так и не понял, что сказал такого, чтобы настроение Ланя так переменилось. Тот в один миг повалил его на кровать, страстно целуя, несмотря на вышедшее каким-то неуверенным сопротивление.

– Дверь… – простонал он в чужие губы, потому что в любой момент кто-то мог войти, – не заперта.

В спальне раздалось негромкое предупреждающее рычание. Ангел всё-таки был служебной собакой, натасканной в том числе на

защиту, и как бы хорошо он не относился к человеку, хозяин был для него на первом месте. И непонятная возня на кровати ему однозначно не нравилась.

Часть 102

– Свой, – поспешил скомандовать сбитому с толку псу Чейз, пока дело не приняло серьезный оборот. – Ведите себя прилично, Лань. Ангел может Вас неправильно понять.

Хавьер неохотно скатился с любовника и сел на краю кровати, подогнув под себя левую ногу. Сердце все еще стучало громко и часто, но с эмоциональной вспышкой он все-таки справился.

– Хороший мальчик, молодец, – похвалил он Ангела. – Все в порядке.

Рычать тот перестал сразу, как услышал команду, но все еще поглядывал на мужчин недоверчиво. Наконец, убедившись, что хозяину ничего не угрожает, Ангел неуверенно вильнул коротким хвостом и даже потянулся к протянутой фабрикантом руке. На этом мир между ними был восстановлен, чего не скажешь о Чейзе, который не торопился менять сосредоточенно-угрюмое выражение лица. Похоже, настало время обозначить некоторые границы.

– Я серьезно, Лань, – сказал детектив, и Хавьер приготовился к очередной отповеди. – Прежде чем делать подобные вещи, нужно выводить собаку из комнаты и запирать дверь.

С языка едва не сорвалось: «И всё?» Чейз выглядел скорее несколько смущенным, чем по-настоящему недовольным. Не похоже было, что публичное – если можно так выразиться в данном конкретном случае – проявление чувств ему так уж не понравилось. Значит, можно рискнуть и подойти к этому с другой стороны, не опасаясь навлечь на себя гнев любовника.

– Ты прав, – сказал он, положив руку на бедро детектива. – Но тебе не кажется, что будет лучше, если кое-кто понемногу привыкнет к тому, что мы делаем?

Лань принялся поглаживать ногу Чейза, делая вид, что просто проверяет реакцию Ангела на такое взаимодействие. Пес заинтересовался, слегка наклоняя голову то на одну, то на другую сторону. Потом лизнул руку фабриканта, словно спрашивая, не перепутал ли тот что-нибудь.

– Мы можем не торопиться, – предложил он. – Начать, скажем, с пары лёгких поцелуев…

Хавьер накрыл ладонью пах полицейского, старательно делая вид, будто просто отодвинул ее подальше от щекочущейся усатой морды, выпрашивающей немного внимания. Лань тоже не отказался бы получить свою долю – ему казалось, что со вчерашнего вечера, когда он собирался в оперу и предвкушал свидание с Чейзом, прошла уже целая вечность. Столько всего случилось!

И Йен… Как же ему хотелось поступить так, как сказал Чейз, и выбросить из головы то, что тот побывал здесь, ходил из комнаты в комнату, дышал тем же воздухом, что они сейчас. Одно это вызывало безотчетное беспокойство и необъяснимую неприязнь, будто квартира оказалась… осквернена? Точнее слова и не подобрать. Чувствовал ли Чейз что-то похожее? Задумывался ли о том, безопасно ли теперь здесь оставаться?

– Я не позволю Вам развращать моего пса, – предупредил Цзян, уже почти готовый сдаться. – Что Вы задумали, Лань?

– Ничего такого, – ответил тот, невесомо поцеловав Чейза в губы. Тот, конечно же, не поверил, пришлось экстраполировать: – Может быть, я хочу усыпить твою бдительность? И сделать такое предложение, от которого ты не сможешь отказаться…

– М-м, – вроде бы заинтересованно промычал Цзян, углубляя поцелуй и не давая ничего толком сказать.

Так у Хавьера появилось время взвесить следующие слова. Таким образом, он решил прямо не предлагать переехать к нему. Это и так имело мало шансов на успех, а именно сейчас нет ни единого шанса уговорить Чейза. Даже если так им всем будет и спокойнее, и безопаснее, выйдет, что Мэйсон добился своего, что не только воздействовал на Хавьера, но и заставили лейтенанта Цзян бежать из собственной квартиры.

– Может быть, переночуешь сегодня у меня? – выбрал он более обтекаемую, как ему показалось, формулировку.

Детектив качнул головой. Без колебаний. Без раздумий. Он сразу же отмел его приглашение. Почему? Стало немного не по себе. Но когда он отстранился, Чейз досадливо откинул челку. Кажется, ему самому не понравилось, как это выглядело.

– Я просто не смогу спокойно спать, – попытался объяснить он. – Этот гад все время на шаг впереди. И он очень хорошо осведомлен. Блядь…

Хавьер снова поцеловал Чейза в уголок губ. Ничего не мог с собой поделать. А потом экономка позвала их завтракать салатом с мягким сыром и зеленым омлетом – вкусным, несмотря на необычный цвет. Миссис Флаинг-Джейкоб, похоже, ждала от Чейза замечаний относительно овощей, но после бурной ночи тот не склонен был привередничать. Ее сын закончил с дверью, прежде чем они покончили с завтраком, передал Чейзу ключи и заторопился восвояси. И тем более странно это выглядело, когда оказалось, что мужчина просто вышел на улицу и закурил, терпеливо дожидаясь, когда мать закончит свои дела. Чейз только скользнул по нему ледяным взглядом и прошел мимо, предоставляя Ланю гадать, что между ними произошло. Однако мысли его были заняты другим.

Теперь до расставания осталось ровно столько, сколько требуется кэбу, чтобы преодолеть расстояние до особняка по оживленным улицам просыпающегося Лондона. На самом деле Лань не отказался бы заглянуть в полицейский участок, чтобы провести еще немного времени с Чейзом, а заодно поздороваться со Смитом, однако благоразумнее было от таких визитов воздержаться.

Детектив как будто почувствовал его настроение, Хавьеру даже не пришлось просить, чтобы тот снова взял его за руку. Тем не менее, всю дорогу Чейз выглядел глубоко о чем-то задумавшимся и пребывающим где-то далеко… Лань не хотел мешать ему и не рисковал начинать разговор о том, чтобы снова поужинать вместе, сразу после того, как резко любовник отказался провести ночь на его территории. Хватало и того, как Цзян, сам того не замечая, поглаживает костяшки подушечкой большого пальца.

И все-таки Хавьеру ужасно хотелось, чтобы Чейз заехал к нему. Хотя бы ненадолго, после работы. И, кажется, в голове начал вырисовываться план, как это можно устроить. К тому же Лань действительно нес груз ответственности за испорченный стол и разбитую посуду.

– До скорой встречи, – уже торжествуя в душе, сказал фабрикант, быстро поцеловав Чейза в щеку на прощание.

– Лань, я же просил, – пробурчал он, а потом извлек из кармана запасной ключ от нового замка и вложил ему в руку.

От этого простого жеста в животе у Хавьера зашевелился, наверное, целый рой бабочек. И вместе с тем стало немного совестно за то, какие еще вольности он намеревался себе позволить.

Погода снова портилась. Туман до сих пор не рассеялся до конца, а небо обещало, что еще до обеда в воздухе повиснет меленькая мокрая дрянь. Такая собачья погода идеально подходила для того, чтобы подняться на чердак и провести там, среди старых вещей и воспоминаний некоторое время, прислушиваясь к едва уловимому шуршанию воды на крыше.

Пройдя по дорожке и уже поднявшись на крыльцо, Лань обернулся. Кэб не двигался с места. Чейз дожидался, когда он войдет в дом, и придерживал Ангела, который вознамерился сбегать на свидание со своим приятелем Саймоном. Такое приятное чувство! Он даже забыл, каким ключом открывать дверь, благо это сделал Смит. И сразу же доложил об обстановке в доме, в очередной раз продемонстрировав армейскую выправку. Хавьер был готов побиться об заклад, что Чейз тоже слышал его зычный голос.

В доме все уже давно встали. Впрочем, нет, художник и его кот еще могли нежиться под одеялом… в комнате Честера. По крайней мере, Хавьер на их месте воспользовался бы представившейся возможностью. Хотя было время, когда ему самому ничего не стоило спрятаться ото всех в большом доме и делать что заблагорассудится, а присутствие людей – особенно посторонних – только будоражило. Но то он, а его брат вовсе не такой.

Первым делом Хавьер решил подняться к себе, чтобы переодеться. Как оказалось, то же делал и Майкл. Они встретились на лестнице. Отец в выходном костюме и сын в одежде для верховой езды. Его приятелям стоило уже начать волноваться за своих сестер. Определённо, у Майкла было всё и даже больше, чтобы вскружить голову заневестившимся подружкам.

– Дождь собирается, – сообщил Хавьер, обнимая Майкла в качестве приятного дополнения к приветствию.

– Я уже пообещал дяде, что не подхвачу простуду, – ответил тот немного самонадеянно. – Можно мне пойти?

Первым порывом было запретить. В голове за какую-то секунду промелькнула целая вереница мыслей. Да, Майкл наверняка сообщил Честеру, куда и с кем поедет, и тот одобрил эту затею. Но брат еще не знает, что случилось в квартире Чейза. Как же поступить? Стоит ли вообще рассказывать о случившемся? После той случайной встречи на улице Йен больше не показывался на глаза. Возможно, детектив прав, и это он сейчас является целью. Ему грозит опасность…

– Конечно, – сказал Лань, показывая, что полностью доверяет сыну. Он даже постарался улыбнуться, несмотря на пробежавший по спине холодок. – И повеселись хорошенько.

Майкл благодарно кивнул, не подозревая, что на самом деле Хавьер переживает за него всякий раз, когда тот выезжает куда-нибудь с друзьями. А сегодня – особенно. С другой стороны, если Йен все-таки объявится, тогда сыну будет лучше и безопаснее где-нибудь подальше от дома.

– Майкл, – окликнул Хавьер, все еще разрываясь между двумя решениями, хотя верховая прогулка не была вопросом жизни и смерти.

– К ужину вернусь, – уже сбегая по ступеням, заверил он. – Всего доброго, мистер Смит.

Юноша взмахнул рукой, чувствуя, что Хавьер все еще провожает его глазами. Дверь закрылась. Нужно все-таки переодеться, а еще тщательно умыть лицо и постараться занять себя, чтобы не думать о плохом. Начал он не с чердака, а с того, что побеседовал с Мэдисон. Девушка немного удивилась, когда он начал разговор о посуде.

– Красный сервиз? – она даже переспросила, хотя прекрасно расслышала вопрос. – То есть я понимаю, что Вы имеете в виду, мистер Лань. Но я убрала его, потому что Саймон тоже не прочь угоститься сливками, если за ним не уследить…

– Замечательно, – не слишком определенно одобрил Хавьер, одарив девушку дежурной улыбкой. – Я прошу переложить его бумагой и упаковать, чтобы рабочие могли сегодня же перевезти его в другое место.

Горничная понятливо кивнула и уточнила, не желает ли мистер Лань чего-нибудь еще. Тот, подумав, кивнул. Ему не помешает помощь на чердаке. Конечно, даже там стараниями Уотсона, царит относительный порядок, но вдвоем они быстрее отыщут нужный предмет среди старой мебели. В итоге в уборку на чердаке наверняка окажется втянуто все семейство Стэнли и еще потребуется сделать пару звонков.

Конечно, Хавьер мог и полностью поручить это дело дворецкому, но тогда он бы упустил столько удовольствия! Они успели приподнять всего пару чехлов, когда по лестнице поднялся сначала Вэйд, а за ним и Честер, который подстраховывал художника.

– Ого, да здесь полным ходом идет охота за сокровищами! – воодушевленно заявил Зик и пожал Хавьеру руку. – Хавьер, почему Вы не позвали и нас присоединиться?

– Будь здоров, Саймон, – машинально проговорил Честер, когда раздался громкий чих. – Может, не стоило пускать его сюда?

– Такая ерунда ему нипочем, – заверил Вэйд, с любопытством окидывая взглядом обширное полутемное хранилище, в которое до этого не поднимался. – Пусть осмотрится! А вы вспоминайте, где прятали пиратские сокровища! Все мальчишки в это играют, и я не успокоюсь, пока не загляну в сундук, так и знайте.

– Вы – не первый, мистер Инн, кто ищет сокровище Касатика Пита, – стоило сказать это только, чтобы посмотреть, как переменился в лице Честер. – Майкл, когда был маленьким, часами мог играть на чердаке, может, Вам повезет больше?

Воспоминания нахлынули теплой волной, согревая сердце и прогоняя тревогу. И пыль, поднявшаяся от их манипуляций, действительно не могла испортить удовольствие, которое приносило разглядывание старинной мебели, помнившей не только Холли, но и ее родителей, возможно даже прабабушек и прадедушек. Хавьер никогда не относился ко всем этим вещам, как к преданным забвению. Скорее, как к бережно хранимым частичкам истории его семьи.

Жаль, конечно, что Майкл в этот раз пропустит игру в кладоискателей, но с другой стороны так было, может, не лучше, но правильно – нельзя поддаваться страху. Наверняка этого Мэйсон и добивается. Он хочет запугать бывшего любовника вместе со всей его семьей, а в придачу еще и Чейза. Хавьер даже хмыкнул негромко: вот уж кто Йену не по зубам.

– Ты же не собираешься по правде искать его? – спросил тем временем Честер, но поздно. Вэйд уже загорелся этой идеей и высматривал потайные места под потолком.

Уотсон наверняка давным-давно обнаружил секретное место. Знать обо всем в доме и успевать следить за всем было для него больше чем работой. Чем-то сродни священному долгу, как и хранение тайн, даже таких маленьких, как семейная легенда о

пиратском золоте.

– Почему нет? – искренне удивился живописец, сняв с руки браслет, чтобы не запачкать. – Хавьер, расскажите побольше об этом Касатике Пите.

– Вы не того близнеца просите, – развеселился тот, помогая Уотсону свернуть очередной чехол. Коль скоро они поднялись сюда, следовало вынести грубую ткань и хотя бы как следует выбить. – Это ведь Честер выдумал его и большой черный корабль с белыми кляксами на носу, по обе стороны от форштевня.

– Какая прелесть, Честер! – восхитился художник, приподняв полотнище ткани, под которым заблудился Саймон. – Я уже хочу нарисовать этюд!.. Если только твой Пит не был одноглазым. У меня плохие ассоциации.

Часть 103

Чейз понимал, что не стоит беспокоиться насчет мистера Флаинг-Джейкоба, но встреча с ним и то, что он теперь околачивался рядом с домом, действовали на нервы. Впрочем, какая-то польза от него все-таки была: хотя бы не пришлось оставлять дверь открытой на весь день. И подстолье – оно, как Чейз и предполагал, пришло в негодность – Брайан вынес сам. Не то, чтобы сломанный стол очень сильно расстраивал, особенно на фоне отменного секса, но в ближайшее время придется что-то изобретать.

Мужчины назвали кэбмену адреса и сели: Чейз – в тени, а Лань на ту сторону, где сквозь завесу облаков пробивалось тусклое солнце. В другой день Чейз бы сказал, что на улице серость и хмарь, но сейчас ему даже нравилось, как пейзаж за окном и серебрящаяся завеса тумана сочетаются с цветом глаз фабриканта.

Пес уютно разлегся под ногами, заняв столько места в и без того небольшой коляске, что пришлось придвинуться ближе к Хавьеру. Или просто Чейз искал для себя ненужные оправдания, потому что его тянуло к любовнику? Сказать ему? На языке вертелось столько слов, но он никак не мог разложить их по порядку, не то что произнести вслух. В конце концов, он нашел компромисс и сжал руку Хавьера.

Странное дело, но Чейз начал входить во вкус. Необходимость куда-то ехать, пусть даже долго, уже не казалась особенно раздражающей, если рядом был Лань. Дорога, тряска и вынужденное бездействие как будто меньше напрягали. Вернее, не так… Напрягали-то они как раз по-старому, но Чейз подпадал под действие окружающей Хавьера ауры. На душе становилось так спокойно, когда он просто украдкой наблюдал за любовником во время поездки. Спокойная непринужденная поза, задумчивый взгляд, не цепляющийся ни за что за окном. Временами он делался не отсутствующим, а скорее устремленным куда-то в себя. Можно даже сказать: мудрым…

Дар речи вернулся к нему слишком поздно и совсем не так, как стоило. Он вовсе не хотел делать Хавьеру замечания или бурчать в ответ на пожелание скоро увидеться вновь. Он ведь тоже этого хотел! За короткое время чертов фабрикант стал ему физически необходим, и Чейз не знал, что ему теперь делать. Когда они подолгу не виделись, Чейз начинал срываться на всех подряд. Ладно бы только на преступниках – доставалось коллегам и даже кэбменам.

– Merci beaucoup pour l'opéra, mon âme,* – проговорил он, когда Хавьер у дверей вдруг обернулся. Потом рявкнул: – Трогай!

И какого хрена он не сказал это Ланю, когда была такая возможность? Чейз сам не понимал и от этого еще больше злился, а потому, закрывшись в кабинете, с особым остервенением истыкал карту булавками. В ход пошло все – чернила, кусочки цветной бумаги, наколотые тут и там, как мушки. Теперь перед глазами было все – места, где Йен Мэйсон убивал и где просто развлекался, периметры его угодий, пересекающиеся лишь частично. Даже животные не гадят там, где живут. В жопу долбанный Саутуарк… Каждое известное ему движение, даты, время.

– Мистер Цзян, – заместитель суперинтенданта начал открывать дверь, не постучав, но вовремя понял свою ошибку и подал голос.

– Входите, мистер Шепорд, – неохотно отозвался Чейз. Он почему-то не горел желанием, чтобы кто-то видел новое украшение его кабинета. Если гость начнет спрашивать, придется признать, что он напрасно убил на это кучу времени и ни на йоту не приблизился к поимке шлюхиного сына.

Чейз не хотел смотреть, как Шепорд со смесью удивления и уважения разглядывает плоды его трудов, а потому упрямо буравил глазами Карп, находящийся от его пометок довольно далеко. Может ли ублюдок отсиживаться там? В любом случае, мадам Роуз еще получит свое. Он не успокоится, пока ее драгоценный притон не сотрут навсегда с лица Лондона.

– Гляжу, дело Мэйсона хорошо продвигается, – заметил заместитель суперинтенданта.

От такого неприкрытого сарказма Чейз стиснул кулаки. Наподдать бы ему как следует! Даже Ангел и тот посмотрел на Шепорда осуждающе. Он, может, не понимал, но интуитивно чувствовал: хозяин бьется над задачей, которая ни в какую не поддается. А ставки растут…

– Я засажу Мэйсона за решетку, – прорычал детектив, смерив Шепорда взглядом, способным проделать в неподготовленном человеке дырку. – И лучше бы там ему и сдохнуть, потому что в третий раз я с ним разберусь лично.

– Так Вы думаете, он примкнул к Циклопу? – теперь временный начальник выглядел крайне заинтересованным. – Мы не рассматривали этот вариант раньше, потому что Мэйсон работал один, никого не посвящая в свои дела. Но теперь, когда я думаю об этом, выглядит очень даже логично. Хотя зацепок, конечно, маловато…

– Циклоп? – переспросил Цзян, не понимая, откуда взялась такая догадка. На потолке вроде не написано.

– Да, только границы его территории вот здесь проходят немного дальше вдоль Темзы, – снизошел до пояснения Шепорд, показывая пальцем. – Там много складских помещений, в том числе брошенных.

Ему потребовалось время, чтобы переварить услышанное. Несколько секунд он тупо смотрел на Шепорда. Потом перевел взгляд на его руку, все еще касающуюся бумаги. И на проложенный недавно контур, теперь наконец узнавая в них уже виденные раньше очертания. Действительно, сдвинуть линии немного тут, чуточку там, продлить вдоль реки и получится один в один. Да как он мог этого не заметить? Ведь карта была прямо у него перед глазами!

– Мне нужны еще булавки, – сказал он только чтобы что-то сказать.

В первый момент сама мысль, что Мэйсон мог примкнуть к Циклопу, показалась идиотской. С другой стороны, Лань тоже говорил что-то такое… В начале прошлой недели его – хоть это лишь догадка – спугнули полицейские, а потом – охранник, нанятый Хавьером, когда гад бесоёбил в чужом саду. Чейз сверился со своими записями.

Это случилось с двадцать пятого на двадцать шестое мая, когда Скотланд-Ярд пытался накрыть банду в порту. Подручные Циклопа отступали как раз туда, куда указал Шепорд и затерялись, попрятавшись как тараканы по темным углам и щелям. Значит, Мэйсон мог быть среди них? Чем больше Цзян думал об этом, тем больше доводов появлялось в пользу строящейся теории.

Ублюдок вернулся в Лондон, но податься ему, по сути, было некуда и не на что вести прежний образ жизни. А с его замашками, он этого жаждал и в самые кратчайшие сроки. Чейз бы не удивился, узнав, что тот стелется перед Циклопом, а сам метит на его место. Думать о возможных последствиях не хотелось, но тут, как ни крути, есть куда копать…

Для начала он попробовал прокрутить в голове другие варианты. Снова устроиться на работу, подняться немного и наладить новые каналы для незаконной торговли можно, но это не принесет быстрого результата, а Мэйсон уже потерял годы. Старые связи? Тут Чейз выдвинул ящик стола и взглянул на портрет Хавьера. Что бы с ним стало, если бы этот бессовестный мерзавец сразу пошел к Ланям, не побоявшись, что Честер сдаст его властям… Или он не мог вынести мысль, что попадет в зависимость от денег Хавьера и, как следствие, от него самого? Хотя тут уже и так было понятно, что этот псих зациклен на Лане.

Руки зачесались начать подготовку к еще одной облаве, и на сей раз выкурить чёртову крысу из её норы. Вместо этого пришлось еще около часа – на пару с Шепордом – дополнять карту, над которой он уже проработал полдня. Заместитель суперинтенданта отложил другие дела ради того, чтобы дополнить мозаику недостающими кусочками и посмотреть, не сложится ли картина.

– Попробуем связать трупы с контрабандой? – без особого энтузиазма предложил Чейз, прекрасно понимая, что придется запастись терпением.

Даже если Шепорд поддерживает его и дело касается отъявленного убийцы и насильника, место которому на виселице, не стоит забывать, что всех сил Скотланд-Ярда не хватит, чтобы за один раз прочесать такой большой район, проверяя каждое здание от подвала до чердака. А чтобы его сузить, нужно структурировать больше информации и увязать ее с фигурой Мэйсона.
***
– Без наводки это нереально, – устало проговорил Шепорд, массируя переносицу.

Чейз с хрустом распрямил спину и глянул в окно, запоздало понимая, что они засиделись с этим до вечера, но так ни к чему и не пришли, только карта теперь стала похожа на большого плоского ежика, а в кабинете перебывали – по одному и группками – все констебли. Пришлось привлекать всех, потому что Циклоп имел весьма разносторонний бизнес и любая мелочь могла помочь. Даже секретарь зашел, пытаясь сделать вид, что он здесь вовсе не из праздного любопытства, а по какому-то делу.

– Давайте прервемся и выпьем чаю, – предложил Смит. – Я приготовлю на всех. Кто поможет донести посуду?

– Дженс хочет помочь, – выдвинул его кандидатуру Чейз, все равно то, о чем они тут совещались, не имело к секретарю прямого отношения. Не преминул он и припомнить поганцу предательство: – Он всегда рад удружить.

Отпираться Дженс не стал, но заметно помрачнел. Он ушел со Смитом, однако вернулся на удивление быстро и с пустыми руками, как будто забыл что-то.

– Цзян, – он глянул на лейтенанта так, будто опасался, что тот опять найдет к чему прицепиться, – тебя к телефону, некий мистер Инн.

Чейз удивленно вскинул бровь, но Дженс избегал смотреть него и потому не отреагировал. Пришлось своей головой думать, с какой стати Зик решил вдруг позвонить ему. Ясно же, что лейтенанта он недолюбливал, да и тот не особо стремился завоевать расположение худеожника, хоть и старался теперь относиться к нему более терпимо.

Сейчас он быстро ответит на звонок и вернется в прокуренный кабинет, чтобы продолжить думать над планом за чашкой дрянного чая. Вниз по лестнице его уже чуть ли не бегом гнало дурное предчувствие. Нет, Чейз не тот человек, которому Вэйд станет звонить, чтобы просто так поболтать. Что-то случилось.

Он ведь проводил Хавьера. Что могло случиться с ним в собственном доме? Тем более под охраной! Чейз схватил трубку и, не помня себя, рявкнул что-то, побуждая собеседника быстрее выкладывать плохие новости.

– Мистер Цзян, – голос собеседника звучал неровно.

– Я знаю, как моя фамилия, – огрызнулся тот.

– Майкл пропал, он должен был вернуться пару часов назад, – художник старался говорить четко и по существу, хотя давалось это нелегко. – Хавьер сделал несколько звонков друзьям Майкла… поговорил с их родителями… Мистер Цзян, он уверен, что сына похитили.

Все внутри заледенело. Тревога собеседника оказалась заразной и сейчас смешивалась с его собственной. Он должен был собраться, должен был мыслить трезво и дать худеожнику правильные распоряжения. Он должен взять ситуацию под контроль. В конце концов, прошло не так много времени. Пока. Пока они еще не уверены, что мальчишка похищен. Пока не было предъявлено никаких требований. Нужно объяснить это Хавьеру.

– Я понимаю, что Вы сейчас чувствуете, лейтенант, но лучше не приезжайте, – как-то обреченно произнес Вэйд, подняв в душе Чейза настоящий шквал ярости. Он почувствовал желание что-нибудь сломать, а лучше разбить о голову человека, который додумался сказать такое. – Если Вы приедете, Вам только больше захочется разорваться надвое.

– Что Вы мелете? – грубо прервал его Цзян, в основном потому, что Вэйд попал в самую точку. Ему хотелось разделиться, чтобы одна его часть немедленно бросилась на поиски, а вторая в это время была с Хавьером. – Я немедленно еду к вам, чтобы допросить всех, кто видел Майкла сегодня. И, что бы ни случилось, не отпускайте Ланей никуда.

Примечание к части

*Спасибо большое за оперу, душа моя.

Часть 104

Чейз велел гнать лошадь так, будто коляску преследует целая свора баргестов, но это все равно было слишком медленно. Как бы он хотел перенестись в особняк Ланей по мановению волшебства! Да хоть бы и на бесовской спине, ему все равно. Наверное, второй раз в своей жизни – воскресная школа и особенно сестра Элизабет кого угодно отвратит от религии! – Цзян в мыслях обратился к Богу. Если Господь сделает так, чтобы Майкл прямо сейчас вернулся домой, Цзян обязуется возвратиться в лоно церкви и больше ни о чем никогда не просить.

Однако и во второй раз небеса остались глухи к его молитвам. Должно быть, злопамятный старикашка не простил того, какими словами его честил Цзян после смерти Дины. Или ему было просто все равно.

Охранник открыл дверь даже быстрее, чем сегодня утром – Хавьеру. Значит, напряженно ждал, когда кто-нибудь появится на дорожке, ведущей к дому. В тот же миг, как Цзян переступил порог, в холл, забыв о трости, вбежал художник. Растрепанный и бледный… хотя Чейз едва ли выглядел лучше. За ним следовал дворецкий, на обычно невозмутимое лицо которого тенью легло страдание.

– Мистер Цзян, – быстро заговорил Инн вместо приветствия. – Вы так быстро положили трубку, что я не успел сказать: Хавьер уже позвал друзей Майкла к нам. Они с родителями будут здесь в течение этого часа.

– Где он сам? – перебил полицейский.

– Поднялся в библиотеку минут пять назад, – ответил тот и тревожно оглянулся в сторону гостиной. – Сказал, ему надо подумать…

– Я поговорю с ним, а потом займусь Вами, – на ходу сказал лейтенант, уже поднимаясь по лестнице. – Мистер Стэнли, покажите, где это.

Спиной он чувствовал взгляд Инна. Сочувственный. Неохота было тратить на него время, иначе бы встряхнул хорошенько. Как, черт его дери, Чейз мог не примчаться сюда, если Хавьер сейчас сходит там с ума? Один… Это взбесило еще больше. Выводы о состоянии Ланя он сделал еще по телефонному разговору с Зиком. Нельзя ему сейчас оставаться в одиночестве.

Следуя за дворецким, он оказался у двери, ничем от прочих не отличающейся. Когда мистер Стэнли тактично оставил его, Чейз постучал, но Лань как-то не торопился впускать гостя. Сквозь дверь не доносилось ни звука, и не должно было, если вдуматься. Хавьер все еще не отзывался, но лучше было выждать немного, дать ему время. Ровно столько, чтобы начать по-настоящему опасался, не случилось ли с ним чего… Вернее, не сделал ли Лань что-то с собой. Нет, это бы Ангел уже почувствовал.

– Я могу войти? – осторожно спросил детектив.

– Чейз? – фабрикант нервничал, голос звучал сбивчиво. Он плакал? – Да… входи…

Судя по реакции, никого другого – кроме, разумеется, сына – он сейчас видеть не желал. Лейтенант поспешил открыть дверь и запереть ее за собой, не пустив Ангела внутрь. Тот немедленно заскребся, тоже горя желанием поддержать Ланя по-своему, но у пса еще будет время для того, чтобы облизать Хавьера с головы до ног. Первой бросилась в глаза почти неестественная бледность мужчины, сидящего в глубоком кресле, и его неловкая поза. Последние несколько часов он провел в постоянном напряжении и, похоже, больше не мог этого выносить. Чейз уже видел это выражение – в тот день, когда Хавьер встретил Мэйсона.

Теперь детектив не тратил время на бесполезные вопросы, а быстро преодолел разделяющее их расстояние, опустился на колени и крепко обнял Ланя, с силой стиснув. Он уже давно должен был быть рядом, если бы только знал. Почему Хавьер не позвал его сразу, как заподозрил неладное? Где были Честер и его ручной художник?

Сперва Лань никак не отреагировал на физический контакт, но Чейз продолжал держать его, чтобы почувствовал: он рядом. Время будто остановилось на месте, хотя Чейз ощущал почти физически – за стенами библиотеки оно двигалось в обычном ритме, за которым порой не поспеть. Наконец, Хавьера немного отпустило, и он сомкнул руки вокруг детектива.

– Я должен вернуть сына, – голос Ланя звучал едва слышно, как будто случившееся отняло у него все силы. Кажется, он не смог бы сейчас даже встать на ноги.

– Лань, – он слегка отстранил фабриканта от себя, положил обе руки на его плечи, посмотрел в упор в глаза. – Я запрещаю Вам самому что-то предпринимать. Не посоветовавшись со мной, Вы шагу за порог не ступите. Даже если здесь все сгорит к чертовой матери, Вы поняли?

Он выдержал паузу, позволяя переварить сказанное и дать утвердительный ответ. В другой ситуации это вызвало бы у Хавьера интерес определенного свойства, но сейчас взгляд его лишь мимолетно зажегся и снова потух. Чейз даже понять не успел, какие эмоции пробились наружу.

– Или я сам Вас свяжу и запру в Вашей спальне, – докончил он и заметил между спиной любовника и спинкой кресла круглую мохнатую подушку: – в обществе кота, чтобы Вам не заскучать.

– Чейз, сейчас не время для таких игр, – проговорил Лань, тем не менее, снова потянув его к себе.

– А никто и не играет, – проворчал тот, поддаваясь. – У нас есть еще немного времени, мне нужно переговорить со всеми, кто был утром в доме до того, как соберутся свидетели. Вы молодец, Лань, что догадались позвать тех, с кем Майкл был до исчезновения…

– Я не сказал ему… – Хавьер спрятал лицо, и плечи у него вздрогнули.

Чейз не был и не собирался, если на то пошло, становиться отцом, но почти физически почувствовал боль, которую этот ублюдок причинил его любимому человеку. А следом в сердце вгрызлась другая мысль: что он за полицейский, если не может защитить близких от гребанного урода. Если бы он только мог пообещать Ланю, что не позднее завтрашнего утра приведет Майкла домой живого и невредимого. А лучше – тот придет сам, натворив дел с какой-нибудь хорошенькой бедовой девчонкой.

– Почему я не велел Майклу остаться дома? – спрашивал Лань, хотя у Чейза не могло быть ответа. – Ведь сердце было не на месте.

– Вы не могли знать, Лань, – сказал он твердо, даже если убеждать было бесполезно, и пригладил тёмные, немного растрепанные волосы.

Чейз живо представил, как до его прихода Лань сидел здесь, обхватив голову руками, и переживал все снова и снова. Близкие жертв часто ведут себя очень схоже, они повторяют: «Скажите, что он жив», «Скажите, что мой ребенок жив». Лань не просил об этом. Лучше быстрая смерть, чем оказаться в лапах этого урода, который будет сдирать кожу, ломать кости, отрезать по кусочку, чтобы заставить почувствовать, как капля за каплей с выпущенной кровью уходит жизнь.

Цзян снова обнял фабриканта, делясь таким нужным ему сейчас теплом – то единственное, что он мог сделать, чтобы помочь справиться с беспощадной бесповоротностью жизни. Это он мог понять, ведь сам же сегодня утром сокрушался, что так и не нашел времени, чтобы поблагодарить Ланя за вечер и ночь, не решился произнести признание, которому уже давно не давал вырваться наружу. Будущего Чейз не знал, да и гадать бы теперь не взялся. Что, если ему не повезет? В таком случае, умирая, он будет проклинать и презирать себя за трусость. И Лань так и не узнает…

Одна мысль об этом вызвала у него жгучий протест. Опершись ладонью о подлокотник, Чейз поднялся и наклонился к Хавьеру. Тот не сразу, но ответил прямым взглядом. В серых глазах было столько боли, что казалось: раздели на двоих и все равно будет невыносимо. Но он должен.

– Sais-tu comment je t’aime? A la folie. J'ai disparu en toi, – сердце сжалось от невольного испуга, когда он произносил это, но только на мгновенье. – Я уже говорил это. Помните?

То, что он делал, могло показаться неуместным в такой ситуации. А может, и наоборот – самым правильным, коль скоро он сразу не ответил на признание Хавьера. Тот, судя по реакции, узнал эти слова, хотя прозвучали они не в пример мягче, и не забыл обстоятельства, в которых они были сказаны. И все же смысла Лань все еще не понимал. Это было даже удивительно, учитывая его интерес к персоне одного стража порядка.

– Это значит… – продолжал Чейз, и Лань удивлённо вздохнул, когда он осторожно коснулся губами его губ, только намечая поцелуй. – Знаешь, как я люблю тебя? До безумия. Я пропал в тебе.

Серые глаза подозрительно заблестели, но Хавьер сдержался. Он потянул Чейза к себе, снова обнимая, порывисто и сильно. Вцепился пальцами в одежду, как будто ему не в любви сейчас признались, а предложили расстаться. Цзян подался вперед, поставив колено на кресло – и его совершенно не заботило то, как это смотрится со стороны – снова погладил по волосам и спине, из-за которой раздалось вопросительное, он мог в этом поклясться, мурканье.

– И я не позволю какому-то ублюдку безнаказанно вредить тебе и твоей семье, – проговорил Ланю на ухо Цзян, уж такое обещание он мог не только дать, но и сдержать. – Хавьер, мне сейчас правда очень нужна твоя помощь. Надо как можно точнее восстановить события этого дня – с утра и до исчезновения.

Планы Чейза не изменились. Конечно, сначала он найдет Майкла, потом достанет этого скота Мэйсона, а затем, как и собирался, доберется до его суки Роуз. Ее Чейз оставил на десерт, хотя уже сейчас располагал почти всем необходимым, чтобы разворошить это гнездо порока. Мелиссы Спринг больше не существует, ее опознали в безымянном обгоревшем теле по сохранившимся украшениям, а Аманда Бови сейчас где-то на середине Ла-Манша. С Чейзом или без него, собранные материалы попадут к его коллегам, а уж те похоронят Карп.

Но сейчас, глядя на Хавьера, Чейз понял, что ему и этого мало. Будь на то его воля, Цзян своими руками сбил бы каждую рыбину, украшающую здание внутри и снаружи, с остервенением перемалывая гипс и камень тяжелой кувалдой. Не пожалел бы даже бассейны и живую рыбу. Разрушил бы красную комнату так, чтобы ни одно пятнышко цвета не напоминало бы о том, для чего она прежде служила.

Почему он раньше не подумал о том, что всякая пустота всегда стремится к тому, чтобы быть чем-то заполненной? Особенно такая пустота. Что может вырасти в дурной почве без присмотра надежного садовника? Одного такого Чейз знал и притом очень близко – этот человек был его отцом. Если бы он выкупил Карп на торгах после того, как его освободят от всей этой мерзости, то смог бы, как никто другой, позаботиться о нем и найти зданию достойное применение.

Чейз еще раз взглянул на Ланя, тот выглядел немного лучше теперь, когда у него появилась цель и дело, которое хотя бы на время отвлечет от тягостных мыслей. Не стоило забегать так далеко вперед, но все же… понравилось бы ему открывшаяся на месте Карпа картинная галерея? Можно было бы даже устроить там небольшую персональную выставку для Зика или его второму «Я». Кот будто бы услышал эту мысль детектива и снова подал голос. В отличие от дворовых кошек он не орал благим матом, а издавал тоненькие переливчатые звуки, не слишком вяжущиеся с его тушкой.

– Говорят, коты успокаивают, – скептически заметил Цзян и, выудив пригревшийся комок бесполезного меха, сунул его в руки фабриканта. – Вот и проверим.

Чейз сел на диван напротив кресла, в котором сидели Лань с котом. Последний был на седьмом небе, а вот Хавьеру такая замена не пришлась по душе. Однако Чейзу нужно было, чтобы он сосредоточился, да и делать записи удобнее сидя.

– Начни с того, что было, когда мы расстались, – направил он Хавьера, стараясь работать профессионально, как с растерявшимся свидетелем, а не со своим любовником. – Охранник открыл тебе дверь и ты вошел в дом…

Часть 105

Чейз не обратил бы особого внимания на странность в показаниях всех обитателей особняка, если бы не Вэйд. Все уже начинало складываться: сперва проснулась семья мистера Стэнли и он сам. Пока они занялась обычными утренними делами, Смит сменил на посту О'Киффа, единственного, кого не стали вызывать в особняк. Тот подробно описал сменщику, как прошли вечер и ночь: никаких происшествий или странностей, чужие к воротам не приближались и в саду не показывались, даже кот спал без задних ног на подушечке в своей личной вазе. Едва ли ирландец при всем желании сможет добавить к этому хоть что-то полезное.

Далее начали просыпаться домочадцы. Последним выбрался из постели художник, уже после телефонного звонка. Майкл поговорил с одним из своих приятелей и за завтраком попросил у дяди разрешения прокатиться верхом. Он часто выезжал с друзьями, в том числе и за город, так что у Честера не было причин не пустить его, кроме портящейся погоды.

Майкл переоделся для прогулки верхом и как раз успел встретить отца, после прихода которого и начались странности. По словам художника выходило, что четверо взрослых мужчин искали на чердаке… пиратский клад. Тем более необычным выглядел короткий отъезд Хавьера. «По делам», – так объяснил это Честер. Эта поездка едва ли имела какое-то отношение к исчезновению Майкла, так что Чейз не стал допытываться. Может, потом. Сейчас его больше интересовало, что во время сомнительных увеселений взрослых делал Майкл и каким путем он добрался до назначенного места встречи.

Мог ли он пересечься с Мэйсоном уже на этом этапе? Маловероятно, что тот следил за молодым человеком от дома, выжидая момент, чтобы напасть. Если не сам Майкл, то кто-то из его спутников обязательно должен был обратить внимание на соглядатая. То же и с особняком. За ним не наблюдали или делали это очень аккуратно и незаметно. Чейз обошел все вокруг с Ангелом, насколько это было возможно после захода солнца, но не отыскал ничего подозрительного. Пес дал бы понять, что почувствовал запах, встревоживший его накануне в квартире.

Следовало сосредоточиться на друзьях Майкла, как раз начавших собираться в доме Ланей. Чейз битый час заставлял свидетелей вспоминать все: мельчайшие детали, каждого человека, которого они видели, когда прощались друг с другом и расходились по домам. Снова и снова он показывал им рожу Мэйсона пока наконец ему не улыбнулась удача.

Один из ребят, хвостиком увязавшийся со старшим братом, старательно вглядывался в портрет. Чейз почувствовал, что он видел Мэйсона еще до того, как сам мальчишка в этом уверился. Он принял этого человека за бездомного, потому что на нем была поношенная одежда.

– Он был хромой и почти такой же злой, как мистер ненастоящий полицейский, – сказал малец, заставив Чейза скрипнуть зубами. Поймав вопросительный взгляд старшего брата, тот решил уточнить: – Настоящие полисмены носят красивую форму.

– Зато у меня есть настоящий служебный пес, – проворчал Цзян, решив подкупить мальчонку обаянием терьера. – И если ты вспомнишь еще что-нибудь об этом человеке, я позову Ангела сюда.

– Кто так называет полицейскую собаку? – удивился мелкий паршивец, не подозревая, как близок детектив к превышению полномочий.

– Невежливо так говорить! – напустился на младшего старший отпрыск семьи Одли. – Мистер Цзян, простите моего брата, я не думаю, что он может рассказать что-то важное…

– Я разберусь, – быстро ответил Чейз и занес ручку над бумагой. – Ну?

– Тот мужчина поднимал воротник, как будто бы замерз, – сообщил мальчишка, перестав наконец доводить его до белого каления и собравшись. – И еще у него одежда была в чем-то белом.

Чейзу всех этих бесед хватило по горло. В другой ситуации он перепоручил бы это дело Смиту, но сейчас дело касалось Ланя. И черт бы побрал Зика, он оказался прав. Чейз разрывался между желанием ни на шаг не отходить от Хавьера и долгом, который требовал кончать с допросом свидетелей и отправляться на место, где Майкла видели последний раз.

Убедившись, что обоим Одли нечего добавить к сказанному, он захлопнул блокнот и убрал во внутренний карман. Горничная уже должна была приготовить для Ангела что-нибудь из вещей Майкла, но Цзян не мог уйти, хотя бы не заглянув к Ланю. Тот, конечно, спросит, что удалось выяснить. И как сказать ему о том, что ребятишки опознали Мэйсона?

Пока он был занят, кухарка накрыла на стол для всех неожиданных гостей, несмотря на то, что кто-то уже поужинал, а кому-то кусок в горло не лез. Чейз есть не собирался – не до того сейчас, однако подошел, чтобы положить руку любовнику на плечо. Было странно делать это в присутствии такого количества посторонних, однако никто из них не увидел в этом жесте ничего предосудительного.

– Хавьер, съешь что-нибудь, – попросил он тихо, заметив его чистую тарелку. – Миссис Стэнли будет волноваться.

И так понятно, что волновался бы в первую очередь сам Чейз, но он не собирался это афишировать. Лань кивнул, хоть и без особого желания. Нужно было идти, но Чейз продолжал медлить, находя причины задержаться еще хотя бы на несколько секунд.

– Мы с Ангелом поищем следы, – сказал он Ланю, потому что это было похоже на план, давало ощущение, что он может контролировать ситуацию. – Мне нужен посыльный, чтобы доставить записи Шепорду в участок.

– Можешь поручить это Картрайду, – разрешил фабрикант.

Лань еще раз сжал его плечо на прощание. На тот случай, если похититель все-таки потребует выкуп, а не попытается выманить Хавьера, Лани должны были оставаться дома, оба. Оставалось надеяться, что Честер удержит брата от поспешных действий. Он должен понимать: если Хавьер пойдет у ублюдка на поводу, не только не спасет сына, но и сам может пострадать.

Искать Картрайда не пришлось. Тот сам подошел, стоило выйти в холл. Чейз не успел даже мельком взглянуть на картину с Темзой, как его окликнули. Молодой человек протянул ему небольшой бумажный сверток.

– Мама сказала, Вы не останетесь на ужин, – сказал он, потому что Чейз не спешил принимать кухаркину взятку. – Она велела передать Вам сэндвичи.

Голода Цзян совершенно не чувствовал, хотя завтракал с Ланем как будто бы позавчера, и впереди еще была длинная ночь. Однако сейчас важнее было другое. Полицейский достал блокнот и вырвал несколько последних листов для Шепорда. Пусть

дополнит карту, пока они с Ангелом роют тут землю… хотя найти след в городе, да еще по прошествии нескольких часов, та еще задача.
***
Проводив нечаянных свидетелей и детектива, Хавьер поспешно ушёл к себе, попросив его не беспокоить. Саймон, хвостиком следовавший за ним, сделал вид, что не понял ни слова. Честер же проводил брата хмурым взглядом и двинулся было следом, но художник ухватил его под локоть. Трость он предусмотрительно забыл в столовой.

– Уважим его просьбу, – попросил он, хоть и понимал чувства Честера и его нежелание оставлять брата наедине с невеселыми мыслями. – Хавьер пообещал доберЦзяну, что не будет делать глупости. К тому же за ним присматривает Саймон.

– Откуда ты знаешь про обещание? – насторожился фабрикант, и Вэйд успокаивающе погладил его по руке.

Действительно, за весь вечер они разлучались всего раз и то ненадолго. Тогда Честер старался утешить и поддержать брата, насколько это вообще возможно, а Вэйд звонил в участок в надежде застать там детектива. Из всех его коллег Инн знал только инспектора Сэйлфорда и сержанта Смита. Последний был хорошим и толковым парнем, однако Хавьеру отчаянно нужен был его лейтенант. Да и Цзян не простил бы себе, если бы не занялся расследованием лично. Вэйд был готов отправить Картрайда к нему домой, если секретарь ответит, что тот сегодня выходной, и даже поехать за ним, как бы ни было жестоко оставлять Честера одного бороться с этим кошмаром.

– Лейтенант может быть порядочным засранцем, – признал художник, пробуя утянуть любимого в свою часть особняка. – Но он точно не идиот. Не веришь, спроси Анну и Стюарта. Он скорее потащил бы Хавьера с собой, чем ушел бы, не добившись своего.

Вэйд улыбнулся, представив, как старший из близнецов пытается выглядеть детективом, помогающим в расследовании, однако улыбка вышла довольно бледной. Он ужасно переживал за обоих братьев. Хавьеру сейчас точно было не до маскарада. Вэйд видел, как тот смотрел на полицейского, когда тот уходил, да и ответный взгляд нескоро еще забудется… Получился бы невероятный, пронзительный портрет, но нарисовать его у Вэйда не хватило бы духу, а уж выставить на всеобщее обозрение и подавно.

– Лучше вернемся в гостиную, – попросил Честер, как будто почувствовал, что Вэйд собирается сделать. – Так мы быстрее узнаем, что пришел посыльный или звонят из участка.

– Хорошо, – нехотя сказал художник и подумал о старшем поколений Ланей, которое придется поставить в известность, если Майкл не вернется к утру. – Только сядем на диване.

Честер кивнул, не усмотрев ничего особенного в такой просьбе, как и в том, что Вэйд потянул его придвинуться ближе. Такой неподатливый… Однако, немного пригревшись, фабрикант склонил голову, касаясь его макушки. Инн знал: если выждать немного, усталость начнет брать свое. Главное не задремать самому.

Некоторое время спустя, художник решил, что Честер готов к следующему шагу и похлопал по коленям. Лань наградил его непонимающим взглядом, заставив запоздало вспомнить, что он делает так же, когда приглашает Саймона поспать. Впрочем, неловкости из-за этого он не ощутил.

– Тебе стоит прилечь. Я покараулю и, как будут новости, разбужу, – он попробовал уложить Честера, мимоходом распустил ему волосы, как делал уже не раз. – Никому не будет пользы, если все будут измотаны. А я привык к ночным бдениям, досплю потом.

Честер посмотрел с сомнением, особенно когда художник потянулся за пледом, чтобы устроить его поуютнее. Спать он явно не собирался или же был уверен, что не уснет. Однако Вэйд оставался непреклонен: нужно остановиться и отдохнуть хотя бы немного, никто не знает, представится ли потом такая возможность. Вслух он этого не сказал, успокаивающе положил руку Честеру на грудь и предложил дать отдых глазам.

– Я не хочу, – фабрикант попробовал снова сесть, почувствовав себя неуютно на живой подушке.

– Тс-с, – Вэйд придержал его, погладил, пробравшись пальцами под рубашку, между застегнутыми пуговицами. – Закрой глаза и слушай, а я расскажу что-нибудь. Например…

Он обвел комнату взглядом, ища в ней вдохновения и перебирая в голове воспоминания, как альбомы со старыми, но дорогими сердцу рисунками. Взгляд упал на вазу Саймона, рядом с которой лежала его любимая игрушка, уже изрядно потрепанная когтями и зубами маленького хищника. Это натолкнуло на мысль: что, если предпринять увлекательное путешествие в довольно-таки отдаленное прошлое?

– Например, о натюрморте, ой, как я не любил их рисовать! – объявил он, и сам же на себя зашикал, потому что повышение голоса заставило Честера открыть глаза. Пришлось вернуться к поглаживанию, Саймон тоже не любил, когда хозяин начинал шуметь. – Просто подбирать друг к другу предметы по смыслу – это не мое. То ли дело интерьеры. Представь мое удивление, когда я научился искать цветовую гармонию и интересный ритм среди уже расставленных кем-то вещей. Подобранные случайно фактуры и драпировки смотрятся намного интереснее каких-нибудь банальных тарелок с фруктами. Оказалось, правила увлекательнее нарушать, чем соблюдать: играть с несоразмерными или не подходящими по цвету объектами или – о, ужас – выстраивать их в линии.

Художник болтал, а сам украдкой следил, как выравнивается дыхание и понемногу успокаивается сердечный ритм, сначала чувствовавшийся под рукой очень явственно и четко. Хорошо, что предусмотрительная миссис Стэнли заварила травяной сбор, который прописывал Честеру доктор Сен-Клер.

Переходя от подбора предметов к принципам построения композиции, Вэйд понижал голос и говорил медленнее, прекрасно зная, как такое может воздействовать даже на самую мотивированную аудиторию. Ведь с самого начала он затевал эту лекцию с одной целью – уложить Честера спать и хотя бы на несколько часов избавить от волнений.

– Спи, – шепнул он, поправив потяжелевшую руку любимого, начавшую съезжать с края дивана, и тоже прикрыл глаза. – Я рядом.

Часть 106

Ночь прошла абсолютно бездарно, а наступление воскресного утра ознаменовал короткий, но интенсивный дождь, пролившийся прямо с ясного неба. Очень кстати! Чейз с тоской подумал, что предпочел бы встретить рассвет с Хавьером, а не укрываясь на чьем-то крыльце. Что вообще они с Ангелом здесь делают? След давно остыл…

Полицейский устало вытянул ноги и распаковал остывшие сэндвичи. Аромат домашней еды сделал предстоящий день чуточку лучше. Традиционно между ломтиками хлеба оказывалось то, что оставалось от ужина, а не то, что только собирались подать на стол. Миссис Стэнли, однако, превратила простой перекус в изысканное блюдо, в котором даже тосты были поджарены достаточно сильно, чтобы не промокнуть от соседства с другими продуктами.

– Что за черт? – пробурчал Цзян, когда над головой щелкнул замок. Он-то подумал: раз их не прогнали сразу, значит, внутри попросту никого нет.

В следующий миг детектива потеснила приоткрывшаяся дверь и наружу выглянул… вероятно, хозяин дома. Одет пожилой мужчина был по-домашнему. Похоже, он только-только встал с постели и едва ли порадовался, обнаружив незваных гостей. Что он мог подумать о Чейзе? Явно ничего хорошего! Повезет, если не принял за бездомного или пьянчугу.

– Инспектор Цзян, – представился он, не дожидаясь, когда ему выскажут претензии.

Не вставая со ступеней, он протянул руку для приветствия. Скорее всего, ему вежливо – или не очень – посоветуют найти другое место для отдыха. Едва ли стоило рассчитывать на что-то другое. И придется мокнуть, завидовать собственной собаке, намного лучше приспособленной к лондонской погоде. И все же детектив ошибся насчет незнакомца, который аккуратно вложил ему в пальцы ручку объемистой чашки, тут же наполненной из кофейника почти до краев. Напиток, судя по аромату, был весьма неплох, и Цзян сразу уловил яркую нотку корицы.

– Тяжелая ночь, инспектор? – участливо спросил мужчина, чья фамилия – Сэмпсон – ни о чем Чейзу не сказала.

– Не то слово, – буркнул тот.

Рука мужчины легла на плечо. Чейз дернул им, стряхивая ладонь. Все с ним в порядке. Какого хрена он беспокоится за совершенно чужого человека? Нашелся добрый самаритянин!

– Как человек, я Вам премного благодарен, – сказал Чейз, чтобы смягчить впечатление от своей реакции на прикосновение. – Но как лейтенант Скотланд-Ярда я должен объявить Вам выговор за то, что так легкомысленно открываете дверь кому попало.

– Лейтенант… – задумчиво проговорил мужчина, что-то припоминая. – Как, Вы сказали, Ваша фамилия? Цзян? Не Цент? Дает же старина Гейб… Это ведь Вы ночью заходили ко мне на конюшню в Риджентс-парке. Но дом-то мой как нашли?

– По запаху, – он кивнул на Ангела и с сожалением взглянул на сэндвич.

Значит, мистер Сэмпсон уже знал, что от отчаянья Чейз сунулся к ночному сторожу, несмотря даже на то, что тот наставил на них с Ангелом ружье. С большим трудом Чейзу удалось убедить старого ворчуна, что он не конокрад. Впрочем, старик ничем ему не смог бы помочь – смена его началась всего за пару часов до их отнюдь не дружеского разговора и никого более подозрительного, чем Цзян, он не видел.

– Я хотел задать несколько вопросов о молодых людях, бравших лошадей вчера на весь день, – сказал детектив, уже собираясь завернуть еду.

– Если Вы не возражаете, мы могли бы обсудить это за завтраком, – поставил условие мужчина, кажется, заметивший, как Чейз смотрел на свой сверток. – Еще кофе, мистер Цзян?

Чейз сам не знал, почему согласился. Это было крайне непрофессионально. Оба участника допроса должны быть сосредоточены на разговоре, а не отвлекаться на еду, кофе и, черт бы побрал этого Сэмпсона, свежую выпечку. Мужчина принялся вспоминать, кого из постоянных клиентов видел накануне, и сам назвал Майкла, выразив надежду, что его не ограбили.

– Я ничего не говорил об ограблении, – подозрительно заметил Чейз.

– Просто я подумал о том типе… – проговорил Сэмпсон и, как ни в чем не бывало, окунул кусочек булочки прямо в джем. – Он подошел вскоре после того, как мальчики вернулись с прогулки, и знаете, я сразу подумал: от такого добра не жди. Но потом отвлекся на Темпи. Мне показалось, что она немного прихрамывает, а когда я посмотрел копыто и заставил ее еще раз пройтись, того человека уже след простыл.

Цзян вытер пальцы салфеткой. Ему не терпелось показать собеседнику портрет, но сперва нужно было получить подробное словесное описание и убедиться. Сэмпсон с некоторой натяжкой назвал подозрительного типа ирландцем, но не припомнил хромоты. Зато упомянул пыль на одежде, которую видел мелкий поганец Одли. И энергично закивал, едва взглянув на портрет.

– Ну точно! Это он и есть, – мужчина присмотрелся получше. – Что-то мне его лицо знакомым кажется. Где же я мог его видеть?..

Чейз догадывался, что в газетах, но не сказал этого. Он не должен выдавать слишком много подробностей дела. Только те имена, места и факты, без которых уж никак не обойтись. Работа детектива проверять и перепроверять факты, потому что свидетели ненадежны.

– Послушайте, мистер Сэмпсон, этот пыльный мудень… – он поспешно поправился: – подозреваемый опасен. И Вам, и Вашему сторожу лучше бы с ним не связываться.

– Мистер Цзян, у Гейба есть ружье, – напомнил владелец конюшни, как будто об этом можно было забыть после оказанного им радушного приема.

– Да хоть бы и восьмидесятифунтовая пушка, – с этими словами Цзян вырвал лист и протянул собеседнику. – Ваше дело остаться в живых, чтобы сообщить об этом в Скотланд-Ярд. Он слишком опасен.

Сэмпсон понятливо кивнул. Чейзу понравилась такая сговорчивость, не хотелось бы при следующей встрече увидеть нового знакомого растерзанным. Впрочем, Чейз пока что не собирался с ним расставаться. Им еще предстояла поездка в Риджентс-парк, хотя на что там смотреть? Дождь наверняка смыл следы… может быть, даже белые. Что такое белое это может быть? Просто

пыль? Мука? Выискался пекарь!.. Известка? Гипс? Чейз думал об этом, пока Сэмпсон одевался, и по дороге, и даже когда новый знакомый любезно сопроводил его на место, где видел рыжего шлюхиного сына.

– Мистер Цзян, – наконец, прервал его размышления хозяин конюшни. – Понимаю, это не по правилам, но ответьте, Вы гоняетесь за мистером Мэйсоном?

– Что ты о нем знаешь? – Чейз так резко сменил тон, что мужчина отшатнулся, а Ангел бросил вынюхивать что-то в сырой траве и громко фыркнул, стряхивая капельки с усов и носа.

– Только то, что пишут в газетах, – Сэмпсон развел руками. – Я вспомнил, его лицо было в нескольких выпусках. Если это правда он, я еще раз подумаю, открываться ли сегодня.

Чейз сбавил обороты. Он злился не на Сэмпсона, который производил впечатление человека открытого и честного, а на то, что не нашел никаких подсказок там, где стоял накануне Мэйсон. А Чейз не отказался бы от визитной карточки с его именем и текущим адресом, подмокшей, но вполне читаемой. И все же теперь Цзян с подозрением поглядывал на Сэмпсона – может он быть подельником убийцы и контрабандиста? Тогда почему он не подсыпал крысиного яду в кофе или эти свои сдобные булочки? Может быть, он только покрывает преступника? Почему гад оказался рядом с конюшней и именно в тот день, когда там побывал Майкл? Ему доложили? Или здесь одно из его новых убежищ?

– Я бы Вам не советовал, – сказал детектив, стараясь вернуть прежний миролюбивый настрой. – Осмотрим тут все, а потом я хочу, чтобы Вы поехали со мной в участок и повторили все, что знаете, еще раз. Мой коллега, Смит, составит протокол и, может быть, задаст еще несколько вопросов.

Чейз внимательно наблюдал за собеседником, который спокойно выслушал его предложение. Даже без обычной досады, которую демонстрируют люди, когда им приходится тащиться куда-то и тратить свое время. Может быть, перед ним хороший игрок в покер? Чейз принялся искать подтверждение этой теории, когда этот самый «игрок» расплылся в улыбке, глядя куда-то ему за спину.

– Какой красавец, – похвалил Ангела Сэмпсон, слишком легко отвлекаясь от темы повторного допроса. Да ему было невдомек, что он навлек на себя подозрения! – Потрясающая собака!

Пес нашел что-то и теперь напряженно принюхивался. Чейз научил его не прикасаться к находкам и уж точно не таскать их в зубах. Мало ли какая там гадость! Впрочем, сегодня это была простая кожаная перчатка. В морщинках на черной коже виднелись какие-то белесые вкрапления. Не бог весть что – Ангел и так знает запах человека, которого они ищут, – но хотя бы не придется возвращаться в участок с пустыми руками.

Оглядев перчатку со всех сторон, Чейз упаковал ее, как вещественное доказательство, и в качестве похвалы потрепал терьера, который тут же начал лизаться. Наверное, от рук еще пахло сэндвичами… жаль, собаке такое давать нельзя, его четвероногий компаньон много потерял!

– Если здесь Вы закончили, я покажу Вам Темпи, – снова напомнил о себе владелец конюшни. – Ну и других лошадей тоже, заодно посмотрите, как мы их содержим. Будь я жеребцом, сам бы не отказался пожить в таком месте!

Чейз кивнул и последовал за владельцем конюшни. Замки были в полном порядке, лошади вели себя, как полагается лошадям. Ангел их не пугал, даже когда опирался передними лапами на ограждение, чтобы познакомиться поближе. Пахло тоже неплохо, насколько Чейз мог судить, убирали здесь регулярно. Убедившись, что все в порядке, Сэмпсон вывел высокого черного коня, показавшегося почему-то знакомым.

– Темпестас, – представил он Чейзу лошадь. – Она – крупная девочка, чистокровная. Дайте-ка подумать… осенью ей уже десять будет. Раньше Темпи брал только старший мистер Лань, а теперь и младший так вырос, что тоже на ней ездит. А я, представьте, помню, как отец брал его в седло. И как только не боялся? Характер у неё не подарок. Чего это я все болтаю, а Вы меня и не останавливаете? Подождите минутку, я только взгляну на ее ногу.

– Значит, на ней вчера ездил Майкл Лань, – проговорил он, надеясь, что собеседник продолжит говорить и расскажет что-нибудь еще о Хавьере.

Впрочем, и на кобылу взглянуть было приятно – глаза блестели, под лоснящейся черной шерстью играли мускулы. Чейз поймал себя на том, что не преминул бы прокатиться. Именно на ней, и чтобы неслась галопом, оправдывая свое имя. Вот расквитается с делами… хотя об этом не стоило и мечтать. В Лондоне каждую минуту что-нибудь происходит!

– Ангел, – подозвал он терьера, но по зрелому размышлению не стал давать нюхать перчатку Мэйсона, пока не узнал, в чем она испачкана. – Ищи.

Пес посмотрел на него озадаченно, но сделал, что от него требовали. Похоже, этим человеком тут и не пахло. Но Цзян все равно поискал замаскированный люк или что-то в этом роде – не переться же сюда в третий раз! Нет, это было бы слишком просто, открой он, скажем, вон тот ящик, а там связанный Майкл, слегка помятый после ночи, проведенной в неудобной позе на соломенной подстилке.

Примечание к части

Tempestas - Буря

Часть 107

Хавьер ушел, чтобы не заставлять Честера волноваться не только за племянника, но еще и за старшего брата, но даже в собственном кабинете не находил себе места. Постояв какое-то время у окна, он устал глядеть в никуда через стекло. Провел ладонью по спинке кресла, в которое с готовностью запрыгнул кот, и остановился перед портретом. Почему он не последовал за Чейзом? Находиться в четырех стенах было невыносимо!

Детектив осуждающе посмотрел на него с холста, как бы говоря: «Не создавай мне еще больше проблем, я ясно дал понять, что ты должен делать! Сиди здесь и жди, когда похититель, кем бы он ни был, выйдет на связь». Хавьер послушно кивнул. Он и сам знал, что так будет лучше, но от этого ночь не перестала тянуться бесконечно. Ему казалось, весь дом замер в предчувствии беды. Он оглянулся на кота, прохаживающегося у двери. Его хвостатые сородичи обычно не жалуют перемены, насколько было известно Ланю. Саймон был исключением, он ведь всю жизнь путешествовал с хозяином, и Хавьер помнил, как непринужденно кот освоился на новом месте. Однако и он беспокоился так, будто понимал, что Майкл не просто куда-то ушел… и что он может вовсе не вернуться назад.

Нет, об этом никак нельзя было думать. Наверняка сын сейчас у Йена. Тот не причинит Майклу больше вреда, чем нужно, чтобы поймать его и увезти в какое-нибудь тихое место. Хавьер знал, что задумал Мэйсон, знал ход его мыслей. Скорее всего, он будет держать пленника под замком, кормить, поить и даже следить, чтобы тот не заболел, – потому что похитителю он нужен живым. По крайней мере, Лань очень на это надеялся. И на благоразумие сына, который знает этого человека и что можно от него ожидать.

Все это нужно затем, чтобы трепать Хавьеру нервы, измотать, вывести из равновесия. Йен думает, что тогда будет легче принудить его изменить решение и покориться. Нужно хорошенько подумать, что говорить, если ублюдок успеет выйти на связь прежде, чем Чейз с Ангелом его выследят. Ни в коем случае нельзя спровоцировать его, как и поддаться слишком быстро. Если Мэйсон заподозрит что-то, то потребует подтверждения, а этого Хавьер не вынесет.

Громко топая – а еще говорят, кошки ходят бесшумно – Саймон подошел и ободряюще отерся о его ноги. В отличие от Ланя, он не сомневался, что решение найдется и все будет хорошо. Мужчина наклонился, чтобы взъерошить тщательно приглаженную серую шерсть, но кот, задрав хвост, устремился назад к двери. Судя по всему, ему нужно было попасть на улицу и наведаться в облюбованные кусты.

– Саймон, – вздохнул Хавьер, не досадуя, впрочем, по-настоящему.

Честер тоже попадался на этот трюк. Британец на самом деле не собирался никуда уходить, да и попросту делал вид, будто не знает, как открыть дверь. Пришлось подождать немного. И даже легонько подтолкнуть кота мыском ботинка, чтобы тот вышел наружу. Однако едва Лань закрыл за ним, снаружи послышалось требовательное мяуканье.

Хавьер чувствовал себя раздавленным. У него не было сил на кошачьи чудесатости, однако звук повторился. Стало даже интересно, неужели Саймон так и будет выкликать его, пока снова не попадет внутрь? После шестого особенно громкого мява фабрикант все-таки открыл дверь. Глупо было стоять, даже не отпустив ручку, и слушать этот концерт.

Саймон муркнул уже совершенно другим тоном. Отошел на пару шагов и, выжидающе глянув на Хавьера, повторил, как ему казалось, вполне доходчиво. Стоило выйти в коридор, и кот засеменил по нему вперед, постоянно оглядываясь на Хавьера и подавая голос.

– Следуй за серым котиком? – спросил он, поражаясь нелепости этой ситуации.

Саймон реально вел его за собой и не куда-нибудь, а в спальню, недвусмысленно намекая, что хорошим мальчикам – к Хавьеру это никогда не относилось – давно пора в постель. Жаль, Лань не мог просто лечь в постель и уснуть, да и не хотел бы видеть сны. Наверняка это будут одни сплошные кошмары. Как вообще спать, когда Майкла держат неизвестно где?

Лучше было просто сесть в кресло и просто дождаться, когда ночь пройдет и наступит безрадостное утро. Навряд ли стоит скоро ждать вестей. Расследования так быстро не ведутся, а Мэйсон выждет, чтобы Хавьер мог в полной мере прочувствовать все грани отчаянья. Неудержимо хотелось напиться так, чтобы отключиться, а потом так сильно мучиться, что в голове не будут помещаться другие мысли. Наверняка этого Йен от него и ждет… Это докажет Хавьеру, что он по-прежнему зависит от бывшего любовника и наведет на мысль, что не мешало бы поискать Йена и постараться заслужить прощение за тот их разговор.

Тот обязательно смягчится, когда узнает, что Хавьер порвал с Чейзом… Глупо было даже думать об этом – за прошедшие годы у него открылись глаза! – Йен поступит ровно наоборот. Будет держать Майкла до тех пор, пока Хавьер окончательно не увязнет. И уж в этот раз он постарается сделать так, чтобы тот уже никогда не вырвался даже с ущербом для репутации собственной и своей семьи.

Мерзко даже думать, что все станет по-старому. Тогда ему останется лишь один путь – полное саморазрушение. Туда Йен за ним уже не в силах будет последовать, но, лишившийся любимой игрушки, он может отыграться на его семье. Поэтому он пообещал себе, что не станет марионеткой сумасшедшего. И уж точно не уподобится ему.

Хавьер встряхнулся, стараясь выбросить из головы мысли о бывшем любовнике, и, несмотря на негодующее мяуканье, оставил Саймона одного в спальне. Не то, чтобы он был против делить просторную кровать с котом, но если бы провидение предоставило ему выбор, предпочел бы другого мужчину. А раз пока от него нет новостей, лучше попробовать занять себя чем-то.

Пришедшая в голову идея показалась странной ему самому, тем не менее, Лань спустился на первый этаж и разыскал Джона Смита, который как раз проверял черный ход. Мужчина выглядел бодрым, а ведь он заступил на пост утром. Увидев нанимателя, явно тоже еще не ложившегося, и бровью не повел.

– Примите мои соболезнования, мистер Лань, – сказал он, приглушая голос. – Надеюсь, Ваш сын скоро вернется.

Хавьер поблагодарил его за слова поддержки, тем более сказаны они были искренне. Фабрикант еще колебался: Чейз не одобрил бы то, что он хотел сделать. Этот человек работал на него вторую неделю, их связывали чисто деловые отношения. И все же он остановил Смита, когда тот хотел уже пройти мимо и вернуться в холл.

– Вы пьете виски? – спросил Хавьер.

– На работе? – уточнил тот.

– Ваш сменщик уже скоро будет здесь, – заметил Лань, сверившись с часами. – Составите мне компанию в виде исключения?

Мужчина кивнул, посчитав, что нанимателю не следует пить в одиночестве, а от пары глотков хорошего алкоголя беды не будет. Он оказался неплохим собутыльником, спокойным, умеющим помолчать и отдать должное дорогому выдержанному виски и вполне отдавал себе отчет в том, что едва ли такое повторится.
***
В участке царило невероятное оживление. Жэнни вернулась из поездки и с самого утра наводила порядок среди подчиненных. Наверняка она уже была в курсе дела и, пожалуй, лучше было не попадаться ей на глаза, ведь отошлет домой, даже не дав поиздеваться над картой. И скажет спать. Поспишь тут, как же! Каждая минута на счету, а что делать, непонятно.

Он передал находку Ангела Дженсу, просто попавшемуся под руку, и подчеркнул, что это важно. Препроводил озирающегося с любопытством Сэмпсона к Смиту, у которого конфисковал чашку с кофе. После чего благополучно пробрался к себе в кабинет, закрыл дверь и… услышал знакомый голос. Хорошо еще, что Шепорд не прятался где-нибудь под столом.

– Ну и сколько ночей ты не спал: одну или две? – спросила начальница, хотя обычно могла определить это по степени его помятости.

– Полторы, – отозвался он неохотно.

– Как ты? – она посмотрела обеспокоенно.

– Спроси лучше, как Хавьер, – буркнул он, и поймал проницательный взгляд суперинтенданта. Да что такого он сказал, чтобы она так смотрела? – Если бы я застрелил урода раньше…

Женевьева фыркнула, их работа не любила подобных оборотов речи. Они здесь имеют дело с последствиями тех или иных поступков. Он достал блокнот и подошел к карте. Еще пара пометок в Риджентс-парке, которые ни на шаг не приблизили его к преступнику.

– Ты слишком заинтересован в деле, – возможно, так женщина пыталась предостеречь его, можно даже сказать: проявить участие, но выглядело это отвратительно.

– Скажешь, что я не объективен и отстранишь меня от этого дела? – Чейз обернулся к Женевьеве, пытаясь понять, о чем она думает. – Ты знаешь, я не прекращу искать этого урода.

Суперинтендант тоже подошла к карте. То ли для того, чтобы еще раз оценить проделанную над ней работу, то ли за тем, чтобы посмотреть на Чейза и решить, что с ним делать. Тот скривился, но на сей раз гримаса относилась к отвратительному вареву, которое Смит, видно, по ошибке принимал за кофе.

– Оставь-ка эту чашку мне, а сам катись спать, – сказала она. – Ты устал.

– Но Жэнни! – попытался возразить он, но не нашелся, как продолжить.

– Прямо сейчас ты мне тут не нужен, – отрезала она, забирая у него кофе и без видимого отвращения отпивая этой гадости. – Можешь оставить Ангела – я сама его покормлю – и выметаться.

– Куда?! – Чейзу категорически не нравилось такое распоряжение. – А перчатка?

– К себе домой, разумеется, – женщина оставалась непреклонна, Ангел же заметно оживился при слове «покормлю». – Или ты предпочитаешь к *нему*?

Невинный вопрос заставил его вспыхнуть и отвернуться. Ведь об этом он и думал с самого утра. Мысли о Хавьере возвращались навязчиво, как бы ни старался он сосредоточиться на деле. Это выматывало. Наверное, начальница была права, это дело было для него личным и именно поэтому было так тяжело.

Опустив плечи под гнетом ответственности за жизнь Майкла и рассудок его отца, детектив поплелся к двери. Располагать карту у себя в кабинете было ошибкой. Так глупо попался! Мог бы затаиться у себя и еще раз пересмотреть бумаги или…

– Кстати, пока ты не ушел, – окликнула суперинтендант, следуя за ним. – Что там с перчаткой?

– Просто старая грязная перчатка, может, и не его, но Ангел среагировал на запах, – наверное, он и правда устал, раз не стал вдаваться в подробности.

Да и улика, казавшаяся такой перспективной, когда пес на нее указал, теперь не вызывала ничего, кроме разочарования и досады. Ну что их эксперты смогут из нее вытянуть? Она ведь не выведет их на хозяина. Чейз замедлил шаг. Может, подождать, когда Дженс вернется? Если, конечно, секретарь не старается не попадаться ему на глаза. Вдруг случилось чудо и белые следы уже распознали?

– Я вызову тебя, Чейз, – напутствовала его Женевьева. – Сразу же, как только что-нибудь прояснится.

Пришлось кивнуть и выйти из участка. От хмари, затянувшей небо к полудню, не осталось и следа, солнце пригревало, а Чейз в который раз думал о том, что мог бы снимать жилье поближе к работе. Пока посыльный доберется до его квартиры, уже пройдет слишком много времени. А к тому моменту, как Чейз вернется сюда или доберется до назначенного суперинтендантом места, след может совсем остыть. Однако подыскивать новое жилье сейчас было недосуг и ослушаться приказа он тоже не мог. Придется поехать домой и, если не спать, то посмотреть, что можно сделать со столом. Может, если немного поработать руками и дать голове отдохнуть, в нее придут какие-то дельные мысли?

Это уже было похоже на план. По дороге домой Чейз добавил к нему обход всего здания снаружи, проверку нового замка и двери с косяком, и осмотр всей квартиры. Он заглянул снизу в свои окна, но Мэйсона внутри, конечно же, не увидел. С чего бы ему возвращаться на место преступления? Внутри все было как будто в порядке, ключ провернулся как по маслу, в спальне было прибрано, а на кухне…

Цзян почувствовал, как плечи против воли начинают подергиваться. Его разбирал нервный смех. Еще несколько секунд он сдерживался, глядя на добротный, хоть и не новый, стол, занявший место старого.

– Лань, – простонал он между приступами неуместного смеха. – Как Вы, черт Вас дери, уговорили брата и дворецкого покрывать Вас?!

Он рухнул на стул, не переставая смеяться и снова выругался. Ну что за человек? Вечно все по-своему! Да он уже относится к

квартире Чейза так, будто сам в ней живет! А дальше? Он никогда не задумывался, как это будет. Решат ли они, что кровать узковата для двоих? Или сразу вся эта квартира под крышей? А со шкафом что делать? Едва ли Хавьер так старомоден, чтобы пользоваться сундуком.

Ужасно хотелось, как в старые добрые времена, прижать Хавьера к стене и хорошенько отчитать за такое самоуправство, но была опасность, что ему это еще и понравится. Тогда – после того, как Чейз вернёт ему сына – Лань будет своевольничать еще больше, просто чтобы лишний раз вывести любовника из равновесия и заставить ругаться на чем свет стоит. Что бы сказала миссис Флай, застань она его матерящимся посреди пустой кухни? Что он окончательно себя загонял и что во все виновато чрезмерное употребление кофе.

Он вытянул ноги и обвел помещение взглядом, ожидая еще какого-нибудь подвоха. Зная Хавьера, что-то непременно будет не так. Он просто пока не заметил, что именно изменилось в привычной обстановке. Когда взгляд скользнул по посуде в шкафу, спать окончательно расхотелось.

– Ла-ань! – детектива, должно быть, слышал весь дом. А старая ведьма опять будет жаловаться консьержу…

Примечание к части

https://pin.it/4ehqVXT

Часть 108

В полусне Честер подумал, что проснулся ужасно рано, но когда попробовал повернуться, увидел сквозь опущенные веки яркий свет. Он все еще заторможенно поднял руку и протер глаза. Сколько прошло времени, он не знал, но тело было словно чужим.

– Доброе утро, – прозвучало мягко-насмешливое приветствие. Голос Вэйда бархатно прошелся по раздраженным нервам, успокаивая. – Ты не храпел, если что.

– Уже утро? – хрипло спросил Честер.

– Полдень, – лениво отозвался художник, с шуршанием откладывая книгу, забытую на диване, кажется, еще неделю назад. Должно быть, небольшой томик не вернулся на свое место на полке, потому что спрятался в щель между подлокотником и мягким сиденьем. – Но когда проснулся, тогда и утро, разве не так?

– И ты все это время читал? – он почувствовал себя виноватым, что так долго не давал Вэйду сдвинуться с места, и поспешно сел. – Я, наверное, не смогу без смущения смотреть на книги в ближайшее время…

Честер умолк. Так хотелось, чтобы случившееся вчера оказалось просто кошмарным сном, призванным напомнить, что жизнь не всегда преподносит только хорошие сюрпризы… Он слишком расслабился. Сначала опера и свидание в Поинт, потом необыкновенная ночь – хотя каждый раз близость с Вэйдом была восхитительна! – и, наконец, небольшое пиратское приключение в кругу семьи. Не хватало только вишенки на торте…

И ею стало исчезновение племянника… Художник непременно разбудил бы его, появись хоть малейшая зацепка. Значит, тишина. Никто до сих пор не знает, где Майкл и что с ним. Неизвестность убивала!

– Пока ты спал, я поразмыслил хорошенько и решил отправить Еву заказчику, – проговорил Инн, заставляя отвлечься от тоскливых мыслей.

– Ты ведь говорил, что картина еще не закончена, – напомнил Честер, недоуменно взглянув на Вэйда, но тот выглядел решительным.

– Конечно! – воскликнул он, схватив начавшую съезжать на пол книгу только, чтобы ее захлопнуть и затолкать куда-то между подушками. – Кроме прелестной девушки и миниатюрной копии Адама там целый Райский сад и в нем должно быть очень много мелких деталей, с которыми можно здорово закопаться. Я ведь только начал прорисовку, но знаешь, мне даже нравится, как вышло. Это заставляет наблюдателя следовать за моим взглядом и подмечать то, на что я смотрел. Разве не здорово?

Все было именно так, как и говорил Вэйд, но Честер отчетливо слышал напряжение в его голосе. Казалось, художник так себя успокаивает. Зачем ему это, если он не хочет? И что должен делать Честер? Отговаривать или сказать, что картина по-настоящему хороша? Необычная внешность Юдифь как нельзя лучше подходила Еве. Она получилась невероятно выразительной и… Честер не был уверен, что смог бы правильно описать то, что было мастерски передано на холсте. Эту чистоту и непосредственность, граничащую с отсутствием понятий о нормах и правилах приличия, принятых среди далеких потомков первой женщины. Намного лучше это сделал сам художник, когда добавил травинку, запутавшуюся в густых кудряшках.

– Я хочу, чтобы Ева выглядела так, будто только что любовалась юными небесами, – он тогда заговорщически подмигнул Николасу, имевшему привычку приходить с супругой в импровизированный зимний сад. – И кто-то в меру своей испорченности непременно подумает, будто она только что играла с мужем на мягкой траве.

Не придя ни к какому определенному выводу, фабрикант молча обнял Вэйда. Тот завозился в его руках, устраиваясь поудобнее. Притих, начиная пригреваться. Потом вдруг отрицательно замотал головой, пытаясь освободиться из его рук:

– Нет-нет-нет, прошу, только не отговаривай меня, – забубнил он, утыкаясь в помятую одежду фабриканта. – Я даже лаком ее покрывать не буду. Упакую, напишу рекомендации и пошлю с Картрайдом… или лучше позвать Санфорда к нам? Ему не мешает узнать о том, что случилось.

– Мистер Нэттли – адвокат, а не частный сыщик, – счел необходимым напомнить Честер. – Чем он сможет нам помочь?

– Может, и ничем, – резонно заметил живописец. – Но и лишней его консультация не будет. Только надо предупредить Хавьера о том, что мы собираемся пригласить его.

– Не думаю, что брат будет против, – Честеру совсем не хотелось отпускать Вэйда, потому что с ним рядом становилось не так тревожно. – Но я скажу ему.

Как бы сильно он ни переживал, когда любимый держал его за руку, на душе становилось спокойнее. От простого прикосновения! Честер почувствовал себя намного увереннее, как будто и правда знал, как следует поступить, и мог найти слова поддержки для брата. Напрасно он уснул, допустив, чтобы близнец остался совсем один, когда так сильно в нем нуждался. Честер очень любил племянника и тоже с ума сходил, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что переживал Хавьер, разлученный с единственным сыном.

– Мы как будто провели всю ночь в дороге, – подметил Инн, хотя не было похоже, что несколько часов в неудобном положении как-то сказались на его самочувствии. – Точно-точно, в поезде, но там сиденья кажутся мягкими только первую пару часов!

Наверное, он привык к подобному за время своих путешествий, но Честер не спросил, как далеко от Лондона можно забраться, если так долго ехать без остановок? Как-нибудь потом представится случай проверить, а пока Честер критически осмотрел себя. Ночь, проведенная на диване, не пошла на пользу ни одежде, ни ему самому. Вэйд выглядел менее помятым, но и ему придется переодеться перед встречей с адвокатом.

– Теперь бы выпить крепкого кофе! – продолжал он.

– Я попрошу Уотсона сварить… – он запнулся, потому что с легкой руки Вэйда обычный напиток был переименован в эликсир неслыханной бодрости.

Вэйд замер в ожидании, но язык так и не повернулся. Пришлось быстро поцеловать его в щеку и уйти восвояси. Дворецкий, как будто постаревший за ночь сильнее, чем за все время, что они с Хавьером распоряжались фабрикой, тоже ждал, что Честер назовет вещи своими именами… Однако уточнять Уотсон не стал. Только спросил, должен ли накрыть на троих в гостиной или

мистер Инн предпочтет легкий полдник у себя на веранде.

– Мистер Хавьер сейчас в беседке, – предупредил Уотсон и добавил с ноткой беспокойства в голосе. – Не похоже, что он собирается уходить оттуда.

– Я приведу брата, – пообещал Честер. – В библиотеку.

Предосторожности могут оказаться излишни, но все почувствуют себя спокойнее, если Хавьер будет находиться в доме. Что вообще погнало его на улицу? Не мог больше оставаться в четырех стенах? Это можно было понять, вынужденное бездействие давило и на Честера, но он не почувствовал облегчения, выйдя в сад. Воскресенье выдалось неуместно солнечным. Брат предпочел прятаться в тени внутри беседки и не среагировал на тихие знакомые шаги, но заметно вздрогнул, когда Честер постучал костяшками пальцев по одному из опорных столбов. Видимо, ожидал увидеть кого-то другого. Мистера Цзян? Или… Мейсона, который едва ли сунется в дом, когда бдит охранник.

Брат выглядел не просто уставшим, а измотанным. Свет, упавший на его лицо под неудачным углом, еще больше выделил тени, залегшие под глазами. Обойдясь без взаимных приветствий, Честер сел рядом и уловил запах спиртного, исходящий от Хавьера.

– Ты пил? – спросил он, хотя сам теперь видел, что брат вышел проветриться.

– Немного, – тот пожал плечами, потом потер переносицу. Наверняка после длинной ночи его мучила головная боль. – Больше размышлял.

– М-м, – неопределенно протянул Честер. – Пойдём в дом.

Заметив тень несогласия, он подумал, что задачка предстоит не из легких. Близнец бывал порой невероятно упрямым. И все же попытаться стоило, вот только как? Нужно осторожно выбирать слова, чтобы не усугубить ситуацию. На ум пришли вчерашние слова Вэйда на счет детектива, почему-то запечатлевшиеся в памяти.

– Ты обещал, – он решился немного надавить и на удивление это подействовало, брат подался вперед, собираясь встать. – Уотсон варит кофе.

– Честер, – Хавьер тяжело поднялся на ноги, опершись о его колено. Его слегка повело. – Ни слова родителям и дяде.

– Брат! – воскликнул он, возмущенный таким требованием. – О случившемся знает столько людей. Это неправильно, если наша семья узнает обо всем от чужих.

– Я понимаю! – брат повысил голос, но тут же сокрушенно покачал головой и заговорил уже тише, спокойнее. – Понимаю. Но мы можем подождать еще день? Вдруг он потребует выкуп и отпустит Майкла?

Выкуп… Честеру стало не по себе. Вот для чего Вэйд так торопился отправить картину. Он думал, что деньги могут потребоваться очень скоро. Может быть, нужны уже сейчас. Сердце почему-то сжалось в груди, заставив мимолетно прикоснуться к ребрам. Он поспешил опустить руку, пока Хавьер не решил, что нужно позвать не адвоката, а врача.

– Один день, Честер, – попросил он, взяв его за плечи и не давая увести себя в дом. – Ведь Чейз даже еще не позвонил, чтобы рассказать, как идут поиски.

– Если к утру так ничего и не прояснится, – сдался младший из близнецов, предпочитая не напоминать, что детектив, вероятно, и не обещал отчитываться о ходе расследования. – Нам придется связаться с родителями и все им рассказать.

Успокоенный, Хавьер отпустил его и вспомнил о кофе, дожидающемся их в библиотеке вместе с легким завтраком, к которому Честер, скорее всего, не притронется. Может быть, аппетит появится к приходу адвоката, а вот брату точно не мешало бы закусить выпитое, даже если он и правда выпил не так уж много – по своим меркам, разумеется. Честеру доводилось видеть Хавьера в намного худшем состоянии, когда он даже на ногах устоять не мог, не то, что объяснить связно, что с ним произошло, и почему Мейсон не удосужился привезти его домой.
***
Чейз не стал задерживаться в квартире. Что бы там Жэнни ни говорила, а спать сейчас он просто не мог. Не хотел и не собирался тратить время попусту. Уж лучше он немедленно вернется в участок и сделает что-то полезное.

– Цзян! – воскликнул Дженс, завидев его в дверях. – Легок на помине. А я уже ехать за тобой собирался.

– Лично? – Чейз сощурился. – Кончай сиськи мять, что надо?

– Негашеная известь, – торжественно объявил секретарь, как будто это открытие было исключительно его заслугой. – Наши умники нашли ее на перчатке, которую ты раздобыл. Весь участок только об этом и говорит!

С какой стати ублюдку разгуливать по Риджентс-парк, обсыпавшись известкой? Выпитый перед выходом кофе не давал нужного эффекта, извилины скрежетали одна о другую. Что вообще этот урод забыл в парке? Мысли возвращались к Майклу, через которого ублюдок мог добраться до Хавьера, но что, если мальчишка подвернулся случайно? Вдруг Мэйсона просто потянуло на природу? Или он выполнял поручение своего одноглазого покровителя?

– Думай, – Дженс лучился от удовольствия. Ему-то отгадку поднесли готовенькую на блюдечке.

– Этот пидорас зарыл кого-то под кустом, – не своим голосом взревел Чейз. – Так какого хуя мы еще здесь?

Он потрепал терьера, который услышал голос хозяина и тут же примчался, чтобы поприветствовать его, тычась мокрым носом и норовя слегка обслюнявить и основательно обшерстить. От этого на душе становилось тепло. Ангел каждый раз так искренне радовался новой встрече – даже если Чейз уходил на какую-нибудь четверть часа.

– Не завидуй, – посоветовал он Дженсу, но вполне дружелюбно. В конце концов, тот принес хорошие новости.

Может, Жэнни этого и не одобрит, но Ангел демонстрировал завидный энтузиазм и готовность хорошенько поработать носом, и именно с хозяином, а не с суперинтендантом или сержантом. Чейз может просто подпирать деревья где-то поблизости, а Ангел уже будет искать эффективнее, чтобы его порадовать. И если повезет, то он будет не единственной собакой, которая будет прочесывать парк, понемногу отдаляясь от конюшни.

Хорошего мало: преступник на свободе и он снова убил, а кого – еще предстоит выяснить. Казалось бы, никаких поводов для радости. Но у Чейза было стойкое предчувствие, что они подобрались по-настоящему близко. Мэйсон не прятал тела предыдущих

жертв, так зачем понадобилось так напрягаться теперь? Рубить корни, чтобы вырыть яму, пусть даже и неглубокую, пачкаться, обсыпаться негашеной известью. Ее следы на земле здорово облегчили бы поиски, если бы не прошедший утром дождь...

Зачем она? Чтобы поскорее испортить тело? Но куда надежнее взять камень потяжелее и превратить лицо убитого в кашу, чтобы мать родная не узнала. Мертвец надежно хранит тайну. Но он пролежал в земле недолго – меньше суток – и если поторопиться, то есть еще шанс ее выведать.

Часть 109

Санфорд примчался быстрее, чем Вэйд успел выпить кофе и съесть треугольник яичной запеканки. Почему, когда случается что-то плохое, люди всегда готовят запеканки? Рыбные запеканки, запеканки с капустой, сладкие запеканки с ягодами. Почему именно запеканки? А ведь Инн перепробовал еще далеко не все оттенки вкусов горя, печали и безысходности.

В любое другое время он не имел ровным счетом ничего против хорошего куска сочной картофельной запеканки с мясным фаршем под румяной сырной корочкой или сладкой творожно-овсяной с яблоками. А сейчас кусок не лез в горло… чего нельзя было сказать о Нэттли. Тот запихнул в себя три или четыре ломтя, пока Вэйд пересказывал ему все, что знал о случившемся, аккуратно опуская личные подробности.

По его версии выходило, что преступник уже какое-то время ошивался поблизости, Мэйсона видели, когда он присматривался и примеривался, чем сможет навредить. Может быть, даже это он подослал тех бандитов, которые чуть не сожгли особняк в середине прошлого месяца. И он же позднее пытался вломиться, чтобы завершить начатое. Кто знает, что бы он мог сделать, не будь Джон Смит начеку.

Если адвокат и знал больше, то ничем этого не выдавал. Вопросы он задавал по существу, почти как лейтенант Цзян. Но, в отличие от него, ничего не записывал, хоть и жаловался постоянно на память, в которой при этом хранилось море различной информации.

– Выкуп? – переспросил Санфорд, когда художник подошел к тому, почему следует как можно скорее перевезти Еву. – И речи быть не может. Во-первых, как я понял, требования еще не выдвигали.

Вэйд кивнул и покосился в сторону двери. Однако пока что близнецы не спешили к ним присоединяться, хотя мистер Стэнли сообщил им о приходе гостя, примеривающегося сейчас к тому, что еще плескалось на донышке кофейника – больше из еды на столике ничего не было. Даже сливок.

– Не скажу, хорошо это или плохо, но дело, как ты сказал, ведет Чейз, – он перелил остатки кофе себе в чашку, положил сахар и тут же отпил. – Значит, деньги не понадобятся. Преступника будут брать при их передаче.

– А как же Майкл? Разве не безопаснее?.. – попытался возразить художник, но его даже не дослушали.

– Не безопаснее, – теперь и Санни посмотрел в направлении двери, проверяя, может ли свободно говорить на такие темы. – Я не хочу тебя пугать, но деньги в таких делах ничего не гарантируют. Разве что безбедную жизнь похитителя, и то не факт.

Вэйд и сам это понимал, только принимать не хотел. В этой ситуации было слишком много неопределенности. Они не могли быть полностью уверены в том, что Майкл жив и сейчас находится именно с Мэйсоном. Связаться с ним не представлялось возможным, да к тому же не было никаких гарантий, что такое чудовище не повернет ситуацию в свою пользу.

– Тебе надо заняться чем-то, пока мы ждем, – посоветовал Санфорд, заметив его душевные метания. – Почему бы не закончить картину?

Вэйд посмотрел на него, потом замотал головой. Ну как он сядет и будет рисовать, когда творится такое? А Честер? Конечно, он сейчас с братом, но вдруг Вэйд будет ему нужен? Вдруг что-то еще случится? Приглашая адвоката, художник все-таки совершил ошибку. Нет, было полезно посвятить такого человека в это дело, но нужно было учитывать, что при желании он уболтает и самого дьявола, не посмотрев, что того не бывает!
***
День выдался напряженным. Неугомонный адвокат сделал несколько звонков и сообщил, что освободил время для того, чтобы позаниматься бумагами Ланей, к тому же совершенно безвозмездно. Утверждение, что давно нужно было это сделать, звучало как-то неубедительно, ведь до сегодняшнего дня близнецам казалось, будто документы и так хранились у них в полном порядке. Тем не менее, проведя ревизию, Санфорд заявил, что им просто необходимо обновить парочку обветшавших экземпляров и подготовить ряд новых.

– Немыслимо, что вы до сих пор обходились без всего этого! – добавил он, с аппетитом хрустя печеньем, которое даже не запивал чаем. – Завтра же наведаюсь на фабрику вместе с помощниками. А сейчас давайте-ка составим кое-какие заявления.

– Я займусь документацией фабрики вместе с мистером Нэттли, – вызвался Честер, и Хавьер не нашелся, что возразить. – Будем ходить на работу по очереди, хорошо? Чтобы кто-то постоянно находился здесь.

Теперь, когда день подошел к концу, а Чейз так и не позвонил, Хавьер по настоянию брата отправился в кровать. Как будто бы он смог бы заснуть наедине со своими мыслями! Санфорд напоминал ему о тех деньках, когда дядя Хью занимался их с братом образованием и так же усаживал их писать под его диктовку. Что-то будет, когда он узнает о том, что случилось с Майклом?

Семья ему этого не простит. Хавьер сам себе этого не простит! И по кругу… Он уже начинал сходить с ума в темноте один на один со своими страхами и переживаниями. Снова появилась мысль пойти и напиться. И не так, как прошлой ночью, а по-настоящему, чтобы наутро его нашли валяющимся на полу на полпути к дивану или еще куда-нибудь, куда не донесли заплетающиеся ноги.

Но он обещал Честеру. Заставлять его сообщать плохие новости родным будет так же неправильно, как не давать сейчас спать только потому, что ему самому уснуть не под силу. Тошно делалось от того, что все это он заслужил. Разве брат не чувствовал то же самое, когда он пропадал неизвестно где? Хавьер заставлял его переживать снова и снова, нисколько не заботясь о том, что поступает дурно.

Утром он позвонит в участок, чтобы просто услышать голос Чейза, пусть даже сказать ему нечего. Хавьер даже не признается, как ему не хватает лейтенанта, чтобы не травить душу. А пока просто полежит на кровати и дождется рассвета. Задумчиво прокручивая на пальце кольцо, подаренное Чейзом, он еще раз подумал, что так будет правильнее всего. Он очень устал, но не сможет спать, просто постарается отдохнуть, чтобы не пугать своим видом близнеца.

Однако темнота обволакивала, напрасно он задернул тяжелые шторы, но вставать и снова подхватывать их шнурами сил уже не было. Фабрикант бы уже не разобрал, открыты его глаза или закрылись, если бы кто-то не толкнул дверь, впуская немного света из коридора.

Должно быть, дремота все-таки взяла свое в самый темный час ночи, потому что в спальню вошел детектив. Но почему Чейз, а не Мэйсон? Лань был уверен, что не увидит ничего, кроме кошмаров и именно Йен будет его монстром.

Мужчина некоторое время постоял, привыкая к мраку, и принялся тихо раздеваться. Хавьер слышал шуршание ткани, шаги, стук

пряжки ремня. Все было очень по-настоящему, но в то же время как-то нереально. Откинув одеяло, Цзян лег, так и не сказав ни слова. Он пах крепким табаком и незамысловатым кофе. Хотелось обнять, прижаться, убедиться, что это реально, но Хавьер не шевелился, выжидая, что будет делать полицейский и не превратится ли он в чудовище.

Чейз на пробу коснулся его, осторожно, как будто боялся разбудить. Ладонь была прохладной, похоже, ночь выдалась не слишком теплой, за окном был слышен ветер, и небо, насколько мог судить Хавьер, снова затянуло – если бы луна не скрывалась за облаками, ее свет слегка пробивался бы по краям от штор.

Полицейский обнял его, быстро согреваясь и не спеша оборачиваться кем-то другим. Может быть, потому что луна все еще не показалась? Она нужна оборотням для превращений. Ночь как будто стала спокойней, чего нельзя было сказать о настроении лейтенанта. Цзян уперся в его бедро, уже наполовину возбужденный, и Лань не утерпел – повернул к нему голову. Мужчины неловко столкнулись носами, а потом поцеловались. Хавьер почувствовал привкус крови.

Чейз подрался? Какой странный сюжет для сна… Цзян вздохнул, как будто бы собираясь что-то сказать. Если сейчас он сообщит, что поймал Мэйсона, Хавьер не захочет просыпаться.

– Хавьер, – сказал он вместо этого, заставляя все внутри снова трепетать прозрачными крылышками. – Тебе поспать надо.

– Ничего не получится… – хрипло ответил Хавьер, невидяще уставившись в темноту.

Как объяснить своему сну, что он и так уже спит и видит сон? И что будет, если все-таки уснуть во сне? От этих мыслей он ощутил явственное головокружение, как будто кровать, на которой они лежали, начала куда-то проваливаться.

– Жэнни была права, когда сказала, что ей не нужен еще один труп, – непонятно проговорил полицейский, путая Хавьера.

О ком это он? Какая-то женщина? И явно близкая ему, раз он так небрежно произносит это «Жэнни». Хавьер с ноткой грусти вспомнил, как долго полицейский избегал произносить его имя, но эта мысль долго не задержалась в голове, вытесненная другими.

Кого-то убили? Это имеет какое-то отношение к Майклу? Лань совершенно ничего не понимал, а Чейз, не замечая, в какую растерянность ввергает любовника, продолжал говорить.

– Мы так загоняем себя раньше времени, – это должно было прозвучать как веское доказательство?

– Чейз, – снова попытался Лань, но лейтенант понял его тон по-своему.

– Я… – последовала пауза, во время которой мужчина погладил его грудь и живот, плавно спускаясь ниже, – помогу.

Хавьер с удивлением ощутил томление, медленно, исподволь овладевающее им, а ведь только что ему казалось, будто в душе не осталось места ни для чего, кроме горя и сожалений. В конце концов, это всего лишь сон, а значит, он непременно поддастся этим уверенным прикосновениям. Не то, чтобы он был против. Он хотел этого, но хотел по-настоящему, наяву. Здесь все было совсем не так, как обычно с Чейзом, когда желание захлестывало сразу и с головой, так что мало было поцелуев и укусов, чтобы выразить его.

Хавьер окончательно удостоверился, что спит и, успокоенный этой мыслью, просто плыл по течению, позволяя Чейзу делать все, что он только пожелает и наслаждаясь неторопливыми ласками. Было так хорошо просто обнимать любовника, чувствовать его, зарываться пальцами в его волосы, отодвигая падающую на лицо челку, после чего Чейз каждый раз небрежно целовал его и снова отстранялся. Ему было больно? Но как еще Хавьер мог показать, что не хочет, чтобы Чейз уходил и требовал так долго томиться в ожидании?

Привкус крови давал ему ощущение реальности. Поэтому он снова и снова хотел целовать детектива, слегка касаясь языком ссадины на губе. Что могло с ним случиться? В любом случае Лань не успел придумать, как об этом спросить. Голова закружилась, но на сей раз это чувствовалось еще сильнее. Чейз почти проник в него. Наверное, полицейские лучше видят в темноте, иначе как он угадал, для чего используется содержимое небольшой баночки, беспечно брошенной хозяином спальни на прикроватной тумбочке еще несколько дней назад?

Горничная, должно быть, тоже догадывалась, что там вовсе не какое-нибудь лекарственное средство. Прибираясь здесь, девушка старательно делала вид, будто бы этой вещицы просто не существует… впредь лучше не раскидывать подобные атрибуты, но сейчас это оказалось очень даже кстати.

Сердце колотилось очень часто, так, что Хавьер не решался пошевелиться. Ему казалось, что еще немного, и он проснется. В этой же кровати. В пустой комнате. Один. Именно поэтому он до сих пор не откинул одеяло, под которым становилось по-настоящему жарко. Это сделал Чейз, когда начал двигаться, и это тоже походило на ласку. Интересно, он догадался, что Хавьер застонал вовсе не от чувства наполненности, а потому что Чейз погладил его?

В следующий момент касание повторилось, заставляя порывисто вздохнуть. Он крепко, до вспышек перед глазами, зажмурился, но мелкая дрожь и странное чувство, пробегающее иголочками вдоль позвоночника, никуда не делось. Чейз проверял свою догадку? Ему нравилось, что Хавьер в его руках уже не может сдерживаться? Лейтенант заставлял Ланя снова чувствовать себя мальчишкой и желать близости, даже в такой, казалось бы, неподходящий момент. Тело требовало своего.

А Чейз охотно экспериментировал с силой воздействия и искал особенно чувствительные участки кожи, полагаясь, в отсутствие света, на слух и тактильные ощущения. Лань уже был на пределе – так ему, по крайней мере, казалось – а детектив ни на минуту не забывал покачивать бедрами, заставляя забыть обо всем на свете. Как будто бы они где-то не здесь и плывут вместе по течению, которое слегка приподнимает кровать на волнах.

А потом… они, должно быть, попали в водоворот. Напряжение, терзавшее его все это время, разом отпустило, и он ухнул вниз и забарахтался, теряясь во внезапно остром и ясном удовольствии, борьба с которым отняла оставшиеся силы. Он почувствовал, что его, как тряпичную куклу, укладывают так, чтобы удобнее прижаться, и сонную тяжесть обнимающей его руки. И это было последнее, что он запомнил, прежде чем проснуться.

Часть 110

С Ланем было тепло. Как дома – и почему в голову пришло именно это сравнение? В его квартирке обычно стояла сырость, потому что Чейз не так часто растапливал камин, а постель зимой бывала такой ледяной, что иногда он всерьез задумывался, не позвать ли к себе Ангела, просто чтобы уснуть. Останавливало лишь то, что пес привыкнет и станет лезть в постель при любом удобном случае.

Хорошо, что вчера он снова отправил Ангела к Смиту. С ним его небольшое ночное приключение могло и не обойтись простым обменом любезностями. Надо было все-таки отправить этого мистера Монро поразмышлять о жизни в камере до утра, но так возиться не хотелось… Детектив машинально провел языком по припухшей губе, однако разозлиться не смог. Только не под спокойное дыхание спящего рядом любовника.

Вдруг к этому, ставшему уже почти родным, звуку прибавилось тоненькое с присвистом сопение. Чейз поднял голову, и точно – хвостатая бестия воспользовалась тем, что Хавьер выбрал его в качестве подушки, и оккупировала пустующую, на которой теперь млела, растопырив лапы и выставив напоказ наетый живот.

– Кто тебе разрешил валяться на кровати? – заворчал вполголоса детектив, догадываясь, впрочем, что, скорее, никто не запрещал.

– Чейз, – сонно пробормотал Хавьер, – это вообще-то моя кровать…

Это замечание вызвало улыбку, полицейский не мог с этим не согласиться, но чувство было странное. Будто мышцы лица отвыкли от такого положения и губа снова напомнила, что даже с предполагаемыми родственниками жертвы надо держать ухо востро. Он снова прикрыл глаза, обнимая любовника, чтобы тот не перевернулся и не придавил ненароком наглое животное.

Подремать еще часок-другой не тянуло, хотя проспали они немного. Напротив, в голове чудесным образом прояснилось и раз никто пока не собирался выбираться из-под одеяла, он решил еще разок мысленно пробежаться по тому, что им было известно о деятельности Мэйсона до ареста и после его возвращения в Лондон. Контрабанда… Может, Чейз параноик, но что, если они только думали, будто проверили его прежние каналы? Могла ли мысль взяться за старое прийти душегубу в голову уже после того, как полицейские наведались к Чаттерам? Едва ли родственники будут рады, но проверить это необходимо.

– Хавьер, – он прикоснулся губами к темным волосам, слегка помятым со сна. – Мне нужно позвонить…

Реакция была неожиданная. Фабрикант чуть ли не подскочил и уставился на него как лишенная невинности девица. Кот скатился сначала с подушки, а потом – на всякий случай – и с кровати, шмякнувшись на пол, как мешок с мукой. Куда он делся потом, детектив не видел.

– Чейз? – спросил Хавьер, как будто тут могли возникнуть какие-то сомнения. – Как ты сюда попал?

По-хорошему, этот вопрос следовало бы задать ночью, еще когда Цзян разбудил его. Впрочем, никогда не поздно. Детектив сел на постели и взял Ланя за руку, успокаивающе помассировал, доказывая, что не является плодом воспаленного воображения.

– Вчера Жэ… то есть суперинтендант, – неловко поправился он, – велела мне ехать сюда. А дальше все просто. Охранник вопросов не задавал. Ты ведь сказал им, что я могу приходить и уходить в любое время и свободно ходить по дому?

Лань задумался, вероятно, припоминая собственные инструкции, потом неуверенно кивнул, все еще сбитый с толку. Чейз не торопился рассказывать, как встретил художника в холле. Тот зачем-то перевешивал картины и спать, похоже, не собирался, но все бросил при появлении гостя. Взгляд у него был странный, слишком проницательный для такого человека. Хотя знал ли Чейз, каков художник на самом деле? Пожалуй, Чейз поостерегся бы садиться с ним за покерный стол.

Художник несколько запоздало, на взгляд Чейза, сделал вид, будто у него каша в голове, и пытался подкупить полицейского, всучив одно из своих произведений – то самое, с мостом через Темзу. И ведь запомнил, что Чейз обратил на него внимание. Уже поднявшись вместе с полицейским на второй этаж – где их не мог слышать охранник – Зик объяснил Чейзу, где спальня Хавьера, и убедительно попросил туда наведаться.

– А это? – Хавьер осторожно тронул его губы кончиками пальцев, возвращая Чейза из прошедшей ночи.

И снова почудилось, что от прикосновения болеть стало меньше. Интересно, если спросить об этом, волшебство пропадет? Не хватало еще все испортить, а еще не хотелось, чтобы Хавьер переживал из-за такой пустяковой царапины.

– Ерунда, – он убрал руку Ланя от своего лица. – Заехал по дороге в дом, где раньше жила одна особа…

– Та самая Жэнни? – не дослушав, уточнил Хавьер, и Чейзу совсем не понравился его попрохладневший тон.

Вчера он имел неосторожность сболтнуть лишнего, а теперь… теперь придется рассказать все, чтобы не получилось, как в тот раз. И медлить, пожалуй, не стоит, хотя это определенно не самая подходящая тема для разговора в постели. Кроме того, ему все еще необходимо было связаться с Чаттерами.

– Женевьева Винс – наш суперинтендант, а я сейчас говорил о жертве, – объяснил он, наплевав на то, что не должен бы раскрывать детали дела. – Мы предполагаем, что ее имя Клементина Оруэлл, это следует из письма, которое у нее нашли.

– Без адреса на конверте? – Лань сосредоточенно укладывал в голове одни факты и выуживал другие. – А твоя начальница откуда знает о нас?

– Да она все поняла еще до того, как до меня самого доходить начало, – проворчал Чейз, запоздало понимая, как это выглядит со стороны. Он запрещал Ланю показываться в участке, а потом сам же там кому-то разболтал? Вот же ебаный стыд… – Что касается письма, то не было никакого конверта, и чернила сильно поплыли.

Чейз прикусил язык. Не стоило говорить, что у женщины не было половины лица, платье сильно пропиталось кровью, и бумага тоже подмокла. Однако Ланя заинтересовало содержимое письма. Делать нечего, пришлось рассказывать об ухажере покойницы, весьма пылко доказывавшем, что проволочки со свадьбой вызваны вовсе не тем, о чем она подумала, а сущим пустяком. Парень буквально зациклился на том, что его простая, даже слишком обычная, фамилия – Смит – не подойдет к такому звучному имени.

– Выходит, этот мистер Смит собирался взять фамилию жены, а она расторгла помолвку, решив, будто на горизонте появилась девица помоложе? – уточнил Хавьер с таким сочувствием в голосе, будто что-то в этой истории и правда задело его за живое. – И

ты поехал сообщить этому человеку о случившемся несчастье?

Чейз сам не знал, зачем поперся проверять ее старый адрес, да еще на ночь глядя, но версия Ланя звучала намного лучше незатейливой правды. Придя к выводу, что мужчина, найденный в той же яме, староват, чтобы быть автором письма, Цзян решил поинтересоваться судьбой Клементины Оруэлл, чье причудливое имя пришлось весьма кстати. Оно мелькнуло в каком-то деле несколько лет назад, как раз когда пошли первые разговоры о душегубе, но Мэйсон еще толком не взялся за дело, а они просмотрели все старые папки за этот период времени, проверяя, не упустили ли какую ниточку.

– Надо было утром послать констебля, – согласился Цзян, чтобы не вдаваться в нудные подробности. – Вместо членов ее семьи или безутешного жениха я наткнулся на какого-то рогоносца, который понятия не имел, кто жил в квартире до него.

– Может, домовладелец интересовался, куда она переехала? – предположил Лань, хотя наверняка понимал, что Чейз еще ночью оставил для него инструкции. Потом еще раз дотронулся до губ детектива, как будто призывая быть в другой раз осмотрительнее. – Ее убил Йен?

Цзян ничего не сказал, да это и не требовалось. Поймал руку любовника, поцеловал ладонь. Пока он не мог сказать Ланю ничего по-настоящему обнадеживающего, кроме того, что тела его сына не было в той страшной яме.

– Мне пора возвращаться к работе, – сказал полицейский неловко, скорее убеждая самого себя.

Еще всего раз обнять любовника, одеться и первым делом связаться с мистером Чаттером, хотя, скорее всего, получится только с его секретарем – папаша павлина был известен своей занятостью. С некоторых пор Чейз доподлинно знал, что кроется за его загруженностью на работе, но если даже миссис Чаттер смотрела на это сквозь пальцы… оставалось надеяться, что их сын не унаследовал подобные склонности и не посмеет ранить чувства Анны.

– Позавтракаешь? – предложил Хавьер, нехотя спуская ноги с кровати. – И ты можешь взять одну из моих рубашек, Чейз.

Предложение почему-то показалось нескромным. Хотя он не припоминал, чтобы смущался вчера, забираясь в постель к любовнику и делая с ним все то, что сделал ночью. Как он будет выглядеть в вещах Ланя? Пусть даже только в рубашке. И стоило ли доставлять Жэнни такое удовольствие? Хватит того, что она снова отправила его к Хавьеру. Буквально! Все это было странно: ее приказ; это утро; то, как ловко Хавьер прошелся по его костюму щеткой и последовавшее за этим предложение пройти в кабинет.

Чейз сглотнул и глянул на любовника, но это по-прежнему был Хавьер. Донельзя уютный в этом халате, а не Лань с его замашками. И когда, черт побери, он так выдрессировал Чейза, что тот теперь в последнюю очередь думает о хозяйском кабинете, как о комнате в доме, куда подведен телефон?!

Впрочем, уже скоро стало не до всяких пошлых мыслей, а от собственного портрета Чейз предусмотрительно отвернулся, чтобы не звереть. Лань тактично вышел, оставив его наедине с телефонным аппаратом, а на другом конце провода раздался голос мистера Фергюсона. Этот человек был не старше Дженса, но выгодно отличался от него. Детектива он узнал по голосу и вынужденно сообщил, что мистер Чаттер сейчас совещается и это продлится еще довольно долго.

Для разогрева Цзян назвал ему те же имена, что недавно Ланю. О Клементине Оруэлл секретарь никогда не слышал, а мистера Смита ожидаемо знал. Кто в Британии не знает хотя бы одного Смита? Но Чейзу-то подошел бы не любой, этот, например, уже много лет был женат на некой Люси, и другой женщины ему было не нужно.

– Могу я быть еще чем-то Вам полезен, мистер Цзян? – спросил мужчина, хоть и без особого энтузиазма.

Мало кому доставляло удовольствие вспоминать имена и факты, напрямую или косвенно связанные с Йеном Мэйсоном, чья подпольная деятельность сильно навредила репутации Чаттеров и их детищу. Черта с два Чейз так легко вытянул бы что-то у Фергюсона, если бы не Анна. Как член семьи он имел право знать. И Чейза не волновало, что потом за это, возможно, еще придется расплачиваться.

– Вас никто сейчас не слушает? – спросил Цзян и, получив отрицательный ответ, продолжал. – Я подозреваю – пока только подозреваю! – что один из служащих как-то связан с Мэйсоном.

– Смит? – переспросил собеседник испуганно. – Да Вы шутите, мистер Цзян. Этот молчун и мухи не обидит – работает себе потихоньку, следит, чтобы во всем был порядок… и в ящики не попадало ничего лишнего. Я не могу себе представить, чтобы он был замешан в чем-то незаконном!

Чейз не стал напоминать, что существуют различные рычаги давления, например, угрозы или шантаж. Чтобы запугать такого человека – со слов секретаря детектив уже составил о Смите первое впечатление – Мэйсону не нужно было даже похищать эту… Люси? Он записал имя в блокнот. Достаточно было только сказать, что в ящики Чаттеров она попадет по кусочкам. Но зачем было убивать Смита? Так сильно мешал? Или все-таки оказался несговорчивым?

– Уверен, есть какое-то разумное объяснение, – взволнованно продолжал Фергюсон, и тут же нашел, как себя успокоить. – Он мог попасть под дождь в выходные. Помните, как лило в субботу? Промочил ноги и теперь слег с простудой, бедняга.

– Расскажите подробнее об этом вашем Смите, – потребовал Чейз, а у самого сердце заколотилось так, будто он опрокинул в себя залпом полный кофейник.

Тут стало ясно, что секретарь – не мастак составлять словесные портреты. Характеристики, что он давал Смиту, были весьма поверхностными и расплывчатыми: порядочный, хоть и немного замкнутый; хороший работник, исполнительный; имеет забавную привычку закладывать большие пальцы за подтяжки. Цзян был рад, когда мысль секретаря свернула в нужное русло, и немного направил ее, задавая наводящие вопросы о телосложении и росте Смита и сверяя их со своим впечатлением об убитом. Приметы совпадали… и чем дальше, тем больше!

– Вы мне очень помогли, мистер Фергюсон, – похвалил Цзян, еще раз предупредив, что лучше пока никому не знать об этом разговоре. – А я помогу Вам и сам съезжу проведать мистера Смита прямо сейчас. Где, Вы говорите, он живет?

– Вы уверены, что Вам удобно туда ехать? – уточнил секретарь. – Минуту, я поищу адрес. Это по Риджентс-парк…

– Я бываю там чаще, чем в участке, – уведомил Цзян и, сделав еще одну запись в блокноте, положил трубку на рычаг.

Часть 111

Цзян так торопился, что толком не попрощался с Ланем. Конечно, разозлился на себя, но это потом. «Позавтракаем в другой раз»! Не нашел ничего лучше сказать? Если все выгорит, они скоро – может, даже еще до обеда – снова увидятся, когда Чейз приведет Майкла домой.

Смита Цзян перехватил на улице, недалеко от участка. Ангел, не помня себя от радости, буквально втащил сержанта в кэб, так что ненужного спора с ним Чейзу удалось избежать, да и перед коллегами они не засветились. Жэнни не одобрила бы то, что он собирался сделать… Она не понимала. Мальчишки не было в той яме, значит, Чейз должен – просто обязан! – успеть.

– Снова Риджентс-парк? – переспросил Смит, когда Чейз назвал адрес и попросил остановиться в паре домов от нужного.

– Нужно проверить наводку, – объяснил Чейз. – Не хочу поднимать всех на уши, если ублюдок засел не там, но где-то поблизости, мы вдвоем его вряд ли спугнем.

Смит и сам понимал, что большое количество людей в форме взбудоражит всю преступность в радиусе нескольких миль, начиная с мелких воришек и заканчивая матерыми, такими, как их цель. Однако он не одобрял самодеятельность.

– За такое можно лишиться значков, – предупредил он, хотя Чейз и без того знал Смиту цену.

Сержант не был трусом, как и героем, впрочем. Детектив не имел желания подставлять его, хотя бы из-за его хорошего отношения, но ему позарез нужен был напарник. Цзян еще не выжил из ума, чтобы в одиночку иметь дело с Йеном Мэйсоном. Конечно, полной уверенности в том, что тот скрывается на квартире мистера Смита, у него не было, но с другой стороны, таких совпадений просто не бывает!

– Смит, это – дело на пять минут, – он сказал это как можно убедительнее. – Просто подстрахуй меня, а сам не лезь. Я могу на тебя рассчитывать?

– Всегда, – не задумываясь, кивнул сержант.

Этим Смит определенно нравился Чейзу, просто раньше Цзян старался этого не замечать. Наверное, стоит обходиться с ним повежливее, а то и показать, как нужно обращаться с кофе. Нет, конечно, чудес не бывает, но чтобы его хотя бы не уродовать. Едва ли стоит рассчитывать на что-то большее, да и в участке особо не разгуляешься.

– Что я буду делать, если через пять минут Вы не выйдете? – наконец они перешли к конструктивным вопросам. – И что скажу суперинтенданту?

– Если через пять минут я не выйду, ты запустишь туда Ангела, и если поймешь, что дело пахнет жареным, тоже, – продолжал инструктировать Цзян. – Все под мою ответственность.

Он собирался сам отчитаться перед Жэнни. Вернее, это она будет отчитывать его, Цзян даже представлял, в каких выражениях. Впрочем, Мэйсон, закованный в наручники, если, конечно, Чейзу посчастливится добыть такой трофей, вполне потянет на помилование. Чем ближе они подъезжали к дому мистера Смита, тем меньше оставалось сомнений. Они находились недалеко от парка, давшего название этой улице. Более того, недалеко именно от той его части, где выкопали Клементину Оруэлл и хозяина дома, в котором засел их убийца. На кой еще было прятать и портить тела? Мэйсон этим обычно не утруждался.

– Приехали! – объявил кэбмен, остановив лошадь. – Вон тот домишко, господа.

Он указывал на двухэтажное здание цвета голубой глины, втиснувшееся между двумя более высокими и основательными строениями так, что и листок бумаги не войдет. Неудачно… Чейз приказал Ангелу сидеть, но послушался и Смит.

– Заглянем для начала в окна, – при этих словах на лице сержанта изобразилось такое облегчение, будто тот и правда думал, что Цзян так запросто постучит в парадную дверь. – Мэйсон не знает тебя в лицо, так что проедешь мимо дома, а я пока попробую зайти сзади.

Ангел посмотрел осуждающе, когда Чейз спрыгнул на мостовую, – он предпочел бы отправиться на разведку с хозяином. Да и куда угодно, если на то пошло. Чейз скользнул в крысиный лаз между стеной и забором, оказавшись на изнанке Риджентс-парк. Тут было погрязнее, да и краску давно не подновляли. Так он узнал, что несколько лет назад мистер Смит перекрыл грязно-желтый цвет более темным. А ещё – что у него нет черного хода. Над окном кухни, если судить по забрызганной чем-то линялой шторке, нависал неуклюжий балкончик. Чейз мог бы, пожалуй, в прыжке ухватиться за кованую оградку, которая лучше бы смотрелась совсем в другом месте, и подтянуться наверх. Если, конечно, конструкция не обвалится.

Вот, пожалуй, и все. Он направился навстречу Смиту и издали, по его бледному лицу и встревоженному виду понял – тот видел Мэйсона. Он прямо сейчас находится в доме и, вероятно, ещё не подозревает, что полицейские пришли по его душу.

– Где он? – сходу спросил Чейз.

– На первом этаже в левой части дома, – отчитался Смит уже собранно. Похоже, он уже почти справился с естественным в такой ситуации волнением. – Это точно он, мистер Цзян.

– Больше никого не видел? – уточнил Чейз, и сержант покачал головой. Может, оно и к лучшему, если мальчишка где-нибудь заперт. – Если что-то пойдет не так, запусти в дом Ангела через окно. Сам не лезь.

– Мистер Цзян, он же не кот, – возразил Смит.

– Поэтому постарайся не наделать с ним шума, – посоветовал инспектор и примерился к оградке.

Задача оказалась пустяковой. Через несколько секунд он уже был на балкончике, кое-как присобаченном к стене здания перед прорубленным наружу узким проемом, затянутым парусиной. Работа здесь встала на полпути, наверное, Мэйсон отослал плотников куда подальше. Ублюдок умеет втереться в доверие! Наплел им небось что-нибудь о том, что мистер Смит оставил его приглядывать за домом, а сам уехал ухаживать за больной невесткой.

Неуместные мысли отвлекали от ощущения угрозы, почти физического. Цзян, стараясь действовать тихо, пощупал, как была закреплена ткань и отцепил ее. Как же он надеялся, что пленника держат здесь, наверху, – это существенно упростило бы дело! Пожалуй, даже если бы пришлось стрелять, чтобы освободить Майкла, он бы успел спустить мальчишку с балкона до того, как

Мэйсон с его ногой одолеет ступеньки.

Должно быть, он все-таки издал какой-то шум, привлекший внимание. Из-за неплотно прикрытой двери послышались шаркающие шаги. Чейз затаился рядом, подпуская преступника ближе. Может, зря он не взял Смита? Тот бы не запаниковал… наверно. В любом случае менять что-то было уже поздно.

Еще один беглый взгляд. Обыкновенная с виду спальня, почти ничем не отличающаяся от его собственной. Даже покрывало похожее. А шаги все ближе. Пожалуй, он мог бы выстрелить на звук, прямо сквозь дверь. Скорее всего ему удастся выкрутиться – едва ли кто-то на этом свете будет скучать по ублюдку и требовать для него справедливости. Чейз переместил палец на спусковой крючок. Он может прямо сейчас все закончить. Просто казнить бешеного пса, тот и понять ничего не успеет. Одно движение пальца и больше Йен Мэйсон никому не причинит вреда.

Дверь противно заскрипела. Чейз терял время, вспоминая всех, чьи жизни забрал или исковеркал этот человек, и пытаясь убедить себя, что это единственный и самый лучший выход. Стать палачом. Ему ведь уже доводилось убивать, пусть и при иных обстоятельствах, так какая разница?

А разница все-таки была. Увидев перед собой шлюхиного сына, Чейз отреагировал соответственно. Тот тоже быстро сориентировался, чему наверняка способствовало дуло револьвера у виска. Чейз не рассчитывал, что Мэйсон сдастся без сопротивления. Он попытался разоружить полицейского, как будто и не боясь получить пулю. Сцепившись, мужчины вывалились в коридор, завязалась короткая ожесточенная борьба. В один миг Чейз сдавил преступнику глотку, перекрывая кислород.

Во взгляде душегуба мелькнул… нет, не страх. Узнавание. Более концентрированной злобы Чейз ещё не встречал. Вряд ли Мейсон так его ненавидел только за то, что Цзян посадил его. Похоже, он знает, что детектив забрал у него не только свободу.

– Что, нравится, сука?.. – зашипел детектив, саданув душегуба затылком об стену. – Задавить бы тебя как червя навозного. Нравится чувствовать себя хозяином, мразь? Так я покажу тебе твое место…

В этот момент Чейз был готов забрать у преступника еще и его никчемную жизнь. О, он точно знал, что для этого нужно сделать. Подсечь под больную ногу, лишая равновесия и спустить с лестницы, да так, чтобы наверняка свернул себе шею! Даже доказывать ничего не придется, особенно когда проступят синяки. Несчастный случай во время жесткого задержания. Преступник отчаянно сопротивлялся аресту.

Жаль, не вышло. Он остался стоять наверху лестницы, растерянно глядя, как Мейсон, морщась, поднимается на ноги. А стоило подумать о том, куда отлетел револьвер! Кажется, он слышал, как тот прокатился по полу. Он мог угодить под кровать или комод, но хотя бы не оказался в руках у преступника… Чейз опять катастрофически не успевал. Несмотря на свежую рану и падение с лестницы гад одарил его наглой перекошенной ухмылкой, откинул крышку люка в полу и уже в следующий миг выдернул из темноты перепуганного мальчишку.

– Ни шагу ближе, – Мэйсон недобро глянул на полицейского снизу вверх и заслонился Майклом, как живым щитом. – Погляди-ка, кто тут у нас. Знаешь его?

Детектив, преодолевший уже половину лестницы, глухо выругался, увидев у него нож. Короткий, но и такого достаточно, чтобы продырявить печень или вспороть артерию. Одно радовало – Майкл, на первый взгляд, не был ранен или избит. Пока. Юноша несколько раз моргнул, привыкая к свету, но не проронил ни звука.

– Что, щенок, язык проглотил? – Мэйсон встряхнул его. – Не помню, чтобы я Вас приглашал, лейтенант Цзян. А где же Ваша несносная псина?

– Я пришел один, – ответил полицейский, хотя практика показала, что он – не мастак вести переговоры.

Мэйсон навряд ли смог бы раскусить блеф, но что это меняло? Он не поверит ни единому слову Чейза. Значит, надо тянуть время. Если Смит слышал грохот на лестнице, то уже запихнул Ангела в кухню. Если нет, пес появится с минуты на минуту. Хоть бы дверь не была заперта.

– И что? Ты думаешь, трахнул Хави пару раз и он уже весь твой? – от того, как мерзавец обошелся с именем Хавьера, его передернуло. – Ты нихера его не знаешь! Я несколько лет лепил из него то, что мне нужно, учил его так, как мне нравится, и я не дам какому-то легавому его отнять.

– А ты, мальчик? – он сменил тон на омерзительно-ласковый. – Хочешь, я расскажу про твоего отца?

– Вы чудовище! – бесстрашно выпалил Майкл. – Не смейте говорить о нем!

Преступник расхохотался, не сводя, впрочем, глаз с Чейза. Более того, он оттащил жертву еще на пару шагов от лестницы и открытого люка, ведущего в погреб, где он все это время держал пленника. Отсмеявшись, Мэйсон снова осклабился, однако прямого зрительного контакта предпочел избежать.

– Он мой, – небрежно брошенная фраза больно резанула по сердцу. Когда-то Хавьер сказал то же самое ему, гадай теперь, были ли эти слова его собственными. – Это я его создал, поэтому Хави принадлежит мне… и только мне! Подумаешь, нашёл себе ебаря, пока меня не было. Впрочем, он еще получит за это…

Чейз стиснул кулаки. Еще немного подождать. Пусть бы Смит пошумел. Если ублюдок отвлечется хоть на секунду. Ох, надо, надо было убить его. И почему было не свернуть шею, коль скоро отправился пересчитывать хребтом ступени? Терять мудозвону было нечего, сделал более чем достаточно для смертной казни. А если нет, то Мэйсона засадят в такую дыру, откуда он больше никогда не выползет. Нужно его только взять, а пока пускай треплется, тем более его и побуждать к этому не требовалось – нашел себе благодарных зрителей!

– А ты, – улыбка, полная садистского предвкушения, искривила его рот, – ты поплатишься за то, что хотел отобрать мою игрушку. И за каждый год, что я по твоей милости прозябал в чертовой сырой дыре. Я не убью тебя сейчас. Хочу, чтобы Хави видел, как ты будешь корчиться, а потом подохнешь, как собака. Это будет ему хорошим уроком. Он снова станет послушным, когда поймет, что на тебе свет клином не сошелся.

Чейз глянул на Майкла, сожалея, что ему приходится выслушивать всю эту грязь. Мальчишка был бледен, но держался хорошо, а главное, не паниковал. Конечно, он сознавал грозящую ему опасность, но все же боялся Мэйсона намного меньше, чем стоило. Это потому, что когда-то тот был вхож в дом Ланей, или свою роль сыграло доверие к знакомому полицейскому?

– Может, лучше мне начать с Майкла, как думаешь, Цзян? – презрительным тоном уточнил душегуб.

Урод играл с ним, и Чейз, к его радости, сорвался. Если бы у лейтенанта в руках сейчас было заряженное оружие, он едва ли удержался бы и не нажал на спусковой крючок. А потом не простил бы себе того, что поставил под угрозу сына Хавьера. Стоило непроизвольно податься вперед, и юноша вздрогнул в руках убийцы. Хорошо наточенное лезвие оставило на его коже неглубокую царапину, даже кровь показалась не сразу. Недвусмысленное предупреждение.

– Есть ведь еще его драгоценный братец, – продолжал размышлять Мэйсон, снова отвлекаясь от Майкла. – Он станет следующим, если я не получу то, что мне причитается. А понадобится, так убью всех, кто сколько-нибудь дорог Хави, чтобы до него дошло: у него есть только я, и только я люблю его. А знаешь, что самое замечательное?

Душегуб выдержал, как ему показалось эффектную паузу. Посмотрел торжествующе, как будто бы спрашивая: «Ну и кто тут хозяин?» Он упивался своей властью, как палач, прикрывающий свои неприглядные действия искусством и красивым словом «перформанс».

– Он не сломается, – наконец провозгласил Мэйсон, решив не томить публику слишком долго. – Хави будет жить дальше, потому что слишком слаб, чтобы умереть. Только я могу убить его!

Часть 112

После этих слов Чейз уже старался не вникать в бред сумасшедшего. Выродок, которого Чейз даже хуями закидать не мог в присутствии заложника, вообще не понимал, о чем говорил. Он не видел Хавьера: ни после встречи с этой ублюдочной Роуз, ни в тот день, когда фабрикант искал убежище в его квартире, ни тем более в день, когда пропал Майкл.

Дверь тоненько скрипнула, как от сквозняка, но Мэйсон был слишком занят своим монологом. Половик удачно приглушил цоканье когтей. Ангелу не нужны были команды, собаки все чувствуют: и напряжение, и страх, и особенно угрозу. И реагируют соответственно. С быстротой молнии он бросился на преступника и псих завопил от боли и неожиданности. Чейз присел, выуживая из-за голенища припрятанный на этот случай велодог – маленький и незаметный. Всего пара мгновений, за которые душегуб оттолкнул от себя Майкла, тщетно пытаясь стряхнуть вцепившегося, как его и учили, в правую руку, пса. Кто другой сразу же выронил бы нож, но только не Мэйсон.

– Ангел, назад! – команда запоздала на долю секунды. Терьер взвизгнул и отпустил добычу. – А ну ни с места, падаль!

Неловко сжимая нож в левой руке, преступник навис над терьером с намереньем добить его. Чейз не видел, как Майкл отпрянул от похитителя и как, опомнившись, бросился ему за спину – только кровь на лезвии ножа и пса, истекающего кровью на полу. Чудовищным усилием воли он подавил желание прицелиться и нажимать на спусковой крючок до тех пор, пока боек не защелкает вхолостую, тем более Майкл больше не прикрывал ублюдка собой.

– Отошел от него! – рявкнул Чейз не своим голосом и тут же прикусил язык.

Что-то подсказывало: если он вернет мальчика домой, существенно пополнив его словарный запас, Лань ему спасибо не скажет. Так что крепкие выражения, как бы они ни рвались наружу, пришлось придержать. Окрик и дуло пистолета, направленное прямо в лицо, возымели действие. Мэйсон отступил на шаг, снова выпрямляясь во весь рост.

– Руки! – предупредил его Цзян, продолжая держать на прицеле. – Брось нож! Бросай!

Душегуб снова оскалился, капая кровью на пол. Ангел неплохо порвал его, а он еще и ухмыляется? Почувствовал, что Чейз снова колеблется? Что не убьет – только не на глазах у Майкла. Понятливый мальчик вел себя идеально: не цепенел, не шумел, не цеплялся за полицейского и не бежал, не разбирая дороги.

– Бросай, – повторил Цзян. – Все кончено.

И тут же понял, что с размаху сел в лужу, как с тем идиотом и его траханным карнизом. Ублюдок начал поднимать руку для того, чтобы замахнуться и метнуть нож. Все происходило замедленно, будто они пытались двигаться в воде. Чейз бросился на него, успел ударить по руке, обезоруживая. То же попытался сделать и Мэйсон, схватившись за его велодог. Раненой рукой, слишком слабо, чтобы выхватить. Да Чейз бы скорее себе хозяйство отстрелил, чем дал этому шлюхиному сыну отобрать пистолет.

Они снова сцепились, как наверху перед лестницей, только теперь Чейз собирался вязать Мэйсона, а это требовало не меньше, а то и больше сноровки, чем заставить его добровольно свернуть себе шею. Откуда-то раздался стук и голос Смита: «Скотланд-Ярд! Немедленно откройте дверь!». Чейзу было не до него. Происходящее уже мало походило на задержание. Скорее на банальный мордобой и взаимные проверки костей на прочность. Оружие в этом не помогало. Оно нужно, чтобы стрелять, а еще против тех, кто этого оружия боится. Душегубу же терять было нечего.

Чейз видел его глаза. Безумные. Он нацелился на велодог и хотел во что бы то ни стало завладеть им. Даже боли, похоже, уже не чувствовал. Цзян потерял контроль над ситуацией, но понял это слишком поздно. В доме покойного мистера Смита громыхнул выстрел.
***
Хавьер прятался от гостей в своем кабинете – ему хватило вчерашнего нашествия Санфорда. Теперь гостиную оккупировали Уэйны. Юдифь была так встревожена, узнав от мужа, что Вэйд и Честер пропустили воскресный турнир по шахматам в Брайт Хаусе, что они решили посетить художника и справиться, все ли благополучно. Почему-то Вэйд не стал им отказывать и пригласил выпить кофе в своем зимнем саду.

Лань решил не показываться. Пусть думают, что он на работе, с братом, чем выслушивают путаные объяснения художника, почему хозяин дома слегка не в себе. Конечно, Уэйны за короткое время стали друзьями, они были милыми людьми, очень чуткими. Николас наверняка предложил бы связаться с тетей, но что бы от этого изменилось? Лань и так знал, что Чейз и его коллеги делают все возможное. Просто этого недостаточно.

Он достал графин с виски, откупорил его, но так и не выпил ни глотка, а просто решил посидеть немного в тишине. А, может, и довольно долго. В конце концов, его покой нарушил телефонный звонок, болью ввинтившийся в висок. Возможно, Хавьер слишком поспешно схватил трубку с аппарата, или дело было совсем не в этом, а в линиях связи. Какой-нибудь проводок отошел. В результате голос собеседницы едва прорывался сквозь монотонное шипение.

– Мистер Лань… это… Сен-Клера… – представилась она.

Хавьер мысленно подставил нужные слова. Получилось, что звонила мисс Сандель, ассистентка их семейного врача. Почему она вдруг позвонила? Что-то случилось с Честером?

– Передайте трубку Сен-Клеру, – попросил фабрикант и, кажется, его более сильный голос долетал до девушки лучше, не блуждая по дороге.

– Доктор сейчас… он зашивает… Цзян… – фамилия донеслась после довольно продолжительной паузы, когда Хавьер думал, что связь оборвалась вовсе. – С Майклом…

Она произнесла еще несколько слов, но фабрикант был не в состоянии вычленить их из шума в трубке и в собственной голове. Он выронил трубку, в ушах снова и снова звучали слова помощницы: оперирует… Майкл… Чейз…

– Я скоро буду, – сказал он, подняв трубку трясущейся рукой, и надавил на рычаг.

Хавьер снова вынул пробку из графина и сделал глоток прямо из неудобного горлышка. Несколько капель попало на подбородок и одежду. Лань досадливо стряхнул их. Сердце разрывалось, когда он звонил на фабрику в надежде, что голос брата поможет как-то совладать с собой. А ведь еще надо было постараться не напугать близнеца так же сильно, как это сделала мисс Сандель с ним самим. Лучше было вообще не пытаться пересказать этот разговор. Он терялся в догадках. Чейз и Майкл прямо сейчас у врача? Один из них ранен? Или они оба? Нужно ехать. На месте они с Честером скорее во всем разберутся. Честер сказал то же самое.

В холле он столкнулся с Уэйнами и художником, живописавшим одну из вывешенных там картин. Впрочем, одного взгляда на Хавьера Вэйду хватило, чтобы прерваться на середине фразы.

– Хавьер, Вы будто привидение увидели, – сказал он, шагнув навстречу. Хотя Лань предпочел бы, чтобы его сейчас не задерживали.

– Майкл нашелся, – произнес Хавьер не слишком, впрочем, уверенно.

Известье, что его сын куда-то пропал, похоже, глубоко поразило гостей. Юдифь прикрыла губы ладошкой. Художник тоже испугался. От всего этого у Хавьера закружилась голова.

– Он цел? Что произошло? Где он сейчас? – последовала бесконечная череда вопросов, на которые у фабриканта не было ответов. – Хавьер, скажите что-нибудь. Может быть, лучше Вам сесть?

– Я не знаю. Он… Они сейчас у Сен-Клера, – сбивчиво выговорил он, посторонившись, когда Инн попробовал взять его под руку. Это было лишним. – Мне нужно ехать.

– Один Вы никуда не поедете, мистер Лань, – безапелляционно заявила Юдифь. Было весьма неожиданно такое услышать. – В таком состоянии! Милый, скажи, что так нельзя.

– Мистер Лань, позвольте нам поехать с Вами, – попросил Николас, стараясь смягчить ситуацию. – Я не знаю, что произошло, но если нужна будет помощь – любая! – Вы можете рассчитывать на нас.

Он переглянулся с супругой, которая не первый раз вела себя гораздо более пылко, чем подобает. Впрочем, ее слова не обидели Хавьера. Подумав, он согласился ехать вчетвером и даже вкратце рассказать о предполагаемом похищении. Неужели все позади? После этого кошмарного уик-энда не верилось, что жизнь может снова стать такой, как прежде.

О чем он только думал, когда влез во все это? Но тогда Йен не был… или, по крайней мере, не казался таким сумасшедшим. Угрозу Лань почувствовал намного позже… когда уже увяз и с этим ничего нельзя было поделать. Но похитить ребенка… Лучше бы, Йен одумался и отпустил Майкла по-хорошему…
***
Утро показалось Честеру бесконечным. Помимо обычной работы, он был занят еще и помощью мистеру Нэттли, который поставил себе цель во что бы то ни стало уложиться в один день. Это заставило Честера сначала вспомнить о собственном намерении нанять личного помощника, а потом – понять, что он заблуждался. Совершенно ни к чему брать человека со стороны и обучать его, когда на эту роль отлично подходит один из служащих. Он во всей этой кутерьме показал себя просто идеальным кандидатом для такого повышения. Честер даже думал, не связаться ли с близнецом, чтобы посоветоваться и сразу же назначить испытательный срок, однако тот позвонил сам.

– Брат, – откликнулся он, напрягшись. В трубке были слышны в основном помехи, но даже так по голосу он сразу понял, что что-то не так.

– Честер, ты сейчас можешь вырваться с фабрики? – спросил Хавьер. – Ты мне нужен.

– Мгм, – подтвердил он, не раздумывая. Если так было нужно, он все бросит. – Будет сложно сдержать энтузиазм мистера Нэттли, но я постараюсь.

– Тогда приезжай к Сен-Клеру, – попросил Хавьер, ничего толком не объяснив.

– Ты у доктора? – удивился Честер, ведь у старшего брата было отменное здоровье.

– Нет… – последовала пауза, он колебался. – Просто встретимся там.

Разговор вышел каким-то очень странным. Положив трубку на рычаг, Честер побарабанил пальцами по столу. Потом поднялся с кресла и пошел искать Санфорда среди картотечных шкафов. Оторвать его от изучения каталога оказалось сложно. Он, разумеется, слышал, что Честер к нему обращается, но как будто бы не вникал. И вот, когда Честер был близок оставить мистера Нэттли хозяйничать на фабрике под присмотром их будущего помощника, чтобы сразу же проверить его в деле, тот отложил бумаги и неожиданно покладисто кивнул.

– Отлично, тогда я скажу своим закругляться на сегодня и отправляемся, – заявил он, вытирая пальцы салфеткой и проверяя, не запачкались ли манжеты. – Я не знаю, что произошло у Хавьера, но поверьте моему опыту, участие адвоката никогда не бывает лишним. К тому же мне нужны несколько подписей Вашего брата.

Честер спорить не стал, хотя ему в страшном сне бы не приснилось, чтобы они с братом подали иск против Сен-Клера, который всегда относился к ним с большим участием. У него не было причин отказывать мистеру Нэттли. Он убедится, что не произошло ничего, требующего его внимания, получит подписи и отправится восвояси, верно? Спросить бы Хавьера, который лучше знал этого человека. Или Вэйда, водившего с ним дружбу, действительно ли он – такой человек, чтобы предпринять довольно длительную поездку по Лондону из чистого любопытства.

Трудно было сказать это наверняка. Едва опустившись на сиденье, мужчина достал толстую записную книгу и принялся пересматривать в ней какие-то личные записи. Честер смотрел в окно на знакомый пейзаж, хотя предпочел бы, пожалуй, ехать сейчас верхом, несмотря на не совсем подходящую для этого одежду. Просто так вышло бы существенно быстрее. Наверное, окажись на его месте Хавьер, примчался бы чуть ли не галопом, пугая прохожих и проезжающие экипажи.

– Так что сказал Вам Хавьер? – спросил Санфорд, когда Честер уже уверился, что они проедут в молчании всю дорогу.

– Ничего, но по голосу было понятно: ничего хорошего ждать не стоит, – ответил Честер.

– Совсем ничего? – эту манеру уточнять информацию адвокат перенял у инспектора Цзян.

– Только, что я ему зачем-то нужен и «встретимся у доктора», – Честер пожал плечами, а у самого сердце было не на месте. Что если с братом что-то случилось? Или дома произошла беда? И почему он сразу не подумал связаться с Уотсоном…

Если раньше Честеру было неспокойно, то после этого он сидел как на иголках всю дорогу, до тех пор, пока не увидел брата, выбирающегося из коляски. К его удивлению, Хавьер подал кому-то руку, и на мостовую грациозно спустилась Юдифь. Честер даже подумал, что обознался, но к тому моменту, как он расплатился с кэбменом, Санфорд уже сердечно здоровался с собравшейся перед домом доктора Сен-Клера компанией… правда, никто не улыбался.

Часть 113

Как только мисс Сандель открыла дверь, в приемной доктора Сен-Клера стало не протолкнуться. Лань едва не натолкнулся на девушку и сильно побледнел. Чейз запоздало сообразил, какое впечатление может произвести на неподготовленного человека его залитая кровью рубашка.

– Папа! – воскликнул Майкл и бросился к Ланю, чтобы, не стесняясь, обнять его. – Я еще по телефону хотел сказать, что Чейз меня спас, но ты так быстро закончил разговор, что мисс Сандель не успела передать мне трубку.

Сказать по правде, Чейзу хотелось сделать примерно то же самое. Наплевав на свидетелей и грязную одежду, стиснуть Хавьера хорошенько и сказать, что все наконец закончилось. Однако он чувствовал себя лишним, особенно, когда к брату и племяннику подошел Честер, чтобы тоже удостовериться, что Майкл ему не привиделся. Не мог же Цзян в самом деле повести себя, как бессовестный худеожник. Тот на радостях ухитрился обнять всех троих разом.

– Чейз, – раздался голос Ланя, когда лейтенант отвернулся. На фабриканта было страшно смотреть.

– Я в порядке, в порядке, – торопливо уверил он. – Это не моя кровь… вернее, не только моя.

– Чейз... – повторил тот сорванно. Кажется, он был в шаге от того, чтобы заплакать, и совсем не воспринимал услышанное.

– Блядь, – ругнулся полицейский, не зная, что сказать. – Просто иди сюда, чего застыл.

Цзян неловко обняв любовника, заправил выбившую возле виска прядку ему за ухо и заметил тонкую серебристую нить. Может, показалось? Хотя… такое не проходит бесследно.

– Где Сен-Клер? – уточнил тем временем Честер.

– Он с… пациентом, – со странной запинкой произнесла женщина, которая недавно без тени сочувствия обрабатывала детективу гематомы и ссадины.

Одна особенно большая пришлась прямо поверх шрама от недавнего ранения. Девушка сказала, что в этот раз рубец спас его от серьезной потери крови. Как будто он не помнил, как она хлестала в прошлый раз! Все он помнил… И теперь снова испытывал что-то вроде дежавю, стойко снося ощупывание.

– Подайте, пожалуйста, чаю, – сказал он, бестрепетно встретив укоризненный взгляд мисс Сандель и уже демонстративно погладив Ланя по волосам. Пусть думает, что хочет. – Или чего-то успокаивающего. У доктора найдется коньяк?

– Еще чего, – ответила она, но, видно расслышав невнятный всхлип, смягчилась: – Для обработки ранений используется спирт, господа.

Кажется, душевных ран это касалось в той же степени, что физических. Лань крепче стиснул руки, почти делая больно. Чейз не возражал. Нужно переждать, пока буря немного уляжется.

– Где Ангел? – последовал мучительной вопрос. Конечно же, он догадался…

– Он будет в порядке, – Чейз слегка тряхнул Хавьера за плечо, отвлекая, заставляя посмотреть в глаза. – Все кончено. Теперь все закончилось, слышишь?

Сам Чейз не был так уж уверен, и именно об этом он говорил с Майклом перед приходом Хавьера и компании. Сколько же народу побросали сегодня свои дела, чтобы примчаться сюда! И, о чудо, среди них был Санфорд, скромно пристроившийся рядом с вазочкой с конфетами и с любопытством наблюдающий за происходящим.

– Тогда... надо спросить Сен-Клера, можем ли мы забрать Ангела и поехать домой? – осторожно спросил Хавьер.

Домой. Почему он выразился именно так? Особняк Ланей не был его домом, как и квартирка Чейза не была домом Хавьера. А прозвучало до странного… правильно. Так, что и поправлять не захотелось. Как и разъяснять смысл собственных слов, который не вполне дошел до фабриканта. Оно и к лучшему. Успеется. Вот и мисс Сандель вернулась, чтобы пригласить посетителей к столу, а Хавьер вспомнил об обязанности родителя сделать сыну внушение, чтобы больше не влипал в такие истории.

– Санни, – детектив придержал приятеля, чтобы немного поотстать от остальных. Они задержались у вешалки с одеждой, на которой все еще висел пиджак полицейского, выглядящий не лучше рубашки. – Мне нужна твоя помощь.

– Как адвоката? – уточнил тот. – Я не знаю, что ты сделал, но…

– Надеюсь, что нет, – перебил его Цзян. – Но в нашем ебанном Скотланд-Ярде есть те, кто может захотеть спустить на меня всех собак. Я не знаю, будет ли у меня время подготовить свидетелей.

– С ума сошел? – горячо зашептал Санфорд. – Лани не будут свидетельствовать против тебя!

– Майкл мне то же самое сказал, – он сунул адвокату блокнот, в котором только сейчас обнаружил хорошенькую дырку. Лезвие пробило обложку, когда они с Мэйсоном боролись. – Может, это и не понадобится, но я не хочу, чтобы всплыла какая-нибудь грязь. Ублюдок еще весной начал присматриваться к особняку и похитил мальчика, чтобы потребовать за него выкуп. Мы сцепились, и пистолет выстрелил.

Адвокат посмотрел на него проницательно, как будто в душу заглянул, чтобы точно узнать, кто выстрелил: он или все-таки пистолет. Потом наваждение рассеялось, и он снова стал его старым добрым другом, не на шутку взволнованным, но почему-то не спешащим расспрашивать, что это было между ним и Хавьером.

– И давно ты узнал? – спросил Чейз, поморщившись. – Хотя знаешь что, не говори. Мне еще нужно успеть принять пару рюмок обезболивающего до возвращения Смита.

Чейзу и правда было спокойнее даже не гадать, что мог выболтать словоохотливый худеожник своему любопытному подельнику. А главное – что наболтать с его-то фантазией! Лучше было и правда выпить и проверить, как там Лани.

– Честное слово, папа, – кажется, уже не первый раз повторял Майкл. – Со мной ничего не случилось. Мэйсон остановил меня на

улице, ткнул чем-то и сказал, что у него оружие в кармане. А потом я почти все время просидел один в подполе в том доме, куда он меня привел.

Цзян потер переносицу и откинул немедленно упавшую на глаза челку. Блеф… вот как Мэйсон похитил Майкла. Ни пистолета, ни револьвера у ублюдка не было, в противном случае он не пошел бы на шум в доме с одним ножом. Да и потом постарался бы его достать… В этот раз хотя бы было, чем запить невысказанные ругательства. За этим-то его и застал доктор Сен-Клер.

– Ваш друг отдыхает, – ответил он на немой вопрос Чейза. – Похоже, рана не слишком серьезная, а вот с повязкой пришлось повозиться.

– Жаль, Хавьер прибыл только сейчас, он бы Вам помог, – с облегчением сказал Цзян, припомнив смутившемуся фабриканту "упрямого барана" .

После обмена любезностями состоялось знакомство доктора с Уэйнами, а Чейз выпил еще. Едва ли он когда-нибудь сможет забыть, как склонился над бездыханным, как ему показалось, телом Ангела. И то, как пёс заскулил и ткнулся мокрым носом ему в руку, словно даже в такой момент пытался утешить. И как потом нес питомца на руках, стараясь уловить слабое дыхание.

– Можно его увидеть? – попросил Майкл. – Дядя Чейз, я хотел бы сказать Ангелу спасибо.

«Дядя Чейз»! Выходит, в прошлый раз Цзян не ослышался. Или у него галлюцинации. Или мальчишка повредился умом – после всего случившегося могло быть и не такое. Хотя Майкл – наверное в силу возраста – справлялся с этим даже лучше собственного отца.

– Я тоже хочу проведать Ангела, – расхрабрился Вэйд, пользуясь тем, что детектив замер столбом, не зная как реагировать на слова молодого человека. – Майкл, это тебе пришло в голову принести его к человеческому доктору?

– Я подумал, раз ветеринар смог принять роды у миссис Рили – это мне учитель сам рассказал – значит, мистер Сен-Клер обязательно поможет Ангелу, – убежденно заявил тот, а доктор лишь руками развел. Один инспектор Скотланд-Ярда просто не оставил ему иного выбора, чем особо не гордился.

Сен-Клер провел всех желающих в кабинет, где на кушетке отдыхал его необычный пациент. Цзян вздохнул с облегчением, когда Ангел тихонько засопел, как частенько бывало во сне. Вэйд на радостях обнял Майкла и даже первым приблизился к псу, страха в этот раз не чувствовалось, было только сочувствие к Ангелу.

– Он ведь поправится? – спросил художник, коснувшись лапы Ангела так осторожно, что тот и не почувствовал, а ведь обычно подбирает, чтобы не отдавили ненароком. – Не зря же говорят: «заживает как на собаке»?

– Да, лезвие не задело ничего важного, – успокоил их всех доктор. – А как Вы себя чувствуете, мистер Цзян? Нора хорошо о Вас позаботилась?

– Да, спасибо, – он пожал врачу руку. – Спасибо, что помогли Ангелу. Не знаю, как бы я без него…

Мужчина ответил на благодарность очень сердечно и заверил, что друзья Ланей всегда могут на него рассчитывать.

– Ты такой смелый, – Майкл погладил пса по голове намного увереннее Вэйда, он-то собак не боялся, а потом зашептал что-то на ухо.

Вэйд с опаской придвинул стул и сел рядом с Ангелом. Кажется, Чейз слышал что-то о самом большом стэйке в мясной лавке. Пес тоже заинтересовался и слегка обмахнул морду языком, как будто увидел угощение во сне. Рука художника замерла в дюйме от жесткой завивающейся шерсти, но вскоре понял: ничего ужасного не случилось. Пес слегка пошевелил носом, да и только.

Рассудив, что эти двое прекрасно составляют компанию раненому, а мистер Инн еще и приглядит за Майклом, Чейз решил вернуться к Ланю, несмотря на то, что Уэйны стали свидетелями сцены между ними. Даже слепой после этого понял бы, что происходит у него с Хавьером, да и плевать. Проблемы пока не догнали, но у него может и правда не быть времени, чтобы провести его с любовником.

Так странно! Вполне ожидаемых в такой ситуации косых взглядов на удивление не последовало. Ни в тот момент, когда Чейз вернулся, ни потом, когда он занял место рядом с любовником, и тот немедленно коснулся его коленом под столом, словно чувствовал: Чейз снова уйдет. Похоже, эти милые люди придерживались весьма прогрессивных взглядов, а может, были слишком хорошо воспитаны, чтобы придавать значение тому, как другие предпочитают проводить ночи. А может, как сказала бы Мелисса, они просто не знали, о чем шла речь.

Она была права, что это может не просто затягивать, как наркотик. В этом можно по-настоящему нуждаться… и сейчас был, пожалуй, именно такой момент. К тому же он просто хотел бы снова поставить Ланя на колени, чтобы увидеть, как он успокаивается и становится покорным. Ощущать, как нагревается в руке рукоятка хлыста, пока Хавьер не спеша снимает рубашку и убирает волосы со спины.

Стоило представить, как Лань заплетает косу, и в памяти всплыл его голос, и возмутительно-возбуждающие рассуждения о веревках, лентах и, кажется, повязке на глаза, если Цзян ничего не путал. Откуда это все только взялось? Инспектор выпил, пытаясь заглушить навязчиво-соблазнительные фантазии, но это, конечно же, не помогло. Вместе с тем, что ниже, напряглись мышцы живота, отчего в боку снова задергало. Неприятное чувство, как будто края раны начали разъезжаться, немного отрезвило.

– Чейз, о том, что сегодня случилось… – произнес Хавьер негромко, потому что эта тема так или иначе всплывала за столом, но пока что Честер с Санфордом вполне успешно изощрялись с обтекаемыми формулировками.

– Только не спрашивай об этом сына. Лучше я расскажу, – пообещал он, хотя и не знал пока, как это сделает. – Майкл – он же совсем, как ты, – храбрится. Главное – худшее уже позади, а газетчиков отвадить проще, чем…

Его прервала мисс Сандель и как раз вовремя, чтобы он не ляпнул что-нибудь непотребное, для разнообразия в присутствии женщин. Еще и Лань бы его не так понял… Нора постучала костяшками по открытой двери и обратилась к нему с просьбой подойти к телефону.

– Звонит Ваш секретарь – мистер Дженс, – сообщила она и отступила на шаг, как видно испугавшись его перекошенного лица. – Мистер Цзян, я могу сказать, что доктор прописал Вам покой…

Чейз нарушил целый свод правил, убил человека, находился на грани увольнения и, черт бы его разодрал, если бы он помнил хоть

один раз в своей жизни, когда еще бы так хохотал. Ему стало больно, на сей раз по-настоящему, но он только накрыл повязку на боку ладонью и продолжал смеяться, опираясь другой рукой о стол, чтобы не упасть. Даже когда на глаза навернулись слезы, он не мог остановиться.

– Скажу мистеру Дженсу, что доктор дал Вам успокоительное, – рассудила Нора и скрылась в дверном проеме. Оттуда донесся ее взволнованный голос: – Мистер Сен-Клер…

Часть 114

Смех Чейза показался каким-то нездоровым не только мисс Сандель. Хавьер тоже занервничал. Особенно когда полицейский все-таки нашел в себе силы подняться, держась за бок в том месте, где на рубашке подсыхало обширное бурое пятно, так напугавшее Хавьера. И повернулся же язык врать, что кровь – чужая. Лань будто бы не видел Чейза и не нащупал повязки под его одеждой.

Детектив последовал за ассистенткой доктора, чтобы как-то объяснить свое поведение и все-таки ответить секретарю. И долго не возвращался. Очень долго. В конце концов Хавьер просто не выдержал и пошел его искать. Чейз – уже машинально – держал руку поверх повязки на боку и с силой прижимал трубку к уху, напряженно прислушиваясь.

– Кто это голосит? – спросил он и, получив ответ, уже другим голосом переспросил: – Тина?.. Тина Гросс?

Наверное, собеседник ничего толком не понял или просто не знал, о ком Цзян его спрашивает и почему. В любом случае тот разозлился и обозвал секретаря такими выражениями, каких Хавьер давно от него не слышал.

– Так спроси у него, баран ублюдочный! – резюмировал Чейз, и повисла пауза. Лань не хотел подслушивать, но теперь боялся показаться, как, впрочем, и отступить назад – услышит.

Снова пауза. Хавьер осторожно перенес вес с одной ноги на другую, чтобы отодвинуться назад. Чейз выслушал секретаря и сгорбился. Хавьер расслышал, что собеседник продолжал донимать его вопросами, не обращая внимания, как затянулось молчание на этой стороне провода.

– Я ее трахал, – рявкнул детектив, снова выходя из себя. – А ты всех своих баб в лицо помнишь?

Может, его собеседник и не почувствовал, как фальшиво это прозвучало, но Лань находился рядом и знал лейтенанта, возможно, не дольше, но ближе, чем мистер Дженс – довольно поверхностный тип и не слишком чистый на руку. Получив определенную сумму и искренние уверения в самых добрых намереньях, он любезно подсказал, где искать инспектора Цзян, нисколько не заботясь о возможных последствиях. Впрочем, Хавьер бы тогда все равно его разыскал, это потребовало бы больше времени, только и всего.

– Ха, было бы что запоминать! – припечатал Цзян, чтобы укусить побольнее напоследок, и опустил трубку на рычаг. А потом выругался протяжно и бессильно.

Не умел он трахать, что бы там ни говорил. И как Хавьер не понял это с самого их первого раза? Ведь у него были такие партнеры, которые забывали его лицо, стоило им кончить. Такие люди не видят смысла в ласках, когда действо уже подошло к логическому завершению и почти сразу же начинают тяготиться обществом задержавшегося в постели партнера.

Чейз не любил Клементину – Хавьер почему-то не сомневался, что речь шла именно о ней, просто потому что хуже ничего нельзя было и придумать. Детектив даже не узнал ее по прошествии времени, но его сдавленная брань служила подтверждением того, как он привязывался к своим женщинам. Странно, но это не вызывало ни жгучей ревности, ни обиды, но все-таки было бы лучше, будь все иначе. Потому что Тина Гросс была мертва. Убита, как и первая любовь Чейза, и кто знает, к каким мыслям это могло его привести. Еще можно было уйти незамеченным, но, если даже Хавьер подумал об этом дрянном совпадении, инспектор себя сейчас поедом сожрет.

Лань подошел и осторожно обнял Чейза сзади, наплевав на то, что их могут так застать. Тот не сопротивлялся, а Хавьер, в свою очередь, молчал, понимая, что любое слово сейчас же приведет любовника в раздражение, за которым он привык прятаться. Да и что он мог бы сказать? Напомнить, что вовсе не Цзян убил этих женщин? Или что проклятий не бывает? Просто, что всего этого слишком много для одного человека за один день?

– Хавьер… – он попробовал отстраниться, немного заторможенно. – Не надо. Ты испачкаешь костюм.

– Тогда тебе нужно переодеться, – невозмутимо предложил Хавьер, стискивая руку детектива, и он ответил тем же, потому что на самом деле не хотел разрывать физический контакт. Да и ни один пиджак того не стоит.

– Смит уже получил свое от Жэнни и везет мне форму, – полицейский покривился, вероятно, потому что больше ему надеть было нечего. – Придется извиняться за то, что втянул его в это…

– Теперь ты расскажешь мне все? – с надеждой спросил Хавьер. Он очень боялся, что Цзян снова уйдет на работу раненый. – Хватит секретов.

– Потерпи немного, меня ведь еще даже не отстранили, – попросил Чейз и ответил на вопросительный взгляд Хавьера, потерявшего дар речи от такого заявления. – Это – действительно долгая история.

И все равно Хавьер не понимал, как такое может быть. Да за что? За то, что спас Майкла? А Чейз как будто почувствовал, что их вот-вот прервет мисс Сандель, с которой пришел посетитель. Уже хорошо знакомый Хавьеру сержант передал Чейзу аккуратный сверток с одеждой и с чувством пожал фабриканту руку. Стоило огромных усилий не подавать вида, как его взволновало содержимое пакета. Тем более Хавьер доподлинно знал: там была форма Чейза, восхитительный однобортный мундир с восьмью пуговицами.

– Цзян, там такое! – пропустив более обстоятельные приветствия, начал Смит. – Суперинтендант в гневе. Она так по мне проехалась… я только от Вас слышал такие речевые обороты.

– И все-таки она послала тебя сюда? – уточнил Чейз, расстегивая рубашку, нисколько не стесняясь Смита. – Неужели, чтобы мы договорились о своих показаниях? Вот это женщина…

– И она здесь, – язвительно донеслось от двери. – Смит, ко мне.

– Мы думали, что заложник в опасности, – успел шепнуть тот и развел руками. – Суперинтендант, я ведь только спросил об Ангеле и передал одежду, которую попросил мистер Цзян.

– Знаю я, как ты спрашивал, – последовал недовольный ответ, а дальше Хавьер не слышал.

Чейз, при виде той самой Жэнни забывший, что недавно серьезно подрался, попробовал снять испорченную рубашку и тут же скривился от чересчур резкого движения. То, что он не был ранен серьезно, не значило, что синяки и порезы не причиняли ему

никакого дискомфорта.

– Очень болит? – спросил тот сочувственно.

И все же теперь на душе стало спокойнее. Выглядел любовник весьма живописно, но не настолько ужасно, как можно было предположить по залитой кровью рубашке. Решив, что она испорчена безнадежно, Хавьер непочтительно вырвал лоскут почище и смочил водой из вазы, чтобы стереть пятна крови с кожи инспектора.

– Терпимо, – ответил тот и блаженно вздохнул, когда Лань приложил мокрый лоскут к проступившему синяку. – Хватит, помоги лучше одеться.

– Знаешь, когда я увидел тебя в форме… – Хавьер и не подумал прекращать свое занятие хотя бы потому, что ему нравилось прикасаться к Чейзу, который для разнообразия стерпел его помощь и пусть неохотно, но все же принимал заботу. – Мне до сих пор ужасно хочется, чтобы ты надел мундир прямо на голое тело.

– Лань! – возмутился он, вспомнив о своей привычке обращаться к нему по фамилии, и с явным трудом сдержался, чтобы не продолжить.

Было видно, он набрал в грудь воздуха и, кажется, даже подобрал слова. Несколько секунд Хавьер честно боролся с собой, а потом все-таки поцеловал Чейза в уголок губ, после чего оглянулся на дверь так, будто находящиеся за ней коллеги Чейза могли арестовать их за такое баловство.

– Познакомишь меня с суперинтендантом? – спросил он, выуживая аккуратно сложенную чистую рубашку и помогая накинуть на плечи. – Раз она о нас знает.

– Жэнни и сама захочет с тобой переговорить, – проворчал Цзян и машинально провел языком по губе в том месте, где шершавилась корочка ссадины. – Боюсь даже предположить, что из этого может выйти.

С брюками Цзян справился сам, сначала выложив рядом с телефоном компактный револьвер. Хавьер видел в своей жизни довольно много разного оружия, но это было что-то новое. Маленький, как будто бы придуманный для женской руки, с интересным барабаном, рассчитанным на патроны с удлиненной гильзой.

– Блядь, – веско сказал Чейз, уставившись на оружие и не спеша возвращать его на прежнее место. – Вот ведь ебаный стыд. Я оставил оружие в доме Смита.

– Зачем ты доставал его у сержанта в гостях? – с любопытством уточнил Хавьер.

– У другого Смита, – страдальчески скривился Чейз, хотя, может, ему просто было больно отводить руку назад. – Помоги лучше…
***
При всех недостатках форменной одежды, которая ко всему прочему вызывала нездоровый интерес Ланя, она избавила Чейза от необходимости предстать перед начальницей в таком жалком виде, будто это он был потерпевшим. Судя по восхищенному взгляду Хавьера, он теперь выглядел подобающе ситуации, какой она виделась его любовнику. Для него – независимо от общественного мнения – он будет тем, кто спас его сына. Так же, как для суперинтенданта – раздолбаем, который полез геройствовать и убил преступника в отсутствие совершеннолетних свидетелей. Чейз же считал, что все сделал правильно, о чем не преминет сообщить Жэнни.

Он мысленно приготовился, что его начнут отчитывать прямо здесь, да еще в присутствии любовника. Он предпочел бы избежать этого, но не был бы так потрясен, как переменой начальницы в присутствии этого гипнотизера. Да они спелись, едва только Чейз представил фабриканта!

– Мистер Лань, я наслышана о Вас, – пропела она голоском почти таким же сладким, какой делала для мужа.

Хавьер, в свою очередь, рассыпался в благодарностях и слышать от него все эти похвалы в собственный адрес почему-то было неприятно. Черт бы его побрал, если тот прямо сейчас не прощупывал почву, пытаясь определить, не претендует ли Женевьева Винс на его – Чейза – задницу или иные достоинства. Та выглядела заинтригованной и, к неудовольствию инспектора, находила Ланя явно интересным мужчиной. Смит, тоже присутствующий при этом обмене любезностями, глупо хлопал глазами и, к счастью, вообще ничего не понимал.

– Цзян, – подчеркнуто вежливо обратилась к нему суперинтендант. – Что Вас так расстроило? Весь дом слышал, как Вы ругались.

Это подтверждал и мистер Уэйн, показавшийся в дверях, но тут же исчезнувший с глаз, стоило тетушке взглянуть на него без должного одобрения. Племянник знал этот взгляд ничуть не хуже ее сына.

– Оружие посеял, – проворчал Чейз, потому что отпираться смысла не имело. А вот эпитет уместнее было бы использовать совсем другой. – На втором этаже. В драке выронил.

– Поглядим, даст ли всходы, – безразлично сказала начальница, не спеша отрывать ему голову, – все равно ведь не пользуется. – Если ребята не найдут, объявлю выговор. Ты нужен мне в участке – для опознания, – это она добавила специально для Хавьера, который явно полагал, что Чейзу стоит воздержаться сегодня от работы. – По дороге расскажешь, что ты забыл в доме Смита, кроме табельного оружия.

Стоило уже думать, как Чейз будет излагать историю об освобождении заложника, а он зачем-то попробовал составить в уме список: голову, пинту крови, может быть, немножечко чести и достоинства. Гораздо меньше, чем когда Жэнни намекнула, что знакомство с Ланем благотворно сказалось на Чейзе. Спросить бы ее потом в приватной обстановке, как можно было додуматься, что Чейз нуждается в ее одобрении при выборе, с кем спать. Хорошо, что Смит вызвался сходить к мистеру Смиту за его револьвером, чтобы не оставлять это дело на произвол судьбы, и они как-то съехали с опасной темы. Сразу за этим, Жэнни заторопилась в участок, не перекинувшись даже парой слов с племянником.

Уже направляясь к ожидающей их коляске, Чейз еще раз вернулся к тому, что сказал Смит. По его версии событий заложник мог быть в опасности. Он не возьмется утверждать, что видел сержант, – времени на проверку не было. Нужно было действовать и, если опустить некоторые подробности, то он вошел в дом через этот недоделанный балкон и услышал шаги. Про револьвер Жэнни уже знала, а вот о том, как вышло, что преступник упал с лестницы, лучше солгать.

Вслух это прозвучало даже лучше, чем он ожидал. Суперинтендант с подозрением заставила его повторить все еще раз, стараясь сбить с толку уточнениями и вопросами, но Чейз довольно давно играл в покер и к тому же успел убедить себя в том, что так все и было. Он до конца стремился защитить мальчишку и задержать преступника, чтобы отдать под суд.

– Если бы я собирался расправиться с Мэйсоном, неужели ты думаешь, что я подставил бы Ангела под удар? – он посмотрел начальнице прямо в глаза. – Я бы размазал его мозги по стенке, как только увидел его рожу в дверях комнаты.

Несколько минут они прожигали друг друга взглядами. Чейз рисковал: для этой женщины никакие дружеские отношения не станут препятствием, если она сочтет нужным запереть человека в комнате для допросов и сутки стойко выуживать признание. Наконец она разорвала зрительный контакт и помассировала виски, но извиняться перед подчиненным, так по-свински с ней поступающим, не стала.

– Жэнни, давай начистоту, – предложил он, увидев в этом возможность перейти в наступление. – Ты бы не помчалась следом за Смитом только, чтобы нас проконтролировать.

Часть 115

Вскоре после того, как мистеру Цзян позвонили, Хавьер тоже ушел. Честер догадывался, для чего, и надеялся, что они удержатся в рамках приличий. Все-таки они в доме давнего друга семьи. Сен-Клер и так делал для них очень много, например, попросил мисс Сандель освободить его расписание, перенеся несколько плановых осмотров. Этот, по его словам, наплыв гостей вызывал у него ностальгию по тем временам, когда он жил в отчем доме с тетями и дядями, братьями и кузенами.

– Я настаиваю, чтобы вы пробыли здесь подольше. Такие потрясения не проходят бесследно, мне будет спокойнее, если я понаблюдаю вас всех еще часок-другой, к тому же, – он смущенно откашлялся. – Я – не большой знаток собак. Думаю, тут как с детьми, будет лучше, если он проснется среди знакомых ему людей.

Эта предосторожность оказалась нелишней, потому что хозяин Ангела вынужден был отбыть по каким-то срочным полицейским делам. Об этом сказал Николас. И он же сказал, что Хавьер выглядел очень расстроенным. Не верилось, что они с Чейзом успели поругаться… Хотя от лейтенанта всякого можно было ждать.

С другой стороны, Честер мог понять брата. Если бы сейчас Вэйд умчался куда-то, ему тоже было бы не по себе. Он все еще чувствовал себя немного оглушенным. Это до странного походило на то, что он ощущал, когда стало ясно, что Майкл пропал. Какое-то ощущение нереальности происходящего. Как будто беда не миновала, а лишь отступила и готова обрушиться на их семью с новой силой.

И пока они пытались просто прийти в себя и осознать, что могут вернуться к нормальной жизни, племянник, больше всех пострадавший в этой ситуации, умудрялся подбадривать отца. Он-то считал, что хуже всех пришлось бедняге Ангелу. Пес мог погибнуть, а Майкл просто посидел немного под замком в погребе, где имелся запас еды и огромная бутыль компота. Он даже не все время просидел в темноте, потому что нащупал коробку с огарками свечей, спички лежали там же.

Он же обратился к мисс Сандель за помощью, чтобы как можно скорее сообщить о благополучном завершении своего сомнительного приключения бабушке, посчитав, что она сможет донести это до мужчин так, чтобы один не ринулся сломя голову в Лондон, а другой не слег с разрывом сердца. Честер все еще не был согласен с близнецом, который держал близких в неведении. Родители этого не одобрят, да и не уберегло это их от потрясения.

Вэйд тронул Честера за руку, отвлекая от мыслей и намекая, что он пропускает нечто интересное. Художник уже обращал его внимание на то, какими глазами его приятель смотрит на антикварные часы с неподвижным маятником, украшающие комнату. Стрелки на них застыли на половине шестого, еще когда близнецы были детьми, и часовщик не смог вдохнуть в них жизнь. Вообще-то Честер наблюдал за развитием событий с куда меньшим интересом, чем Санфорд Нэттли, который, тем не менее, вызвался присмотреть за Ангелом.

Сейчас миссис Уэйн живо подталкивала любимого мужа в бок, снова делая вид, будто позабыла о том, как полагается вести себя даме в обществе. Тот терпел, как только мог, но видно было, что профессиональный интерес и настойчивость жены понемногу берут верх над его застенчивостью. Николас посмотрел на Вэйда, просительно. Ох и не нравились Честеру эти переглядывания! До сих пор не нравились. Но, похоже, мужчина просто надеялся, что художник сумеет переключить внимание Юдифь на что-нибудь другое. Тот прикинулся, будто не понимает, чего приятель от него хочет. Потом наконец «догадался» и со всей непосредственностью обратился к доктору.

– Мистер Сен-Клер, расскажите об этих часах, – попросил он прямо, даже не потрудившись перевести разговор в подходящее русло. – Потрясающая вещь. Держу пари, она могла бы украсить даже Хэмптон-Корт!

– Вы – ужасный льстец, мистер Инн, – пожурил его доктор, которого рассмешило такое предположение. – Но даже если так, я не расстался бы с ними. Часы ценны для меня тем, что принадлежали еще моему прадеду.

– Я просто обожаю вещи с историей, – скромно потупился Вэйд, пряча, как засветились озорством его серые глаза. – Особенно, когда они продолжают служить другим людям.

– Как видите, дважды в день эти часы даже показывают правильное время, – погрустнел Сен-Клер, а Хавьер для чего-то взглянул на свои часы.

– Неужели ничего нельзя было сделать? – Николас заглотил наживку вместе с крючком. Вэйд как никто умел закинуть удочку или каким-то образом заранее знал, что его приятель не утерпит. – Можно, я взгляну? Может быть, Вы позволили бы забрать их в мастерскую?..

Честер снова задумался, на сей раз о часах. И о том, что – если у Николаса Уэйна все получится – они станут вести отсчет новой жизни, в которой отныне не будет Мэйсона. Сможет ли время изгладить следы, что этот человек оставил в жизни его семьи? Вэйд снова потормошил фабриканта, в точности как Юдифь – супруга, и предложил проведать Ангела. Майкл, больше всех переживавший за пса, конечно, увязался за ними.

Судя по всему, все так и оставалось без изменений. Пес лежал в той же позе, а рядом сидел Санфорд, погруженный в изучение каких-то записей. Выходит, он не просто так ушел сюда? Адвокат не сразу заметил их, а когда наконец отреагировал, то быстро захлопнул записную книжку и испуганно посмотрел на Вэйда, как будто бы стянул оный и теперь неуклюже пытался спрятать в нагрудный карман пиджака.

– Это – блокнот мистера Цзян? – с удивлением уточнил художник, который мог каким-то образом вычленить один конкретный черный блокнот среди множества таких же.

– Не знаю, – как всегда честно ответил мистер Нэттли. – Я тут забыл кое-что, пойду, а вы пока присмотрите за Ангелом.

– Значит, точно его, – подытожил Вэйд, когда адвокат поспешно ретировался. Он тоже был немало озадачен таким поведением Санфорда, с которым был знаком намного ближе, чем Честер.

– Насчет дяди Чейза, – подал голос Майкл, тоже проводивший мужчину недоумевающим взглядом. А ведь раньше он никого из друзей семьи так не называл. – Мне бы хотелось как-то отблагодарить его за…

– Ты не видел, *как* он искал тебя, – быстро подхватил Вэйд, потому что юноша запнулся. – Пододвинь-ка мне стул и давай подумаем… что, если мы преподнесем ему подарок?

Майкл переставил стул так, чтобы художник мог сесть поближе к Ангелу и потянулся погладить пса. Ему тяжело было говорить о том, что пришлось пережить, но не настолько, чтобы после предложения Вэйда он не хихикнул.

– Портрет папы? – надо сказать, эта мысль пришла на ум не только Майклу.

– Нет, тогда подарок получится лично от меня, – поспешил отмести его предложение художник, пока Честер не принялся воспитывать племянника. – Тут надо хорошенько подумать…

Он тоже осторожно погладил терьера. Попробовал даже зарыться пальцами в жёсткую курчавую шерсть, слегка почесывая за ухом. Убрал руку и – очевидно, в поисках источника вдохновения – осмотрел комнату. Честер следил за тем, как художник перебирает шкафчики, ненадолго задерживает взгляд на стене – такой же светлой, как и пол. Мисс Сандель тратила много времени на поддержание здесь безукоризненной чистоты. У Честера при виде этого помещения никаких подходящих мыслей не возникало.

Наконец взгляд художника возвратился к Майклу. Честер буквально мог видеть, как у любимого созревает гениальный план. Несколько секунд он так и сяк вертел идею в голове, прежде чем выставить ее на суд Ланей, и улыбался при этом все шире и шире.

– А если мы подарим доберЦзяну коня? – на эту мысль его навел костюм для верховой езды, в котором племянник ушел из дома в субботу. Немного помятый, потому что Майклу пришлось в нем спать. – Строптивого, чтобы они друг друга стоили!

– Почему именно с норовом? – удивился Честер.

– Потому что второго такого, как ваш Серафим, мы все равно не найдем, – пожал плечами Вэйд и, явно довольный собой, легонько пожал лапу Ангела. – Или заплатим за него целое состояние.

– Дядя, а если выкупить Темпи? – загорелся идеей Майкл. – В субботу мистер Сэмпсон снова сетовал, что скоро на ней будем ездить только мы с отцом, потому что всех остальных она распугает.

Честер всего на миг отвлекся на племянника и вздрогнул, когда художник охнул. Он сильно побледнел, держа руку так, будто пес его только что как следует цапнул за ненадлежащее обращение с больным.

– Он… – пролепетал художник, торопясь спрятаться за Честером. – Он только что опять попробовал меня на вкус!

– Ангел вовсе не собирался Вас пугать, мистер Инн, – Майкл подошел, чтобы потрепать пса за ушами. – Просто он так сильно рад всех видеть. Малыш, тебе не рано вставать на ноги?
***
Наконец, время ожидания подошло к концу. Сен-Клер сказал, что не думал, что действие лекарства продлится так долго. После него Ангел выглядел осовелым, но уже пытался вилять хвостом и ластился ко всем. Сын не без труда подхватил его на руки, пресекая таким образом попытки слишком уж активно двигаться и, кажется, вознеся пса на вершину блаженства. Всю дорогу в карете Ангел валялся на сиденье и коленях Майкла и потом был удостоен чести сопроводить его в ванную комнату. Саймон, не отходивший от раненого приятеля ни на шаг, тоже увязался за ними.

Хавьер тоже немного освежился, а когда спустился в гостиную, рассчитывая, что уже не застанет там ни брата, ни его художника, обнаружил обоих в обществе Санфорда. Он последовал за ними вместо того, чтобы отбыть к себе в контору. Хавьер едва не схватился за голову, узнав о причине его визита.

– И Чейз назвал это дружеской просьбой? – спросил он, выслушав адвоката. – По-вашему, друзья обращаются друг к другу с такими просьбами?!

– Не знаю, – привычно развел руками Санфорд. – Может быть, Чейза никто еще и не тронет, он все-таки Цзян.

– Мы все ужасно устали, – вступил в разговор Вэйд. – Санни, ты уверен, что стоит обсуждать официальные заявления именно сейчас?

Тот сосредоточенно кивнул, и этого оказалось достаточно, чтобы художник прекратил пререкания и дал лучшему адвокату Лондона выполнять свою работу. Да и Хавьер признавал, что у Санфорда больше опыта в этом вопросе, и он не стал бы просто так настаивать.

– Такая версия все равно необходима, – сказал он деловито и поискал, чего бы пожевать. Водился за ним грешок – работать с документами в прикуску с чем-нибудь сладким. – Совпадающая с заявлениями Скотланд-Ярда и достаточно убедительная, чтобы никто не стал копаться в прошлом, пытаясь понять, почему мистер Мэйсон так упорно преследовал вашу семью.

– Потому что Йен – сумасшедший, – озвучил очевидное Хавьер и поймал сразу несколько странных взглядов. – Что еще нужно? Мне хватило просто увидеть его, чтобы понять: он безумен.

– Брат… – неуверенно начал Честер и замялся, подбирая слова.

Было время, когда они могли свободно говорить друг с другом на любые темы… А сейчас Вэйд, как обычно усевшийся к Честеру так близко, будто на другой половине дивана развалился кот, остановил его, легонько тронув за плечо. Кажется, похищение еще больше сблизило их. В другое время Хавьер бы порадовался за брата, но сейчас остро ощутил одиночество. Словно все продолжают жить, а он остался один посреди той ледяной зимней реки, уносимый неизвестно куда….

– Я боюсь, Вас ввели в заблуждение, Хавьер, – сказал художник очень мягко, отчего у фабриканта сразу возникло ощущение, что он берет на себя обязанность сообщить что-то плохое. – Детектив не говорил об этом прямо, но я уверен, этого человека сегодня не стало.

Наверное, он выглядел шокированным. Да так оно и было! Чейз говорил, что посадит его. Он должен был снова задержать Йена, как уже сделал это пять лет назад, и упечь за решетку. Должен был состояться суд и… Хавьер внутренне похолодел. Неужели Чейз сделал это ради него?

– Вэйд прав, – подтвердил Нэттли, откашлявшись.

– Значит, Вы уже в курсе? – спросил он с надеждой.

– Да, я изучил дело в общих чертах, пока ехал сюда, – осторожно подтвердил тот. – Хотя признаюсь, было бы привычнее иметь дело с обычными документами.

После этого Санфорд поспешил сменить тему, на сей раз уверяя, что не отнимет у них много времени и легко натаскает всех,

включая людей, которые работают в особняке, как отвечать даже на самые каверзные вопросы. Сам он не хотел отвечать Хавьеру на единственный действительно важный. А может быть, просто не мог этого сделать. Зато твердил, как важно, чтобы все придерживались предложенной Чейзом версии, из которой логически следовало, что похищение Майкла не было спонтанным – к нему долго готовились, прощупывая почву и следя за особняком.

В изложении адвоката история приобрела столь зловещий характер, что Честер начал всерьез беспокоиться, как перенесет это сердце дядюшки Хьюго, если не посвятить его во все прежде, чем газетчики начнут сгущать краски. Хавьер как раз хотел успокоить его и уверить, что родные приедут не позднее завтрашнего утра и узнают все из первых рук, но в этот момент в дверь постучал Уотсон – его нетрудно было узнать по особой манере это делать. Когда дворецкий вошел и сообщил, что звонит мистер Цзян и, судя по голосу, дело срочное, у самого Хавьера сердце едва не выпрыгнуло из груди.

– Я должен ответить, – сказал он быстро, потому что, если Чейз попал в неприятности, то это его вина. – Продолжайте без меня, господа. Честер, ты ведь перескажешь мне все, что понадобится?

– Мгм, – подтвердил тот.

Рано… как же рано они расслабились! Ничего еще не кончено. Хавьер заставил себя выйти из гостиной быстрым шагом, а потом взбежал по ступеням на второй этаж. Он столько всего должен был спросить у Чейза! Вот он уже в своем кабинете. Вот берет в руку трубку телефонного аппарата, а сердце стучит уже где-то в горле, не пропуская роящиеся в голове вопросы.

– Чейз, – почти шепотом позвал Хавьер, потому что голос не слушался.

– Лань, – его голос звучал совсем не так, как обычно. И почему он снова назвал Хавьера по фамилии? Может быть, потому что его могли слышать коллеги? – Приезжайте…

– В участок? – переспросил тот, потому что дальнейшие слова Чейза потонули в монотонном шипении. – Что у тебя случилось?

– Блядь, нет, в Саут… ко мне, – ответил тот сбивчиво. – Просто приезжайте, ладно? Сейчас.

Часть 116

Стоило немного прижать суперинтенданта и она как-то резко отвела взгляд в сторону, хотя это было для нее не характерно. Похоже, он попал в точку. Значит, на этом воспитательная работа закончена и она наконец перейдет к делу. И что-то подсказывало Чейзу, что вопрос, который она задаст следующим, будет гораздо более неприятным. Цзян успел перебрать в голове все свои возможные косяки за последнее время, но так и не понял, что же такого натворил.

– Ты спал с той женщиной? – после довольно продолжительного молчания спросила она. – С Клементиной Оруэлл?

– Дженс уже вспизднул? – разозлился Цзян. – Укоротить бы его длинный язык…

– Спал, значит… – Жэнни была пугающе серьёзна.

Он не видел смысла подтверждать это еще раз, поэтому начальница начала задавать новые вопросы и интересоваться совсем уж странными вещами. Зачем годы спустя заставлять его вспоминать, когда точно это было? Не ревнует же она, в самом деле? Да и к кому! У Жэнни есть любимый и любящий муж, а Чейз едва вспомнил Тину Гросс, чьей бледной тенью стала за прошедшие годы Клементина Оруэлл. Что сталось с той жгучей брюнеткой со всегда яркими и сладкими от помады губами?

– Я сегодня много о ней узнала, – огорошила его суперинтендант. И когда только успела навести справки? – Как ты мог связаться с такой, Чейз? Ты знал, что она от тебя хотела? И что ты у нее был не один?

Он не мог понять, что так возмущает Жэнни: поведение его бывшей любовницы, которая встречалась с другими мужчинами, или же его собственная безалаберность? Он ведь и правда не знал, да и… не интересовался особенно. Если напрячь память, то все произошло слишком быстро. В день их знакомства Тина оказалась с ним в постели, не успели их общие знакомые допить вино, а после нескольких встреч уже потеряла к нему всякий интерес. А он голову ломал, что же сделал не так…

– Она ведь хотела женить на себе кошелек, – продолжала суперинтендант, хмурясь. – И потолще! Только с Оруэллом она просчиталась и быстро вылетела вон.

Неприятно было это признавать, но очень похоже, что Винс оказалась права на ее счет. За несколько дней Тина убедилась, что он не поддерживает отношения с семьей и живет как обычный полицейский. И быстро нашла себе кого-то достаточно богатого, чтобы удовлетворить ее аппетиты. Ну и что с того? Несмотря на неудачный брак, в конце жизни Клементина все-таки встретила человека, который и правда любил ее, и с кем у нее все бы могло сложиться хорошо.

– Жэнни, да чего ты так завелась… – попытался как-то успокоить ее Чейз, не решаясь на что-то большее, чем словесные уговоры. – Мне все равно, мы ведь даже не пересекались ни разу с тех пор. После Тины Гросс я спал с десятком женщин, если не больше. Ты ведь не станешь сейчас перебирать их всех?

– Тебе стоит быть осмотрительнее, в своих связях, – уколола она и горько скривила губы. – А особенно в их последствиях.

– Моя личная жизнь это моё личное дело, – резко оборвал начальницу Чейз, приняв сказанное на счет Ланя. Не по его вине он убил преступника при задержании… да и кто станет спорить, что бешеных животных нужно отстреливать? – Со всем уважением, мэм.

Стыдиться того, что он встречается с мужчиной? Еще чего не хватало! Если придется, Чейз наорет на суперинтенданта, чтобы до нее дошло: он любит этого человека, а не… что она там себе надумала. Пусть потом взыскивает, как хочет! Лишь бы не натурой.

– Последствия Вашей личной жизни, лейтенант Цзян, оказались в моем участке, – отчеканила она, приподнимаясь с сиденья, чтобы выглядеть внушительнее. Интересно, Юджина она сажала на стул, чтобы отчитать? – А его мать лежит в покойницкой, и я понятия не имею, что ответить на вопросы: где она и когда придет.

– Чьи вопросы? – он недоуменно вытаращился на начальницу, перестав вообще что-либо понимать.

– Не прикидывайся идиотом, Чейз! – прикрикнула Жэнни. Потом смягчилась и передала ему небольшую серебряную фляжку, согретую теплом ее тела. Откуда она только что ее выудила? – Тебе не повредит.

– Ты уверена? Насчет… – он сделал глоток, пожалев, что горлышко такое узкое, – …последствий?

– Все сходится и… ты просто должен взглянуть на Тони – так его зовут, Энтони, – да Жэнни все это время, как могла, старалась исключить факт его… причастности?

Назвать вещи своими именами духу не хватало. Глупо, но ему казалось: стоит только раз сделать это, и правда непременно всплывёт, как утопленник – безобразный, распухший. Но это не отменяет того, что он уже наделал. Как всегда, натворил дел и теперь не знает, как с этим разбираться…

– Я разговорила его. И знаешь, что он сказал? – она специально сделала паузу, но собеседник не захотел делиться своими догадками. – Папа их не бросал. Он просто далеко – на войне.

– Война кончилась, – напомнил Чейз и мрачно отпил еще.

– На это у него тоже был готов ответ: «если папа на войне, значит, где-то она есть», – процитировала Жэнни. – Хорошо еще, что миссис Оруэлл не сказала сыну, будто папа умер.

– Это все долбанный кофе! – вспомнил он свое идиотское предсказание, которое за каким-то хреном сбылось в точности.

Сначала лютый враг, а теперь, выходит, – ребенок, о существовании которого он не подозревал? А мальчонка жил себе с матерью и ждал, когда же это он, Чейз, нагуляется неизвестно где и найдет их… Только финал у этой сказочки вышел так себе. Цзян вспомнил перепачканное землей и подпорченное едкой известью лицо женщины, которую помогал извлекать из наспех выкопанной ямы, ставшей ей последним пристанищем.

– Какой ещё кофе? – на сей раз Жэнни прикинулась дурочкой. Лучше было бы ей это прекратить, потому что они уже остановились перед участком.

– Явно же не тот, который варит Смит, – буркнул он, не желая вдаваться в подробности, и открыл дверцу, зная, что Жэнни пренебрежет любой другой помощью на виду у подчиненных.

Коллеги смотрели на него кто как. Кто-то глазел со смесью неодобрения и интереса, кто-то откровенно сочувствовал. Дженс, так вообще с плохо скрываемым страхом, от чего Чейзу даже расхотелось засовывать его язык ему же в задницу. Конечно, все уже были в курсе. Аж противно! Почему кабинет Жэнни так далеко? За то время, которое потребовалось, чтобы пройти чуть ли не через весь участок, Чейз успел проклясть всех и вся, не говоря о том, как ему не хотелось туда идти и разбираться с этим… последствием. И тут детектива осенило.

– Нет, ты… – он сделал шаг через порог вслед за начальницей и машинально закончил, – ошибаешься.

Теперь он и сам видел, что суперинтендант очень бы хотела ошибиться, но просто не могла. На него смотрела его маленькая копия, зачем-то проникшая сюда из прошлого. Точно таким же, разве что малость повыше, Чейз был в свои шесть лет. Копна надоедливых светлых кудряшек, которые приводили окружающих в неописуемый восторг, яркие черные глаза. А вот привычку болтать ногами в коротких штанишках в воздухе матушка бы не потерпела…

– Тетя Жэнни, а тетя Бу уже ушла, – зазвенел в тишине детский голосок.

– Как ушла? И долго ты здесь сидел совсем один? – изумилась суперинтендант, а мальчонка покачал головой, стараясь выглядеть взрослым и серьезным. – Ваша соседка просто безответственная особа… Тони, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Чейз ощутил сильное желание убежать. Ну, или провалиться сквозь землю, лишь бы не стоять здесь, ожидая знакомства с «последствиями». А Жэнни мстительно улыбнулась. Видно еще не простила прошлые и сегодняшние выкрутасы.

– Твой папа давно вернулся, – мальчишка удивлённо захлопал глазами, а Женевьева кивнула на застывшего столбом мужчину. – Просто он очень долго тебя искал, правда, Чейз?

И что он должен ответить на такую подставу?! Только кивнуть и сказать: «Да, мэм!» А Тони смотрит на него со смесью недоверия и нескрываемого восхищения. Кажется, ему тоже понравилась эта долбанная форма, и что только в ней находят? С другой стороны, без нее он бы, наверное, перепугал ребенка до полусмерти. Хорош бы он был в заляпанной кровью рубашке и рваном пиджаке! А так Тони его вроде бы не опасался, и даже был склонен верить словам тети Жэнни, которая уже каким-то образом завоевала его доверие.

Смекнув, что новоявленный папаша не торопится ничего предпринимать, мальчонка решился сделать первый шаг сам. Он сполз со слишком высокого для него стула, подошел и вдруг прижался к бедру детектива, обнимая ручонками чуть выше колена.

– Я знал, – прошептал он. Потом вдруг спохватился и задрал голову, чтобы поймать взгляд Чейза: – Ты ведь больше не уйдешь, правда?

Чейз беспомощно посмотрел на Жэнни, но она не собиралась ему помогать, а с изуверским удовольствием наблюдала за его мучениями. Впрочем, что тут можно было ответить? Никуда Цзян теперь не денется – если не признает ребенка, его здесь перестанут считать за мужчину и будут совершенно правы. Пришлось пообещать, что он не будет больше пропадать так надолго. По крайней мере, очень постарается. Лицо Тони озарила яркая улыбка и он снова уткнулся носом ему в штанину, даже не отреагировав на стук в дверь.

– Кого еще нелегкая принесла? – спросил начальницу Чейз.

Та пожала плечами и открыла. На пороге появился еще один мальчишка – чуточку постарше Тони – с охапкой кремово-розовых пионов, за которыми его трудно было как следует разглядеть. От одного вида букета Цзян начал звереть.

– Цветы для миссис Женевьевы Винс, – объявил паренек и сразу как-то потеплевшая Жэнни с удовольствием приняла подарок. И добавил, потому что любопытный Дженс не слишком-то торопился провожать его к выходу: – Хорошего дня, мэм!

При виде секретаря Тони благоразумно спрятался за Чейзом. Дети такие вещи чувствуют получше взрослых. Стоило ли объяснять, что Дженс просто заноза в заднице и реальной угрозы не представляет? Может и стоило, но явно не в присутствии суперинтенданта, у которой их разногласия уже поперек горла стояли.

– У твоего кавалера прекрасный вкус, не находишь? Приятно еще раз убедиться, что ты в надежных руках, – Жэнни явно издевалась. – Даже жаль, что все подумают, будто цветы мне прислал…

– Дай угадаю, – нагло перебил её Цзян и позволил себе довольно язвительный тон, – твой сладкий мишка?

– Чейз, ты сейчас очень рискуешь, – напомнила она, оторвавшись от любования цветами. Оружие было при ней и ее давняя угроза, похоже, все еще была в силе.

– Я просто хочу знать… Тони, закрой-ка уши на минуту, – мальчик оказался покладистым и выполнил требование отца в точности. А может, он просто хотел произвести хорошее впечатление? – Жэнни, какого хрена? Хавьер тебя охмурить пытается?!

– Не смеши мои ногти, Чейз, – попросила она и растрепала светлые кудряшки Тони, давая понять, что ему уже можно снова ухватиться за Чейза.

Что он и сделал. Наверное, из-за этих кудряшек у Тины и вышла размолвка с Оруэллом. Кто бы мог подумать, что у смуглой брюнетки родится такой ангелок. Только брови и ресницы темные, как углем подведены. Видимо, мистер Оруэлл был далеко не блондином…

– К тому же здесь все написано, – добавила начальница, отыскав среди сладко пахнущих лепестков карточку. – Это – благодарность, причем такая, которую не сочтут за взятку. Ты свою, полагаю, тоже получишь, но чуть позже.

– Не при ребенке же! – возмутился он, чтобы скрыть накатившее смущение. – Ему рано знать, как взрослые друг друга благодарят.

Он примерно представлял, как именно Лань может его отблагодарить… если, конечно, в ближайшие лет десять Чейзу такое светит. Он же теперь не один. С другой стороны, если подсчитать, сколько лет было Майклу, когда Хавьер, не очень-то и скрываясь, закрутил роман с мужчиной…

– Жэнни, что мне теперь делать? – спросил он, понимая, как жалко выглядит. – Проконсультироваться с Санни? Насчет фамилии и… всего остального.

– Насчет всего остального распорядится мистер Смит, – она поняла, на что он намекает. – Помощь твоего друга юриста будет очень кстати, но я бы на твоем месте сначала познакомила Тони с родней.

Она же первая почувствовала, что Чейзу нужно сесть и, прежде чем Тони успел испугаться, усадила их обоих. Обошлось без обмороков, нужно было просто выпить воды. Похоже, ранение все-таки сказалось на его самочувствии. Как Жэнни себе это представляла? «Матушка, отец, я привел сына. Нет, «наконец жениться» не могу, я вроде как – вдовец». Он нервно рассмеялся.

– Тони, – снова обратилась к мальчику начальница, демонстративно игнорируя его. – Ты говорил, что вы много переезжали с мамой.

– Ага, – с готовностью закивал ребенок. – Поэтому папа не мог нас найти?

– Да, малыш, – легко согласилась она. – Ты ведь большой мальчик и помогал маме собираться?

– Теперь я буду жить с папой? – догадался он, потом ненадолго задумался и снова огорошил полицейских: – А мама – с дядей Смитом? Она так хотела с ним жить, что все время прятала меня или отсылала к тете Бу.

– Цзян, там еще что-то осталось? – спросила Жэнни, когда он уже хотел приложиться к фляжке, которую забыл возвратить.

– Присмотри за ним еще немного, – попросил Чейз, прежде чем передать серебряный сосуд владелице. – Мне нужно позвонить.

Пришлось поскорее убраться из кабинета, пока начальница не поняла, что рома там осталось на донышке. Не хватало еще сейчас выслушивать нотации, тем более спиртное его никак не брало. Что ж, он, по крайней мере, знает, кому можно позвонить.

Часть 117

Хорошо, что Чейз вовремя одернул себя. Во-первых, с чего он взял, что Лань знает о жилье в гнилостном углу Саутуарк? Просто привык к тому, что Хавьеру все становится известно и обычно быстрее, чем хотелось бы. А во-вторых, не тащить же ребенка в эту клоаку. Он ляпнул это только потому, что хотел спрятаться, а это уже – недостойное поведение. Разве такой пример он должен показать Энтони?

Как ни старался Чейз взять себя в руки, но дальше все было, как в каком-то тумане. Разговор с суперинтендантом, Дженс, настойчиво сунувший ему какой-то пакет, поездка в кэбе, знакомство Тони с экономкой и ее неуместные восторги. Миссис Флай хлопала крыльями как наседка, обещая, что сейчас пошлет за сыновьями, и они устроят ребенка наилучшим образом. Когда она заговорила о том, что Чейзу теперь нужна будет квартира попросторнее, он просто ушел на кухню и попытался сварить кофе.

Именно попытался, потому что напиток вышел не намного лучше, чем у Смита, да к тому же еще перекипел. Пришлось открыть окно, чтобы выплеснуть содержимое турки. Все равно пить кофе не хотелось, а варил его Чейз исключительно, чтобы чем-то занять руки.

– Мистер Цзян! – застукала его кухарка.

Как видно, она на минутку оставила своего нового подопечного, чтобы пообщаться с посыльным, но решила сначала проверить, не изгваздал ли хозяин ее ненаглядную плиту. Цзян посмотрел на женщину, в чьем понимании все было так просто и он наверняка имел на примете подходящую квартирку, где станет жить с семьей, а она получит надбавку еще и как няня.

Под тяжелым взглядом лейтенанта женщина смолкла и только поджала губы, когда напиток все-таки отправился в короткий полет. Он потряс джезву за ручку, чтобы скрыть, как дрожит рука. Не сильно, но все-таки заметно.

– Я только хотела уточнить, когда привезут вещи Тони и… – она замялась, но Чейз и так знал, что она собиралась спросить.

– И еще кто его мама и где она? – голос прозвучал слишком уж ядовито.

Экономка пошла пятнами, так что Чейзу пришлось сбавить обороты и по возможности спокойно пересказать то, что он узнал от суперинтенданта, и какие выводы сделал для себя Тони из разговора взрослых. Вот тут миссис Флай его удивила искренним и каким-то материнским сочувствием. А еще готовностью все организовать вместе с сыновьями.

– Даже если у Вас нет ключей от дома миссис Оруэлл, Брайан все сделает, – простодушно добавила она.

Чейз вспомнил, что все еще держит в руке джезву, посмотрел на нее, пытаясь вспомнить, зачем, и отставил. Надо было поскорее передать экономке эти самые злосчастные ключи, чтобы мистеру Флаинг-Джейкобу не пришлось вспоминать былые денечки. И до чего странно было, когда экономка, то ворчавшая на него по любому поводу, то отчитывавшая как мальчишку, взяла его за руку вместо того, чтобы просто забрать ключи, и даже слегка погладила.

– Вы устали и поздно сейчас заводиться с переездом, тем более Вы еще не решили: куда, – сказала она, еще немного задержав его руку в своей, прежде чем убрать ключи в карман. – Мистер Цзян, Вы не возражаете, если я возьму Тони к себе? Может быть, даже на пару дней, пока Вы не присмотрите подходящий вариант. А там сыновья помогут Вам перевезти все вещи разом.

И тут за него все решили… Но вместо ожидаемого раздражения Чейз отчего-то ощутил глубокую признательность к этой женщине. Он даже пообещал себе, что не будет с ней ругаться… по крайней мере, до первого овощного рагу. Миссис Флай удалилась, и даже ничего не стала спрашивать о пакете, который он бросил в прихожей. Надо будет – сама заглянет, а Чейз не ждал от секретаря ничего хорошего.

Он разогрел турку, чтобы подсушить и высыпать остатки гущи, и снова застыл с ней в руках, прикидывая, не сварить ли кофе снова, на этот раз как следует. Сосредоточение на выполнении простых и понятных действий хоть ненадолго избавит от мыслей. И от откуда-то взявшейся вины перед свежеприобретенным сыном за то, что снова бросает его, пусть и всего на пару дней. Главное не начать, как говорила Дина, машинально гадать, когда никто тебя о том не просит. Он совсем не хотел знать, что ждёт его в будущем, как и думать, что с этим делать, но вскоре так погрузился в себя, что не услышал, как миссис Флай увела Тони. Цзян очнулся, только когда спустя несколько минут дверь снова открылась. Должно быть, экономка забыла что-то. А может, захотела еще раз удостовериться, что хозяина можно оставлять наедине с безрадостными мыслями о собственной жизни.

– Чейз, ты берешь взятки? – осторожно спросил Хавьер, отчего Цзян едва не выронил чашку с остатками кофе. – Я, кажется, плохо тебя знаю.

– Это Дженс за меня взял, – попытался оправдаться лейтенант и заметил какой-то подозрительный огонек в глубине серых глаз. – Да что там такое было?!
***
Хавьер отпер дверь и вошел в квартиру Чейза. Было тихо. Должно быть, он прибыл первым – не надо было так торопить кэбмена. Уже собираясь положить ключи у входа, он увидел кое-что новенькое… ошейник. Аккуратно уложенный на самом краю, вдоль ящика для перчаток. Прекрасная ручная работа, тиснение, яркие красные нитки. Очень красивый! И рядом записка. Хавьер к ней не притронулся, но быстро пробежал глазам.

«Сожалею, что оказал Вам ненадлежащий прием, – вопреки ожиданиям, она была адресована Чейзу. – Надеюсь, одна из лучших моих работ хоть немного извинит меня». И дальше размашистая подпись, должно быть, того самого рогоносца, о котором рассказывал ему детектив. Спохватился, что напал на стража порядка и испугался, что его все-таки привлекут за это к ответственности. А что ему может быть за такие подарки, не подумал?

Хавьер не знал, впору ли обновка Ангелу, но с размером ошейника этот человек определённо угадал. Он прекрасно подойдёт для... На кухне звякнул фарфор, заставив Ланя встрепенуться. Так он все-таки был не один! Чейз здесь и ждет его. Мужчина еще раз посмотрел на ошейник, словно нарочно оставленный на видном месте. Как не похоже на Чейза делать такие предложения! Нет, бороться с искушением не было никаких сил. Может быть, Санфорд прав, и он напрасно так переживал, потому что его детективу на самом деле ничего не грозит?

Захватив ошейник, Лань пошел на кухню, да так и застыл в дверях, забыв, что вроде бы собирался его примерить. Чейз так крепко о чем-то задумался, что не заметил вошедшего, и он все еще не снял мундир – одно это было способно исправить настроение фабриканта, настолько, что тот даже решил немного поддеть любовника. Он так боялся увидеть у него на лице сожаление, раскаяние в своем поступке, но Цзян сидел за столом, застегнутый доверху, и когда повернул голову к гостю, у него на лице отразилась только растерянная усталость человека, который не верит, что безумная гонка наконец закончилась.

– …Да что там такое было?! – Чейз возмутился, заметив, что одну руку Хавьер держит за спиной. Как-то непривычно, хоть проси выругаться.

Лань нарочно промолчал и наконец позволил себе улыбнуться. Он не знал, откуда взялась уверенность, что все будет в порядке. Теперь – будет, обязательно. Чейз – не убийца, и он скоро сможет вернуться к прежней жизни. От нахлынувшего облегчения захотелось немедленно подойти и обнять его, что Хавьер и сделал.

Чейз охотно прижался к нему, не то успокоенный присутствием Хавьера, не то просто отвлеченный на время от тяжких дум. Значит, то, что ошейник подвернулся ему – счастливая случайность? Тем лучше. Цзян, которому было не до чьих-то нежданных подарков, по-прежнему не мог видеть, что он принес из прихожей – ошейник оказался прямо у него за спиной.

– Лань, – прозвучало глухо и как-то тревожно. – Хавьер… я решил.

Чейз поправился, прежде чем он напомнил, что наедине можно обращаться по имени. Не размыкая рук, фабрикант терпеливо ждал, что же скажет лейтенант. Он должен был сообщить что-то очень важное. Они оба должны были многое рассказать друг другу, но с этим можно не торопиться. Впереди вечер, а потом длинная ночь и еще много дней. Полицейский некоторое время собирался с мыслями, прежде чем заговорить снова.

– Со Скотланд-Ярдом покончено, – сказал, как с плеча рубанул. – И сейчас мне охуеть как нужен кто-то, кто разбирается в фабричных делах.

– Чейз, – Хавьер с удовольствием убрал от его лица челку и заглянул в глаза, не боясь кроющейся в них тьмы. – Тебе не нужно ничего доказывать, особенно мне.

Он умолк, потому детектив шикнул на него. Наверное, Хавьер и правда сказал какую-то несуразицу. Или не так все понял. Разве мог Чейз не знать, что Лань без ума от него самого, а не от его звучной фамилии? Ему не важно, где работает Чейз, и даже нравится, что он – полицейский. Ведь именно благодаря этому он спас Хавьера от настоящего чудовища в человечьем обличье. Подумать только – дважды!

Хавьер ни секунды не сомневался в том, что Цзян приживется в бизнесе и все же… что его побудило? Желание соответствовать любовнику по статусу? Так смерть Мэйсона может стать неплохим трамплином для дальнейшей карьеры. Старший инспектор Цзян… звучит! Может быть, даже суперинтендант Цзян в самом ближайшем будущем.

– Так надо, Хавьер, – сказал он твердо. – Да и ты не знаешь эту ярдовскую кухню… Не посадят, конечно, но все равно уволят. Найдут способ. И… – он горько усмехнулся, – я близко знаю одного человека, который этому радостно поспособствует.

– Никто не будет горевать из-за смерти Йена, – возразил Хавьер, но на ум пришла мерзкая улыбка мадам Роуз…

– Он так не думал, – пробормотал полицейский и, должно быть, почувствовал, как Хавьер напрягся при этих словах. Мэйсон что-то говорил ему? Сегодня, перед самой смертью, – Прости, мне не нужно было этого говорить. Он сумасшедший, маньяк. Я не поверил ни одному его слову.

Хавьер склонился к любовнику и легонько поцеловал в уголок губ, призывая умолкнуть. Он знал и не обижался. Не обиделся бы, даже если Чейз подумал, что он будет оплакивать этого человека просто, потому что так долго был с ним. Но Йен мог рассказать о чем угодно из того, что Лань натворил в прошлом.

– Что он сказал? – Хавьер едва совладал с голосом.

Чейз колебался. Лань не был уверен, что он вообще ответит, что захочет повторять слова Мэйсона. Ему и самому не хотелось говорить на эту тему. Он бы и настаивать не стал, если бы не видел, что Чейза это по-настоящему мучает.

– Когда ублюдок с этой своей ухмылочкой сказал: «он мой»… – Чейз сжал кулаки, слегка помяв ему пиджак, – я был готов вышибить ему мозги на месте.

Кажется, Лань понял, в чем тут дело. Мэйсон просто хотел вернуть его, может быть, даже по-настоящему верил, что у него это получится. И как раз это заставило Чейза ревновать. Настолько, что он едва не сорвался.

– Поэтому ты хотел, чтобы я пришел к *тебе*? Потому что *ты* позвал? – спросил он, проверяя свою мысль. – Чтобы за Ангелом хорошо присмотрели, а я остался сегодня с *тобой*?

Чейз, несомненно, слышал, как он выделяет голосом каждое обращение. Он кивнул, а в глазах зажегся диковатый лиловый огонек. И от этого Хавьер хотел его еще больше. Он тоже желал, чтобы Чейз принадлежал ему и только ему. Владеть и принадлежать в равной степени. Он облизнул пересохшие губы.

– Или чтобы я еще раз показал тебе, что на самом деле ты – мой, – набравшись смелости, пошел дальше в своих предположениях фабрикант, и от реакции Чейза на эти слова его лицо озарила довольная улыбка. – Знаешь, у меня ведь тут кое-что есть, как раз для тебя…

Часть 118

Санфорд аккуратно переступил через Ангела и, усевшись в кресло, вытянул ноги. Терьер лениво повернулся на бок и повторил его жест всеми четырьмя лапами. Ветеринар осмотрел его, пока адвокат работал с семьей Стэнли, дал рекомендации и подтвердил, что Сен-Клер справился прекрасно. Оживление привлекло Саймона и он, вопросительно мяукнув, спрыгнул с подоконника, подошел к своему приятелю проверить, как его дела. Обнюхав повязку, кот тоже, как батончик, плюхнулся на бочок и громко затарахтел.

– Удивительно, как они дружат? – спросил Санфорд у художника, сосредоточенно шуршащего карандашом по бумаге.

– Это ты еще не видел, как Саймон ему уши моет, – отозвался тот, нисколько не удивляясь, а потом повернул рисунок так, чтобы адвокат мог убедиться, что это – умилительное зрелище.

Вэйд набросал эту идиллическую картину несколько минут назад, прямо перед тем, как в сад прилетела стайка птичек, ставшая для Саймона слишком большим соблазном. Теперь, когда любимец вернулся, художник смог продолжить штрихами наносить шерсть на его круглую щеку. Он старался подчеркнуть выражение мордочки и зажмуренные от старания глаза.

– Скажи, ты ведь собираешься закончить с бумагами Ланей? – уточнил Инн как бы между делом. – Сколько, по-твоему, там работы?

– Непочатый край, – честно ответил адвокат.

– И как надолго это затянется? – Вэйд по-настоящему забеспокоился. Саймон повел ухом, потом повернулся к Санфорду и одарил его недовольным взглядом. – Мне нужно знать, потому что я обещал Честеру, что мы вместе отправимся в путешествие. Ты же понимаешь, что я не могу ждать с этим до дня своего рождения. На него у меня уже другие планы.

Настала очередь Санфорда переживать, однако совсем по другому поводу. Он ведь так старался заманить Вэйда к себе в Лондон и, несомненно, радовался, что тот пусть и не перестал постоянно причинять беспокойство, но хотя бы не пропадал неведомо где.

– Прикажешь мне опять подыскивать тебе жилье? – страдальчески спросил адвокат.

– Зачем? – Вэйд искренне удивился, а потом сообразил, почему приятель так скис. Скорее всего, Нэттли рассудил так: раз Инн нашел себе такую замечательную мастерскую, то никуда теперь от него не денется. – Нет-нет, Санни, я собираюсь путешествовать налегке, а для этого есть гостиницы. Правда нужно будет сразу подыскать такие, куда поселят кота, пусть за отдельную плату. Саймон, знаешь ли, не любит играть в прятки. Да и когда он появляется в обществе, то сразу обзаводится таким количеством поклонников, что мне впору завидовать.

– Мя! – подтвердил британец, безошибочно определив, что заговорили о нем.

– Видишь, он готов отправляться хоть сейчас, – сказал Вэйд, обращаясь скорее к вернувшемуся из кабинета Честеру. Ему поступил всего второй телефонный звонок с фабрики, а сорванный рабочий день между тем уже подходил к концу.

– Куда? – не понял фабрикант, все еще пребывающий где-то в делах.

– А куда захотим, – просто ответил Вэйд, похлопав по дивану рядом с собой. – Хоть в тот сказочный замок, который ты повесил в спальне.

Саймон поднялся, грациозно потянулся и подошел к хозяину. Мурлыкнул вопросительно. Как видно, решил, что Вэйд подзывает его к себе, и теперь ждал, что хозяин усадит его на диван рядом или возьмет на руки. Обманывать его ожидания не пришлось. Честер подхватил кота на руки и сел так, чтобы тот мог со всеми удобствами растянуться поперек их коленей.

– Я подумал, сейчас – после всех этих треволнений – самое время сменить обстановку. Ты ведь можешь позволить себе небольшой отпуск? Уверен, Хавьер не будет против. Я мог бы привезти с собой стопку небольших холстов для Санфорда. Может быть, даже получится устроить персональную выставку…

– Даже не думай о Брайт Хаусе, – запретил адвокат, упрямо сложив руки на груди. – Брат и так пообещал забрать у тебя целый домашний лес.

– Разве Мэттью будет против немного разнообразить обстановку? – изобразил искреннее недоумение Вэйд. – А я-то думал попросить его еще об одном одолжении…

Санфорд забавно подобрался, совершенно не замечая при этом, что Честер витает в облаках, уже предвкушая совместные приключения с Вейдом. Поездка далеко-далеко от Лондона, новые места и люди, свежие впечатления и, наконец, пейзаж, буквально сошедший с картины. Нэттли же больше занимала финансовая сторона вопроса – уж он-то мог прикинуть, какую выгоду можно извлечь от продажи нескольких новых полотен, особенно если представить их миру все вместе, да еще в такой необычной обстановке. Раньше двери клуба его брата не открывались для широкого круга гостей, и чтобы умерить недовольство обладателей эмблем, им, вероятно, предоставят некие привилегии перед приглашенными. К примеру, первый закрытый показ полотен или закрытый аукцион на один-два особо удавшихся лота.

– Давно Мэтт менял число членов клуба? – спросил Вэйд, хотя и знал ответ.

– Никогда, – возмутился Санфорд. – Брайт Хаус сохраняет их количество неизменным уже четырнадцать лет.

– Так значит, у него вот-вот будет юбилей! – обрадовался Инн. – Тогда можно под это дело выпустить еще пяток значков. И один предложить Чейзу. Ну что ты так хлопаешь глазами? Сам подумай. Если доберЦзян не сможет составлять Хавьеру компанию, тот вскоре перестанет посещать Брайт Хаус и отдаст предпочтение, скажем, Фогги Рэббит. Честер, несомненно, последует его примеру, и тогда мне тоже придется…

– Фогги Рэббит?! – вскричал Санни не своим голосом, не подозревая, что теперь забавное название уже вызвало интерес у наследника близнецов, как раз в этот момент решившего присоединиться к ним в гостиной.

Юноша переоделся в домашнюю одежду, а влажные волосы просто зачесал назад. Художнику немедленно захотелось положить блокнот прямо на дрыгающего лапой Саймона и нарисовать уютно устроившегося в кресле юношу с живыми серыми глазами. Как же он боялся, что больше не увидит его таким! Опасность, неизвестность, заточение и такой близкий контакт со смертью. Когда самому Вэйду впервые пришлось столкнуться с ней – да еще и с такой неприглядно-бессмысленной и ужасной – он очень долго не

мог прийти в себя. К счастью, Майкл относился к этому как-то… проще.

– Забудь как страшный сон, Вэйд! – потребовал между тем Санфорд, все еще задыхающийся от возмущения. – Поклянись, что забудешь!

– Про кроликов? Как можно! Они ведь почти такие же пушистые, как Саймон, – он пощекотал удобно подставленное пузико, что сподвигло его любимца целых три раза лизнуть… почему-то левую переднюю лапу.
***
Лань, пожалуй, мог бы просто и без затей выебать его до изнеможения, но, конечно же, затеял очередную игру. И кажется, Чейз дошел до того состояния, когда это – как раз то, что нужно. Он даже не чувствовал себя в опасности, как иногда бывало, когда на любовника что-то находило.

– Если скажу, разве это не испортит весь сюрприз? – невинно уточнил Хавьер, как будто бы Цзян до сих пор не имел представления о его замашках. – Закрой глаза. Давай-ка примерим кое-что.

Мужчина сощурился. Подобные предложения от Ланя не подразумевали ничего приличного. Это вполне мог быть, например, кляп. И можно не сомневаться – Хавьер будет убийственно убедителен, когда станет уговаривать его на эту авантюру. Он вспомнит и о тонких стенах, и о бдительной соседке… Хьюз, старая ведьма...

– Лань, что это Вы, блядь, задумали? – огрызнулся он, пытаясь представить, что же любовник удумал, если для этого нужно сперва заткнуть ему рот, и не опасно ли это для здоровья, и без того несколько подорванного. Хотя, если вспомнить и сравнить, то в первый раз бок болел намного сильнее.

– Я? – фабрикант сделал самые честные глаза, а Чейз отметил залегшие под ними тени. – Разве я мог что-то задумать, Чейз?

За бархатными нотками голоса скрывалось что-то такое, что не оставляло сомнений: он все равно это сделает. Лань всегда получал желаемое. Так или иначе. Значит, просто вопрос времени, когда Чейз согласится. А время терять не хотелось. Кто знает, когда они смогут снова увидеться?

– Проклятье, – выругался он сквозь стиснутые зубы, потому что уже готов был поддаться, если Лань, который уже практически сидел у него на коленях, поцелует его. – Вашу мать, Лань. Иногда Вы становитесь просто невозможны. Какого дьявола я всегда иду у Вас на поводу?

– Возможно, потому что ты сам этого хочешь, – тот погладил его по груди, что почти не ощущалось сквозь плотную ткань. Нужно было давно снять мундир.

К величайшему разочарованию Чейза, фабрикант не тронул пуговицы и даже не накрыл ладонью больное место на боку. Лань ждал действий от него, и вполне определенных, хотя Цзян снова не понимал, почему должен держать глаза закрытыми, когда хочет видеть любовника. Не стесняется же он, в самом деле?!

Дав себе еще пару секунд на размышления, Чейз глубоко вдохнул и все-таки закрыл глаза. Это было так же странно, как в прошлый раз. Тогда, помнится, Чейз тоже был болезненно напряжен, и прикосновения Хавьера приносили облегчение. Может, и в этот раз поможет? Однако пока тот почти не дотрагивался до него, как видно, давая привыкнуть к обострившимся ощущениям. Чейз совсем иначе чувствовал вес любовника и тепло его тела. От Хавьера, как всегда, приятно пахло, но к привычному аромату примешивалось что-то лекарственное, с резким спиртовым оттенком, принесенное от мистера Сен-Клера. Где-то под ними гулко громыхнул ведьмин котел.

Сердцебиение против воли участилось, когда Хавьер просто пошевелился и чем-то еле слышно зашуршал. Разве не должно быть легче теперь, когда Чейз точно знает, чего ожидать? Когда он уже прошел через это? Он знал, что едва ли захочет остановить Хавьера, но не хотеть и вообще не иметь возможности это сделать – очень разные вещи. Неужели Лань не понимал этого? Или как раз очень даже хорошо понимал и потому не спешил. Но, зная Хавьера, он давал время решиться, а не передумать.

Отказать ему было практически невозможно. Только не когда чуткие пальцы вот так убирают волосы от лица и осторожно касаются губ. Не удержавшись, Чейз попробовал поймать их, а когда это не получилось, лизнул – длинно, влажно, почти, как собака. Если ему самому такое показалось невероятно развратным, то и Хавьер не останется равнодушным. Возможно, это заставит его перейти к чему-то более… существенному.

«Ну, какого хера нельзя просто сказать, что я до чертиков хочу целоваться?» – мысленно спросил он самого себя, продолжая упорно хранить молчание. Что бы ни собирался сделать Лань, он сделает это – прямо сейчас. Чейз почувствовал плавное движение и уже в следующий миг ощутил петлю, затянувшуюся на шее. Металлически брякнула застежка, и Чейз воззрился на любовника, забыв, что тот запретил подглядывать.

Хавьер невозмутимо подсунул пальцы под ошейник, проверяя, хорошо ли он затянут и не защемил ли кожу. Чейз рвано вздохнул. Нет, затянуто было в самый раз и дышать не мешало, только ощущалось слишком странно. И… он догадывался, какие Лань воображает непристойности.

– Лань! – Чейз дёрнулся назад, желая это прекратить, но любовник удержал его за ошейник. Тогда он разразился гневной тирадой, забывшись, как это действует на Хавьера.

– Ты меня провоцируешь? – в мягком до того голосе прорезались жёсткие властные нотки. Лань прищурился, изучая вблизи, как действует его уничтожающий взгляд. И действует ли?

Цзян понял, что действительно слишком завелся, хотя находится совсем не в том положении, чтобы пытаться приструнить разошедшегося любовника. Но было уже слишком поздно. Хавьер толкнул его в плечо – вышло довольно чувствительно для раненого бока – и опёрся коленом на стул, ясно давая понять, что не собирается выпускать его.

– Ты, правда, хочешь именно этого? – спросил Хавьер, нависнув сверху и с силой рванув мундир, а за ним и ворот рубашки. – Мне действительно прекратить?

Приведя одежду в полнейший беспорядок и мимоходом проверив повязку, Лань добрался до его брюк. Ремень жалобно звякнул, поддавшись настойчивым нетерпеливым движениям. Слишком резким, даже когда он опустил руку еще ниже, безошибочно охватывая член, требующий более аккуратного обращения.

– У тебя стоит, – констатировал Лань.

– Конечно, Вы же лапаете меня, – огрызнулся Чейз, потому что ему не хотелось признавать очевидное. – Это естественная реакция!

Они оба прекрасно знали, что он чувствует на самом деле, так зачем обязательно произносить это вслух? Просто, чтобы потешить самолюбие одного развратного фабриканта? Чтобы дать ему очередное подтверждение того, что Цзян не может оставаться спокойным рядом с ним? Не может не то что как-то высказать, что думает про букет, а вообще нормально думать? Да и не забыл еще Чейз, чем разговор о цветах кончился в прошлый раз…

– А все остальное тоже просто реакция организма? – беззлобно уколол его Хавьер. – Чейз, может, хватит? Это глупо.

– Что именно? – детектив почувствовал, что собственный голос звучит как-то иначе – может, из-за ошейника? – и откашлялся. Ужасно захотелось оттянуть причину их ссоры, как слишком тесный галстук, но он не решился.

– Все это, – вроде бы спокойно ответил Лань, но что-то в его тоне заставило Чейза подобраться. – Я не понимаю, почему ты так сопротивляешься. Что плохого в том, что нам обоим это нравится?

Лань слегка потянул его за ошейник, явно побуждая подняться на ноги и следовать за ним… однако оставляя окончательное решение за Чейзом. Пожалуй, он мог бы сказать решительное нет – в конце концов, рот у него был свободен – но вот хотел ли?

Часть 119

До спальни они дошли в предвкушающем молчании. Лань указал ему на кровать, а сам отошел к шкафу и принялся рыться на дне. Чейз понятия не имел, что тот ищет и что может найти. Последний раз он заглядывал туда с полгода назад и за эти полгода там образовался склад ненужных вещей, которые некуда было приткнуть в небольшой прихожей. Должно быть, Хавьер проверил содержимое шкафа, когда заимствовал у него вещи после истории с Карпом. Ох, недолго тому оставаться на плаву. Жаль, Чейз не увидит, как на мадам защелкнут наручники…

– Не сюда, ближе к изголовью, – поправил его Хавьер и извлек – Чейз глазам своим не поверил – моток веревки.

Ее использовали всего раз, когда Цзян сюда только въехал. Прежде на месте шкафа стоял огромный старомодный сундук, который не пролез в дверь, когда Цзян решил от него избавиться. Рабочие спустили эту громадину в окно, обвязав со всех сторон. Куда потом дел его хозяин, никто не знает, а вот веревка некстати оказалась в руках Ланя. И это заставляло Чейза чувствовать себя крайне неуютно.

Обнадеживало лишь то, что моток был небрежно наброшен на спинку кровати и позабыт. Хавьер ограничился тем, что крепко ухватился за кожаный ремень на шее и втянул Чейза в головокружительный поцелуй. Это было именно так, как давно хотелось. Влажно и горячо, и Лань ни на миг не ослаблял хватку, не желая, чтобы Чейз отстранялся, по крайней мере до тех пор, пока они оба не начнут задыхаться. Очухался детектив, когда уже лежал поперек кровати, и то потому, что Хавьер, снова оседлавший его, слегка задел бок. Впрочем, это было мелочью по сравнению с приятными ощущениями, которые доставляла близость фабриканта.

Лань выпрямился, возвышаясь над ним, и расстегнул свой ремень. Чейз положил ладони ему на бедра, уже догадываясь, что тот задумал. И коль скоро появилась такая возможность, он стянул брюки вниз, портя безупречный внешний вид любовника, и убедился – тот уже предвкушает дальнейшее и, похоже, действительно собирается заткнуть ему рот, только другим способом.

– Не будешь кусаться? – спросил Лань немного насмешливо.

Чейз в ответ нарочно клацнул зубами, как будто и правда собирался заняться членовредительством. Хавьер, конечно же, не поверил, как не поверил бы, начни Цзян доказывать, что ему совершенно не нравится то, что с ним делают. Нравится, хоть и немного боязно – в таком положении приходилось полностью полагаться на любовника, ведь он не сможет отпрянуть, даже если Хавьер отпустит ошейник.

В этот раз глаза Чейз закрыл без напоминания, это помогало не думать, как он сейчас выглядит со стороны. Он сам ни о чем таком не задумывался, когда Хавьер стоял перед ним на коленях, позволяя толкаться в его рот… С этим мужчиной можно было позабыть обо всем на свете и просто чувствовать его желание как свое собственное и восхитительную неправильность удовольствия, возникающего от плавных движений.

Как раз на это и был расчет, но Чейз все равно почувствовал, когда Хавьер зачем-то наклонился немного вбок. Цзян сильно вздрогнул и едва не подавился, догадавшись, что тот хочет дотянуться до веревки и выполнить свое обещание… или угрозу? Он поспешно открыл глаза и убедился в своей правоте. Ланю мало было просто обладать им.

– А как же то, что Вы говорили? – успел выдохнуть он и покосился на спинку кровати, которую так и не удосужился починить после прошлого раза.

– Я много чего говорил, – Лань заинтересованно изогнул бровь.

– Что нужна какая-то там особенная веревка или что-то такое… – сбивчиво выговорил Цзян и потерся щекой о руку, приласкавшую его.

Такой странный способ извиняться за тот раз с ремнем. Рука Ланя показалась прохладной, наверное у Чейза все-таки начался небольшой жар. Мисс Сандель о чем-то таком предупреждала. Но рядом с Хавьером он чувствовал себя хорошо.

– Веревка и правда грубовата, – легко согласился тот и на мгновение Чейз подумал, что это отличный повод отказаться от того, чтобы пускать ее в ход. – Поэтому я свяжу тебе руки поверх рукавов.

Веревка нависла над Чейзом дамокловым мечом. И ведь придется уступить этому пауку и позволить позабавиться с ней. Уж он-то своего не упустит… Уже набросил петлю ему на руку и с силой потянул.

– Вот видишь, так она не будет врезаться в кожу, – обнадежил он. – Но если вдруг станет больно или… просто скажи что-нибудь на пушту. Тогда я освобожу тебя.

Чейз не спросил: «или что?» только потому, что слышал об этом от Мелиссы. Порой люди ненамеренно переходят границы или срываются, причем ошибки совершают даже те, кто прекрасно осознает опасность подобных игр.

– На пушту? – с сомнением переспросил Чейз.

– До встречи с тобой, – Хавьер сделал вид, будто припоминает, – мне нравилось использовать слово: «Умоляю».

– Это Вы меня умолять будете, – вызверился Цзян, но фабрикант ловко перехватил его руки.

В таком положении мало что можно было сделать. Если, конечно, не затевать драку всерьез. Не особо на что-то надеясь, он задергал рукой, пытаясь выпутаться из петли, которая от этого лишь туже затягивалась. Чейз чертыхнулся, но спохватился, что этим доставит любовнику отдельное удовольствие. Да как он может творить такое, да еще с таким невозмутимым видом?! Он откровенно любовался злым и растрепанным лейтенантом полиции – теперь уже бывшим.

Продолжая одной рукой удерживать веревку и прижимать запястье Чейза к кровати, Лань снова просунул пальцы под ошейник и натянул его, весьма ощутимо сдавливая горло. Почти придушил, именно почти, достаточно точно рассчитывая свои действия. Чейзу вспомнилось, что примерно так сам поступал с агрессивной собакой. Жив ли ещё тот безымянный кабульский пёс, которого он прозвал Нетопырем за огромные уши?

Пушту… ну надо же. Это наводило на странную мысль. Лань предполагал, что Чейз сегодня будет материть его на чем свет стоит? Догадываясь об этом, стоило ли соглашаться? И тем более сдаваться без боя. Что за нездоровое любопытство заставило его перестать напрягаться? Несколькими секундами позже Хавьер потянул за ошейник, на сей раз заставляя приподнять голову. Определённо, в таком положении целоваться было удобнее.

Не отрываясь от этого занятия, Лань помог ему сесть на кровати так, чтобы не побеспокоить рану. Однако придержал веревку, стоило Чейзу только потянуться к нему. Значит, сегодня Цзян не должен касаться его? Или, что вероятнее, ему нельзя пользоваться для этого руками.

– Ты пытаешься меня отвлечь, – упрекнул его Лань, довольно резко прервав поцелуй. – Сначала закончим с этим.

Он красноречиво дернул за веревку, которую Чейз так и не стряхнул, хотя у него только что была такая возможность. Теперь же Лань переместился ему за спину с твердым намереньем все-таки связать.

– И где послушание? – спросил Хавьер, когда Чейз заупрямился, не желая поддаваться настойчивым рукам. – Хочешь, чтобы было неприятно?

Он снова потянул, заставляя выпрямить спину и немного свести лопатки. Где-то в плечах и у позвоночника при этом заныло. Но это было еще не обещанное Ланем «неприятно». По-настоящему неприятно будет потом, когда тот начнет разминать ему спину.

– Паук, – обругал его Чейз, не имеющий возможности даже подтянуть штаны и вынужденный воздерживаться от нормальных ругательств.

Хавьер сосредоточенно, как по учебнику, сооружал петли, стягивая ему руки. Этот способ был намного более замысловатым, чем наручники. Но непрактичным. Такой длинной веревкой можно связать десяток человек и еще хвост останется.

На самом деле ничего особенно страшного пока не было, пожалуй, он мог бы даже выпутаться из одежды вместе с веревками, если бы как раз в этот момент Лань не придумал, как можно дополнительно закрепить свою садистскую конструкцию, протянув петлю сквозь кольцо на ошейнике.

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо осведомился Хавьер. – Не туго?

– Нет, – неохотно отозвался Чейз, поерзав. – Хотелось бы знать, как это смотрится со стороны…

– Охуительно, – выдохнул Лань, поцеловав его сзади в шею: и щекотно, и приятно. – А будешь хорошо себя вести, дам тебе пару уроков – заодно и сам вспомню кое-что – если, конечно, тебя не смутит, что нам понадобится модель.

И Лань подразумевал живого человека. Возможно, шлюху. Кто еще согласится на участие в подобных занятиях, да еще будет потом молчать об их странных пристрастиях? Чейз с ужасом поймал себя на том, что думает о предложении Ланя так, будто уже не сомневается, что примет его. Хуже того, веревка с готовностью вписалась в некоторые особенно яркие его фантазии, и Хавьер легко мог заметить произведенный этим эффект – почти унявшееся было желание вспыхнуло с новой силой.

И, конечно же, Лань не упустил это из виду! Как только конец веревки оказался привязан к многострадальной спинке кровати, фабрикант прижался к нему сзади, пристроив подбородок на плече, и накрыл его член ладонью. Цзян отвернулся, почувствовав заинтересованный взгляд, чем нагло воспользовался Хавьер. С ума можно сойти, он ведь просто подул, даже не притронулся!

– Экспериментатор хренов, – зарычал Цзян.

– Кстати об экспериментах, я давно хотел попробовать кое-что, – поделился с ним Лань. – Это непременно понравится нам обоим. Особенно мне.

Конечно же, без туманных намеков было никак не обойтись… А еще фабрикант убрал руку с члена и, скользнув по животу, принялся поглаживать по груди, что нисколько не облегчало его возбужденное состояние. Одежда распахнулась еще сильнее, предоставив Ланю возможность ущипнуть сосок. Чейз почти смирился с тем, что нормально кончить в ближайшее время не получится, и постарался хотя бы поудобнее пристроить руки за спиной. Не то, чтобы было неудобно, похоже, Хавьер точно знал, как не перетянуть все эти узлы, петли и витки веревки, отчего было еще более странно.

Чейз выжидающе посмотрел на любовника. Что тот собирается делать дальше? А Хавьер беззастенчиво любовался получившейся картиной, которую детектив даже воображать не хотел, если только не представлять на своем месте одного несносного фабриканта: на смятом покрывале, связанного, растрепанного и с прижимающимся к животу членом. И арендованная Чейзом в Саутуарк комната отлично подошла в качестве декорации к этому безобразию.

О, ему определенно могло это понравиться… куда больше, чем чувствовать все на себе. Цзян даже не знал, как обозначить собственные ощущения. Он не мог однозначно сказать, что ему не нравится, кому бы не пришлись по вкусу неторопливые обстоятельные ласки? Но вынужденное бездействие раздражало.

Надеясь нарваться на поцелуй, Чейз откинул голову, сильнее прижимаясь, но Лань пресек его попытку, снова схватив за ошейник. Добиваясь покорности, он сильнее сжал пальцы, затянув тем самым ремешок, и выждал еще какое-то время. Кажется, всего за полминуты без воздуха в голове у Чейза помутилось или сегодня ему отказало всякое чувство самосохранения, но факт оставался фактом. Когда он смог отдышаться, сидя на кровати, Лань уже очутился перед ним, потерся членом о его щеку. Детектив облизнул губы и попробовал дотянуться до соблазнительно приоткрытой головки.

– Хочешь его? – спросил Лань, как будто предлагал ему долбанный эклер.

И хотя фабрикант едва ли нуждался в подтверждении, Чейз шевельнул губами, собираясь ответить. И понял – в лучшем случае получится невнятное сипение. А когда он, наконец, совладал со связками, стало не до разговоров. Цзян просто схватил ртом воздух, как если бы вынырнул из глубокого озера. Хавьер же почему-то отстранился.

– Тебе ведь нравится брать в рот, Чейз? – он слегка провел рукой вдоль члена от головки к основанию, чтобы она показалась, и обратно.

– Скажите, Лань, Вы делали это по-настоящему? – как-то невпопад спросил он и неловко – ужасно мешала приведённая в беспорядок одежда – попытался придвинуться к Ланю, а тот снова чуть отступил.

– Удушение? – переспросил он, усмехнувшись. – По-твоему, сейчас было не всерьез?

Цзян прикусил язык, поняв, что ляпнул какую-то глупость. Хавьер очень хорошо знал, что бывает, когда один из партнеров переходит границы. Чейз качнул головой. Хавьер тоже не стал развивать эту тему, а сделал приглашающий жест, намекая на то, что хочет получить немного удовольствия в качестве компенсации. Цзян и сам был не прочь занять рот чем-нибудь, пока еще чего-нибудь не наговорил. Однако не успел.

– Блядь, Лань, что Вы за… – выругался он, ощутив, что слегка натянул веревку, которую Хавьер приспособил в качестве поводка.

Он бы с величайшим удовольствием высказал все, что думает по этому поводу, но Лань запустил пальцы ему в волосы и легко заткнул, надавив на затылок. От неожиданности Чейз едва не подавился и снова заерзал, приноравливаясь. Ошейник немного давил, но ровно настолько, чтобы это чувствовалось, а не причиняло реальный дискомфорт. Расчетливый…

Как бы это ни бесило, Лань контролировал буквально все, не давая забыть, что это его трахают в рот, а не он делает любовнику минет. Именно Хавьер решал, как глубоко хочет войти, а он со связанными руками даже упереться толком не мог. Безумие какое-то… Почему его бросало в жар каждый раз, когда Лань пробовал продвинуться дальше, надавливая на напряженный язык, проверяя, достаточно ли Чейз привык к этому? Накатывавшее волнами собственное возбуждение и невозможность хоть как-то унять его ничуть не способствовали контролю над ситуацией.

Разве его не вывернет, если так будет продолжаться? Чейз зажмурился, и фабрикант немедленно подался назад, освободив ему рот. Решил, что причинил боль? Цзян проглотил набежавшую слюну и сам подался вперед, сильнее натягивая сраную веревку. Он хотел показать, как сильно хочет Хавьера. Пускай так, пускай берет его в рот, пусть делает с ним все, что захочет, только бы это подталкивало к желанной разрядке, которую фабрикант мог оттягивать до бесконечности.

Он прикрыл глаза, полностью доверяясь уверенным движениям направляющего его любовника и сосредоточился на ощущениях. Тепло и упругое давление, от которого после нескольких возвратно-поступательных движений дыхание сбилось окончательно. Он уже знал, чего Лань хочет, но все еще не был уверен, что сможет пропустить член глубоко в горло, даже если с пальцами все получалось.

Хотя что с того? Ничего же не случится, даже если у него никогда не получится. Может, будет неприятно, да и только. Чейз бросил терзаться сомнениями и снова попытался сглотнуть. С таким большим предметом во рту это оказалось невозможно. Все чего он добился – заглотил еще с полдюйма.

Хавьер отступил, давая перевести дыхание. Чейз сильнее сжал зубы, намекая, что уже теряет терпение и вообще не мешало бы дать ему хоть ненадолго закрыть рот. Фабрикант в ответ потянул его за челку, снова насаживая на член. Быстро же Цзян забыл, что все будет так, как хочет Лань… Благо было кому напомнить. Он получит долгожданную разрядку, но только тогда, когда ему будет позволено.

В следующий момент Чейз изумленно распахнул глаза, и как раз вовремя, чтобы увидеть лицо застывшего от удивления Хавьера. Кажется, он был на грани, и будь Чейз в трезвом уме, то подумал бы о том, что захлебнется, если сейчас тот не сдержится. Член начал выскальзывать наружу так же легко, как до этого погрузился в горло. Голова уже кружилась то ли от возбуждения, то ли от недостатка воздуха. Пока он еще был глубоко, Чейз воспротивился, потому что, черт его дери, не распробовал. Он завладел им целиком, Лань был внутри полностью и от одного этого сердце готово было выпрыгнуть из груди. Еще несколько осторожных движений глубоко в горле и мир разлетелся цветными брызгами.

Заботливые руки помогли лечь и промокнули мокрые ресницы. Чейза слегка потрясывало – пережитое наслаждение напоминало о себе легкими спазмами. Несмотря на неудовлетворённость, Лань выглядел довольным донельзя и немного озабоченным. Кажется, он спрашивал о самочувствии, но Чейз был не в состоянии отвечать и челюсти совершенно занемели, но испытывать раздражение по этому поводу было бы просто свинством.

Из головы вымело все мысли, когда Лань поцеловал Чейза, нисколько не смущаясь, что минуту назад трахал его в рот. Ненасытный фабрикант осыпал поцелуями его шею, грудь, даже живот. Не надо было смотреть на то, как он облизывал губы, испачкавшись в семени… Член дернулся, стало даже немного больно.

– Кажется, я забыл кое-что важное, – сказал Лань, еще раз поцеловав его в уголок губ.

– Сейчас?! – возопил Чейз и дернулся, позабыв о том, что привязан.

– Думаю, стоит хотя бы запереть дверь, – резонно заметил он. – Ты вроде не хотел огласки, верно?

Чейз испытал нездоровое любопытство. Что еще притащил с собой Лань, кроме этого замечательного ошейника, будь он неладен? Что Хавьер затевает теперь? Порку? Горячий воск? Может быть, он все-таки припас кляп или что-то еще, что можно засунуть в тело человека?

Фабрикант вышел из спальни, непонятно зачем прикрыв за собой дверь. Чейз почему-то представил, как Лань несдержанно дрочит себе, прислонившись к стене в коридоре. Увидеть бы его лицо в этот момент. Прикушенную губу, слегка нахмуренные брови… Стало тихо. И в этой тишине отчетливо хлопнула входная дверь. Детектива прошиб холодный пот. Он пропал! Хавьер оставит Чейза здесь, в таком виде, одного, захлёбываться бессильным возмущением до утра?! И когда его найдёт миссис Флай…

Примечание к части

https://pin.it/7xv39hc

Часть 120

Прошло несколько минут. Этого времени более чем хватило, чтобы отойти от потрясения, повозиться на кровати, тщетно пытаясь выкрутиться, и осознать всю безнадежность своего положения. Когда дверь спальни открылась, детектив непроизвольно дернулся, хоть и понимал, что это не могла быть миссис Флай.

На пороге появился Лань, и Чейз не знал, радоваться ему или беситься. Этот всезнающий высокомерный фабрикант был просто невыносим! Он ходил прихорашиваться, что ли? Волосы аккуратно заплетены, одежда одернута и расправлена, наверняка еще и умылся.

Чейз зарычал. Все-то он контролирует и знает заранее! Видеть его, несущего поднос с графином и стаканами, было странно. Он ловко прикрыл дверь ногой и принялся переставлять предметы на прикроватную тумбу. Сперва стаканы – два за раз, потом графин и наконец… нож.

– Не думаю, что это нам пригодится, – Лань, вероятно, перехватил его взгляд. – Но лучше пусть будет под рукой.

– Что это были за выкрутасы с дверью? – Чейз все еще не мог справиться с негодованием.

– Мне показалось, что нас снова решил навестить мистер Браун, – он пожал плечами. – Я собирался попросить его уладить возможные разногласия с твоей бдительной соседкой, только и всего.

– Какого хера?.. – зашипел Чейз, но вспомнил, что в любом случае собирался отсюда съезжать.

Оказалось, в грядущих переменах могло найтись и кое-что хорошее. Взять, например, вдову Хьюз. Он ведь никогда больше не увидит ее жабью физиономию с вечно поджатыми губами и этой мерзкой родинкой около носа.

– Думаешь, сможешь молчать? – невинно уточнил Лань, наполняя один из стаканов. Ответить было нечего. – Ты наверняка хочешь пить.

И тут он попал в точку – пить хотелось зверски, но Цзян определенно не одобрял методы Хавьера. Знал он, как тот может его напоить! В прошлый раз это было… слишком. Наверное, Хавьер и сам это понимал, поэтому опустился на кровать рядом и осторожно поднес стакан к его лицу, но не слишком близко. Чейз заколебался, как лучше поступить. Он мог примериться и попробовать отпить немного воды, но неловко будет принимать ее вот так – из рук Ланя. Что тогда? Солгать, будто бы не хочет воды? Когда в таком случае он сможет напиться?

Все-таки жажда пересилила и он осторожно коснулся губами края стакана. Лань медленно наклонил его, с непонятным выражением наблюдая, как он пьет. Что такого интересного он в этом нашел? Чейз хмуро глянул на него в ответ, прикидывая, как Хавьер отреагирует, если попробовать то же самое с ним? Щеки при этой мысли предательски потеплели. Лань был таким человеком, с которым даже кажущиеся невинными действия сами собой превращались в какое-то непотребство.

Последний глоток Чейз задержал во рту, пока фабрикант ставил стакан на стол. Стало намного лучше. И хорошо, что Хавьер никуда не ушел. Дело даже не в веревке и не в угрозе подмочить репутацию перед экономкой. Дело в Лане. Несмотря на недавнюю разрядку, его снова влекло к этому человеку, хотелось целоваться и чувствовать его руки, то ласкающие, а то вдруг тянущие за ошейник. Фабрикант будто почувствовал, что он желает близости не меньше, и грубовато повалил Чейза на кровать, нетерпеливо стаскивая штаны, чтобы затем, когда Цзян не будет этого ожидать, пребольно впиться зубами в бедро с внутренней стороны.

И снова Лань оказался прав. Наверняка его вопль слышали все соседи: и внизу, и за стенкой. А может, и кто из случайных прохожих на улице. След отчетливо пропечатался на коже и вскоре расцветет полноцветным живописным синяком.

– Что Вы творите, Лань?! – зашипел он, дергая ногой. Боль не унималась. – Хорошо, если старая ведьма решит, что я пришиб палец молотком.

Тот прижал палец к губам и затем слегка коснулся места укуса. Цзян невольно вздрогнул от прикосновения, хотя это как раз было не больно. Чейз на всякий случай умолк, прислушиваясь, – в дверь не ломились… по крайней мере, пока.

– Не смог удержаться, – повинился фабрикант, явно удовлетворенный тем, как легко получилось обвести его вокруг пальца. Да и своим художеством, надо думать, тоже. – Я так тебя хочу, Чейз... Как думаешь, твоя соседка ведь не вызовет полицию?

За ней такого грешка не водилось. Все в доме знали, где до сегодняшнего дня работал мистер Цзян, и были проинформированы, что он сам в состоянии вызвать подкрепление, если в нем реально возникнет надобность. А если нет – то и нечего беспокоить служителей закона по пустякам. И прежде чем Чейз решил, стоит ли выдавать столь ценную информацию, Лань по обыкновению несдержанно накинулся на него с поцелуями.

Умел же он заставить забыть об остатках репутации, и без того изрядно подпорченной собственными выходками детектива и фамилией экономки. И даже о том, что в скором времени предстоит выслушать исчерпывающий список своих пороков и ответить за некоторые из них. Одного Цзян не потерпит – если в их перечень будет включен Хавьер.

Чейз обхватил Ланя ногами, показывая – и заодно убеждаясь – что они оба не прочь перейти к чему-то большему, чем просто поцелуи. Фабрикант удачно повернул голову, пытаясь отмахнуться от щекочущейся косички, и у Чейза появилась восхитительная возможность вгрызться ему в шею в отместку за синяк на ноге и за понимающие взгляды Женевьевы, которые он по гроб жизни не забудет. Пусть теперь Хавьер носит шейный платок и поднимает воротник, ссылаясь на коварные сквозняки.

– Накажу, – хрипло выдохнул Лань, тем не менее, следуя желанию Чейза стать ближе, потому что оно совпадало с его собственным.

– И как же? – откровенно нарываясь, спросил Чейз. – Может быть, выебете?

– Как тут откажешь, когда так откровенно предлагают? – усмехнулся Лань, и на мгновение в хрустальной глубине его глаз мелькнуло что-то такое, от чего у Чейза создалось впечатление, что его возьмут прямо сейчас, не заморачиваясь подготовкой.

И лучше бы так оно и было, потому что Хавьер вознамерился добиться, чтобы весь дом услышал, в какой бордель превратилась квартира полицейского. Чейз упрямо стискивал зубы и выгибался от каждого прикосновения – не важно, внутри или к члену – и едва сдерживался, чтобы не заскулить от нетерпения. Лань хотел заставить его просить об этом? И очень горячо. Хотя сам не меньше жаждал наконец войти.

– Хавьер, – начал он и задохнулся, потому что в этот самый момент фабрикант рывком насадил его на свой член.

Кажется, лейтенант понял, что чувствовали люди, которых сажали на кол, но это нисколько не отрезвило. Все тело мелко подрагивало от напряжения. Сквозь шум в ушах до него будто издалека донесся голос любовника:

– Слишком тесно! – это не было похоже на заботу. Скорее он опасался, что просто не удержится и все закончится слишком быстро.

Как бы то ни было, Хавьер был прав, когда остановился, давая притерпеться, но вожделение уже навалилось на них обоих темной волной. И кажется, Чейз окончательно лишился остатков здравого смысла.

– Глубже! – потребовал он, словно было ни капли не больно. – Вставьте его полностью, черт Вас раздери.

– Огрызаешься? – Хавьер раздвинул его бедра шире, чтобы войти ещё глубже.

Чейз схватил ртом воздух. А потом Лань снова потянул за ошейник так, чтобы он наверняка не смог ответить. Из горла вырвался хрип. Первое же движение внутри свело тело новой судорогой, выгибая до хруста. Фабрикант опять остановился и терпеливо дождался, когда Чейз сфокусирует на нем взгляд.

– Хочешь все сделать сам? – спросил он и медленно подался назад, так, чтобы можно было прочувствовать, как внутри становится пусто, как хочется, чтобы Лань загнал член обратно и больше не смел вынимать.

Чейз проклял свой длинный язык. Ведь сам когда-то ляпнул, что воображает Хавьера со скованными за спиной руками верхом на своем члене. Конечно же, Лань запомнил его слова, чтобы потом обернуть против него, и при удобной возможности воплотил фантазию в реальность, поставив все с ног на голову.

– В тот день, когда я увидел тебя верхом на Серафиме… – признался он, – знаешь, я не мог думать ни о чем другом…

– На дорогу бы лучше смотрели! – рявкнул Чейз, неловко приподнимаясь.

– Я хочу смотреть на тебя, – возразил Лань, помогая ему сесть.

Чейз подвернул под себя ногу – из такого положения было удобнее встать на колени. Именно этого ждал от него Хавьер. Радовало одно: если он все понял правильно, это будет похоже на то, что они творили на кухне, перед тем как разломали старый стол. Значит, он хотя бы не увидит, как Лань будет наслаждаться так понравившимся ему зрелищем.

– Вы за это ответите, Лань, – пригрозил он, никак не ожидая, что тот легко согласится на любые его условия.

– Я отвечу за что угодно, – проникновенным голосом пообещал фабрикант. – Но только перед тобой.

Чейзу сделалось жарко. Только что Хавьер подарил ему желание – буквально! – не устанавливая никаких ограничений. Что за человек может вот так с легкостью вверить себя другому? Пусть тот и любит без памяти. Перед Чейзом встала непосильная в таком возбужденном состоянии задача: как не прельститься ощущением собственной власти и в то же время банально не просрать желание. Лань ведь и так весьма раскован и изобретателен в отношении постельных утех…

Пользуясь тем, что от него не требовалось немедленного ответа, Цзян неопределенно хмыкнул, сделав вид, что так и надо. Он хотел хорошо все взвесить, желательно в более спокойной обстановке… которая ему явно не светит.

– Иди сюда, Чейз, – явно стараясь произвести впечатление, Лань одним движением распустил какую-то веревочную петлю, так что теперь поводок оказался в его руке.

Не стоило рассчитывать, что это даст Чейзу больше свободы, разве что слабенькую надежду, что кровать в этот раз не пострадает. Тронутый такой заботой, Цзян осторожно переместился ближе к любовнику. Тот подстраховал его, помогая устроиться – без опоры было странно и неудобно, о чем Хавьер был явно осведомлен, иначе зачем бы он стал натягивать чертову веревку, вынуждая держать спину ровно.

– Приподнимись, – потребовал он, чтобы галантно придержать для него член. Цзян почувствовал, как головка скользнула между ягодиц. – Теперь медленно вниз.

– Проклятье, – с чувством выругался он. – Лань, закройте рот.

– Отсюда такой потрясающий вид, – поделился тот. – Разве я могу молчать?

Он даже не выпустил веревку, чтобы задрать на нем рубашку и мундир. А еще спустить их с плеч к веревочным петлям. После этого форма будет иметь такой вид, будто ее корова жевала. Какая, впрочем, разница? Чейз все равно не остановится и не потому, что так желает Лань, а потому он сам хочет почувствовать, что ближе невозможно. И еще потому, что Хавьер не прекратит говорить вещи, от которых Чейз не знает, куда деваться, если не довести его до невыносимо возбужденного состояния, когда уже невозможно думать о чем-то отвлеченном.

Он боялся, что Лань прикажет ему сидеть спокойно и, не двигаясь, сносить неспешные ласки, когда любое прикосновение к члену обжигает. Однако бояться нужно было другого – требования двигаться. Без опоры, с прямой спиной… до тех пор, пока он был в силах держать равновесие. Но и потом, когда он, задыхаясь, уткнулся лицом в покрывало, тщетно пытаясь избавиться от липнущей к лицу челки, шанса отдохнуть не представилось.

Детективу и так приходилось прикладывать усилия, чтобы не отключиться от усталости, а Лань даже не подумал развязать затекшие в неудобном положении руки. Вместо этого он снова накинулся на Чейза, не дав даже отдышаться. Впору было выругаться, причем на пушту, но Цзян только и смог, что сдавленно застонать. Его любовник забыл о всякой сдержанности и вбивался в него, придерживая за предательски дрожащие бедра.

Дальше все смешалось и потонуло в экстатическом удовольствии. Комната плыла, словно у него начался жар. Детектив захлёбывался стонами, цепляясь остатками сознания за голос любовника и его прикосновения. Он уже сбился со счета: сколько прошло времени с тех пор, как они перебрались в спальню, и сколько уже раз Хавьер заставил его кончить. Да что там – он забыл, где вообще находится и кто может его сейчас слышать. Наслаждение не отпускало, из ярких ощущения сделались чересчур сильными, почти болезненными. Чейзу казалось, что он вот-вот самым постыдным образом лишится чувств… и что даже это не остановит Ланя.
***
Сознание возвращалось медленно, неохотно. После узлов, которые сплел этот паук, он едва мог шевелиться, руки не слушались.

Скрипнула дверь – именно этот звук выдернул его из забытья – а теперь к нему приблизились шаги Хавьера. Фабрикант подошёл, мягко опустился на край кровати и бережно взял его руку в свои. Он сыто улыбался, поглаживая тыльную сторону его ладони, но избегая прикасаться к костяшкам.

– Хавьер… – Цзян не узнал в сдавленном хрипе свой голос.

– С мистером Брауном я уже разобрался, – сказал Лань. – Об этом можешь не волноваться.

Чейз воззрился на Хавьера. Такой благородный… Никто – невзирая даже на отчетливый запах секса – не заподозрит такого джентльмена в том, например, что он жёстко отымел другого мужчину. Но консьерж! До чего они там договорились? Цзян попытался приподняться и охнул от пронзившей все тело боли.

– Полежи еще немного, – попросил Лань, явно испытывая угрызения совести. – И постарайся поменьше разговаривать.

– Мне нужно… – снова попробовал Чейз, примерно с тем же успехом.

– Теплое молоко с медом? – предположил фабрикант, отчего тот сморщился. – Тогда, может быть, ты попозже сваришь масалу?

Видит тот, кого не существует, он хотел прямо сейчас рассказать Ланю обо всем, о чем не успел раньше. О находке Жэнни. О Тине Гросс и ее родственниках, которых придется разыскать. О предстоящем переезде в новый дом и необходимости представить сына сестре, родителям, Чаттерам и… много еще кому. О том, что, в конце-то концов, необходимо дать Энтони свою фамилию и чем скорее, тем лучше. Вместо этого он подумал о просьбе Хавьера и о подаренном им желании.

– Ваш кабинет, – сказал Цзян все еще сипло, но четче. – Вы и Ваш нефритовый жезл. В кресле.

Эпилог

Оказалось, при всех недостатках художника из него вышла нянька ничуть не хуже, чем из миссис Флай, в чем Чейзу за последние недели уже не раз пришлось убедиться из-за чудовищной занятости. Но только живописцу пришло в голову научить Тони бросать игрушку коту. И что самое странное, Саймон охотно приносил изрядно растерзанную вещицу и прямо как щенок отдавал ребенку, сидящему на большом, выпирающем из земли, горбатом корне под яблоней. Юный Энтони Цзян – теперь стараниями Санфорда он носил фамилию официально – был так увлечен этой нехитрой забавой, что упустил из виду возвращение отца. Зато Ангел, несказанно обрадованный появлением хозяина, немедленно поднес ему свою палочку, положил к ногам и принялся заинтересованно обнюхивать руки и одежду. От него было не скрыть, чем Чейз занимался последний час. Остальные, кроме Тони, тоже догадывались, однако, на удивление, относились к этому как к какому-нибудь природному явлению вроде извечных лондонских туманов.

– Дядя Чейз, – юноша, сидевший прямо на пороге беседки, нетерпеливо вскочил на ноги, но было очень заметно: он ожидал, что Цзян придет не один.

Бывший полицейский снова слегка вздрогнул от такого обращения – к нему невозможно было привыкнуть, что бы там ни говорил Лань. Потом мысли возвратились к тому, что совсем недавно происходило за закрытыми дверями кабинета Хавьера. А реально подумать нужно было о том, чтобы в качестве извинений за испачканные волосы заказать большую стеклянную ширму, такую, чтобы сошла за эксцентричное украшение для интерьера. На эту мысль его натолкнула витрина, которую описывала Мелисса, рассказывая о том, как все устроено в «У подножья горы».

Терьер заскулил, привлекая к себе внимание витающего в облаках Чейза. Майкл сразу догадался, что тот жалуется на глупых людей, которые не захотели поиграть с бедным псом, по их милости изнывавшим от скуки, и виновато развел руками.

– Мы не знали, можно ли Ангелу тоже побегать за палочкой, – попытался оправдаться Майкл. – А он решил, что мы не хотим с ним играть.

– Ему не повредит немного размяться, – Цзян забрал игрушку, машинально проверив, не появилось ли на мягкой древесине заноз, и бросил, но не слишком далеко, – Ангел уже достаточно хорошо себя чувствует.

Подтверждая его слова, терьер сорвался с места, схватил деревяшку и степенно понес хозяину. Тот указал псу на Майкла, но Ангел предложение проигнорировал, всем видом показывая, что не хочет играть с вредным мальчишкой. Пришлось занять место юноши на пороге беседки.

– Вы с сыном хорошо смотритесь, мистер Цзян! – не удержался от комментария Вэйд, выуживая из-за спины альбом. И к этой дурацкой привычке все подряд рисовать тоже было сложно притерпеться…

– Хавьер сказал, Вы сегодня приобрели билеты, Честер, – спросил он в надежде спастись от общения с болтливым художником.

– Мгм, – кратко ответил тот, предоставляя Вэйду возможность вылить на невольного слушателя все подробности не только касательно покупки билетов, но и маршрута предстоящей поездки в целом.

Как человек может столько говорить?! А присутствие Честера лишало шанса заткнуть этот фонтан красноречия… И где Хавьер, когда он нужен?! Наверняка еще в ванной. Значит, придется выкручиваться самому.

– Выходит, вы вернетесь только в конце осени? – спросил лейтенант, вклинившись в речь Инна, когда тот набирал воздуха для очередного словесного залпа.

– Да, просто еще никому не говорил, – закивал он, озорно поглядывая на своего фабриканта, – что хочу отметить день рождения там же, где восемнадцатилетие.

– В Индии? – было очень забавно поймать на лице обычно сдержанного Честера все эти эмоции.

Казалось, сначала он ушам своим не поверил. И почему это предложение привело его в такой восторг? В глазах зажегся какой-то особенный живой огонек. Вэйд аж засиял от удовольствия, так ему понравилась реакция любовника.

– Почему Вас это интересует, мистер Цзян? – несколько рассеянно спросил Инн, не сводя при этом глаз с Честера. Была надежда, что он перевернет страницу альбома и примется за портрет, но этого не случилось.

– Я хотел кое-что попробовать, – терпеливо объяснил Чейз. – Думаю, я мог бы заезжать сюда каждый день перед ужином, чтобы Вы могли отрабатывать с Ангелом команды: ко мне и рядом, лапу, голос.

Он специально выбрал те, которые предполагали физический контакт, и, конечно, лай, все еще сильно беспокоивший нервного живописца. Все это точно отвратит Зика от дальнейшего поддержания разговора. Ангел принес игрушку, положил к ногам детектива и даже подпихнул носом, но тот только потрепал его за ушами. Пес немного запыхался, стоило взять перерыв.

– Почему перед? – недовольно спросил Вэйд, слегка поежившись и придвинувшись ближе к Ланю.

– Это – одно из правил дрессуры, – Чейз проигнорировал неодобрительный взгляд Честера. – За хорошо выполненное упражнение полагается поощрение.
***
– Это – порнография! – гремел на весь сад голос Чейза. – Я это конфискую!

– Вы больше не полицейский, мистер Цзян, – не преминул напомнить художник.

– Отдайте немедленно! – еще больше повысил голос задетый за живое бывший инспектор.

Похоже, Хавьер пришел как раз вовремя, чтобы остудить пыл любимого. Если в конфликт придется вмешаться Честеру, выйдет очередная ссора. А ведь их отношения только-только стали выравниваться.

– И где вы нашли непотребство, мистер Цзян? – спорил Вэйд, явно сознавая собственную безнаказанность. – Вы же просто играли с псом…

– А выглядит так, будто с чем-то другим! – перебил его Чейз.

Честер в этот балаган благоразумно не вмешивался. Тоже чувствовал, что конфликт не слишком серьезен? Хавьеру было любопытно, чем все закончится, но еще больше его интересовало, что нарисовал Вэйд, пока он приводил себя в порядок и вертелся перед зеркалом, решая, что надеть. Выбор фабриканта пал на светло-коричневый сюртук с выделяющимися замшевыми нашивками на рукавах, служащих исключительно декоративным целям.

Майкл обрадовался его приходу, он наверняка переживал, что спорщики могут испортить ожидающий перед домом сюрприз. Тони в план посвящен не был, но уже шмыгал носом, прикидывая, не зареветь ли. Еще раз подивившись внешнему сходству, Хавьер успокоил маленькую копию своего любовника, растрепав мягкие светлые кудряшки:

– Мистер Инн дразнится, а твой папа просто хочет немного пошуметь, – объяснил он, присев. – Ты ведь слышишь, что они не всерьез?

Мальчишка раздумал плакать и закивал, чтобы не разочаровывать названого дядюшку. Какие могут быть слезы, когда его так серьезно просят пойти с Майклом и помочь ему? Даже если помощь заключается в том, чтобы посидеть в седле одной из лошадей, которую поведут в поводу.

– Не могу дождаться, – Майкл заулыбался, предвкушая реакцию Чейза на подарок. И в который раз спросил, понравится ли ему Темпи.

– Вот сейчас и увидим, – предположил Хавьер, хотя на самом деле ни секунды не сомневался. Сказав это, он направился к беседке, где все еще говорили на повышенных тонах. – Господа! Я мог бы разрешить ваш спор, только позвольте взглянуть на его предмет.

– Нет, не показывайте это никому! – воспротивился Чейз, теперь заслоняя собой загнанного до этого в угол художника.

– Что же там такое, что даже мне нельзя взглянуть, Чейз? – Хавьер знал, как действуют на бывшего инспектора подобные увещевания… если сказаны именно таким тоном.

Мужчина ненадолго застыл, как под гипнозом, что позволило Хавьеру обогнуть его. Однако Чейзу хватило проворства, чтобы увести альбом с так заинтересовавшим Хавьера рисунком прямо у него из-под носа.

– Клянусь, я рисовал только руки, – заверил Инн, интригуя еще больше. – И этот собачий снаряд, похожий на кусок черенка для лопаты. Разве это противозаконно?

– Как любопытно… – он попробовал, но не сумел выдернуть альбом из рук Чейза.

– Нет там ничего любопытного! – Цзян не отпускал. Вцепился в обложку до побелевших костяшек. – Этот хуевёрт там такого понарисовал!

Ему все ещё тяжело давался отказ от привычного способа выражения мыслей, но было заметно, что Чейз старается, и это даже умиляло. Замечание Честера относительно бранных слов никто не заметил. Впрочем, тот не слишком настаивал на соблюдении чистоты речи, потому что рядом не было дам, которые могли услышать неприличные выражения, и детей, которые могли их запомнить.

– Я ведь все равно посмотрю, – стоял на своем Лань.

– Ни за что! Вы не посмеете! – дальнейшие его возмущения перешли в неразборчивое мычание, когда Хавьер поцеловал его, накрутив для надежности галстук на кулак.

Пальцы мужчины разжались, и фабрикант завладел желанным альбомом. А еще проник языком в рот и краем глаза заметил живейший интерес, с которым за ними наблюдал один из зрителей. Хавьер не удивился бы, услышав от него просьбу отдать альбом и повторить все еще раз, но медленно и обстоятельно, чтобы художник не только успел перенести увиденное на бумагу, но и просто полюбовался.

– Хавьер, сейчас не совсем подходящий момент, – брат немного смутился. – Майкл вот-вот вернется.

– Но я же успею взглянуть? – он потянул за лясе, открывая страницу с наброском. Чейз не смог этому воспрепятствовать. – И правда, тут только руки и то, что ты держишь в них, Чейз.

– Лань! – попытался усовестить его любовник, а потом совсем другим тоном спросил: – А что здесь делает Темпестас?

– Ты же только мельком взглянул в окно, – удивился Хавьер, поглаживая рисунок кончиками пальцев.

Чейз демонстративно в альбом не смотрел, всем видом показывая, что даже представлять не хочет, о чем он думает. Вейд нахмурился, поняв, что их подарок обнаружили раньше времени.

– Думаете, я забуду встречу с Вами в парке? – уточнил Чейз, снова сбившись и перейдя на Вы, от которого с таким трудом отделался. – Я тогда еще принял ее за жеребца. Потом мистер Сэмпсон дал мне посмотреть со всех сторон и даже хвост этой бестии придержал.

Он прикусил язык, заметив, как Хавьер прищурился. Вэйд нервно заерзал, это ведь с его легкой руки кобылу собирались преподнести в качестве подарка. За Майклом следовал Картрайд, ведя в поводу двух серых лошадей – сестры-погодки Муфта и Фемида тоже принадлежали мистеру Сэмпсону. Уотсону достались их родители – Муза и норовистый гнедой Фарт, характер которого ничуть не исправила кастрация. Хавьер питал к нему такую же слабость, как к Темпи. Дворецкий ежесекундно следил, как бы конь не выкинул какой-нибудь фокус, но даже он проникся торжественностью момента.

Последнего жеребца вел лично хозяин конюшни. Золотисто-буланый норвежский фьорд по кличке Янтарь – истинное воплощение нордической невозмутимости и спокойствия – идеально подходил для того, чтобы безбоязненно посадить в седло ребенка или даже двух. Тони сидел, крепко ухватившись за луку седла, и очень внимательно слушал наставления хозяина Янтаря.

Сегодня, как и условились, с ним поедет Картрайд, а потом… Хавьер уже договорился о том, чтобы всерьез заняться обучением Тони и подыскать жеребца для Темпи, чтобы через несколько лет мальчик мог сам начать приучать ее жеребенка к седлу. По уверениям мистера Сэмпсона – очень удобно, когда лошадь растет вместе со своим всадником. Особенно, если тот однажды станет таким же видным мужчиной, как его отец.

– Дядя Чейз! – позвал Майкл, подводя кобылу ближе. – Только посмотрите на нее! Правда, красавица?

Хавьер поблагодарил Уотсона и принял поводья. Почуяв знакомую твердую руку, Фарт перестал приплясывать и прижал уши. Цзян немного растерянно кивнул. Кобыла, по словам владельца конюшни, понравилась ему еще во время обыска.

– В среду будет месяц с тех пор, как Вы спасли мне жизнь, – сказал Майкл благодарно. – Вы скажете, что это была просто Ваша работа, но Вы столько сделали для нас, что мне захотелось Вас отблагодарить. И дяде, и мистеру Инну.

– Вы тоже в этом участвовали, Лань? – недоверчиво взглянув сначала на лошадь, потом на Хавьера, спросил Чейз и взял у юноши поводья. Кобыла застригла ушами и пожевала трензель, переступая с ноги на ногу.

– Мне кажется, она очень тебе подходит, – ответил Хавьер, уже сидя верхом, и ободряюще улыбнулся. – Ну же, Чейз. Ты ведь хочешь прокатиться на своей лошади?

Прежде чем запрыгнуть в седло, Чейз пожал руку Майклу. Тот еще раз поблагодарил названого дядю и отошел, чтобы не мешать знакомству. Предосторожность оказалась нелишней, потому что Темпи решила показать свой норов, как с любым новым человеком, и взвилась на дыбы.

Хавьер ожидал чего-то подобного и слегка опасался, что Чейз проклянет все на свете, включая любовника, одобрившего такой подарок. Однако их дуэль продлилась относительно недолго и оставила пару рытвин в земле, а вовсе не вдавленного в нее горе-наездника. Был однажды случай – кобыле вздумалось поваляться, и она решила, что всадник ее желание разделяет.

– Вот это да, настоящее родео! – не удержался от восклицания Вэйд. – Последний раз я видел такое на ранчо в Америке!

Наблюдать лейтенанта верхом было отдельным удовольствием. Он точно знал, как реагировать на каждое движение лошади, мешая козлить и выделываться. Хавьер быстро перестал беспокоиться за Чейза, и залюбовался им и Темпестас. В седле мужчина держался как влитой, а задница… В костюме, сшитом на заказ, она смотрелась еще лучше. Правильно говорят, что драгоценный камень требует соответствующей оправы… Хотя больше всего Чейз ему нравился, конечно, без одежды.

– Я не могу поверить, что вы сговорились и купили ее для меня, – выдохнул Чейз, усмирив непокорное животное. Кобыла не устала, но немного запыхалась и, кажется, прониклась уважением к седоку. На сегодня, по крайней мере.

Хавьер только улыбнулся. А можно ли было сдержаться, видя, с каким чувством удовлетворения Цзян восседает на Темпи? Хоть он и не привык получать дорогие подарки, этот пришелся ему по душе. Знать бы еще, что означали эти переглядывания с Вэйдом? Как будто они и не ссорились несколькими минутами раньше.

– Почему бы нам не прокатиться для начала по городу в спокойном темпе, чтобы Тони не было тяжело? – предложил Вэйд, явно сообразив, чего от него ждут. – А в Риджентс-парке сможем устроить скачки.

– Я могу взять Ангела в седло, – вызвался Майкл, подзывая пса. – Ему понравится! Мы вернем Музу и Янтаря в стойла и, может быть, немного погуляем в парке.

Хавьер одобрил намеренье сына присматривать за Тони, хотя и не было причин не доверять это дело Картрайду. Втроем, да еще и с Ангелом, они действительно хорошо проведут время и без приключений вернутся домой. Эти мысли отвлекли фабриканта от увиденного. Может, и правда только показалось? Больше Чейз и Вэйд не пересекались взглядами. Брат завел разговор о том, что в Америке привлекло художника, а Чейз контролировал, правильно ли устроен терьер.

Маршрут всадники заранее не оговаривали, только избегали улиц с чересчур сильным движением, да пару раз меняли направление из-за того, что Вэйд заметил очередное живописное здание, на которое хотел непременно взглянуть поближе. Чейз нарочно ехал впереди, объясняя это неодолимой тягой, которую испытывает его кобыла к задницам впереди идущих животных, и был абсолютно прав, но не учел того, что Лань разделял ее пристрастья.

– Только посмотри! Этот дом построен, наверное, около века назад! – восхитился Вэйд так громко, что в указанном направлении посмотрел не только Честер, но и несколько случайных прохожих.

Хавьер тоже взглянул на здание и только теперь понял, куда они заехали. От неожиданности он осадил Фарта и обеспокоенно обвел взглядом улицу, как будто его могли тут поджидать. Вернее, не его, а Холли.

– Я не хочу ехать здесь, – сказал он, понимая, как звучит сейчас голос.

– Давайте вернемся и проедем по соседней улице? – предложил Честер, однако в этот раз Вэйд почему-то не поддержал его.

Пока он объяснял, что возвращаться нет никакого смысла, Чейз повернул кобылу и подъехал вплотную к Хавьеру, которому сейчас хотелось одного: просто убраться отсюда как можно дальше.

– Ну-ну, Лань, даже Тони не боится, – сказал он, кивнув на сына, ручонку которого Картрайд как раз отцеплял от гривы Янтаря.

– Чейз... – пробормотал фабрикант, не зная, как бы намекнуть, что такое утешение звучит странно. При чем тут Тони?

– Ты разве не читал газет? – уточнил зачем-то бывший полицейский, только больше его путая.

Читал, конечно. Но бросил просматривать криминальные сводки, как только оттуда пропали упоминания об инспекторе Цзян. Однако связи этого факта с теперешней ситуацией Хавьер не улавливал. Возможно потому, что слишком нервничал из-за того, как близко оказался к месту, куда больше никогда не хотел бы возвращаться.

– Все будет хорошо, обещаю, – он положил руку Хавьеру на бедро, успокаивающе похлопал. Жаль, на людях Чейз не мог позволить себе что-то большее. Хавьер не отказался бы от объятий и пары утешительных поцелуев. – Там сейчас немного шумно, но тебе полезно будет взглянуть. Пожалуйста, Хавьер. Разве я хоть раз обманывал? Я ведь люблю тебя.

На несколько секунд Лань выпал из реальности. Признание прозвучало так просто и естественно, что ему захотелось, чтобы Чейз повторил еще раз. Хотелось убедиться, что не ослышался. И что не упал ненароком с лошади. Вдруг все это ему мерещится?

Видя, что он ни за что не решится, Чейз спешился и повел под уздцы порывающегося кусаться Фарта и смирившуюся со своей долей Темпи. Лань обреченно посмотрел вперед, мечтая, чтобы это место провалилось в геенну прямо сейчас. Вот показалась знакомая крыша, но под ней на фасаде больше не было огромной рыбьей головы. Вместо нее на страховочном тросе висел человек.

Когда всадники подъехали ближе, Николас Уэйн приветливо помахал им, явно смущенный своим видом во всех этих ременных лямках. Он и еще несколько рабочих… устанавливали часы на месте любимой статуи мадам? Охраны не было, зато всюду

работали люди с инструментами. Одни чистили лепнину на стенах здания, другие занимались обновлением парадной лестницы, ещё кто-то прямо через окно выгружал то, что осталось от отделки красной комнаты, если судить по цвету мусора, быстро наполняющего тачку.

– Знаю, сейчас здание больше напоминает выпотрошенную рыбину… – сказал Чейз, очень точно определив впечатление, которое производил Карп.

– Это все… это… ты сделал? – Хавьер не мог отвести взгляд от уродливой головы усатой каменной рыбы, валяющейся в груде непознаваемого мусора.

– И я, и Жэнни, и ребята из участка, а еще мой… – начал перечислять Чейз.

– Дедушка! – радостно взвизгнул Тони, когда мистер Цзян показался в парадных дверях.

Картрайду пришло спрыгнуть с Янтаря и посадить мальчонку на плечи, чтобы безопасно доставить к любимому родственнику. Хотя Тони ведь еще не познакомился с тетушкой…

– Я, должно быть, сплю, – признался Хавьер, спустившись на землю, чтобы и правда ненароком не свалиться. Фарт тут же полез проверять его карманы, но там вместо угощения было кое-что, для коня не предназначенное. – Это просто невероятно!

Столько людей трудились над тем, чтобы худший ночной кошмар Хавьера навсегда канул в прошлом. Просто уму непостижимо! После стольких лет полиция, наконец, распутала этот преступный клубок и вывела Роуз на чистую воду? Теперь ее детище ушло с молотка, чтобы полностью преобразиться. Разве так бывает в реальной жизни?

– Отец сказал, что тут очень много работы, но мы можем рассчитывать на то, что в день вашего с братом рождения первыми увидим основную экспозицию новой картинной галереи и персональную выставку некоего Иезекииля Вэя, – он нарочно говорил о Вэйде в третьем лице. – Мне кажется, это станет отличным подарком.

Художник, посвященный в эту историю, наверное, с момента аукциона, скромно потупился и предложил пока привязать животных у ограды, раз они хотят устроить небольшую экскурсию по будущей галерее. Чейз не ошибся, Хавьеру было жизненно необходимо своими глазами убедиться, что от прошлого остались только отголоски в голове.

– Это и правда лучший подарок, что я когда-либо получал, – голос против воли упал до шепота, когда Хавьер вложил в руку лейтенанта небольшую, отделанную шелком коробочку. – Но теперь я тоже хочу показать, как сильно люблю тебя, Чейз.

Их как раз удачно заслонил круп заупрямившегося Фарта, так что, кроме Вэйда, никто не мог подглядеть, что внутри на подушечке лежал серебряный перстень, не идентичный, но похожий на тот, что Цзян наказал носить не снимая. На прямоугольной печатке были оттеснены увлекаемые ветром облака, кажущиеся почти живыми, – изменчивыми и подвижными. Чейз позволил Хавьеру надеть печатку и тут же вспыхнул, осознав, что кольцо пришлось как раз на безымянный палец.

Примечание к части

https://pin.it/6HSoeYR Фарт
https://pin.it/2weUz9D Муза, Фемида, Муфта
https://pin.it/72mGB3e Янтарь
https://pin.it/46LDbfm Темпестас

Экстра 2 С приходом тепла

Весна выдалась на редкость дождливой и промозглой даже для Англии. Только с наступлением лета сквозь пелену туч наконец проглянуло солнце и реки вернулись в свои берега. С одной стороны, долгожданное тепло не могло не радовать, а с другой… Стюарт и Чейз уже предвидели, что скоро заскучают по вынужденному затишью. Именно поэтому Хавьеру не составило ни малейшего труда уговорить любовника провести возможно последний свободный уикэнд с ним на ферме. Не потребовался даже припасенный на всякий случай аргумент, что Тони, как и любой ребенок в его возрасте, будет в полном восторге от такого представления, как стрижка овец. Родители уверились, что наконец установилась сухая погода, и со дня на день готовились приступить к этому увлекательному процессу.

Чего Хавьер никак не ожидал, так это того, как сам Цзян вдохновится увиденным. Воскресным утром он тихо выскользнул сначала из-под одеяла, а после и из комнаты. Заинтригованный таким поведением любовника, Хавьер выждал немного и, наскоро одевшись, отправился за ним, теряясь в догадках.

Может быть, Чейза разбудил Ангел и тот решил вывести его на прогулку? Фабрикант вышел из дома и почти сразу услышал командный голос бывшего полицейского.

– Ангел, ко мне! – требовал он, не догадываясь, что Лань идет на его голос. – Да хватит бегать! Мы же еще даже не начали! Чем раньше ты уймешься, тем быстрее все закончится! Зачем, по-твоему, я подхватился в такую рань?

Утро было изумительным! Солнце только-только подсушило росу, иногда налетал ласковый ветерок. Вчера ошалевший от простора терьер не успел набегаться вволю и теперь носился по загону для лошадей вокруг хозяина, игриво припадая к земле. Упущенный поводок волочился следом и никак не давался в руки.

– Чейз, не издевайся над собакой, – попросил фабрикант, облокотившись на ограду, хотя не было похоже, что Ангел так уж от этого страдал.

– Разуй глаза, Хавьер! – вызверился тот, щелкая в воздухе ножницами, которые, похоже, позаимствовал из корзинки для шитья. – Это не собака, а пугало огородное! Любой баран на вашей ферме выглядит приличнее!

Чейз, начиная с середины весны, жаловался, что Ангел с этой погодой ходит совершенно заросший. А вот пса положение дел, похоже, более чем устраивало и расставаться с шубкой он не спешил. Или же все дело было в парикмахере?

– Чейз, – Хавьер поманил его к себе и этот невинный жест был понят… не совсем правильно. Хотя, конечно, с какой стороны посмотреть.

– Прямо здесь? – Цзян забавно оглянулся, будто из кустов в любой момент мог кто-нибудь выскочить.

Но он все-таки подошёл к изгороди и несмело накрыл руку Хавьера своей, не подозревая, как тому нравится видеть его смущенным. Бывший детектив еще немного поколебался, а потом поцеловал. Простое касание губами губ, почти целомудренное, разительно отличалось от того, как он вел себя ночью в одной из хозяйственных построек далеко от посторонних глаз и ушей. Ангел заинтересовался и пролез под нижней жердью забора, чтобы тоже поздороваться по-своему, сунувшись мокрым носом в ладонь.

– Доброе утро, – улыбнулся Чейзу фабрикант, без особого труда поймав пса за ошейник. – Приятно, что ты так рад меня видеть, но на самом деле мне хотелось кое с кем тебя познакомить.

– Нет, только посмотрите на него, – немедленно заворчал Цзян, по укоренившейся за годы прячась за напускным гневом. – Тебе в руки он, значит, дается. А мне, значит, выслушивать от этого новичка, что у меня стожок на ножках. Интересно, а кто тогда у него? Крыса помоечная…

Слушая знакомую песню об одном негодном детективе, Лань направился прямиком к сараю, где ожидал застать мальчишку, что понемногу подрабатывал везде и всюду и старался больше взрослых, чтобы заслужить небольшое поощрение. Если Хавьер хоть немного его знал, тот должен был прийти пораньше и проверить инструменты, чтобы второй день прошел так же продуктивно, как и первый.

Лань почти не ошибся. При виде сына хозяев фермы парнишка переполошился, поняв, что его застали не за работой, а подкрепляющимся сэндвичем с яйцом. Чтобы как-то исправить положение, он разом запихнул остатки улики в рот, так что поприветствовал их крайне невнятно. Зато искренне.

– Чейз, это – Салли, – Хавьер сделал вид, что ничего не заметил, и как ни в чем не бывало порекомендовал его: – По-моему, он научился стричь овец раньше, чем ходить.

– Салли это в честь бабули, – мальчишка проглотил и щербато улыбнулся. – Все думали: уж на этот раз родится девчонка! Ага!

– Ангел – не баран, – на всякий случай напомнил Цзян, с сомнением посмотрев на любовника.

– Да хоть лысый черт, – хихикнул мальчуган. – Если он полежит спокойно несколько минут.

Чейз посмотрел на юного стригаля крайне скептически. Даже после увиденного накануне он сомневался в успехе предприятия. Не говоря об озвученных сроках. Только что он больше времени потратил на игру в догонялки. С такими успехами можно было стричь терьера хоть целый день и не добиться желаемого результата. Кажется, он и сам это понимал.

– Ну, хуже-то не будет? – Цзян недоверчиво хмыкнул.

Ангел обнюхал стригаля, слизнул у того с пальцев пару капель вытекшего из давешнего сэндвича желтка и явно остался доволен тем, как мальчишка принялся трепать его отросшую шерсть. Он даже перевернулся на спину, подставляя живот. Вот тогда-то и замелькали ножницы. Так быстро и ловко, что за ними было сложно уследить.

– Свой, – запоздало скомандовал Чейз. – Только не отрежь что-нибудь нужное!

Предосторожности оказались лишними. Команда едва ли сработала бы, попробуй Салли действительно оскопить Ангела, но Цзян зря об этом волновался. Двигаясь от хвоста к голове по заученной до автоматизма траектории, мальчишка не причинял псу никакого дискомфорта своими действиями. Терьер под его руками, как по волшебству, становился гладким и красивым, как картинка.

– Какая воспитанная собака, – восхитился между тем стригаль. – Сроду таких не встречал.

– Это потому что Ангел служил в Скотланд-Ярде, – с неподдельной гордостью ответил Чейз, все еще немного тревожно наблюдая за ходом стрижки.

Прошли и правда считанные минуты, и Ангел, явно почувствовавший разницу между мастерством Чейза и Салли, без возражений подставил морду, позволяя освободить уши и глаза, а в качестве заключительного штриха подровнять бородку.

– Теперь он похож на джентльмена, – хихикнул Салли, погладив Ангела. – Одолжите, пожалуйста, расческу, мистер.

Чейз протянул ему инструмент, с интересом наблюдая, как и без того отличную, на его взгляд, стрижку доводят до совершенства и заодно счищают приставшие срезанные шерстинки. Лань незаметно встал к нему вплотную, касаясь плечом в знак поддержки.

– Вот бы моим братьям так же нравилось стричься, – мечтательно протянул Салли, не подозревая, что еще недавно терьер упрямился. – Думают, раз я малой, значит, постригу тяп-ляп.

– Думаю, я буду обращаться к Вам по мере надобности, молодой человек, – решил Цзян. – Ангелу Вы понравились.

Судя по тому, как щедро были вознаграждены старания стригаля, тот понравился не только терьеру, но и его хозяину, упрямо не желавшему этот факт признавать. Впрочем, паренёк и так это смекнул.

– О, спасибо, сэр, премного благодарен! – обрадовался Салли, пряча деньги. – И Вам, мистер Лань! Я могу быть еще чем-нибудь Вам полезен?

– Ты молодец, но мы, пожалуй не будем больше отвлекать тебя от работы, – улыбнулся Хавьер. – У меня тут возникла одна идея…

Не договорив, он направился к дому, обдумывая и взвешивая ее. Ангел оббежал мужчин кругом и повалился на траву, катаясь с боку на бок. Должно быть, он таким образом привыкал к новой причёске. Стоило пройти мимо, как пёс в последний раз дрыгнул лапами в воздухе и снова обогнал их.

– Знаешь, Чейз, – начал Хавьер, с улыбкой наблюдая за резвящейся собакой, – сэндвич нашего юного друга навёл меня на мысли о небольшом пикнике. Позавтракаем на природе? Нужно только взять корзину.

На лице Чейза возникло мечтательное выражение. Что он вспомнил? Явно ведь что-то хорошее. Приятное совместное воспоминание или может что-нибудь из детства? С тех времен, когда все Цзян проводили время вместе в маленьком летнем домике.

– Только ты, я и, может быть, Ангел, – добавил Лань, прикидывая, чем лучше соблазнить любовника. – Я бы проверил лодочный сарай на озере…

– Что Вы за человек, Лань? – Чейз по старой привычке откинул челку, хотя та и не должна была лезть в глаза.

– А что я такого сказал? – притворно удивился Хавьер, под убийственным взглядом черных глаз вспомнивший и перевернутую лодку, и все остальное. – Поедем верхом, так что переоденься!

Он не стал говорить, что, если дорога и просохла, то у воды может быть довольно топко – Цзян мог и заупрямиться. А когда они на собственном опыте убедятся, что под ногами чавкает, поворачивать будет поздно, и придется положиться на добротные сапоги для верховой езды.
***
Казалось, Хавьер учел все… Погода из прекрасной стала просто восхитительной. Чейз вспомнил о том, что он может нарочно придерживать свою лошадь, чтобы полюбоваться чужими тылами, только на середине пути. Наконец в корзине лежала объемистая бутыль домашнего яблочного сидра, того самого, который они приготовили вместе прошлой осенью. Упустил он только одну вещь…

– Не-ет, – протянул Чейз, когда из кустов выглянула перемазанная морда. – Это не моя собака. Ангел, где ты? Ангел!

Пёс озадаченно приподнял ухо, непонимающе глядя на хозяина. Это выглядело до того уморительно, что Лань решил немного подыграть. Он тоже сделал вид, будто высматривает кого-то и даже посвистел. Терьер окончательно уверился, что его не видят, и гавкнул, пытаясь привлечь внимание.

– Ангел? Куда ты пропал? – продолжал издеваться Чейз. – Лань, это все Вы и Ваша затея утопить нас в этом болоте!

Хавьер совершенно не чувствовал угрызений совести, для этого ему было слишком весело. Чумазый терьер выглядел совершенно сбитым с толку, как будто и правда потерялся. Он прибег к последнему средству сделать так, чтобы хозяин его заметил и похвалил, – решил поделиться с ним добычей.

– Ангел, – Чейз сбился, когда терьер наклонил голову и поднял что-то с земли, – сукин ты сын, а ну выплюнь дохлятину немедленно!

Но пёс только помотал головой, еще больше помяв торчащие из пасти крылья какой-то незадачливой пичуги. Потом вприпрыжку подбежал к хозяину, чтобы тот отнял сомнительную добычу. При этом он, не переставая, вилял хвостом, радуясь, что Чейз его наконец увидел.

– Стоять, – Цзян отступил, не дав терьеру испачкать лапами его штаны. Потом все же сменил гнев на милость и слегка почесал пса в единственном месте, которое осталось относительно сухим – между ушами. – Только не смей отряхиваться!

Лань не был уверен, что Ангел знал такую команду, но своими глазами увидел, как тот потрусил вперед, чтобы не испачкать одежду хозяина. Подняв впечатляющую тучу брызг, он направился к сараю, угол которого был слегка подтоплен. А вот причал совсем скрылся под водой. На противоположном берегу деревья, которые раньше стояли у кромки воды, теперь росли прямо из нее.

– Кажется, Ангел сейчас искупается, – понял Лань, увидев утиный задок, поплавком торчащий из воды.

И действительно. Стоило селезню расплескать воду, как терьер промчался по воде как посуху и, оттолкнувшись лапами от края невидимых мостков, растянулся в длинном прыжке.

– Ангел! – успел рявкнуть Чейз до того, как пёс обрушился в воду, притопив перепуганную птицу и подняв на крыло всех ее товарок. – Живая птица мне тоже не нужна!

– Почему же не нужна? – удивился Хавьер, наблюдая, как пёс тащит трепыхающуюся добычу к берегу. – Молодец, Ангел, неси ее сюда!

– Что ты будешь с ней делать? – не понял Чейз и вздрогнул, когда Лань забрал птицу и с хрустом одним выверенным движением свернул ей шею.

Примечание к части

Написано в качестве подарка на день рождения себе любимой.

Экстра 1 Чатэм

Карета с гербом

Чейзу следовало заподозрить неладное, когда Хавьер заехал за ним не на обычном кэбе, а в карете, принадлежащей, судя по гербу с облаками, семье Ланей. Однако он начал задавать вопросы, лишь когда почувствовал, что поездка затянулась. Стоило отметить, что такой рассеянности немало поспособствовали страстные поцелуи и объятья. В последний месяц, если не два, они виделись до безобразия редко.

– С новой работой ты совершенно разучился расслабляться, Чейз, – заметил Хавьер, руку которого бывшему полицейскому пришлось вытащить из своих штанов, чтобы хоть немного настроить их обоих на серьезный разговор. – Разве не ты говорил, что все утряслось и…

– Вовсе нет, – немного невпопад возразил Цзян. – Утром после пробежки я играл с Ангелом.

Лань совершенно не выглядел впечатленным. Тогда бывший полицейский попробовал привести более убедительный пример, но не смог припомнить хоть что-то. Может быть – но только отчасти! – Лань и был прав, однако доставлять любовнику удовольствие, соглашаясь с ним, Чейз не собирался.

– Благодаря сотрудничеству Чаттеров мы почти взяли Циклопа, – сказал он и тут же почувствовал упрек во взгляде Хавьера или это была только игра теней? Окна были наполовину задернуты, и сейчас отсутствие мелькающего света газовых фонарей ощущалось особенно остро. – Поэтому я решил еще раз перетряхнуть все дела отца.

Он не стал говорить, что одной из причин для этого послужил бывший Карп. Кое-кому не давала покоя картинная галерея, понемногу исцелявшая гнойный нарыв на карте Лондона. А закрытые мероприятия, случавшиеся там два-три раза в месяц, пока лишь подстегивали тех, кто желал «вернуть старые деньки». Приходилось усиливать охрану для каждой выставки.

– Я думал, ты решил оставить службу, – резонно заметил Хавьер. – Не так уж это и просто, да?

Чейз заерзал. Возразить было нечего. Лань легко докопается, что Цзян сам настоял, чтобы Жэнни привлекла его в качестве консультанта и познакомила с этим новым инспектором с натурой редкостной паршивости. Ян Сюрэй из графства Суррэй. А самое неприятное – суперинтендант приказала не мудить Чейзу, хотя ясно же, что новичок первый начал! И назвать его крысоловом Чейз считал не оскорблением, а констатацией факта, потому что его мерзкая шавка с отвратительно напыщенной кличкой своей вытянутой мордой и привычкой нападать исподтишка действительно напоминала крысу. И эта тварь понимала команды только на немецком!

– Сегодня я провожал во Францию одного старого друга, и он был так мил, что передал мне ключи от своего дома в Чатэме, – пришлось отдернуть штору, чтобы полюбоваться выражением гордости на лице любовника.

– Вам будто мало целого особняка, – упрекнул его Чейз, хотя изначально и не хотел напоминать о том, что близнец Хавьера уехал со своим художником в романтическое путешествие. Тут пейзаж за окном заставил его встревожиться: – Куда мы едем, Хавьер?

– Мы скоро будем на месте, вот увидишь, – тон Ланя ему сразу же не понравился. Определенно, Хавьер хотел отправиться не на загородную прогулку… – Кстати, ты любишь качаться на качелях?

– Лань, блядь! – воскликнул Чейз, зная любовь Хавьера ко всяким заковыристым подвесным конструкциям. – Я никуда с Вами не поеду!

Он не узнавал Хавьера… Вернее, отлично узнавал Ланя, и ему это совсем не нравилось. И этот опасный блеск глаз, да что на него нашло?! Чейзу стало не по себе от мысли, что он рискует обзавестись такими же шрамами, как у любовника. Парные округлые следы, оставленные стальными крюками. За одно это Цзян убил бы Мэйсона ещё столько раз, сколько понадобится, чтобы стёрлась сама память об этом выродке.

– Значит, я зря попросил мистера и мадам Цзян присмотреть за Тони и Ангелом? – притворно огорчился Лань, похоже, собираясь подняться со своего места. – Хотя Ангела можно было и взять с собой. Ему точно понравилась бы поездка.

Цзян уловил упрек в свою сторону. Они не виделись черт знает сколько, а он вместо того, чтобы наслаждаться присутствием Хавьера, снова недоволен.

Как раз в тот момент, когда он подался вперед, их слегка тряхнуло. Впрочем, не исключено, что фабрикант с самого начала задумал оказаться у него на коленях. Чейз забыл обо всем, когда тот властно запрокинул ему голову и поцеловал.

– Хавьер, – простонал он в губы любовника. – Ты невозможен…

– Мы непростительно редко трахались весь последний месяц, – выдохнул Лань, наверняка почувствовав, что Чейза пробрала дрожь от того, как откровенно он говорил об их общих желаниях. – Надо это исправить!

Ну и что он мог на это возразить? Пришлось промолчать в знак несогласия, к тому же рот у него был занят сейчас другим, а голова постепенно заполнялась мыслями о том, что до Чатэма еще больше двух часов езды и за это время он, черт подери, выебет Ланя прямо в этой карете. Справедливая компенсация за все те лекции, которые Хавьер ему устраивал в последнее время. Он не мог отрицать, что такой метод обучения премудростям бизнеса был эффективен. Пожалуй, запоминался даже лучше, чем наставления родителей, но что за идиотская манера вести долгие разговоры за минетом, растягивая удовольствие до безобразия?!

Чейз предпочитал не думать о том, что с такими тренировками не только разобрался в тонкостях управления семейным делом, но и научился сосать как заправская блядь. Он вообще ни о чем не думал, расстегивая пиджак фабриканта, затем жилет и рубашку со ссаным миллионом маленьких перламутровых пуговиц.

Захотелось посмотреть, как они сочетаются с холодным серо-хрустальным цветом глаз Хавьера, однако в окно проникало слишком мало света и, даже привыкнув к полумраку, было не разглядеть таких нюансов. Только неприкрытое вожделение, отразившееся на лице фабриканта.

Он потянулся, чтобы заплести волосы, однако Чейз остановил его. Хавьер сам не осознавал, как великолепно выглядит в такие

моменты. Зацелованный, в сползающей с одного плеча рубашке, в наполовину снятых штанах и потерявшем свою пару ботинке. Небрежно растрепанная темная шевелюра, в которой Чейз с неудовольствием заметил несколько седых прядок, прекрасно дополняла образ.

– А тут довольно просторно для ебаной колесницы, – заметил Чейз, оценив то, как им удалось разместиться.

– Чего-то не хватает, – Хавьер сунул ему пузырек. Помнится, доктор Джеймсон разливал в такие свои микстуры. – Например, пары твоих пальцев для начала.

Чейз тихо фыркнул. С каких пор и, главное, от кого, Хавьер скрывался? Он привычно выдернул тугую пробку зубами. Аромат черной мяты стал для него приятной неожиданностью. Хавьер между тем уже начинал терять терпение.

– Легче, Лань, – попытался осадить его Чейз, когда тот насадился на его пальцы. – Разве это не должно охладить Ваш пыл?

– Не терпится попробовать? – угадал Хавьер. – Это продлит удовольствие.

Чейзу и правда хотелось оказаться в нем, ворваться, надавить на бедра, насаживая до упора. Он не имел ничего против того, чтобы сделать это горячо, быстро и бурно, а потом покурить и повторить более обстоятельно. Медлил Цзян только потому, что не хотел, чтобы с непривычки любовнику было больно. Он чувствовал, как Хавьер сжал его пальцы, когда карету тряхнуло.

Масло холодило пальцы и на контрасте с обжигающим жаром тела Хавьера это заводило ещё сильнее. Настолько, что он не сумел как следует подготовить любовника, которого, похоже, не заботила легкая боль и теснота. Даже наоборот, это лишь подзадорило его.

Сначала Цзян не почувствовал ничего особенного, кроме необходимости посильнее стиснуть Хавьера, давая им обоим время приспособиться друг к другу. А потом… Он нахмурился – легкий холодок вызывал противоречивые ощущения.

– Как тебе? – горячо выдохнул в ухо Хавьер, вызвав небольшой озноб.

Мужчина промычал что-то неопределенное. Он и сам не знал, как это. Необычно. Он ожидал испытать что-то вроде онемения, однако эта штука скорее слегка покалывала, сбивая с толку. От этого он даже ярче ощущал малейшее движение.

– М-м? – вопросительно протянул Лань.

– Нужно было остановиться на обочине, – он слегка ослабил хватку и фабрикант воспользовался этим, чтобы приподняться, почти соскользнув с члена.

В этот раз пробрало до мурашек. Эта штука и правда здорово освежала. Хавьер тихонько хихикнул, должно быть, разглядев, какое у него было глупое лицо в этот момент. Чейз мстительно стиснул его бедра, снова втискиваясь туда, где можно было немного погреться.

– И нанять глухого кучера, – добавил он.

Примечание к части

Конец первой части
https://pin.it/4MZ1diz собака СЯ

Часть 2

Дверь, окованная медью

Лань не переставлял удивлять. По нему было практически невозможно догадаться, что недавно этот человек самозабвенно скакал на члене Чейза. Если бы не запах, все еще витающий в карете и несомненно прилипший к их одежде и волосам, Чейз мог решить, что все произошедшее было мимолетной грезой. Незабываемое сочетание: черная мята, табак и секс.

– Что-то не похоже на притон, – заметил Цзян, когда они остановились у высоких кованых ворот с парой поперечных завитушек.

– А ты бы хотел? – Лань пытливо посмотрел на него. – Надо было сразу сказать, Чейз. Ты же знаешь, я готов исполнить любое твое желание.

Он открыл дверцу и с неожиданной легкостью спрыгнул на землю. Похоже, их небольшая разминка пошла ему только на пользу, а вот Цзян чувствовал себя несколько задеревеневшим. Впрочем, ничего нового. Так бывало всякий раз, как приходилось провести много времени в дороге.

– Разворачивай! – рявкнул Цзян, разглядев табличку справа от ворот. – Лань, вернитесь в карету.

– Мы же только приехали, – возразил тот, недоумевая, что на него нашло.

– Этот Ваш друг, – попытался втолковать ему Цзян. – Это же, мать его, Сайкс!

– Точно, – он еще и обрадовался! – Так ты знаком с Сэмюэлем?

Ему пришлось последовать за Ланем, однако дальнейшие свои действия он не продумал. Без полицейских затащить Хавьера обратно в карету не выйдет. Не стоит и пробовать. Тогда… попытаться увещевать?

– Он домовладелец, и… и! – этот человек сотрудничал с его матерью, страшно было подумать, что он доложит, чем Хавьер собирался тут с ним заниматься! – Лань, это самая дурацкая Ваша затея! Поверить не могу, что Вы притащили меня к Сайксу!

– Чейз, похоже, ты не так уж и хорошо знаешь Сэмюэля, – судя по мягкому упреку в голосе, Лань не воспринимал его слова всерьез. – Пойдем, нас ждет легкий ужин на свежем воздухе.

Это действительно звучало неплохо. Чейз сдался, когда Хавьер взял его за руку и пощекотал пальцами основание ладони. Все было каким-то чистеньким и упорядоченным. Ровные, будто вычерченные по линейке дорожки, такая же изгородь, старательно подстриженная садовником. Каждое дерево как будто на своем месте, красиво, конечно, но уж очень неестественно.

Фабрикант безошибочно нашел в глубине сада качели. Да-да, самые обычные качели! Наверное, он зря подозревал Хавьера в каких-то извращениях. С монументального каркаса на блестящих цепочках свисал целый диван с мягкими подушечками-думками и свернутыми в рулоны теплыми шерстяными пледами. Их ждали. Если бы все это оставили здесь на несколько часов, ткань успела бы отсыреть.

Лань принялся хозяйничать на сервировочном столике с колесиками. Немногочисленные блюда были накрыты колпаками. Прекрасный фарфор! Белоснежный, узорный. Умелец наносил рисунок не кистью, а как бы играя с толщиной. Волны, капли, точки и ямки складывались в диковинные соцветия. Лань почти на четверть наполнил два хрустальных бокала с четкими, почти острыми гранями золотистой жидкостью из графина, напоминающего своей формой морского ежа. Один взял сам, второй – подал Чейзу.

Чейз узнал напиток, еще даже не пригубив. Тот самый бурбон, который он однажды пил с Ланем… Помнится, тогда тот облизывался не менее провокационно. Чейз поцеловал любовника. Это вышло как-то само собой, рефлекторно. Знакомый вкус как-то по-особому раскрывался на теплых губах и языке.

– Я, кажется, не распробовал, – он поднес свой стакан к лицу Хавьера, и тот послушно пригубил напиток.

Судя по мечтательному выражению, Лань тоже вспоминал тот раз. Цзян даже передумал извиняться за и так уже почти позабытую сцену. Целоваться, иногда лениво покачивая качели, было восхитительно. Давно нужно было взять перерыв, чтобы вот так вдвоем таскать легкие аппетитные закуски и говорить о ничего не значащих вещах. Вполголоса, чтобы не перебивать распевающуюся ночную пташку, облюбовавшую одно из деревьев.

– Откуда ты знаешь Сэмюэля Сайкса? – спросил он, когда Хавьер съел из его рук маленькую тарталетку с мягким сыром и ломтиком ветчины, уложенным в форме розочки. – Мать почему-то вела его дела пару лет назад…

– Почему-то? – удивленно вскинул бровь Лань, это наводило на мысль, что история как-то связана с делом Мэйсона, которое Чейз изучил вдоль и поперек.

Оказалось, речь шла о крупном пожаре, печально известном на весь Лондон. Так и не удалось точно подсчитать, сколько людей сгорело заживо или задохнулось в дыму. Когда его близкий друг оказался отрезан пламенем от пути к спасению, Сэмюэль Сайкс бросился в охваченное огнем здание, которое недавно вынужден был продать из-за убытков. Каким-то чудом бывший домовладелец не только вынес пострадавшего из бушующего ада, но и вывел за собой небольшую группу людей.

– Все думали, Сэмюэль проведет остаток жизни в кромешной темноте, – закончил свой рассказ Лань.

– Я не знал, – ему стало даже немного совестно. – И здесь этот галимый Циклоп затесался! Сам полуслепой, так и других за собой потянуть хочет…

Уместнее было бы обрадоваться за прозревшего героя, чем злиться, но Чейз ничего не мог с собой поделать. Его бесило то, что Лань был со всех сторон прав, когда напоминал, что теперь это уже не его дело. Оно стало личным из-за подонка Мэйсона, прогнувшегося под Циклопа.

Теперь Чейз и сам чувствовал, что выбрал неподходящий момент для того, чтобы думать об этой шайке ублюдочных контрабандистов. Он слишком хорошо понимал, что еще одно свидетельство против Циклопа ничего не изменит. Даже если главаря повесят, где-нибудь в выгребной яме ему обязательно найдется подходящая замена, как это случилось с сопливым Джо, недобрая ему память.

– Чейз, мы приехали сюда, чтобы ненадолго забыть о делах, помнишь? – Лань плеснул ему еще немного бурбона и придвинулся ближе, приятно прижавшись к бедру и боку. – Выпей еще немного и перейдем к десерту.

Чейз не удивился бы, достань Хавьер его любимые эклеры прямо из воздуха, но крепкий алкоголь не слишком сочетался со сладким. Даже с кофе Чейз бы еще подумал, если бы его пустили похозяйничать на кухне. Все дело в том, что чёртов крысолов постоянно лопал сладкое. Стоило Чейзу на него посмотреть, как инспектор тут же закидывал в рот очередную конфету. И как ещё зубы не выплюнул? Впрочем, зубы у него были как раз на зависть, что он охотно и демонстрировал, то и дело оскаливаясь в улыбке. То ли дело было в хищности лица, то ли в выпиравших, отчетливо острых клыках, но другого слова было не подобрать!

Чтобы отвлечься, он действительно выпил еще глоток бурбона и лениво потянулся к Ланю за поцелуем. Все-таки он был прав. Выкинуть к чертовой матери обе работы из головы и позволить Хавьеру побыть у руля – это именно то, что нужно.

– Я так и не ответил на твой вопрос, – произнес тот ему в губы и промычал что-то еще, не совсем разборчиво.

Чейз изобразил внимание и сделал вид, будто прекрасно помнит, о чем говорит Лань. Не верилось, чтобы он так быстро потерял хватку. Пришлось напрячь мозги. И точно! Недавно он хотел узнать о том, как началось их с Сэмюэлем знакомство.

– Так вышло, что я проконсультировал его по нескольким вопросам довольно… личного характера, – создавалось впечатление, что Хавьер весьма тщательно выбрал формулировку. Чейз насторожился и отставил бокал. – Потом я помогал обставить одну из комнат в доме и даже продал ему дверь.

– Дверь, – с сомнением повторил Чейз, не припоминая такого направления в обширном бизнесе Ланей.

– Да, очень старую дверь, – Хавьер положил руку ему на бедро, медленно поглаживая. Или усыпляя бдительность? – Ее приобрел дядюшка еще лет тридцать назад, для библиотеки, и только потом понял, что будет вынужден пригибаться, переступая порог. Хочешь взглянуть?

Чейз понятия не имел, с чего вдруг Хавьер решил, что какая-то старая, пусть даже старинная, дверь его непременно заинтересует. Может, на ней со стародавних времен сохранились следы жестокого убийства или что-то в этом же роде? Милая вещица для библиотеки, ничего не скажешь.

Чейз опомниться не успел, а Хавьер уже вел его в дом. И не куда-нибудь, а в подвал. За стенной панелью скрывался узкий спуск вниз, более всего напоминающий колодец. Протискиваться по нему почти без света было крайне неприятно. Плечи почти касались шершавых холодных стен, под ногами были стоптанные каменные ступени в количестве около двух десятков. Атмосферу мрачного средневекового замка выгодно дополняла массивная дверь, окованная широкими полосами меди.

Когда Лань попросил огоньку, Чейз даже не сразу понял, зачем это нужно. Конечно же, такое место следовало осветить факелом. В свете, которое давало пламя, стали видны оспины, оставленными ржавчиной. Слоистый дуб казался местами закопченным, как после пожара, и нес на себе несколько довольно глубоких ран. Такому старику не грех и поклониться! С тяжким скрежетом дверь отворилась.

– Ебать твою качель… – только и смог произнести Чейз.

Примечание к части

Конец второй части
https://pin.it/oH5NT9H
https://pin.it/60dKcUo

Часть 3

Качели и ленты

Огонь высветил птичью клетку, только огромную, занимающую пространство от пола до самого потолка. В ней на внушительных цепях свешивался широкий деревянный насест, способный выдержать и небольшого дракона, если бы те существовали. Когда Лань шагнул внутрь, не забыв пригнуться в дверном проеме, огонь явил взгляду остолбеневшего Чейза мрачную пыточную камеру с жутковатыми приспособлениями непонятного назначения. Однако больше всего пугало то, что Лань чувствовал себя здесь как рыба в воде…

Как какой-нибудь драный карп в мутном пруду. Даже когда это заведение перестало существовать, выковырять его из головы Хавьера никак не получалось. Чейз с трудом подавил недостойный порыв развернуться и сбежать, пока Лань не закрепил факел в массивном кольце в форме лаврового венка на стене.

Чейз увидел еще несколько колец рядом с первым. И на разной высоте их расположили далеко не ради выгодного освещения. Цзян готов был поклясться, что разглядел на металле царапины, оставленные цепями. И настоящие колодки на противоположной стене. Однако мороз по коже у него пробежал от взгляда Ланя. Сейчас этот удав прикажет ему войти, и Чейз подчинится.

– Что за человек этот Сайкс? – севшим голосом спросил Цзян.

– Совсем не такой, каким был… – Хавьер не закончил, и Чейз понимал, почему он не хочет произносить имя бывшего любовника, который его искалечил. – Сэмюэль скорее эстет или своего рода художник.

Ещё один живописец на его голову! Причем, судя по комнате, гораздо более ебанутый, нежели Зик. Тот внезапно показался бывшему детективу сущим ангелом. Ну, подумаешь, болтает без умолку и таскает везде за собой жирную мохнатую сардельку. Он хотя бы пишет нормальные картины! Что, как и чем предпочитал рисовать Сайкс, представлять не хотелось…

– Я пару раз принимал участие в его представлениях, – признался Лань, подойдя, чтобы взять его за руку.

Чейз отстранился. Всего на секунду он подумал, что Сайкс мог быть еще одним любовником Хавьера. Тогда какого же хрена лысого он так спокойно рассказывал сейчас об этом?

– Вас послушать, Лань, так Вас окружают сплошь творческие люди. Один вообще возомнил себя Пигмалионом! – Цзян осекся, но поздно. Было почти физически больно нарваться на проницательный взгляд серых глаз.

– Да ты ревнуешь, Чейз? – Хавьер вдруг улыбнулся. – Хочешь, я покажу тебе, что делали мы с Сэмюэлем? Только учти, я тогда был полностью одет. Тебя же…

Плотоядный взгляд почти ощутимо скользнул по груди и животу к паху. Сейчас одежда на нем была в полном порядке, но Цзян уже понял, что это – ненадолго. Сразу сделалось зябко, хотя он не мог бы сказать, что в подвале так уж холодно. Пожалуй, в саду было даже посвежее.

– …я попрошу раздеться, – продолжал Лань, неуютно растягивая паузы. – Одежда сковывает.

Чейз сдержал слова, вкус которых уже ощущал на языке: «Как будто это имеет какое-то значение, если Вы, долбаный Вы паук, собираетесь связать меня!» И почему он всегда шел на поводу у Ланя?.. Как кобра, зачарованная флейтой заклинателя, или крыса, следующая за дудкой Гаммельнского крысолова. От одной мысли о крысах и новом инспекторе он сморщился, как от лимона, и тряхнул головой, выражая негодование.

Цзян даже не знал, о чем думать противнее: о нем, о его крысе или о своем собственном извращенном любопытстве. Пришлось признать, он правда хотел узнать, как чувствовал себя Лань, когда был на его месте. И только поэтому позволил Хавьеру сомкнуть пальцы на своем запястье, поэтому пригнул голову в дверях и вошел в камеру пыток.

Лань закрыл дверь и задвинул тяжелый засов. Теперь Чейз видел всю комнату. Плети, развешанные на стене справа от камина, в котором на подернутых пеплом углях еще можно было заметить красноватые прожилки, и стол с разными извращенными приспособлениями слева. Стол… это был не стол, а средневековая дыба! И станок, на который он зло швырнул пиджак, тоже служил для подобных целей.

– Где же они… – пробормотал Хавьер, тоже обводя помещение взглядом. И пояснил. – Я попросил Сэмюэля купить ленты – веревка оставляет больше следов.

Чейз указал взглядом на каминную полку. Ленты были там. Пурпурно-фиолетовые и красные. Точно клубки опасных змей. Почему-то при их виде он успокоился. Настолько, что без возражений забрал их с полки и подошёл к Хавьеру, увлеченно возившемуся с цепями, крепившими деревянный насест в «птичьей клетке».

– Я об этом пожалею, – пробормотал он, когда Лань набросил широкую фиолетовую полосу ему на шею, будто собирался повязать галстук.

Цзян позволил расстегнуть рубашку, но когда Лань потянулся к ремню, остановил его руки. Если Хавьер не раздевался, он сможет отстоять свое право хотя бы на штаны. Не хотелось, чтобы он сейчас задавал вопросы…

– Что-то не так? – Лань легко высвободился, опустился на колени, ведя ладонями по бедрам.

Такой малости хватило, чтобы в штанах стало ощутимо тесно. Ну как можно выглядеть настолько сногсшибательно? Фабрикант явно вознамерился свести его с ума нежными прикосновениями.

– Не тут, – он уклонился от руки, прежде чем Лань дотронулся до больного места с внешней стороны левой ноги на пару дюймов ниже колена.

Хавьер поймал его за штанину и переставил ногу себе на бедро. Аккуратно стянул ботинок, затем носок. Закатал штанину. Вечно он делал все по-своему… С другой стороны, бережные прикосновения прохладных пальцев к воспаленной коже приносили облегчение. Как всегда. Хавьер не ограничился простым поглаживанием, лизнув свежую отметину, словно собака.

– Пустяки, – выговорил Чейз, смущенный тем, что не проверил за креслом, хотя подозревал, что может попасть в засаду. – Крыса не смогла как следует вцепиться, досадно только, что вырвала кусок штанов.

Лань вопросительно поднял бровь, но ему действительно не хотелось вдаваться в подробности своих отношений с инспектором, занявшим его место, и признаваться, как трудно смириться с ценами на сшитую по его меркам одежду, которая так нравится любовнику. Одна испорченная вещь стоила дороже немецкого пинчера и его перевозки с его собачьей родины вместе взятых.

– Брюки будет лучше оставить, – решил Лань, когда Чейз поднял его на ноги. Не было сил смотреть и ничего не предпринимать! – Я буду осторожен, чтобы не потревожить раны. Где-нибудь еще?

Он покачал головой и только тогда Хавьер потянул его, как за поводок, за ленту, все еще перекинутую за шею. Кажется, из-за какого-то пустякового укуса он был готов отменить все, что бы там ни задумал. Но Чейз уже все для себя решил. Он позволит Ланю, черт бы его побрал, связать его. Снова.

Это было… странно. Подчиняться, чувствовать спокойные уверенные прикосновения и скольжение лент. Теперь уже Цзян стоял на коленях в клетке, а Хавьер виток за витком выплетал свой незамысловатый рисунок, иногда отходя, чтобы полюбоваться, или что-то поправляя. Цзян заподозрил неладное, когда любовник, крепко придерживая его за плечо, начал вращать какой-то механизм. Небольшая неприметная ручка находилась в задней части клетки. Где-то пришли в движение невидимые шестерни, заскрипел ворот, залязгали цепи. Цзян почувствовал, как неумолимая сила натягивает ленты, которые Хавьер соединил с той перекладиной на цепях.

– Какого?! – начал Чейз, почти падая лицом в пол.

Однако ничего особенного не произошло. Лань подстраховал его в последний момент, а потом он уже повис на лентах. Как и говорил Хавьер, они особо не впивались, стало даже немного удобнее. Он с опаской повертел головой, привыкая к изменившемуся положению в пространстве и переводя дыхание.

– Вы меня подвесили! – он напряг связанные за спиной руки, выворачиваясь, чтобы взглянуть на бессовестного фабриканта. – Лань!

– А для чего еще, по-твоему, нужна эта перекладина? – невинно уточнил Хавьер, проверяя, достаточно ли ему удобно, и заодно слегка раскачивая. – Хочешь пить?

– Нет, – все еще сердито ответил он, подозревая к тому же, что пить в таком положении довольно затруднительно, хотя ленты, пересекающие грудь и живот, не так уж и сдавливали.

– Я все-таки принесу воды, – решил фабрикант и качнул сильнее.

Он вышел из клетки, прикрыв за собой дверцу «птичьей клетки», и направился к выходу. По-настоящему Чейз задергался, когда фабрикант снял со стены факел. Ему не улыбалось остаться в полной темноте.

– Лань! – рявкнул он. – Вернитесь немедленно!

Однако фабрикант уже скрылся на лестнице. Мир погрузился в кромешный мрак, не считая едва уловимое мерцание в камине. Чейз все еще слегка раскачивался, когда затихли его шаги. Он низко опустил голову и выругался. Хотелось орать так, чтобы самому оглохнуть, но надсаживать глотку в этом каменном мешке не имело никакого смысла.

Как же тихо… Он мог слышать, как колотится собственное сердце. И при этом сверху не долетало ни звука. Из камина раздался слабый вздох ветра. Что-то щелкнуло. Не будь Чейз инспектором Скотланд-Ярда, пусть и бывшим, решил бы, что этот дом населен привидениями. Однако он точно знал, что находится в камере совершенно один.

Ведь один же? Мысли в голове то роились как мухи, то сменялись ватной пустотой. Зависнув в пространстве, он сразу же потерял счет времени. Сколько он так провисел? Пять минут, десять, полчаса? Как скоро отнимутся руки?

Снова какой-то звук. Что-то скрипнуло. Должно быть, старая дядюшкина дверь от сквозняка… Он заозирался, ища, за что зацепиться взглядом и… не находя. Глаза отказывались привыкать к такой темноте. Приходилось чаще моргать, чтобы понимать, открыты они или нет.

Снова шорох. Могли в доме водиться крысы? И если да, то мог ли их заинтересовать здоровый кусок свежего мяса? И как скоро они до него доберутся? У Чейза возникло стойкое ощущение, что он здесь не один. Иррациональное. Ничем не подтверждающееся. Аж мороз по коже. В какой-то момент он был готов поклясться, что слышал дыхание, помимо своего собственного.

Еще несколько минут и ему уже приходилось уговаривать себя, что с ним рядом никого нет. Что за глупости? Привидений не существует! И когда он уже был готов рассмеяться над собственной внезапной мнительностью, его снова качнуло. Сердце ухнуло куда-то в желудок, помешав заорать в голос.

– Лань, Вы больной иллюзионист-затейник! – взорвался Чейз, а тот со смешком подтолкнул его, сильнее раскачивая.

Чейз уронил голову, обвиснув на удерживающих его лентах и борясь с желанием застонать. Он все это время был здесь! Должно быть, поднялся по ступеням, разулся, чтобы приглушить шаги, погасил факел и вернулся назад тем же путем, злорадно наблюдая, как он тут хоронит себя заживо. Но хуже всего было то, что эта шоковая терапия действительно сработала. Напряжение последнего месяца ушло, сменившись каким-то другим, трудно определимым, ощущением, медленно расползающимся от позвоночника по всему телу.

– Для начала совсем неплохо, Чейз, – раздался в темноте голос Ланя. – Пожалуй, в следующий раз я смогу оставить тебя больше чем на четверть часа.

– Никакого следующего раза не будет! – отрезал Цзян, боясь, что фабрикант услышит, как от этого предложения у него зачастило сердце.

– Мы только начали, – ему не нужно было видеть лицо Хавьера, чтобы представить его многообещающую улыбку. И невольно улыбнуться в ответ. Темнота была их союзником.

Примечание к части

Конец первой экстры
https://pin.it/T2uyAqm
https://pin.it/2bMG8CU
https://pin.it/OEmPoH9
https://pin.it/5x5aXqB